118 02/10

T.l.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

и

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ

ВЪ РОССІИ И ДРУГИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Князя А. Васильчикова.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
422446

(254)

422446

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

СТР.

Введеніе I

ГЛАВА I. — Эмиграція. — Эмиграція есть признакъ глубокаго соціальнаго разстройства. — Она происходитъ отъ неравномѣрнаго размѣщенія жителей и недвижимыхъ имуществъ.— Сильнѣйшая эмиграція въ Англіи и Германіи. — Между народами латинской расы она слабѣе. — Различный характеръ эмиграціи въ Англіи и въ Германіи. — Вліяніе милитаризма на переселенія въ германской имперіи; переселенія изъ Англіи и Ирландіи начинаются въ XVIII столѣтіи.—Усиливаются съ 1815 года. — Движеніе эмиграціи въ продолженіи XIX столѣтія. — Эмиграціонное движеніе въ Германіи. — Противодѣйствіе германскихъ правительствъ. — Сильнѣйшія переселенія въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ преобладало до новѣйшихъ временъ феодальное помѣстное право.—Изъ какихъ классовъ народа выходятъ эмигранты.—Расходы переселенія.—Суммы имущества, вывозимаго эмигрантами.—Сбереженія переселенцевъ и суммы, высылаемыя ими обратно изъ Америки въ Европу. — Главныя причины, вліяющія на эмиграцію. — Тайные выходцы (heimliche Auswanderer) въ Германіи.— Главныя черты эмиграціоннаго движенія въ новѣйшее время. — Эмиграція усиливается отъ постепеннаго обезземеленья крестьянскаго сословія и отъ вздорожанія цѣнъ на земельныя имущества. 1

ГЛАВА II. — Землевладѣніе во Франціи.—Франція обыкновенно признается страной демократическаго землевладѣнія.—Число собственниковъ.—Разряды крестьянъ-собственниковъ. — Число домохозяевъ, избавленныхъ отъ налога по имуществу. — Причины раздробленія имуществъ. — Конфис-

стр.

кація имуществъ во время революціи. — Пререканія о преимуществѣ крупной и мелкой культуры. — Переходы владѣнія (mutations de la propriété foncière). — Общинныя имущества (biens communaux). — Двоякое значеніе общиннаго владѣнія во Франціи. — Заключенія о землевладѣніи во Франціи: отношеніе числа собственниковъ къ размѣру ихъ владѣнія.—Крайняя мелкопомѣстность.—Вліяніе революціи на землевладѣніе. — Половничество (métayage). — Положеніе крупнаго и средняго класса владѣльцевъ. — Средній разрядъ собственниковъ преобладаетъ во Франціи. — Общее заключеніе объ аграрномъ положеніи Франціи; крестьяне-бобыли; землевладѣніе въ рукахъ средняго сословія, буржуазіи. — Вліяніе свободо-дѣлимости поземельной собственности (mobilisation du sol) на благосостояніе жителей. 47

ГЛАВА III. — Землевладѣніе въ Англіи. — Англія въ аграрномъ отношеніи противополагается Франціи. — Первобытный строй англійскаго общества. — Помѣстное сословіе въ XI столѣтіи; Domesdaybook; упраздненіе крѣпостного состоянія. — Переходъ крестьянъ въ состоянія фермеровъ и чернорабочихъ. — Поглощеніе мелкихъ помѣстій крупными вотчинами; обезземеленіе крестьянъ. — Разверстаніе общихъ угодій, inclosure. — Заповѣдное владѣніе и единонаслѣдіе утвердилось въ Англіи не по закону, а по обычаю. — Настоящее положеніе землевладѣнія; собственники и фермеры. — Главныя условія фермерства въ Англіи; большая часть фермеровъ держатъ земли безъ всякихъ контрактовъ, tenants-at-will. — Особое положеніе землевладѣнія въ Шотландіи. — Крупныя и мелкія фермы. — Ирландія; аграрное ея положеніе заимствовано изъ Англіи.—Захватъ крестьянскихъ земель англійскими лордами, рядчики, middlemen. — Положеніе Ирландіи въ первой четверти настоящаго столѣтія; реформы и измѣненія во второй четверти; Олстерскій обычай. — Голодъ 1847 года, опустѣніе страны, улучшеніе быта ирландцевъ въ 60-хъ годахъ. — Поземельное положеніе 1872 года, Irishland-bill. — Значеніе этой реформы и важность ея для аграрнаго положенія всѣхъ европейскихъ странъ. — Главныя черты англійскаго землевладѣнія. — Мнѣнія новѣйшихъ англійскихъ экономистовъ о соціальномъ положеніи Англіи. — Общія заключенія о землевладѣніи въ Англіи. — Сельскій пролетаріатъ. . . 95

ГЛАВА IV. — Землевладѣніе въ Германіи.—Отдѣлъ 1.—Изслѣдованіе германскаго поземельнаго быта особенно важно для Россіи по вліянію его на западныя наши окраины.—Двѣ главныя формы землевладѣнія. — Господскій дворъ (Frohnhof), крестьянскій (Bauernhof). — Крестьянское владѣніе состояло

стр.

изъ трехъ частей: усадьбы, полевыхъ угодій, общинныхъ земель. — Вольные люди обращаются въ крѣпостную зависимость.—Крестьянство подраздѣляется на разряды. — Льготы, Imunitäten. — Вотчинное право (Grundherrlichkeit).—Научная разработка вотчиннаго права. — Упраздненіе крестьянскихъ дворовъ (Legung des Bauernhöfe). — Размежеваніе общинныхъ угодій. — Отмѣна крѣпостного права.—Крестьянская реформа продолжалась въ нѣмецкихъ земляхъ около 150 лѣтъ 177

ГЛАВА V. — Землевладѣніе въ Германіи.—Отдѣлъ 2.—Въ Пруссіи поземельныя отношенія еще понынѣ окончательно не опредѣлены.—Крестьянскія земли состоятъ въ родовомъ и заповѣдномъ владѣніи домохозяевъ; наслѣдованіе крестьянскихъ дворовъ по старшинству и младшинству.—Majorat, Minorat.—Пренія о свободо-дѣлимости подворныхъ участковъ, Mobilisation der Bauerngüter. — Прусскія законоположенія о крестьянахъ; реформы Штейна; колебанія и реакція.—Число помѣстій и крестьянскихъ участковъ.—Поземельный бытъ въ другихъ частяхъ Германіи.—Мекленбургское аграрное положеніе.—Отношеніе самостоятельныхъ домохозяевъ къ мелкопомѣстнымъ.—Главныя черты землевладѣнія въ Германіи, захватъ крестьянскихъ земель помѣстнымъ сословіемъ. — Церковныя имѣнія. — Окончательный исходъ крестьянскихъ реформъ въ нѣмецкихъ земляхъ 248

ГЛАВА VI. — Землевладѣніе въ Россіи. — Отдѣлъ 1. — Исторія землевладѣнія до закрѣпленія крестьянъ.—Шаткость права собственности въ Россіи. — Право заимки. — Землевладѣніе развивалось на Руси самобытно и независимо отъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣръ.—Значеніе словъ: „обыватель“ въ Россіи, „Occupier“ въ Англіи.—Княжескія вотчины. — Различіе между вотчиннымъ и помѣстнымъ владѣніемъ. — Бѣлыя и черныя земли. — Испомѣщеніе служилыхъ людей.—Первобытное положеніе крестьянъ на Руси.—Подворное и общинное владѣнія завелись одновременно.—Московскій періодъ, раскладка податей по сохамъ, обжамъ, вытямъ и дворамъ.—Право вольнаго перехода. — Времена Судебниковъ.—Общее положеніе русскаго крестьянства передъ закрѣпленіемъ.—Заселеніе дикихъ земель.—Ограниченія правъ частныхъ владѣльцевъ при Іоаннѣ IV.—Смутное положеніе землевладѣнія въ XVI столѣтіи. . . 296

ГЛАВА VII. — Землевладѣніе въ Россіи.—Отдѣлъ 2.—Періодъ закрѣпленія.—Крѣпостное право установилось въ Россіи медленно и постепенно. — Верстаніе помѣстьями.—Прожиточныя по-

стр.

мѣстья.—Помѣстное владѣніе было такое же, какъ крестьянское тягловое.—Самоволіе помѣщиковъ. Нѣтчики.—Мѣры Петра для удержанія дворянъ на службѣ.—Указъ 1714 года о единонаслѣдіи.—Постепенное усиленіе крѣпостной власти и уклоненія отъ нея.—Въ теченіи XVI столѣтія переходы крестьянъ хотя и запрещаются, но продолжаются.—Запрещеніе переходовъ касалось не всѣхъ крестьянъ, а только тягловыхъ, пашенныхъ. — Жалобы мелкопомѣстныхъ дворянъ на сильныхъ людей.—Утайка дворовъ для избѣжанія повинностей.—Поимка и возвращеніе бѣглыхъ крестьянъ. — Разгульный бытъ крестьянъ продолжается до Петра I.—Общій очеркъ сельскаго быта въ концѣ XVII столѣтія.—Бродяжничество крестьянъ, укрывательство помѣщиковъ, пристанодержательство монастырей.—Первый актъ закрѣпленія людей безъ земли въ 1675 году бояриномъ Матвѣевымъ.—Коренныя правила крестьянскаго быта въ XVII столѣтіи.—Указы Петра Великаго о ревизіи.—Преслѣдованіе гулящихъ людей.—Значеніе мѣропріятій Петра Великаго. 355

ГЛАВА VIII. — Землевладѣніе въ Россіи. — Отдѣлъ 3. — Отъ смерти Петра Великаго до положенія о крестьянахъ 1861 года. Постепенное закрѣпленіе крестьянъ въ XVIII стол.—Шаткое положеніе частнаго землевладѣнія. — Монастырскія и церковныя вотчины.—Увольненіе дворянства отъ службы. — Бѣгство и бродяжничество крестьянъ. — Крестьянскія возстанія въ первой половинѣ XVIII стол.—Запрещеніе подавать жалобы на господъ по указу 1767 г. — Вліяніе временщиковъ и царскихъ любимцевъ на укрѣпленіе крестьянъ. — Пожалованія имѣній при Елисаветѣ, Екатеринѣ, Павлѣ. — Раздача имѣній въ Малороссіи. — Общія заключенія: a) Полное крѣпостное право утвердилось въ Россіи только во второй половинѣ XVIII стол. b) Право полной преемственной собственности тоже установилось не ранѣе XVIII стол. c) Правительство имѣло въ Россіи очень мало вліянія на устройство поземельныхъ отношеній.—Русская аристократія образовалась изъ придворнаго дворянства.—Люди случайные.—Проекты крестьянской реформы въ царствованіе Александра и Николая.—Положеніе крестьянъ передъ ихъ освобожденіемъ. — Число и разряды помѣщиковъ 421

ГЛАВА IX. — Землевладѣніе въ Россіи. — Настоящее положеніе землевладѣнія въ Россіи. — Число землевладѣльцевъ, разряды ихъ. — Общее число крупныхъ владѣльцевъ. — Городскія поселенія; число землевладѣльцевъ; пространство городскихъ общественныхъ земель.—Крестьянскія земли; надѣлъ

стр.

крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ.— Земли казацкія и колонистовъ. — Отношеніе числа частныхъ владѣльцевъ къ крестьянскимъ дворамъ.—Пропорція ихъ владѣній.—Распродажа помѣщичьихъ земель.— Значительныя покупки господскихъ земель крестьянами. — Продажа отрѣзныхъ земель въ сѣверной полосѣ. — Стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію собственности.— Упадокъ крупнаго землевладѣнія. — Возвышеніе цѣнности земель. — Арендованіе земель въ сѣверной полосѣ, — въ восточной, — въ черноземной, — въ Литвѣ, — въ остзейскомъ краѣ. — Отношеніе помѣщичьяго владѣнія къ крестьянскому въ разныхъ полосахъ имперіи. — Слабость помѣщичьяго элемента въ великороссійскихъ губерніяхъ.— Зарожденіе сельскаго пролетаріата. — Вліяніе податной системы на хозяйственный бытъ. — Переходъ поземельной собственности отъ частныхъ владѣльцевъ, дворянъ, къ крестьянамъ и разночинцамъ. 489

ВВЕДЕНІЕ.

Предметъ этого сочиненія есть изслѣдованіе тѣхъ хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній, которыя проистекаютъ изъ землевладѣнія и земледѣлія и обыкновенно подразумѣваются подъ общимъ наименованіемъ—аграрнаго вопроса, или аграрныхъ законовъ.—Мы различаемъ въ этомъ вопросѣ двѣ главнѣйшія его стороны: a) состояніе земли и ея культуры, порядки владѣнія и пользованія, и b) положеніе народа, водвореннаго на этихъ земляхъ и ихъ воздѣлывающаго. Мы принимаемъ этотъ предметъ въ этомъ двоякомъ значеніи потому, что считаемъ эти два отношенія важнѣйшими и неразлучными факторами народнаго хозяйства, и хотя, съ перваго взгляда, это мнѣніе можетъ показаться общеизвѣстной, элементарной истиной, само собой подразумѣваемой и не требующей подтвержденія, но мы должны замѣтить, что въ европейскихъ обществахъ эти два условія соблюдались и развивались не ровно, не согласно: на землю, на сельскохозяйственную культуру, на территоріальныя и владѣльческія права обращено было несравненно болѣе вниманія, чѣмъ на рабочую силу, воздѣлывающую земли; землевладѣніе и земледѣліе, сельское и народное хозяйство устраивались не столько въ виду пользъ и нуждъ мѣстныхъ жителей, ихъ насущныхъ потребностей, ихъ пропитанія и содержанія, сколько въ интере-

сахъ сельскаго хозяйства, земледѣльческой культуры вообще, въ пространномъ всенародномъ смыслѣ этихъ словъ, въ объективномъ ихъ значеніи — и въ томъ предположеніи, что съ улучшеніемъ культуры вообще, съ усиленіемъ производительности и плодородія, состояніе народа и всѣхъ классовъ жителей, само собой, равномѣрно улучшается. На этомъ основаніи, во всей западной Европѣ приняты были нужныя мѣры къ упроченію правъ собственности, къ освобожденію ихъ отъ прежнихъ, средневѣковыхъ стѣсненій, къ охраненію недвижимыхъ имуществъ отъ растратъ, расхищеній и поврежденій; но интересы, выгода и удобства сельскихъ обывателей, земледѣльцевъ, были при этомъ приняты въ соображеніе лишь настолько, насколько они не препятствовали общему улучшенію культуры, общему обогащенію страны. Отъ этого произошли и двоякія послѣдствія: земли пришли въ наилучшій порядокъ, культуры усовершенствовались, производительность усилилась; наружный видъ этихъ благоустроенныхъ странъ повеселѣлъ и облагородился; на мѣсто курныхъ избъ, ветхихъ хижинъ, сорныхъ полей и дикихъ выгоновъ, цѣлыя области и государства покрылись опрятными фермами и виллами, съ загороженными или окопанными подворными участками, тучными пастбищами, плодоносными нивами; народное богатство въ общихъ валовыхъ итогахъ возросло въ теченіи послѣдняго столѣтія до несмѣтныхъ суммъ и продолжаетъ возрастать безостановочно.

Но для достиженія этой наивысшей степени культуры пожертвовано было нѣкоторою частію народа, первобытно обитавшаго въ этихъ странахъ, а именно, низшимъ разрядомъ бѣдныхъ сельскихъ обитателей, которые были лишены своихъ земель для лучшаго устройства землевладѣнія вообще.

Въ однихъ государствахъ эта часть народа, обезземеленнаго въ пользу другихъ сословій, была больше, въ другихъ

меньше: въ Англіи, въ Римской области, все крестьянское сословіе было лишено земли; въ средней сложности можно принять, что болѣе половины всѣхъ сельскихъ жителей Европы были постепенно обезземелены и изгнаны изъ своихъ сельскихъ дворовъ и домовъ въ города, на фабрики и заводы, на такъ-называемые вольные промыслы. Это были преимущественно тѣ сельскіе обыватели, поселенія и владѣнія коихъ мѣшали благоустроенію сосѣднихъ помѣстій, округленію смежныхъ владѣльческихъ дачъ, прогону скота, проѣзду господъ—или младшія сыновья и братья крестьянъ-домохозяевъ, которые устранялись отъ наслѣдства для сохраненія подворныхъ участковъ, и вообще всѣ слабѣйшіе и бѣднѣйшіе люди, рабочія силы и способности коихъ не соотвѣтствовали требованіямъ улучшенной, новѣйшей земледѣльческой культуры. Какъ правители, такъ и люди науки вѣрили и исповѣдывали символъ экономической науки, состоящій изъ двухъ главныхъ членовъ: 1) что освобожденіе поземельнаго владѣнія отъ узъ патримоніальнаго и феодальнаго права и земледѣльцевъ отъ крѣпостной зависимости—есть послѣднее слово прогресса, послѣ коего не остается ничего болѣе ни ожидать, ни желать для благоустройства государствъ и благосостоянія народа, и 2) что для поднятія общаго уровня народнаго богатства нужно только предоставить всѣмъ и каждому полную свободу владѣнія и труда, устраняя всѣ преграды, мѣшающія культурѣ, упраздняя крестьянскія хозяйства, если они несостоятельны, размежевывая общинныя угодья, если они запущены, и наконецъ, выселяя жителей, если они не способны къ усиленному и улучшенному земледѣльческому труду.

Такъ и было сдѣлано въ бо́льшей части Европы, и уровень народнаго богатства дѣйствительно поднялся на непомѣрную высоту; сословіе крестьянъ-собственниковъ въ однихъ государствахъ вовсе исчезло съ лица земли,

въ другихъ—сократилось на половину, въ третьихъ—дошло до такого измельченія семейныхъ участковъ, что превратилось изъ состоянія хлѣбопашцевъ въ сословіе бобылей. Земледѣліе отъ всего этого много выгадало; земли, переходя изъ рукъ людей бѣдныхъ и несостоятельныхъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ, повсемѣстно удабривались и улучшались; промышленность и торговля оживились отъ наплыва рабочихъ изъ селеній въ большіе города и фабричные округи; все повидимому процвѣтало, и, по мнѣнію всей европейской интеллигенціи, золотой вѣкъ человѣчества уже наступалъ,—какъ внезапно, въ половинѣ настоящаго столѣтія, раздались сначала невнятные, потомъ и гласные жалобы и стоны, исходящіе изъ тѣхъ низшихъ слоевъ народа, о существованіи коихъ гуманная и либеральная Европа давно забыла и которые оказались потомками и родственниками прежнихъ земледѣльцевъ, изгнанныхъ изъ родительскихъ дворовъ по неспособности и несостоятельности.

Они уже нѣсколько поколѣній сряду проживали въ кругломъ неимуществѣ, питаясь наемной работой, и потому, забывъ про свое первобытное состояніе, называли себя рабочими, жаловались на дешевизну рабочей платы, просили сокращенія рабочихъ часовъ и вообще возбуждали самые сложные и спорные вопросы, которые всѣ вмѣстѣ получили названіе рабочаго вопроса. Но въ нихъ скрывается какое-то глубокое, неразрѣшимое недоразумѣніе, ибо очевидно, что пренія о рабочей платѣ не имѣютъ исхода, не могутъ привести къ соглашенію и что всѣ сдѣлки, заключаемыя по этому предмету, имѣютъ только значеніе краткосрочнаго перемирія между двумя враждующими сторонами. Настоящій предметъ спора долженъ быть другой, и дѣйствительно, вникая въ сущность возбужденныхъ въ современной Европѣ пререканій и смутъ, нельзя не признать, что подъ личиной рабочаго вопроса

скрывается другой—существенный—аграрный, что народныя массы, безсознательно стремясь къ улучшенію своего быта, имѣютъ въ виду не то, чего онѣ просятъ, и требуютъ не устройства на другихъ основаніяхъ наемнаго труда, а, по возможности, сокращенія или отмѣны этого труда, что они ищутъ собственности, осѣдлости, хозяйства, и готовы промѣнять всѣ политическія вольности и права, коими такъ щедро надѣлила ихъ современная цивилизація, на клочокъ земли, на колъ и дворъ.

Поэтому мы полагаемъ, что народныя смуты, волнующія современныя общества, имѣютъ свой корень въ безземельномъ состояніи бо́льшей части народовъ Стараго свѣта и что, для изученія ихъ быта, нужно прежде всего вникнуть въ поземельный строй этихъ странъ и народовъ.

Для насъ, въ Россіи, нѣтъ предмета болѣе поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе своевременнаго, какъ изслѣдованіе тѣхъ разнородныхъ превратностей, чрезъ которыя прошло землевладѣніе въ Европѣ. Оно своевременно потому, что мы именно вступаемъ съ освобожденіемъ крестьянъ въ тотъ періодъ общественнаго устройства, когда закладываются главныя основы соціальнаго быта.—Оно поучительно потому, что въ исторіи европейскаго землевладѣнія можно прослѣдить и длинный рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ, несправедливостей, и правильный ходъ цивилизаціи, достигшей высшей степени культуры. — Можетъ ли таковая же высокая степень цивилизаціи быть достигнута другими путями, могутъ ли быть избѣгнуты ошибки и несправедливости, ознаменовавшія историческій ходъ аграрнаго положенія въ другихъ странахъ — вотъ вопросъ?!.

Многіе люди науки и практики утверждаютъ, что нельзя, что всѣ человѣческія общества должны пройти чрезъ однѣ и тѣ же превратности, что такъ было въ Греціи и Римѣ, такъ и быть должно. Но примѣры Греціи и Рима только

указываютъ, что преобладаніе олигархическаго элемента и крупнаго землевладѣнія, развитіе пролетаріата и соціальныя смуты, наконецъ неуспѣшныя попытки Гракховъ и Лициніевъ къ преобразованію аграрнаго положенія древняго міра,—что всѣ эти явленія были предсмертные припадки обществъ, уже преклоняющихся къ разрушенію.

Въ новѣйшей исторіи мы также уже видѣли примѣры, въ Испаніи, въ Римской Кампаніи, что чрезмѣрное преобладаніе крупнаго землевладѣнія испанскихъ грандовъ, итальянскихъ князей, было какъ бы непосредственнымъ вѣстникомъ паденія государства, опустѣнія страны, и изъ этого выводимъ заключеніе, что такое первенство землевладѣльческаго элемента надъ земледѣльческимъ, собственниковъ надъ хлѣбопашцами, имущественныхъ классовъ надъ рабочими, такое поглощеніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія крупнымъ, помѣстнымъ, имѣло во многихъ отношеніяхъ вредное дѣйствіе не только на соціальный бытъ, но и на политическое существованіе многихъ великихъ державъ.

Приступая къ этимъ многосложнымъ изслѣдованіямъ, мы хотимъ здѣсь, въ введеніи, начертить краткую программу нашего предмета, или по крайней мѣрѣ намѣтить главныя статьи, подлежащія нашему разсмотрѣнію, объясняя ихъ связь и послѣдовательность.

Прежде всего предлагается слѣдующій вопросъ: то общественное разстройство, о коемъ мы выше упомянули, которое составляетъ исходное положеніе нашего изслѣдованія и проявляется въ безплодныхъ агитаціяхъ рабочихъ классовъ въ западной Европѣ,—это разстройство слѣдуетъ ли признать дѣйствительнымъ и приписать его органическому пороку этого общества и человѣческихъ обществъ вообще, когда они достигаютъ извѣстной степени пресы-

щенія, или можно предположить, что это явленіе случайное и временное, что оно происходитъ отъ невѣжества простого народа, не понимающаго своихъ прямыхъ интересовъ, отъ подстрекательства народныхъ агитаторовъ, увлеченія простодушныхъ народолюбцевъ, и что вообще это движеніе и смущеніе преувеличены уловками людей, возмущающихъ грубые умы простонародья? Это послѣднее мнѣніе, какъ извѣстно, защищается почти единодушно интеллигенціей и имущественными классами въ образованнѣйшихъ странахъ свѣта; оно подтверждается безчисленными разсужденіями и исчисленіями, по коимъ разсчитывается, съ ариѳметической точностью, что бытъ простого народа видимо улучшается, что въ такомъ-то году, чуть ли не до Рождества Христова, рабочій получалъ столько-то поденной платы и ѣлъ столько-то фунтовъ хлѣба, которые стоили столько-то, — что въ наше время онъ кормится лучше, заработываетъ больше и что, поэтому, неудовольствіе его несправедливо и благополучіе его обезпечено.

Противъ такихъ авторитетовъ и такихъ фактовъ нельзя было бы и спорить, еслибы въ числѣ явленій современнаго народнаго быта не представлялось одно, сильно колеблющее аргументацію нѣкоторыхъ европейскихъ экономистовъ и, по нашему разумѣнію, убѣдительно доказывающее, что разстройство соціальнаго быта достигло такой же высокой степени въ низшихъ классахъ народа, какъ просвѣщеніе и благоустройство въ высшихъ слояхъ тѣхъ же обществъ.

Это явленіе—эмиграція.

Дѣйствительно, какими бы доводами ни старались намъ объяснить тревожное состояніе рабочихъ классовъ въ Европѣ и какъ бы привлекательно ни описывалось ихъ благосостояніе—трудно повѣрить, чтобы эти тревоги были фальшивыя и чтобы состояніе ихъ было благое, въ виду несомнѣннаго факта, что изъ образованнѣйшихъ и наилучше устроенныхъ странъ свѣта, изъ богатѣйшихъ государствъ,

гдѣ процвѣтаютъ всѣ отрасли промышленности и торговли, переселяются ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ вольныхъ людей въ пустыни Австраліи, Америки, Канады, даже Россіи, гдѣ ихъ ожидаютъ, вмѣсто всѣхъ удобствъ европейской культуры, тяжкіе труды и горькія лишенія и даже нѣкоторыхъ, напримѣръ выходцевъ въ Россію, потеря тѣхъ политическихъ правъ и вольностей, коими они пользовались въ своихъ отечествахъ.

Изъ этого, кажется, можно заключить, что въ низшихъ слояхъ европейскихъ обществъ соціальное разстройство достигло такихъ размѣровъ, что связи родства, семейной жизни, родины и отечества расторгаются подъ вліяніемъ невыносимой нищеты, бездомнаго и безземельнаго состоянія.

Эмиграція составитъ поэтому первую статью нашихъ изслѣдованій, исходное положеніе, изъ коего мы постараемся вывести указанія, чего именно недостаетъ въ аграрномъ строѣ европейскихъ обществъ, чего ищутъ народныя массы, неукротимо волнующіяся въ этихъ странахъ. Она, эмиграція, достигла, какъ извѣстно, громадныхъ размѣровъ, и въ послѣднее полстолѣтіе, съ 1815 по 71 годы, вынесла изъ Стараго свѣта въ Новый—около 10 милліоновъ европейцевъ.

Второй нашъ предметъ будетъ изслѣдованіе поземельной организаціи въ главныхъ европейскихъ государствахъ и сличеніе ея съ русскимъ землевладѣніемъ.

Этотъ предметъ находится въ связи съ первымъ, ибо, коль скоро мы допустимъ и докажемъ, что переселеніе такихъ массъ народа, какъ мы видимъ, обусловливается непремѣнно глубокими причинами, лежащими въ основахъ ихъ хозяйственнаго быта, то первый вопросъ, который возни-

каетъ, есть поземельный, аграрный; это выселеніе, принимающее размѣры перехода цѣлыхъ народовъ, происходитъ ли отъ густоты населенія, естественнаго его приращенія, несоотвѣтствующаго уже болѣе вмѣстимости, ёмкости страны, или же отъ неправильнаго распредѣленія недвижимыхъ имуществъ между лицами и обществами, отъ насильственныхъ захватовъ и завоеваній, которые привели землевладѣніе въ такое положеніе, что рядомъ съ тѣснотой представляется пустота и въ смежности съ округами, гдѣ подворные участки разбиты на квадратныя сажени, разстилаются пустоши, выгоны, незанятые людьми, часто лежащіе впустѣ, или предназначенныя для прокорма скота въ тѣхъ же странахъ и областяхъ, гдѣ людямъ, природнымъ жителямъ мѣста не даютъ?

Понятно, что отъ этихъ двухъ воззрѣній много зависитъ и дальнѣйшее обсужденіе аграрныхъ вопросовъ; если дѣйствительно нѣкоторыя государства достигли такого избытка населенія, что производительность почвы не покрываетъ насущныхъ нуждъ пропитанія, что заработки дешевѣютъ отъ излишества рабочихъ рукъ и что большинство жителей не имѣетъ возможности пріобрѣсти осѣдлости, то выселеніе извѣстной бѣднѣйшей части населенія есть единственный исходъ, могущій имѣть отчасти благія послѣдствія.—Если же дѣло представляется иначе, то-есть, что неимущество однихъ сословій происходитъ отъ неправильнаго размѣщенія жителей и распредѣленія недвижимой земельной собственности и что у казны, государства, остается еще запасъ пустопорожнихъ земель,—то колонизація, продажа земель бѣднымъ обывателямъ, съ разсрочкою, ссудами и льготами и въ небольшихъ участкахъ, соотвѣтствующихъ рабочимъ силамъ и нуждамъ крестьянской семьи, можетъ въ такомъ случаѣ возстановить правильное соотношеніе между капиталомъ и работой, землевладѣніемъ и земледѣліемъ.

Такъ какъ мы признали главными равносильными факторами общественнаго благосостоянія землю и народъ, то прежде постараемся описать состояніе земли, т.-е. землевладѣнія, распредѣленіе ея между разными разрядами собственниковъ, крупными, средними, мелкими, отношенія сельскихъ сословій къ городскимъ, землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ и порядки владѣнія и пользованія, существующіе въ разныхъ странахъ. Это будетъ предметъ второго отдѣла, состоящаго изъ нѣсколькихъ главъ.

Мы взяли для сравненія три государства, изъ коихъ каждое представляетъ намъ особый типъ землевладѣнія: Англію, Францію и Германію.—Первая, Англія, признается отечествомъ крупной аристократической собственности, Франція страной мелкопомѣстнаго демократическаго владѣнія; Германія отличается въ аграрномъ отношеніи, какъ и въ соціальномъ, сословной организаціею, противуположной Англіи въ томъ отношеніи, что земли, какъ и жители, распредѣляются по сословіямъ (Rittergut, Bauernland) и отличающейся отъ Франціи тѣмъ, что помѣстья и крестьянскіе дворы признаются, по крайней мѣрѣ, въ бо́льшей части коренныхъ нѣмецкихъ земель, нераздѣльными, заповѣдными имуществами. Казалось бы, что изъ такихъ различныхъ основаній должны были образоваться и совершенно различныя общественныя отношенія, и дѣйствительно, по наружному виду, они нѣсколько различны; эти различія служили и служатъ еще понынѣ главными доводами для словопреній о преимуществахъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія, фермерской и крестьянской культуры, аристократической и демократической собственности. Но, вникая въ сущность предмета, нельзя не замѣтить, что споры эти голословны, что различія эти вовсе не такія глубокія, какъ съ перваго взгляда кажутся, что они имѣли очень

слабое дѣйствіе на народное хозяйство, такъ какъ всѣ эти страны, при самыхъ противуположныхъ началахъ, достигли почти одновременно наивысшей степени народнаго богатства и тоже одновременно подверглись одинаковымъ соціальнымъ замѣшательствамъ.

Это значитъ, что между ними есть и какая-либо всеобщая черта сходства, вліяющая на народный бытъ еще сильнѣе, чѣмъ всѣ политическія и общественныя учрежденія; есть какой-либо органъ, пораженный общей, повсемѣстной болѣзнію, органическій порокъ здороваго и еще бодраго тѣлосложенія.

Мы полагаемъ, что этотъ порокъ есть неправильное распредѣленіе между разными классами жителей поземельной собственности, распредѣленіе, отчасти происходящее отъ первобытнаго порядка завоеванія и занятія европейскихъ земель, но впослѣдствіи усилившееся отъ насильственныхъ захватовъ, освященное ложными юридическими началами и научными теоріями, и наконецъ, въ новѣйшее время, въ XVIII и началѣ XIX столѣтія, проведенное съ безпощадною строгостію въ ущербъ крестьянскаго сословія и въ пользу помѣстнаго.

Явленія эти были нѣсколько различны въ упомянутыхъ трехъ странахъ: въ Англіи экспропріація земледѣльцевъ произошла ранѣе и потому доведена была до конца; во Франціи она прервана была революціей 1789 года и поэтому совершена была только въ половину; въ Германіи она шла медленнѣе, протянулась до 1848 года и уже приближалась къ благополучному окончанію, когда февральская революція во Франціи внезапно разстроила всѣ соображенія и разсчеты нѣмецкаго рыцарства. Но, тѣмъ не менѣе, несмотря на эти перерывы, помѣшавшіе полному осуществленію таковыхъ мѣръ, дѣло было уже много подвинуто, когда, по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, землевладѣльцы принуждены были отказаться отъ

дальнѣйшихъ своихъ предпріятій. Въ Англіи, какъ сказано, все крестьянство было уже стерто съ лица земли; въ Германіи оставались на мѣстахъ зажиточные домохозяева, полные самостоятельные крестьянскіе дворы, а изъ прочихъ сельскихъ жителей большая часть была уже обращена въ батраковъ, бобылей и чернорабочихъ; во Франціи, крестьянъ-собственниковъ было еще много, но земель у нихъ оставалось мало, такъ что хлѣбопашество было недоступно бо̀льшей части крестьянъ, изъ которыхъ большинство находилось въ положеніи нашихъ деревенскихъ бобылей. Такимъ образомъ оказывается, что политика имущественныхъ классовъ успѣла вездѣ въ Европѣ провести главныя свои предначертанія, прежде чѣмъ благодѣтельныя реформы новѣйшихъ временъ пріостановили ихъ дѣйствіе, и что между аристократическими и демократическими странами оказывается только разность въ числахъ, въ количествѣ; въ первыхъ — всѣ крестьянскія земли перешли въ собственность частныхъ владѣльцевъ, во вторыхъ только извѣстная часть; въ однихъ крестьяне всѣ поголовно превращены были въ чернорабочихъ и поденщиковъ; въ другихъ только половина или одна треть; но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, большинство землевладѣльцевъ изъ полныхъ, самостоятельныхъ, хотя и обязанныхъ хозяевъ, обращено было въ вольныхъ и безземельныхъ поселянъ и рабочихъ, проживающихъ наемнымъ трудомъ, отхожимъ промысломъ, а не домашней хозяйственной работой, что̀ и составляетъ ту черту сходства, которая, проходя чрезъ всѣ европейскія страны, связываетъ низшіе классы въ одинъ союзъ, внушая имъ чувство общей солидарности и общаго неудовольствія противъ существующаго порядка вещей.

Но земля и землевладѣніе составляютъ только одну изъ сторонъ аграрнаго вопроса. Другая сторона — есть

народъ, то-есть рабочая сила, пользующаяся землей и ее эксплуатирующая. Подъ словомъ „рабочая сила“ мы подразумѣваемъ не только ручную работу хлѣбопашца, но и техническій трудъ агронома, лѣсничаго, мастероваго и ремесленника, если этотъ трудъ непосредственно, или косвенно примѣняется къ земледѣлію, — сюда же относится надзоръ, управленіе и вообще руководство земледѣльческой культурой. Поэтому предметъ этотъ распадается на нѣсколько отдѣльныхъ статей, изъ коихъ первая будетъ собственно ручной трудъ, земледѣліе, хлѣбопашество въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Главное отношеніе, которое мы хотимъ здѣсь изслѣдовать, заключается въ вопросѣ, къ какому имуществу примѣняется трудъ: къ собственному, или же къ чужому; въ первомъ случаѣ онъ можетъ быть названъ хозяйственнымъ, во второмъ наемнымъ.

Наемный трудъ никогда не можетъ быть признанъ вполнѣ вольнымъ, и выраженіе, общепринятое въ современномъ быту, — „вольно-наемный трудъ“, заключаетъ въ себѣ очень рѣзкое противорѣчіе.

Вольнымъ и производительнымъ трудомъ можетъ быть названъ только такой, который приспособляется къ собственному имуществу рабочаго, изъ коего онъ извлекаетъ всевозможную доходность и пользуется безъ дѣлежа всѣми произведеніями и прибылями своей хозяйственной эксплуатаціи.

Это соображеніе составляетъ главное исходное положеніе нашихъ изслѣдованій; но такъ какъ безразсудно бы было предположить, что какая-либо страна, кромѣ развѣ дикихъ пустынь, могла бы вполнѣ удовлетворить эту потребность, то-есть надѣлить всѣхъ жителей имуществомъ, соотвѣтствующимъ ихъ рабочей силѣ, то приведенное выше положеніе сводится къ слѣдующему началу:

Благосостояніе народа будетъ лучше обезпечено

въ тѣхъ странахъ, гдѣ наибольшая масса жителей занята работою на себя, на собственной своей землѣ, въ своемъ хозяйствѣ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ большинство обывателей бо́льшую часть года, или даже круглый годъ и весь свой вѣкъ работаетъ по найму, поденно или поштучно, по наряду, на другихъ — на хозяевъ.

Чѣмъ болѣе экономическое положеніе данной страны или области, мѣстности, приближается къ первому предположенію, тѣмъ болѣе можно признать благосостояніе такого края удовлетворительнымъ, а народъ, въ немъ обитающій, дѣйствительно и существенно въ хозяйственномъ своемъ быту вольнымъ, полноправнымъ. И, наоборотъ, чѣмъ менѣе собственниковъ, чѣмъ мельче средній размѣръ ихъ владѣній, чѣмъ бо́льшее время мелкіе владѣльцы должны проводить на постороннихъ заработкахъ, однимъ словомъ, чѣмъ крупнѣе итогъ наемныхъ работъ въ сравненіи съ хозяйственными—тѣмъ болѣе шатко экономическое положеніе народа, и если эта пропорція доходитъ до того, что большинство жителей, не имѣя вовсе собственнаго хозяйства, присуждено исключительно къ наемному труду, то положеніе это, даже и при высшей степени культуры, слѣдуетъ признать невольнымъ, стѣснительнымъ для жителей, хотя бы оно и способствовало обогащенію страны и меньшинства жителей, домохозяевъ, собственниковъ, капиталистовъ, пользующихся рабочей силой.

Эту основную нашу мысль мы должны развить и объяснить при дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ и просить читателя не выводить заключенія изъ краткаго этого очерка, такъ какъ онъ представленъ въ видѣ программы и требуетъ болѣе обстоятельнаго изложенія.

Надѣлить наибольшее число жителей имуществомъ, соотвѣтствующимъ ихъ рабочей силѣ,—такова должна быть

идеальная цѣль экономическаго прогресса; но такъ какъ она недостижима, то надо обратиться къ тѣмъ практическимъ и исполнимымъ мѣрамъ, которыя не выходятъ изъ предѣловъ возможности.

Прежде всего представляется здѣсь то соображеніе, что большая часть ручныхъ, черныхъ работъ, какъ-то: хлѣбопашество, землекопство, судоходство, плотническое, каменщицкое ремесла — подвергаются періодическимъ перерывамъ по временамъ года, перерывамъ, особенно продолжительнымъ въ сѣверныхъ краяхъ, и что, поэтому, какъ бы широко ни были надѣлены сельскіе обыватели земельными угодьями, къ нимъ, къ земледѣлію исключительно, они не могутъ примѣнить всю свою рабочую силу. Поэтому въ извѣстныя времена года, преимущественно въ зимніе мѣсяцы, представлялась для всѣхъ земледѣльческихъ классовъ необходимость отыскивать другіе заработки, какъ-то: лѣсные, извозные, или работы на нѣкоторыхъ заводахъ, фабрикахъ, производство коихъ открывается осенью съ прекращеніемъ полевыхъ работъ, винокуренные, свеклосахарные и др.

Для земледѣльцевъ, надѣленныхъ незначительнымъ пространствомъ угодій, или неплодородными землями, та же необходимость представляется и въ лѣтніе мѣсяцы, и чѣмъ суровѣе климатъ въ данной мѣстности, чѣмъ грубѣе почва и скуднѣе урожаи, тѣмъ болѣе полезными и нужными оказываются посторонніе заработки, отхожіе промыслы.

Вольный переходъ, свободное передвиженіе рабочихъ силъ, составляетъ для такихъ странъ первое условіе благосостоянія рабочихъ классовъ, и всякое ограниченіе, или стѣсненіе этой свободы, подъ предлогомъ полицейскаго или фискальнаго надзора, составляетъ прямую потерю для народнаго хозяйства, останавливаетъ производительность и причиняетъ странѣ прямой убытокъ.

Подъ словами: отхожіе промыслы, мы разумѣемъ такія срочныя, временныя отлучки, при коихъ крестьянскій дворъ, хозяйство, остаются на мѣстѣ, а хозяева ихъ только отходятъ въ свободное время на заработки.

Другой видъ вольнаго перехода есть переселеніе,— когда домохозяинъ, стѣсняясь густотой населенія и малоземельемъ или другими экономическими и житейскими неудобствами, ищетъ другого мѣста жительства, другого поселенія.

Исходя изъ общаго начала, принятаго въ Россіи для землевладѣнія, что всѣ жители, достигшіе рабочаго возраста, имѣютъ право на земельный надѣлъ, но что таковой надѣлъ не можетъ повсемѣстно соотвѣтствовать ни нуждамъ народа, ни рабочей силѣ, имѣющейся на лицо въ семьѣ, или въ обществѣ, предпосылая это начало, надо неизбѣжно допустить и право для домохозяевъ, вытѣсняемыхъ изъ прежнихъ мѣстъ жительства нарощеніемъ населенія, отыскивать себѣ другія мѣста поселенія.

Право это обыкновенно и признается въ объективномъ, отвлеченномъ его смыслѣ, то-есть, что свободой переселенія могутъ воспользоваться всѣ желающіе, если притомъ они имѣютъ средства для такого перемѣщенія; но такъ какъ главнымъ понужденіемъ къ перемѣщенію обыкновенно бываетъ разстройство хозяйства и крайняя бѣдность, то въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что это право, озаглавленное во всѣхъ законодательствахъ торжественными словами (Freizügigkeit, Liberté du domicile), въ сущности не имѣетъ экономическаго значенія, не достигаетъ цѣли уравненія и размѣщенія и остается бо̀льшею частію мертвой буквой.

Изъ этого слѣдуетъ, что переселеніе можетъ принесть государству и народу существенную пользу въ томъ случаѣ, если оно будетъ поощряемо вспомогательными мѣрами, указывающими направленія подобныхъ передвиженій и въ то же время облегчающими переходы и поселенія,

ссудами, податными льготами, разсрочками платежей для бѣднѣйшихъ домохозяевъ.

До новѣйшихъ временъ, можно сказать до второй половины текущаго столѣтія, колоніальная политика, въ образованнѣйшихъ странахъ Европы, вращалась въ заколдованномъ кругу политическихъ интересовъ, и пустыя земли, колоніи, состояли къ метрополіи точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ рабочіе къ хозяевамъ, то-есть предназначались для украшенія титуловъ и гербовъ государей, или для награжденія ими вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ служителей, или для ссылки преступниковъ, или, наконецъ, для обогащенія смѣлыхъ спекулянтовъ, вырывавшихъ изъ рукъ правительствъ цѣлыя территоріи — однимъ словомъ, колоніальныя земли захватывались, истощались хищнической культурой и эксплуатировались въ пользу государственной казны и крупныхъ собственниковъ, а для соціальнаго аграрнаго улучшенія народнаго быта вовсе и не принимались въ разсчетъ; вольный переходъ, переселеніе, эмиграція, признавались личными правами, въ коихъ не заинтересованы ни государство, ни общество, между тѣмъ какъ, по нашему понятію, эти права должны служить основою соціальнаго благоустройства, постояннымъ, нормальнымъ способомъ для исправленія этнографическихъ и аграрныхъ неровностей, возникающихъ отъ приращенія населенія и въ виду этого высшаго своего значенія, должны и служить предметомъ полной систематической организаціи, правительственныхъ и земскихъ мѣропріятій.

Мы представимъ по этой части свѣдѣнія о колонизаціи въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, и въ особенности обратимъ вниманіе на устройство ея въ послѣдней странѣ, гдѣ поселенія и продажа казенныхъ земель составляютъ предметъ особаго вѣдомства, подъ именемъ „Land-office“, и получили въ новѣйшее время очень об-

ширную и полную организацію, какъ намъ кажется, примѣнимую и къ Россіи.

Таковы главныя условія, которыя мы имѣли въ виду при обсужденіи аграрнаго вопроса.

Эмиграція, постоянно усиливающаяся съ начала настоящаго столѣтія, положительно указываетъ на усиливающееся стѣсненіе низшихъ классовъ и главное ея значеніе кажется намъ то, что рабочіе классы, утомленные вѣчной работой по найму, ищутъ осѣдлости, недвижимаго, собственнаго имущества гдѣ бы ни было, предпочитая высокой рабочей платѣ, хотя бы и скудный, но независимый доходъ съ собственнаго хозяйства.

Это явленіе — что большая часть европейскихъ народовъ присуждена весь свой вѣкъ работать по найму на меньшую часть, на хозяевъ, нельзя признать нормальнымъ и также нельзя приписать это естественному ходу народонаселенія, возрастающей его густотѣ, малоземельности: еще въ началѣ настоящаго столѣтія во всѣхъ европейскихъ странахъ лежали впустѣ нѣсколько милліоновъ десятинъ общинныхъ земель; отъ церквей, монастырей, во Франціи отъ дворянства были отобраны (бо́льшею частію въ теченіи XVIII столѣтія) огромныя пространства наилучшихъ угодій, государственныя имущества составляли также большой запасъ земель, очень мало доходныхъ, но пространныхъ; однимъ словомъ, въ то время, какъ въ средней Европѣ приступлено было къ освобожденію крестьянъ и разверстанію угодій, было еще свободныхъ земель столько, что большая часть безземельныхъ батраковъ могла быть на нихъ водворена. — Но вмѣсто того, раздѣлъ произведенъ былъ между собственниками, крупными и мелкими, помѣщиками и крестьянами, уже и прежде владѣвшими землей; одна часть государственныхъ имуществъ была раздарена царскимъ любимцамъ и заслуженнымъ са-

новникамъ, другая обращена въ королевскія фермы и удѣльныя запашки, общинныя земли подѣлены между вотчинниками и домохозяевами изъ крестьянъ, такъ что запасныя и пустыя земли пошли всѣ на округленіе и увеличеніе помѣстій и крестьянскихъ хозяйствъ, уже надѣленныхъ землею, а сельскіе пролетаріи остались, какъ и были, нипричемъ.

Число ихъ постоянно умножалось; въ концѣ прошлаго столѣтія и въ первой четверти настоящаго, помѣстное сословіе въ Англіи и Германіи прибѣгло еще къ мѣрѣ болѣе радикальной, чѣмъ всѣ предшествующія и возвело въ цѣлую систему право своза и сноса крестьянскихъ дворовъ, clearing of estates (буквально—прочистка помѣстій), Legung der Bauernhöfe. — Усадьбы и земли отбирались у крестьянъ подъ разными благовидными предлогами: то для размежеванія черезполосностей, то для разверстанія и обмѣна угодій, то подъ видомъ попеченія о пользахъ самихъ крестьянъ для устраненія нерадивыхъ и слабыхъ домохозяевъ и улучшенія культуры.

Нигдѣ въ Европѣ не было принято своевременныхъ мѣръ къ размѣщенію жителей, къ колонизаціи на пустыхъ земляхъ, а напротивъ, когда при возрастающей густотѣ населенія земли пріобрѣтали высшую цѣнность, люди сильные и богатые разбирали ихъ добровольно или насильственно, покупали, мѣняли, разверстывали между собой, или подъ разными благовидными предлогами, для улучшенія культуры, для поддержанія крестьянскаго сословія въ должномъ порядкѣ, отбирали у слабѣйшихъ хозяевъ ихъ дворы и земли, въ виду общей пользы народнаго хозяйства.

Во всей Европѣ, не исключая и Франціи, общій итогъ крестьянскихъ земель въ теченіи настоящаго столѣтія уменьшился, между тѣмъ какъ населенія прибыло около 100 жителей на 100.

Поэтому не густотѣ народонаселенія слѣдуетъ приписать неимущество низшихъ классовъ, а неправильному

ихъ разселенію, несправедливому разверстанію и размежеванію общинныхъ и частныхъ угодій и всего болѣе самовольнымъ, насильственнымъ завладѣніямъ, продолжавшимся систематически не только во времена крѣпостного права, но и гораздо позже, при полной гражданской и политической свободѣ всѣхъ классовъ народа.

Другой фактъ, который мы должны тоже выставить на первый планъ и который находится въ непосредственномъ соотношеніи съ первымъ, есть порядокъ, коему слѣдовало, въ бо́льшей части Европы, первоначальное закрѣпленіе и послѣдующее освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Ходъ этотъ былъ совершенно другой, чѣмъ въ Россіи: у насъ оба эти акта, закрѣпленіе и освобожденіе, были единовременными мѣропріятіями высшей верховной власти, совершенными двумя почерками пера самодержавныхъ властителей; весь періодъ крѣпостного права продолжается 259 лѣтъ и замкнутъ въ исторіи Россійской Имперіи между двумя положительными числами—1602 и 1861 годами.

Въ Европѣ дѣло это шло совершенно другимъ ходомъ; ни начало, ни конецъ крѣпостной зависимости, ни ея введеніе, ни утвержденіе, ни освобожденіе крестьянъ—положительно не извѣстны; также темны и сбивчивы всѣ вопросы, связанные съ землевладѣніемъ, крѣпостнымъ и вольнымъ, съ полнымъ и неполнымъ правомъ собственности; люди вольные и невольные, обязанные и полноправные, постоянно смѣшивались, различались по личнымъ правамъ и сравнивались по одинаковой зависимости въ реальныхъ имущественныхъ своихъ отношеніяхъ. Эта всеобщая сбивчивость понятій о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ и въ особенности долгій, медленный ходъ крестьянской реформы, дали всему этому дѣлу оборотъ, очень вы-

годный для помѣстнаго сословія и очень убыточный для крестьянства. Въ Англіи, крѣпостное право, уже въ XII столѣтіи положительно отмѣненное, протянулось однако съ разными видоизмѣненіями до царствованія Елизаветы. Въ Германіи и средней Европѣ, первыя мѣропріятія къ освобожденію крестьянъ относятся къ началу XVIII столѣтія, а послѣднія и самыя дѣйствительныя законоположенія о выкупѣ крѣпостныхъ повинностей послѣдовали только въ 1848 и послѣдующихъ годахъ; но во многихъ государствахъ выкупная операція и по сіе время еще продолжается. Этими долгими отсрочками воспользовалась, разумѣется, та сторона, которая во все это время располагала властію и покуда шли философскія пренія о правахъ человѣка, о равенствѣ и братствѣ, о соціальномъ контрактѣ и тому подобныхъ благотворныхъ началахъ, покуда публицисты, энциклопедисты и государственные люди сочиняли и поправляли проекты эмансипаціи рода человѣческаго—половина этого рода была обобрана другой.

Этотъ фактъ, по нашему разумѣнію, составляетъ исходное положеніе всего соціальнаго и аграрнаго быта западно-европейскихъ народовъ: народы эти достигли высшей степени благоустройства; но для скорѣйшаго и полнѣйшаго достиженія этихъ высокихъ благъ цивилизаціи, одна половина, а въ нѣкоторыхъ государствахъ и болѣе $^2/_3$ или $^3/_4$ народа, была пожертвована другой. Эти жертвы цивилизаціи, эти отсталые классы народовъ, брошенные на походѣ для скорѣйшаго движенія главнаго отряда, нынѣ, понемногу догоняя передовыя сословія, заявляютъ свои претензіи и жалобы, и хотя большая часть этихъ заявленій возбуждаетъ по своей грубости справедливое негодованіе образованныхъ европейскихъ обществъ, но нельзя не признать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они не лишены основаній. Спрашивается: можно ли требовать отъ людей, дѣды и прадѣды коихъ владѣли землей, или стар-

шіе братья коихъ и понынѣ держатъ землю, чтобы они признали сами собой, по чувству высшей правды и справедливости, что экспропріація ихъ и переходъ родовыхъ ихъ имѣній въ другія руки были необходимы для общаго преуспѣянія, для улучшенія культуры, для благоустройства современныхъ обществъ, для введенія травосѣянія, многопольнаго сѣвооборота, раціональной агрономіи вообще; что это требовалось непремѣнно для разверстанія угодій, округленія дачъ, консолидацій помѣстій; что безъ этого прогрессъ человѣчества былъ невозможенъ и что они подверглись экспропріаціи для бо́льшаго преуспѣянія народнаго хозяйства и общаго благополучія человѣческаго рода.

Такого смиреннаго сознанія, такого великодушія нельзя ожидать отъ народныхъ массъ; онѣ видятъ только, что недвижимая собственность постепенно, изъ году въ годъ, ускользаетъ изъ ихъ рукъ; что дома и земли, возвышаясь въ цѣнѣ по днямъ и по часамъ, сдѣлались для нихъ недоступными имуществами; что рабочая плата, какъ бы она ни возвышалась, не оставляетъ сбереженій, достаточныхъ для пріобрѣтенія какого-либо уголка земли, и что, поэтому, въ концѣ-концовъ, ни трудолюбіе, ни бережливость не могутъ ихъ вывести изъ кабалы наемнаго труда.

Это положеніе вещей, раздвоеніе гражданскихъ обществъ на два класса, имущественный и неимущій, есть, впрочемъ, явленіе не новое въ лѣтописяхъ человѣческаго рода, и еслибъ изученіе классической цивилизаціи Греціи и Рима послужило въ пользу германо-романской цивилизаціи, то она бы извлекла изъ нея общее указаніе, что централизація собственности въ высшихъ сословіяхъ, крупное землевладѣніе и денежная олигархія были и въ прежнія времена признаками и предвѣстниками распаденія обществъ.

Въ греческихъ республикахъ, передъ ихъ паденіемъ,

все народное богатство перешло въ руки самаго ничтожнаго меньшинства: въ Спартѣ осталось всего 700 дворянскихъ фамилій, и изъ нихъ не болѣе 100—съ несмѣтными богатствами, а остальные превратились въ нахлѣбниковъ и приживальцевъ богатыхъ господъ.

Въ Римѣ цѣлыя провинціи принадлежали патриціямъ; африканская—шести римскимъ богачамъ; всюду, куда проникала римская цивилизація, она прежде всего производила грабежи, обирала туземцевъ, дарила помѣстья полководцамъ, а затѣмъ уже принималась просвѣщать и образовывать покоренныхъ народовъ на захваченныхъ областяхъ.

Въ Италіи блистательная эпоха возрожденія наукъ и художествъ (Renaissance) была и временемъ окончательнаго разоренія сельскихъ сословій, учрежденія необъятныхъ маіоратныхъ имѣній (latifundia) и церковныхъ вотчинъ, выселенія обывателей и превращенія всей средней Италіи въ безплодную пустыню.

То же самое было въ Испаніи и Португаліи: въ то время, какъ всемірная торговля обогащала эти страны, а грозныя ихъ армады покрывали моря; въ Португаліи $^3/_4$ всей территоріи принадлежали рыцарскимъ орденамъ и духовенству (morgadas); въ Испаніи, въ XVII вѣкѣ изъ 4-хъ милліоновъ жителей оставалось только 917 тысячъ осѣдлыхъ крестьянъ. Вообще изъ исторіи не видно, чтобы классическая цивилизація, какъ ее понимали древніе и приспособляли новѣйшіе народы, чтобы эта цивилизація, которую намъ выдаютъ за образцовую, гдѣ-либо способствовала благосостоянію народовъ; напротивъ, она вездѣ устраивалась на счетъ низшихъ классовъ въ пользу среднихъ и высшихъ, и преданія Греціи и Рима, по коимъ учились новѣйшіе реформаторы, выучили ихъ только подражать этимъ примѣрамъ, погубившимъ древнія общества и угрожающимъ такой же гибелью и новѣйшимъ.

Русская земля оставалась долго въ сторонѣ отъ европейской общественности и потому, казалось бы, гражданскія и аграрныя отношенія должны были развиваться въ ней другимъ порядкомъ, на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ Европѣ. Но многіе русскіе ученые, авторитеты въ наукѣ, оспариваютъ это предположеніе и доказываютъ, что тѣ черты нашего народнаго быта, которыя мы иногда принимаемъ за своеобразныя, національныя отличія, вовсе не имѣютъ того значенія; что они составляютъ не различія, а только оттѣнки тѣхъ первообразныхъ формъ, черезъ которыя проходятъ всѣ народы въ историческомъ ихъ развитіи, и что, по мѣрѣ этого развитія, мы, русскіе люди, должны будемъ испытать тѣ же самые кризисы и превратности, которые постигли и другія племена, подвизавшіяся на поприщѣ общечеловѣческаго прогресса.

Россія, поэтому, выходитъ такимъ же европейскимъ обществомъ, какъ и всѣ прочія; всѣ недостатки и пороки нашего общества оказываются чертами, свойственными всѣмъ народамъ, недостигшимъ полнаго возраста, и чтобы исправить ихъ и достигнуть такой же высокой культуры, какъ нѣмецкая или французская, намъ слѣдуетъ только изучать эту образцовую цивилизацію. Такъ ли это? Мы не думаемъ, и въ этомъ сочиненіи постараемся изслѣдовать тѣ глубокія, рѣзкія различія, которыя, по нашему мнѣнію, отдѣляютъ нашъ общественный строй отъ соціальнаго и аграрнаго быта европейскихъ народовъ.

Во-первыхъ, порядокъ первобытнаго водворенія и поселенія былъ въ русской землѣ совершенно другой, чѣмъ въ Европѣ: тамъ гражданскія общества образовались изъ нѣсколькихъ слоевъ; были и слѣды древней римской цивилизаціи, и обычаи, порядки туземные, которые всѣ вмѣстѣ были подавлены и смѣшаны нашествіемъ варваровъ; нашествіе это имѣло главнымъ предметомъ и цѣлію водвореніе, пріобрѣтеніе новыхъ земель, не завоеваніе

въ смыслѣ расширенія государственной власти, господства, владычества, а поселеніе на земляхъ болѣе привольныхъ, чѣмъ степи, солончаки и пустыни, откуда выходили орды варваровъ; это былъ, поэтому, чисто аграрный переворотъ, эмиграціонное движеніе, подобное тому, которое происходитъ въ наше время, съ тою разницею, что эмигранты выходили не поодиночкѣ, а цѣлыми полчищами и занимали не только пустыя земли, но и заселенныя, отбирая ихъ у коренныхъ жителей.

Въ Россіи ничего подобнаго не происходило. Князья и дружинники княжили и владѣли, но владѣніе ихъ выражалось только въ правѣ суда и дани; они воевали и покоряли другія области и племена, но только для того, чтобы заставить ихъ платить и кормиться на ихъ счетъ; земель они ни у кого не отбирали, не строили зàмковъ, не заводили запашекъ, а, напротивъ, заботились только о томъ, какъ бы привлечь новыхъ поселянъ, какъ бы земли не пустѣли и люди не уходили; сохраненіе туземцевъ, первобытныхъ хлѣбопашцевъ, природныхъ жителей на мѣстахъ ихъ жительства, было высшею, неусыпною заботою правителей и владѣльцевъ русской земли, точно такъ, какъ захватъ крестьянскихъ угодій, выселеніе жителей и присоединеніе ихъ земель къ господскимъ помѣстьямъ были, наоборотъ, главными основами политики имущественныхъ классовъ западной Европы. И эти противоположныя явленія такъ просто объясняются климатическими и естественными условіями нашей страны въ сравненіи съ западными, что не нужно придумывать никакихъ ученыхъ системъ, чтобы разъяснить ихъ. Готфы и гуны могли плѣниться привольными равнинами Германіи и Франціи, тучными долинами Рейна и Сены, но вѣрно наши русскія земли представляли мало прелести для варяговъ, даже для татаръ; они не находили ни выгодъ, ни удобствъ въ присвоеніи себѣ дикихъ пустошей и предоставляли право владѣнія и

тяжкій трудъ обработки дикихъ земель людямъ, на нихъ издревле водвореннымъ.

Но, какъ бы то ни было, по естественнымъ-ли причинамъ, или по политическимъ, первоначальная основа землевладѣнія была совершенно иная въ Россіи, чѣмъ въ Европѣ: однородная, единоплеменная и исконная—и легла однимъ слоемъ по всей русской землѣ, твердымъ, глубокимъ слоемъ, который не былъ срытъ во все продолженіе нашего историческаго бытія.

Другой фактъ, который проводитъ также рѣзкую черту различія между Россіей и западной Европой, есть то, что землевладѣльческій элементъ никакъ и никогда не могъ пріобрѣсти въ Россіи то первенствующее и подавляющее значеніе, которое оно имѣло на западѣ. Элемента этого собственно у насъ не было, владѣніе землей было у насъ не право, а обязанность, не преимущество высшихъ сословій, а повинность низшихъ классовъ, черныхъ людей; право собственности было шаткое, неопредѣленное. Князья и бояре, переѣзжая изъ одного уѣзда въ другой, мѣняли однѣ вотчины и села на другія; волости и города переходили изъ рукъ въ руки, помѣстья верстались какъ окладныя жалованья, какъ служилыя тягла, жаловались, отбирались на государя, оставлялись на прожитокъ, и все это безъ права, безъ закона, безъ всякаго порядка, а по случаю, произволу и самоуправству. Вообще самое понятіе о собственности, какъ неотъемлемой и наслѣдственной принадлежности земли частному лицу и его роду, самое понятіе это и выраженіе едва ли существовали въ древней Руси; слова „собственность“ и „наслѣдство“ не встрѣчаются ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ до временъ Петра; земля всегда считалась, вся безъ остатка, государевой, собственники назывались своеземцами, вотчинниками, или помѣщиками, потому только, что держали землю особнякомъ; не по мірской разверсткѣ, а по оди-

ночному пожалованію или завладѣнію; села покупались, продавались, дарились и отказывались, но при всѣхъ этихъ сдѣлкахъ, предметомъ договора и крѣпостного акта было не самое имущество и не люди въ нихъ водворенные, а только право собирать оброки и доходы съ людей и земель, — имущество же оставалось все-таки государевымъ; люди назывались государевыми людьми, тяглыми, или вольными, если они не несли тягла. Обыватели, какъ городскіе такъ и сельскіе, правда, раздѣлялись на классы, на мужей и людей (мужиковъ), на лучшихъ, среднихъ и младшихъ, но всѣ вмѣстѣ, отъ малыхъ князей Рюрикова рода до бобылей и крестьянскихъ дѣтей, были въ отношеніи поземельнаго владѣнія одинаково безправными. Собственность была не частное право, а только фактъ владѣнія и пользованія, основанный или на мірскихъ разрубахъ и разметахъ, или на верстаньи помѣстьями для службы, или на пожалованіи и милости царской; вообще всякая поземельная собственность была условною, подначальною и обязанною.

Точно также чуждо было русскому быту и понятіе о наслѣдствѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ право дѣтей на полученіе ими части имущества по смерти родителей.

Въ древней Россіи, ни въ крестьянскомъ сословіи, ни въ помѣстномъ, дѣти не наслѣдовали земель отъ отцовъ и до настоящаго времени право наслѣдованія не относится къ крестьянскимъ угодьямъ. Семья, дворъ не считались у насъ нераздѣльнымъ звеномъ, какъ въ Англіи, Германіи; ни саксонскій порядокъ единонаслѣдія, ни франкскій законъ равнаго наслѣдованія у насъ не примѣнялись. Семьи раздѣлялись при жизни отцовъ семейства, какъ только въ крестьянскомъ быту сыновья садились на тягло, а въ помѣщичьемъ—какъ поспѣвали къ службѣ; дѣти уходили отъ отцовъ по своей волѣ, и въ такомъ случаѣ прозывались

крестьянскими или боярскими дѣтьми, записывались на службу государю, или въ работу частнымъ владѣльцамъ, и считали себя людьми вольными, государевыми, не приписанными ни къ городу, ни къ обществу, ни къ двору, ни къ семьѣ. Правда, иногда дѣти бояръ и помѣщиковъ припускались къ наслѣдству, иногда и нѣсколько поколѣній сряду владѣли одними и тѣми же селами и пустошами; имѣнія, унаслѣдованныя отъ отцовъ, назывались отчинами, отказанные дядей—дядинами, но такіе переходы были случайными, исключительными явленіями, а не правиломъ, не закономъ, или обычаемъ. Обычное право было только то, что какъ крестьянскій парень, такъ и боярскій сынъ, достигнувъ совершеннолѣтія, имѣли право получить свой земельный надѣлъ, независимый отъ отцовской выти, или помѣстья, и притомъ подъ условіемъ для перваго тянуть тягло, для второго—исправлять государеву или земскую, городовую службу.

Третья и главнѣйшая черта различія русскаго быта отъ всѣхъ инородныхъ была организація міра и мірского землевладѣнія; если разсматривать ее только въ отношеніи общиннаго пользованія землей, то дѣйствительно многія черты нашей общины сходствуютъ съ устройствомъ германской Gemeinde и французской commune; но сходство это только наружное, а во внутреннемъ быту наши сельскія общества совершенно различаются отъ крестьянскихъ обществъ западной Европы; тамъ общинныя земли составляли только придачу, запасъ къ кореннымъ участкамъ, принадлежащимъ семьямъ и домохозяевамъ, и состояли бо́льшею частію изъ выгоновъ и лѣсныхъ угодій, между тѣмъ какъ пашни и луга признавались частною и наслѣдственною собственностью. Въ Россіи, наоборотъ, пахатныя и луговыя земли подлежали мірскимъ разверсткамъ, росписывались по вытямъ, тягламъ и душамъ, подлежали уравненію и передѣламъ, а отхожія пустоши, дикія земли

и лѣса состояли бо́льшею частію въ частномъ владѣніи князей, бояръ и зажиточныхъ домохозяевъ изъ крестьянъ. Въ нѣмецкой Gemeinde, крестьянскій дворъ со всѣми угодьями переходилъ въ цѣломъ составѣ къ старшему или младшему сыну; во французской commune онъ раздѣлялся поровну между всѣми наслѣдниками; въ русскомъ мірскомъ обществѣ дворъ означалъ только усадьбу, состоявшую, и то не всегда, въ частномъ и наслѣдственномъ владѣніи крестьянскихъ семей, но полевыя угодья всегда считались мірскими, въ раздѣлъ не шли и къ отцовскому наслѣдству не принадлежали; изъ этого видно, что въ иностранныхъ общинахъ общинное пользованіе относилось только къ добавочнымъ, запольнымъ землямъ, а въ русскомъ, напротивъ, къ кореннымъ угодьямъ, пашнямъ и лугамъ и что, поэтому, въ послѣднихъ мірское землевладѣніе имѣло гораздо болѣе значенія для крестьянъ, такъ какъ изъ мірскихъ пашень и луговъ извлекались всѣ доходы, уплачивались оброки и подати.

Но главнѣйшее отличіе нашего мірского быта заключается не въ порядкѣ владѣнія, а въ образѣ устройства семейныхъ и родственныхъ союзовъ: семейство въ германскомъ мірѣ составляетъ неразрывную единицу, крѣпкую до смерти ея главы, отца или старшаго брата. Въ Россіи крестьянская семья или дворъ имѣетъ только срочное существованіе; она остается нераздѣльною до совершеннолѣтія сыновей, но затѣмъ распадается, сыновья выдѣляются и, не ожидая смерти отца для полученія наслѣдства, самостоятельно переходятъ въ свои новые дворы и заводятся своимъ хозяйствомъ; сторонніе люди, женившись на крестьянскихъ дѣвкахъ, принимаются въ домъ въ зятья на мѣсто выдѣленныхъ сыновей; домохозяинъ воленъ принять и чужихъ дѣтей, племянниковъ, пріемышей въ свое хозяйство, воленъ также и изгнать ихъ; однимъ словомъ, семейный союзъ имѣетъ у насъ не столько значеніе

родственной связи, родительской власти и наслѣдственнаго права, сколько характеръ хозяйственной группы, состоящей изъ рабочихъ и малолѣтнихъ, которая и держится неразрывно, покуда малолѣтніе не поспѣютъ въ тягло, или на службу, а затѣмъ раздѣляются настолько же новыхъ группъ, дворовъ, тяголъ, сколько выросло новыхъ рабочихъ.

Изъ всего этого, какъ мы думаемъ, можно заключить, что семейный бытъ въ Россіи мало въ чемъ сходенъ съ европейскимъ и что онъ развивался, выросталъ, изъ другихъ корней, чѣмъ аграрный строй и поземельныя отношенія другихъ странъ.

Страна наша была нѣсколько разъ завоевана, разорена; князья варяжскіе силой оружія забирали города и волости, ихъ дружинники присвоивали себѣ вотчины и села; татарскіе ханы, литовцы и ляхи опустошали и грабили обывателей, собирали съ нихъ дани и оброки; но завоеватели не поселялись въ непріютныхъ весяхъ русской земли, не касались вовсе землевладѣнія, а предоставляли кореннымъ жителямъ незавидное право владѣть угодьями и дикими необъятными пустошами, коими укрыта была наша суровая страна. Попытокъ къ обезземеленью крестьянскаго сословія у насъ не было и этого уже достаточно, чтобы провести между Россіей и Европой неизмѣримо глубокую черту различія.

Понятія о собственности и наслѣдствѣ, на коемъ зиждется вся европейская гражданственность, были у насъ очень слабы и смутны; вѣчное владѣніе — была въ Европѣ общая и высшая цѣль, къ коей стремились всѣ классы жителей; у насъ оно было исключеніе, милость, случайность; бояре и смерды, мужи и мужики, помѣщики и крестьяне держали земли и смѣшивали это право держанія, занятія, заимки съ правомъ собственности; покупать земли не значитъ по-русски пріобрѣтать ихъ въ полную

собственность, а только получать на нихъ право временного владѣнія и пользованія.

Такимъ образомъ, праву землевладѣнія въ Россіи недоставало тѣхъ главнѣйшихъ условій, на коихъ оно зиждется въ европейскихъ обществахъ, преемственности, наслѣдованія, и мірское владѣніе въ крестьянскомъ быту, помѣстное въ дворянскомъ сословіи, было не что болѣе, какъ средство для обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей. Кто служилъ или платилъ, тотъ и владѣлъ. Права не было, земли занимались, какъ попало, артелями, обществами или семействами и частными лицами; пространство владѣнія опредѣлялось самымъ фактомъ владѣнія; куда ходила соха, коса и топоръ, то все и принадлежало пашенному крестьянину; поземельная собственность была срочная и условная, начиналась съ 15-лѣтняго возраста и продолжалась до тѣхъ поръ, покуда владѣльцы или тяглецы не выходили изъ лѣтъ, не дѣлались худыми, т.-е. неспособными къ работѣ и службѣ. Съ минованіемъ рабочаго и служилаго возраста прекращалось и владѣніе землей.

Итакъ, по внимательномъ разсмотрѣніи, мы должны придти къ заключенію, что въ Россіи поземельное владѣніе было построено на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ Европѣ. Правда, эти основанія существовали нѣкогда и въ другихъ странахъ, въ особенности въ славянскихъ областяхъ восточной Германіи.

Но въ тѣхъ изъ нихъ, которыя подпали владычеству нѣмецкихъ вотчинниковъ и рыцарскихъ орденовъ, слѣды его почти исчезли; въ Силезіи, Лаузицѣ, Помераніи и на всемъ прибрежьѣ Балтійскаго моря славянскія поселенія сохранили только свои наименованія; мірской ихъ бытъ былъ разстроенъ при первомъ же водвореніи саксонскихъ

властителей и уже въ актахъ IX-го вѣка мы находимъ сельскіе уставы, предписывающіе надѣлять славянскихъ обывателей подворными участками, причемъ положено было правиломъ, такъ какъ подворный надѣлъ соотвѣтствовалъ пространству обработываемому пароконнымъ плугомъ, а славяне пашутъ одноконной сохой, надѣлять ихъ, противъ германскаго рода, половиннымъ участкомъ. Такимъ образомъ германская культура уже заблаговременно озаботилась подавленіемъ славянскаго населенія и выбрала для этого самое дѣйствительное средство — расторженіе мірского владѣнія и нарѣзку подворныхъ участковъ, уменьшенныхъ вполовину противъ нормальнаго размѣра.

На окраинахъ русской земли процедура эта была медленнѣе и совершилась съ большимъ трудомъ; въ Польшѣ, Литвѣ и Остзейскомъ краѣ, сельскія общества держались еще долго, но помѣстныя сословія, примкнувъ дружно къ европейской цивилизаціи и позаимствовавъ отъ нея главнѣйшія понятія о правѣ собственности и землевладѣнія, успѣли наконецъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ, провести тѣ же начала и въ свои земли. Крестьяне были размѣщены врозь на подворныхъ участкахъ; участки эти были нарѣзаны по нормальному размѣру, сколько полагалось нужнымъ для пропитанія одной семьи и крестьянское сословіе было, также какъ и въ Германіи, разбито на разряды—тяглыхъ, полутяглыхъ домохозяевъ, огородниковъ, бобылей и наконецъ безземельныхъ батраковъ.

Но въ коренной русской землѣ, въ трехугольной полосѣ между Новгородомъ, Кіевомъ и Москвой, и въ Новгородскихъ колоніяхъ сѣверо-восточнаго края, сохранилось положеніе прежнихъ временъ: крѣпостное право и податныя системы послужили только къ закрѣпленію сельскихъ жителей на мѣстахъ ихъ жительства; земледѣлецъ, обыватель все болѣе и болѣе связывался съ землею и земле-

владѣніе постепенно превращалось въ повинность, въ службу, въ общественное и государственное тягло.

Такимъ образомъ, на рубежѣ Азіи и Европы образовалось многолюдное крестьянское сословіе въ 60 миліоновъ жителей, которое имѣетъ въ своемъ внутреннемъ быту другія основанія, чѣмъ помѣстныя и сельскія сословія другихъ странъ. Во-первыхъ, оно составляетъ одну сплошную массу, которая, несмотря на свое подчиненіе разнымъ вѣдомствамъ, помѣщичьей власти, казенному управленію, удѣламъ и пр., соблюдала общій аграрный законъ равномѣрнаго надѣла земель, между тѣмъ какъ въ серединной Европѣ, и преимущественно въ нѣмецкихъ земляхъ, земледѣльческія сословія были разбиты на нѣсколько разрядовъ, по размѣрамъ надѣла тяглаго или полутяглаго, или одного усадебнаго. Во-вторыхъ, это сословіе въ Европѣ получило съ самыхъ давнихъ временъ, со временъ крѣпостного состоянія совершенно опредѣлительные, хотя и очень разнообразные уставы и грамоты, инвентари и описи, въ коихъ перечислялись имущества и повинности, опредѣлялся порядокъ наслѣдованія, выдѣловъ и возвращенія земли помѣщикамъ, и главное—означался размѣръ подворнаго, семейнаго участка, нормальнаго надѣла крестьянскаго хозяйства; въ Россіи, напротивъ, и до крѣпостного состоянія и послѣ, оно живетъ и жило по сіе время, можно сказать, внѣ закона, по крайней мѣрѣ имущественныя его права были и остаются понынѣ неопредѣленными, порядокъ наслѣдованія, семейныхъ раздѣловъ, выдѣла братьевъ, сестеръ, права вдовъ и сиротъ, призрѣніе неимущихъ родственниковъ, все это предоставлено распоряженію крестьянъ внутри обществъ. Положительно и повсемѣстно выдѣляется изъ крестьянскаго быта въ Россіи только одна черта, что мірская земля дѣлится поровну и надѣляется

не семейству и не по опредѣлительной нормѣ, а каждому члену семейства по достиженіи рабочаго возраста и столько, сколько по дѣленію числа десятинъ на число тягловыхъ душъ, на одного рабочаго приходится земли.

Главное различіе, которое вытекаетъ непосредственно изъ этихъ двухъ началъ, есть то, что при первомъ европейскомъ порядкѣ одна часть населенія остается въ наслѣдственномъ владѣніи своими подворными участками и, пользуясь всѣми выгодами родового, потомственнаго владѣнія, улучшаетъ свой бытъ; другая же часть, во Франціи около половины, въ Германіи больше, около $^2/_3$, въ Англіи почти вся (за исключеніемъ лордовъ-вотчинниковъ и ихъ фермеровъ), обращается постепенно, изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, къ наемному труду и впадаетъ въ неимущество.

При русскомъ мірскомъ владѣніи, наоборотъ, общее состояніе земледѣльцевъ улучшается очень медленно и туго, зажиточная часть сельскаго сословія составляетъ очень незначительное меньшинство, сельское хозяйство и культура вообще держится въ общемъ уровнѣ съ народнымъ богатствомъ, уровень этотъ ниже и возвышается медленнѣе, чѣмъ въ странахъ съ частнымъ участковымъ владѣніемъ; но, съ другой стороны и до извѣстной степени, избѣгаются крайнее состояніе круглаго неимущества, которое причиняетъ современнымъ европейскимъ обществамъ грозныя замѣшательства, обременяетъ государственныя росписи громадными налогами на призрѣніе бѣдныхъ и разстроиваетъ, возмущаетъ весь ихъ организмъ.

Поэтому соціальные и аграрные вопросы сводятся въ сущности къ одному разсчету, балансу дебета и кредита народнаго хозяйства: что́ выгоднѣе — надѣлять ли всѣхъ жителей недвижимымъ имуществомъ по мѣрѣ возможности и съ соблюденіемъ правъ равенства на землю, или же

принимать на счетъ имущественныхъ классовъ призрѣніе неимущихъ и возвышать податные оклады съ земли и доходности по мѣрѣ того, какъ умножается число безземельныхъ обывателей? Европейскіе народы выбрали, или поневолѣ принуждены были избрать, эту послѣднюю организацію. Россія по сіе время придерживалась, впрочемъ безсознательно, первой. Но, кажется, пришло время свести этотъ разсчетъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ Англія и Германія, пролетаріатъ уже обнаруживаетъ крайнія свои послѣдствія, заставляя низшіе классы покидать свои отечества, а высшіе принимать на свой счетъ призрѣніе, продовольствіе и воспитаніе неимущихъ.

Но, разумѣется, безсмысленно было бы воображать себѣ, что какое бы ни было равенство политическое, соціальное или имущественное можетъ быть установлено безусловно, или соблюдено на вѣчныя времена; на поземельный бытъ въ особенности дѣйствуютъ безпрерывно естественныя причины, подрывающія, ежегодно уравненіе прежнихъ лѣтъ, какъ-то: приращеніе народонаселенія, прибыль или убыль рабочихъ силъ, распашка новыхъ земель. Поэтому, поголовный или подушный падѣлъ нисколько не обезпечиваетъ благосостоянія народныхъ массъ, если эта мѣра не дополняется другими, возстановляющими равенство, нарушенное самой природой человѣческой, и здѣсь-то намъ представляются соображенія, которыми можно заключить эти изслѣдованія, возвращаясь на ту же почву, на которую мы стали сначала для обсужденія этого предмета. Точно такъ, какъ эмиграцію мы приняли за исходную точку нашихъ соображеній, за признакъ окончательнаго пресыщенія страны народонаселеніемъ и соціальнаго разстройства, такъ полагаемъ, что колонизація можетъ служить для народовъ еще свѣжихъ и

бодрыхъ наилучшимъ средствомъ для предотвращенія будущихъ замѣшательствъ и разстройства. Но для этого надо заблаговременно обсудить и принять колонизаціонную политику, заблаговременно, покуда люди сильные и богатые не захватили еще лучшихъ частей территоріи, оставляя будущимъ прибылымъ поколѣніямъ только крупицы съ трапезы, тундры, солончаки, или выгоны и нивы выпаханныя предъидущими поколѣніями; нужно также сообразить, что начало вольнаго пропуска и свободы дѣйствія (laissez faire, lassez passer) еще недостаточно для регулированія такого передвиженія, какъ населеніе новыхъ земель, что тутъ нужно содѣйствіе, руководство, матеріальная и денежная помощь, однимъ словомъ, совокупныя силы частныхъ лицъ, общества и государства, и, наконецъ, что это содѣйствіе всѣхъ общественныхъ силъ для облегченія колонизаціи вполнѣ справедливо потому, что отъ переселенія и занятія новыхъ земель выигрываютъ не столько сами переселенцы, хлѣбопашцы, сколько сторонніе люди и сословія торговыя и промышленныя и тѣ обыватели, которые, оставаясь на мѣстахъ, покинутыхъ выходцами, получаютъ болѣе простора и вообще расширяютъ свой бытъ, свою культуру по мѣрѣ выселенія прочихъ жителей.

Колонизація внутри государства, въ предѣлахъ своего отечества доступна не всѣмъ народамъ; германское племя, напримѣръ, не имѣя колоніальныхъ территорій, не можетъ регулировать эмиграціоннаго движенія; но англосаксонскія и славянскія націи, располагая необъятными пространствами пустыхъ земель, могутъ ими воспользоваться для лучшаго размѣщенія жителей. Первые — американцы, англичане, уже приняли энергическія мѣры по этой новой, важнѣйшей отрасли народнаго управленія, но Англія — слишкомъ поздно, чтобы эти мѣры могли при-

нести пользу. Въ Россіи, въ настоящее именно время, онѣ были бы своевременны.

Намъ кажется даже, что это и есть призваніе нашего многолюднаго великороссійскаго племени и что колонизація есть завѣтное поприще, на коемъ суждено намъ подвигаться. Не даромъ же увлекаетъ насъ какая-то невѣдомая сила къ пріобрѣтенію все новыхъ и новыхъ странъ и областей, когда и въ старой исконной русской землѣ все еще порядки не устроены; не даромъ же сохранилось въ Россіи, среди всѣхъ превратностей нашей скорбной, народной лѣтописи, животворное начало равнаго и поголовнаго землевладѣнія.

Наши государи прославились не устроеніемъ, а собираніемъ земель; нашъ народъ отличается не хозяйственными домовитыми добродѣтелями, а находчивостью, смышленостью, всѣми достоинствами отважнаго колониста; онъ съ необычайной легкостью приспособляется ко всякимъ новымъ условіямъ жизни, не унываетъ отъ лишеній, не смущается отъ новыхъ порядковъ, перенимаетъ съ быстротой, поражающей иноземцевъ, всякія ихъ ухватки и пріемы, объясняется на нарѣчіяхъ, никогда имъ неслыханныхъ, узнаетъ мѣста, никогда имъ невидѣнныя. Безпорядочный въ своемъ домашнемъ быту, неразсчетливый въ хозяйствѣ, разгульный въ семейной жизни, русскій человѣкъ отрезвляется и укрощается въ походѣ, въ дорогѣ, на сушѣ и на морѣ, и вообще на чужой сторонѣ развиваетъ какъ будто бы силы и способности, коими пренебрегаетъ на родинѣ.

Поэтому мы думаемъ, что широкая система колонизаціи есть необходимое дополненіе того аграрнаго положенія, которое введено, или, вѣрнѣе сказать, подтверждено въ Россіи указомъ 19 февраля 1861 г., и что безъ такого дополненія великое начало, узаконенное крестьянскимъ положеніемъ, начало земельнаго надѣла, будетъ полу-мѣра, недоконченное преобразованіе. Сельскій проле-

таріатъ уже быстро, неудержимо зарождается и плодится въ нашихъ селеніяхъ, и когда пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, будетъ уже поздно лечить язву, проникнувшую въ плоть и кровь народа.

Но вѣрно также и то, что на этомъ пути нашего аграрнаго устроенія, если мы его изберемъ, мы еще встрѣтимъ сильнѣйшія сопротивленія, отпоръ всѣхъ тѣхъ интересовъ и классовъ жителей, которые устроили свой бытъ по образцу и на началахъ имущественныхъ сословій древне-римской и новѣйшей германской цивилизаціи.

Понятія о мірскомъ, или общинномъ владѣніи, о семейныхъ раздѣлахъ, о правѣ всякаго жителя на земельный надѣлъ, о колонизаціи на счетъ государства, о разверсткѣ и передѣлѣ земель, все это представляется имъ анти-соціальными началами, подрывающими всякую общественность, и прежде чѣмъ допустить такой порядокъ вещей, они вѣроятно не разъ попытаются разстроить его, обратить насъ на путь истины, т.-е. на ту дорогу, по которой шли и благополучно дошли до высшей культуры помѣстные и владѣльческіе классы западной Европы.

Мы постараемся доказать въ этомъ сочиненіи, что этотъ путь едва ли истинный, что онъ привелъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, вольныхъ обывателей въ состояніе худшее, чѣмъ прежде; что кабала наемнаго труда такъ же тягостна, какъ и барщинное тягло, однимъ словомъ, что высшая культура, которою прославилась франко-германская цивилизація, не обезпечиваетъ благосостоянія народныхъ массъ, убѣгающихъ отъ этого благоустройства въ другія части свѣта, на дикія земли.

Но такъ какъ мы не льстимъ себя самонадѣянной мечтой убѣдить противниковъ, то хотимъ только указать

здѣсь, откуда, отъ кого надо ожидать противодѣйствія, чтобы напередъ приготовиться къ самозащитѣ.

Внутри Россіи нельзя ожидать сопротивленія; въ коренныхъ великороссійскихъ областяхъ землевладѣльческій элементъ слишкомъ слабъ, происхожденіе его слишкомъ новое, родословная его слишкомъ двусмысленна, чтобы онъ могъ получить перевѣсъ надъ интересами всенародными; притомъ же, нельзя не отдать справедливости великороссійскому помѣстному сословію, что оно держало себя въ отношеніи къ низшимъ классамъ несравненно дружелюбнѣе, мягче, доступнѣе, чѣмъ имущественные классы романской и въ особенности германской расы; оно свыклось съ мірскимъ бытомъ крестьянъ и, покоряясь совершившимся фактамъ, прямо отъ крѣпостной власти перешло къ равноправности и самоуправленію.

Но не такъ легко помирить инородцевъ съ началами, принятыми въ основаніе нашего сельскаго быта и землевладѣнія. Подъ именемъ инородцевъ мы разумѣемъ какъ иноплеменныхъ владѣльцевъ германской и польской крови, въ предѣлахъ русской имперіи, такъ и помѣстныя сословія западной Европы вообще.

Въ извѣстномъ ученомъ сочиненіи нѣмецкаго экономиста (Die National-Oeconomie des Ackerbaues) Roscher'а мы нашли слѣдующій анекдотическій разсказъ: извѣстный итальянскій министръ графъ Кавуръ, бесѣдуя съ однимъ русскимъ сановникомъ, путешествовавшимъ по Италіи, сказалъ ему между прочимъ: «ваше крестьянское положеніе съ подушнымъ земельнымъ надѣломъ страшнѣе для Европы, чѣмъ всѣ ваши арміи». Не знаемъ, достовѣрны ли эти слова; министры иностранныхъ дѣлъ не высказываютъ обыкновенно такихъ откровенныхъ истинъ передъ иноземцами, но, судя не по сло-

вамъ, а по фактамъ, можно положительно сказать, что отзывъ итальянскаго министра — «si non e vero, e bene trovato» — выражаетъ ясно отношенія наши къ другимъ государствамъ, отношенія смутно сознаваемыя и рѣдко высказываемыя.

Какъ бы ни казались гадательными съ перваго взгляда таковыя предположенія и опасенія, но, вникая въ разныя проявленія соціальнаго быта новѣйшихъ временъ, можно уже подмѣтить нѣсколько ясныхъ признаковъ антагонизма, возникающаго именно по этому предмету между Европой и Россіей, или между германской расой и славянской.

Продолжительная борьба ихъ въ средніе вѣка окончилась, какъ извѣстно, поглощеніемъ многихъ передовыхъ славянскихъ племенъ германской культурой, и поглощеніе это именно произошло посредствомъ присвоенія славянскихъ крестьянскихъ земель дворянами германской крови: расторгнувъ, съ одной стороны, славянскую общинную связь и разселивъ домохозяевъ по отдѣльнымъ дворамъ, съ другой же, связавъ свои интересы рыцарскими полусвѣтскими, полуцерковными учрежденіями и уставами, они воспользовались таковымъ разобщеніемъ крестьянскаго сословія и союзомъ помѣстнаго, дворянскаго, чтобы покорить и обезземелить большую часть славянскихъ и отчасти финскихъ племенъ отъ береговъ Эльбы до Днѣпра, Двины и даже Финскаго залива.

Это торжество германской культуры остановилось только въ Кіевѣ и Новгородѣ, гдѣ она встрѣтилась съ кровнымъ велико и мало-россійскимъ племенемъ; Польша, Литва, всѣ остзейскія губерніи и часть Бѣлоруссіи покорились вліянію нѣмецкаго принципа, къ коему пристали и польскіе паны; участковое частное землевладѣніе замѣнило мірское, подушное, значительная часть крестьянъ осталась безъ земельнаго надѣла, и германское рыцарство, вмѣстѣ

съ польской шляхтой, подѣлило между собой обширныя земли, отобранныя отъ крестьянскихъ обществъ.

Очень естественно, что при смутныхъ понятіяхъ, которыя имѣлись въ прежнія времена о законахъ правды и справедливости, это хищничество признавалось прогрессомъ и, наоборотъ, застой, въ который погружена была юго-восточная часть славянскихъ земель, отъ Дуная до Волги, — варварствомъ. Наше полуазіатское правленіе, крѣпостное право и невѣжество давали полное право европейской интиллигенціи вовсе и не вѣдать о нашей внутренней организаціи.

Но когда она понемногу сдѣлалась извѣстна и когда, наконецъ, реформа 1861 года провозгласила принципъ подушнаго земельнаго надѣла враждебное настроеніе европейской интеллигенціи противъ Россіи не только не смягчилось, но, напротивъ, разразилось съ такимъ единодушіемъ, съ какимъ въ прежнія времена не преслѣдовалась ни одна изъ національностей Европы.

Знамя продиводѣйствія было поднято польскими панами и остзейскими баронами, которые дѣйствительно были всѣхъ болѣе заинтересованы въ пріостановленіи такого преобразованія, которое колебало всѣ ихъ соціальныя и имущественныя права; но замѣчательно, что и вся либеральная Европа стала на сторону этихъ двухъ сословій: демократическая Франція на сторону польскаго панства, передовые дѣятели, публицисты и экономисты Германіи на сторону остзейскаго баронства, и такимъ образомъ вышло, что радикальная реформа, произведенная въ Россіи, имѣла противъ себя почти всѣ органы не только консервативной, но и прогрессивной партіи.

Многіе изъ нихъ дѣйствовали безсознательно, не зная и не спрашивая о существѣ спора и простосердечно воображая себѣ, что дѣйствительно дѣло идетъ только о введеніи русскаго языка и грекороссійскаго вѣроисповѣ-

данія въ окраинахъ Россіи. Но польское и нѣмецкое дворянство очень ясно сознавало, что́ скрывается подъ знаменемъ обрусенія, и таковыя свои опасенія успѣло передать главнѣйшимъ политическимъ дѣятелямъ смежныхъ германскихъ государствъ; а также и нѣкоторыхъ высшимъ сановникамъ внутри Россіи; они указывали тѣмъ и другимъ, что введеніе крестьянскаго и земскаго законоположенія есть роковой шагъ къ демократизаціи поземельной собственности; что общинное землевладѣніе, оставленное въ полной своей силѣ и еще будто бы закрѣпленное положеніемъ 19 февраля, есть непреодолимая преграда ко всякому улучшенію сельско-хозяйственнаго быта; что крестьянское самоуправленіе есть революціонное начало; самые умѣренные изъ нихъ доказывали только, что реформы эти преждевременны, что онѣ поведутъ вольноотпущенныхъ крестьянъ подъ иго мірского самовластія еще болѣе тягостнаго, чѣмъ помѣщичье, и, примѣшивая къ своимъ реакціоннымъ тенденціямъ общія фразы о личной свободѣ, индивидуальной иниціативѣ, о производительности вольнаго труда и частной собственности, распространили въ высшихъ правительственныхъ сферахъ мнѣніе, что русское аграрное положеніе есть плодъ, исчадіе коммунистическихъ ученій, проникнувшихъ въ наше отечество.

Но это не такъ: русское мірское землевладѣніе ни откуда не проникало, а выросло на русской землѣ; оно не имѣетъ ничего общаго съ коммунизмомъ, проповѣдываемымъ на Западѣ, а, напротивъ, составляетъ прямую его противоположность. Оно означаетъ не владѣніе или пользованіе сообща, не обработку полей коммуной, по наряду, не раздѣлъ продуктовъ поголовно, или по мѣрѣ заработка: все это такъ чуждо и противно русскому земледѣльцу, что онъ считаетъ общественную запашку, или работу по общему валовому наряду, такою же стѣснительною, какъ и крѣпостной трудъ; мірское право (община — слово неизвѣст-

ное и непонятное въ простонародьи) означаетъ, напротивъ, право каждаго рабочаго на полученіе своего участка, своей полосы въ пашнѣ и лугахъ, которою онъ владѣетъ отдѣльно, обработываетъ независимо отъ другихъ односельцевъ и урожаями коей пользуется безъ дѣлежа; артелями, ассоціаціями работаютъ русскіе люди на разныхъ издѣльныхъ и отхожихъ промыслахъ, на наемной работѣ или на случайныхъ и временныхъ производствахъ, какъ-то: судостроеніи, плотничныхъ, землекопныхъ работахъ, но къ хлѣбопашеству, къ воздѣлыванію собственныхъ угодій, къ общественнымъ повинностямъ артельный, кооперативный трудъ никогда не примѣняется, и когда начальство, ревнуя о порядкѣ, выгоняетъ цѣлое общество на починку дороги, на постройку моста, то домохозяева разбиваютъ свои деревенскіе участки посемейно, подворно, по числу рабочихъ душъ въ каждой семьѣ.

Спрашивается: гдѣ же тутъ общинное, коммунистическое начало, которое по существу означаетъ совмѣстный трудъ и поголовную или пропорціональную труду разверстку прибыли? Мірской бытъ основанъ, напротивъ, на безусловномъ правѣ владѣнія каждаго лица и каждаго семейства, правѣ, ограниченномъ только таковыми же правами другихъ членовъ общества и стѣсняющемся въ томъ случаѣ, если этимъ прочимъ членамъ недостаетъ земли; тогда для уравненія, для того, чтобы прибылыя души воспользовались таковыми же имуществами, производится передѣлъ между всѣми односельцами, вмѣсто того, чтобы дѣлать раздѣлъ между членами одного семейства.

Итакъ, никакого развитія коммунизма и соціализма нельзя ни ожидать, ни опасаться отъ сплошной, однородной массы русскаго крестьянства; но что примѣръ его земельнаго быта можетъ быть соблазнителенъ для рабочихъ пролетаріевъ другихъ странъ, этого нельзя не признать, и этимъ и объясняется дружный, единодушный ан-

тагонизмъ, который возникъ въ Европѣ и на окраинахъ Россіи противъ такъ-называемой молодой Россіи и московской партіи, коимъ приписывалось введеніе этого начала, признанія права на землю, демократизація собственности.

Съ своей точки зрѣнія, съ своего соціальнаго положенія, иноземцы правы; для остзейскаго барона, для польскаго пана, для нѣмецкаго ритергутсбезицера, поголовный надѣлъ землей есть прямое отрицаніе его правъ собственности, основанныхъ на первобытномъ завоеваніи, послѣдующихъ захватахъ и окончательной экспропріаціи народныхъ массъ.

Но это не значитъ, чтобы мы должны были отречься отъ началъ, на коихъ основана была наша гражданственность; какая она ни есть, выросла и укрѣпилась она не столько силой оружія, сколько работой черныхъ людей. Они, черные люди, собрали подъ скипетръ великихъ своихъ государей новыя земли; бродяги, казаки, старовѣры присоединили къ русской державѣ болѣе областей, чѣмъ всѣ наши арміи и флоты; станицами, волостями, міромъ занимались и защищались наши окраины прежде, чѣмъ ихъ покорили московскія ополченія. Правительственной власти, государственному началу приписывается вообще гораздо болѣе дѣйствія, болѣе вліянія на судьбы Россіи, чѣмъ они имѣли; правда, власти, начальства нигдѣ не пользовались такими неограниченными правами, какъ въ русской землѣ; но за то и народъ нигдѣ не пользовался бо̀льшими средствами для избѣжанія притѣсненій, для пассивнаго, молчаливаго, но постояннаго отклоненія отъ себя дѣйствій и распоряженій властей. Вся исторія нашего внутренняго управленія — длинная лѣтопись самоуправства; мужи и люди забирали себѣ земли, гдѣ хотѣли и ка̀къ приходилось; переѣзжали изъ удѣла въ удѣлъ, переходили изъ одной волости въ другую безъ спроса, не слушаясь ни

государевыхъ указовъ, ни приговоровъ общества, ни повелѣній помѣщиковъ; уходили въ степи и лѣса, записывались, вопреки закона, изъ вольныхъ людей въ кабальные и потомъ переписывались опять въ вольные государевы люди; помѣщики верстались землями для службы, а службы не справляли; пашенные крестьяне не смѣли продавать своихъ тяглыхъ земель бѣломѣстцамъ, а продажи эти совершались безпрерывно и повсемѣстно; крестьянскія дѣти, чтобы не тянуть тягла, уходили отъ отцовъ, боярскія дѣти, скрываясь отъ царской службы, давали на себя записи частнымъ владѣльцамъ, вотчинники и монастыри укрывали бѣглыхъ, держали пристани для бродягъ. Указы слѣдовали за указами, угрозы—за угрозами; воеводы, стольники, дьяки разъѣзжали по городамъ и уѣздамъ, выгоняя дворянъ на службу, собирая подати и оброки съ черныхъ волостей, переписывая тягла, выти, помѣстья. Ничто не помогало; вводимые порядки не принимались; народъ, всѣ сословія продолжали жить своею жизнію, и когда имъ приходилось ужъ черезъ-чуръ жутко и тѣсно, когда порядки подступали ужъ очень близко, то они обращались въ бѣгство и, не выходя изъ подданства великаго государя, отправлялись въ Поморье, въ Украйну, въ низовые города, гдѣ тоже служили, но по-своему, царю и отечеству, не слушаясь закона, но защищая русскую землю и запахивая все далѣе и далѣе, за счетъ русскаго народа, степи и лѣсныя нивы.

Поэтому, поземельный бытъ въ Россіи долженъ быть признанъ вполнѣ своеобразнымъ и народнымъ; на него повліяли менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, внѣшнія причины, высшія распоряженія; законодательство и правители рѣдко вступались въ поземельныя отношенія, закрѣпленіе крестьянъ была мѣра административная и фискальная, которая не разстроила сельскаго быта, не измѣнила отношеній земледѣльца къ землѣ; всѣ прочія реформы, предначертан-

ныя русскими государями, начиная отъ запрещеній Судебника отчуждать крестьянскія земли до указовъ Александра и Николая о вольныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ включительно; всѣ эти предначертанія проскользнули мимо народа, прошли далекó и высоко надъ нимъ, такъ высоко, что народъ ничего о нихъ и не узналъ: они очень мало затронули внутренній бытъ сельскихъ обществъ и сельско-хозяйственныя отношенія крестьянъ между собою.

Неразумно было бы скрывать отъ себя грубые недостатки и пороки этого быта, но также несправедливо приписывать порядки землевладѣнія, усвоившіеся въ Россіи, исключительно нашему варварству, младенчеству нашего политическаго возраста, отсталости нашей цивилизаціи. Если подъ словомъ „демократія", и въ здравомъ смыслѣ этого слова, разумѣть не только политическую равноправность, которая недоступна рабочему люду, но и хозяйственную, то въ принципѣ мірской разверстки имуществъ и тягостей, на нихъ лежащихъ, есть тоже и чувство правды, и если бы къ развитію этого чувства, къ организаціи этого быта и къ его улучшенію, исправленію, было приложено столько же стараній, сколько было употреблено усилій къ привитію намъ другихъ элементовъ цивилизаціи, то русскій мірской союзъ несомнѣнно оказался бы для народнаго хозяйства не менѣе благотворнымъ, чѣмъ законъ подворнаго владѣнія, подъ коимъ живутъ другіе народы.

Время это еще не ушло; благодаря долгому существованію крѣпостного права, позднему вступленію крестьянскаго сословія въ гражданскую жизнь, поприще аграрнаго и соціальнаго устройства, давно закрытое для европейскихъ обществъ, еще не замкнуто для русскаго; еще мы можемъ воспользоваться необъятнымъ просторомъ для новыхъ поселеній, и если нѣтъ ничего вѣчнаго въ этомъ

мірѣ, то, по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что много пройдетъ лѣтъ и столѣтій, прежде чѣмъ русскому народу сдѣлается тѣсно на русской землѣ.

Также вѣрно и несомнѣнно и то, что къ окончательному регулированію поземельныхъ отношеній надо приступить вскорѣ, чтобы не впасть въ ту же ошибку, какъ другіе народы, которые принялись писать и разсуждать о соціально-аграрныхъ устройствахъ, когда уже всѣ земли были разобраны, всѣ общественныя отношенія установлены и когда не оставалось болѣе ни въ странѣ, ни въ обществѣ свободныхъ мѣстъ для прибывающаго населенія.

Вотъ это-то мы и желали бы разъяснить въ этомъ сочиненіи: что улучшеніе быта еще не достигнуто тѣмъ, что земли надѣлены подушно или подворно всѣмъ сельскимъ обывателямъ; что это равномѣрное распредѣленіе имуществъ ежедневно колеблется, нарушается дѣйствіемъ разныхъ естественныхъ и природныхъ, прямыхъ и косвенныхъ причинъ; что уже нынѣ, черезъ 12 лѣтъ послѣ поголовнаго надѣла всѣхъ крестьянъ, малоземелье зарождается въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; что, поэтому, надо приступить къ такой организаціи, которая бы сама собой исправляла эти недостатки, сглаживала по возможности соціальныя неровности, предотвращала бы и чрезмѣрное развитіе крупнаго землевладѣнія, и приращеніе сельскаго пролетаріата, открывая всѣмъ и каждому, кто способенъ работать, свободный доступъ къ недвижимому имуществу, къ владѣнію землей.

Мнѣнія и ученія европейскихъ экономистовъ могутъ служить намъ въ этомъ дѣлѣ только предостереженіями, но не указаніями; они стоятъ на другой почвѣ и совершенно правы съ своей точки зрѣнія, обзывая всякія аграрныя реформы революціонерными и притомъ безплод-

ными агитаціями. Но другое дѣло въ странѣ, какова Россія, гдѣ еще имѣются сотни милліоновъ десятинъ незанятыхъ земель и необъятныя пространства пустыхъ территорій, гдѣ всѣ жители и грядущія поколѣнія могутъ еще пристроиться безъ ущерба для другихъ собственниковъ, безъ раздѣла земель и безъ экспропріаціи. Тамъ можно смотрѣть на дѣло безъ малодушныхъ опасеній, какъ оно есть, какъ повѣствуетъ о томъ лѣтопись всѣхъ гражданскихъ обществъ древняго и новаго свѣта, повторяющая изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, все одно и то же поученіе, что неправильное распредѣленіе имуществъ между разными классами народа было всюду, и въ самыхъ высокообразованныхъ обществахъ, первой причиной внутреннихъ раздоровъ и междоусобій, а эти смуты первыми предвѣстниками расторженія общественной связи и паденія государствъ, достигшихъ высшей культуры.

Это поученіе намъ кажется высшимъ изъ всѣхъ тѣхъ, которыя могутъ быть выведены изъ исторіи соціальнаго быта разныхъ государствъ древняго и новаго міра, и мы признаемъ полезнымъ обратить вниманіе нашихъ соотечественниковъ на этотъ предметъ, потому что въ немъ, по нашему разумѣнію, заключается вся сущность хозяйственной организаціи страны и народа, точно такъ, какъ мѣстное самоуправленіе составляетъ существо политическаго строя государства.

Въ другомъ нашемъ сочиненіи, «о самоуправленіи», мы старались объяснить, что не формы правленія и порядки управленія разрѣшаютъ вопросъ о свободѣ и полноправности гражданъ.

Здѣсь мы хотимъ указать на другой законъ, столь же важный въ экономическомъ отношеніи, какъ первый въ политическомъ: что богатство страны не всегда соотвѣтствуетъ благосостоянію народа; что приращеніе этихъ бо-

гатствъ очень часто совпадаетъ съ обѣднѣніемъ рабочихъ классовъ; что дѣйствительное улучшеніе соціальнаго быта обусловливается не массою произведеній и валовою суммою денежныхъ оборотовъ, но распредѣленіемъ имуществъ, продуктовъ и денегъ, и, наконецъ, что возстановленіе этой равномѣрности въ пользованіи общими благами составляетъ по существу ту великую задачу, которая потрясла и разрушила древнія цивилизаціи, и волнуетъ и смущаетъ всѣ современныя общества.

Еслибъ мы признавали, что эта задача въ Россіи представляется въ тѣхъ же неумолимыхъ условіяхъ, какъ она предлагается въ другихъ странахъ Стараго Свѣта; еслибъ мы думали, что и у насъ, какъ въ Европѣ, правильное распредѣленіе народныхъ богатствъ и имуществъ можетъ быть достигнуто не иначе, какъ раздѣломъ земель, экспропріаціей собственниковъ, революціей и насильствомъ, то мы бы бросили перо, потому что междоусобія и соціальныя смуты, по свидѣтельству исторіи, были всегда предвѣстниками паденія, а не возрожденія гражданскихъ обществъ.

Мы полагаемъ, напротивъ, что Россія находится въ этомъ отношеніи въ положеніи лучшемъ, чѣмъ другія страны, что имущества у насъ распредѣлены ровнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, и что въ общемъ фондѣ народнаго богатства остается у насъ довольно свободнаго мѣста, свободныхъ имуществъ, чтобы уравнять по возможности соціальныя неровности, не посягая на личныя и реальныя права частныхъ владѣльцевъ, сельскихъ обществъ и казны.

Наконецъ, мы также полагаемъ, что русское общество въ своемъ историческомъ развитіи не перешло еще того рокового рубежа, когда мирныя соглашенія и преобразованія становятся неисполнимыми по той причинѣ, что интересы разныхъ классовъ жителей, соприкасаясь и тѣсня

другъ друга, вступили уже между собой въ соперничество и борьбу. Этой борьбы, которую въ Европѣ называютъ антагонизмомъ сословій, рабочимъ вопросомъ, враждой капитала и труда, соціализмомъ и коммунизмомъ — этой борьбы въ Россіи нѣтъ, и, дай Богъ, чтобъ мы воспользовались промежуточнымъ періодомъ, когда соціальныя отношенія у насъ еще окончательно не установились, чтобы порѣшить по правдѣ и справедливости аграрный вопросъ, причинившій столько замѣшательства всѣмъ народамъ древняго и новаго міра.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА I.

ЭМИГРАЦІЯ.

Эмиграція есть признакъ глубокаго соціальнаго разстройства.—Она происходитъ отъ неравномѣрнаго размѣщенія жителей и недвижимыхъ имуществъ.—Сильнѣйшая эмиграція въ Англіи и Германіи.—Между народами латинской расы она слабѣе.—Различный характеръ эмиграціи въ Англіи и въ Германіи.—Вліяніе милитаризма на переселенія въ Германской Имперіи; переселенія изъ Англіи и Ирландіи начинаются въ XVIII столѣтіи.—Усиливаются съ 1815 года.—Движеніе эмиграціи въ продолженіи XIX столѣтія.—Эмиграціонное движеніе въ Германіи.—Противодѣйствіе германскихъ правительствъ.—Сильнѣйшія переселенія въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ преобладало до новѣйшихъ временъ феодальное помѣстное право.—Изъ какихъ классовъ народа выходятъ эмигранты.—Расходы переселенія.—Суммы имущества, вывозимаго эмигрантами.—Сбереженія переселенцевъ и суммы, высылаемыя ими обратно изъ Америки въ Европу.—Главныя причины, вліяющія на эмиграцію.—Тайные выходцы (heimliche Auswanderer) въ Германіи.—Главныя черты эмиграціоннаго движенія въ новѣйшее время. — Эмиграція усиливается отъ постепеннаго обезземеленья крестьянскаго сословія и отъ вздорожанія цѣнъ на земельныя имущества.

Въ этой главѣ мы хотимъ разсмотрѣть переселенія не въ общемъ экономическомъ и этнографическомъ ихъ значеніи, а только въ соціальномъ, какъ статистическій фактъ, служащій признакомъ и доказательствомъ глубокаго разстройства хозяйственнаго быта въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы.

Мы считаемъ нужнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого явленія и изслѣдовать его причины, потому что самый тотъ фактъ, о коемъ мы свидѣтельствуемъ, разстройство народнаго хозяйства, очень часто отвергается, какъ клевета на высокую культуру европейскихъ народовъ. И дѣйствительно,

въ современной цивилизаціи представляется столько полезныхъ и блистательныхъ сторонъ, что за ними очень легко могутъ скрыться мрачныя черты этого общественнаго строя, и такъ какъ общій итогъ улучшеній и общая сумма народнаго богатства безспорно возрастаютъ, то понятно, что частныя жалобы и обвиненія, взводимыя противъ этого строя, съ перваго взгляда кажутся пристрастными и преувеличенными нареканіями.

За неимѣніемъ никакихъ мѣръ и вѣсовъ для измѣренія благосостоянія народа, мы однако думаемъ, что однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ степени этого благосостоянія можетъ служить бо́льшее или меньшее стремленіе жителей къ водворенію въ данной странѣ и наоборотъ, къ переходу, выходу изъ своего отечества въ чужіе края.

Правда, это послѣднее стремленіе можетъ также проистекать и изъ другихъ побужденій, кромѣ экономическихъ, напримѣръ изъ политическаго и религіознаго преслѣдованій, и въ прежнія времена эти причины и породили переходъ большихъ массъ народа изъ однѣхъ странъ въ другія; но грозныя времена гоненій за вѣру миновали, политическія смуты хотя и вліяютъ на выселеніе нѣкоторыхъ политическихъ преступниковъ, но въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ; всюду водворились вѣротерпимость и свобода совѣсти; крестьяне вышли на полную волю, фабричные городскіе рабочіе освободились отъ притѣсненія цеховъ, гильдій, ремесленныхъ управъ.

И вотъ, въ то же самое время, какъ устроилась политическая равноправность, открывается во всей Европѣ, но преимущественно въ плодороднѣйшихъ ея частяхъ, какъ южная Германія, или въ свободнѣйшихъ странахъ, какъ Англія, неодолимое стремленіе низшихъ классовъ къ выселенію и переходу на другія земли, такъ что въ дѣйствительности оказывается, что первое право, коимъ воспользовался простой народъ по провозглашеніи правъ человѣка, первое употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ дарованной ему свободы, было стремительное бѣгство съ первобытныхъ мѣстъ жительства, изъ благословенныхъ странъ, гдѣ высокая культура, казалось, обезпечивала ему всѣ блага жизни.

Изъ этого, я думаю, можно заключить, что во внутреннемъ хозяйственномъ строѣ этихъ странъ имѣется какой-

нибудь существенный порокъ, ибо переселеніе составляетъ въ быту простолюдина одну изъ самыхъ тяжкихъ крайностей, такое предпріятіе, на которое онъ рѣшается не прежде, какъ испытавъ всѣ другія средства выхода изъ бѣды, и мѣра эта признается столь стѣснительною, что она во всѣхъ законодательствахъ составляетъ уголовную кару за самыя тяжкія преступленія. Поэтому, если мы видимъ, что ежегодно, въ теченіи полустолѣтія, нѣсколько сотъ тысячъ гражданъ образованнѣйшихъ странъ свѣта налагаютъ на себя такое же наказаніе, какое грозитъ преступникамъ, и отправляются въ ссылку по тому же пути, по коему водятъ каторжниковъ, то мы изъ этого должны заключить, что положеніе этихъ людей достигло такой степени угнетенія, что всякія лишенія, труды и риски имъ кажутся предпочтительнѣе настоящаго ихъ хозяйственнаго быта.

На это обыкновенно возражаютъ, что частное явленіе не можетъ служить доводомъ для оцѣнки общаго состоянія народа; что переселенцы составляютъ незначительный процентъ населенія и притомъ худшую, разгульную часть рабочихъ сословій, по дурному поведенію или безпокойному нраву не уживающихся въ благодатной средѣ образованныхъ обществъ; что разстройство, обѣднѣніе или даже погибель нѣкоторой части рабочихъ слабосильныхъ или лѣнивыхъ есть общій, непреложный законъ человѣческихъ обществъ, и пр.; и пр.; и пр.

Противъ этой аргументаціи мы постараемся представить факты и числа, ее опровергающія, и доказывающія, во-первыхъ, что большая часть эмигрантовъ вовсе не заслуживаетъ такихъ упрековъ и состоитъ, напротивъ, изъ людей трудолюбивыхъ и бережливыхъ; во-вторыхъ, что они выселяются большими массами и преимущественно не изъ тѣхъ областей, гдѣ населеніе наиболѣе густое, но изъ тѣхъ странъ, гдѣ землевладѣльческое сословіе завладѣло бо́льшею частью государственной территоріи, и, въ-третьихъ, что эмиграція можетъ служить не столько масштабомъ для измѣренія степени нищеты, въ которую впали рабочіе классы, сколько указаніемъ, признакомъ ихъ неимущества и общаго неудовлетворительнаго состоянія низшихъ сословій земледѣльцевъ и поденьщиковъ, не имѣющихъ осѣдлости и собственности.

Однимъ словомъ, эмиграціонное движеніе составляетъ

только одно отдѣльное проявленіе того соціальнаго разстройства, которое постигло нѣкоторыя страны Европы, и по числу переселенцевъ надо заключить, что несравненно бо́льшая часть народа находится въ хозяйственномъ положеніи еще несравненно худшемъ.

Самый актъ переселенія, рѣшимость покинуть родину и родимый очагъ, порвать связи родства и общежитія, требуетъ такой энергіи, такого усилія воли, къ какому способны немногіе; притомъ же переселеніе въ тѣ отдаленные края, куда стремится современное эмиграціонное движеніе, требуетъ значительныхъ расходовъ, простирающихся, какъ мы увидимъ ниже, до нѣсколькихъ сотъ рублей на семейство. Изъ этого слѣдуетъ (мы подтвердимъ это положительными свѣдѣніями), что тотъ разрядъ жителей, изъ коего набирается главная масса эмигрантовъ, составляетъ не послѣдній, низшій классъ неимущихъ, впавшихъ въ безвыходную нищету, а верхній слой этого низшаго и бѣднѣйшаго класса, сохранившій еще послѣ тяжкихъ испытаній и всякихъ житейскихъ невзгодъ и силу воли, достаточную для перенесенія всѣхъ трудностей такого хозяйственнаго переворота, и нѣкоторыя, хотя и скудныя средства для покрытія расходовъ. Это бо́льшею частью, за исключеніемъ ирландцевъ, люди трудолюбивые и смѣтливые, уставшіе отъ европейскаго быта (Europa-müde), проигравшіеся въ азартной игрѣ наемнаго труда и ставящіе на послѣднюю ставку свои послѣднія сбереженія и силы. Но позади ихъ остаются еще въ низшихъ слояхъ тѣхъ же обществъ толпы другихъ неимущихъ, лишенныя и этихъ послѣднихъ средствъ, и не прибѣгающія къ переселенію только потому, что не имѣютъ матеріальной возможности предпринять длинный путь и вынести тяжкіе труды переѣзда и новаго водворенія.

Съ этой точки зрѣнія мы и просимъ читателя разсмотрѣть факты, нами здѣсь представленные: они даютъ эмиграціи совершенно другое значеніе, чѣмъ то, которое ей обыкновенно приписываютъ экономисты и публицисты нѣмецкой школы; она проистекаетъ не отъ густоты населенія, а отъ дурного, неравномѣрнаго размѣщенія жителей и отъ тягостнаго положенія, въ которое поставлено было крестьянство во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ. Ирландія населена менѣе, чѣмъ Англія, Мекленбургъ менѣе, чѣмъ средняя Германія, наши Остзейскія

губерніи менѣе, чѣмъ центральныя; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ эмиграція открылась и продолжается подъ вліяніемъ соціальныхъ, а не территоріальныхъ причинъ, изъ коихъ главная — исключительное господство сословно-помѣстнаго элемента [1]).

Эмиграціонное движеніе проявляется въ настоящее время въ наибольшихъ размѣрахъ въ двухъ странахъ, населенныхъ, или, вѣрнѣе сказать, покоренныхъ саксонской расой, въ Англіи и Германіи, изъ коихъ въ первой считается на квадратную милю 5489 жителей, во второй 4026. Въ земляхъ франкскихъ и романскихъ или даже въ тѣхъ, гдѣ эти расы смѣшались съ германской и англо-саксонской, эмиграція несравненно слабѣе, а именно въ Бельгіи, гдѣ населенія 9346 на кв. м., въ Голландіи 6131, въ Италіи 4916, во Франціи 3819. Въ послѣднихъ двухъ государствахъ она даже совершенно ничтожна, хотя многіе департаменты Франціи и нѣкоторыя области Италіи населены вдвое и втрое гуще, чѣмъ сѣверо-восточная Германія или горная Шотландія.

Этотъ фактъ подалъ поводъ къ нѣсколько одностороннему заключенію, будто бы при мелкомъ землевладѣніи, существующемъ во Франціи, низшіе классы вполнѣ удовлетворены и обезпечены и такъ довольны своимъ земельнымъ бытомъ, что не ищутъ лучшаго, однимъ словомъ, что аграрный строй Франціи есть лучшій, полнѣйшій типъ демократическаго землевладѣнія. Мы представимъ впослѣдствіи противъ этого мнѣнія нѣкоторыя возраженія, здѣсь же только замѣтимъ, что отсутствіе эмиграціоннаго движенія не можетъ служить въ этомъ отношеніи доказательствомъ, ибо въ Испаніи и Италіи, гдѣ, напротивъ, преобладаетъ крупное землевладѣніе, эмиграція еще слабѣе, чѣмъ во Франціи, а въ прирейнскихъ областяхъ Германіи, гдѣ приняты со временъ Наполеона I поземельныя положенія и порядки наслѣдованія Франціи, переселенія, наоборотъ, усиливаются съ каждымъ годомъ.

Общее направленіе эмиграціи и колонизаціи указываетъ на другое основное въ нихъ явленіе: есть народы и цѣлыя расы болѣе склонныя по природѣ своей къ переселеніямъ, другія менѣе, и въ особенности франко-латинское племя не

расположено къ основанію новыхъ колоній и неспособно къ водворенію на новыхъ мѣстахъ. Это объясняется очень просто характеромъ этихъ народовъ; нравъ ихъ пылкій, но не настойчивый, живой и предпріимчивый, но не находчивый, дѣлаетъ ихъ неспособными къ той тяжкой борьбѣ, которая требуется для основанія новыхъ жительствъ, и полная неудача, постигшая всѣ ихъ колоніи въ Новомъ свѣтѣ, плачевная исторія Алжирской колоніи, въ наше время ясно доказываютъ эту неспособность [2]).

Къ этому надо прибавить слѣдующее очень важное соображеніе: въ полуденныхъ странахъ, подъ благословеннымъ небомъ Франціи или Италіи, бѣдность не сопряжена съ такими лишеніями и физическими страданіями, какъ на сѣверѣ; пища умѣреннѣе, обувь и одежда проще и дешевле; при равной степени неимущества итальянскій лазарони выноситъ несравненно менѣе страданій, чѣмъ ирландскій нищій или лифляндскій латышъ, и главное различіе между соціальнымъ бытомъ сѣверныхъ и южныхъ народовъ состоитъ въ томъ, что первые не могутъ существовать безъ крова, очага, топлива и зимней одежды, и стремятся неуклонно къ осѣдлости и домовитости.

Это прямо указываетъ, что эмиграція, проистекающая отъ крайней нищеты, должна быть болѣе свойственна обитателямъ суровыхъ сѣверныхъ странъ и что вообще пролетаріатъ становится болѣе тяжелымъ, невыносимымъ въ полуночныхъ земляхъ; въ исторіи древней цивилизаціи римской, греческой, въ Италіи, Испаніи, пролетаріатъ не имѣлъ такихъ горькихъ послѣдствій и такого страшнаго вида, потому что нищіе могли обойтись и безъ жилища, грѣясь на солнцѣ и ночуя на улицѣ въ грязныхъ лохмотьяхъ; но чѣмъ выше на сѣверѣ стали восходить гражданскія общества, тѣмъ тягостнѣе становились лишенія, налагаемыя нищетой, невыносимымъ бродяжничествомъ, и тѣмъ болѣе ясно и горько заявлялись ропотъ и неудовольствіе низшихъ классовъ, лишенныхъ по разнымъ причинамъ собственныхъ жилищъ и осѣдлости.

Эмиграція дѣйствуетъ въ отношеніи пролетаріата какъ охранительный клапанъ, выпускающій лишніе пары изъ котла; она даетъ выходъ тревожной дѣятельности народныхъ массъ, замкнутыхъ въ слишкомъ тѣсной средѣ современныхъ об-

ществъ; поэтому въ тѣхъ государствахъ, гдѣ эмиграція сдѣлалась нормальнымъ явленіемъ, какъ въ Англіи и Германіи, соціальныя смуты какъ будто нѣсколько укрощаются, по крайней мѣрѣ не доходятъ до революціонныхъ движеній и междуусобицъ, между тѣмъ какъ французское общество, лишенное этого охранительнаго снаряда, бродитъ и вскипаетъ періодически [3]).

Главными предметами нашихъ изслѣдованій будутъ два государства — Англія и Германія. По исчисленіямъ, которыя мы приведемъ ниже въ подробностяхъ, оказывается, что съ 1815 года по 1870 г. выселилось изъ Англіи около 7 мил. жителей, изъ Германіи не менѣе (а вѣроятно гораздо болѣе) 3 милліоновъ, итого, не считая другихъ странъ, 10 милліоновъ. Населеніе этихъ двухъ государствъ было въ 1815 году 50 милліоновъ, а въ 1870 году 70 милліоновъ; принимая для всего этого періода среднее число 60 милліоновъ, мы получимъ пропорцію эмигрантовъ къ общему числу жителей какъ 1: 6 или 16,5%.

Мы приняли только періодъ 55-лѣтній, отъ 1815 г. до 1870 г., потому, что только съ 1815 года начали въ Англіи и отчасти въ Германіи вести общій счетъ переселенія; но уже въ прошломъ столѣтіи большія массы выходцевъ перешли въ англійскія колоніи; въ восточную и западную Индію выселялось около 100,000 ежегодно; въ одни голландскія колоніи ушло въ 1700—1719 г.—105,972 эмигранта, а съ 1747 по 1766 г.—162,598. Но общихъ итоговъ за прежніе годы свести нельзя, и потому мы предпочли наши изслѣдованія начать съ 1815 года, съ котораго и открывается сначала въ Англіи, потомъ и въ Германіи, періодическое, ежегодное и съ каждымъ годомъ усиливающееся, эмиграціонное движеніе.

Прежде всего мы должны здѣсь отмѣтить существенное различіе, которое открывается съ перваго взгляда между характеромъ и послѣдствіями эмиграціи въ этихъ двухъ странахъ.

Въ Англіи изъ общаго числа эмигрантовъ, показанныхъ до 1866 г., переселилось въ Соединенные Штаты 3,785,789;

въ Австралію и др. англійскія колоніи 2,215,202; въ другія страны только 132,401.

Изъ Германіи, напротивъ, вся эмиграція направляется въ страны совершенно чужія германскому племени, и бо́льшею частью въ Соединенные Штаты. Общихъ чиселъ мы не могли найти, но изъ отдѣльныхъ свѣдѣній видимъ, что напр. въ 1854 г. изъ общаго числа 181,028 нѣмецкихъ выходцевъ прибыло въ Америку 165,513; съ 1819 по 1855 годъ показывается нѣмецкими статистиками (Gäbler) всѣхъ эмигрантовъ изъ Германіи 1.799,853, а по другимъ, американскимъ, свѣдѣніямъ прибыло нѣмцевъ въ одинъ Нью-Іоркъ съ 1847 до 1866—1.345,619. Это соображеніе очень важно для правильной оцѣнки эмиграціи: въ Англіи переселеніе происходитъ почти на половину внутри государства, изъ метрополіи, коренной земли, въ колоніи, и если при томъ сообразить, что и другая половина эмигрантовъ, переходящая въ Соединенные Штаты, находитъ въ своемъ новомъ отечествѣ общественную среду родную англійской, свой языкъ и свои нравы, то можно сказать, что англійская эмиграція нисколько не ослабляетъ ни могущества Великобританіи, ни культурныхъ и соціальныхъ силъ англо-саксонскаго племени.

Дѣло другое въ Германіи; такъ какъ германскія государства не имѣютъ колоній, то вся эмиграція направляется въ чужія страны, всякое переселеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ выселеніе; эмигранты, выходя изъ своего отечества, перемѣщаются въ общества совершенно имъ чуждыя, впадаютъ въ среду, устроенную на другихъ началахъ, съ другими нравами, нарѣчіями, и должны поэтому постепенно перерождаться и терять свою народность; поэтому германская раса отъ эмиграціи терпитъ прямой убытокъ, германская культура, расплываясь по другимъ странамъ, утрачиваетъ свою интенсивную силу и удѣляетъ другимъ народностямъ избытки своихъ рабочихъ и культурныхъ средствъ.

Хотя нѣмецкіе правители и писатели неохотно выставляютъ эту слабую сторону своей національности, но однакоже въ новѣйшее время экономисты обратили вниманіе на это явленіе и его послѣдствія, и, различая переселеніе въ колоніи отъ выхода въ чужія страны, называютъ первое kolonisatorische Auswanderung (Roscher, Grund. d. Nation. Oecon. § 260), опи-

сываютъ невыгодныя послѣдствія для нѣмецкихъ земель отъ усиливающейся эмиграціи, и, сожалѣя о недостаткѣ колоній, указываютъ на необходимость пріобрѣсти на востокѣ запасныя территоріи для водворенія выходцевъ изъ Германіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это движеніе, видимо, скрывается какъ въ оффиціальныхъ, такъ и въ частныхъ изданіяхъ; публикуютъ только отрывочныя свѣдѣнія изъ Бремена, Гамбурга о числѣ эмигрантовъ, отплывшихъ изъ этихъ портовъ; правительства всѣми средствами противодѣйствуютъ переселеніямъ, а многочисленные совѣтники, пасторы, помѣщики и публицисты, предостерегая сыновъ Германіи отъ легкомысленной эмиграціи, утверждаютъ, что нигдѣ они не обрѣтутъ такихъ высокихъ благъ цивилизаціи, какими пользуются въ славномъ своемъ отечествѣ.

Но предостереженія эти, какъ видно изъ свѣдѣній за послѣдніе годы, мало имѣютъ успѣха; напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ прусскій милитаризмъ обуялъ Германію, переселенія еще усилились. Впрочемъ и прежде главный контингентъ эмигрантовъ состоялъ изъ молодыхъ людей, призываемыхъ къ рекрутскому жеребью (militärpflichtig), и изъ нихъ образовался особый разрядъ, который въ оффиціальныхъ отчетахъ показывали отдѣльно подъ именемъ тайныхъ выходцевъ (heimliche Auswanderer). Въ Пруссіи въ 9 лѣтъ (1855—1864) считалось противъ 128,708 явныхъ эмигрантовъ 48,756 тайныхъ выходцевъ, т.-е. военныхъ дезертировъ; въ Австріи въ 1851 году было только (?) 864 вольныхъ (freie Auswanderer) и 1865 тайныхъ переселенцевъ. Вообще въ этомъ послѣднемъ государствѣ свѣдѣнія объ эмиграціи очевидно скрываются и въ оффиціальныхъ отчетахъ за 1850—1868 годы показано всего 57,726 переселенцевъ, между тѣмъ извѣстно, что однихъ чеховъ вышло изъ Австріи въ Россію и Америку нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ.

Намъ нужно было оговорить эти обстоятельства, чтобы оправдать себя въ неполнотѣ и нѣкоторой сбивчивости показаній относительно нѣмецкой эмиграціи: она отчасти умышленно скрывается, отчасти сама собой ускользаетъ отъ исчисленія, потому что бо́льшею частью происходитъ втайнѣ, въ видѣ бѣгства отъ военной службы.

Эмиграція изъ Англіи началась съ 1815 года. До того времени она не имѣла постояннаго характера, хотя и происходила въ большихъ размѣрахъ уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Но это были или спекулятивныя предпріятія частныхъ лицъ, получившихъ земли въ даръ отъ казны, или поселенія выходцевъ, бѣжавшихъ отъ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій; такъ населялись многіе штаты сѣверной Америки подъ предводительствомъ предпріимчивыхъ вождей — Walter Raleigh'a въ Виргиніи (1584), Smith'a (1607). William Penn'a въ Новой Англіи, лорда Baltimor'a въ Мариландѣ, или толпами квакеровъ, пуританъ, диссидентовъ, такъ называемыхъ отцовъ эмигрантовъ (pilgrim fathers 1621 г).

Въ XVIII столѣтіи начали уже обнаруживаться другія побужденія къ эмиграціи—не политическія, а хозяйственныя и соціальныя.

Въ 1709 году, вслѣдствіе одного неурожайнаго года и суровой зимы, рабочіе впали въ нѣкоторыхъ графствахъ Англіи въ такую нищету, что правительство рѣшилось предложить имъ проѣздъ въ Америку на счетъ казны и выселило такимъ образомъ до 30,000 человѣкъ.

Въ слѣдующіе годы и въ продолженіи всего XVIII вѣка эти выходы возобновлялись изрѣдка, но всегда въ эпохи хозяйственнаго разстройства, неурожая и голода, и въ такихъ размѣрахъ, что парламентъ нѣсколько разъ принужденъ былъ издавать акты, запрещающіе переселеніе (въ 1719, 1750, 1785 годахъ).

Въ концѣ прошлаго столѣтія они сдѣлались явленіемъ довольно частымъ, и слѣдующія обстоятельства вліяли на усиленіе эмиграціи: во-первыхъ — законъ о бѣдныхъ и общественномъ призрѣніи, между тѣмъ какъ фабриканты и фермеры жаловались на недостатокъ рабочихъ и дороговизну заработной платы; мѣстныя церковныя общества (parish) и въ главѣ ихъ лорды-вотчинники (landlords), напротивъ, заботились объ умножающемся числѣ неимущихъ, которые, падая на попеченіе прихожанъ, ежегодно возвышали расходы и сборы по вѣдомству общественнаго призрѣнія, и старались всѣми средствами ихъ сбывать, перегоняя нищихъ изъ одного прихода въ другой; когда же новыми распоряженіями правительства эти переселенія были нѣсколько стѣснены, то многія приход-

скія общества и вотчинники прибѣгли къ выселенію и назначали даже особыя суммы для вспомоществованія выходцамъ. Во-вторыхъ, въ сѣверной Шотландіи и горныхъ графствахъ, называемыхъ highlands, дѣйствовали другія причины, тоже усилившія переселенія; крупные землевладѣльцы, коимъ принадлежатъ огромныя пространства нагорной Шотландіи, находили свой разсчетъ замѣнять хлѣбопашество овцеводствомъ, и поэтому, возвышая арендную плату на земли и притѣсняя арендаторовъ, заставляли ихъ выселяться, а фермы, хутора присоединяли къ своимъ хозяйствамъ и превращали ихъ въ скотные дворы и овчарни.

Въ Ирландіи вліяло на эмиграцію общее положеніе землевладѣнія и крестьянъ. Въ этой странѣ, какъ извѣстно, вся поземельная собственность принадлежитъ англійскимъ лордамъ, которые, имѣя свое жительство въ другихъ частяхъ Англіи и не занимаясь хозяйствомъ, сдаютъ свои земли въ аренду; но такъ какъ сдача по мелкимъ участкамъ оказывается, съ одной стороны, болѣе выгодной, а съ другой—для отсутствующаго землевладѣльца затруднительной, то ирландскіе помѣщики устроили въ своихъ помѣстьяхъ систему двойной аренды, т.-е. сами отъ себя сдаютъ цѣнныя фермы одному арендатору или прикащику (middleman), предоставляя передавать земли по мелкимъ частямъ въ оброчное содержаніе крестьянамъ. Пользуясь этимъ правомъ въ отсутствіе самихъ вотчинниковъ, сдѣлавшись почти безотчетными и неограниченными, прикащики-арендаторы дробили господскія запашки на самыя мелкія полосы и возвышали непомѣрно наемную плату на земли; общее разстройство крестьянскаго сословія слѣдовало быстрыми шагами за такой грубой эксплуатаціей, оброчныя статьи дорожали, съемщики разорялись и, какъ къ послѣднему убѣжищу отъ гнета землевладѣльцевъ, несчастные ирландцы прибѣгли къ переселенію.

Итакъ, общія причины, породившія эмиграцію въ Англіи, были чисто хозяйственныя; землевладѣльцы находили свой разсчетъ замѣнять хлѣбопашество скотоводствомъ и овцеводствомъ и залужали пахатныя земли, разводя на нихъ многолѣтнія кормовыя травы; они упраздняли фермы, срывали крестьянскіе дворы, заводя на мѣсто ихъ овчарни и скотные дворы, присоединяя къ своимъ господскимъ запашкамъ угодья,

отобранныя у крестьянъ; это называлось clearing of estates, буквально очищеніе помѣстій. Хозяева упраздненныхъ фермъ, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ въ званіи поселянъ, переходили затѣмъ въ разрядъ безземельныхъ батраковъ и многіе изъ нихъ на попеченіе общества и приказовъ общественнаго призрѣнія; расходы и сборы на призрѣніе неимущихъ росли; для избѣжанія возрастающихъ тягостей кормленія неимущихъ, сельскія общества и землевладѣльцы сначала переселяли призрѣваемыхъ изъ одного прихода въ другой, а затѣмъ приступлено было, и притомъ неудовлетворительно, къ окончательному выселенію; открылся періодъ эмиграціи.

Переворотъ этотъ совершался въ продолженіи цѣлаго XVIII столѣтія, и замѣчательно, что время наивысшаго политическаго торжества Англіи было и время гибельнаго перелома въ хозяйственномъ быту англійскаго народа. Когда, въ 1815 году, она, затративъ милліарды, наконецъ вышла побѣдительницей изъ 20-лѣтней борьбы съ Франціей, укрыла моря всего свѣта своимъ военнымъ и торговымъ флотомъ, достигла промышленнаго благосостоянія, военной славы, всемірной торговли и небывалаго въ лѣтописяхъ другихъ народовъ государственнаго богатства, тогда-то въ тотъ же 1815 годъ открылось такое бѣдственное положеніе низшихъ классовъ того же англійскаго народа, что расходы общественнаго призрѣнія достигли (въ 1818 г.) громадной суммы 65 милліоновъ рублей въ одинъ годъ, и что въ томъ же году началось выселеніе изъ Англіи въ Америку въ быстро возрастающей и съ тѣхъ поръ уже не прекращающейся прогрессіи.

Всѣхъ выходцевъ изъ Англіи было:

въ 1815—1819	годахъ	97,779	въ 1 годъ	15,559
„ 1820—1829	„	216,114	„ 1 „	21.611
„ 1830—1839	„	699,314	„ 1 „	66,931
„ 1840—1849	„	1.494,786	„ 1 „	149,478
„ 1850—1859	„	2.439,585	„ 1 „	243,958
„ 1860—1869	„	1.839,099	„ 1 „	183,909
Всего въ 55 лѣтъ		6.786,677	въ годъ	123,395

Изъ этого видно, что, за исключеніемъ незначительнаго пониженія за послѣднее десятилѣтіе, во все продолженіе настоящаго столѣтія выселеніе англичанъ постоянно усиливалось; оно нѣсколько уменьшилось въ шестидесятыхъ годахъ

по случаю междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, но въ послѣдніе годы вновь возрастаетъ и доходитъ до 216,000 эмигрантовъ въ годъ.

Въ продолженіе этого 55-лѣтняго періода были, разумѣется, нѣкоторыя колебанія, но всѣ они были въ связи съ хозяйственными обстоятельствами; въ 1825—1826 г. неурожай довелъ сельскихъ обывателей до такой крайности, что назначена была помощь отъ казны и на казенный счетъ вывезено было изъ Англіи 95,000 человѣкъ. Введеніе паровыхъ машинъ также подѣйствовало на выселеніе, и въ 1832 г. число выходцевъ возрасло до 163,140.—Затѣмъ въ слѣдующіе годы внезапное развитіе промышленности повліяло благотворно на бытъ рабочихъ, эмиграція уменьшилась до 32,222 человѣкъ въ 1838 г., но это былъ только краткій и послѣдній промежутокъ; въ 1840 г. устройство на всѣхъ фабрикахъ Ланкастера бумаго-прядильнаго станка вдругъ утроило число выходцевъ; ихъ было:

въ 1840	году	90,743
„ 1841	„	118,592
„ 1842	„	128,344

Наконецъ, послѣ небольшого промежутка въ 1847 году открылась въ Ирландіи болѣзнь картофеля, и переселеніе приняло размѣры небывалые:

въ 10 лѣтъ съ 1845—1854	годъ	выселилось	2.668,154 чел.
въ одинъ 1854	„	„	427,833 „

Всего же съ 1815 года вышло изъ великобританскихъ королевствъ 6.786,677 чел., что́ составляетъ на общее число жителей 29.321,000 (въ 1861 г.) около 20%, или 1 эмигрантъ на 5 жителей.

Но эти цифры не даютъ еще вѣрнаго понятія о дѣйствительной пропорціи между выходцами и жителями, потому что наибольшее число первыхъ относится къ наименьшему числу вторыхъ, а именно больше половины всѣхъ выходцевъ принадлежитъ Ирландіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ общаго счета ирландскихъ эмигрантовъ за весь періодъ съ 1815 по 1870 годъ, но въ теченіи 21 года (1835—1855 годъ) ихъ было 3.053,291 на общее число жителей 8.175,124 (въ 1846 г.), или на 100 жителей 37 эмигрантовъ.

Чтобы прослѣдить въ полномъ значеніи соціальный во-

просъ, нынѣ волнующій Европу, намъ нужно будетъ часто возвращаться къ этому Зеленому острову, какъ называютъ Ирландію англійскіе поэты, потому что въ ней мы увидимъ лучшій образецъ такого общества, гдѣ полная личная свобода и политическая полноправность совпадаютъ съ самой тяжкой неволей въ хозяйственномъ быту и крайней нищетой. Переселенія составляютъ только одну изъ сторонъ этой мрачной картины и служатъ мѣрой для опредѣленія размѣровъ этихъ золъ и ключомъ къ ихъ уразумѣнію.

Въ 1830 г. (годъ Іюльской революціи во Франціи) начались въ Ирландіи, подъ предводительствомъ извѣстнаго агитатора О-Конеля, политическія волненія; хотя они причиняли нѣкоторыя заботы правительству, но по экономическимъ понятіямъ того времени послужили только статьею обвиненія противъ самихъ ирландцевъ и приписывались ихъ грубости и лѣни, точно такъ, какъ бѣдность крестьянъ въ Россіи приписывается только пьянству и праздности. И въ Англіи тоже (до 1830 г.) никто не давалъ себѣ труда вникнуть въ причины, развращающія простой народъ, и принимать мѣры противъ корня зла, вмѣсто того чтобы сѣтовать на его проявленія. Но корень открылся въ Англіи прежде или по крайней мѣрѣ яснѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, благодаря полной свободѣ печати и слова, а именно въ слѣдующемъ фактѣ, который поразилъ практическій смыслъ этого смѣтливаго народа. По переписи 1832 г. оказалось, что населеніе Ирландіи въ теченіи 10 лѣтъ (1821—1830 г.) умножилось на 967,574 души, на 14%, что въ бѣднѣйшей части графства Connaught приращеніе доходило до 22%, а по ревизіи 1841 г. оказалось всѣхъ жителей 8.250,000 болѣе противъ 1821 г. на 1.448,173 чел.

Это чрезмѣрное размноженіе бѣднѣйшаго населенія устрашило англичанъ; они еще не сознавали главныхъ и коренныхъ причинъ зла, но уже предвидѣли и предсказывали гибельныя его послѣдствія, и приступили къ новой системѣ управленія: 1) преобразовано было положеніе о призрѣніи бѣдныхъ, усиленъ сборъ на бѣдныхъ (poor-tax), устроены новые рабочіе дома (workhouses), и ассигнованы казенныя суммы на ихъ содержаніе; 2) приняты были рѣшительныя мѣры къ поощренію переселеній, учреждено главное управленіе подъ

названіемъ Colonial-Emigration-Commission (въ 1840 г.); по акту парламента (1843 г.) предписано приказамъ общественнаго призрѣнія принимать на свой счетъ одну часть расходовъ на выселеніе $^1/_3$, если землевладѣлецъ, въ помѣстьѣ коего водворенъ переселенецъ, принимаетъ на себя другую часть $^2/_3$; въ 1849 году установлено, что помѣщики могутъ вступать въ соглашеніе съ приказами о возвращеніи имъ части издержекъ на выселеніе рабочихъ, и что бѣднѣйшимъ изъ нихъ выдается вспомоществованіе отъ казны [4]).

Послѣ неурожайнаго 1847 года наступило страшное бѣдствіе, и общій итогъ неимущества выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Годъ.	Число эмигрантовъ.	Число неимущихъ призрѣваемыхъ.	Расходъ на призрѣніе.
1849	219,000	620,747	2.062,752
1850	214,000	307,970	1.070,499
1851	254,000	209,187	570,372
1852	225,009	171,418	530,626
1853	329,937	141,822	595,192

Окончательный итогъ нищенства и переселеній можетъ быть подведенъ такъ: съ 1844 г. по 1861 г. населеніе Ирландіи, которое до того времени прибывало по 14 % въ годъ, уменьшилось съ 8.300,000 на 5.746,000, т.-е. на 2.554,000; а такъ какъ эмигрантовъ въ эти 14 лѣтъ было всего изъ Ирландіи 2.209,389, то надо предположить, что остальное число недостающихъ жителей, около 345,000 человѣкъ, умерло отъ болѣзней и голода.

Въ послѣднее 10-лѣтіе замѣтно нѣкоторое улучшеніе: число эмигрантовъ уменьшилось съ 329,937 (въ 1854 г.) до 52,981 (въ 1859 г.), число призрѣваемыхъ съ 620,747 (въ 1849 г.) до 52,154 (въ 1867 г.), число преступниковъ, присужденныхъ къ наказанію, было въ 1853 году 8,714, а 1867 г.—2,733.

Англія уже готовилась отпраздновать торжество умиротворенія Ирландіи, министры и ораторы прославляли во всѣхъ своихъ рѣчахъ благія послѣдствія либеральной своей политики; казалось, что всѣ вопросы экономическаго благосостоянія порѣшены и соглашены,—когда внезапно возникъ мятежъ

феніевъ и поднялъ вопросъ новый, вопросъ земельный, настоящую задачу XIX вѣка.

Между тѣмъ переселеніе, упавши въ 1859 году до 50,000 человѣкъ, нынѣ вновь усилилось, и въ послѣдніе годы доходитъ до 200,000 человѣкъ въ годъ [5]).

Германія, какъ мы выше сказали, стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ Англіи по числу выходцевъ, ежегодно переселяющихся въ другія страны, но здѣсь представляются особенныя трудности для описанія этого движенія: нѣмецкія правительства и писатели какъ будто-бы согласились скрывать дѣйствительное положеніе этого дѣла, и признавая выселеніе невозвратимой потерей для нѣмецкаго племени, публикуютъ о немъ только отрывочныя и неполныя свѣдѣнія; оффиціальныхъ отчетовъ вовсе не издается; свѣдѣнія, какія имѣются, позаимствованы или изъ вѣдомостей, публикуемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ о прибывшихъ нѣмцахъ, или же изъ частныхъ объявленій объ эмигрантахъ, отплывшихъ изъ германскихъ портовъ (Бремена, Гамбурга) въ Америку.

Поэтому общій обзоръ переселеній изъ Германіи выходитъ очень неполный.

Вообще нѣмцы, точно такъ, какъ и соплеменные имъ англо-саксы, очень склонны къ переселенію, и уже въ XVII столѣтіи начали переходить цѣлыми обществами въ чужія земли; но настоящій постоянный характеръ правильнаго передвиженія приняло переселеніе, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи, въ началѣ настоящаго столѣтія и подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ хозяйственнаго разстройства и притѣсненій помѣстнаго сословія. Въ 1817—1818 г. число выходцевъ простиралось уже до 30,000,—затѣмъ уменьшилось до 24,000, съ 1830 г. вновь возрасло до 33,000, а послѣ неурожая 1847 года и политическихъ смутъ 1848 г. достигло 100,000 и вскорѣ послѣ, въ 1854 г.,—251,931. Затѣмъ, точно такъ, какъ и въ Англіи, сдѣлался поворотъ въ общественномъ мнѣніи; неудачныя попытки многихъ выходцевъ, ошибки и обманы разныхъ подрядчиковъ, выписавшихъ поселенцевъ и разорившихъ ихъ, пріостановили на время переселенія; въ 1855 году возвратилось изъ Америки въ Германію обратно

до 30,000 человѣкъ; нѣкоторыя компаніи, основанныя для переселенія, между прочимъ Майнцкое Княжеское Общество (Mainzner Fürstenverein), состоявшее изъ членовъ высшей аристократіи съ владѣтельнымъ принцемъ von Solms во главѣ, впали въ полную несостоятельность, и безсовѣстныя продѣлки американскихъ и нѣмецкихъ агентовъ внушили въ Германіи всеобщія опасенія. Но съ 1865 г. эмиграція начала вновь усиливаться и доходитъ нынѣ отъ 100 до 200 тысячъ въ годъ.

Всего выселилось изъ Германіи:

съ 1815 г. по 1855 г.		1.799,853
въ 1856	году	98,753
„ 1857	„	115,756
„ 1858	„	53,266
„ 1859	„	45,100
„ 1860	„	49,669
„ 1861	„	35,427
„ 1862	„	27,740
„ 1863	„	38,263
„ 1864	„	57,446
„ 1865	„	83,451
„ 1866	„	108,840
„ 1867	„	117,591
„ 1868	„	101,989
„ 1869	„	101,541
„ 1870	„	—
„ 1871	„	270,000
„ 1872	„	155,595
Итого		3.160,310

Свѣдѣнія эти мы позаимствовали изъ статистики Кольба (Handbuch der vergleichenden Statistik. 6 Ausg. 1871. S. 6); они извлечены изъ оффиціальныхъ источниковъ [6]).

Чтобы судить о прогрессивномъ ходѣ эмиграціи, мы приведемъ еще слѣдующую таблицу (Histoire de l'Émigration p. Duval); въ одинъ портъ Нью-Іоркъ прибыло нѣмцевъ:

въ 10 лѣтъ	1819—28	всего	46,300	въ 1 годъ	4,630
„ „ „	1829—38	„	200,900	„	20,090
„ „ „	1839—48	„	537,919	„	53,791
„ 8 „	1849—56	„	1.021,324	„	126,415

Но ни тѣ, ни другія свѣдѣнія не полны и въ нихъ вовсе пропущены: а) всѣ выходцы изъ Австріи, гдѣ публикуются

422446

только числа эмигрантовъ, добровольно заявившихъ о своемъ переселеніи, между тѣмъ какъ бѣглые и тайные эмигранты вовсе не упоминаются, а число ихъ по одному показанію за 1851 г. вдвое больше, чѣмъ число явныхъ выходцевъ; b) всѣ эмигранты въ Австралію, Южную Америку и Канаду и вообще во всѣ страны, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ вышеприведенныя числа основаны только на двухъ источникахъ: на показаніяхъ портоваго начальства Нью-Іорка и на отчетахъ о мореплаваніи портовъ Бремена и Гамбурга.

Поэтому можно безошибочно положить, что эмиграція изъ Германіи съ 1815 по 1869 г. простирается по меньшей мѣрѣ на 3 милліона человѣкъ, и причисляя къ нимъ 7 милліоновъ эмигрантовъ изъ Англіи, мы получаемъ громадный итогъ 10 милліоновъ выходцевъ изъ двухъ государствъ.

Но, несмотря на эту крупную цифру, ошибочно было бы воображать, что эмиграція можетъ уравновѣсить приращеніе народонаселенія и пріостановить развитіе пролетаріата въ серединной Европѣ; по самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ, ежегодный приростъ жителей составляетъ въ Англіи около 150 тысячъ, или 5,6% всего населенія, и такъ какъ эмиграція въ послѣдніе годы почти достигаетъ того же числа, то можно предположить, что въ Великобританскихъ королевствахъ она достигла полнаго нормальнаго своего предѣла; съ 1821 по 1861 годъ населеніе Великобританіи умножилось почти на 8 милліоновъ жителей, а эмиграція за эти годы дошла до цифры около 6 милліоновъ. Въ Германіи съ 1818 по 1865 г. населеніе увеличилось на 14.704,500, а эмиграція за это время достигла только 2 милл.; въ Пруссіи ежегодный приростъ населенія составляетъ около 150 тысячъ, въ Австріи 300 т. Изъ этого видно, что въ нѣмецкихъ земляхъ выселеніе жителей еще далеко не уравновѣшиваетъ приращенія ихъ, и надо предполагать, что по примѣру Англіи оно будетъ еще постоянно возрастать, покуда не достигнетъ этого равновѣсія, т.-е. отъ 300 до 400 тысячъ эмигрантовъ въ годъ.

Изъ этого можно, какъ я думаю, заключить, что это явленіе, новое въ лѣтописяхъ стараго европейскаго свѣта, открывшееся въ началѣ настоящаго столѣтія, только-что вступаетъ нынѣ въ органическій строй современныхъ обществъ,

и что собственно для германской расы, обитающей въ серединѣ Европы, эмиграціонный вопросъ есть новая задача, неуспѣвшая еще проявить всѣхъ своихъ послѣдствій и полнаго своего развитія [7]).

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ и различнаго значенія эмиграціи въ Англіи и Германіи приняты были въ этихъ государствахъ совершенно различныя, даже противоположныя системы по этому предмету управленія: между тѣмъ какъ въ первомъ правительство и сами ландлорды поощряли и облегчали переселеніе, во второмъ оно встрѣтило дружное озлобленное противодѣйствіе всѣхъ имущественныхъ классовъ, опасавшихся вздорожанія рабочихъ платъ, и всѣхъ нѣмецкихъ правителей, устрашенныхъ выходами людей, подлежащихъ рекрутству. Въ Баваріи въ особенности приняты были уже въ началѣ столѣтія строгія мѣры противъ эмиграціи; приказомъ 1804 года наложена была пошлина въ 10% на имущества вывозимыя эмигрантами; вообще до 1848 года эмиграція преслѣдовалась во многихъ нѣмецкихъ княжествахъ и королевствахъ какъ преступленіе и большая часть эмигрантовъ показывалась въ числѣ бѣглыхъ и дезертировъ.

Въ 1848 году сдѣланы были разныя предложенія для регулированія переселеній, въ разныхъ городахъ Германіи открылись частныя общества для направленія и вспомоществованія эмигрантамъ; баденское правительство придерживалось болѣе либеральной политики и предлагало предоставить всѣмъ сельскимъ жителямъ право вольнаго перехода, съ условіемъ, чтобы они уступали свои земли общинамъ, къ коимъ приписаны; Франкфуртскій сеймъ два раза, въ 1849 г. и 1856 г., разбирая этотъ вопросъ, приходилъ къ заключенію, что необходимо дать праву переселенія законную твердую основу.

Но всѣ эти предначертанія не состоялись; Баварія еще усилила свои репрессивныя мѣры; отъ эмигрантовъ требовалось предъявленіе свидѣтельства о пріемѣ ихъ въ подданство другаго государства или залога въ 1200 гульденовъ (720 р.). Правительство подъ разными предлогами задерживало выдачу паспортовъ, покуда переселенцы, проживъ послѣднія свои сбереженія, отложенныя для путевыхъ расходовъ, не отказы-

вались отъ переѣзда, причемъ многіе изъ нихъ окончательно разорялись и гибли; въ Гессенѣ и Мекленбургѣ, по настоянію помѣщиковъ-рыцарей, предложены были противъ эмигрантовъ самыя безсмысленныя мѣры: напримѣръ, герцогъ Гессенъ-Кассельскій издалъ приказъ, по коему запрещалось выдавать свидѣтельства на переселеніе, если рабочій не представитъ формальнаго удостовѣренія, что онъ въ своемъ отечествѣ не сыскалъ работы; въ Мекленбургѣ, правительство, желая удержать сельскихъ рабочихъ батраковъ въ холостомъ состояніи, разрѣшало имъ вступать въ бракъ только съ условіемъ, чтобы они выселялись изъ герцогства; если же они, женившись, не исполняли даннаго обязательства или впослѣдствіи возвращались на родину съ семьями, то ихъ сажали въ рабочіе дома (Landarbeitshaus).

Понятно, что всѣ эти усилія помѣстнаго сословія и драконовскіе законы, ими введенные, не могли преодолѣть естественныхъ причинъ, порождающихъ эмиграцію; въ южной Германіи нѣкоторыя правительства, запрещая переходы въ извѣстныхъ случаяхъ, въ другихъ, напримѣръ, при совершенномъ обѣднѣніи нѣкоторыхъ общинъ, ихъ поощряли или даже принимали самые расходы эмиграціи на свой счетъ.

Въ Баваріи, гдѣ добровольный выходъ строго преслѣдовался, казна въ 1855 году выселила цѣлое сельское общество, состоявшее изъ 228 обывателей, впавшихъ въ совершенную нищету, въ Канаду; въ Баденѣ эта система выселенія на казенный счетъ приняла большіе размѣры; въ оффиціальныхъ отчетахъ указывается, что нѣкоторыя общины очень поправились въ своемъ хозяйственномъ быту вслѣдствіе предложенія правительства выселить неимущихъ жителей въ Америку, причемъ часть расходовъ принималась на казенный счетъ [8]).

Таковые расходы и субсидіи достигли въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи довольно крупныхъ суммъ: въ Баденѣ издержано было казной съ 1840 г. по 1865 г. 1.951,852 гульдена (1.171,113 р.) на 104,998 эмигрантовъ, независимо отъ расходовъ, принятыхъ обществомъ на себя. Въ Виртембергѣ назначена была постоянная, годовая субсидія въ 50,000 гульд. округу Heilbron (на Некерѣ) для облегченія переселеній. По примѣрному разсчету, средняя стоимость путевыхъ

расходовъ полагалась въ 92 гульдена для переѣзда изъ сѣверо-германскихъ портовъ въ Америку, но въ дѣйствительности они были выше и составляли обыкновенно 110—120 гульд. (66—72 руб.) на человѣка, считая въ томъ числѣ и малолѣтнихъ. Изъ этого видно, что нѣмецкіе правители, при своемъ узкомъ взглядѣ на всѣ явленія народной жизни, смотрѣли на эмиграцію только какъ на административное средство сбывать бѣднѣйшихъ жителей, и тѣхъ только, которые по полнѣйшей своей несостоятельности должны пасть на попеченіе общественнаго презрѣнія; всѣхъ же людей бодрыхъ и, главное, годныхъ для службы задерживали самыми стѣснительными способами. Но до какой степени безсильна эта запретительная политика въ дѣлахъ народнаго хозяйства вообще, это всего лучше доказывается безпрерывнымъ умноженіемъ числа переселенцевъ въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они строжайше преслѣдовались. Въ Баваріи по средней сложности выселилось въ 1 годъ

въ 5-лѣтній періодъ	1835—1840	всего	32,057
	1841—1850	„	28,963
	1851—1855	„	54,990
	1856—1860	„	114,995

Въ Баварскомъ Палатинатѣ при населеніи около 600 тысячъ душъ выселилось въ теченіи 1834—1864 г. 102,189 жителей. Кромѣ того показывается безъ вѣсти пропавшихъ (?) 55,928, итого 158,107, что́ составляетъ болѣе 26% всего числа жителей; при этомъ число тайныхъ выходцевъ (heimliche Auswanderer), бѣжавшихъ отъ рекрутской повинности, простиралось въ теченіи 18 лѣтъ (1851—1869 г.) до 35,997 человѣкъ.

Изъ Виртемберга выселилось въ средней сложности въ годъ.

	въ 1843—47	годахъ	4,681.
	„ 1848—52	„	6,175.
	„ 1853—57	„	11,507.

Въ 6 лѣтъ, 1858—63 г., переселенія уменьшились до средняго числа 3,843 человѣкъ въ годъ. Но съ 1866 г. и со времени введенія прусской военной организаціи они снова усилились и въ послѣдніе три года 1866—69 простирались до 6,495 человѣкъ въ годъ. Всего съ 1812 по 1869 годъ было

выходцевъ изъ Виртемберга 233,443 по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, и, кромѣ того, по частнымъ показаніямъ сельскихъ начальствъ около 130,000 бѣглыхъ, что́ составляетъ около $^1/_5$ всего населенія королевства (1,770,000).

Въ Гессенъ-Касселѣ, гдѣ переселенія достигли громадной пропорціи 1 на 79 жителей въ годъ, правительство тщательно скрывало число эмигрантовъ, сознавая, что это явленіе есть прямое послѣдствіе его реакціонерной и притѣснительной политики; извѣстно только, что въ теченіи трехъ лѣтъ 1852—1855 вышло изъ герцогства 28,000, въ годъ 9,333 ч. и что народонаселеніе всей страны въ теченіи девяти лѣтъ 1849—1858 уменьшилось на 33,149 жителей.

Въ Великомъ Герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ въ теченіи настоящаго столѣтія выселилось (1822—1867 года) 178,751, въ 9 лѣтъ (1846—1855) 81,706. Общее число жителей въ послѣднее время упало съ 853,315 (въ 1864 г.) на 823,138 (1867 г.), въ три года убыло 30,177 жителей.

Самую печальную страницу нѣмецкаго сельскаго быта представляетъ, какъ извѣстно, Мекленбургъ, отечество самаго закоренѣлаго юнкерства. Въ этомъ крошечномъ герцогствѣ, въ 249 кв. м. съ 500,000 жителей, при исключительномъ покровительствѣ дворянскимъ и помѣстнымъ привилегіямъ, высказались, можетъ быть для поученія другихъ великихъ державъ, всѣ гибельныя послѣдствія этой политики. При этомъ надо замѣтить, что Мекленбургъ принадлежитъ къ самымъ малонаселеннымъ частямъ средней Европы (на кв. милѣ 2,298 ж., густота равная населенію многихъ нашихъ губерній, и вдвое меньшая, чѣмъ среднее населеніе Германіи). Поэтому въ этой странѣ эмиграціонное движеніе не можетъ уже быть приписано тѣснотѣ и малоземелью, а должно быть отнесено непосредственно къ соціальнымъ и хозяйственнымъ стѣсненіямъ; это положеніе мы опишемъ подробно впослѣдствіи, здѣсь же представимъ, какъ прямой результатъ общественнаго разстройства, ходъ эмиграціи изъ герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго.

Эмиграція долго скрывалась правительствомъ мекленбургскимъ, какъ и прочими германскими владыками, и потому до 1850 г. мы никакихъ свѣдѣній о переселеніяхъ изъ этого герцогства не могли найти; съ 1832—1854 годъ число

переселенцевъ было 200,000, въ 1856 г.—5,500, въ 1857 г. около 8,000, затѣмъ въ послѣдующіе годы уменьшилось до 934 человѣкъ (въ 1860 г.), но съ тѣхъ поръ вновь возрастаетъ и въ 1864 г. достигло 5,507 человѣкъ. Это составляетъ въ годъ болѣе 1% всѣхъ жителей, но отношеніе это распредѣляется различно по разнымъ классамъ жителей; изъ всего числа эмигрантовъ, около 66% принадлежатъ къ сословію батраковъ и поденьщиковъ, и изъ нихъ 11% къ городскимъ сословіямъ, 30% къ крестьянскимъ поселеніямъ въ казенныхъ имѣніяхъ и 59% къ помѣщичьимъ имѣніямъ, такъ что въ этихъ послѣднихъ число выходцевъ относится къ общему числу обывателей (водворенныхъ на частныхъ земляхъ) какъ 1,78: 100, или какъ 1 къ 56 жителямъ.

Такая огромная пропорція переселеній, сильнѣйшая во всей Европѣ, кромѣ Ирландіи, имѣла послѣдствіемъ, что въ этой странѣ крупнаго землевладѣнія, движеніе народонаселенія пріостановилось и число жителей въ нѣкоторые періоды даже уменьшилось въ общей сложности, несмотря на то, что въ городахъ оно очень быстро возрастало; такъ, въ теченіи 1851—54 г. населеніе уменьшилось на 3,073 души, между тѣмъ какъ въ то же время въ смежныхъ областяхъ Пруссіи годовой приростъ населенія составлялъ 1%. Особенно быстро пустѣли помѣщичьи имѣнія, и въ 7 лѣтъ число жителей, водворенныхъ на частныхъ земляхъ уменьшилось на 4,770 душъ; въ 1851 году было 141,466, въ 1856 году только 136,696. Во всемъ герцогствѣ приращеніе населенія составляло въ 9-лѣтній періодъ 1849—58 г. всего 7,764 души, а такъ какъ въ это время число новорожденныхъ превышало число умершихъ на 66,419, то надо заключить изъ этой разницы (66,419—7,764=58,665), что послѣднее число 58,465 означаетъ людей выселившихся, бѣжавшихъ или пропавшихъ безъ вѣсти [9]).

Такимъ образомъ, предъ глазами всей высокообразованной Германіи, въ нѣсколькихъ часахъ переѣзда изъ Берлина, Гамбурга и другихъ первопрестольныхъ столицъ нѣмецкой культуры и не въ средніе вѣка феодальнаго владычества, а во второй половинѣ XIX-го столѣтія, происходитъ и развивается систематическое выселеніе сельскихъ обывателей и въ такихъ размѣрахъ, что естественный законъ приращенія рода

человѣческаго пріостановленъ распоряженіями привилегированнаго помѣстнаго сословія, предпочитающаго разведеніе молочнаго скота разведенію жителей въ своихъ имѣніяхъ.

Чтобы разъяснить настоящій характеръ европейской эмиграціи, мы должны изслѣдовать, изъ какихъ слоевъ общества и классовъ народа она набирается. Выше уже замѣчено, что ошибочно было бы воображать себѣ, что эмиграція выноситъ изъ густо населенныхъ странъ тѣ слои населенія, которые ихъ наиболѣе обременяютъ, т.-е. тотъ разрядъ бѣднѣйшихъ нищихъ обывателей, которые не имѣютъ никакихъ средствъ пропитанія; этотъ послѣдній низшій классъ неимущихъ очень мало участвуетъ въ эмиграціонномъ движеніи и остается на мѣстахъ жительства по неимѣнію средствъ для путевыхъ расходовъ. Главная масса переселенцевъ состоитъ изъ другого, высшаго разряда людей, хотя также очень бѣдныхъ, но успѣвшихъ скопить посредствомъ усиленной работы, строгой бережливости или отъ распродажи своего домашняго скарба сумму, или часть суммы, нужной для переселенія и перваго водворенія.

По отчетамъ англійской колоніальной коммиссіи въ 1859 году изъ общаго числа 120 тысячъ эмигрантовъ, потребовали пособія отъ казны только.	12,978
Переселились на собственный свой счетъ	107,634
Изъ этого числа было:	
Простыхъ рабочихъ	23,286
Мастеровъ и ремесленниковъ.	3,402
Фермеровъ.	4,439
Служанокъ и нянекъ.	7,109
Разночинцевъ.	1,454
Въ Виртембергѣ въ 1869 году общее число эмигрантовъ было . .	3,429
Изъ нихъ:	
Земледѣльцевъ	880
Фабричныхъ и ремесленниковъ	1,794
Купцовъ и торговцевъ.	271

Въ этихъ числахъ показаны только взрослые люди и домохозяева, кромѣ женъ и дѣтей; изъ нихъ видно, что около половины переселенцевъ въ Англіи и болѣе $^2/_3$ въ Виртем-

бергѣ принадлежитъ къ среднимъ классамъ, ремесленному и торговому.

Расходы, нужные на переселеніе въ Соединенные-Штаты, слагаются изъ слѣдующихъ статей: 1) фрахтъ пассажира и дорожное его продовольствіе, которые разсчитываются изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ въ 4 фунта стерл. (28 р.), изъ Пруссіи 41 тал., изъ южной Германіи 92 гульд. (55 рублей); 2) расходовъ на прожитіе въ Америкѣ перваго времени, полагая примѣрно 2—3 недѣли до пріисканія службы и работы и на первоначальное обзаведеніе. На все это, вмѣстѣ съ фрахтомъ, полагается изъ Англіи 15—22 фун. стер. (105—154 р.), изъ сѣверной Германіи 195 тал. (195 р.), изъ южной 424 гульд. (около 250 р.).

При переселеніяхъ, производившихся на казенный счетъ, въ Англіи считали 22 фунта стерл. на душу для переѣзда и водворенія въ Канадѣ, и изъ этой суммы (154 руб.) закупалось для каждой семьи по 1 коровѣ, нѣсколько сѣмянъ для посѣва и провіантъ на 12 мѣсяцевъ. Въ Виртембергѣ выдавалось переселяемымъ, изъ казны, при отправкѣ 11 гульденовъ, на путевые расходы 70, и по пріѣздѣ въ Америку 11, итого 92 гульд.; пособія эти были, впрочемъ, недостаточны и пополнялись изъ общественныхъ суммъ [10]).

Изъ этого видно, что для семейнаго домохозяина, полагая въ средней сложности 4 души въ семействѣ, нужна сумма изъ Англіи около 600 р., изъ Пруссіи 800, изъ Баваріи и Бадена 1,000; и американцы дѣйствительно показываютъ, что каждый эмигрантъ привозитъ съ собой среднимъ числомъ (за исключеніемъ ирландцевъ) 280 руб.

Въ Пруссіи по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1849 г. вывезено было:

8,780 эмигрантами	1,713,730 тал.
на одного выходитъ	195 „
въ 4 года съ 1858 по 1861 г.	
24,359 эмигрантами	13,311,815 „
на одного приходится	546 „

Въ Баваріи въ 25 лѣтъ (1835—1860 г.) насчитано у 244,232 эмигрантовъ всего имущества, вывезеннаго въ Америку, 61,937,487 гульд., что составляетъ на одного 249 гульд=149 р.

Въ Виртембергѣ въ 3 года, 1858, 1859, 1869, было 12,828 эмигрантовъ и при нихъ имущества 5,934,277 гульд., на одного 462 гульд.=277 руб.

Въ Баденѣ было:

	Переселенцевъ.	У нихъ имущества.	Выдано пособій.
Съ 1840—1849 г.	23,996	5,700,880	176,363
„ 1850—1855 „	62,444	7,529,117	1,601,783
„ 1860—1865 „	104,998	17,015,207	1,951,830

Итакъ, по показаніямъ оффиціальнымъ, бо́льшею частью собраннымъ отъ самихъ эмигрантовъ, они вывозятъ среднимъ числомъ каждый отъ 149 р. (по свѣдѣніямъ изъ Баваріи) до 544 р. (въ Пруссіи); но, разумѣется, эти показанія гораздо ниже дѣйствительности, ибо бо́льшая часть вывозимаго имущества ускользаетъ отъ исчисленій правительственныхъ агентовъ и значительный процентъ эмигрантовъ вовсе скрывается въ нѣмецкихъ земляхъ отъ правительства. Въ Баденѣ, гдѣ, какъ сказано, эмиграція поощряется, все-таки оказывается, что въ 25 лѣтъ (1840—65) противъ 104 т. вольныхъ переселенцевъ было приблизительно около 60 т. тайныхъ (heimliche) и у нихъ полагалось, примѣрно, имущества около 19 мил. гульденовъ. Если принять общій итогъ нѣмецкой эмиграціи съ 1815 по 69 г. въ 3 милліона, то, по разсчетамъ нѣмецкихъ экономистовъ, капиталъ, вывезенный ими изъ Германіи, долженъ приблизительно составить около $1^1/_2$ милліарда талеровъ.

Эта общая характеристика эмиграціи еще подтверждается другимъ фактомъ, — громадными суммами денегъ, которыя высылаются переселенцами обратно изъ Америки, отчасти для вспомоществованія своимъ родственникамъ, отчасти для помѣщенія въ кредитныя учрежденія. Очевидно, что еслибъ эмигранты были бо́льшею частью разгульные бродяги, какъ ихъ обыкновенно обзываютъ иные публицисты, то они бы не заботились о бѣднякахъ, оставшихся на родинѣ, и прогуливали бы заработанныя деньги въ своемъ новомъ отечествѣ; очевидно также, что еслибы бѣдность была обыкновеннымъ послѣдствіемъ лѣни и праздности, еслибъ бѣдность низшихъ классовъ въ

Европѣ слѣдовало приписывать, какъ это часто дѣлаютъ, винѣ самихъ рабочихъ, ихъ мотовству, пьянству, разгульному житью, то было бы непонятно, чтобы тѣ же люди, переплывъ черезъ море, такъ радикально и внезапно исправлялись отъ всѣхъ своихъ пороковъ, и находили средства не только содержать себя безбѣдно, но еще откладывать запасные капиталы и надѣлять ими своихъ родственниковъ.

Суммы высылаемыя обратно изъ Америки европейскими переселенцами очень значительны; въ Англіи эмиграціонная коммиссія ведетъ имъ особый счетъ, собирая свѣдѣнія съ почты и отъ банкировъ, черезъ конторы коихъ переводятся денежныя суммы; счетъ этотъ, разумѣется, далеко не полный, такъ какъ въ него не входятъ деньги, пересылаемыя черезъ частныя руки, и что многіе банкирскіе дома, какъ объясняютъ сами коммиссары въ своихъ отчетахъ, прямо отказываются отъ предъявленія своихъ счетовъ. Такъ какъ въ отчетахъ этихъ ирландскіе эмигранты отдѣляются отъ прочихъ, то для насъ особенно интересно узнать, какія сбереженія могли сдѣлать эти именно переселенцы, составляющіе бѣднѣйшую и слабѣйшую часть всей европейской эмиграціи и самый послѣдній разрядъ рабочихъ классовъ Европы. Въ теченіи 14 лѣтъ, съ 1847 по 1860 г., выслана была одними этими путями, по почтѣ и черезъ банкировъ (и не всѣхъ), ирландскими выходцами обратно въ Ирландію громадная сумма—11.214,596 фунт. стер. или 89.716,768 руб.

Такимъ образомъ, оказывается, что эти несчастные ирландцы, предметъ высокомѣрной жалости своихъ могущественныхъ владыкъ англичанъ, на которыхъ споконвѣку сыплются нареканія, и бо́льшею частью справедливыя, въ пьянствѣ, развратѣ, лѣности и всевозможныхъ порокахъ, что эти же самые люди, переходя изъ той соціальной среды, въ коей они родились, въ новую привольную и просторную, возвращаютъ въ покинутое ими прежнее свое отечество сумму почти равную той, которую Англія тратитъ на призрѣніе неимущихъ въ Ирландіи. Изъ этого, какъ намъ кажется, можно заключить, что европейскій пролетаріатъ и всѣ проистекающія изъ него соціальныя язвы исходятъ не изъ порочныхъ нравовъ людей и даже не изъ ихъ невѣжества и грубости, а единственно изъ того безпріютнаго и безземельнаго положенія, къ коему

они были приговорены во всей Европѣ, и полнѣйшимъ образцомъ коего служитъ Ирландія. Правда, эти блудные сыны Зеленаго острова не сразу вступаютъ въ новую колею производительнаго труда и обыкновенно проводятъ первое время своего переселенія въ самомъ буйномъ разгулѣ, гдѣ многіе изъ нихъ окончательно погибаютъ; но вскорѣ высокая задѣльная плата и дешевая цѣна земельныхъ угодій указываютъ имъ другой путь жизни, они удаляются изъ вертеповъ приморскихъ городовъ, углубляются въ степи и лѣса и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прилежнаго труда получаютъ возможность поселиться на собственныхъ купчихъ земляхъ.

Мы должны еще разъ возвратиться къ одному обстоятельству, весьма важному для характеристики эмиграціоннаго движенія въ Европѣ, а именно—къ главной чертѣ различія между переселеніями изъ Англіи и изъ Германіи.

Въ Англіи и особенно въ Ирландіи они происходятъ почти исключительно подъ вліяніемъ одной причины — аграрнаго строя англійской земли, неопредѣленности арендныхъ условій, полновластія вотчинниковъ, ландлордовъ и обезземельности крестьянскаго сословія.

Въ Германіи на эмиграцію вліяютъ двѣ причины, одинаково сильныя: во-первыхъ, отчасти, хотя и въ меньшей степени, тѣ же самыя, какъ и въ Англіи,—неправильное распредѣленіе поземельнаго владѣнія, чрезмѣрное преобладаніе землевладѣльческаго элемента и постепенное поглощеніе крестьянскихъ имуществъ дворянскими помѣстьями во всей сѣверной части Германіи, въ Мекленбургѣ, Помераніи и другихъ; но, кромѣ того, сильное дѣйствіе на эмиграцію имѣетъ и воинская повинность, организованная въ Германіи, какъ извѣстно, на началахъ всесословной обязательной службы.

Вся категорія такъ-называемыхъ тайныхъ выходцевъ (heimliche Auswanderer) принадлежитъ къ классамъ очередныхъ рекрутовъ (militärpflichtige), бѣжавшихъ отъ германской культуры, когда она сдѣлалась такъ взыскательна, что потребовала для своей обороны поголовнаго ополченія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, гдѣ милитаризмъ особенно развитъ и гдѣ военныя силы содержатся въ полномъ комплектѣ, переселенцы-

дезертиры были уже и до послѣднихъ войнъ очень многочисленны.

Въ Пруссіи ихъ считалось, по оффиціальнымъ спискамъ въ 1856—1864 г., всего за 9 лѣтъ 48,576,—цѣлый армейскій корпусъ.—Въ Баваріи въ 19 лѣтъ (1851—1869 г.) 35,997.—Но пропорція эта значительно усилилась послѣ военныхъ реформъ, предпринятыхъ Пруссіей и, по ея настоянію, введенныхъ въ прочихъ государствахъ Германіи. Хотя общія свѣдѣнія объ этомъ щекотливомъ для народнаго самолюбія предметѣ не публикуются, но по отрывочнымъ показаніямъ нѣкоторыхъ сельскихъ и городскихъ обществъ можно судить о возрастающей прогрессіи этого рода переселеній: въ 1868 г. изъ одного округа (Apenrade) бѣжало въ Данію 889 людей, подлежащихъ военной повинности; въ другомъ (Flensburg) изъ 977 очередныхъ рекрутъ собралось къ жеребью только 240, изъ коихъ годныхъ оказалось 36!! всѣ прочіе—737 были въ бѣгахъ.—Въ сельскихъ (округахъ) обществахъ того же округа изъ 937 призванныхъ явилось 543 и принято было 83!!!

Въ Данцигѣ уголовная палата приговоромъ 17 іюля 1869 г. присудила 187 человѣкъ къ тюремному заключенію за уклоненіе отъ рекрутской повинности и самовольную отлучку. Въ городахъ Sensburg-ѣ бѣглыхъ оказалось 526, въ Marienwerd-ѣ 104, въ Torn-ѣ, 212, въ Graudenz-ѣ 115, всего въ восьми округахъ не явилось 3,164 очередныхъ рекрутъ.

Въ 1869 году показано людей, уклонившихся отъ военной службы (réfracteurs) въ 10 округахъ 2,484, въ 1870 г. въ 7 округахъ 1,389. Каждый изъ этихъ округовъ (Kreise) имѣетъ въ средней сложности около 50,000 жителей, и такихъ округовъ всего въ Пруссіи 400; если принять среднее число людей, уклонившихся отъ призыва, въ 250 на одинъ округъ (а въ 1868 г. оно было больше), то на всю Пруссію приходится въ годъ 100,000.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ нѣмецкихъ журналахъ, эмиграціонное движеніе возрасло въ Германіи въ послѣдніе годы до 150,000 человѣкъ, и надо предвидѣть, что оно не остановится до тѣхъ поръ, пока не пріостановится развитіе военной организаціи германской имперіи.

Итакъ, переселенія имѣютъ два различныя значенія въ Англіи и на континентѣ; въ первой, гдѣ воинской повинности

не существуетъ, они происходятъ исключительно подъ вліяніемъ аграрныхъ и соціальныхъ замѣшательствъ; но въ Германіи къ нимъ еще присоединяется и политическая причина— тяжкій гнетъ всесословной военной службы. Въ сущности и эта вторая причина совпадаетъ съ первой, такъ какъ уклониться отъ рекрутской повинности посредствомъ бѣгства и выселенія могутъ только тѣ изъ обывателей, которые не владѣютъ недвижимымъ имуществомъ; вотъ почему въ великороссійскихъ губерніяхъ, при осѣдлости и домовитости всѣхъ крестьянъ, случаи побѣга отъ рекрутскаго набора гораздо рѣже, чѣмъ въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ, гдѣ завелось многолюдное сословіе безземельныхъ батраковъ; такимъ образомъ выходитъ, что большая часть бездомныхъ пролетаріевъ находитъ возможность укрыться временно или даже навсегда отъ рекрутской очереди и что бремя этой повинности ложится всякій разъ съ бо́льшею тяжестью на имущественные классы, потому что имъ бѣжать отъ своихъ домовъ и земель некуда [11]).

Если еще при этомъ вспомнить сказанное выше, что англійскіе эмигранты, переѣзжая въ Америку или даже въ Австралію, перемѣщаются въ среду имъ вообще родственную и сохраняютъ близкія сношенія съ своей родиной, между тѣмъ какъ нѣмцамъ, бѣжавшимъ изъ отечества и присужденнымъ заочно къ уголовной казни, всякій путь возвращенія прегражденъ, то понятно, что эмиграція въ тѣхъ громадныхъ размѣрахъ, которые она приняла въ послѣднее время, внушаетъ въ Германіи гораздо болѣе опасеній, чѣмъ въ Англіи. Нѣмецкіе экономисты, сравнивая это явленіе въ двухъ странахъ, называютъ англійскую эмиграцію колонизаціонною (kolonisatorische Auswanderung), имѣющею болѣе характеръ перемѣщенія, перехода, чѣмъ выселенія, выхода. Дѣйствительно, если принять въ соображеніе, что главное затрудненіе хозяйственнаго быта въ Англіи есть избытокъ рабочихъ силъ и дороговизна предметовъ потребленія, то эмиграція служитъ лучшимъ средствомъ для возстановленія равновѣсія между запросомъ и сбытомъ, если притомъ рабочія и производительныя силы не теряются государствомъ, а только перечисляются изъ одной области въ другую, изъ метрополіи въ колоніи. Но у насъ въ Германіи (такъ пишутъ нѣмецкіе экономисты) дѣло представляется ина-

че; наши выходцы, переселяясь въ Россію, Америку, Австралію, составляютъ безвозвратную утрату для своего отечества и своей народности, они дѣлаются производителями и поставщиками другихъ народовъ и даже соперниками и врагами своихъ прежнихъ соотечественниковъ, и единственное средство для спасенія нашей національной культуры отъ постепеннаго истощенія (такъ заключаютъ эти экономисты) есть пріобрѣтеніе собственно германскихъ колоній въ малонаселенныхъ областяхъ Венгріи, Турціи, Австріи, колоній, которыя служили бы вмѣстѣ и твердымъ оплотомъ противъ всякихъ покушеній славянскихъ племенъ (ein festes Bollwerk gegen Slavengefahr).

Къ этимъ словамъ германскаго ученаго (Wilhelm Roscher, Die Grundlagen der Nationaloeconomie, 8 Auflage § 260) позволимъ себѣ прибавить отъ себя нѣсколько дополнительныхъ соображеній. Напрасно надѣются публицисты германскаго племени помочь своему горю занятіемъ чужихъ земель подъ нѣмецкія колоніи; мы выше уже видѣли, и всѣ новѣйшія статистическія изслѣдованія это подтверждаютъ, что большая часть эмигрантовъ уходитъ въ Германіи отъ двухъ причинъ, отъ безземелья и отъ воинской повинности; поэтому, еслибы въ нѣмецкихъ колоніяхъ удержалась та же военная организація, какъ въ Германіи, то эмиграція все-таки не перемѣнила бы своего теченія и продолжала бы идти въ тѣ страны, гдѣ имѣются пустыя земли и нѣтъ военной службы; если же, что крайне сомнительно, нѣмецкое правительство рѣшилось бы дать колонистамъ льготу отъ рекрутскихъ наборовъ, то, правда, колоніи населились бы мгновенно, но германская имперія могла бы остаться безъ арміи.

Итакъ, надо признать, что средняя Европа находится въ отношеніи къ эмиграціи въ положеніи крайне затруднительномъ; и если, съ одной стороны, избытокъ рабочихъ и культурныхъ средствъ, густота народонаселенія и малоземелье указываютъ ей, какъ Англіи, на переселеніе, какъ на единственное средство исправить это чрезмѣрное пресыщеніе—то, съ другой стороны, шаткость политическаго положенія германскаго племени, окруженнаго съ запада и востока непріязненными народами и необходимость поддержать свою военную силу въ полномъ составѣ, заставляютъ ее сопротивляться

переселеніямъ и преслѣдовать самовольную отлучку какъ военное и государственное преступленіе. Поэтому можно сказать, что положеніе Англіи въ отношеніи къ эмиграціонному вопросу есть нормальное, правильное, такъ что оно можетъ быть регулировано и при нѣкоторомъ содѣйствіи правительства имѣть очень полезное вліяніе на улучшеніе хозяйственнаго быта народа, водворяемаго на новыхъ привольныхъ мѣстахъ жительства. Въ Германіи, напротивъ, съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ, вопросъ этотъ намъ кажется безъисходнымъ, ибо, поощряя и облегчая эмиграціонное движеніе въ виду хозяйственныхъ интересовъ одной части жителей, нѣмецкое племя вмѣстѣ съ тѣмъ должно отрекаться отъ другой части населенія и терять безвозвратно, уступать другимъ странамъ и народамъ лучшую, бодрую и трудолюбивую часть своихъ рабочихъ классовъ [12]).

Такъ какъ мы имѣли въ виду не полное описаніе эмиграціоннаго движенія, а только указаніе главныхъ его свойствъ и вліянія на общественный бытъ, то отмѣтимъ главныя черты, которыя мы считаемъ нужнымъ изложить здѣсь:

I. Европейская эмиграція приняла особенный характеръ нормальнаго періодическаго явленія только съ начала настоящаго столѣтія и съ тѣхъ поръ развивается прогрессивно, достигнувъ повидимому максимума въ Англіи, но еще постоянно усиливаясь въ Германіи и другихъ странахъ средней Европы, такъ что это движеніе находится еще въ періодѣ развитія и, вѣроятно, при быстромъ усовершенствованіи путей сообщенія приметъ вскорѣ еще бо́льшіе, небывалые размѣры.

II. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ переселенію оказывается не столько абсолютная густота населенія, сколько стѣсненіе, причиняемое одними классами народа другимъ, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія поземельной собственности, и бо́льшая часть выходцевъ принадлежитъ къ тѣмъ областямъ Англіи и Германіи, гдѣ населеніе менѣе густо, чѣмъ въ другихъ, но гдѣ помѣстное сословіе завладѣло бо́льшею частью территоріи. Такими главными источниками эмиграціи, гдѣ ежегодно переселенія достигали уже пропорціи $1^0/_0$ всѣхъ жителей, являются все такія страны или провинціи, въ коихъ крупное землевладѣніе и вотчинныя права

преобладаютъ и поддерживаются законодательствомъ или, помимо закона, вліяніемъ и происками помѣстнаго сословія, а именно: Ирландія, горная Шотландія, Мекленбургское, Гессенъ-Кассельское герцогства и другія.

III. Большинство эмигрантовъ состоитъ не изъ бѣднѣйшихъ, нищихъ чернорабочихъ, а изъ ремесленниковъ, торговцевъ, фермеровъ и вообще людей не вовсе разоренныхъ и неимущихъ, но сохранившихъ еще нѣкоторый достатокъ, нѣкоторыя сбереженія, которыя они помѣщаютъ въ другихъ странахъ, не находя выгоднаго помѣщенія въ своемъ отечествѣ, по сравнительной дороговизнѣ недвижимыхъ имуществъ въ Европѣ.

IV. Эмигранты составляютъ безспорно лучшую часть рабочихъ классовъ, самую бережливую, трудолюбивую и бодрую. Это ясно доказывается крупными цифрами суммъ, вывозимыхъ эмигрантами, отъ 280 до 546 р. на душу, и громадными сбереженіями, которыя они реализируютъ въ Америкѣ и отчасти высылаютъ обратно въ Европу.

На этихъ главныхъ чертахъ европейской эмиграціи мы просимъ читателя остановить свое вниманіе.

Мы собственно имѣли въ виду предпослать этотъ обзоръ прочимъ предметамъ нашихъ изслѣдованій только какъ вступленіе или предисловіе къ предположенному нами сочиненію о землевладѣніи, и описать главныя черты эмиграціоннаго движенія, какъ доказательство дѣйствительнаго глубокаго разстройства соціальныхъ отношеній въ Европѣ.

Мы хотѣли при этомъ опровергнуть мнѣніе, очень распространенное между поверхностными наблюдателями народной жизни, мнѣніе — будто бы соціальныя смуты происходятъ исключительно отъ ложнаго пониманія самими рабочими своихъ интересовъ, отъ подстрекательства неблагонамѣренныхъ людей, волнующихъ народныя толпы, и вообще отъ искусственныхъ и насильственныхъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ улучшеніемъ народнаго быта.

Что разстройство этого быта глубокое, что оно не вымышленный или преувеличенный предлогъ, а дѣйствительная причина дѣйствительнаго неудовольствія — это, какъ намъ ка-

жется, свидѣтельствуетъ и подтверждаетъ эмиграція—фактами и числовыми данными.

Факты эти не раскрываютъ еще въ полномъ объемѣ всей язвы пауперизма; для полнѣйшаго изслѣдованія европейскаго пролетаріата надо бы къ списку эмигрантовъ приложить еще списки призрѣваемыхъ и неизвѣстное число негласныхъ нищихъ, не попадающихъ ни въ число эмигрантовъ, ни въ заведенія общественнаго призрѣнія, уволенныхъ по неимуществу (pour cause d'indigence) отъ всякихъ податей и сборовъ, и много другихъ категорій ускользающихъ отъ всякихъ исчисленій.

Но изъ всѣхъ этихъ многоразличныхъ проявленій и послѣдствій неимущества, самый достовѣрный матеріалъ для изслѣдованій его причинъ дастъ намъ эмиграція.

Она, во-первыхъ, доказываетъ, что гнетъ безземельнаго состоянія сдѣлался для простаго народа такъ невыносимъ, что онъ предпочитаетъ страшный рискъ переселенія и тяжкій трудъ водворенія на новыхъ мѣстахъ всѣмъ удобствамъ жизни въ благоустроенныхъ государствахъ Стараго свѣта. Во-вторыхъ, она же, эмиграція, указываетъ отчего люди бѣгутъ изъ своихъ отечествъ и чего они ищутъ: они уходятъ отъ тѣхъ порядковъ, которые лишили ихъ осѣдлости, отобрали у нихъ земли и предали ихъ произволу землевладѣльцевъ и капиталистовъ, и ищутъ за морями, за океанами ничего болѣе, какъ участка земли, или такой работы, которая дала бы возможность пріобрѣсть на заработанныя деньги уголокъ полевыхъ угодій за дешевую цѣну, съ избой, дворомъ и огородомъ.

Наконецъ, эмиграція даетъ намъ еще и третье указаніе, важнѣйшее изъ всѣхъ, что этотъ классъ неимущихъ чернорабочихъ не состоитъ изъ такихъ разгульныхъ или лѣнивыхъ негодяевъ, какъ обыкновенно думаютъ, или, по крайней мѣрѣ, что ихъ порочность скорѣе должна быть приписана той общественной средѣ, въ которой они были замкнуты, чѣмъ имъ самимъ и ихъ природному нраву; иначе непонятно бы было, чтобы люди, праздношатающіеся по кабакамъ и непотребнымъ домамъ европейскихъ городовъ, внезапно исправлялись при переходѣ въ другія страны и, поднимая нови, карчуя пни или расчищая лѣса, превращались бы

въ трудолюбивыхъ и бережливыхъ домохозяевъ и заботливыхъ отцовъ семейства, высылающихъ милліонныя суммы обратно въ Европу на прокормленіе своихъ отсталыхъ братьевъ или престарѣлыхъ родителей.

Эти данныя должны служить исходными положеніями для дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій; они свидѣтельствуютъ о фактѣ, который насъ поражаетъ своею многознаменательностью, а именно: что соціальныя смуты, волнующія современную Европу, имѣютъ основаніе и опредѣленную цѣль; основаніе ихъ то, что большая часть народовъ этой части свѣта находится въ состояніи вѣчной рабочей кабалы, не имѣя осѣдлости и собственности и работая весь свой вѣкъ изъ рода въ родъ на другихъ, на хозяевъ — цѣль ихъ, отчасти безсознательно проявляющаяся въ эмиграціи, есть стремленіе къ пріобрѣтенію недвижимаго имущества въ полную собственность, стремленіе, которое въ Европѣ удовлетворено быть не можетъ по относительной дешевизнѣ труда и дороговизнѣ недвижимыхъ имуществъ вообще и поземельной собственности въ особенности [13]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Переселеніе изъ остъ-зейскихъ губерній. Извѣстно, что въ послѣдніе годы переселенія изъ Лифляндіи и балтійскихъ губерній вообще приняли большіе размѣры, и когда нѣкоторые русскіе публицисты (Самаринъ „Московскія Вѣд.“, „Голосъ“) стали указывать на это явленіе, какъ на признакъ бѣдственнаго положенія крестьянъ этого края, то нѣмецкіе писатели отвѣчали съ изумительною самоувѣренностію, что, напротивъ, положеніе это лучше, чѣмъ въ Россіи, и что выходъ крестьянъ происходитъ только подъ вліяніемъ подстрекательства и притѣсненій, которымъ будто-бы подвергались остъзейскіе жители протестантскаго вѣроисповѣданія. Надо дѣйствительно много самоувѣренности и легковѣрія, чтобы съ одной стороны утверждать и съ другой повѣрить, что положеніе крестьянскаго сословія въ балтійскихъ губерніяхъ лучше чѣмъ въ великороссійскихъ, и мы опишемъ это положеніе въ одной изъ главъ этого сочиненія. Здѣсь мы только замѣтимъ: 1) что населеніе въ этомъ краѣ несравненно рѣже, чѣмъ во многихъ велико-и малороссійскихъ губерніяхъ: на 1 квадр. милю приходится жителей:

въ Лифляндской губ. . .	1,198	въ Курской губ.	2,100
» Курляндской губ. . .	1,203	» Нижегородской губ.	1,367
» Эстляндской губ.. . .	901	» Черниговской губ.	1,638

2) что вся эта аргументація о благосостояніи земледѣльцевъ и благоустройствѣ земледѣлія основывается на игрѣ словъ: дѣйствительно, тѣ домохозяева, которые по благоволенію бароновъ сохранили свои земли, то-есть наиболѣе зажиточные и исправные, оставшіеся въ лонѣ протестантской церкви, отличаются благосостояніемъ высшимъ, чѣмъ средній уровень крестьянъ-общинниковъ въ Россіи; но такъ какъ рядомъ съ ними проживаютъ нѣсколько сотъ тысячъ бобылей (Lostreiber) и безземельныхъ батраковъ (Knechte), то въ общей сложности, наоборотъ, выходитъ, что средній уровень народнаго благосостоянія въ остъ-зейскомъ краѣ несравненно ниже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Итакъ, разумѣя подъ словомъ крестьянства домохозяевъ, можно пожалуй сказать, что они зажиточнѣе русскихъ, но судить поэтому о народномъ хозяйствѣ было бы также ошибочно, какъ судить, напримѣръ, о народномъ здравіи по числу и по виду людей здоровыхъ, не принимая въ разсчетъ больныхъ и умершихъ. Этотъ пріемъ вообще такъ усвоился полемикѣ германскихъ ученыхъ и публицистовъ, что мы при каждомъ случаѣ считаемъ нужнымъ разъяснять его ошибочность. Принимая часть за цѣлое, они восхваляютъ благодѣянія нѣмецкой культуры (der Deutschen Cultur) и процвѣтаніе крестьянскихъ хозяйствъ, точно такъ, какъ на выставкахъ агрономы выставляютъ провѣянныя зерна хлѣбовъ, или выбранные изъ всего поля гигантскіе колосья разныхъ хлѣбовъ, не объявляя, сколько было урона отъ прочистки и сколько такихъ колосьевъ было въ полѣ. А прочистка крестьянъ происходитъ въ остъ-зейскомъ краѣ безостановочно: по рапорту генералъ-губерн. Головина, въ 15 мѣсяцевъ 1846—1847 г. упразднено было 640 хозяйствъ. Въ новѣйшее время, мы имѣли еще лучшее подтвержденіе этого факта: въ 1871 г., когда Ю. Ф. Самаринъ, въ своемъ изданіи: „Окраины Россіи“, упомянулъ о систематическомъ обезземеленіи балтійскихъ крестьянъ, то извѣстный Г. Фонъ-Боккъ, l'enfant terrible остъ-зейскаго дворянства, отвѣчалъ ему слѣдующею наивною отповѣдью: „Что касается до предпочтенія, которое оказывалось лютеранамъ при замѣщеніи вакантныхъ крестьянскихъ дворовъ, а иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда была возможность согнать хозяина съ занятаго имъ участка, то я могу заявить напрямикъ, что этого образа дѣйствій дѣйствительно держались многіе изъ помѣщиковъ, къ сожалѣнію не всѣ“.

---

[2]) Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи объ эмиграціи (Vorschläge zur Beseitigung der Massen-Auswanderung von H. v. H. Berlin, 1872) мы нашли слѣдующее очень вѣрное сравненіе германской расы съ романскою. У народовъ романскаго племени, пишетъ авторъ, колонизація всегда имѣла характеръ государственной мѣры, принимаемой на счетъ казны и въ видахъ политическихъ или торговыхъ финансовыхъ, но всегда отъ лица и отъ имени всего народа и верховной власти. Такимъ образомъ возникали греческія колоніи въ средней Азіи, римскія — въ Африкѣ, испанскія — въ Америкѣ и, въ новѣйшее

время, французскія—въ Алжирѣ. Войска завоевывали страну; церковь благословляла завоеванія, земли отбирались у туземцевъ и раздавались побѣдителямъ, и все это совершалось по приказу и по общему распоряженію. Германцы и англосаксонцы, напротивъ, переселяются по личной инціативѣ, индивидуально или посемейно, и забираютъ цѣлыя области и страны посредствомъ частныхъ сдѣлокъ, отдѣльныхъ поселеній, расширяя постепенно свои владѣнія безъ вѣдома правительства и часто пріобрѣтая такимъ образомъ для своихъ отечествъ новыя обширныя колоніи, о коихъ верховная власть ничего и не знала.

Къ этой характеристикѣ нѣмецкаго писателя мы прибавимъ, что этотъ порядокъ колонизаціи еще болѣе свойственъ русскому племени, чѣмъ германскому. Вся Россія населилась такимъ образомъ безъ спроса и вѣдома правительства, на сѣверѣ—Поморье, на востокѣ—заволжскій край, далѣе Сибирь; въ новѣйшее время Амурская область. Русскіе люди проникали и поселялись въ этихъ странахъ прежде чѣмъ вступали въ нихъ русскія войска и власти, и завоеванія, колонизація совершались не оружіемъ, а орудіями — сохой, косой и топоромъ.

---

[3]) Рошеръ въ своемъ сочиненіи (Die Grundlage der National-Oeconomie, 8 Aufl. 1869 v. W. Roscher), разсматривая эмиграцію съ двухъ сторонъ, въ отношеніи страны, откуда переселенцы выходятъ и той, гдѣ они поселяются, говоритъ, что первая во всякомъ случаѣ выигрываетъ отъ новыхъ поселеній, но что относительно второй вопросъ этотъ раздѣляется на два: если переселенія совершаются только изъ коренныхъ областей государства въ другія — въ колоніи, то эмиграція есть безспорно лучшее средство для правильнаго размѣщенія жителей и возстановленія равновѣсія между трудомъ и капиталомъ въ странахъ пресыщенныхъ населеніемъ, и такого рода переселенія онъ называетъ колонизаціонными (kolonisatorische Auswanderung). Другое дѣло, когда эмигранты выходятъ изъ своихъ отечествъ въ чужіе края, населенные другими народами и подвластными другимъ правительствамъ: такъ какъ выходцы набираются бо́льшею частію изъ лучшихъ и бодрыхъ людей рабочаго класса, то очевидно, что потеря ихъ чувствительна для мѣстности ими покидаемой и убытокъ этотъ больше, чѣмъ выгода отъ выселенія излишняго населенія. Здѣсь двѣ стороны — активъ и пассивъ, который надо оцѣнить особо, чтобы вывести балансъ: во-первыхъ, просторъ, выгадываемый остающимися обывателями отъ перехода части жителей на другія земли; эта выгода дѣйствительно очень значительная въ странахъ малоземельныхъ и густонаселенныхъ, но она была бы дѣйствительна только въ томъ случаѣ, еслибъ уходили именно тѣ бѣднѣйшіе и безземельные обыватели, которые обременяютъ общества своимъ неимуществомъ и призрѣніемъ и еслибъ при томъ упраздненные подворные участки надѣлялись этимъ семействамъ бобылей и пролетаріевъ. Къ сожалѣнію, это не такъ; свободныя земли, дворы, дома, обыкновенно запродаются отходящими переселенцами смежнымъ землевладѣльцамъ болѣе зажиточнымъ и на наличныя деньги, потому что это условіе распродажи имущества и полученіе капитала всего сполна и впередъ, есть первая потребность выселяющагося домохозяина; поэтому, прямое дѣйствіе эмиграціи есть округленіе владѣній, уничтоженіе мелкихъ участковъ, но не пособіе бѣднымъ и безземельнымъ обывателямъ, ко-

торые остаются при томъ же, при чемъ и были прежде, т.-е. не при чемъ, — хотя впрочемъ сельско-хозяйственный бытъ вообще и несомнѣнно улучшается отъ выхода излишнихъ жителей. — Другая сторона вопроса — пассивъ эмиграціоннаго баланса, это убыль рабочихъ рукъ и именно способнѣйшихъ и наиболѣе трудолюбивыхъ ремесленниковъ, подмастерьевъ, хлѣбопашцевъ, которые составляютъ большинство эмигрантовъ изъ Германіи и другихъ странъ (кромѣ развѣ Ирландіи), и эта убыль несравненно чувствительнѣе и убыточнѣе, чѣмъ предполагаемая выгода отъ выселенія этихъ людей и отъ упраздненія ихъ земельныхъ участковъ. Поэтому можно сказать, что балансъ былъ бы ровный, еслибъ: a) приняты были мѣры къ выселенію бѣднѣйшихъ хозяевъ изъ наиболѣе густонаселенныхъ сельскихъ обществъ, или b) еслибъ эмигранты обязаны были оставлять свои земли въ распоряженіе обществъ для надѣла бобыльскихъ семей и безземельныхъ батраковъ, и еслибъ притомъ казна приняла на свой счетъ закупку имуществъ эмигрантовъ по вольной цѣнѣ и настоящей ихъ цѣнности. Первая изъ этихъ мѣръ представляетъ однако такія неудобства, что едвали можно ее предложить; она была испытана въ Баваріи, гдѣ правительство, долго сопротивлявшееся эмиграціи, въ 1855 г. вдругъ вздумало переселить на казенный счетъ въ Канаду изъ одного сельскаго общества Прирейнскихъ своихъ областей 228 душъ неимущихъ жителей. Канадскія власти, получивъ такой милый подарокъ, спѣшили протестовать противъ этого распоряженія и обратились съ формальной жалобой къ германскому сейму. Вторая мѣра была примѣнена съ лучшимъ успѣхомъ въ Баденѣ, гдѣ изданъ былъ законъ, что казна выдаетъ пособіе тѣмъ изъ эмигрантовъ, которые откажутся отъ своихъ правъ на общинныя земли; по отзыву Министерства Вн. Дѣлъ, это распоряженіе такъ существенно помогло нѣкоторымъ обществамъ, что они начали исправно платить подати, между тѣмъ какъ въ прежнее время они даже получали пособія отъ казны для своихъ сельскихъ расходовъ. Но издержки были значительны и до 1855 г. простирались уже на 1.776,419 гульд.; съ 1840 по 1865 г. на 104,998 переселенцевъ выдано пособій отъ казны и отъ обществъ 1.951,832 гульд.

---

4) Эмиграціонная и колоніальная коммиссія въ Англіи (Colonial Land and Emigration Commission),

Переселенія уже съ начала настоящаго столѣтія сдѣлались предметомъ попеченія Англійскаго правительства и въ 20-хъ годахъ издано было 3 отчета (въ 1826—1827) объ эмиграціи (Reports of Emigration). Въ 1831 г. по предложенію лорда Рипонъ наряжена была новая комиссія, которая пришла къ заключенію, что необходимо учредить особое присутствіе для надзора за эмиграціей; дѣло протянулось однако до 1840 г, въ коемъ была открыта комиссія подъ вышеприведеннымъ названіемъ. Составъ ея не сложный: 1 предсѣдатель, 1 письмоводитель, 1 секретарь, 8 канцеляристовъ и 20 агентовъ, размѣщенныхъ по главнымъ портамъ, откуда отправляются выходцы, всего 36 должностныхъ лицъ съ штатными окладами на сумму 10,720 L. Кругъ вѣдомства этой комиссіи двоякій: a) собственно дѣла объ эмиграціи, выселеніи и надзоръ за перевозкой пассажировъ, b) дѣла о водвореніи новыхъ поселянъ на колоніальныхъ земляхъ. По первому предмету, комиссія производитъ чрезъ своихъ агентовъ ре-

визію судовъ, зафрахтованныхъ для эмигрантовъ и имѣетъ надзоръ о правильномъ ихъ помѣщеніи и путевомъ продовольствіи; издаетъ по этимъ предметамъ инструкціи (Rules), обязательныя для судохозяевъ, маклеровъ и прочихъ лицъ, занимающихся перевозкой эмигрантовъ, и производитъ также судебное разбирательство въ случаѣ нарушеній, на правахъ мирового суда. Кромѣ того, въ опредѣленныхъ случаяхъ она ассигнуетъ казенныя пособія бѣднѣйшимъ переселенцамъ, принимаетъ объявленія отъ желающихъ, нанимаетъ суда для перевозки и вообще служитъ справочной конторой по всѣмъ дѣламъ этого вѣдомства. — Для казенныхъ субсидій устроенъ особый фондъ, пополняемый суммами отъ продажи колоніальныхъ земель; фрахтъ судовъ, а равно и пассажировъ очень измѣняется и колеблется между 9 и 23 L. изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ. Число эмигрантовъ, получающихъ вспомоществованія, составляетъ примѣрно 1/10 всѣхъ эмигрантовъ. Всего въ 9 лѣтъ, 1849—58, издержано на этотъ предметъ 117,441 L. (около 100,000 руб. въ годъ).

Годовые отчеты эмиграціонной комиссіи (General Report of the Emigration Commission) ведутся съ 1841 г. и къ каждому прилагается Введеніе (Preliminary Remarks), въ коемъ описывается весь ходъ переселеній съ 1815 г. Эти публикаціи, составленныя съ большою подробностію, показывающія не только число эмигрантовъ, но ихъ національность, мѣста прежняго жительства и отправленія, ихъ состоянія, промыслы и т. п., составляютъ самый подробный и достовѣрный матеріалъ для изслѣдованія англійской эмиграціи.

Второй предметъ вѣдомства комиссіи — распоряженія о продажѣ или надѣлѣ колоніальныхъ земель и вообще о водвореніи переселенцевъ; такъ какъ это будетъ предметомъ особой главы этого сочиненія „О колонизаціи", то мы изложимъ эту часть дѣйствій комиссіи въ подлежащей главѣ.

---

[5]) По переписи 1870 г., всѣхъ находящихся въ живыхъ эмигрантовъ было въ Соединенныхъ Штатахъ 5.567,229, изъ коихъ нѣмцевъ— 1.690,410, ирландцевъ 855,827, англичанъ 550,904, шведовъ и норвежцевъ 214,574, французовъ 116,000, китайцевъ 62,674, итальянцевъ только 17,147, а испанцевъ еще менѣе—3,701.

Кромѣ того, считалось 493,434 переселенцевъ изъ Канады и другихъ англійскихъ колоній, которые большею частью жили въ сѣверныхъ округахъ, прилегающихъ къ англійской границѣ.

Пропорція нѣмецкой эмиграціи все возрастаетъ: уроженцевъ одного герцогства Баденскаго считалось въ Америкѣ 160,000, болѣе чѣмъ французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Въ 1871 году прибывшихъ въ Нью-Іоркскій портъ эмигрантовъ было 229,639.—Въ 1872 г.—291,217.

Изъ этого числа нѣмцевъ 111,000, ирландцевъ 64,000, шотландцевъ 9,000, шведовъ 17,400, итальянцевъ 5,800, датчанъ 4,600, голландцевъ 3,460, швейцарцевъ 450, французовъ 2,700 и русскихъ 4,000.

Изъ этого видно, что въ послѣднее время наибольшее число эмигрантовъ выходитъ изъ Германіи и что Ирландія уступила уже ей первое мѣсто въ этомъ

явленіи, свидѣтельствующемъ о степени стѣсненія рабочихъ классовъ. — Эмиграція изъ Россіи тоже начала прибывать.

---

[6]) По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, эмиграція изъ Германіи еще усилилась въ 1871—1873 годахъ. Въ 1871 году выселилось около 270.000, въ 1872 г. 155,595, Всѣхъ выходцевъ изъ Германіи считалось съ 1815 по 1873 г. 3.040,000.—Имущества, вывезеннаго эмигрантами, считаютъ приблизительно отъ 100 до 150 тал. на человѣка, что составитъ всего капитала отъ 300 до 450 милліоновъ тал.

По разсчетамъ нѣкоторыхъ публицистовъ, Dr. Engel въ Берлинѣ, Dr. Карр изъ Нью-Іорка, среднее число нѣмецкихъ эмигрантовъ превышаетъ теперь 150,000 въ годъ. Въ 1872 г. выселилось изъ Гамбурга 74,011, изъ Бремена 80,212, итого 154,223; такъ какъ много нѣмцевъ отъѣзжаютъ, кромѣ того, изъ французскихъ и англійскихъ портовъ, то надо думать, что общее число ихъ гораздо больше вышепоказаннаго.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Eulenbourg въ засѣданіи прусскаго ландтага 5 января 1874 г. говорилъ, что въ теченіи 1871 года населеніе убыло въ 221 сельскихъ округахъ и въ 575 маленькихъ городахъ и приписывалъ это отчасти войнѣ съ Франціей, отчасти же эмиграціи. Вообще въ послѣдніе годы стала замѣтна и очень чувствительна въ восточныхъ областяхъ Германіи постоянная убыль сельскихъ рабочихъ и вздорожаніе всѣхъ земледѣльческихъ работъ.

---

[7]) Изъ нѣмецкихъ правительствъ, Баденское — сознавая необходимость содѣйствовать эмиграціи, ассигнуетъ довольно щедрыя субсидіи въ пользу переселенцевъ. Въ половинѣ настоящаго столѣтія, экономическое разстройство достигло такой степени, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ оффиціальномъ отчетѣ указывалъ на многія сельскія общества, которыя пришли въ совершенную несостоятельность: нѣкоторыя изъ нихъ, для примѣра Министръ приводитъ 4 (Frederikshoff, Ollnaishoff, Herrischried, Langenwihel), для своихъ общественныхъ расходовъ получали значительныя субсидіи отъ казны; другія (Rinek, Ferdinandsdorf) не имѣли даже никакихъ собственныхъ доходовъ и содержали свое управленіе на счетъ казны. Министерство предлагало въ такихъ обществахъ выселять жителей на счетъ казны съ тѣмъ, чтобы выходцы уступали свои угодья прочимъ обывателямъ. Мѣра эта была принята, нѣкоторыя общества были вовсе упразднены, такъ какъ всѣ домохозяева пожелали воспользоваться правомъ переселенія; въ другихъ, расходы были приняты на счетъ обществъ и остаются неизвѣстными; казенныя субсидіи на эмигрантовъ простирались:

въ	1850	г.	на	44,989	гульденовъ.
„	1851	„	„	110,744	„
„	1852	„	„	14,381	„
„	1853	„	„	31,124	„
„	1854	„	„	12,540	„
„	1855	„	„	4,003	„

Всего затрачено было до 1865 г. на субсидіи эмигрантамъ изъ казенныхъ суммъ, не считая общественныхъ—951,832 гульд., громадная сумма для государства въ 1.300,000 жителей.

Расходы, по примѣрному исчисленію министра, раздѣлялись на слѣдующія статьи: путевые расходы съ содержаніемъ и пищей 70 г., пособій при отправкѣ 11 г., вспомоществованія при пріѣздѣ въ Америку 11 г., итого 92 гульд. на одного человѣка. Иногда эта сумма возрастала до 100—125 гульд.

Вообще эмиграція была очень сильна въ Баденѣ съ 1840 по 1865 г.; въ эти годы выселилось 104,998, что составляетъ на 1,300,000 жителей пропорцію—10 эмигрантовъ на 130 жителей. Послѣдствія этого движенія, по заключеніямъ вышеупомянутаго отчета, были совершенно благопріятны; внутри страны обнаружилось значительное улучшеніе и многія сельскія общества, которыя приходили уже въ несостоятельность, послѣ этого усиленнаго выхода бѣднѣйшихъ своихъ членовъ, устроили свое мѣстное хозяйство лучше прежняго. Положеніе самихъ эмигрантовъ, судя по крупнымъ суммамъ сбереженій, отъ нихъ высылаемыхъ въ Европу, также представляется удовлетворительнымъ. Въ концѣ 50 годовъ эмиграція, повидимому, возстановила экономическій балансъ между трудомъ и эксплуатируемымъ капиталомъ и стала быстро уменьшаться. Съ 21,561 человѣка (1854) она упала на 1,969 (въ 1856 г.), 1,970 (въ 1858) и 1,330 (въ 1861).

Но при этомъ надо все-таки вспомнить, цѣной какихъ усилій и денежныхъ расходовъ куплено было это улучшеніе: выселеніемъ около 105,000 жит. изъ общаго числа 1,300,000 и расходомъ около 600,000 руб. изъ казенныхъ суммъ, кромѣ всѣхъ субсидій, данныхъ отъ обществъ и городовъ. Цѣна эта не была бы высока, еслибъ можно было быть увѣреннымъ, что улучшеніе народнаго быта, признанное правительствомъ, будетъ прочное и не потребуетъ черезъ нѣсколько лѣтъ новыхъ усилій къ поощренію эмиграціи.

---

[8]) Изъ новѣйшихъ сочиненій объ эмиграціи, мы въ особенности рекомендуемъ читателямъ небольшую брошюру, изданную въ 1873 г. въ Берлинѣ, о которой мы уже выше упомянули въ примѣчаніи 2-мъ: Vorschläge zur Besictzgung der Massen-Auswanderung von H. v. H. Въ ней изложены съ бо́льшею откровенностію, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, опасенія, возбуждаемыя въ нѣмецкихъ земляхъ и съ точки зрѣнія германской культуры — усиливающимися переселеніями рабочаго люда. Между прочимъ, авторъ указываетъ и доказываетъ, что главная масса выходцевъ состоитъ изъ наилучшей части рабочихъ; онъ различаетъ переходъ (Wanderung) отъ выхода (Auswanderung) и говоритъ, что къ переходамъ или отхожимъ промысламъ внутри страны болѣе склонны холостые, одинокіе люди, и наоборотъ, къ переселеніямъ, къ выходу изъ отечества—семейные домохозяева, самостоятельные рабочіе (der solide Arbeiter). Большая часть эмигрантовъ, прибывающихъ въ Америку, находится въ полномъ рабочемъ возрастѣ; изъ всего числа выходцевъ съ 1819 по 1860 г. около 60% имѣли отъ 15—35 лѣтъ; изъ 3-хъ милліоновъ нѣмцевъ, переселившихся въ Америку, въ теченіи настоящаго столѣтія, болѣе половины, слишкомъ 1½ милліона принадлежали къ крестьянскому сословію и около 15%—450,000—къ среднему классу болѣе или менѣе зажиточныхъ хозяевъ.—Съ поразительною вѣрностію

изложены въ упомянутомъ сочиненіи коренныя причины эмиграціи и неизбѣжныя, горькія ея послѣдствія.—Изъ нѣмецкихъ земель всего болѣе выходитъ переселенцевъ изъ сѣверо-восточной части провинцій Пруссіи: Познанской, Помераніи, Мекленбурга, Голштейна и Ганновера; часть ихъ отплываетъ изъ Бремена и Гамбурга—это гласные эмигранты; кромѣ того, неизвѣстное число бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ садятся на корабли въ голландскихъ портахъ: Амстердамѣ, Антверпенѣ, Ротердамѣ, или въ англійскихъ — Лондонѣ, Ливерпулѣ, Сутамтонѣ, направляясь въ Сѣверную Америку, Бразилію и Австралію. Наименьшее число эмигрантовъ оказывается въ областяхъ наиболѣе населенныхъ: Саксонской, Силезской и Рейнской.—Что же должно быть признано главнымъ побужденіемъ къ переселенію? спрашиваетъ авторъ. Надежда ли имѣть лучшіе заработки? Да, но эта причина не главная. Высшей цѣлью для эмигранта представляется возможность пріобрѣсти въ другихъ частяхъ свѣта собственное имущество, осѣдлость, хозяйство и завестись своимъ семейнымъ, домашнимъ очагомъ. Поэтому общій вопль, раздающійся въ городахъ о возвышеніи рабочей платы, или сокращеніи рабочихъ часовъ есть только отголосокъ сельскаго пролетаріата; въ селеніяхъ рабочій людъ раздѣляется на два разряда, одинокіе болѣе или менѣе разгульные люди уходятъ въ города, на отхожіе промыслы, ведутъ жизнь бродячую, заражаются всѣми пороками городскихъ населеній, рѣдко наживаютъ какія-либо сбереженія и послѣ нѣкотораго времени возвращаются въ свои семьи такіе же бѣдные и голодные, какъ ушли; они-то, составляя главную массу городскихъ рабочихъ, оглашаютъ большіе города и столицы требованіями о возвышеніи рабочей платы.

Другая часть сельскихъ пролетаріевъ, люди семейные, разсчетливые (die soliden Arbeiter) не гонятся за этимъ призракомъ возвышенія платы, сознавая, что онъ неуловимъ при постепенномъ и непрерывномъ вздорожаніи всѣхъ предметовъ потребленія; они стараются скопить кое-какія сбереженія, распродаютъ свое имущество и стремятся въ тѣ страны, гдѣ пріобрѣтеніе собственности доступно бережливому и трудолюбивому работнику. Въ Соединенныхъ Штатахъ эта возможность имъ представляется; онъ можетъ получить въ западныхъ территоріяхъ (in the farwest) дикія земли въ размѣрѣ до 160 акровъ (60 дес.) безплатно, или въ центральныхъ штатахъ воздѣланныя и плодородныя земли по дешевой цѣнѣ 2 долл. за акръ (около 7—8 руб. за десятину).

Если у него запаснаго капитала нѣтъ, или мало, то при высокой рабочей платѣ онъ можетъ откладывать нѣкоторыя сбереженія, помѣщать свои деньги изъ 6% и въ нѣсколько лѣтъ расплатиться за купчія земли. Изъ этого видно, что эмиграція въ Америку основана на совершенно правильномъ хозяйственномъ разсчетѣ и что она выражаетъ разумное стремленіе лучшей части простонародья къ пріобрѣтенію недвижимой собственности, между тѣмъ какъ такъ называемый рабочій вопросъ есть только отголосокъ этого стѣсненнаго положенія сельскаго населенія и голосъ вопіющій въ пустынѣ, потому что по мѣрѣ возвышенія платы возвышаются и расходы. Авторъ приходитъ по этому предмету къ слѣдующимъ замѣчательнымъ выводамъ: 1) что эмиграція въ послѣднее время усилилась преимущественно въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ земли много, а жителей мало, и что граничной чертой этихъ двухъ полосъ можетъ быть признана рѣка Эльба; 2) что переселенія особенно усиливаются въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладаетъ крупное землевладѣніе съ феодальными правами;

въ Померанiи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ и тамъ въ послѣднiя 50 лѣтъ, несмотря на распашку многихъ миллiоновъ морговъ новой земли, замѣтно постоянное уменьшенiе крестьянскихъ хозяйствъ, которыя постепенно скупаются смежными землевладѣльцами и упраздняются (werden durch Ankauf der benachbarten Gutsbesitzer gelegt); 3) что попытка великаго Штейна къ соглашенiю интересовъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ осталась безуспѣшною потому собственно, что крестьянину было отказано въ главнѣйшей хозяйственной помощи, въ помощи народнаго кредита; имъ воспользовались исключительно землевладѣльцы благородной крови и довели цѣнность земельныхъ угодiй до такихъ размѣровъ, что прiобрѣтенiе недвижимыхъ имуществъ изъ сбереженiй, изъ трудовыхъ и заработанныхъ денегъ сдѣлалось для земледѣльца недоступнымъ; даже сохраненiе потомственныхъ подворныхъ участковъ (Bauernhöfe) очень затруднительно потому, что большая часть кредитныхъ учрежденiй не принимаетъ въ залогъ крестьянскихъ участковъ цѣнностiю меньше 1000 тал. и лишаетъ ихъ такимъ образомъ всякой возможности дѣлать какiе-либо обороты и улучшенiя. Этому горю не помогаютъ и ссудо-сберегательныя кассы Шульце-Делича, такъ какъ онѣ по сихъ поръ дѣйствуютъ почти исключительно въ средѣ городскихъ сословiй и ремесленниковъ.

Переходя затѣмъ къ исчисленiю денежнаго убытка, причиняемаго Германiи эмиграцiей, авторъ приводитъ отзывы Dr. Engel-я, директора статистическаго отдѣла Мин. Вн. Дѣлъ въ Пруссiи и Dr. Kapp-а, мнѣнiе коего имѣетъ особый вѣсъ, такъ какъ онъ былъ членомъ эмиграцiоннаго бюро въ Нью-Iоркѣ (Comissioner of Emigration). Эти два публициста исчисляютъ потери, понесенныя Германiей отъ эмиграцiи въ нѣсколько миллiардовъ талеровъ; они разсчитываютъ, что содержанiе и воспитанiе малолѣтняго, покуда онъ находится въ нерабочемъ, непроизводительномъ возрастѣ, обходится не менѣе 50 тал. въ годъ и что, поэтому, 15-лѣтнiй мальчикъ или дѣвочка стоятъ въ этомъ возрастѣ, предполагая, что съ 15 лѣтъ они прокармливаются собственнымъ трудомъ, — не менѣе 750 тал.; затѣмъ, скидывая 1/3, 250 тал. на дѣтей, вывезенныхъ ранѣе этого возраста, они считаютъ среднюю потерю на каждомъ эмигрантѣ въ 500 тал. На 3 миллiона переселенцевъ, вышедшихъ изъ Германiи съ 1815 по 1872 г., приходилось бы по этому разсчету—1500 миллiоновъ. Заключенiя автора очень мрачныя:

По общему ходу эмиграцiи и постепенному, непрерывному ея приращенiю, надо предвидѣть, что она и впредь будетъ усиливаться.

Главная масса переселенцевъ состоитъ изъ бережливыхъ и трудолюбивыхъ отцовъ семействъ, которые ищутъ помѣщенiя для заработанныхъ небольшихъ капиталовъ, и, не находя таковыхъ помѣщенiй въ Европѣ по непомѣрной дороговизнѣ земельныхъ угодiй, отыскиваютъ ихъ въ другихъ частяхъ свѣта.

Переселенiя особенно сильны въ малонаселенныхъ частяхъ Германiи, гдѣ и причиняютъ наиболѣе вреда.

Эмиграцiя причиняетъ народному богатству убытокъ, равняющiйся, или даже нѣсколько превышающiй общую сумму всѣхъ государственныхъ долговъ всѣхъ германскихъ государствъ.

---

[9]) Мы выше сказали, что собственно на путевые расходы полагается изъ Англіи въ Америку 4 L., изъ Пруссіи 41 тал., изъ Баваріи и Южной Германіи 92 гульдена (отъ 32 до 55 руб.). Но, разумѣется, кромѣ этой суммы, разсчитанной только за фрахтъ и проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, нужна гораздо бо́льшая на содержаніе и первыя издержки водворенія, или даже на прожитіе въ Америкѣ въ первое время до пріисканія работы или службы. Американцы показываютъ, будто-бы каждый эмигрантъ въ средней сложности привозитъ съ собой до 280 р.; нѣмецкіе писатели признаютъ эту цифру преувеличенной. Изъ Англіи въ 1823 г. было переселено въ Канаду нѣсколько тысячъ человѣкъ, на коихъ ассигновано было по 22 L. (176 р.) на душу, считая въ томъ числѣ женъ и дѣтей, и изъ этой суммы закуплены были для нихъ по коровѣ, нѣсколько хлѣба для посѣва и провіантъ на 12 мѣсяцевъ. Принимая во вниманіе, что съ того времени (1823 г.) цѣны на всѣ продукты сильно вздорожали, мы не думаемъ, чтобы вышепоказанная сумма 280 тал. была преувеличена.

Въ Виртембергѣ изъ 3,429 переселенцевъ взрослыхъ и мужскаго пола оказалось въ 1869 году земледѣльцевъ 880, фабричныхъ и ремесленниковъ 1,794, купцовъ и извощиковъ 271, людей образованныхъ классовъ 92.

---

[10]) На организацію воинской повинности, это обстоятельство, осѣдлость и домовитость сельскихъ обывателей, подлежащихъ военной службѣ, имѣетъ большое вліяніе. Когда въ комитетѣ, собранномъ для обсужденія новаго проекта воинской повинности въ Россіи, дѣло коснулось остъ-зейскихъ губерній, то почтенный представитель этого края г. Лиліенфельдъ, онъ же и губернаторъ Лифляндіи, заявилъ о неудобствахъ всесословнаго отбыванія повинности въ этой окраинѣ, потому что большая часть призывныхъ рекрутъ будетъ убѣгать и уклоняться отъ жеребья. Бѣгство людей, призываемыхъ къ отбыванію рекрутской повинности, было дѣйствительно самое обыкновенное явленіе какъ въ остъ-зейскихъ губерніяхъ, такъ и въ Литвѣ, и при прежнихъ порядкахъ рекрутскаго набора всѣ молодые люди, непринадлежащіе къ семьямъ крестьянъ-хозяевъ, а именно: батраки, бобыли, огородники или такъ называемые кутники, мгновенно, при первой вѣсти объ объявленномъ наборѣ, исчезали съ лица земли, и въ продолженіи всего срока, назначеннаго для пріема рекрутъ, скитались по неизвѣстнымъ притонамъ. Нѣкоторые распорядительные помѣщики и сельскіе начальники производили въ такомъ случаѣ военные маневры, собирали вооруженныхъ служителей, офиціантовъ, экономовъ, лѣсничихъ и дѣлали внезапныя нападенія на шинки и дворы, гдѣ скрывались дезертиры, или облавы по лѣсамъ. Все это приводило къ тому, что значительный процентъ рекрутъ этого разряда, т.-е. безземельныхъ батраковъ, уклонялся отъ повинности и что для пополненія недоимки надо было брать лишнихъ рекрутъ изъ прочихъ сословій сельскихъ и городскихъ обывателей, имѣющихъ собственность, земли и дома, для которыхъ бѣгство не представлялось возможнымъ, ибо отъ своего имущества, отъ своихъ домовъ и земель отлучаться неудобно. То же самое явленіе мы видимъ и въ Германіи: неимущіе классы все болѣе и болѣе уклоняются отъ воинской повинности, эмигрируютъ въ Америку, зная, что тамъ нѣтъ обязательной

военной службы и затѣмъ всесословная воинская повинность ложится съ каждымъ годомъ тягостнѣе на остальные имущественные классы. Поэтому, на жалобы остъ-зейскихъ и литовскихъ жителей можно отвѣтить, что неудобства, ими замѣченныя, проистекаютъ отъ того положенія, въ которое они поставили большую часть крестьянскаго сословія, лишивъ ее земельной осѣдлости и что эти неудобства, излишнее, непропорціональное обремененіе другихъ имущественныхъ классовъ рекрутской повинностію, есть неизбѣжное и въ нѣкоторомъ отношеніи справедливое воздаяніе за всѣ прочія соціальныя и хозяйственныя преимущества, коими пользуются эти классы. Наконецъ можно выставить и то обстоятельство, что въ странахъ высшей германской культуры повторяется и еще въ бо́льшихъ размѣрахъ подобное же анти-патріотическое явленіе, что многія тысячи сыновъ Германіи предпочитаютъ трудовую жизнь въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ чести служить своему отечеству.

Въ Пруссіи было:

	гласныхъ эмигрантовъ offene Auswanderer.	тайныхъ heimliche.
въ 1856 году	18,699	6,327
„ 1857 „	23,972	9,952
„ 1858 „	73,392	4,157
„ 1859 „	9,881	3,503
„ 1860 „	10,385	5,113
„ 1861 „	10,764	3,450
„ 1862 „	14,354	4,447
„ 1863 „	14,293	4,337
„ 1864 „	13,131	5,830
Всего.	488,871	31,307

Такъ какъ срокъ военной службы въ Пруссіи былъ 7-лѣтній, то выходитъ, что въ семилѣтній періодъ 1858 — 1864 г. бѣжало рекрутъ 31,307, за которыхъ, разумѣется, пришлось отслужить 7-лѣтнюю службу другимъ классамъ жителей.

---

[11]) Что эмиграція не можетъ быть приписана густотѣ населенія, это положительно доказывается цифрами. Въ послѣднее время, напримѣръ, эмиграція очень усилилась въ герцогствѣ Познанскомъ, самой малонаселенной провинціи Пруссіи, и хотя это отчасти приписывается нѣмецкими публицистами политическимъ и религіознымъ неудовольствіямъ, но едва ли мнѣніе это справедливо, такъ какъ изъ смежной русской Польши, гдѣ политическое управленіе не было особенно мягко, но гдѣ крестьяне обезпечены земельнымъ надѣломъ, эмиграція составляла и составляетъ понынѣ обыкновенное явленіе въ средѣ высшихъ классовъ, между панами и шляхтой, но вовсе не касается простого народа, крестьянскаго сословія. Въ Познани, напротивъ, германское землевладѣніе такъ усилилось въ новѣйшее время, что оно понемногу вытѣснило крестьянское, и усиленіе эмиграціи надо приписать скорѣе этой причинѣ, чѣмъ политическимъ преслѣдованіямъ, которыя вообще очень мало чувствительны простому народу.

Еще лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія, будто бы эмиграція проистекаетъ отъ тѣсноты и малоземелья, служатъ слѣдующіе факты: въ Прусскихъ провинціяхъ Рейнской и Силезіи считается жителей, въ первой—7466 на квадратную милю, во второй—5175, въ провинціи Пруссіи 2825, въ Помераніи 2674. Эмигрантовъ въ 1871 г. было на 100 жителей въ Рейнской провинціи 0,14, — въ Силезіи 0,12, — въ Пруссіи 0,66, — въ Помераніи 1,46. Въ самой малонаселенной провинціи Германіи, гдѣ процвѣтаетъ еще древне-германское юнкерство, въ Помераніи, эмиграція была въ 10 разъ сильнѣе, чѣмъ на Рейнѣ, при густотѣ населенія въ три раза меньшей, — и еслибъ число эмигрантовъ слѣдовало той же пропорціи, то число это въ Рейнской провинціи составило бы на 100 жителей 4,20 переселенцевъ въ 1 годъ!!

---

[12]) Мы бы очень сожалѣли, еслибъ эти указанія объ эмиграціи, усиливающейся въ Германіи по мѣрѣ развитія прусскаго милитаризма, были истолкованы какъ доводъ противъ введенія всесословной воинской повинности въ Россіи. Мы, напротивъ, полагаемъ, что у насъ она можетъ быть примѣнена легче и удобнѣе, чѣмъ въ Германіи, по той причинѣ, что русскій крестьянинъ, имѣя усадьбу и полевой надѣлъ, не броситъ ихъ для избѣжанія службы; бездомные мѣщане въ городахъ, безземельные батраки въ Литвѣ и прибалтійскомъ краѣ, евреи въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ составятъ вѣроятно главный процентъ дезертировъ; но этотъ процентъ будетъ несравненно меньше, чѣмъ число дезертировъ, heimliche Auswanderer, въ Германіи.

---

[13]) Въ статьѣ L'émigration allemande (Revue des deux Mondes. 1 Janvier, 1874), мы находимъ еще дополнительныя свѣдѣнія за послѣдніе годы: въ 1872 г. изъ двухъ портовъ, Бремена и Гамбурга, вывезено эмигрантовъ 154,854. Но такъ какъ тайные выходцы (heimliche Auswanderer), уклоняясь отъ полицейскихъ преслѣдованій, избѣгаютъ нѣмецкихъ портовъ и садятся на корабли въ чужихъ странахъ, во французскихъ и бельгійскихъ гаваняхъ, то разсчитываютъ, что показанное число составляетъ не болѣе 70% всѣхъ нѣмецкихъ эмигрантовъ и что общій итогъ въ 1872 г. былъ не менѣе 215,000.

Нѣмецкій писатель Nessmann (die deutsche Auswanderung. Leipzig, 1873) полагаетъ, что въ средней сложности эмигранты вывозятъ по 100—150 тл. и что съ 1819 г. вывезено ими всего 375 мил. тл.

ГЛАВА II.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВО ФРАНЦІИ.

Франція обыкновенно признается страной демократическаго землевладѣнія. — Число собственниковъ. — Разряды крестьянъ-собственниковъ. — Число домохозяевъ, избавленныхъ отъ налога по имуществу. — Причины раздробленія имуществъ. — Конфискація имуществъ во время революціи. — Пререканія о преимуществѣ крупной и мелкой культуры. — Переходы владѣнія (mutations de la propriété foncière) — Общинныя имущества (biens communaux). — Двоякое значеніе общиннаго владѣнія во Франціи. — Заключенія о землевладѣніи во Франціи: отношеніе числа собственниковъ къ размѣру ихъ владѣнія. — Крайняя мелкопомѣстность. — Вліяніе революціи на землевладѣніе. — Половничество (metayage). — Положеніе крупнаго и средняго класса владѣльцевъ. — Средній разрядъ собственниковъ преобладаетъ во Франціи. — Общее заключеніе объ аграрномъ положеніи Франціи; крестьяне-бобыли; землевладѣніе въ рукахъ средняго сословія, буржуазіи. — Вліяніе свободо-дѣлимости поземельной собственности (mobilisation du sol) на благосостояніе жителей.

Приступая къ изслѣдованію поземельнаго владѣнія въ главныхъ государствахъ Европы, мы выбрали изъ нихъ три: Францію, Англію и Германію, какъ главнѣйшіе типы аграрнаго строя европейскихъ народовъ. Преобладаніе вольной и мелкой собственности въ первой изъ этихъ странъ, крупнаго землевладѣнія во второй, и смѣшаннаго помѣстнаго и крестьянскаго въ третьей, — таковы главныя черты различія, въ коихъ обыкновенно рисуются сельско-хозяйственный бытъ и соціальныя отношенія этихъ странъ. Впрочемъ, мы полагаемъ и постараемся доказать положительными данными, что различіе это не такое существенное, какъ обыкновенно его представляютъ, и что, расходясь въ нѣкоторыхъ своихъ основаніяхъ,

аграрное положеніе во всей Европѣ развивалось подъ вліяніемъ очень сходныхъ началъ и привело современныя общества къ одному положенію—безземельному состоянію бо́льшей части народовъ.

Мы начинаемъ съ Франціи потому, что въ этой странѣ главное свойство европейскаго аграрнаго положенія, о коемъ мы уже выше упомянули, малоземелье и безземелье низшихъ классовъ народа, обнаруживается слабѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Франція даже слыветъ типомъ демократическаго землевладѣнія и подъ этими словами обыкновенно разумѣется: a) полная мобилизація поземельной собственности, т.-е. право вольныхъ продажъ и покупокъ, b) равноправное наслѣдованіе и раздѣлъ имуществъ и c) мелкое землевладѣніе. Сравнивая эти начала съ тѣми, которыя преобладали въ другихъ краяхъ Европы, европейскіе экономисты признали французскіе порядки чисто демократическими, и вопросъ о преимуществѣ крупной и мелкой собственности или культуры, аристократическаго помѣстнаго владѣнія и демократическаго, крестьянскаго, вращается понынѣ на таковомъ сличеніи французскаго аграрнаго строя съ англійскимъ и германскимъ.

На сколько это представленіе вѣрно, соотвѣтствуетъ ли организація поземельной собственности во Франціи этому понятію о равноправномъ и мелкомъ земельномъ владѣніи,— это вопросъ, который мы постараемся изслѣдовать въ настоящей главѣ.

Франція обыкновенно признается страной демократической собственности и мелкой культуры, на томъ основаніи, что ея территорія, состоящая по кадастру изъ 53 милліоновъ гектаровъ, раздѣляется слишкомъ на 126 милліоновъ дѣлянокъ (parcelles) и 12 милліоновъ окладныхъ участковъ (côtes foncières). Затѣмъ во многихъ статистическихъ сочиненіяхъ еще показывается общее число собственниковъ (propriétaires) отъ 7—8 милліоновъ, и изъ этихъ чиселъ выводится общее заключеніе, что Франція есть преимущественно страна мелкаго землевладѣнія, соотвѣтствующаго общему духу нашего демократическаго вѣка.

Но во всѣ эти исчисленія вкрались грубѣйшія ошибки и недоразумѣнія: во-первыхъ, число дѣлянокъ (parcelles) указываетъ только на чрезвычайную дробность и черезполосность,

такъ какъ при кадастровыхъ съёмкахъ и таксаціяхъ, всякая отдѣльная дача или полоса заносится въ опись подъ особымъ нумеромъ; во-вторыхъ, число участковъ (côtes foncières) также не означаетъ количества собственниковъ, ибо счетъ имъ ведется по коммунамъ, и владѣльцы, имѣющіе участки въ разныхъ общинахъ, вносятся нѣсколько разъ въ списокъ поземельныхъ окладовъ; наконецъ и самый итогъ собственниковъ (по переписи 1851 года 7.854,724) не даетъ вѣрнаго понятія о землевладѣніи, такъ какъ въ него входятъ, во-первыхъ, цѣлая масса сельскихъ бобылей и, во-вторыхъ, значительное число городскихъ домовладѣльцевъ.

Вообще исчисленія французскихъ экономистовъ по этому предмету сбивчивы до крайности. Въ 1815 году Moreau de Jones и Rubichon показывали всѣхъ землевладѣльцевъ: первый—4.833,000, второй—3.805,000.

Въ 1855 году Академія наукъ считала сельскихъ владѣльцевъ 5.775,000. Въ 60-ыхъ годахъ Leonce de Lavergne насчитывалъ ихъ 5.550,000. Въ то же время Legoyt (la France et l'Aranger. Paris, 1865) дѣлалъ разсчетъ, что если вычесть изъ общаго числа собственниковъ, показанныхъ по переписи 1851 года (7.825,724), владѣльцевъ, уволенныхъ отъ оклада по неимуществу (3.600,000) и городскихъ домовладѣльцевъ (1.100,000), то дѣйствительныхъ землевладѣльцевъ остается около 3.100,000.

Такимъ образомъ показанія о числѣ землевладѣльцевъ колеблются между 3.100,000 (по Legoyt) и 5.500,000 (по Leonce de Lavergne) [1]).

Но эти общіе итоги не даютъ вѣрнаго понятія о землевладѣніи во Франціи или даже даютъ о немъ совершенно превратное понятіе, если не вникнуть въ составъ этого многолюднаго сословія такъ-называемыхъ землевладѣльцевъ; оказывается, что изъ общаго числа собственниковъ нужно исключить большую часть такихъ, владѣнія коихъ не даютъ никакого чистаго дохода. По уставу поземельнаго налога, муниципальнымъ совѣтамъ предоставляется при раскладкѣ этой подати выдавать свидѣтельства бѣднѣйшимъ хозяевамъ объ изъятіи ихъ изъ оклада по причинѣ неимущества (pour

cause d'indigence), и такихъ уволенныхъ землевладѣльцевъ считается около 3 м. Кромѣ того, также освобождаются отъ платежа тѣ владѣльцы, окладъ коихъ менѣе 5 сантимовъ, и такихъ показывается по однимъ свѣдѣніямъ 600 т., по другимъ—даже 900 т. Очевидно, что если принимать землевладѣніе въ серьёзномъ его значеніи, какъ соціальное положеніе, дающее нѣкоторыя хотя и неполныя средства пропитанія, то люди, оффиціально приписанные къ разряду неимущихъ (indigents) не могутъ быть названы въ настоящемъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова собственниками. Изъ этого слѣдуетъ, что изъ общаго числа землевладѣльцевъ надо исключить не менѣе 3.600,000 бѣднѣйшихъ домохозяевъ.

Распредѣленіе землевладѣльцевъ по разрядамъ подтверждаетъ этотъ разсчетъ.

Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія (1815—1830 г.) считалось домохозяевъ (chefs de famille),

владѣвшихъ среднимъ числомъ	880	гектарами, а всего	19 м. гект.	.	21,456
„ „ „	12—62	„ „	18.300,000	.	642,993
„ „ „	1—8	„ „	7.450,000	.	3.140,551

Доходы этихъ хозяйствъ опредѣлялись такъ:

8,516	землевладѣльцевъ	съ среднимъ	доходомъ	по	19,272	фр.
18,856	„	„	„	„	7,340	„
212,636	„	„	„	„	2,127	„
928,000	„	„	„	„	464	„
3.600,000	„	„	„	„	64	„

По пространству владѣнія считалось:

8,000	хозяйствъ,	имѣвшихъ	среднимъ	числомъ	по 353	гект.
15,000	„	„	„	„	„ 180	„
67,000	„	„	„	„	„ 84	„
110,000	„	„	„	„	„ 56	„
220,000	„	„	„	„	„ 35	„
480,000	„	„	„	„	„ 14	„
3.900,000	„	„	„	„	„ 3,64	„

По другимъ свѣдѣніямъ полагалось примѣрно: крупныхъ землевладѣльцевъ съ среднимъ доходомъ 13,000 фр.; 23,000—среднихъ землевладѣльцевъ съ среднимъ доходомъ 1,450 фр.—457,000; мелкихъ землевладѣльцевъ съ среднимъ доходомъ 106 фр.—4.353,000. Позднѣе, въ 1849 г., министръ финансовъ Passy считалъ поземельныхъ окладовъ выше 100 фр.

493,772; поземельныхъ окладовъ отъ 5 до 100 фр. 5.977,947; поземельныхъ окладовъ менѣе 5 фр.—5.440,530.

Наконецъ, новѣйшій писатель Leonce de Lavergne принимаетъ до 5 мил. владѣльцевъ, имѣющихъ среднимъ числомъ не болѣе 3 гект. на семейство.

Сбивчивость этихъ показаній происходитъ отъ разныхъ причинъ; — во-первыхъ, оттого, что въ однихъ приняты въ разсчетъ сами домохозяева, въ другихъ хозяйства, и такъ какъ у одного владѣльца бываетъ нѣсколько помѣстій, то число первыхъ всегда меньше послѣднихъ; во-вторыхъ, исчисленія по доходности не сходятся ни съ исчисленіями по пространству, ни съ количествомъ окладныхъ участковъ, потому что въ первомъ случаѣ считаются только домохозяева, (chefs de famille), а въ другихъ отдѣльныя дачи и участки по кадастру.

Но тѣмъ не менѣе, обращая вниманіе на послѣднія числа каждой изъ вышеприведенныхъ таблицъ, мы должны придти къ заключенію, весьма важному для оцѣнки поземельнаго быта Франціи, а именно, что огромнѣйшее число такъ называемыхъ собственниковъ (propriétaires) должны быть скорѣе отнесены къ разряду неимущихъ (indigents). Мы выше сказали, что около 3 милліоновъ домохозяевъ вовсе увольняются по свидѣтельствамъ муниципальныхъ совѣтовъ отъ поземельнаго оклада, потому что съ нихъ нечего и взять и что, кромѣ того, около 600 или 900 тысячъ также освобождаются отъ прямыхъ налоговъ, потому что ихъ окладъ 5 сантимовъ ($1^1/_4$ коп.) не стóитъ издержекъ взиманія; по разсчетамъ автора, котораго мы выше цитировали, у всей этой массы 3.600,000 собственниковъ имѣется не болѣе 20,000 гектаровъ.

По другимъ разсчетамъ, также приведеннымъ выше, считается 3.600,000 владѣльцевъ (т.-е. семействъ), имѣющихъ дохода отъ своихъ земель по 64 франка (16 руб. сереб.) и 3.900,000 хозяйствъ (т.-е. крестьянскихъ дворовъ), средняя величина коихъ 3,64 гектара (3,31 десятины).

Первый фактъ, который мы должны засвидѣтельствовать, это: французское крестьянство имѣетъ дѣйствительно то преимущество передъ германскимъ и англійскимъ, что бóльшею частью имѣетъ усадебную осѣдлость, чтó составляетъ безспорно огромную выгоду для хозяйственнаго быта

низшихъ классовъ въ сравненіи съ бездомнымъ и безземельнымъ ихъ состояніемъ въ другихъ странахъ, но выгоды эти только относительныя и называть собственниками, землевладѣльцами всю эту массу крестьянъ, получающихъ по 16 р. дохода съ своихъ земель и отчасти приписанныхъ къ разряду неимущихъ, такъ же неправильно, какъ называть капиталистами городскихъ рабочихъ, вкладывающихъ свои скудныя сбереженія въ сберегательныя кассы [2]).

Второе обстоятельство, которое мы должны прослѣдить, это причины, породившія эту чрезвычайную дробность и мелкопомѣстность; они обыкновенно приписываются вліянію революціи 1789 г. и полной свободѣ землевладѣнія и наслѣдованія, введенной этой революціей; но изслѣдованія новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ экономистовъ доказали достовѣрно, что пропорціональное отношеніе между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ очень мало измѣнилось въ новѣйшей Франціи, что уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ аграрное положеніе бо́льшей части французскихъ крестьянъ было такое же, какъ и нынѣ, т.-е. крайне малоземельное. Правда, состояніе это значительно улучшилось отъ отмѣны разныхъ вотчинныхъ и корпоративныхъ правъ, упраздненныхъ революціей, отъ освобожденія лицъ и имуществъ отъ гнета феодальныхъ повинностей, отъ вольнаго порядка наслѣдованія и свободы семейныхъ раздѣловъ,—но улучшенія эти относятся вообще къ землевладѣнію и народному хозяйству всей страны, всѣхъ сословій, и крестьянство выиграло при этомъ менѣе, чѣмъ другіе классы; общій итогъ крестьянскихъ земель не увеличился, средній размѣръ владѣнія остался тотъ же, или даже уменьшился и вообще переворотъ совершился скорѣе въ пользу среднихъ сословій, чѣмъ низшихъ.

Уже въ началѣ и половинѣ XVIII столѣтія всѣ писатели, занимавшіеся этимъ предметомъ (Аббатъ St. Pierre въ 1738, Turgot въ 1760, Arthur Joung въ 1787) свидѣтельствуютъ единогласно, что большая часть сельскихъ обывателей во Франціи владѣютъ такими мелкими участками, что земледѣліе не составляетъ ихъ промысла и что они больше промышляютъ садоводствомъ, огородничествомъ и заработками на сторонѣ,

или же снимаютъ земли исполу у сосѣднихъ помѣщиковъ. Arthur Joung, описывая положеніе французскихъ крестьянъ, говоритъ, что они пользуются своими собственными землями только развѣ для жительства и разведенія нѣсколькихъ грядъ капусты и картофеля, а пропитываются бо́льшую часть года заработками, и что поэтому они скорѣе могутъ быть отнесены къ разряду поденьщиковъ и половниковъ (journaliers et métayers), чѣмъ къ сословію земледѣльцевъ собственниковъ. Vauban, Boiguilebert также утверждаютъ, что уже въ XVII столѣтіи полныхъ хозяевъ-земледѣльцевъ было немного, а большая часть крестьянъ состояла изъ чернорабочихъ (manoeuvriers) и половниковъ.

Вся территорія Франціи до революціи распредѣлялась такъ: одной половиной владѣли высшія сословія, духовенство $^3/_{10}$ и дворянство $^2/_{10}$, другая принадлежала среднимъ и низшимъ классамъ поровну, такъ что крестьянскихъ земель считалось около $^1/_4$ всѣхъ удобныхъ земель Франціи.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, эта общая пропорція измѣнилась послѣ революціи только въ пользу средняго сословія, между тѣмъ какъ пространство мелкихъ крестьянскихъ владѣній очень мало увеличилось. Lavergne, какъ мы видѣли, считаетъ, что мелкимъ владѣльцамъ принадлежитъ около $^1/_3$ всѣхъ угодій—15 мил. гектаровъ (1 гектаръ=0,91 дес.); но онъ дѣлаетъ этотъ разсчетъ по среднимъ выводамъ и по средней сложности размѣра владѣній, причисляя къ мелкимъ владѣльцамъ до пяти мил. домохозяевъ. По другимъ показаніямъ, у 3,140,551 мелкихъ собственниковъ, владѣющихъ отъ 1—8 гект., было всего 7,450.000 гект., т.-е. около $^1/_6$ всѣхъ удобныхъ земель. Вообще же, какую бы норму мы ни приняли для распредѣленія собственниковъ, все-таки оказывается, что пропорція мелкихъ владѣній не увеличилась, а скорѣе уменьшилась противъ прежняго, т.-е., хотя число домохозяевъ и прибыло отъ естественнаго приращенія населенія, отъ раздѣла имуществъ и другихъ причинъ, но общее пространство земель крестьянскаго владѣнія не увеличилось, или если и возросло, то пропорціонально гораздо менѣе, чѣмъ пространство владѣній другихъ высшихъ разрядовъ. Впрочемъ, колебанія были различныя: при распродажѣ конфискованныхъ имуществъ въ 1793 году число мелкихъ крестьянскихъ участковъ сна-

чала быстро увеличилось, но одна часть ихъ была перепродана городскимъ буржуа, другая подраздѣлилась по наслѣдству; такъ что уже въ началѣ XIX столѣтія стало замѣтно обратное движеніе—централизація собственности.

Такимъ образомъ, если и слѣдуетъ признать, что крестьяне, какъ и всѣ прочіе классы французскаго народа, много выгадали отъ уравненія гражданскихъ правъ, отъ полной свободы владѣнія, наслѣдованія, купли и продажи и вообще отъ всѣхъ благодатныхъ реформъ, послѣдовавшихъ отъ революціи, то, съ другой стороны, не видно, чтобы этотъ переворотъ способствовалъ переходу земель въ руки крестьянъ-землевладѣльцевъ; онъ только освободилъ ихъ отъ барщинныхъ и оброчныхъ повинностей, закрѣпилъ ихъ на правахъ полной собственности за тѣми хозяевами, которые до революціи владѣли своими участками условно, но вообще не расширилъ пространства крестьянскихъ земель, относительно прочихъ разрядовъ крупнаго и средняго землевладѣнія; таже $^1/_4$, или даже менѣе, $^1/_6$ всей территоріи, которая прежде состояла во владѣніи крестьянъ (когда народонаселеніе было во всей Франціи 20 м.), осталась и понынѣ въ ихъ потомственной собственности, когда населеніе удвоилось.

Умножилось только число среднихъ землевладѣльцевъ, разрядъ, имѣющій отъ 12 до 62 гект., или отъ 500 до 2,000 фр. дохода, который до революціи имѣлъ не болѣе $^1/_4$ всѣхъ земель, а въ 1815—1830 годахъ уже завладѣлъ почти половиной территоріи, слишкомъ 18 м. гектаровъ. Къ нимъ, къ французской буржуазіи, перешла большая часть земель конфискованныхъ у эмигрантовъ и духовенства или распроданныхъ крупными помѣщиками [3]).

Это послѣднее обстоятельство, конфискація имуществъ церковныхъ и дворянскихъ, было также принято за одинъ изъ признаковъ демократической организаціи поземельной собственности, и многіе экономисты, не оправдывая, впрочемъ, этого революціоннаго насильства, полагали однако, что эта мѣра способствовала равномѣрному распредѣленію недвижимой собственности и развитію мелкой земледѣльческой культуры. Она бы дѣйствительно могла имѣть это дѣйствіе, еслибъ

продажа конфискованныхъ имуществъ была организована правильно и разумно, еслибъ они были разбиты на мелкіе участки и покупателямъ даны были разсрочки и льготы въ платежахъ, тогда вѣроятно и низшіе классы народа воспользовались этой мѣрой; но революціонное правительство въ такія соображенія не входило, ему нужны были наличныя суммы для покрытія громадныхъ дефицитовъ, для поднятія курсовъ ассигнацій; оно выпустило сначала 400—потомъ 1,200 милліоновъ бумажныхъ денегъ, и для поддержанія ихъ курса объявило, что принимаетъ ихъ al pari при покупкѣ національныхъ имуществъ. Имущества эти были раскуплены быстро, мгновенно на наличныя деньги, смѣлыми спекулянтами, или промышленными обществами (les bandes noires), причемъ цѣны земель упали соразмѣрно упадку ассигнацій, но имѣнія все-таки перешли въ руки капиталистовъ, подрядчиковъ и поставщиковъ арміи (fournisseurs), наживавшихъ въ эти смутныя времена громадныя суммы. Всѣхъ имѣній распродано было до 20 м. гектаровъ, около $^1/_3$ всѣхъ земель Франціи, на сумму (разумѣется номинальную, такъ какъ ассигнаціи ходили 33 коп. за руб.) отъ 6 до 7 милльярдовъ; купчихъ актовъ совершено было 660,000 на церковныя имѣнія, 440,000 на дворянскія, 110,000 на общинныя, всего 1,210,000 купчихъ крѣпостей. Но вся эта операція приняла видъ биржевой игры, въ которой выиграли, какъ обыкновенно бываетъ, люди денежные, или наиболѣе ловкіе и отважные; они скупали и перепродавали имѣнія, реализируя при этомъ неслыханные барыши; такъ между прочимъ одинъ нѣмецкій офицеръ разсказываетъ, что въ 1814 г., возвращаясь изъ похода, онъ купилъ во Франціи имѣніе, которое продано было въ 1795 г. за 10,000 фр., перепродано первый разъ за 21 т., второй разъ—за 40 т., а ему уступлено за 39 т. гульденовъ, что́ равняется 90 т. франковъ, т.-е. девятикратной цѣнѣ первой продажи.

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ оказалось даже, что отъ продажи національныхъ имуществъ число собственниковъ очень мало увеличилось; напр. въ Limousin было въ 1789 г. 33,395 владѣльцевъ, а въ 1813—33,646, изъ чего можно заключить, что имѣнія эти были скуплены бо́льшею частью лицами уже владѣвшими и прежде недвижимыми имуществами и присоединены къ прежнимъ помѣстьямъ.

Такимъ образомъ насиліе, причиненное высшимъ классамъ, не пошло въ пользу низшаго, земледѣльческаго сословія; оно создало только новый классъ землевладѣльцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ пріобрѣтателей національныхъ имуществъ (acquereurs des biens nationaux), классъ среднихъ помѣщиковъ не-дворянскаго происхожденія, образовавшійся изъ торговцевъ, купцовъ, промышленниковъ, владѣльцевъ рентъ (rentiers) и богатѣйшихъ крестьянъ и составляющій главный корень современной французской буржуазіи; она, буржуазія, а не народъ, выиграла въ великой лотереѣ французской революціи и обогатилась на счетъ дворянства, духовенства и сельскихъ общинъ [4]).

Прямое послѣдствіе этого громаднаго захвата почти половины всѣхъ земель средними классами было то, что крестьянское сословіе, оставаясь при прежнемъ пространствѣ владѣній и въ то же время размножаясь и раздѣляя свои земли, дошло въ скоромъ времени до крайней мелкопомѣстности и черезполосности. Уже въ 20-хъ годахъ возбужденъ былъ во Франціи вопросъ о дробности владѣній, morcellement du sol, и съ тѣхъ поръ онъ не умолкалъ, составляя предметъ самыхъ горячихъ споровъ между партіей крупнаго землевладѣнія и защитниками мелкой культуры. Въ 1826 г. реакціонерная партія вздумала воспользоваться этимъ предлогомъ для преобразованія соціальнаго строя Франціи; предложивъ новый законъ о наслѣдованіи по праву старшинства (droit d'ainesse), она утверждала, что, при существующемъ порядкѣ семейныхъ раздѣловъ, крупное землевладѣніе вскорѣ исчезнетъ и распадется на мельчайшія бездоходныя полосы; въ подтвержденіе этого министерство приводило разсчетъ, по коему въ 1815 г. было окладныхъ участковъ (cotes foncières) свыше 1,000 фр. 17,732, а въ 1826 оставалось таковыхъ только 13,447. Предложеніе это было отвергнуто, но споръ перешелъ на научную почву и еще часто возобновляется въ камерахъ, въ прессѣ и въ политико-экономическихъ сочиненіяхъ. Либеральная партія, защищая свободу землевладѣнія и наслѣдованія, какъ одинъ изъ главныхъ принциповъ современной цивилизаціи, приписываетъ ей громадные успѣхи новѣйшей Франціи въ народномъ хозяйствѣ и обогащеніи страны, и утверждаетъ, что дробность владѣнія (le morcellement du sol) вовсе не препятствуетъ развитію народнаго богатства, что мелкая культура

производительнѣе крупной и, при томъ, что мелкопомѣстность во Франціи вовсе еще не достигла такихъ размѣровъ, чтобы большая часть владѣній, какъ утверждаютъ противники, могли быть признаны бездоходными или неудобными для земледѣлія. Защитники крупнаго землевладѣнія на это возражаютъ, что семейные раздѣлы и равное наслѣдованіе всѣхъ сыновей очевидно должны привести страну къ крайней мелкопомѣстности и черезполосности, и что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ крайній предѣлъ уже достигнутъ; что крестьяне для уравненія дѣтей при наслѣдствѣ подраздѣляютъ свои участки на такія мелкія полосы, что потомъ, по неудобству такихъ владѣній, ихъ бросаютъ, уступаютъ за безцѣнокъ другимъ владѣльцамъ и переселяются въ города, и что вообще примѣръ Англіи, страны крупныхъ культуръ, доказываетъ совершенно противное тому, что̀ утверждаютъ экономисты, а именно, что сельское хозяйство процвѣтаетъ гораздо болѣе въ большихъ имѣніяхъ, при эксплуатаціи зажиточныхъ фермеровъ, чѣмъ въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ.

Какъ во многихъ другихъ экономическихъ вопросахъ, такъ и въ этомъ, споръ могъ бы быть соглашенъ, или по крайней мѣрѣ могъ бы быть приведенъ къ разъясненію, еслибъ противныя стороны прежде дали себѣ трудъ опредѣлить предметъ спора, т.-е. что̀ слѣдуетъ разумѣть въ данномъ случаѣ подъ словами крупное и мелкое землевладѣніе. Французскіе экономисты въ этомъ далеко не согласны: одни (Leonce de Lavergne) причисляютъ къ мелкимъ владѣніямъ всѣ участки до 8 гект. (7 д.); другіе относятъ къ низшей категоріи собственниковъ-хозяевъ, владѣющихъ въ средней сложности 3,64 гект. или получающихъ доходъ 64 и 106 фр.; третьи (министръ Passy въ отчетѣ 1849 г.) показываютъ, что изъ числа всѣхъ окладныхъ участковъ $11^1/_2$ мил., было около половины (5.440,580), которые платятъ подати менѣе 5 фр., а такъ какъ по кадастровой оцѣнкѣ съ 1 гект. сходитъ около 3-хъ фр. налога, то выходитъ, что около половины владѣній имѣютъ не болѣе $1^2/_3$ гект. или $1^1/_2$ десятины [5]).

Таковую дробность во всякомъ случаѣ надо признать чрезмѣрною и какія бы несомнѣнныя выгоды, въ отношеніи народнаго хозяйства, ни представляло мелкое крестьянское земледѣліе противъ крупной, фермерской эксплуатаціи, нельзя

не признать, что такое измельченіе собственности, какое мы видимъ во Франціи, уже лишаетъ эти владѣнія всякой самостоятельности и характера земледѣльческаго хозяйства. Мы уже выше видѣли, что около 3 м. собственниковъ увольняются отъ поземельнаго сбора по несостоятельности и что, кромѣ ихъ, еще 600,000 владѣльцевъ, изъемлются изъ окладовъ потому, что причитающійся съ нихъ сборъ по 5 сант. (1 1/2 коп.) не покрываетъ издержекъ взиманія; такъ какъ поземельный сборъ взимается по 3 фр. съ 1 гектара = 2,184 кв. саж., то окладъ въ 5 сант. соотвѣтствуетъ 1/60 гектара или 36 кв. саж. Счетъ жилыхъ строеній, обложенныхъ особой податью (des portes et fenêtres), тоже указываетъ на чрезвычайную тѣсноту помѣщеній: — изъ общаго числа сельскихъ жилыхъ домовъ 7.462.545 было (въ 1846 г.) домовъ съ 1 и 2 отверстіями (ouvertures), т.-е. съ одной дверью и 1 окномъ — 2.129.113 и съ 3-мя отверстіями—1.433,642.

При обсужденіи сельскаго устава (code rural) предложено было установить минимумъ недѣлимыхъ подворныхъ участковъ (impartageables) и комиссія полагала установить его въ 1/8 гектара, 273 сажени.

Изъ этого видно, что опасенія, заявленныя во Франціи о чрезмѣрной дробности участковъ, не были преувеличены; повидимому движеніе это въ послѣднее время пріостановилось и, дойдя до крайняго своего предѣла, пошло обратнымъ ходомъ.

При повѣркѣ кадастра въ новѣйшее время, правда, оказалось сильное приращеніе дѣлянокъ (parcelles) и поземельныхъ окладовъ (cotes foncières); это такъ устрашило политическихъ дѣятелей, что со всѣхъ сторонъ послышались предостереженія „что почва Франціи разсыпается въ прахъ“ (le sol de la France tombe en poussière), что „имѣнія разрѣзаются на ремни“ (les propriétés sont decoupés en lainières); и этотъ паническій страхъ заставилъ многихъ внимательнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ.

Тогда оказались факты, существенно измѣняющіе прежнія мнѣнія; обнаружилось, что приростъ дѣлянокъ и окладовъ весь относится къ городскимъ имуществамъ и сельскимъ строеніямъ, между тѣмъ какъ число полевыхъ участковъ (propriétés non baties), наоборотъ, — уменьшается.

	Въ 1815 г.	Въ 1835 г.
Домовъ и строеній было	6.577,000	7.578,000
Дѣлянокъ приписанныхъ къ строеніямъ.	16.442,000	18.945,000
Незастроенныхъ полевыхъ дѣлянокъ. .	102.981,000	100.473,000
Итакъ, въ то время, какъ по первымъ двумъ категоріямъ число дѣлянокъ умножилось на		3.504,000
число полевыхъ дѣлянокъ уменьшилось		2.504,000

Земельные оклады (cotes foncières) въ этотъ же періодъ 1815—1855 значительно умножились по всѣмъ категоріямъ, но гораздо менѣе по крупнымъ окладамъ, чѣмъ по мелкимъ;

первыхъ выше 1,000 фр. прибыло на 5.205,411, только 245,169 или 4,5%.

послѣднихъ менѣе 5 фр. прибыло на 13,361, всего 2,985 или 22,4%.

Наконецъ, строеній въ селеніяхъ прибыло всего въ это время 714,394, между тѣмъ какъ число домовъ въ 1—2 окна уменьшилось на 34,616. Въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ произведена была ревизія кадастра, оказалось даже, что, несмотря на приращеніе дѣлянокъ (parcelles), число окладовъ (cotes) уменьшилось; напр. въ департамен. Ain по новому кадастру считается противъ прежняго дѣлянокъ болѣе на 12,152, а окладныхъ участковъ менѣе на 3,152. Это значитъ, что черезполосность продолжаетъ увеличиваться, но что число собственниковъ и окладныхъ участковъ уже болѣе не умножается, а напротивъ — уменьшается.

Мы возвратимся къ этому вопросу, о мелкопомѣстности, въ главѣ о германскомъ землевладѣніи, такъ какъ въ нѣмецкихъ земляхъ онъ представляется съ такими же рѣзкими противоположностями; но относительно Франціи должны замѣтить, что полная свобода имущественныхъ правъ имѣла на хозяйственный бытъ народа различныя дѣйствія, не одинаковыя по сословіямъ и несравненно болѣе выгодныя для среднихъ и высшихъ классовъ, чѣмъ для низшихъ.

Несмотря на противныя увѣренія многихъ экономистовъ, неограниченная свобода раздѣловъ должна была привести и дѣйствительно привела французское крестьянство къ наименьшему размѣру подворныхъ участковъ, т.-е. къ такому состоянію, что изъ землевладѣльцевъ хозяевъ они постепенно превращаются въ бобылей и земледѣльцевъ поденьщиковъ или безземельныхъ рабочихъ, и переломъ, описанный нами

выше, уменьшеніе числа мелкихъ полосъ, означаетъ именно этотъ переходъ земель отъ крестьянъ къ среднему классу землевладѣльцевъ, а самихъ крестьянъ — въ городскихъ и сельскихъ чернорабочихъ; когда, при повторяющихся раздѣлахъ, подворный семейный участокъ доходитъ до размѣра 3—4 десятинъ (а таковыхъ во Франціи болѣе 3-хъ мил.), то земледѣліе дѣлается уже побочнымъ промысломъ, доходнымъ только при винодѣліи или въ подгородныхъ селеніяхъ; когда они подраздѣляются до 30—40 квадр. саженъ (таковыхъ около 600 тысячъ), то, разумѣется, всякая эксплуатація прекращается, даже помѣщеніе становится тѣсно для большой семьи; отецъ выживаетъ дѣтей изъ своего дома, отпуская ихъ на городскіе заработки, и при смерти хозяина, по невозможности раздѣлить такое имущество, оно продается наслѣдниками смежнымъ владѣльцамъ; но такъ какъ такія полосы могутъ оказаться пригодными только для ближайшихъ сосѣдей, то продавецъ находится отъ нихъ въ полной зависимости и, волей-неволей, уступаетъ свой участокъ за предложенную, какую бы то ни было цѣну, зажиточному ближайшему своему сосѣду или помѣщику.

Эта распродажа крестьянскихъ мелкихъ дѣлянокъ подтверждается еще другимъ фактомъ,—огромнымъ числомъ такъ-называемыхъ mutations, переходовъ владѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ 1826—1835 всѣхъ такихъ перемѣнъ (mutations) владѣній было на сумму 23 милліардовъ франк., а такъ какъ общая цѣнность недвижимой собственности по всей Франціи полагалась въ это время въ 61 милліардъ, то выходитъ, что въ теченіи 10 лѣтъ болѣе $^1/_3$ всѣхъ имуществъ перешло къ новымъ владѣльцамъ и изъ этого числа менѣе половины (9 м.) по наслѣдству и почти $^2/_3$ (14 м.) по продажѣ и другимъ крѣпостнымъ актамъ. Эта послѣдняя статья постоянно съ того времени возрастаетъ; въ тридцатыхъ годахъ купчихъ крѣпостей совершалось на сумму около 1 милліарда въ годъ, въ 1844—1846 ежегодно на $1^1/_2$ милліарда.

Въ одномъ 1841 г. совершено было всѣхъ крѣпостныхъ актовъ (раздѣловъ, купчихъ, дарственныхъ записей) 1.059,441 на сумму 1,382 милліоновъ фр., и въ томъ числѣ было не-

движимыхъ имуществъ цѣнностію менѣе 600 фр. 701,021, отъ 600 до 1,200 фр.—162,503, выше 1,200—195,917.

Такъ какъ всѣхъ земельныхъ окладовъ (cotes) считалось въ то время около 12 мил., то изъ этого видно, что ежегодно $^1/_{12}$ часть всѣхъ имуществъ переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, или что каждыя 12 лѣтъ личный составъ землевладѣльцевъ измѣняется и возобновляется. Но еще болѣе важно то соображеніе, что почти вся масса проданныхъ и раздѣленныхъ имѣній, $^7/_{10}$ всего числа, относится къ категоріи мелкихъ имуществъ, цѣнностію не выше 600 фр. (150 р.); такъ какъ цѣнность эта приблизительно соотвѣтствуетъ обыкновенному размѣру крестьянскихъ дворовъ и что таковыхъ, по вышеприведеннымъ разсчетамъ, полагается во всей Франціи отъ 3 до 4 милліоновъ, то оказывается что изъ нихъ $^1/_4$ часть (701,021) ежегодно подвергается раздѣлу, продажѣ, или другимъ mutations, перемѣнамъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что такъ-называемая мобилизація или свободо-дѣлимость недвижимыхъ имуществъ и, съ другой стороны, дробность (morcellement) достигли во Франціи полнѣйшаго своего развитія, и приверженцы неограниченной свободы землевладѣнія и промысловъ могутъ похвалиться благодѣтельнымъ вліяніемъ французскихъ учрежденій на благосостояніе страны и народа, дѣйствительно изумляющее міръ неистощимымъ своимъ богатствомъ и изобиліемъ своихъ внутреннихъ производительныхъ силъ. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что эта полная свобода имѣетъ и свои невыгодныя стороны, что раздѣлы, обмѣны и продажи имуществъ повторяются во Франціи при частномъ подворномъ владѣніи едва ли не чаще, чѣмъ при общинномъ въ Россіи,—что мелкопомѣстность достигла уже такихъ размѣровъ, поземельная собственность становится уже номинальнымъ правомъ и, наконецъ, что въ настоящее время, примѣрно со второй четверти этого столѣтія, происходитъ обратное движеніе, округленіе дачъ, распродажа мелкихъ крестьянскихъ дѣлянокъ и постепенная экспропріація бѣднѣйшихъ собственниковъ посредствомъ добровольной продажи или уступки ихъ полосъ смежнымъ, болѣе зажиточнымъ владѣльцамъ.

Мы выше сказали, что въ числѣ мѣръ, наиболѣе повліявшихъ на крестьянскій бытъ во Франціи, была конфискація и распродажа общинныхъ земель, biens communaux.

Вообще вся исторія общиннаго землевладѣнія во Франціи есть длинная лѣтопись административнаго и правительственнаго самовластія, и, можно сказать, что по этой отрасли народнаго хозяйства царствовалъ во Франціи полнѣйшій произволъ во всѣ эпохи бурной французской исторіи.

Общинныя имущества были повидимому въ прошломъ столѣтіи очень значительны; въ XVII столѣтіи пространство ихъ было огромное, и нѣкоторые города владѣли 100—120 тысячами арпановъ (arpents) общихъ угодій. Правительства того времени разсматривали ихъ вообще какъ запасныя земли, предназначенныя для пользованія натурой бѣднѣйшимъ обывателямъ, и поэтому строго оберегали ихъ отъ отчужденія и захватовъ, запрещая не только продажу, но и сдачу этихъ угодій въ аренду постороннимъ жителямъ. До Кольбера общинныя имущества находились въ самомъ безпорядочномъ состояніи, мѣстныя и сельскія начальства позволяли себѣ съ ними всякія злоупотребленія, самовольно закладывали ихъ и даже продавали; въ 1667 г. изданъ былъ королевскій указъ, по коему дозволялось общинамъ выкупать такія земли, самовольно распроданныя съ 1620 г. по цѣнѣ, состоявшейся при продажѣ. Послѣ Кольбера все внутреннее управленіе, въ томъ числѣ и общественныя земли подпали подъ завѣдываніе администраторовъ (intendants). Продажа разрѣшалась государственнымъ совѣтомъ; распашка выгоновъ и подъёмъ цѣлины запрещались и на каждый новый взметъ луговъ, или даже залежей требовался приказъ провинціальнаго совѣта (un arret du Conseil).

Въ 1669 г. послѣдовала еще новая мѣра, установившая, что доходы съ общинныхъ земель должны поступать исключительно на предметы общей пользы (dépenses d'intérêt général), такъ что они въ сущности перечислены были въ казенныя имущества и казенное управленіе. Въ этомъ положеніи они оставались до половины XVIII столѣтія. Съ 1750 г. начинается другая система управленія; подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ ученій распространяется мнѣніе о невыгодности общиннаго владѣнія, и правительство издаетъ нѣсколь-

ко приказовъ, предписывающихъ разверстаніе общихъ угодій. Это мнѣніе, о вредѣ общиннаго владѣнія, переходитъ и въ революціонный періодъ: закономъ 1-го августа 1791 г. разрѣшается продажа общинныхъ имуществъ, 16 августа 1792 г. предписывается приступить къ ихъ разверстанію между обывателями, 24 августа 1794 г. они причисляются къ казеннымъ имуществамъ (domaines de l'état) и вмѣстѣ съ прочими biens nationaux поступаютъ въ продажу съ торговъ; въ слѣдующемъ году это распоряженіе уже отмѣняется закономъ 1794 г. (12 plairial an IV), размежеваніе общественныхъ земель пріостанавливается, а въ 1795 г. (2 plairial an V) запрещается и дальнѣйшая ихъ распродажа. Затѣмъ, при воцареніи великаго императора и возстановленіи всеобщаго порядка, провозглашаются разные высокіе принципы, долженствовавшіе служить несокрушимыми опорами новаго общественнаго строя, между прочимъ, что общественныя земли должны быть признаны неприкосновеннымъ фондомъ, что надо обратить все вниманіе на ихъ обработку и что вообще отъ благосостоянія коммунъ зависитъ и счастіе всѣхъ жителей Франціи (travailler à la prosperité de 36,000 communes de France, c'est travailler au bonheur de 30 millions d'habitants); на основаніи этихъ соображеній о пользѣ общинныхъ имуществъ изданъ законъ (9 plairial an XII), по коему всѣ предшествующія мѣры революціонныхъ правительствъ отмѣнены и общинныя хозяйства возстановлены въ прежней своей независимости.

Но не долго продолжался и этотъ порядокъ; счастіе измѣнило какъ великому полководцу, такъ и 36,000 коммунамъ, отъ благоустройства коихъ зависитъ благосостояніе 30 мил. жителей!! Въ 1813 г. высокіе принципы, провозглашенные въ 1800 г., были внезапно нарушены; потребовались опять для общей пользы страны и народа люди и деньги, и закономъ 10 марта постановлено, что всѣ имущества коммунъ (les biens, usines et maisons des communes) обращаются въ коммиссію погашенія государственныхъ долговъ для обезпеченія новыхъ займовъ.

Такимъ образомъ знаменательное изреченіе великаго человѣка (les paroles mémorables du grand homme), какъ называетъ ихъ французскій писатель Ferrand, изъ лагеря имперіалистовъ, отъ коего мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, разрѣши-

лось въ концѣ царствованія того же государя экспропріаціей общинъ, залогомъ ихъ имуществъ и отчасти ихъ продажей для покрытія суммъ, требуемыхъ для погашенія государственныхъ займовъ.

Въ 1816 г. эти распоряженія были отмѣнены и имущества, сколько ихъ оставалось послѣ всѣхъ этихъ превратностей, возвращены коммунамъ. Въ 1837 г., при общемъ устройствѣ муниципальнаго управленія, совѣтамъ (conseils municipaux) предоставлено полноправное завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ коммунъ. Наконецъ, закономъ 19 іюня 1857 г., введено опять новое, очень важное правило, что въ случаѣ если правительство усматриваетъ, что общинныя угодья запускаются или воздѣлываются небрежно сельскими обществами, то оно предоставляетъ себѣ право отбирать ихъ въ свое распоряженіе, устраивать на нихъ казенныя фермы и запашки, сдавать ихъ въ аренду срокомъ до 27 лѣтъ, или даже продавать ихъ за счетъ казны для покрытія издержекъ эксплуатаціи.

Такова краткая, но разнообразная лѣтопись управленія общественными землями во Франціи за 66 лѣтъ, съ 1791 по 1857 г. Въ теченіи этого періода они два раза подвергались конфискаціи въ казну: первый разъ перечислены прямо въ государственныя имущества, второй разъ заложены въ коммиссіи погашенія долговъ; два раза распродавались съ публичныхъ торговъ—три раза провозглашались въ самыхъ торжественныхъ выраженіяхъ неприкосновеннымъ фондомъ, обезпечивающимъ существованіе бѣдныхъ (le patrimoine des pauvres) и даже счастіе всѣхъ жителей Франціи (le bonheur 30 millions d'habitants), наконецъ, переданные въ завѣдываніе муниципальныхъ совѣтовъ въ 1837 г., они въ 1857 были вновь подчинены самовластному распоряженію администраторовъ наполеоновской партіи.

Въ настоящее время общественныя имущества управляются по закону 1837 г. Пространства, доходность и цѣнность ихъ еще довольно значительныя и составляютъ 4.718,655 гект. (около $4^1/_2$ м. десят.), оцѣненныхъ въ 1618 мил. фр. и приносящихъ дохода слишкомъ 45 м. Если принять въ соображеніе всѣ превратности, чрезъ которыя прошло это управленіе, и вспомнить, что большая и лучшая часть этихъ угодій была распродана и конфискована въ два пріема, въ 1792 и

1813 г., что съ 1857 г. администрація широко воспользовалась своимъ правомъ эксплуатаціи и продажи общинныхъ земель для устройства частныхъ фермъ, пожалованныхъ министрамъ и другимъ приверженцамъ наполеоновской династіи; вообще, если сообразить, что при всѣхъ таковыхъ мѣропріятіяхъ раскупались и захватывались, разумѣется, лучшія части общинныхъ земель, а не бездоходныя и неудобныя, то можно предположить, что передъ революціей въ распоряженіи коммунъ крестьянскихъ обществъ состоялъ громадный фондъ, составлявшій въ то время не менѣе 5—6 м. гектаровъ, т.-е. $^1/_6$ или $^1/_7$ всей территоріи французскаго королевства.

Управленіе общинными имуществами нынѣ основано, какъ мы сказали, на положеніи 1837 года (loi municipale) и на сельскомъ уставѣ 1791 года (code rural). Главнымъ принципомъ полагается слѣдующій: общинныя земли составляютъ неотчуждаемую собственность коммунъ, не подлежащую ни залогу, ни продажѣ въ чужія руки; самимъ обществамъ дозволяется въ извѣстныхъ случаяхъ и съ разрѣшенія префекта продавать ихъ, но только членамъ того же общества.

Затѣмъ, пользованіе всегда должно быть частное, по раскладкѣ или по жеребью, и предоставляется исключительно домохозяевамъ, обывателямъ, приписаннымъ къ коммунѣ. Общее владѣніе и частное пользованіе,—таковы главные принципы, установленные во Франціи по обычному праву (coutumes); но они нѣсколько разъ были нарушены, или по крайней мѣрѣ истолкованы превратно излишне ревностными администраторами, заботившимися о лучшемъ порядкѣ: первоначально, право участія въ общинномъ владѣніи было опредѣлено точно; оно предоставлялось только жителямъ, имѣющимъ осѣдлость и хозяйство (être établi, ou tenir ménage dans la commune), но впослѣдствіи, въ 1850 и 1853 г., правило это расширено; жительства, осѣдлости болѣе не требуется и пользованіе общинными угодьями предоставляется всякому французскому подданному немедленно по прибытіи въ селеніе, если онъ только имѣетъ свое хозяйство (ménage), такъ что достаточно чужестранцу нанять квартиру въ деревнѣ, чтобы пользоваться и общественными имуществами.

Самое пользованіе различно по разнымъ разрядамъ имуществъ: полевымъ угодьямъ, лѣснымъ и по выгонамъ. Поле-

выя угодья, пашни и луга разбиваются на жеребьи (lots) по числу домовъ (par feux), состоящихъ въ селеніи, и жеребьи мечутся между домоохзяевами, что́ и называется allotissement. Лѣса состоятъ подъ завѣдываніемъ казенныхъ лѣсничихъ, вырубаются по лѣсосѣкамъ и матеріалъ дровяной или строевой распредѣляется между обывателями по распоряженію мэра. Право выгона и прогона (droit de pature et parcour) состоитъ въ томъ, что послѣ жатвы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и весной передъ яровымъ посѣвомъ, также и для водопоя, селенія должны пускать чужія стада (сосѣднихъ деревень и помѣщиковъ) на свои поля и луга, или пропускать ихъ на водопой (raine pature).

Всѣ эти права и общинное пользованіе основаны на обычаяхъ, существовавшихъ до революціи, но безконечныя колебанія внутренней политики ввели и въ общинное владѣніе совершенно смутныя, противорѣчащія одно другому начала. Такъ какъ общимъ принципомъ было признано, что право собственности (droit de propriété) принадлежитъ обществу, но что пользованіе (droit d'usage) должно быть совершенно вольное, равноправное, открытое всѣмъ сельскимъ жителямъ, то изъ этого двоякаго начала выводилась постепенно и двоякая система управленія: для охраненія цѣлости и лучшаго порядка, хозяйственный надзоръ за общественными имуществами поручался администраціи въ виду общей государственной пользы, и порядокъ эксплуатаціи подвергался строжайшей регламентаціи: но съ другой стороны, чтобы открыть свободный доступъ всѣмъ жителямъ, отмѣнялись правила долгосрочнаго пожизненнаго и наслѣдственнаго владѣнія, и къ участію, къ владѣнію допускались всѣ обыватели чужестранцы наравнѣ съ односельцами, общинниками, такъ что по существу эти biens communaux составляютъ принадлежность не общинъ, а всего французскаго народа.

Первое изъ этихъ началъ, административный надзоръ, введенъ былъ уже сельскимъ уставомъ 1791 г., дополненъ лѣснымъ положеніемъ (code forestier 1827) и муниципальнымъ закономъ 1837 г. На основаніи этихъ законоположеній, хотя выборнымъ людямъ, муниципальнымъ совѣтникамъ, и данъ очень обширный кругъ дѣйствій, но главными хозяевами общественныхъ имуществъ выходятъ префектъ и мэръ.

Всѣ существенныя распоряженія исходятъ отъ нихъ непосредственно; всѣ второстепенныя дѣла подлежатъ ихъ утвержденію; такъ, напр., мэры установляютъ и число головъ скота, выпускаемыхъ на общіе выгоны, и размѣръ отпусковъ дровъ и лѣса, утверждаютъ условія объ арендѣ, выборы общественныхъ пастуховъ (patres communs) и по всѣмъ дѣламъ почти безъ исключенія могутъ обжаловать постановленія совѣта и перенести его на рѣшеніе префекта.

Съ другой стороны, право свободнаго участія въ общинныхъ угодьяхъ постепенно все расширялось и облегчалось: жеребьевая разверстка полевыхъ угодій (allotissement) прежде производилась на долгіе сроки, и многіе участки (lots) оставались въ пожизненномъ владѣніи; по новѣйшимъ узаконеніямъ предписывается муниципальнымъ совѣтамъ присуждать участки (allotir) не далѣе какъ на сроки отъ 6—9 лѣтъ, и только въ случаѣ невозможности найти съемщиковъ на короткіе сроки, допускается, по особому постановленію совѣта и съ разрѣшенія мэра, сдача на 30 лѣтъ. Общій передѣлъ всѣхъ lots производится не далѣе какъ черезъ 16—18 лѣтъ, и въ новую разверстку включаются и тѣ участки, которые сданы на долгайшій срокъ. Муниципальнымъ совѣтамъ нѣсколько разъ подтверждалось распредѣлять общинныя угодья равномѣрно, чтобы всѣ жители могли участвовать въ пользованіи (pour faire participer tous les habitants plus également), причемъ самое опредѣленіе жительства все расширялось, такъ что общинныя имущества сдѣлались, можно сказать, достояніемъ всѣхъ и каждаго и потеряли свое значеніе корпоративной собственности; а такъ какъ право водворенія (domicile) совершенно свободно во Франціи, то выходитъ, что всякій житель, поселяясь въ коммунѣ, имѣетъ и право пользоваться коммунальными землями.

Относительно прогона и выгона установлено еще правило, что каждый частный владѣлецъ можетъ освободить себя отъ этой повинности пропуска скота на свои земли, загородивъ свое помѣстье изгородой, вышиной 4 фута, или окопавъ его канавой въ такую же ширину, и этимъ правомъ (droit de cloture) воспользовались владѣльцы такъ повсемѣстно, что въ дѣйствительности черезъ это отмѣнено было право прогона

(droit de parcour) и крестьянскія стада были до крайности стѣснены при выгонѣ и водопоѣ.

Разсматривая эти главныя основанія общиннаго владѣнія во Франціи, мы видимъ, что они имѣютъ двѣ тенденціи: вопервыхъ, закрѣпить имущества за коммунами, дать имъ значеніе неприкосновеннаго фонда, заповѣднаго владѣнія, и, вовторыхъ, самое пользованіе, дѣйствительное владѣніе предоставить частнымъ лицамъ на правахъ арендаторовъ, фермеровъ.

О разверстаніи общинныхъ земель нѣсколько разъ заводилась рѣчь, писались проекты. Въ 1837 году министерство внесло въ палаты проектъ о разверстаніи всѣхъ общихъ угодій и палата постановила запросить предварительно мнѣнія генеральныхъ совѣтовъ: изъ 83 запрошенныхъ совѣтовъ 18 отозвались, что признаютъ полезнымъ упразднить общинное владѣніе и приступить къ разверстанію; 12 подали мнѣніе противное, что общественныя имущества должны быть сохранены въ настоящемъ ихъ видѣ, въ цѣломъ ихъ составѣ;— всѣ остальные отписали, что не имѣютъ никакого мнѣнія по этому вопросу (!) или что полагаются на рѣшеніе правительства (!!). Вслѣдствіе такихъ разнорѣчивыхъ отзывовъ и въ виду незначительнаго меньшинства (18 совѣтовъ) подавшихъ голосъ за разверстаніе, проектъ этотъ былъ оставленъ безъ послѣдствій.

Въ пятидесятыхъ годахъ, когда императорское правленіе неожиданно обратилось въ новую вѣру — о децентрализаціи (decentralisation) возбужденъ былъ между прочимъ и вопросъ о разверстаніи. Отзывы, поступившіе изъ провинцій, были и этотъ разъ не въ пользу предложенной мѣры. Большая часть сельскихъ начальниковъ, мэровъ, писали, что она встрѣтитъ на практикѣ большія затрудненія—что общинные выгоны составляютъ для бѣднѣйшихъ крестьянъ послѣднее ихъ средство питанія, такъ какъ по ст. 14 сельскаго устава предоставляется всѣмъ обывателямъ, неимѣющимъ ни собственности, ни аренды (qui n'est ni propriétaire, ni fermier), выпускать на общинное пастбище домашній скотъ (1 vache et 6 brebis); далѣе, что разверстаніе общественныхъ земель превратитъ

ихъ въ такіе мелкіе и черезполосные участки, что не только выгонъ скота, но и всякая культура сдѣлается на нихъ невозможною.

Нѣкоторые мэры приводили даже въ подтвержденіе своихъ мнѣній о неудобствѣ разверстанія и политическія опасенія: они объясняли, что право городьбы (droit de clôture), предоставляемое частнымъ владѣльцамъ по закону, возбуждаетъ въ крестьянскомъ сословіи большое неудовольствіе и что противодѣйствіе сельскихъ обществъ этимъ владѣльческимъ распоряженіямъ бываетъ такъ сильно, что во многихъ мѣстностяхъ помѣщики отказываются отъ своего права, чтобы не возбудить противъ себя окольныхъ жителей.

Однимъ словомъ, на мнѣнія, заявляемыя образованными и имущественными классами, экономистами и агрономами, о безусловномъ вредѣ общиннаго владѣнія, возражалось съ другой стороны, отъ имени неимущихъ, что эти мельчайшіе участки (lots), тощіе выгоны (patures) и лѣсныя угодья, гдѣ они собираютъ валежникъ (bois mort), сухоподстой (bois sec et gisant) или пасутъ свиней для откорма дубовыми желудями (glanage, panage), что всѣ эти мелочныя права пользованія (droits d'usage) составляютъ для нихъ хотя и скудныя, но крайнія средства пропитанія, и что, отмѣняя ихъ, правительство должно будетъ немедленно озаботиться о призрѣніи нѣсколькихъ сотъ тысячъ семействъ, прокармливающихся нынѣ на общинныхъ земляхъ крупицами, падающими отъ трапезы частныхъ землевладѣльцевъ.

Противники общинной собственности настаивали однако на необходимости порѣшить этотъ вопросъ, и въ 1861 г., при обсужденіи новаго закона объ имуществахъ коммунъ, предложили приступить къ обязательному ихъ размежеванію, если желаніе о томъ заявлено будетъ простымъ большинствомъ голосовъ членовъ сельскаго общества. Поправка эта была однако отвергнута, и принято другое предложеніе,—отбирать въ казенное управленіе тѣ общинныя земли, которыя, по усмотрѣнію мѣстной администраціи, окажутся запущенными или дурно обработанными.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ, поднятый будто бы для преобразованія общественнаго управленія въ духѣ самоуправленія, разрѣшился въ пользу административной власти и

самъ императоръ и знатнѣйшіе его сановники (Persigny, Morny и другіе) подали примѣръ раціональной культуры, подѣливъ между собой огромныя пространства общинныхъ угодій и устроивъ на нихъ фермы, заводы, овчарни и разные сельско-хозяйственные промыслы.

Въ департаментѣ Gironde и другихъ — устроены были въ пятидесятыхъ годахъ великолѣпныя образцовыя фермы, принадлежавшія императору и его высшимъ сановникамъ, коими любовались туристы, восхваляя мудрость правительства, обратившаго безплодныя тундры (landes) общиннаго владѣнія въ плодоносныя нивы, эксплуатируемыя знатными особами по высочайшему пожалованію.

Описавъ отдѣльныя черты французскаго землевладѣнія, мы теперь переходимъ къ общимъ выводамъ и прежде всего остановимся на вопросѣ, предложенномъ въ началѣ этой главы — соотвѣтствуетъ ли настоящее положеніе землевладѣнія во Франціи общепринятому мнѣнію, будто бы аграрное положеніе Франціи есть чисто демократическое, обезпечивающее большинству жителей поземельную собственность.

Для правильнаго вывода и разрѣшенія этого вопроса намъ нужно принять въ соображеніе два обстоятельства: во-первыхъ, число собственниковъ и, во-вторыхъ, размѣры ихъ владѣній, ибо только совмѣстное отношеніе этихъ двухъ данныхъ можетъ опредѣлить общій характеръ аграрнаго положенія страны и народа.

Къ сожалѣнію, по первому изъ этихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ такую сѣть недоразумѣній и противорѣчій, что не можемъ дать на него прямого отвѣта. Несомнѣнно, что число крестьянъ-собственниковъ несравненно больше во Франціи, чѣмъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ; но число ихъ показывается различно, смотря по тому, какія основанія принимаются для исчисленія. Мы уже выше сказали, что во многихъ статистическихъ и экономическихъ сочиненіяхъ принято было мнѣніе, что собственниковъ столько же, сколько земельныхъ окладовъ (cotes foncières) и на этомъ основаніи утверждали, что всѣхъ землевладѣльцевъ должно быть около 11—12 м. Позднѣйшія изслѣдованія доказали, что этотъ

разсчетъ совершенно ошибочный и главнѣйшіе авторитеты экономическихъ наукъ (Moreau de Jones, Leonce de Lavergne и др.) принимаютъ, что общее число всѣхъ землевладѣльцевъ должно быть около $5^1/_2$ или 6 мил. домохозяевъ. Но эти показанія тоже преувеличены или односторонни, если разумѣть подъ словомъ „земледѣлецъ“ хозяина, занимающагося земледѣліемъ или другими сельскими промыслами, ибо въ это общее число также входятъ владѣльцы дачъ, подгородныхъ домовъ, фабрикъ, заводовъ.

Собственно сельскихъ сословій, т.-е. лицъ, проживающихъ въ селеніяхъ, считается во Франціи отъ 19 до 20 м. душъ обоего пола. Изъ нихъ земледѣльцевъ (agriculteurs) было въ 1851 г. около 14 м. Далѣе, изъ этихъ 14 м. считалось домохозяевъ, воздѣлывающихъ сами свои земли (propriétaires cultivants eux même leur sol) 7.825,777. Но такъ какъ въ этотъ итогъ включены жены и дѣти и что по среднему выводу на каждаго домохозяина приходится во Франціи 3,83 душъ об. п., то, раздѣливъ вышеприведенный итотъ на это число, мы получимъ число крестьянъ-собственниковъ домохозяевъ, отцовъ семействъ (chefs de famille), занимающихся земледѣліемъ—2.042,344. По другимъ свѣдѣніямъ за 1866 г. число всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ (exploitations agricoles) показано—3.266,705; но въ тѣхъ же вѣдомостяхъ, число хозяевъ показано больше чѣмъ хозяйствъ — 3.576,188 и при нихъ женъ, дѣтей и другихъ домочадцевъ 8.841,070.

Не смѣя разрѣшить такихъ противорѣчій, мы однако полагаемъ, что послѣдній итогъ (3.576,188) домохозяевъ означаетъ общее число владѣльцевъ, промышляющихъ земледѣліемъ, крупныхъ, среднихъ и мелкихъ, а первый—число (2.042,364) мелкихъ собственниковъ земледѣльцевъ, воздѣлывающихъ сами свои земли.

Прочихъ разрядовъ сельскихъ жителей, не владѣющихъ собственными землями, насчитывается по однимъ свѣдѣніямъ 7 м., по другимъ слишкомъ 10 и даже 12 мил. душъ об. пола.

Они показываются подъ разными наименованіями journaliers, métayers, fermiers, serviteurs, такъ что, принимая общій итогъ сельскихъ сословій въ 19—20 м., выходитъ, что безземельный, неимущій классъ составляетъ по однимъ свѣдѣ-

ніямъ болѣе $^1/_3$, по другимъ—болѣе $^1/_2$ всего числа сельскихъ жителей [6]).

Второе соображеніе о размѣрахъ владѣнія еще важнѣе и мы выше уже представили нѣсколько данныхъ, объясняющихъ крайнюю, чрезмѣрную мелкопомѣстность крестьянскихъ владѣній во Франціи; этимъ также объясняется и разность показаній о числѣ землевладѣльцевъ (propriétaires fonciers) съ одной стороны, и числѣ сельскихъ хозяйствъ или земледѣльцевъ хозяевъ (agriculteurs propriétaires cultivants leur sol) съ другой; первыхъ оказывается гораздо больше ($5^1/_2$), чѣмъ вторыхъ, потому что большая часть изъ такъ-называемыхъ сельскихъ жителей сельскими промыслами самостоятельно не занимается и проживаетъ только въ своихъ усадьбахъ, пользуясь ими какъ жилыми строеніями и отыскивая пропитаніе на сторонѣ, въ качествѣ поденщиковъ или съемщиковъ, фермеровъ чужихъ земель; таковыхъ, какъ мы выше видѣли, самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ считаютъ во Франціи отъ 3—4 м. и, исключая ихъ изъ общаго итога собственниковъ, мы и получимъ число вышепоказанное 3 или $3^1/_3$ мил. владѣльцевъ, изъ коихъ 2 мил. принадлежатъ къ крестьянскому сословію (propriétaires cultivants eux même leur sol), а остальные къ среднему и высшему классу помѣщиковъ.

Очевидно, что при такой классификаціи неизбѣжны нѣкоторыя смѣшенія, потому что нѣтъ положительной черты, различающей собственника земледѣльца отъ собственника помѣщика, или землевладѣльцевъ высшихъ разрядовъ отъ среднихъ и мелкихъ; ариѳметической точности въ такихъ исчисленіяхъ быть не можетъ. Но тѣмъ не менѣе мы считаемъ себя въ правѣ заключить изъ всѣхъ приведенныхъ нами свѣдѣній, что число землевладѣльцевъ было очень преувеличено во Франціи и что къ сословію этому была ошибочно приписана цѣлая масса сельскихъ жителей, неимѣющихъ никакого хозяйства, никакой земледѣльческой эксплуатаціи. По внимательному разсмотрѣнію этихъ разныхъ категорій мы приходимъ къ такому результату: что всѣхъ сельскихъ хозяйствъ или эксплуатацій имѣется во всей Франціи не болѣе 3 или $3^1/_2$ мил.; что изъ нихъ къ высшимъ и среднимъ разрядамъ, имѣющимъ характеръ помѣстнаго владѣнія, т.-е. обработываемыхъ не самими хозяевами, а наемными рабочими или арен-

даторами, относится около полумилліона (550,000); что затѣмъ къ крестьянскимъ владѣніямъ, эксплуатируемымъ самими хозяевами-землевладѣльцами, могутъ быть отнесены около 2 мил. хозяйствъ; что затѣмъ всѣ остальные собственники владѣютъ недвижимыми имуществами въ такихъ размѣрахъ, что земледѣліемъ заниматься не могутъ — и, наконецъ, что къ разряду рабочихъ, наемщиковъ, должны быть отнесены, по самому умѣренному разсчету, болѣе половины сельскихъ обывателей Франціи и не только тѣ 7 или 12 м., которые, показываются при народныхъ переписяхъ въ разрядѣ поденщиковъ и служителей, но и большее число мелкихъ собственниковъ, проживающихъ почти круглый годъ на наемной работѣ.

Общее состояніе крестьянскаго сословія во Франціи можетъ быть представлено въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ.

Уже во времена, предшествовавшія революціи, оно приведено было въ то положеніе, къ коемъ находится и понынѣ, т.-е. въ крайней, чрезмѣрной мелкопомѣстности; такъ какъ большая часть податей и повинностей лежала на крестьянскихъ земляхъ и что церковныя и дворянскія имѣнія пользовались значительными льготами, то уже съ давнихъ временъ мелкіе владѣльцы находили выгоднымъ отчуждать и продавать свои полевыя угодья, обремененныя повинностями, государственными и частными, оставляя себѣ для жительства только усадебную осѣдлость; затѣмъ, для своего пропитанія, они обращались къ двумъ промысламъ:—бѣднѣйшіе къ наемнымъ поденнымъ заработкамъ; болѣе зажиточные, сохранившіе нѣкоторыя денежныя средства,—къ арендованію чужихъ имѣній исполу или за деньги. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ сказано, сохранили кусокъ земли, жилье и огородъ, и потому могли быть въ буквальномъ смыслѣ названы собственниками; но, проживая большую часть года, или весь годъ на наемной работѣ, могли быть тоже приписаны и къ разряду рабочихъ, и этотъ двоякій ихъ бытъ и былъ главной причиной смѣшаннаго понятія, которое составилось о французскомъ землевладѣніи и сбивчивыхъ показаній о числѣ собственниковъ.

Аграрный строй образовался не подъ вліяніемъ революціи, а отъ дѣйствія совершенно противныхъ причинъ, отъ разо-

рительной финансовой системы прежняго порядка (Ancien Régime), разстроившаго окончательно мелкихъ домохозяевъ, заставившаго ихъ отказываться отъ земледѣльческаго промысла потому, что промыселъ этотъ былъ обложенъ невыносимыми тягостями — и такимъ образомъ уже въ половинѣ, или въ концѣ прошлаго столѣтія, мы застаемъ французскихъ земледѣльцевъ въ этомъ двусмысленномъ положеніи — полу-собственниковъ и полу-наемниковъ.

Отмѣна феодальныхъ правъ, освобожденіе имуществъ отъ прежнихъ стѣсненій, свобода наслѣдованія и раздѣловъ имѣли съ тѣхъ поръ благодѣтельнѣйшее вліяніе на сельское хозяйство вообще. Земледѣліе сдѣлало огромнѣйшіе успѣхи, производительность страны утроилась и прежнія крестьянскія земли, освобожденныя отъ барщинныхъ и оброчныхъ окладовъ безъ всякихъ выкупныхъ платежей, революціонной мѣрой конвента, разумѣется, поднялись въ цѣнности и доходности внезапно на всю сумму отмѣненныхъ повинностей. Но въ общей сложности и по отношенію къ другимъ классамъ, крестьянство осталось въ томъ же аграрномъ положеніи, какъ и въ революціи. Если всѣ писатели XIII вѣка показываютъ, что крестьянскія земли составляли въ ихъ время около $^1/_4$ всей территоріи Франціи, то новѣйшіе экономисты (Lavergne) свидѣтельствуютъ, что мелкихъ владѣній до 8 гект. нынѣ считается всего 7.450,000 гект., что составляетъ еще менѣе $^1/_6$ или $^1/_7$ всѣхъ удобныхъ земель. Если до революціи путешественники, посѣтившіе Францію, и экономисты того времени (Joung, Turgot) отзываются, что большая часть крестьянъ состоитъ изъ поденщиковъ - чернорабочихъ и половниковъ (journaliers, manœuvriers et metayers), то, по новѣйшимъ статистическимъ описаніямъ, также выходитъ, что эти два промысла занимаютъ большую часть сельскихъ жителей и въ настоящее время.

Въ 1860—1865 г. изъ общаго числа сельскихъ жителей.	19.873,443
считалось рабочихъ, пастуховъ и поденщиковъ . . .	6.566,588
арендаторовъ (fermiers)	2.506,663
половниковъ (metayers)	1.356,903
дровосѣковъ (bûcherons) и лѣсопромышленниковъ . .	282,620
управляющихъ, прикащиковъ, техниковъ	266,636
разночинцевъ	259,078
	12.064,258

или по другимъ свѣдѣніямъ въ общихъ итогахъ:

арендаторовъ (fermiers et metayers)	4.543,673
рабочихъ.	5.353,299
разночинцевъ	666,109
	10.563,081 [7]).

Вообще арендованіе чужихъ земель и въ особенности испольное (métayage) составляетъ и понынѣ главный промыселъ французскихъ крестьянъ; вышеприведенныя цифры фермеровъ и половниковъ даже ниже дѣйствительныхъ, потому что, кромѣ лицъ, приписанныхъ къ этимъ двумъ разрядамъ по ихъ промыслу (profession), много другихъ малоземельныхъ хозяевъ также арендуютъ земли и бо̀льшею частію исполу. Стюартъ Милль въ своемъ сочиненіи о народномъ хозяйствѣ (кн. 5, стр. 285) полагаетъ даже, что около $^5/_6$ всѣхъ полевыхъ угодій Франціи обработываются исполу.

Во всякомъ случаѣ надо принять, что половничество очень распространено во Франціи и составляетъ отличительную черту крестьянскаго быта въ этой странѣ. Оно называется metayage и состоитъ въ томъ, что съемщикъ (metayer) отдаетъ землевладѣльцу, вмѣсто денежной платы, половину урожая, на дурныхъ почвахъ—нѣсколько менѣе $^1/_3$, на лучшихъ болѣе, $^2/_3$. Условія заключаются обыкновенно на 3 года, но въ нѣкоторыхъ провинціяхъ вошло въ обычай сдавать земли безсрочно, или даже въ наслѣдственное пользованіе съ правомъ поселяться на сдаточныхъ земляхъ. Обычай этотъ проникъ во Францію изъ сѣверной Италіи; въ Пьемонтѣ и Ломбардіи онъ существуетъ съ давнихъ временъ. Въ 1861 г. считалось во всей Италіи 1.264,753 крестьянъ-собственниковъ и почти столько же половниковъ (mezzajuolo) 1.248,286. Но положеніе итальянскихъ половниковъ нѣсколько различно отъ французскихъ; испольное хозяйство тамъ такъ усвоилось, что сдача земель исполу имѣетъ силу безсрочнаго и ненарушимаго контракта, кондиціи коего никогда не измѣняются и соблюдаются свято изъ рода въ родъ; отъ этого установились дѣйствительно дружелюбныя, патріархальныя отношенія между хозяевами и съемщиками, и эти отношенія еще поддерживаются тѣмъ, что итальянское помѣстное сословіе

мало занимается сельскимъ хозяйствомъ, проживая въ городахъ, или, осенью, въ виллахъ, устроенныхъ въ видѣ дачъ и загородныхъ зáмковъ и вообще, по безпечности своей, предпочитаетъ этотъ способъ беззаботнаго извлеченія доходовъ трудамъ собственной эксплуатаціи.

Во Франціи положеніе половниковъ было въ прошломъ столѣтіи самое скудное и стѣснительное. A. Joung пишетъ, что въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ эта система хозяйства была наиболѣе распространена (Limousin, Angoumois) половники составляли послѣдній бѣднѣйшій классъ сельскихъ жителей; дворяне-помѣщики ихъ принимали и отпускали по произволу и вообще обращались съ ними какъ съ служителями, дворовыми людьми, обязанными работать на своихъ господъ изъ половины валового урожая. Turgot тоже описываетъ ихъ какъ самый угнетенный классъ народа и, между прочимъ, свидѣтельствуетъ, что за уплатой половины, слѣдующей хозяину, и всѣхъ издержекъ хозяйства, половнику остается чистаго дохода не болѣе 20—30 ливровъ.

По увѣреніямъ современныхъ французскихъ экономистовъ, состояніе этого разряда землевладѣльцевъ также много улучшилось въ новѣйшее время, и это несомнѣнно, такъ какъ, при общемъ преуспѣяніи народнаго богатства, всякій промыселъ становится болѣе выгоднымъ и всѣ классы жителей улучшаютъ свой бытъ. Но, говоря вообще, нельзя признать испольную систему хозяйства признакомъ достатка, зажиточности землевладѣльцевъ и страны, гдѣ она наиболѣе распространена, нельзя причислить къ такимъ, гдѣ сельскіе обыватели пользуются наибольшей самостоятельностью.

Обязанность отдавать половину валового урожая уже сама по себѣ очень стѣснительна и составляетъ ренту гораздо высшую, чѣмъ денежная плата, обыкновенно взимаемая при арендованіи земель; въ Англіи, гдѣ арендная плата очень высока, ее разсчитываютъ при раскладкѣ подоходнаго налога въ 20% валового дохода, въ Шотландіи въ 33%, и нигдѣ она не доходитъ до половины. Кромѣ того, самое существованіе испольнаго хозяйства очевидно указываетъ на недостатокъ денежныхъ фондовъ въ мѣстномъ населеніи и, съ другой стороны, на малоземелье большей части сельскихъ жителей; однимъ словомъ, чѣмъ болѣе развито въ данной странѣ испольное

хозяйство, тѣмъ менѣе можно предположить въ ней, и именно въ сословіи земледѣльцевъ, дѣйствительной зажиточности, т.-е. собственныхъ имуществъ, воздѣлываемыхъ самими домохозяевами, и оборотныхъ капиталовъ, нужныхъ для эксплуатаціи; точно такъ, какъ предпочтеніе барщины оброчнымъ окладамъ, или натуральныхъ повинностей денежнымъ налогамъ, такъ и развитіе испольнаго хозяйства, вмѣсто фермерства, есть вѣрный признакъ отсталости народнаго хозяйства, слабости промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, вообще застоя сельскохозяйственнаго быта. Въ странахъ плодороднѣйшихъ, какъ равнины Ломбардіи, эта система хозяйства можетъ еще быть болѣе или менѣе выгодной и для земледѣльца, такъ какъ издержки эксплуатаціи сокращаются по мѣрѣ плодородія почвы, дающей, какъ извѣстно, подъ благодатнымъ небомъ Италіи два и три слѣтья въ одинъ годъ при самой легкой, небрежной культурѣ; но въ странахъ менѣе плодоносныхъ, или съ кратчайшимъ сезономъ полевыхъ работъ, взиманіе половины урожая есть налогъ обременительный для земледѣльца, которому онъ подвергается только по нуждѣ, то-есть по недостатку собственныхъ земель, или другихъ промысловъ и по безденежью, такъ какъ арендная денежная плата во всякомъ случаѣ была бы ниже испольной платы натурой [8]).

Описавъ главныя черты мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, мы должны еще здѣсь разсмотрѣть состояніе среднихъ и крупныхъ собственниковъ, т.-е. собственно помѣстнаго сословія. Высшій классъ землевладѣльцевъ во Франціи состоялъ до революціи изъ дворянъ и духовенства и, по свидѣтельству современныхъ писателей, этимъ двумъ привилегированнымъ сословіямъ принадлежала половина всѣхъ удобныхъ земель, $^{2}/_{10}$ духовенству, $^{3}/_{10}$—дворянству. Большая часть изъ нихъ была конфискована революціею и распродана, около 20 милл. гектаровъ, на сумму 6—7 милліардовъ франковъ.

Изъ этого числа церковныхъ имѣній было около 60,000, приносившихъ дохода около 60—75 м. фр., которыя были распроданы оптомъ, съ торговъ въ 1791—93 годахъ, и большею частію за безцѣнокъ.

Имѣнія дворянъ-эмигрантовъ были оцѣнены въ 3 милліарда,

но изъ нихъ продана была только часть, на сумму 987 мил., и такъ какъ, по закону 1825 г., эмигрантамъ было возвращено 1000 мил., то это вознагражденіе покрыло съ излишкомъ сумму распроданныхъ помѣстій. Остальныя дворянскія имѣнія хотя и были конфискованы, но остались непроданными и, впослѣдствіи, во времена имперіи и реставраціи, были возвращены или пожалованы прежнимъ владѣльцамъ; такъ что собственно потери, для сословія дворянъ, въ общемъ его составѣ, не было никакой, хотя, разумѣется, нѣкоторыя отдѣльныя личности изъ числа эмигрантовъ потеряли свои состоянія. Переворотъ состоялъ только въ томъ, что церковныя имѣнія и $^1/_3$ дворянскихъ—перешли къ другимъ собственникамъ неблагороднаго происхожденія. Поэтому мнѣніе, очень распространенное и пущенное въ ходъ немногими владѣльцами, пострадавшими отъ революціи, будто-бы вообще крупное землевладѣніе уничтожилось во Франціи вслѣдствіе революціи и что съ тѣхъ поръ имѣнія дворянскія и церковныя, дробясь и раздѣляясь между мелкими собственниками, послужили главнымъ основаніемъ такъ-называемаго демократическаго строя французскаго общества,—мнѣніе это оказывается совершенно ошибочнымъ. Оно вовсе не подтверждается статистическими данными, оцѣнками и классификаціей кадастра, и, принимая исходнымъ положеніемъ, что дворянство владѣло передъ революціей $^3/_{10}$ удобныхъ земель, что составляло въ то время около 12 мил. гект., мы приходимъ къ заключенію совершенно противному,—что крупное помѣстное сословіе скорѣе расширило свои владѣнія, и, во всякомъ случаѣ, хотя и измѣнилось въ своемъ личномъ составѣ, но не утратило своего имущественнаго значенія, продолжая занимать главное мѣсто въ аграрномъ строѣ Франціи. Дворянство, въ качествѣ привилегированнаго и благороднаго сословія, перестало существовать, но на его мѣстѣ образовался классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, столь же многочисленный и болѣе богатый.

Положеніе высшихъ классовъ Франціи было вообще совсѣмъ не такое блистательное въ концѣ XVIII вѣка, какъ обыкновенно себѣ воображаютъ, читая многорѣчивыя описанія роскошныхъ версальскихъ пировъ и парижскаго большого свѣта. Праздная придворная жизнь аристократическаго клас-

са принесла уже свои горькіе плоды, разстроивъ какъ хозяйственный его бытъ, такъ и нравственное его достоинство. Помѣщичьи запашки давали самый скудный доходъ, лучшіе гектары 10—12 фр., худшіе 2—3 фр. (отъ 3 р. съ десятины до 50—75 коп.); большинство помѣщиковъ имѣло отъ 2—3 тыс. фр. дохода; въ Шампаньи, Бёрри, средняя арендная плата въ 1789 году сошла до $1^1/_2$ фр. съ десятины. Положеніе бо́льшей части мелкопомѣстныхъ дворянъ (hoberaux), по описаніямъ англичанина Joung-a, нѣмца Neigebauer-a, было такое стѣсненное, что жилища ихъ ничѣмъ не отличались отъ жилья ихъ прислуги и крестьянъ. Въ провинціи Sologne (пишетъ Joung), имѣніе въ 200 акровъ (75 дес.), при овцеводствѣ въ 700 головъ, давало доходу 800 фр. (200 р.), и это хозяйство считалось въ околоткѣ однимъ изъ лучшихъ. Toqueville (Ancien Régime, chap. 8) разсказываетъ, что въ 1755 г. въ провинціи Franche Comté было нѣсколько тысячъ дворянъ-помѣщиковъ, но изъ нихъ только 15 съ доходомъ въ 20,000 ливровъ (5,000 р.)

Что касается до придворнаго дворянства, то оно, какъ обыкновенно бываетъ съ отживающей аристократіей, поддерживало свое распутное тщеславіе неоплатными займами и быстро клонилось къ общему банкротству, когда революція приняла на себя трудъ учета и разсчета несмѣтныхъ долговъ, лежавшихъ на дворянскихъ имѣніяхъ и произвела общую ликвидацію помѣстной собственности посредствомъ конфискаціи и распродажи всѣхъ частныхъ владѣній дворянства, духовенства и сельскихъ общинъ.

Но этотъ насильственный переворотъ, какъ мы уже выше сказали, имѣлъ только то послѣдствіе, что измѣнилъ личный составъ и привилегированное положеніе помѣстнаго сословія, но вовсе не повліялъ, или очень мало, на пропорціональное отношеніе крупнаго помѣстнаго землевладѣнія къ мелкому крестьянскому.

По показаніямъ французскаго писателя Bouillé, прежде революціи было во всей Франціи около 80,000 дворянскихъ фамилій, но изъ нихъ, по свидѣтельству другихъ писателей (Sieyes, Lavoisier, Lavergne), дворянъ-помѣщиковъ было около 25,000, владѣвшихъ въ то время $^3/_{10}$ всѣхъ удобныхъ земель, или около 12 мил. гектаровъ.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, къ высшему разряду собственниковъ нынѣ относится около 50,000 землевладѣльцевъ (Lavergne), владѣющихъ, среднимъ числомъ, 300 гект. и всего около $^1/_3$ всѣхъ земель, или 15 м. гектар. Въ началѣ настоящаго столѣтія крупное землевладѣніе разсчитывалось такъ: имѣній въ 880 гект. считалось 21,456, доходовъ въ 7,340 фр. и выше—27,372 или, по другимъ разсчетамъ, землевладѣльцевъ съ среднимъ доходомъ въ 13,000 фр. около 23,000. По всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что число крупныхъ собственниковъ почти не измѣнилось, и если оно возросло до 50,000, то это умноженіе соотвѣтствуетъ общему приращенію народонаселенія, удвоившемуся со временъ революціи. Пространство же владѣній этого разряда положительно увеличилось, и, по всѣмъ свѣдѣніямъ (въ этомъ отношеніи согласнымъ), составляетъ нынѣ отъ 15 до 19 м. гектаровъ, съ среднимъ доходомъ не менѣе 7,340 фр., между тѣмъ какъ въ концѣ XVIII-го столѣтія, дворянскихъ имѣній считалось 12 м. гектар. съ среднимъ доходомъ въ 3,000 фр.

Еще болѣе положительныя указанія даютъ намъ податныя раскладки поземельнаго налога: въ настоящее время имѣется во Франціи отъ 40 до 50 тысячъ землевладѣльцевъ, обложенныхъ поземельнымъ и другими прямыми налогами въ 1000 фр. и болѣе; такъ какъ оклады эти составляютъ по среднимъ выводамъ около 8% доходности, то на каждаго владѣльца приходится среднимъ числомъ 12,000 фр. дохода, а у всѣхъ вмѣстѣ около 600 мил., что́ составляетъ около $^2/_5$ всего поземельнаго дохода всей Франціи, исчисленнаго приблизительно въ 1500 мил.

Главное измѣненіе, послѣдовавшее въ аграрномъ положеніи вслѣдствіе освобожденія лицъ и имуществъ отъ прежнихъ феодальныхъ и фискальныхъ узъ, было не уничтоженіе и даже не сокращеніе крупнаго землевладѣнія, и еще менѣе—расширеніе крестьянскихъ имуществъ, а только то, что изъ конфискованныхъ церковныхъ и общинныхъ земель и изъ многихъ крестьянскихъ мелкихъ полосъ, распроданныхъ бѣднѣйшими домохозяевами и скупленныхъ болѣе зажиточными ихъ односельцами, образовалось среднее сословіе, сельская буржуазія, столь же вліятельная, какъ и городская.

Число таковыхъ владѣльцевъ показывается различно: по

однимъ свѣдѣніямъ 550,000 съ среднимъ размѣромъ владѣній въ 30 гектар., по другимъ—350,000 съ 35 гект. средняго владѣнія, по третьимъ въ 643,000, съ поземельными участками отъ 12 до 62 гектар., или по доходности 457,000 имѣній, съ среднимъ доходомъ въ 1,450 фр. Несмотря на незначительную разницу этихъ указаній, мы можемъ изъ нихъ заключить, что средній классъ землевладѣльцевъ состоитъ приблизительно изъ полумилліона домохозяевъ; размѣръ ихъ владѣній, среднимъ числомъ 30—62 гект. (27—56 дес.), превышаетъ обыкновенную норму крестьянскихъ подворныхъ участковъ, такъ какъ такое пространство угодій не можетъ быть воздѣлываемо рабочими силами одного семейства и требуетъ уже помощи наемныхъ, постороннихъ рабочихъ; поэтому мы ихъ и относимъ къ разряду среднихъ помѣстьевъ, отличающихся отъ крестьянскихъ хозяйствъ тѣмъ, что земледѣльческія работы производятся не исключительно самими владѣльцами.

Этотъ классъ во Франціи очень разнообразенъ по своему составу; къ нему принадлежитъ и большая часть городскихъ и сельскихъ торговцевъ, промышленниковъ, и многіе обѣднѣвшіе потомки дворянскихъ родовъ и, наконецъ, значительная часть крестьянъ, но только самая зажиточная, уже вышедшая по своимъ оборотамъ и по образу жизни изъ той среды, къ коей принадлежитъ по рожденію.

Этотъ-то разрядъ собственниковъ и составляетъ главнѣйшую силу новой Франціи, главную черту различія между аграрнымъ строемъ прежнихъ временъ (Ancien Régime) и новѣйшимъ.

До революціи этотъ классъ разночинцевъ владѣлъ не болѣе $^1/_4$ всѣхъ земель и, угнетенный безразсудной податной системой, изнывалъ подъ бременемъ налоговъ; въ настоящее время онъ владѣетъ почти половиною всей территоріи 18—19 мил. гектар., но главное его значеніе заключается не столько въ пространствѣ владѣній, сколько въ ихъ доходности и, можно сказать, что Франція обязана громаднымъ развитіемъ своего народнаго богатства, изумительнымъ могуществомъ своей производительности, улучшеніемъ культуры сельско-хозяйственныхъ промысловъ и хлѣбопашества, преимущественно, если не исключительно, этому классу землевладѣльцевъ, сое-

диняющему въ себѣ всѣ условія раціональнаго и нормальнаго хозяйства, средній размѣръ, дозволяющій самому хозяину слѣдить безпрерывно и непосредственно за эксплуатаціей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, денежныя средства, достаточныя для оборотовъ и улучшеній.

Оканчивая этимъ описаніе французскаго землевладѣнія, мы постараемся подвести итоги нашимъ изслѣдованіямъ и представить въ заключеніи общую картину современнаго, аграрно-соціальнаго положенія этой страны.

Общепринятое мнѣніе, что Франція есть отечество мелкаго крестьянскаго владѣнія, что эта категорія земледѣльцевъ-собственниковъ есть отличительная черта современнаго французскаго общества, что большинство сельскихъ жителей обезпечено поземельною собственностью и что это положеніе есть прямое послѣдствіе широкихъ принциповъ свободнаго землевладѣнія и наслѣдованія, введенныхъ революціей 1789,— всѣ эти мнѣнія кажутся намъ односторонними и ошибочными. Еслибъ это дѣйствительно было такъ, еслибъ, какъ пишутъ французскіе экономисты и повторяютъ за ними иностранные туристы, почти вся масса сельскихъ обывателей ($5^1/_2$ мил. домохозяевъ, или 17 мил. душъ) была надѣлена недвижимымъ имуществомъ, усадебной и полевой осѣдлостію; еслибъ было достовѣрно, что собственниковъ городскихъ и сельскихъ имѣется около 9 мил. хозяевъ, что́ соотвѣтствуетъ 35 мил. душъ обоего пола, то спрашивается, изъ какихъ же слоевъ народа выходитъ та масса вѣчно недовольныхъ, озлобленныхъ, мятежныхъ чернорабочихъ, которая смущаетъ не только Францію, но и Европу своими возстаніями и буйствами; и можно ли себѣ вообразить, чтобы при такомъ громадномъ большинствѣ собственниковъ противъ пролетаріевъ (35 мил. противъ 5), первые, семь противъ одного, не могли справиться съ ничтожнымъ меньшинствомъ, усмирить ихъ и противодѣйствовать ихъ антисоціальнымъ стремленіямъ? Но, къ сожалѣнію, и къ несчастію Франціи, это общепринятое мнѣніе объ обезпеченомъ, осѣдломъ бытѣ крестьянскаго сословія очень преувеличено. Правда, что вслѣдствіе освобожденія лицъ и имуществъ отъ стѣсненій прежнихъ временъ, нѣкоторая часть крестьянъ

округлила и расширила свои владѣнія и проживаетъ нынѣ въ полномъ довольствѣ; правда, также, что среднее сословіе (tiers-état или bourgeoisie) пріобрѣло бо́льшую часть имуществъ, прежде принадлежавшихъ дворянству и духовенству; наконецъ, правда и то, что всѣ эти насильственные захваты, конфискаціи, распродажа частныхъ и общинныхъ земель способствовали переходу земель въ болѣе производительныя руки и черезъ это содѣйствовали быстрому развитію народнаго хозяйства, земледѣльческой культуры.

Но масса крестьянъ, т.-е. самихъ земледѣльцевъ осталась при всѣхъ этихъ переворотахъ въ сторонѣ. Число земледѣльцевъ-собственниковъ (propriétaires cultivants leur sol eux mêmes) умножилось отъ естественнаго приращенія народонаселенія и отъ раздѣла имуществъ, но общее пространство ихъ владѣній, со временъ революціи, не расширилось и даже, повидимому, съ тридцатыхъ годовъ этого столѣтія быстро сокращается. При неограниченной свободѣ семейныхъ раздѣловъ, крестьянскіе подворные участки подраздѣлились на такія мелкія полосы, что, отдѣльно взятыя, не имѣютъ болѣе никакой цѣнности и потому скупаются смежными владѣльцами, зажиточными крестьянами, или помѣщиками; земледѣліе на такихъ узкихъ дѣлянкахъ сдѣлалось неудобнымъ и стѣснительнымъ, и эта чрезмѣрная дробность, мелкопомѣстность (morcellement) привела бо́льшую часть крестьянскихъ хозяйствъ къ наименьшему размѣру владѣнія—такому, какой можетъ служить только для жительства, но не для сельско-хозяйственнаго промысла.

Поэтому можно, какъ намъ кажется, безошибочно принять, что бо́льшая часть французскихъ крестьянъ, а именно отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ семействъ, или 11—15 милліоновъ душъ находятся въ состояніи совершенно подобномъ положенію нашихъ деревенскихъ бобылей, то-есть владѣютъ клочкомъ земли на задворкахъ другихъ строеній, огородомъ въ нѣсколько грядъ и жилымъ домомъ въ 1—2 окна, но полевыхъ угодій не имѣютъ, земледѣліемъ не занимаются, прямыхъ налоговъ не платятъ и пропитываются круглый годъ наемной работой. Они находятся на послѣднемъ рубежѣ между собственностію и пролетаріатомъ, и изъ этихъ-то семействъ и крестьянскихъ дворовъ выдѣляются ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ молодыхъ и бодрыхъ людей, оставляю-

щихъ въ своихъ домахъ престарѣлыхъ родителей и переселяющихся въ города, на фабрики и заводы. Въ теченіи 20 лѣтъ, 1846—1866 г., число сельскихъ жителей уменьшилось на 6%. Въ послѣднее десятилѣтіе, 1856—1866 г., пропорція сельскаго населенія къ общему числу жителей измѣнилась еще болѣе:

	1856 года	1866 года	
Всѣхъ жителей во Франціи было =	36.093,364	38.047,523	1.954,159 болѣе.
Въ томъ числѣ сельскихъ жителей =	19.890,035	19.598,115	291,930 менѣе.

Это явленіе, постепенный переѣздъ сельскихъ жителей въ города происходитъ, правда, и въ другихъ европейскихъ странахъ, но нигдѣ въ такихъ размѣрахъ, какъ во Франціи, и нигдѣ также оно не имѣетъ такихъ соціальныхъ послѣдствій. Въ Англіи, Германіи малоземелье тоже вытѣсняетъ земледѣльцевъ изъ селеній въ города, изъ городовъ въ чужія страны, и противъ общаго недуга пролетаріата дѣйствуютъ два предохранительныя средства, городскіе заработки и эмиграція; но во Франціи это послѣднее средство и самое дѣйствительное, эмиграція, вовсе отпадаетъ; ни дальнія, ни ближайшія колоніи не привлекаютъ переселенцевъ; все движеніе происходитъ внутри страны, изъ разныхъ ея концовъ и краевъ въ немногіе промышленные центры, Парижъ, Ліонъ. Бѣднѣйшіе земледѣльцы не переселяются въ другія страны для примѣненія своего труда къ тому же земледѣльческому промыслу, или для заведенія новыхъ хозяйствъ на новыхъ земляхъ; они прямо и окончательно отрекаются отъ сельскаго быта, отъ хозяйства и семейной жизни и перечисляются въ сословіе городскихъ чернорабочихъ, поденьщиковъ.

Отъ этого, разумѣется, сокрушительное дѣйствіе сельскаго пролетаріата проявляется во Франціи съ бо̀льшей силой, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ пресыщенію страны населеніемъ противодѣйствуетъ эмиграція.

Состояніе крупнаго и средняго землевладѣнія во Франціи надо, напротивъ, признать самымъ цвѣтущимъ и благоустроеннымъ, и изъ этихъ двухъ категорій, вторая, средняя представляетъ въ особенности безпримѣрно быстрое развитіе. Угнетенные и разоренные прежними порядками управленія, эти мелкіе помѣщики и богатые крестьяне ожили со времени революціи и, пользуясь полной свободой, посте-

пенно скупали и конфискованныя помѣстья дворянъ и церквей, и общинныя земли, отобранныя у сельскихъ обществъ, и мелкія дѣлянки, распродаваемыя бѣдными крестьянами. Въ ихъ рукахъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ самихъ хозяевъ, культура усовершенствовалась, запашки расширились и доходность поземельной собственности умножилась въ 10 разъ со временъ революціи.

Число собственниковъ этого разряда во Франціи пропорціонально больше, чѣмъ въ какой-либо странѣ, около 500 или 600 тысячъ домохозяевъ и до 2 милліоновъ душъ, съ женами, дѣтьми и домочадцами.

Такъ какъ всѣхъ удобныхъ земель считается во Франціи около 45—49 мил. гект., то приходится:

на крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ среднимъ числомъ 300 гект. и 13,000 фр. дохода—19.000,000 гект. или около.	. . . . .	42% гект
на среднихъ (30 гект. и 1450 фр.) 18.300,000	. . . . .	41% „
на мелкихъ (3 — 106 „) 7.400,000	. . . . .	17% „

Изъ этой пропорціи мы выводимъ окончательное заключеніе, что аграрный строй Франціи имѣетъ преимущественно свойство средняго, или, если позволено такъ выразиться, буржуазнаго землевладѣнія, но вовсе не демократическаго, если разумѣть подъ этимъ словомъ, какъ и слѣдуетъ, крестьянское владѣніе, при коемъ самъ хозяинъ воздѣлываетъ свою пашню. И соціальный строй Франціи вполнѣ соотвѣтствуетъ этому свойству; онъ тоже буржуазный, а вовсе не демократическій. Французскія среднія сословія слились съ высшими, сословныхъ преградъ и отличій между ними нѣтъ, и въ сельско-хозяйственномъ своемъ быту эти два разряда, произвольно различаемые въ статистическихъ описаніяхъ по пространству владѣній, или по средней суммѣ доходности, вполнѣ связуются общими, одинаковыми своими интересами. Они всѣ вмѣстѣ, крупные и средніе, сами не пашутъ, а нанимаютъ рабочихъ, или сдаютъ земли въ аренду, исполу, изъ трети. Такихъ нанимателей выходитъ около полумилліона домохозяевъ, или 2 мил. жителей и у нихъ 83% всѣхъ полевыхъ и луговыхъ угодій. Наемщиковъ въ сельскомъ сословіи около 17 м. душъ об. п. и при нихъ 17% всѣхъ земель.

Подобная организація едвали можетъ быть названа демократической. Правда, что сельскіе наемщики, или по крайней

мѣрѣ нѣкоторая часть изъ нихъ, поставлена во Франціи въ лучшія условія чѣмъ, напр., въ Англіи, именно въ томъ отношеніи, что многіе изъ нихъ имѣютъ усадебную осѣдлость, подобно нашимъ русскимъ бобылямъ. Они отъ этого пользуются, какъ увѣряютъ многіе писатели, большею независимостью и нѣкоторыми удобствами, недоступными бездомнымъ чернорабочимъ въ Англіи, и могутъ съ бо́льшею настойчивостью выжидать цѣнъ, рядиться на работу, торговаться съ хозяевами-нанимателями.

Эти предположенія дѣйствительно кажутся основательными по теоріи экономическихъ наукъ, но на практикѣ мы никакъ не могли найти фактовъ, подтверждающихъ эти научные выводы. Въ главѣ о рабочей платѣ, мы представимъ подробныя свѣдѣнія о томъ, что сельскіе заработки во Франціи нисколько не выше, чѣмъ въ Англіи и, за исключеніемъ подгородныхъ и промышленныхъ мѣстностей, не превышаютъ среднимъ числомъ $1^1/_2$ — 2-хъ франковъ въ день (37—50 коп.).

Прослѣдивъ внимательно общественныя и аграрныя революціи Франціи, надо придти къ заключенію, что онѣ принесли несравненно бо́льшую пользу среднимъ классамъ, чѣмъ низшимъ. Революціонныя насилія, экспропріяція крупныхъ собственниковъ, продажа общинныхъ земель, полная свобода владѣнія и раздѣловъ—все это доставило несомнѣнныя выгоды классу мѣщанъ, торговцевъ, поставщиковъ, подрядчиковъ, аферистовъ, а также тѣмъ изъ крестьянъ-промышленниковъ, которые съумѣли въ мутныхъ волнахъ междоусобій и наполеоновскихъ войнъ выловить имущества изъ омута всенароднаго банкротства.

Закупивъ по дешевымъ цѣнамъ конфискованныя имѣнія духовенства и эмигрантовъ, эти разночинцы воспользовались долголѣтнимъ періодомъ мира и тишины, съ 1811 по 1848 г., для устройства имѣній, цѣнность и доходность коихъ возрастали сами собой, соразмѣрно вздорожанію всѣхъ имуществъ и всѣхъ продуктовъ и товаровъ на всемъ земномъ шарѣ. Громадная разница между суммами первоначальной покупки во времена революціи и государственнаго банкротства и цѣн-

ностію этихъ имуществъ при возстановленіи мира—разница, соотвѣтствующая выигрышу 1000 руб. на 100, и составляетъ, по нашему мнѣнію, всю тайну быстраго обогащенія среднихъ сословій Франціи [9]).

Вопросъ о преимуществѣ мелкой культуры передъ крупною, демократическаго землевладѣнія передъ аристократическимъ—тутъ не причемъ. Въ чьихъ бы рукахъ земли ни находились, во владѣніи ли чистокровныхъ англійскихъ ландлордовъ, или полукровныхъ французскихъ буржуа, или даже черныхъ людей—крестьянъ, онѣ все равно въ теченіи послѣдняго полстолѣтія возвышались въ цѣнѣ постоянно и безпрерывно и обогащали собственниковъ и страну въ общемъ ея составѣ.

Вопросъ въ томъ, кто выигралъ отъ этого обогащенія, кто эти собственники?

Въ Англіи, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, землевладѣльцевъ считается около 30,000, высшаго сословія во Франціи около 500,000 помѣщиковъ средняго состоянія.

Сравнительно съ Англіей, французское землевладѣніе можетъ казаться мелкимъ демократическимъ; въ сущности оно вовсе не такое. Демократическіе слои общества, нижніе классы, крестьяне-хлѣбопашцы менѣе всѣхъ выгадали отъ неограниченной свободы имущественныхъ правъ; экономическая теорія полной вольности (laisser faire, laisser passer) довела одну половину изъ нихъ до состоянія бобылей, огородниковъ, другую—до положенія пролетаріевъ. Нѣсколько сотъ тысячъ крестьянскихъ семействъ разбогатѣли и примкнули къ имущественнымъ классамъ; всѣ же прочія перешли и продолжаютъ переходить въ разрядъ чернорабочихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Начиная въ этой главѣ наши изслѣдованія о состояніи землевладѣнія и земледѣлія въ разныхъ странахъ Европы, мы должны просить у читателей снисхожденія и извиненія за сбивчивость статистическихъ свѣдѣній, нами приводимыхъ. Предметъ этотъ совершенно новый — въ наукѣ и литературѣ, и замѣчательно, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ антагонизмъ сословій дошелъ уже до крайнихъ проявленій, гдѣ безпрестанно агитируются самые радикальные, соціальные вопросы, гдѣ выдумываются глубокомысленныя системы и теоріи политической экономіи — самыя элементарныя свѣдѣнія о числѣ собственниковъ и владѣній, о распредѣленіи земель и промысловъ находятся еще по сіе время въ глубочайшемъ мракѣ. Всѣ прочіе факторы народнаго хозяйства приведены въ извѣстность до мельчайшей подробности и мы находимъ въ любой статистикѣ общій счетъ всѣхъ коровъ, гусей, куръ, свиней, овецъ, пожалуй и съ подраздѣленіемъ ихъ на породы и возрасты. Но о числѣ людей собственниковъ и рабочихъ, владѣльцевъ и земледѣльцевъ, объ ихъ промыслахъ, размѣрахъ владѣній, средней доходности положительныхъ свѣдѣній не имѣется, и не собирается. Наука даже не выработала и главныхъ основаній, на коихъ эти свѣдѣнія могли бы собираться, и поэтому не только въ частныхъ трудахъ отдѣльныхъ публицистовъ, но и въ оффиціальныхъ статистикахъ, издаваемыхъ правительствомъ, обнаруживаются постоянно такія грубыя недоразумѣнія, такія рѣзкія противорѣчія, что правильные выводы изъ нихъ крайне затруднительны. Недоразумѣнія слѣдующія: во-первыхъ, кадастровыя и инвентарныя описи, различая земли по межевымъ знакамъ и по податнымъ окладамъ, упускали изъ виду ихъ принадлежность и сортировали ихъ только по опыту, или по ихъ производительности. Земли были разбиты на удобныя и неудобныя, далѣе подраздѣлены на пашни, луга, лѣса, выгоны, но отношеніе пространства къ лицамъ или не выводилось вовсе, или показывалось только по отдѣльнымъ приходамъ, обществамъ и коммунамъ—такъ, что собственники, имѣющіе земли въ разныхъ мѣстностяхъ, считались нѣсколько разъ и общее число землевладѣльцевъ всегда преувеличивалось; во-вторыхъ, временные владѣльцы часто смѣшиваются съ настоящими собственниками. Въ Англіи до начала настоящаго столѣтія фермеры и лендлорды показывались вмѣстѣ въ переписяхъ; во Франціи собирались нѣсколько разъ свѣдѣнія о земледѣльческихъ эксплуатаціяхъ (exploitation ou établissements agricoles) и выходило, что хозяйствъ оказывалось гораздо больше, чѣмъ хозяевъ, такъ какъ нѣсколько фермъ (fermes et métairies) принадлежащихъ одному лицу, считались особо.

Въ началѣ настоящаго столѣтія (въ Англіи) начали собирать свѣдѣнія о промыслахъ жителей и расписывать ихъ по категоріямъ земледѣльцевъ, промышленниковъ, торговцевъ, служителей и пр. Въ другихъ странахъ нѣсколько позже введена также промысловая перепись (recensement des professions, statistik der Rerufs arten), но на такихъ сбивчивыхъ основаніяхъ, что дѣло еще болѣе запуталось. Къ земледѣльцамъ (agriculteures) приписывались и владѣльцы, и рабочіе, и фермеры и половники; домохозяева (chefs de famille), или

семьи, дворы считались то отдѣльно отъ домочадцевъ, женъ, дѣтей и служителей — то вмѣстѣ съ ними и, въ послѣднемъ случаѣ, выходили, разумѣется, громадные итоги имущественныхъ классовъ; всѣ дѣти и рабочіе, проживающіе въ крестьянскихъ дворахъ, приписывались къ семьямъ крестьянъ-собственниковъ (paysans propriétaires) — къ сельскимъ хозяйствамъ также относились, обыкновенно, всѣ подгородныя усадьбы, огороды и дачи, коль скоро они лежали за чертой столицъ и городовъ, и отъ этого, понятно, число землевладѣльцевъ тоже преувеличивалось. Наконецъ, и размѣры владѣній не приводились въ извѣстность: къ крестьянскому сословію приписывались совершенно произвольно всѣ домохозяева, обитающіе въ селеніяхъ, хотя бы они по занятіямъ и промысламъ своимъ вовсе не принадлежали къ земледѣльческому классу и владѣли бы только усадьбой безъ полевого надѣла.

Отъ всего этого происходитъ полная сбивчивость показаній, и собственно о числѣ сельскихъ землевладѣльцевъ — положительныхъ свѣдѣній не имѣется во Франціи.

По новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ показывается всего во Франціи удобныхъ земель, обложенныхъ поземельнымъ налогомъ, 49.530,336 гектар., или, считая одинъ гектаръ=0,91 десятины, 44.972,606 десятинъ; земель частнаго владѣнія, необложенныхъ по неудобству — 2.775,408 гект. и общественныхъ, 2.706,672 гект.

Дѣлянокъ (parcelles) по кадастру считается (въ 1842 г.)	126.210,194.
Окладныхъ участковъ	11.507,702.
Число жилыхъ домовъ (въ 1859 г.) было	8.007,784.
Жителей (въ 1866 г. въ 86 департ.) было	38.067,064.

---

[2]) Мы часто въ этомъ сочиненіи будемъ употреблять выраженія — помѣстное и крестьянское владѣніе, и потому должны здѣсь объяснить различіе между ними.

Крестьянскимъ владѣніемъ или хозяйствомъ мы называемъ такое, которое по своимъ размѣрамъ и пространству соотвѣтствуетъ среднему размѣру рабочихъ силъ одной семьи. Пропорція эта очень различна, смотря по климатамъ, почвамъ и культурамъ, и мы въ особой главѣ разсмотримъ этотъ вопросъ во всей подробности. Въ семействѣ, или въ крестьянскомъ отдѣльномъ дворѣ, среднимъ числомъ выходитъ во Франціи душъ об. п. 3,83, или круглымъ числомъ 4, но изъ нихъ не болѣе $1^1/_3$ или 2 рабочихъ, и по среднему разсчету они могутъ обработать около 10—15 гектр. Но это опредѣленіе нельзя принять такъ строго; въ каждомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ встрѣчаются такія спѣшныя работы (жатва, сѣнокосъ), которыя очень часто, даже и въ крестьянскомъ быту, требуютъ помощи, прихватки постороннихъ наемныхъ рабочихъ.

Вопросъ въ томъ, производятся ли текущія, обыденныя работы собственными силами домохозяина и его домочадцевъ, или наемниками, батраками и поденщиками. Тѣ хозяйства, которыя по размѣрамъ своимъ требуютъ постояннаго содержанія или найма рабочихъ, мы называемъ помѣстьями, хотя бы они принадлежали и лицамъ, приписаннымъ къ крестьянскому состоянію.

---

[3]) Мы должны здѣсь опять напомнить, что счетъ поземельныхъ окладовъ (cotes foncières), не сходится и не можетъ сойтись съ числомъ собственниковъ (propriétaires), потому что за однимъ владѣльцемъ считается нѣсколько cotes, если они размѣщены въ разныхъ округахъ или департаментахъ. Точно также мы просимъ замѣтить, что счетъ владѣльцевъ-домохозяевъ, отцовъ семействъ, никогда не можетъ сойтись съ общимъ числомъ жителей, исчисленныхъ по сословіямъ и промысламъ; напримѣръ, всѣхъ землевладѣльцевъ-хозяевъ показано во Франціи 4.833,000, а всѣхъ жителей сельскихъ сословій 19.873,943 и между ними 9.310,612 собственниковъ. Эти три числа не сходятся потому, что a) большое число собственниковъ по жительству своему и другимъ владѣніямъ или промысламъ приписаны къ городамъ и, b) что въ число собственниковъ включены въ первомъ случаѣ одни домохозяева, во второмъ — всѣ домочадцы. Въ Пруссіи эти категоріи различаются при народныхъ переписяхъ, во Франціи — нѣтъ, и поэтому представляется нѣкоторая сбивчивость, которую мы, впрочемъ, старались по возможности избѣгнуть, означая каждый разъ, къ какой категоріи относятся приводимыя нами числа.

---

[4]) Новѣйшій и, какъ намъ кажется, самый главный опытъ классификаціи жителей по промысламъ, сдѣланъ Максомъ Виртомъ. (Grundlage d. National Oeconomie. IV Band. Köln, 1873). Онъ приводитъ двѣ таблицы, составленныя по оффиціальнымъ источникамъ французскаго статистическаго бюро. По первой, повидимому, совершенно ошибочной, за 1861 годъ считается изъ общаго числа всѣхъ сельскихъ жителей-земледѣльцевъ (около 19 мил.) отцовъ семействъ (chefs de famille) около 8 милліоновъ, въ томъ числѣ мужскаго пола 4.311,179 и женскаго 3.655,631. Здѣсь, поэтому, считаны, кромѣ отцовъ, и матери, отчего число домохозяевъ выходитъ двойное. Въ другой таблицѣ за 1866 годъ это исправлено, и изъ женскаго пола приведены только тѣ лица, которыя дѣйствительно самостоятельны и имѣютъ свои хозяйства; число собственниковъ-домохозяевъ отъ этого уменьшилось на половину, вмѣсто 8 милліоновъ вышло ихъ 3.576,188. Но и въ этой новѣйшей переписи мы встрѣчаемъ непостижимыя недоразумѣнія, такъ, напр., число хозяйствъ или промысловъ (établissements agricoles, по нѣмецки Zahl der Geschäfte) показано въ 3.266,705, а число хозяевъ (chefs d'entreprise, Unternehmer) 3.576,188, болѣе 310 тысячъ.

Вотъ эта вѣдомость:

		муж. п.	жен. п.
По земледѣльческому классу считалось во Франціи въ 1866 году, при общемъ числѣ всѣхъ жителей об. пола . . .	38.047,523		
и при общемъ числѣ хозяйствъ . . .	2.266,705		
Домохозяевъ (chefs d'entreprises).		3.002,942	573,246
и у нихъ домочадцевъ.		3.237,375	5.603,695
Управляющихъ, директоровъ, прикащиковъ и пр.		431,037	266,038
у нихъ женъ и дѣтей		221,871	346,943

Поденщиковъ и рабочихъ	1.193,795	728,261
у нихъ домочадцевъ	1.008,485	1.681,151
Служителей.	641,780	661,486
Итого. . .	9.737,295	9 860,320
	19.598,115	

(M. Wirth. Grund. d. Nat.-Oec. B. IV, S. 234—235).

---

[5]) По оцѣнкѣ, принятой для французскаго поземельнаго налога, средній окладъ за 1 гектаръ равняется 3 франкамъ.

Въ гектарѣ 0,915 русской казенной десятины, или 2184 квадр. саж., поэтому окладу, 5 сантимовъ, соотвѣтствуетъ владѣніе въ 36 кв. саженъ.

Roscher въ извѣстномъ своемъ сочиненіи Nationaloeconomie d. Ackerbaues, § 70, приводитъ слѣдующую таблицу распредѣленія сельскихъ сословій во Франціи.

Землевладѣльцевъ, воздѣлывающихъ собственныя земли (selbstbauende Eigenthümer)	7.825,777.
Рабочихъ, пастуховъ, поденщиковъ . . . . : .	6.566,588.
Арендаторовъ	2.506,663.
Половниковъ (metayers)	1.356,903.
Дровосѣковъ . . . . . : .	282,620.
Управляющихъ.	266,636.
Разночинцевъ	259,078,

---

[6]) Leonce de Lavergne, въ предисловіи къ своей книгѣ de l'Économie rurale en France (Introduction, p. 49), приводитъ слѣдующій разсчетъ: до 1789 г., пишетъ онъ, 1/5 всѣхъ земель принадлежала казнѣ и коммунамъ, 1/5 духовенству и 1/5 дворянству, остальныя 2/5—составляли собственность среднихъ сословій и крестьянъ. Вскорѣ послѣ революціи, именно въ 1815 г., по показаніямъ Rubichon'a (du Mécanisme de la société en France), поземельная собственность распредѣлялась такъ:

Крупныхъ собственниковъ, владѣющихъ среднимъ числомъ по 880 гектаровъ было 21,456 домохозяевъ и у нихъ всего земли около	19.000,000 гект.
Среднихъ собственниковъ, владѣющихъ по 62 гектара, было 168,043 домохозяевъ и у нихъ всей земли около.	10.500,000 „

Мелкихъ собственниковъ, владѣющихъ по средней сложности:

22	гектарами	217,817	лицъ и у нихъ	всего земель	4.800,000
12	„	256,533	„	„	3.000,000
8	„	258,452	„	„	2.000,000
5	„	361,711	„	„	1.800,000
3	„	536,687	„	„	1.700,000
1 2/3	„	851,230	„	„	1.400,000
1/2	„	1.101,421	„	„	550,000

Итого, у 3.583,901 владѣльца 15.250,000 гектаровъ.

Свѣдѣнія эти, какъ сказано, относятся къ 1815 году и обрисовываютъ положеніе французскаго землевладѣнія, какъ оно вышло изъ революціоннаго-наполеоновскаго періода. Въ послѣдующую эпоху реставраціи и іюльской монархіи проявилась вся жизненность французскаго общества, и число собственниковъ быстро умножилось, но вмѣстѣ и размѣры владѣній начали также быстро упадать: въ 1837 году по разсчетамъ французскихъ экономистовъ, принятыхъ и правительствомъ, считалось семействъ собственниковъ (familles propriétaires)

2.602,705	съ доходомъ не болѣе		50	франковъ
875,995	„		100	„
757,126	„		200	„
369,603	„		300	„
342,082	„		500	„
276,615	„		1000	„
170,579	„		2000	„
23,777	„		5000	„
16,598	„		10,000	„
6,681	„	болѣе	10,000	„
	Итого . .		5.446,763	

Свѣдѣнія эти взяты изъ сочиненія Mounier (de l'Agriculture en France Paris, 1846). Они сходятся и съ показаніями новѣйшихъ экономистовъ (Leonce de Lavergne и другіе), считающихъ всѣхъ землевладѣльцевъ круглымъ числомъ 5,550,000 домохозяевъ, chef de famille.

---

[7]) О распредѣленіи поземельной собственности во Франціи Wolowsky (Congrés international de Bruxelle, 1856) отзывается такъ: „мелкопомѣстное землевладѣніе есть исконная черта французской общественности, черта народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно предшествовало революціи и съ давнихъ временъ входило въ составъ гражданскаго строя Франціи".

До революціи около $^2/_3$ земель было во владѣніи дворянъ, но они хлѣбопашествомъ не занимались и сдавали землю исполу; поэтому, хотя владѣніе и было крупное, но культура, пользованіе, было мелкое, раздѣляясь на безчисленныя, испольныя хозяйства.

Quesnay пишетъ, что въ юго-западной полосѣ Франціи до Луары, изъ 18 мил. гект. только $^1/_6$ сдавалась въ аренду, а $^5/_6$ исполу, мелкими участками.

Главнѣйшая ошибка аграрнаго законодательства во Франціи заключается въ томъ, что, отмѣнивъ всѣ повинности, освободивъ тягловыя земли отъ феодальныхъ службъ и платежей, и допустивъ вольную продажу, семейный раздѣлъ, оно не приняло мѣръ противъ черезполосности, неминуемо слѣдующей изъ этого положенія и допустило неограниченное раздробленіе полевыхъ угодій. Если черезполосность неудобна и вредна для всякой сельско-хозяйственной культуры, то она положительно пагубна для мелкихъ владѣній.

Во многихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ повторяется ложный, по нашему мнѣнію, разсчетъ, будто бы число землевладѣльцевъ во Франціи превышаетъ половину всего народонаселенія и число домохозяевъ-землевладѣльцевъ, т.-е. крестьянъ-собственниковъ, постоянно принимается въ 7 милліоновъ. Но это осно-

вано на грубой ошибкѣ статистическихъ таблицъ, публикованныхъ во Франціи.

При распредѣленіи жителей по промысламъ, мы находимъ, напримѣръ, въ вѣдомости за 1861 годъ въ разрядѣ земледѣльцевъ (agriculteurs), въ статьѣ chefs de famille propriétaires—4,311,179 душъ муж. п. и 3,665,631 жен. п., итого 7,966,810. Тутъ очевидно недоразумѣніе: жены считаны вмѣстѣ съ мужьями. Всѣхъ земледѣльцевъ-хозяевъ показано муж. п. 3,000,042; женскаго 573,246, итого 3,576,188.

Вообще во всѣхъ этихъ исчисленіяхъ постоянно то смѣшиваются, то различаются домохозяева и домочадцы, отчего и происходитъ совершенная сбивчивость показаній.

---

[8]) Половничество—métayage называется Theilbau, parcerria, merzeria по-итальянски. Испольное хозяйство составляетъ во Франціи, а также въ Италіи самую распространенную систему земледѣлія; во Франціи въ 1859 г. считалось 1,356,909 половниковъ (métayers), въ Италіи въ 1861 году—1,248,286 противъ 1,264,753 крестьянъ-собственниковъ (Anali universali di Statistica, 1866 Februar).

Такъ какъ это составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ французскаго земледѣлія, то мы должны разсмотрѣть ее въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ ея значеніи. Испольное хозяйство имѣетъ очень горячихъ защитниковъ, а также и безусловныхъ порицателей; оно не заслуживаетъ ни такой чести, ни такого осужденія; выгоды его и неудобства относительныя.

Съ точки зрѣнія патріархальныхъ отношеній землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, въ виду такого общественнаго строя, при коемъ большая часть крестьянъ не надѣлена землей, или имѣетъ надѣлъ крайне недостаточный, наконецъ, при очень бѣдномъ положеніи сельскихъ обывателей, неимѣющихъ возможности разсчитываться наличными деньгами, половничество дѣйствительно имѣетъ нѣкоторыя преимущества, въ особенности для эксплуатаціи крупныхъ помѣстій. Но самое существованіе и развитіе этого рода сдѣлокъ указываетъ на скудное состояніе земледѣльческаго класса и на общее безденежье сельскихъ сословій. Родина испольнаго хозяйства—Италія, родоначальники—римляне. У Катона и Плинія мы находимъ уже подробныя описанія половниковъ (politores, partiarii), которые составляли въ древнемъ Римѣ переходъ отъ крѣпостного труда къ вольному. Новѣйшіе народы наслѣдовали эти обычаи отъ Рима. Въ XIII столѣтіи, въ Венеціи, половники отдавали 1/3 и 1/4 урожая и всю солому. Въ Римской Кампаніи, при полнѣйшемъ истощеніи почвы, доселѣ существуетъ пятина (a la quinta); хозяину уплачивается 1/5 урожая хлѣба, 1/3 риса, бобовъ, 1/2 вина, 3/4 масла. Въ Тосканѣ, гдѣ почва лучше, половникъ отдаетъ хозяину 1/2, въ Лукѣ 2/3 всего урожая и доставляетъ отъ себя половину сѣмянъ и навоза. Сдача земель обыкновенно заключается на 1 годъ, но въ Ломбардіи и Тосканѣ сдѣлки эти освящены народными обычаями и условія возобновляются ежегодно, такъ что бо́льшая часть половниковъ обратилась въ безсрочныхъ и даже потомственныхъ съемщиковъ; вообще, при плодородіи этихъ привольныхъ равнинъ верхней Италіи, испольное хозяйство въ нихъ процвѣтаетъ и, при мягкости нравовъ и безпечности итальянскихъ помѣщиковъ, даетъ

значительныя выгоды крестьянамъ-половникамъ. Но во Франціи положеніе ихъ иное; уже въ прошломъ столѣтіи, Turgot, A. Joung и другіе, описываютъ французскихъ mètayers какъ самый униженный классъ сельскихъ сословій; условія съ ними не безсрочныя, какъ въ Италіи, но бо́льшею частію краткосрочныя, на 3 года, и, при общемъ враждебномъ настроеніи низшихъ классовъ противъ высшихъ, не видно, чтобы дружелюбныя отношенія установились въ этомъ сословіи болѣе чѣмъ въ другихъ.

Въ лучшемъ сочиненіи по этому предмету (Mètayage, p. le Comte Gasparin) описываются разныя жалобы и неудовольствія землевладѣльцевъ; половники, по словамъ автора, очень стѣсняются надзоромъ помѣщиковъ и часто нарушаютъ условія въ разныхъ мелочныхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, напр. содержатъ излишній рабочій скотъ и, вмѣсто того, чтобы употреблять его на полевыя работы, занимаются извозничествомъ или другими конными заработками, которые не идутъ въ дѣлежъ съ хозяиномъ и оставляютъ имъ всѣ барыши, такъ что скотъ, прокормленный на общій счетъ испольнаго хозяйства, работаетъ въ пользу одной стороны—половника. Закоснѣлость этого разряда земледѣльцевъ вошла въ пословицу и всякія улучшенія культуры, требующія затратъ, пріостанавливаются по простому разсчету, что проценты съ затраченнаго капитала будутъ дѣлиться пополамъ и потому могутъ быть выгодны только въ томъ случаѣ, если превышаютъ обыкновенные банковые % болѣе чѣмъ вдвое. Однимъ словомъ, половничество можетъ служить указаніемъ, что большая часть крестьянъ не имѣетъ ни собственныхъ имуществъ, достаточныхъ для пропитанія, ни денежныхъ средствъ, нужныхъ для арендованія чужихъ земель, и, во всякомъ случаѣ, доказываетъ относительную бѣдность страны и народа.

ГЛАВА III.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ АНГЛІИ.

Англія въ аграрномъ отношеніи противополагается Франціи. — Первобытный строй англійскаго общества. — Помѣстное сословіе въ XI столѣтіи; Domesdaybook; упраздненіе крѣпостного состоянія. — Переходъ крестьянъ въ состоянія фермеровъ и чернорабочихъ. — Поглощеніе мелкихъ помѣстій крупными вотчинами; обезземеленіе крестьянъ. — Разверстаніе общихъ угодій, inclosure. — Заповѣдное владѣніе и единонаслѣдіе утвердилось въ Англіи не по закону, а по обычаю. — Настоящее положеніе землевладѣнія; собственники и фермеры. — Главныя условія фермерства въ Англіи, большая часть фермеровъ держатъ земли безъ всякихъ контрактовъ, tenants-at-will. —Особое положеніе землевладѣнія въ Шотландіи. — Крупныя и мелкія фермы. — Ирландія; аграрное ея положеніе заимствовано изъ Англіи. Захватъ крестьянскихъ земель англійскими лордами, рядчики, middlemen. — Положеніе Ирландіи въ первой четверти настоящаго столѣтія; реформы и измѣненія во второй четверти; Олстерскій обычай. — Голодъ 1847 года, опустѣніе страны, улучшеніе быта ирландцевъ въ 60-хъ годахъ. — Поземельное положеніе 1872 года, Irish-land-bill. — Значеніе этой реформы и важность ея для аграрнаго положенія всѣхъ европейскихъ странъ. — Главныя черты англійскаго землевладѣнія. — Мнѣнія новѣйшихъ англійскихъ экономистовъ о соціальномъ положеніи Англіи. — Общія заключенія о землевладѣніи въ Англіи. — Сельскій пролетаріатъ.

Англія въ соціальномъ и аграрномъ отношеніи представляется обыкновенно прямою противоположностію Франціи, и спорные вопросы о преимуществѣ крупныхъ или мелкихъ землевладѣнія и культуры, аристократическаго или демократическаго строя обществъ, разрѣшаются бо́льшею частію сравненіемъ англійскаго земледѣлія съ французскимъ и сличеніемъ народнаго богатства этихъ двухъ странъ. Но разрѣшенія этой задачи все-таки по сіе время не послѣдовало и словопренія продолжаются, вращаясь въ безвыходномъ кругѣ, такъ такъ обѣ эти страны обнаруживаютъ, при совершенно различныхъ условіяхъ, одинаковую силу производительности, одинаковое преуспѣяніе народнаго хозяйства.

При внимательномъ изслѣдованіи этихъ условій, мы увидимъ, что онѣ не такъ различны, какъ съ перваго взгляда кажется, но все-таки Англія являетъ намъ образъ землевладѣнія, совершенно отличный отъ континентальнаго, въ томъ отношеніи: a) что сословіе земледѣльцевъ-собственниковъ, крестьянъ-домохозяевъ въ этой странѣ уже вовсе исчезло, поглощенное крупными собственниками, помѣстнымъ классомъ, и b) что вся территорія Англіи, около 37 м. акровъ, или 14 м. десятинъ, принадлежитъ не болѣе какъ 30,000 землевладѣльцамъ [1]). Такимъ образомъ, можно сказать, что процессъ обезземеленія рабочихъ классовъ, производившійся во всей Европѣ въ прошлыхъ столѣтіяхъ, отчасти и понынѣ продолжающійся, въ Англіи приведенъ уже къ концу, рѣшенъ окончательно въ пользу высшаго разряда собственниковъ, и при этомъ надо замѣтить, что нигдѣ онъ не былъ веденъ съ такой ловкостью, съ такимъ политическимъ смысломъ, какъ въ этой классической странѣ личной свободы и гражданской равноправности. Помѣстное сословіе въ Англіи не прибѣгало къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ французское и германское, не отстаивало до послѣдней возможности пустыя формы, привилегіи, изъятія; напротивъ, оно щедро подѣлилось со всѣми классами народа всѣми гражданскими вольностями и правами, добровольно отреклось отъ крѣпостного права, приняло на себя службу и повинности, и дорожило, какъ видно, только однимъ правомъ, но самымъ существеннымъ и основнымъ—правомъ землевладѣнія. Эта искусная политика принесла свои плоды, сладкіе и сочные для высшихъ классовъ, горькіе для низшихъ, и для насъ, постороннихъ зрителей изумительныхъ успѣховъ англійскаго земледѣлія и страшнаго развитія англійскаго пролетаріата, можно извлечь изъ аграрнаго положенія этой страны поучительный урокъ, какъ могутъ совпадать личная свобода съ хозяйственнымъ угнетеніемъ и гражданская полноправность съ неимуществомъ и нищетой, и какъ въ окончательномъ итогѣ могутъ еще считать себя счастливыми тѣ народы, которые долгой неволей и прикрѣпленіемъ своимъ къ землѣ, ими воздѣлываемой, закрѣпили за собой, по давности владѣнія, право поземельной собственности.

Въ Англіи крѣпостное состояніе исчезло незамѣтно

и въ незапамятныя времена, и притомъ не вслѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій и узаконеній, а по частнымъ сдѣлкамъ, добровольнымъ условіямъ помѣщиковъ съ крестьянами. Впрочемъ, первоначальный строй британскаго населенія, при вторженіи норманновъ, былъ такой же, какъ и въ другихъ странахъ Европы: коренные жители раздѣлялись на два класса, одинъ—вольныхъ людей, владѣвшихъ землей, другой—невольниковъ, работавшихъ на хозяевъ. Надъ ними, какъ и въ прочихъ земляхъ подвергнувшихся нашествію варваровъ, царили завоеватели, рыцари и дружинники, и образовали такимъ образомъ трехсословное общество: вотчинниковъ, крестьянъ-собственниковъ и невольныхъ чернорабочихъ. Первые назывались Thanes и были родоначальники позднѣйшихъ Landlords; вторые—sochemani, villani образовали впослѣдствіи классъ мелкихъ владѣльцевъ и обязанныхъ поселянъ (freeholders, copyholders, farmers); третьи — servi, рабы, употреблялись для земледѣльческихъ работъ, иногда и водворялись на помѣщичьихъ земляхъ, подъ названіями bordari cottari, и составляли низшій классъ, невольный и неимущій.

Послѣ вторженія норманскихъ дружинъ, послѣдовалъ и въ Англіи обыкновенный дѣлежъ добычи, т.-е. завоеванной земли, между дружинниками; повидимому, эти захваты и раздѣлы произведены были съ бо́льшимъ порядкомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ и подъ строгимъ надзоромъ высшей власти королевской; уже въ 1086 году изданъ былъ документъ, древнѣйшій изъ всѣхъ актовъ землевладѣнія—Domesdaybook, заключавшій въ себѣ и перепись народа, и кадастръ, опись земель; актъ замѣчательный, представляющій полную картину первобытнаго размѣщенія и поселенія жителей. По Domesdaybook, въ XI-мъ столѣтіи, непосредственно послѣ занятія страны норманнами, положеніе разныхъ классовъ жителей было слѣдующее:

Вотчинъ, феодовъ, розданныхъ непосредственно королемъ, считалось 60,215, изъ коихъ 28,115 приписаны были церквамъ и духовенству и остальныя 32,100 пожалованы рыцарямъ (thanes, milites); всѣ они держали земли отъ короля на феодальномъ правѣ, условно, обязываясь за право владѣнія исправлять службу и нести воинскую повинность.

Нѣкоторымъ изъ туземцевъ, англо-саксамъ и бриттамъ,

оставлены были тоже земли или часть земель, тоже на условныхъ правахъ, но съ тою разницей, что они уже подчинялись не непосредственно королевской власти, по вотчинникамъ, къ округу коихъ ихъ владѣнія были приписаны; число ихъ было не велико: вольныхъ людей (sochemans) считалось между ними только 23,000 и обязанныхъ поселянъ (villani) 102,702.

Наконецъ третье сословіе, тоже пользовавшееся осѣдлостью и водворенное на земляхъ, но на чужихъ, помѣщичьихъ, состояло изъ разночинцевъ съ разными наименованіями, bordarii — тяглые крестьяне, cottarii — полутяглые, бобыли, и servi — невольники, надѣленные полевыми угодьями для ихъ обработки за счетъ помѣщика. Всѣхъ ихъ было около 107,000.

Отношенія между этими разными классами землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ тоже установились въ эти древнѣйшія времена англійской исторіи, и главное ихъ основаніе, придавшее особый характеръ всей дальнѣйшей аграрной организаціи, было то, что вся территорія, вся почва Англіи признавалась собственностію казны, государства и его главы — короля, и передавалась въ распоряженіе и владѣніе частныхъ лицъ только подъ условіемъ исправлять повинности и службу. Мелкіе владѣльцы въ свою очередь подчинялись крупнымъ; землевладѣніе, начиная съ вотчиннаго и помѣстнаго и кончая крестьянскимъ, бобыльскимъ, было условное и обязанное, одно непосредственно подчиненное верховной власти, съ условіемъ нести тягости податныя и личныя, налагаемыя государствомъ, другое — зависимое отъ владѣльцевъ земель, на коихъ люди поселены, съ условіемъ платить имъ оброчную плату.

Это устройство, впрочемъ, не составляетъ исключительной черты англійскаго общества и вездѣ, гдѣ организовалось помѣстное или вотчинное право, земли раздавались подъ таковыми же условіями поставки ратниковъ, служилыхъ людей, или уплаты субсидій, податей. Но главное, коренное различіе англійскаго строя отъ всѣхъ прочихъ состоитъ въ томъ, что въ одной Англіи изъ всѣхъ странъ Европы эта первобытная сдѣлка верховной власти съ помѣстнымъ сословіемъ была соблюдена ненарушимо обѣими сторонами; государственная служба и податныя тягости были дѣйствительно

приняты на счетъ высшихъ сословій, и соціальный контрактъ, заключенный въ X или XI вѣкѣ оставленъ въ своей силѣ до нашихъ временъ. Во всѣхъ другихъ государствахъ онъ былъ нарушенъ, помѣстное сословіе было изъято отъ налоговъ; впослѣдствіи даже освобождено отъ обязательной службы (по вольности дворянства) и сохранило свое право на владѣніе, обойдя ту главную кондицію, которою это право было первоначально обусловлено и на коей оно основано.

Это соображеніе очень важно и служитъ ключомъ къ уразумѣнію аграрнаго положенія Англіи; изъ него вытекаютъ два послѣдствія: a) что, исполняя свои обязанности какъ служители короны, англійскіе вотчинники неограниченно воспользовались своимъ правомъ землевладѣнія и на томъ же основаніи, на коемъ платили подати и несли службу за весь народъ, считали себя и въ правѣ владѣть всѣми имуществами, и b) что, сознавая свое помѣстное право хотя и непарушимымъ, но условнымъ владѣніемъ, видя, что прочіе классы держатъ отъ нихъ земли на такихъ же обязательныхъ условіяхъ, какъ сами они отъ короля, англійскіе лорды никогда не усвоили себѣ притязаній другихъ вотчинниковъ другихъ странъ на патримоніальные судъ и расправу, и остались со всѣми прочими обывателями своей земли въ отношеніяхъ равноправныхъ, подсудныхъ общимъ властямъ, безъ всякихъ льготъ и податныхъ или судебныхъ изъятій.

Такимъ образомъ, англійское землевладѣніе должно быть разсмотрѣно и обсуждено съ двухъ сторонъ: одна—внушающая полное уваженіе, это—либеральная политика высшихъ классовъ въ отношеніи гражданской равноправности всего англійскаго народа, другая—мрачная и печальная, это постепенное присвоеніе себѣ тѣми же высшими сословіями всѣхъ имущественныхъ правъ, всего народнаго богатства, всей территоріи государства и послѣдовательное обращеніе прежнихъ землевладѣльцевъ изъ вольныхъ и полныхъ собственниковъ, freeholders, въ обязанныхъ поселянъ, copyholders, изъ обязанныхъ поселянъ въ арендаторовъ, farmers, изъ фермеровъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ, labourers, и наконецъ изъ хлѣбопашцевъ въ поденщиковъ, чернорабочихъ и пролетаріевъ.

Эти постепенные переходы, окончившіеся въ началѣ

настоящаго столѣтія совершеннымъ обезземеленьемъ всѣхъ крестьянъ, мы постараемся здѣсь прослѣдить.

Исходное наше положеніе будетъ то состояніе землевладѣнія, которое описано въ кадастровой описи имѣній 1086 г. Помѣстья, розданныя королевскимъ вассаламъ, приняли названіе manors, зáмковъ, и состояли бóльшею частію изъ господскихъ усадьбъ, окруженныхъ обширными пространствами пустошей (wastes).

Помѣщики назывались Lords of the manor и земли, бóльшею частію пустыя—the wastes of the Lords. Но право владѣнія этихъ лордовъ не имѣло характера сословнаго или привилегированнаго, какъ на континентѣ; простой крестьянинъ могъ свободно пріобрѣтать и владѣть помѣстьями и зáмками, и, покупая имѣніе извѣстнаго размѣра, приписывался ipso facto къ помѣстному сословію; вмѣстѣ съ тѣмъ и сами имѣнія не пользовались никакими исключительными правами, различія аллодіальнаго и феодальнаго владѣнія въ Англіи не существовало; всѣ земли помѣщичьи и крестьянскія считались феодомъ короля; всѣ владѣльцы были подсудны общимъ узаконеніямъ и судамъ; всѣ сельскіе обыватели признавались содержателями земель (tenentes) и держали эти земли или непосредственно отъ короля, отъ главы государства (tenentes in capite), или посредственно отъ вассаловъ, получившихъ ихъ отъ той же верховной власти (subtenentes).

Это было такимъ образомъ помѣстное владѣніе въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, но не полное аллодіальное, какъ разумѣли это въ другихъ странахъ, и не феодальное, если съ понятіемъ feodum соединяется и представленіе о вотчинныхъ правахъ и патримоніальной юрисдикціи. Ни тѣми, ни другими англійскіе Thanes и Lords никогда не пользовались, и все ихъ политическое и соціальное преобладаніе, перевѣсъ, который они получили и сохранили надъ прочими классами жителей, основано не на привилегированномъ владѣніи, не на благородномъ рожденіи или знатности, а единственно на матеріальной ихъ силѣ, обширности владѣній и относительномъ богатствѣ въ сравненіи съ прочими сословіями.

Это пропорціональное богатство должно было быть дѣй-

ствительно громадное съ самаго перваго времени исторической жизни Англіи, если принять въ соображеніе, что вся забранная страна была пожалована 60,000 владѣльцамъ и что многіе изъ нихъ, по указаніямъ Domesdaybook, владѣли уже въ то время нѣсколькими сотнями отдѣльныхъ фермъ и запашекъ (Гр. Морстонъ 793, Графъ Алленъ 442, епископъ Оги 432). Число прочихъ мелкихъ владѣльцевъ было сравнительно небольшое, около 125 тысячъ sochemani и villani и 107 тысячъ хлѣбопашцевъ вольныхъ и крѣпостныхъ, такъ что среднимъ числомъ на 1 крупнаго землевладѣльца приходилось около 2 мелкихъ и не болѣе $1^2/_3$ земледѣльца.

Это соотношеніе имѣло сильное вліяніе на первобытное устройство помѣстій; при такомъ изобиліи земель и рѣдкости населенія, собственники должны были, volens-nolens, дорожить рабочей силой и для распашки своихъ пустыхъ земель привлекать земледѣльцевъ; они могли, правда, избрать и другое средство, къ коему прибѣгло германское и французское дворянство, — къ закрѣпленію рабочихъ на своихъ земляхъ, но въ томъ-то именно и состоитъ коренное различіе англійскаго помѣстнаго сословія отъ всѣхъ прочихъ, что оно, съ дальновидной предусмотрительностью, почувствовало, что закрѣпленіе крестьянъ можетъ привести ихъ со временемъ, по давности владѣнія, и къ праву собственности, что лучше уступить поселянамъ личную свободу, чѣмъ часть своихъ имуществъ, что и можно устроить такъ, чтобы и безъ насилія, безъ экспропріаціи, при полной вольности лицъ и имуществъ, крупные собственники постепенно округляли свои владѣнія, скупали мелкіе участки, выселяли ихъ прежнихъ владѣльцевъ и, наконецъ, остались полными владыками всей страны.

Надо замѣтить, что, относительно освобожденія крестьянъ, первый примѣръ былъ поданъ духовенствомъ, и уже въ XI—XII вѣкѣ встрѣчается много вольноотпускныхъ актовъ по церковнымъ вотчинамъ; примѣру этому послѣдовали и свѣтскіе вотчинники; крестьянскія возстанія подъ предводительствомъ Wat-Tyler-a (1345 г.) были послѣднимъ протестомъ остальныхъ крѣпостныхъ и повліяли на скорѣйшую и окончательную отмѣну крѣпостной зависимости. Во всякомъ случаѣ она далѣе уже производилась добровольно, съ обоюднаго согласія лор-

довъ и крестьянъ (ceorls). Правительство въ эти сдѣлки не вмѣшивалось, никакихъ принудительныхъ узаконеній не издавало, и поэтому весь процессъ вольноотпущенія, который въ другихъ странахъ имѣетъ характеръ соціальной революціи, въ Англіи прошелъ незамѣтно, не оставивъ въ исторіи даже и слѣдовъ. Послѣдніе крѣпостные были однако отпущены только при Елизаветѣ (+1603), но число ихъ было такъ незначительно, что эти вольноотпускные акты едва и упоминаются англійскими историками. При этомъ надо замѣтить, что личная свобода всѣхъ жителей королевства была въ принципѣ провозглашена уже въ первомъ актѣ государственнаго устроенія, Magna Charta (1215), и что съ того же времени признана равноправность всѣхъ сословій передъ судомъ и закономъ; личныя отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами были такимъ образомъ регулированы при первой организація правленія и всѣ дальнѣйшія заботы и стремленія правителей были исключительно посвящены таковому же регулированію, упроченію имущественныхъ правъ и сельско-хозяйственнаго быта.

Эти дѣйствія, это закрѣпленіе права собственности за высшими, правительственными классами, и составляютъ въ сущности всю исторію соціальнаго быта Англіи.

Они начались съ того, что прежніе землевладѣльцы англосаксонскаго племени, или по крайней мѣрѣ тѣ немногіе изъ нихъ, которые сохранили вольныя имущества, потребовали и получили по примѣру лордовъ утвержденіе своихъ имущественныхъ правъ; подобно знатнымъ вассаламъ норманскаго происхожденія, подчинены были непосредственно королевской власти и общимъ судамъ и уволены отъ всякихъ частныхъ повинностей въ пользу другихъ вотчинниковъ. Эти первобытные, бо́льшею частью мелкіе владѣльцы, по Domesdaybook, назывались sochemani, и ихъ оставалось въ то время не болѣе 23,000, владѣнія ихъ были признаны вольными (free tenure), права ихъ включены были въ число общественныхъ правъ (common soccage), сами они получили названіе freeholders, вольныхъ владѣльцевъ, и этотъ-то разрядъ собственниковъ составилъ впослѣдствіи подъ именемъ gentry (мелкопомѣстнаго дворянства) второй слой англійскаго землевладѣнія, вторую степень помѣстнаго сословія, имѣвшую своимъ орга-

номъ палату общинъ, точно такъ какъ высшій разрядъ, ландлорды, имѣли свое представительство въ палатѣ англійскихъ пэровъ.

Но затѣмъ оставалось еще довольно большое число разночинцевъ и крестьянъ, вольныхъ и невольныхъ, которые не успѣли оградить свои земли отъ захвата норманскихъ дружинниковъ, и хотя они не были лишены своихъ земель, но, по раздѣлу вотчинъ между духовенствомъ и дворянствомъ, оказались приписанными къ этимъ вотчинамъ и подвѣдомственными новымъ владѣльцамъ.—На нихъ, на опредѣленіе ихъ отношеній къ лордамъ, было обращено все вниманіе, и второе дѣйствіе соціальнаго устроенія Англіи, дѣйствіе, продолжавшееся до XVIII столѣтія, состояло въ томъ, чтобы постепенно переводить этихъ обывателей помѣщичьихъ земель изъ безсрочныхъ и обязанныхъ поселянъ въ вольныхъ, но срочные арендаторы, изъ безправнаго состоянія въ законное, но условное пользованіе, изъ прежнихъ классовъ оброчниковъ и барщинниковъ въ фермеровъ, простыхъ съемщиковъ помѣщичьихъ имѣній.

Для этого прежде всего приступлено было къ точному обозначенію частныхъ повинностей; по всѣмъ оброчнымъ статьямъ составлены инвентари (rolls), содержателямъ этихъ оброчныхъ земель выданы копіи инвентарей (copies), и всѣ поселяне различныхъ наименованій, полные хозяева и однодворцы, бобыли, крѣпостные и обязанные (cottarii, bordarii, rillanis, servi), были слиты въ одно сословіе, получившее названіе copyholders, то-есть инвентарныхъ обывателей, содержащихъ господскія земли по контрактамъ, копіи съ коихъ имъ выдаются на руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти контракты получили законную силу; поселяне не могли быть выселены, покуда отбывали исправно свои повинности, черные люди, rillani, подведены были подъ общую охрану обычнаго права (custom, common law), ихъ службы и платежи были опредѣлены (determinata), и прежнія произвольныя распоряженія помѣщиковъ окончательно отмѣнены. Все это происходило еще въ средніе вѣка, и если вспомнить, что въ это время кулачное и боевое право сильныхъ царствовало неограниченно во всей Европѣ,

то нельзя не подивиться политическому смыслу англійской gentry, nobility, отказавшейся добровольно отъ власти, когда эта власть была въ полномъ ихъ распоряженіи.

Въ то-же время, въ XIV столѣтіи, послѣдовали и первыя распоряженія о рабочихъ классахъ, о тѣхъ сельскихъ жителяхъ, которые остались вовсе безъ земли, и такъ какъ осѣдлыхъ поселенныхъ земледѣльцевъ было немного, около 100 тысячъ на 60,000 помѣстій, то лордамъ надо было заблаговременно озаботиться о привлеченіи и удержаніи наемныхъ рабочихъ на своихъ помѣстьяхъ; для этого въ 1350 г. былъ изданъ сельскій уставъ (Statute of labourers), который тѣмъ замѣчателенъ, что былъ первымъ въ Европѣ и во всемъ свѣтѣ законоположеніемъ, имѣвшимъ въ виду регламентацію наемнаго труда; несмотря на свою несостоятельность, вскорѣ обнаружившуюся въ Англіи и заставившую отмѣнить этотъ статутъ, онъ все-таки послужилъ образцомъ для помѣстныхъ сословій другихъ странъ. Число безземельныхъ рабочихъ хлѣбопашцевъ (labourers) было уже и въ то время значительно; если вѣрно предположеніе англійскаго писателя Mac-Culloch-a, что въ 1066 г. всѣхъ жителей Англіи съ княжествомъ Валлійскимъ было около 2 м., а въ XIV столѣтіи 2.350,000, то, вычитая изъ нихъ около 250 т. семействъ, или приблизительно 1 м. душъ об. п., внесенныхъ въ кадастръ какъ землевладѣльцевъ и поселянъ, остается 1 м. или 1.350,000 неимущихъ жителей; но все-таки это составляло очень недостаточную, а потому и дорогую рабочую силу для страны въ 14 милл. десятинъ. Жалобы помѣщиковъ на дороговизну рабочихъ, на ихъ распутство и недобросовѣстность были уже и въ то время въ Англіи (какъ и въ наше время въ Россіи), постояннымъ предметомъ заявленій и ходатайствъ землевладѣльцевъ: въ 1259 г., по ихъ настоянію, установлена была нормальная плата для хлѣбопашцевъ (labourers wages) и предписано, что рабочій, отказываясь отъ своей должности, обязанъ представить за себя другого подставного батрака. При Эдуардѣ III эти правила были введены въ одинъ общій уставъ, по которому рабочимъ запрещено отходить отъ хозяевъ до 60-лѣтняго возраста; они могли требовать только такой платы, которая не превышаетъ обыкновенной справочной цѣны наемщика, но вмѣстѣ съ тѣмъ права ихъ подведены подъ общій

законъ и разбирательство дѣлъ о наймѣ и рабочей платѣ предоставлено, по тому же статуту, общимъ судебнымъ мѣстамъ.

Законоположеніе это однако не имѣло въ сущности никакого дѣйствія на регулированіе цѣнъ, и уже въ слѣдующемъ 1351 г. подана была жалоба въ парламентъ, что рабочіе требуютъ двойной и тройной платы и что хозяева, по недостатку рабочихъ, вынуждены платить эту цѣну. Споры эти между землевладѣльцами и земледѣльцами продолжались еще нѣсколько лѣтъ; въ 1376 г. многіе помѣщики составили общее прошеніе королю Эдуарду III, въ коемъ опять жаловались, что сельскій уставъ не соблюдается, что судьи потворствуютъ крестьянамъ, и просили короля приказать, чтобы статутъ 1350 г. прочитывался въ церквахъ и подтверждался королевскими приказами четыре раза въ годъ. Возмущеніе крестьянъ подъ предводительствомъ John Boll-а было отвѣтомъ на эти происки помѣстнаго сословія и, по усмиреніи возстаній и смерти Эдуарда III, эта система сама собой потеряла свою силу. Изъ статута о хлѣбопашцахъ осталось только одно послѣдствіе, что наемная плата (wages) получила признаніе закона и вошла въ кругъ дѣйствій и разбирательства мировыхъ судей, что, такимъ образомъ, отношенія рабочихъ къ хозяевамъ, крестьянъ къ землевладѣльцамъ, были изъяты изъ патримоніальнаго самосуда вотчинниковъ, лордовъ, и что помѣщичья власть черезъ это лишилась главнаго оружія, посредствомъ коего она въ другихъ странахъ поддерживала свое владычество надъ поселянами.

Итакъ, этотъ первый періодъ аграрно-соціальнаго устроенія Англіи, оканчивающійся въ XV столѣтіи, привелъ уже сельско-хозяйственный строй англійскаго народа къ двумъ результатамъ, очень важнымъ.

Во-первыхъ, обязанные поселяне и крѣпостные люди, водворенные на помѣщичьихъ земляхъ, получили уже, кромѣ личной вольности, и акты своего, хотя и условнаго, но законнаго владѣнія и въ званіи copyholders пользовались полными гражданскими правами, общей подсудностью, охраной закона.

Во-вторыхъ, сельскіе рабочіе тоже произведены были въ полноправныхъ гражданъ; они не остались, какъ въ другихъ странахъ, внѣ закона и суда, не были преданы

верховной властью второстепеннымъ властямъ, вотчинной полиціи, или помѣщичьей расправѣ, но были ограждены общимъ закономъ отъ частнаго самовластія.

Вскорѣ, въ XV столѣтіи, принята была также очень важная мѣра относительно упраздненія крестьянскихъ дворовъ и постановлено особымъ статутомъ (1448 г.), что вотчинникамъ запрещается срывать дворы (pull down) и уничтожать усадьбы, имѣющія пространства болѣе 20 акровъ (7,4 дес.); также запрещено въ извѣстныхъ случаяхъ отмежевывать и загораживать господскія фермы изъ общинныхъ, крестьянскихъ угодій (inclosures). Мы увидимъ ниже, какую важную роль играла эта мѣра (die Legung der Bauernhöfe), упраздненіе крестьянскихъ подворныхъ участковъ, въ исторіи аграрнаго положенія Германіи, гдѣ она была допущена безпрепятственно до новѣйшихъ временъ, хотя и никогда не была формально узаконена. Въ Англіи предусмотрительные лорды, заблаговременно заботясь о своихъ интересахъ, отрекаясь отъ личныхъ правъ на своихъ рабочихъ, съ тѣмъ бо́льшею послѣдовательностію ограждали свои имущественныя права и самимъ запрещеніемъ забирать крупные участки подтвердили дозволеніе отбирать мелкія усадьбы.

Такимъ образомъ уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ XV и XVI столѣтіи, главные аграрно-соціальные вопросы были окончательно порѣшены въ Англіи. Ландлорды, державшіе свои вотчины отъ короля, закрѣпили за собой право землевладѣнія и свободнаго распоряженія имуществами ограниченіемъ королевской власти, распространивъ это огражденіе и на всѣ прочія имущества прочихъ сословій, по предварительно отобравъ въ свою пользу почти всю территорію государства.

Рядомъ съ ними и, пользуясь косвенно тѣми же преимуществами, немногіе мелкіе землевладѣльцы, уцѣлѣвшіе въ этой всенародной экспропріаціи, потомки туземныхъ крестьянъ англо-саксонской расы, сохранили свои вольныя земли и подъ именемъ freeholders, впослѣдствіи gentry, составили главнѣйшую основу англійскаго земства, общиннаго самоуправленія и народнаго представительства.

Всѣ прочіе обыватели англійской земли, за исключеніемъ этихъ 30,000 родоначальниковъ высшихъ классовъ и 125,000

среднихъ, были лишены собственности и, въ исходѣ средневѣковаго періода, мы ихъ застаемъ въ слѣдующемъ двоякомъ положеніи:

Поселяне, водворенные на вотчинныхъ земляхъ, признаются обязанными, инвентарными, условными съемщиками или содержателями — copyholders. Люди безземельные, хлѣбопашцы, тоже въ видѣ особаго состоянія, labourers, вписываются въ законъ и вмѣстѣ, получая полное право гражданства, равное съ лордами и gentry по общей подсудности и по личной свободѣ, остаются только безъ земли и на основаніи своего неимущества увольняются отъ прямыхъ налоговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаются голоса и въ народныхъ собраніяхъ, утверждающихъ государственную роспись и взиманіе податей.

Второй періодъ аграрной организаціи Англіи мы считаемъ съ XV вѣка до конца XVIII, или даже до 1815 г.

Онъ имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ предъидущій, и отличается послѣдовательною политикой высшихъ имущественныхъ классовъ къ упроченію и удержанію за собой права землевладѣнія, причемъ уже королевская власть уступаетъ парламенту и крупная собственность постепенно поглощаетъ мелкую.

Значеніе этого переворота открывается изъ слѣдующихъ данныхъ: въ XI столѣтіи, какъ мы видѣли, осѣдлыхъ сельскихъ обывателей считалось около 250 или 300 тысячъ домохозяевъ, что́ равняется 1 милліону душъ об. п. и половинѣ тогдашняго населенія Англіи и кн. Валлисъ; изъ нихъ, правда, полныхъ собственниковъ было не болѣе 60,000 дворянъ и духовныхъ лицъ, но всѣ остальные, около 200 или 230 т. семействъ, держали тоже земли на разныхъ условіяхъ и пользовались ими на законныхъ правахъ. Въ 1660 г., по свидѣтельству Macaulay, еще оставалось такихъ мелкихъ владѣльцевъ (freeholders, copyholders, yeomanry) не менѣе 160 т. домохозяевъ. Но съ XVII столѣтія число ихъ быстро уменьшается; въ 1816 г. ихъ насчитываютъ только 16,000 и въ 1831 г. 7,200. — Въ то же время, въ XIX столѣтіи, всѣхъ землевладѣльцевъ, кромѣ духовенства, въ Англіи считалось 30,766,

т.-е. почти то же самое число, какое показано было въ 1086 г.—32,100 свѣтскихъ Thanes.

Такимъ образомъ оказывается, что изъ всего сословія землевладѣльцевъ уцѣлѣлъ только высшій классъ, что всѣ прочіе поголовно обращены были въ состояніе арендаторовъ, съемщиковъ помѣщичьихъ земель или въ рабочихъ, батраковъ и поденщиковъ.

Этотъ переворотъ занимаетъ всю эпоху съ XV до XVIII столѣтія, но прослѣдить его довольно трудно, потому что онъ совершился безъ всякаго наружнаго насилія, мягко и постепенно и, можно сказать, по добровольному, хотя и безсознательному соглашенію крестьянъ съ помѣстнымъ сословіемъ; по крайней мѣрѣ, съ самыхъ давнихъ временъ, съ XIV и XV столѣтія, когда усмирены были крестьянскія возстанія, мы уже не находимъ въ исторіи Англіи никакихъ слѣдовъ ни самовластныхъ захватовъ со стороны ландлордовъ, ни протестовъ со стороны прочихъ сельскихъ обывателей. Весь этотъ процессъ обезземеленья совершился законно, подъ охраной суда, но, правда, по законамъ, установленнымъ крупными собственниками, и по суду, составленному изъ лицъ имущественныхъ классовъ.

Первый предметъ, на который обращено было вниманіе ландлордовъ, было регулированіе отношеній ихъ, какъ собственниковъ, къ поселянамъ, водвореннымъ на ихъ земляхъ, къ обязаннымъ крестьянамъ, число коихъ простиралось первоначально до 200,000 и въ настоящее время, слѣдуя общей пропорціи приращенія, достигло бы, еслибъ оно удержалось, до 2—3 милліоновъ жителей.

Очевидно, что еслибъ это сословіе осталось на своихъ мѣстахъ, хотя бы и въ крѣпостныхъ или обязанныхъ отношеніяхъ къ собственникамъ, какъ это было во всей Европѣ, то право давности, долговѣчная осѣдлость и многолѣтнее пользованіе составили бы и для нихъ нѣкоторое основаніе къ пріобрѣтенію этихъ земель, или, по крайней мѣрѣ, къ удержанію на нихъ нѣкоторыхъ условныхъ правъ. Эту опасность англійская аристократія почувствовала издали, и въ то время, какъ прочіе имущественные классы въ другихъ земляхъ, озабоченные исключительно привлеченіемъ рабочей силы, старались укрѣпить людей къ своимъ помѣстьямъ, лишая ихъ права

вольнаго перехода и всѣхъ прочихъ вольностей,—они, ландлорды, наоборотъ, великодушно и еще болѣе разсчетливо отреклись отъ крѣпостныхъ и патримоніальныхъ расправъ, чтобы удержать за собой свободное распоряженіе землей.

Мы выше сказали, что въ концѣ средневѣкового періода оставалось въ Англіи многочисленное сословіе поселянъ (въ 1660 г. около 160,000 семействъ), называемыхъ copyholders, права коихъ на пользованіе угодьями признавались форменными контрактами, инвентарями (court-rolls) и обычнымъ правомъ (common law), и положеніе коихъ стремилось къ тому, чтобы превратиться въ безсрочное пользованіе и право владѣнія. Такъ какъ законъ и обычай запрещалъ возвышеніе повинностей, установленныхъ въ инвентарѣ, то эксплуатація становилась съ каждымъ годомъ болѣе выгодной для крестьянъ, убыточнѣе для помѣщика и могла со временемъ превратиться въ безплатное пользованіе за номинальную и ничтожную цѣну. Тогда-то, чуя опасность, англійскіе землевладѣльцы и приступили всѣми силами къ измѣненію этого положенія, и сущность преобразованія состояла въ томъ, что большая часть прежнихъ форменныхъ контрактовъ (court-rolls) были превращены въ частныя условія (lease), поселяне переименованы изъ copyholders въ leaseholders и право законнаго владѣнія (tenure) замѣнено правомъ пользованія по волѣ лорда (the will of the Lord).

Это было роковое событіе въ исторіи соціальнаго развитія Англіи, повліявшее на судьбу всего народа и отличающее общественное устроеніе Англіи отъ всѣхъ прочихъ; впрочемъ, событія, переворота, мѣропріятія, въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, при этомъ не было никакого: поселяне не были изгнаны изъ своихъ дворовъ, земельныя угодья у нихъ не были отобраны, инвентари не были нарушены; а коренной законъ, что существующія повинности, денежный и рабочій окладъ не могутъ быть возвышены по произволу лордовъ,—законъ этотъ былъ оставленъ въ полной силѣ и даже никогда не подвергался оспариванію. Въ существующихъ отношеніяхъ измѣнено было, или, вѣрнѣе сказать, пояснено только ихъ юридическое значеніе, и воля лорда (the will of the Lord) была положена вмѣсто обычая (custom) въ основаніе этихъ отношеній; изъ всего видно, что этой волей землевладѣльцы, по

крайней мѣрѣ въ первое время, воспользовались очень умѣренно; въ прежнихъ договорахъ не было сдѣлано никакихъ измѣненій и новое правило примѣнялось только къ вновь заключеннымъ сдѣлкамъ, въ коихъ оговаривалось, что они заключаются на извѣстное число лѣтъ (for years), или на срокъ, зависящій отъ произвола владѣльца (at will) и на земли, приписанныя къ вотчинѣ (estate). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же новое правило, или значеніе, распространялось постепенно и на все сословіе поселянъ, водворенныхъ на этихъ estates; понятіе или преданіе о томъ, что земли эти когда-то, до пожалованія вотчинъ, имъ принадлежали, понемногу сглаживалось и замѣнялось другимъ, что всѣ сельскіе обыватели держатъ земли по волѣ владѣльца (the will of the Lord) или даже по его терпимости (tenants at suffrance) и что вотчинникъ, хотя и не имѣетъ права возвышать платежи и повинности, но можетъ во всякое время отказывать поселянину въ дальнѣйшемъ содержаніи сдаточныхъ земель. Такимъ образомъ, прежніе обязанные крестьяне, поселяне, водворенные на помѣщичьихъ земляхъ (copyholders), обращены были въ арендаторовъ, пользующихся срочно или безсрочно, но во всякомъ случаѣ по произволу владѣльца, ихъ угодьями, и они, переименованные въ leaseholders, составили впослѣдствіи главный корень новаго, очень вліятельнаго класса жителей, фермеровъ (farmers), безусловно подчиненныхъ лордамъ-вотчинникамъ и служившихъ главнымъ орудіемъ ихъ политическаго преобладанія.

Этимъ ловкимъ изворотомъ заключается лѣтопись обезземеленья англійскаго народа, и въ XVIII столѣтіи мы уже находимъ аграрный строй Англіи въ полной аристократической его организаціи.

Прежнія пустоши лордовъ (the wastes of the Lords) населены многочисленными фермерами и называются уже не пустошами, а вотчинными землями (estates). Въ 1676 г. они были формально закрѣплены за дворянствомъ актомъ короля Карла II и обращены въ заповѣдныя имѣнія — entails.

Рядомъ съ ними, еще кое-гдѣ случайно сохранились мелкопомѣстныя владѣнія, прежнія вольныя земли (freeholds). За этими двумя классами, изъ коихъ перваго считалось около 30,000 семействъ, а второго около 20,000, закрѣплено было

право собственности надъ всей территоріей Англіи. Крестьянское сословіе уже исчезло безслѣдно; селъ съ домохозяевами, воздѣлывающими собственныя земли, не оставалось. Прежніе крестьяне разсѣялись: одни, болѣе зажиточные, перешли въ среднее состояніе фермеровъ, другіе, бѣднѣйшіе,— въ чернорабочихъ и поденщиковъ; но никто изъ нихъ не владѣлъ болѣе ни клочкомъ земли, ни дворомъ, ни усадьбой и, пользуясь милостями лордовъ, снисхожденіемъ своихъ господъ, проживая почти безсрочно и наслѣдственно на однѣхъ и тѣхъ же фермахъ, или въ услуженіи крупныхъ землевладѣльцевъ, находились въ хозяйственномъ отношеніи въ положеніи совершенно безправномъ, безусловно зависящемъ отъ произвола землевладѣльцевъ, хотя и пользовались во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ полными правами англійскаго гражданства.

Въ этомъ-то положеніи застала англійскую аристократію революція 1789 г. Она отозвалась и въ Англіи народными смутами, заставившими правительство два раза, въ 1793 и 1794 гг., пріостановить дѣйствіе акта Habeas corpus и побудившими лендлордовъ принять окончательныя мѣры къ регулированію своихъ земельныхъ отношеній. Послѣ общей экспропріаціи крестьянъ оставалась однако одна спорная или неопредѣленная статья—это были такъ называемыя open fields, открытыя поля, т.-е. общественныя земли. Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи частныя владѣнія, подворные участки крестьянъ или господскія запашки помѣщиковъ обозначались въ натурѣ не простыми межевыми знаками, ямами, кучами, или столбами, какъ въ Россіи, но болѣе мѣткими признаками, изгородами, канавами, или каменными оградами, и это право запиранья, огораживанья, своихъ угодій (cloture, inclosure) составляло въ нѣкоторомъ смыслѣ вводъ во владѣніе, отличительную черту частной собственности, различіе ея отъ общиннаго владѣнія. Наоборотъ, общинныя земли оставались открытыми, неогороженными и этимъ отличались отъ подворныхъ участковъ. Въ концѣ XVIII стол., въ 1798 г., считалось еще въ Англіи съ кн. Валлійскимъ на 35 м. акровъ всѣхъ удобныхъ земель, 7.800,000 акровъ open fields., т.-е. болѣе

1/5 всей культурной почвы; они были приписаны большею частію къ помѣстьямъ лордовъ, но на какихъ-то двусмысленныхъ и шаткихъ основаніяхъ, взятыхъ изъ статута 1676 г. Карла II.

По силѣ этого законоположенія, изданнаго въ воздаяніе услугъ и вѣрной службы дворянства династіи Стюартовъ, предоставлено было аристократическимъ родамъ, во-первыхъ, право обращать свои помѣстья (estates), дотолѣ считавшіяся феодами короля, въ такъ называемыя entails, т.-е. заповѣдныя имѣнія; во-вторыхъ, къ ихъ же вотчинамъ (manors) были приписаны и общественныя земли; онѣ были признаны собственностію (tenancy) лордовъ, но прочимъ сельскимъ жителямъ предоставлены нѣкоторыя права пользованія, выгонъ скота (pastures) и въѣздъ въ лѣсныя дачи (estouers), такъ что они образовали смѣшанное владѣніе, принадлежавшее совмѣстно и вотчинникамъ, и сельскимъ обществамъ (commons). Это двоякое владѣніе, разумѣется, имѣло самыя печальныя послѣдствія для земледѣльческой культуры, общинныя земли получили по своей безплодности прозваніе пустошей (wastes) и притомъ пустошей лордовъ (the wastes of the Lords), такъ какъ лорды запрещали на нихъ селиться и держали ихъ впустѣ для выгона скота и овецъ.

Первые опыты разверстанія общинныхъ земель (clearing of estates) произведены были еще въ XVII столѣтіи, но дѣло подвигалось туго: для размежеванія требовалось соглашеніе двухъ сторонъ — членовъ обществъ (commons) и лорда-вотчинника, и это обоюдное согласіе достигалось съ большимъ трудомъ, такъ что въ теченіи 132 лѣтъ, съ 1665 по 1797 г., разверстано было не болѣе 1/3 общественныхъ земель. Расходы межеванія были громадны, и англійскіе писатели приводятъ примѣръ, что они достигали 68 руб. за десятину.

Съ начала XIX вѣка размежеваніе пошло быстрѣе, но большею частью кончалось тѣмъ, что лорды скупали эти общія угодья, платя за нихъ высокія цѣны и обращая ихъ въ пастбища и искусственные луга; только въ 1845 году принята была, наконецъ, мѣра къ правильному производству этихъ дѣлъ и, въ виду постепеннаго поглощенія общественныхъ земель крупною собственностью, признано необходимымъ огра-

дить бѣднѣйшихъ обывателей отъ этой распродажи, лишавшей ихъ послѣднихъ средствъ пропитанія [2]).

Inclosure Act 1845 г. былъ, можно сказать, первый случай вмѣшательства англійскаго правительства въ аграрное управленіе страны: по этому акту установлено, что для разверстанія общественныхъ земель требуется, съ одной стороны, постановленіе обывателей, пользовавшихся угодьями, принятое большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, и съ другой—формальное согласіе вотчинника; далѣе, что всѣ домохозяева (householders) имѣютъ право на выдѣлъ участка въ натурѣ, и что бѣднѣйшимъ изъ нихъ надѣляется во всякомъ случаѣ не менѣе $^1/_4$ акра (200 кв. саженей). Участки эти отводятся по жеребью (allotments), подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ и присяжныхъ оцѣнщиковъ (wardens) и подъ высшимъ контролемъ коммиссіи (inclosure commission) изъ 12 членовъ.

Законоположеніе это послужило основаніемъ цѣлой системы, извѣстной подъ именемъ allotment system и сдѣлавшейся въ новѣйшее время предметомъ живыхъ преній въ Англіи; она дѣйствительно выражаетъ въ первый разъ въ англійской политикѣ новый взглядъ на аграрное положеніе страны и признаетъ пользу, необходимость поземельнаго надѣла для рабочихъ классовъ; но въ сущности это была только полумѣра, возбудившая по своему принципу опасенія помѣстнаго сословія и не удовлетворившая сельскихъ рабочихъ: участки (allotments) были такіе мелкіе, отъ $^1/_4$ и до $^1/_2$ акра, что не могли служить никакимъ подспорьемъ хозяйству; они присуждались не въ полную собственность, а только въ пользованіе, правда безсрочное, но за высокую плату, доходящую въ случаѣ, если отведенный участокъ унавоженъ, до 8 L. за акръ въ годъ; притомъ же самый отводъ надѣловъ находится въ зависимости отъ другого акта, отъ полюбовнаго соглашенія землевладѣльца съ сельскимъ обществомъ, и эти полюбовныя сдѣлки должны восходить на утвержденіе парламента, такъ что на каждое разверстаніе требуется особый билль — inclosure bill.

Понятно, что при такой долгой и дорогой процедурѣ, дѣло подвигается медленно и обращается почти исключительно въ пользу тѣхъ сельскихъ обывателей, которые имѣютъ средства для покрытія межевыхъ расходовъ; съ 1845 по 1853 г. раз-

верстано было всего 80,238 акровъ и приступлено къ размежеванію по 298,828 (всего вмѣстѣ въ 8 лѣтъ около 140,000 десятинъ). Позднѣйшихъ свѣдѣній мы не нашли.

Итакъ, общіе выводы, которые мы можемъ сдѣлать изъ общественнаго владѣнія въ Англіи, заключаются въ томъ, что, несмотря на преобладаніе крупной и частной собственности, еще въ концѣ XVIII столѣтія, огромное пространство земель, около 1/5 всей почвы, лежало впустѣ, подъ именемъ пустошей и открытыхъ полей (wastes и open fields), составляя, можно сказать, запасъ народнаго хозяйства для поселенія и надѣла крестьянъ, запасъ такой обильный (въ 1798 г. 7.800,000 акровъ), что еслибъ въ то время распредѣлили его между всѣми сельскими жителями Англіи, то на душу пришлось бы не менѣе 4 акровъ или 1 1/2 десятины. Но случай этотъ былъ пропущенъ: собственники удержали за собой право на общинныя земли, хотя право это было сомнительное и во всякомъ случаѣ условное; разверстаніе допущено было въ такой формѣ, что почти всѣ земли перешли въ исключительное владѣніе крупныхъ владѣльцевъ и въ половинѣ XIX столѣтія оставалось изъ всѣхъ запасныхъ земель такое ничтожное количество, что для надѣла мелкихъ домохозяевъ принята была норма въ 200 кв. саж. на семейство.

Эти акты разверстанія общественныхъ земель были послѣдними дѣйствіями аристократической организаціи въ Англіи; они довершили обезземеленье низшихъ классовъ, и въ настоящее время все землевладѣніе сосредоточилось въ рукахъ 30,000 богатѣйшихъ собственниковъ.

Результатъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ достигнутъ былъ безъ всякаго содѣйствія правительства, безъ всякихъ насильственныхъ мѣропріятій противъ крестьянъ и при полной свободѣ имущественныхъ правъ.

Въ этомъ отношеніи очень часто ошибаются, воображая, что англійское землевладѣніе было связано, закрѣплено маіоратнымъ порядкомъ наслѣдованія, или другими законодательными правилами, стѣсняющими свободное распоряженіе имуществами. Ничего подобнаго въ англійскомъ законодательствѣ не было: право наслѣдованія по старшинству, запрещеніе

семейныхъ раздѣловъ, преемственность и неотчуждаемость владѣнія, всѣ таковыя учрежденія, извѣстныя въ Германіи, Франціи и Италіи подъ именами фидеикомисовъ, маіоратовъ, заповѣдныхъ имѣній, никогда не имѣли въ Англіи обязательной, законной силы. Право завѣщанія и наслѣдованія было всегда и вполнѣ вольное; собственникъ могъ по произволу и дѣлить свои имущества поровну, и выбирать наслѣдниковъ, одного или многихъ, могъ, правда, и заявлять свою посмертную волю объ учрежденіи маіоратнаго владѣнія—но эти его дѣйствія, хотя и формально утвержденныя, не обязывали наслѣдниковъ. При Эдуардѣ III изданъ былъ статутъ, дозволявшій лордамъ учреждать заповѣдныя имѣнія (entails), съ правомъ наслѣдства по первородству, но судебная практика установила, что подобныя учрежденія имѣютъ обязательную силу только для непосредственнаго наслѣдника и только до срока его совершеннолѣтія: впослѣдствіи статутъ этотъ былъ даже формально отмѣненъ актомъ парламента 1831 года; однимъ словомъ, все наслѣдственное право въ Англіи было основано на простомъ и широкомъ принципѣ, что всякій владѣлецъ можетъ распоряжаться своими недвижимыми имуществами по своему благоусмотрѣнію, но что наслѣдники, достигая совершеннолѣтняго возраста, точно также вступаютъ во всѣ права собственности, не стѣсняются волей родителей и могутъ опять, по своему произволу, установлять новые порядки наслѣдованія.

Итакъ, по существу и по точному смыслу закона, поземельная собственность была въ Англіи съ давнихъ временъ также свободна, какъ она сдѣлалась во Франціи послѣ революціи; никакое постановленіе, никакой статутъ или билль, не запрещалъ раздѣла помѣстій между братьями; привилегированнаго, дворянскаго владѣнія, сословныхъ имуществъ, рыцарскихъ имѣній не было; простой крестьянинъ, торговецъ, промышленникъ, могъ во всякое время пріобрѣтать всякія имущества, и заповѣдныя, маіоратныя имѣнія держались только силою обычая и соблюдались, можно сказать, по чувству уваженія къ родительской власти и покорности дѣтей-наслѣдниковъ волѣ завѣщателя-отца.

Но аристократическій духъ и сознаніе матеріальныхъ выгодъ крупнаго землевладѣнія были такъ сильны въ англійскомъ

помѣстномъ сословіи, что оно не воспользовалось свободой, и правомъ распоряженія и завѣщанія пожертвовало для упроченія аристократическаго элемента.

Заповѣдное имѣніе (entails) укоренилось въ Англіи по обычаю, хотя самая заповѣдь, запрещеніе и не имѣли законной силы обязательной для наслѣдниковъ. Въ Англіи первыя entails были разрѣшены при Эдуардѣ 1 († 1307), въ Шотландіи — только въ 1648 г. Главнымъ поводомъ къ ихъ учрежденію было опасеніе конфискацій, которыя во время революціи и царствованія Іакова II сдѣлались очень часты; но число маіоратныхъ имѣній было еще очень невелико въ началѣ XVIII стол.—Въ Шотландіи бо́льшая ихъ часть была учреждена въ новѣйшее время. Съ 1685 по 1785 годъ было основано новыхъ entails всего 772. Затѣмъ, въ 1785—1805 г. 360, въ 1805—1825 г. 459, въ 1825—1845 г. 400. Въ концѣ прошлаго столѣтія маіоратныя имѣнія составляли только $^1/_5$ территоріи, въ 1811 г. $^1/_3$ и въ настоящее время около $^1/_2$.

Въ 1848 г. формальными актами запрещено учреждать маіораты на вѣчныя времена; завѣщатель можетъ только назначать наслѣдниковъ поименно (nominees) и изъ живыхъ дѣтей и родственниковъ, такъ что законное существованіе таковыхъ заповѣдей (settlemnets) обезпечено не далѣе какъ на пожизненный срокъ, рѣдко болѣе 50—60 лѣтъ, и по смерти поименованныхъ наслѣдниковъ должно быть вновь установлено новымъ актомъ на такой же срокъ.

Изъ этого видно, что вотчинное владѣніе англійскихъ лордовъ имѣетъ совершенно другія основанія, чѣмъ маіоратное право германскихъ и другихъ вотчинниковъ на континентѣ, или, вѣрнѣе сказать, оно не имѣетъ никакихъ основъ, кромѣ родительской воли и послушанія дѣтей, вкоренившихся въ нравы и обычаи помѣстнаго сословія. Фидеикомисы и маіораты въ Европѣ закрѣплялись правительствами, имѣли обязательную силу для всѣхъ грядущихъ поколѣній, не подлежали ни залогу, ни продажѣ, переходили преемственно къ старшему въ родѣ.—Entails и settlements въ Англіи были частныя сдѣлки, которыя только дозволялись, но не утверждались высшими властями, соблюдались наслѣдниками по добровольному ихъ согласію, въ извѣстныхъ случаяхъ подвергались залогу для выдѣла вдовы и младшихъ сыновей, или уплатѣ части дохода,

до $^2/_3$ годовой ренты въ пользу родственниковъ, и наконецъ переходили не изъ рода въ родъ, какъ въ другихъ странахъ, по праву первороднаго наслѣдованія, но только въ послѣдующія поколѣнія, сколько ихъ было на лицо, въ живыхъ, при жизни завѣщателя, учредителя маіората.

Такимъ образомъ вотчинное право, придающее такую несокрушимую силу англійской аристократіи, было основано не на принужденіи, а на свободѣ, какъ и всѣ учрежденія этой страны; оно введено было не въ видахъ попечительнаго правительства, заботившагося объ упроченіи права собственности въ древнихъ родахъ именитаго дворянства, а, напротивъ, изъ опасенія, чтобы правительства, какія бы ни были, революціонныя или деспотическія, не нарушили бы права преемственнаго наслѣдованія. Самое наслѣдованіе и право завѣщанія были всегда и вполнѣ вольныя въ Англіи и ограничивались на столько, на сколько родственники нисходящихъ линій уважали распоряженія отцовъ и предковъ восходящихъ линій.

Аристократическіе классы другихъ государствъ и государи этихъ странъ напрасно думали перенести это вотчинное владѣніе въ свои отечества, посредствомъ принудительныхъ мѣръ, водворившихъ маіоратное владѣніе, какъ правительственное учрежденіе; они перенесли только неудобства этой формы владѣнія, возбудили неудовольствіе прочихъ классовъ народа, но внутренней силы не могли дать этому порядку, нарушающему естественныя чувства родственной и семейной любви.

Въ концѣ прошлаго, или въ началѣ настоящаго столѣтія, аграрное положеніе Англіи представляется уже въ новомъ видѣ, въ которомъ и сохранилось понынѣ. Прежнія сословныя различія всѣ исчезли и наименованія сельскихъ жителей по правамъ состоянія, по роду владѣнія даже изгладились изъ памяти народной. Во всемъ королевствѣ Англіи съ кн. Валлійскимъ оставалось только два разряда осѣдлыхъ сельскихъ обывателей—землевладѣльцы и фермеры; всѣ прежніе поселяне собственники и обязанные (freeholders и leaseholders) лишились своихъ земель отчасти принудительно при разверстаніи, но бо́льшею частію по добровольной уступкѣ и про-

дажѣ малоцѣнныхъ своихъ участковъ крупнымъ сосѣдямъ землевладѣльцамъ, и лорды имѣли искусство обставить арендную свою систему такими матеріальными выгодными условіями, такими мягкими и снисходительными формами, что мелкопомѣстные владѣльцы, соблазняясь при томъ высокой цѣной, имъ предлагаемой за продажу ихъ помѣстій и выплачиваемой наличными деньгами, находили прямой разсчетъ (хотя и ошибочный, но очень заманчивый) переходить изъ состоянія бѣдныхъ и беззащитныхъ хозяевъ въ положеніе фермеровъ, пользовавшихся покровительствомъ всесильныхъ ландлордовъ.

Такимъ образомъ, землевладѣніе въ Англіи представляется нынѣ въ двухъ главныхъ видахъ: a) прежніе дворцы и пустоши лордовъ называются просто помѣстьями или имѣніями — estates (это названіе означаетъ полную собственность); таковыхъ отдѣльныхъ помѣстій считалось въ Англіи въ 1861 г. 223,271, принадлежавшихъ 30,776 владѣльцамъ; b) эти помѣстья разбиты на фермы, хутора, господскія запашки — farms, и ихъ считается 283,736. На 1 владѣльца приходится въ средней сложности 7 имѣній и 9 фермъ.

Понятія объ имѣніи и фермѣ, т.-е. собственно объ имуществѣ и оброчной статьѣ, такъ слились и смѣшались въ Англіи, что въ статистическихъ исчисленіяхъ фермы называются хозяйствами, и фермеры — хозяевами; это смѣшеніе часто сбиваетъ разсчеты, и многіе экономисты впали въ невольную ошибку, принимая число арендныхъ имѣній равнымъ числу собственниковъ. Арендная система дѣйствительно устроена въ Англіи на такихъ твердыхъ основаніяхъ, обставлена такими прочными гарантіями, что въ хозяйственномъ отношеніи арендаторъ является какъ-бы полнымъ хозяиномъ, а собственникъ отодвигается на второй планъ. Но при этомъ надо опять замѣтить, какъ и по многимъ другимъ чертамъ англійскаго быта, что эта прочность арендныхъ отношеній основана не на буквѣ закона, не на формальныхъ правахъ, но точно такъ, какъ и право собственности лордовъ, на общемъ духѣ законодательства и на разумномъ пониманіи обоюдныхъ выгодъ и удобствъ [3]).

Хозяйственная эксплуатація въ Англіи почти вся въ рукахъ фермеровъ; землевладѣльцы оставляютъ за собой, обыкновенно, только ближайшія поля, прилегающія къ ихъ усадь-

бамъ и паркамъ и заводятъ на нихъ образцовыя фермы не столько для промышленной культуры, сколько для примѣра, испытанія орудій и примѣненія новыхъ, усовершенствованныхъ агрономическихъ пріемовъ. Прочія земли подраздѣляются на фермы, средній размѣръ коихъ не великъ; въ восточныхъ графствахъ, гдѣ преобладаетъ хлѣбопашество, большія фермы имѣютъ до 430 акр. (159 дес.), въ среднихъ и западныхъ, гдѣ болѣе занимаются травосѣяніемъ, 220 акр. (81 дес.). Бо́льшая часть фермъ сдается на условіяхъ, подходящихъ подъ двѣ категоріи: по контрактамъ, формально заключеннымъ на извѣстные сроки — lease и съ воли (at will), т.-е. на усмотрѣніе владѣльца, имѣющаго во всякое время право отказать фермеру въ дальнѣйшемъ содержаніи аренды.

Перваго рода условія (lease) обыкновенно заключаются на сроки отъ 7—14 лѣтъ въ Англіи, отъ 19—21 года въ Шотландіи. Мнѣніе, будто бы англійскіе землевладѣльцы имѣютъ обыкновеніе арендовать свои земли на долгіе сроки, до 99 лѣтъ, совершенно ошибочно и относится только къ такимъ имуществамъ, домамъ, подгороднымъ строеніямъ и дачамъ, которые не требуютъ культуры; относительно земельныхъ угодій, напротивъ, долгіе сроки избѣгаются; только въ немногихъ мѣстностяхъ сохранились еще порядки прежнихъ временъ заключать контракты пожизненно на фермера и его дѣтей; причемъ дальнѣйшій срокъ считается 54 года. Вообще, въ новѣйшее время долгосрочныя аренды все болѣе и болѣе выходятъ изъ обыкновенія и въ аристократическомъ классѣ укоренилось совершенно правильное понятіе, что таковое законтрактованіе на долгій срокъ отчуждаетъ землевладѣльца отъ своего хозяйства и отъ общихъ интересовъ народной производительности.

Втораго рода условія съ воли (at will) составляютъ новѣйшую, современную форму арендованія и, какъ бы ни казалось это страннымъ, эта форма, лишающая фермера всякаго обезпеченія, оставляющая собственнику полный произволъ, сдѣлалась постепенно почти исключительнымъ общепринятымъ порядкомъ оброчнаго содержанія земель, такъ что всѣ мелкія оброчныя статьи сдаются съ воли, безъ всякаго формальнаго утвержденія, а контракты заключаются только по крупнымъ помѣстьямъ, имѣющимъ все нужное хозяйственное обзаведеніе.

Изъ этого также образовался и двоякій разрядъ самихъ фермеровъ, одинъ изъ господъ (gentlemen-farmers), другой изъ простолюдиновъ и крестьянъ (petty или simple farmers); первыхъ можно назвать арендаторами, вторыхъ оброчниками; главное различіе между ними состоитъ именно въ томъ, что первые, снабженные оборотнымъ капиталомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ, держатъ земли не иначе, какъ по форменнымъ и срочнымъ контрактамъ, а вторые, полагаясь на милость и благорасположеніе помѣщиковъ, снимаютъ ихъ угодья изъ оброчной платы, устанавливаемой произвольно, по усмотрѣнію владѣльца и безсрочно.

Въ 1851 г. всѣхъ фермерскихъ хозяйствъ (farmholdings) считалось въ Англіи 283,378. Если отнести къ первому разряду (gentlemens-farms) фермы въ 200 и болѣе акровъ (74 дес.), то таковыхъ было 39,893; мелкихъ фермъ въ томъ же году было:

менѣе 5 акровъ	(1,85 д.)	18,975.
отъ 5— 10	(3,70)	25,299.
„ 10— 50	(18,50)	93,025.
„ 50—100	(37)	53,274.
„ 100—200	(74)	52,912.

Изъ этого видно, что большинство оброчныхъ статей состоитъ изъ мелкихъ участковъ отъ 18 и до 74 десятинъ, которые составляютъ предметъ крестьянской эксплуатаціи и на которые не требуется ни значительныхъ капиталовъ, ни большихъ затратъ, и что собственно крупныхъ фермъ, коими восхищаются европейскіе туристы, очень немного, не болѣе 39,893 съ запашками отъ 200 до 600 акровъ, среднимъ числомъ 430 акр. или 159 десятинъ, и только эти самостоятельныя фермы держатся по контрактамъ на сроки не далѣе 14 лѣтъ, всѣ же прочія, т.-е. около 243 т. мелкихъ оброчныхъ статей, сдаются изъ года въ годъ безъ сроковъ и безъ всякихъ гарантій, кромѣ даннаго слова и обоюднаго довѣрія [4]).

Разсмотрѣвъ главныя основанія англійской арендной системы, мы должны придти къ заключенію, что она представляетъ по буквѣ закона очень мало обезпеченій для оброчниковъ, съемщиковъ помѣщичьихъ земель, и если по всѣмъ пра-

виламъ раціональной агрономіи для процвѣтанія сельскаго хозяйства предполагаются необходимыми долгосрочное арендованіе, твердыя условія и огражденіе фермера отъ произвола землевладѣльца, то этихъ обезпеченій въ Англіи очень мало; по крайней мѣрѣ они даются только немногимъ джентльменамъ, снимающимъ большія фермы, между тѣмъ какъ мелкіе оброчники держатъ земли безъ всякихъ законныхъ гарантій.

Но на дѣлѣ выходитъ иначе, и преданія аристократическаго владѣнія съ одной стороны, благотворное дѣйствіе свободы слова и печати съ другой, наложили на землевладѣльцевъ такую строгую узду, что злоупотребленія помѣщичьей власти, или даже примѣненіе всѣхъ правъ, предоставленныхъ по закону лордамъ въ отношеніи ихъ оброчниковъ, сдѣлались для нихъ крайне неудобными. Судебная практика и обычное право (common law) ввели въ общественныя отношенія нѣсколько правилъ, ограждающихъ фермеровъ: фермерское хозяйство считается личнымъ имуществомъ (personal property), которое переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыновьямъ; на какихъ бы условіяхъ ни была заключена сдѣлка, письменныхъ или словесныхъ, по контракту, или at will, разбирательство жалобъ производится гласно, въ общихъ судебныхъ инстанціяхъ; внезапное возвышеніе арендной платы возбуждаетъ такое всеобщее негодованіе, что землевладѣльцы по разсчету, чтобы не лишиться арендаторовъ, остерегаются такихъ крутыхъ мѣръ. Такимъ образомъ вліяніе общественнаго мнѣнія, прессы и гласнаго суда, вліяніе дѣйствующее уже нѣсколько столѣтій, совершенно измѣнило арендныя отношенія по существу. Условія съ воли (at will) въ дѣйствительности сдѣлались почти безсрочными обязательствами; мелкіе оброчники, покуда они исправны, оставляются на мѣстахъ изъ рода въ родъ, раздѣляютъ фермы между наслѣдниками, отказываютъ ихъ по завѣщанію, и хотя по закону могутъ быть изгнаны ежегодно (съ предостереженіемъ за 6 мѣсяцевъ впередъ), но въ дѣйствительности считаются потомственными владѣльцами, такъ что многія фермы, первоначально сданныя одному домохозяину, находятся нынѣ въ пользованіи у 20—30 съемщиковъ, наслѣдниковъ перваго фермера.

Наконецъ и самый законъ далъ этимъ вольнымъ аренд-

нымъ сдѣлкамъ какое-то косвенное, побочное утвержденіе, предоставивъ оброчнымъ поселянамъ право выбора въ члены парламента, если только они платятъ аренды не менѣе 50 £., хотя бы аренда и была заключена безъ срока, съ воли.

Однимъ словомъ и въ этомъ своеобразномъ устроеніи фермерства, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, представляется въ соціальномъ строѣ Англіи рѣзкая противоположность между порядками, установленными по законамъ и народными бытомъ и правами. По свидѣтельству писателей, основательно изучившихъ Англію (Sinclair, Marschall, Thaer), мелкіе оброчники tenants at will находятся въ положеніи болѣе выгодномъ, чѣмъ арендаторы (leaseholders); плата ихъ почти на половину ниже цѣнъ, платимыхъ настоящими фермерами; они пользуются особымъ милостивымъ благорасположеніемъ своихъ господъ, и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ знатнѣйшимъ лордамъ, остаются пожизненно во владѣніи своихъ сдаточныхъ участковъ, между тѣмъ какъ съ фермерами формальные контракты заключаются только на 12—14 лѣтъ.

Но, разумѣется, неопредѣленность этихъ отношеній, давая нѣкоторыя матеріальныя выгоды земледѣльцамъ-оброчникамъ, вліяетъ вредно на культуру и соціальное положеніе сельскихъ обывателей. Сельско-хозяйственный бытъ въ Англіи раздѣляется на двѣ группы: въ сѣверныхъ графствахъ, начиная примѣрно отъ гр. Warwick до границы Шотландіи (Northumberland, Suffolk, Norfolk), преобладаетъ крупное фермерство, по контрактамъ; съ имѣніями средняго размѣра образовался, рядомъ съ помѣстнымъ сословіемъ (nobility, gentry), особый классъ мелкихъ и бѣдныхъ дворянъ (country squires), состоящій изъ младшихъ братьевъ и сыновей тѣхъ же землевладѣльцевъ и занимающихся арендованіемъ имѣній, какъ настоящимъ промысломъ; они располагаютъ нѣкоторыми капиталами, пользуются совершенной независимостью и поэтому дѣлаютъ и значительныя затраты на улучшеніе хозяйства.

Въ другой группѣ, въ юго-восточной части Англіи находится болѣе крупныхъ помѣстій, но также и болѣе мелкихъ фермъ; ихъ даже нельзя назвать фермами потому, что многіе изъ нихъ такъ малы, что не имѣютъ запашки и служатъ только жилищами. Состояніе этихъ petty-farmers самое уни-

женное, зависимое отъ лордовъ, на земляхъ коихъ они водворяются и земледѣліе ихъ сравнительно съ фермерскимъ довольно грубое и мало производительное, хотя, какъ выше сказано, арендная плата ихъ легче.

По разсчетамъ, принятымъ въ основаніе подоходнаго налога и повѣреннымъ двумя великими министрами (Питомъ и Р. Пилемъ), чистый доходъ фермера полагается въ Англіи среднимъ числомъ въ 50% противъ платимой имъ аренды, въ Шотландіи и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено арендованіе по долгосрочнымъ контрактамъ, 75%.

На фермахъ, содержимыхъ по контрактамъ (leases), полагается на 100 р. валового дохода: арендной платы 25—33%, расходовъ 47%, чистой прибыли 20%—28%.

У вольныхъ оброчниковъ (tenants at will) арендная плата ниже, 21% валового дохода, но расходовъ больше 74% и чистой прибыли несравненно меньше, не болѣе 4—5%.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ оказывается, что всѣ прибыли и барыши земледѣльческой производительности, доведенной въ Англіи, какъ извѣстно, до высшаго совершенства, дѣлятся почти поровну между 30 тысячами собственниками и 30 или 40 тысячами фермерами-джентльменами, т.-е. всѣ стекаются въ однѣ руки крупныхъ собственниковъ и богатыхъ промышленниковъ. Выгоды, чистый доходъ арендаторовъ постоянно возрастаютъ; въ 1750 г. считали, что фермеръ выплачиваетъ арендной платы около 1/3 валового дохода, нынѣ (по мнѣнію Mac-Culloch-a) не болѣе 1/4, и въ то же время число такихъ арендъ уменьшается, изъ чего можно заключить, что обязательные контракты все болѣе и болѣе замѣняются простой, вольной съемкой земель.

Все, что́ выше сказано, относится къ собственной Англіи съ кн. Валлійскимъ; въ Шотландіи и Ирландіи аграрное положеніе другое. Въ Шотландіи число землевладѣльцевъ еще менѣе, чѣмъ въ Англіи; на 19 мил. акровъ считается всего 7,273 землевладѣльца, что́ составляетъ среднимъ числомъ около 2,700 акр. (1000 десятинъ) на одного; въ сѣверныхъ графствахъ средній размѣръ помѣстій еще больше: въ гр. Rosseromar 17,273 акр. (6,664 д.), въ Argyle 11,570

(4,155 д.), все гр. Sutherland принадлежитъ почти одному роду того же имени, въ числѣ около $1^1/_2$ мил. акровъ (600,000 дес.). Изъ общаго числа 7,273 владѣльцевъ было въ 1854 г. 274 съ доходомъ въ средней сложности 5,000 L. (35,000 р.) и 108 съ доходомъ болѣе 10,000 L. (70,000 р.).

Вообще шотландское помѣстное сословіе можно считать самымъ крупнымъ и богатымъ во всей Европѣ; оно отличается отъ англійскаго и тѣмъ, что большая часть имѣній состоитъ на маіоратномъ, заповѣдномъ правѣ (entails); учрежденіе маіоратовъ послѣдовало въ новѣйшее время; до 1648 г. всѣ вотчины еще считались простыми помѣстьями, подлежащими раздѣлу между наслѣдниками, но съ конца XVII столѣтія и еще болѣе въ XVIII и XIX большая часть изъ нихъ перешла на маіоратное положеніе; съ 1685 по 1845 г. учреждено было 1991 маіоратъ; въ 1764 считалось, что заповѣдныя имѣнія занимаютъ $^1/_5$ всего пространства удобныхъ земель Шотландіи; въ 1811 г. $^1/_3$, а по новѣйшимъ свѣдѣніямъ $^1/_2$.

Одновременно съ развитіемъ маіоратнаго владѣнія стѣснялось крестьянское — и чтобы закрѣпить преемственно въ знатныхъ родахъ обширныя помѣстья, чтобы дать имъ полное значеніе запрещенныхъ дачъ, заказныхъ владѣній, приступлено было къ особой системѣ хозяйственнаго управленія, извѣстной въ Англіи подъ именемъ clearing of estates. Эта система играла весьма важную роль въ аграрномъ устроеніи всѣхъ европейскихъ странъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, куда проникалъ германско-саксонскій элементъ, и мы еще нѣсколько разъ встрѣтимся съ этимъ замѣчательнымъ явленіемъ европейскаго быта въ Германіи и другихъ нѣмецкихъ земляхъ, гдѣ оно называлось иначе Legung der Bauernhöfe, Sprengung der Dörfer, но имѣло то же самое свойство, какъ и въ Англіи.

Выраженіе clearing of estates буквально значитъ —прочистка помѣстій; она состоитъ въ томъ, что подворные участки въ прежнія времена надѣленные земледѣльцамъ, впослѣдствіи переведенные на оброчное, срочное содержаніе, подъ разными, болѣе или менѣе законными, предлогами отбираются у крестьянъ, присоединяются къ господскимъ дачамъ и запашкамъ и поступаютъ такимъ образомъ въ полное распоряженіе землевладѣльца; при этомъ очищеніе дѣлается полное, ради-

кальное: жилыя и надворныя строенія срываются до основанія, ограды, заборы разбираются, межи распахиваются и сами жители выселяются, оставляя за собой пустыя поля, обыкновенно обращаемыя въ искусственные луга и пастбища. Операція эта, какъ мы выше сказали, производилась и въ Англіи, но тамъ была отчасти пріостановлена распоряженіями правительства, запретившаго по статуту 1448 г. сносить тѣ крестьянскія усадьбы, которыя имѣютъ пространства болѣе 20 акр. (7,4 дес.), такъ что выселенію подверглись только бѣднѣйшіе, малоземельные поселяне, которые и всѣ окончательно исчезли. Но въ Шотландіи, гдѣ аристократія была сильнѣе и за вѣрноподданническія свои чувства пользовалась безпредѣльными милостями королевской власти, она провела свое право безъ всякихъ ограниченій и въ теченіи прошлаго столѣтія производила эту операцію—сноса и своза крестьянскихъ дворовъ, въ такихъ широкихъ размѣрахъ и съ такимъ успѣхомъ, что постепенно захватила въ свое непосредственное распоряженіе всѣ крестьянскія земли. Какъ только приходилъ срокъ аренды, фермерамъ прямо отказывалось въ ея продолженіи; тѣ изъ нихъ, которые успѣли накопить нѣкоторыя сбереженія, переселялись въ Америку, другіе, бѣднѣйшіе, (cottiers) переходили на приморскія скалы, ставили хижины на утесахъ или отмеляхъ прибрежныхъ, никѣмъ не занятыхъ полосъ, промышляли рыболовствомъ или прямо переписывались въ фабричныхъ работниковъ и городскихъ поденщиковъ. Въ концѣ XVIII столѣтія дѣйствія эти распространились по всей нагорной Шотландіи; наука, раціональная агрономія пришла въ помощь землевладѣльцамъ, убѣждая ихъ, что хлѣбопашество невыгодно въ горныхъ вершинахъ Шотландіи, и что только овцеводство съ обширнымъ выгоннымъ хозяйствомъ можетъ возстановить балансъ въ пользу помѣщичьихъ имѣній. Тогда приступлено было къ прочисткѣ господскихъ помѣстій съ неумолимой строгостью; вездѣ устраивались изъ упраздненныхъ крестьянскихъ участковъ загороженныя, крупныя фермы (inclosures) и на пепелищахъ разоренныхъ деревень разводились и паслись стада тонкорунныхъ овецъ; въ 1792 г. въ графствахъ Ross и Sutherland произошло общее возстаніе крестьянъ противъ овецъ, причемъ побито было нѣсколько сотъ тысячъ этихъ безвинныхъ животныхъ. Но самыя ши-

рокія прочистки происходили въ новѣйшее время въ имѣніи графини Sutherland, которое занимаетъ почти все графство того же имени: тамъ начато было въ 1811 г. общее разверстаніе (inclosure), продолжавшееся 18 лѣтъ; до 1829 г. выселено 3,000 домохозяевъ, которые съ семействами составляли 15 тысячъ душъ; всѣ крестьянскіе подворные участки безъ исключенія отобраны въ непосредственное распоряженіе владѣльца, и по окончаніи этой колоссальной операціи, вотчина графини составляла одну сплошную дачу въ $1^1/_2$ мил. акровъ, (около 600,000 десятинъ), которые были разбиты на 29 большихъ фермъ. Вокругъ каждой фермы разстилались необъятныя пастбища, пустынныя, какъ наши русскія степи, и среднее разстояніе между ними было около 40 миль (60 верстъ); наконецъ мѣста, непригодныя для овцеводства, запущены были подъ охоту; на перелогахъ и поросляхъ выводились граузы, родъ бѣлыхъ куропатокъ, на горныхъ скалахъ— олени, и эти заказныя охоты сдавались въ наемъ англійскимъ спортсменамъ по цѣнѣ 1 L. за 50 акровъ.

Такимъ образомъ, нагорная Шотландія представляетъ намъ живой и современный примѣръ, какимъ порядкомъ развивалось и созидалось крупное землевладѣніе, округлялись дачи, разверстывались угодья между лордами и поселянами. Прослѣдивъ эту операцію, совершившуюся въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, можно составить себѣ сравнительное понятіе о тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ этомъ отношеніи въ прежнія, менѣе образованныя времена, какъ постепенно превращались собственники въ обязанныхъ поселянъ, безсрочно-обязанные въ срочныхъ, и, какъ по истеченіи сроковъ, или даже и прежде, для лучшаго устроенія сельскаго хозяйства изгонялись хлѣбопашцы, залужались пахатныя поля и разводились травы и овцы на мѣстахъ прежняго крестьянскаго владѣнія.

Но Шотландія раздѣляется въ сельско-хозяйственномъ своемъ бытѣ на двѣ совершенно различныя половины: въ сѣверной, которую мы теперь описали, развилось исключительно крупное аристократическое землевладѣніе, съ залежной системой полеводства и выгоннымъ хозяйствомъ; въ цен-

тральныхъ и южныхъ графствахъ, наоборотъ, образовалось землевладѣніе средняго размѣра съ мелкими фермами и долгосрочными контрактами, и при общихъ благопріятныхъ условіяхъ въ этой части великобританской имперіи, народное хозяйство и земледѣльческая культура достигли наивысшаго совершенства.

Отличительная черта этой полосы есть прочность и долгосрочность арендныхъ условій; маіоратные владѣльцы при Георгѣ III исходатайствовали особое для себя положеніе, по коему дана законная сила контрактамъ, заключеннымъ на срокъ не менѣе 14 лѣтъ; большая часть арендъ сдаются пожизненно, или на 21—31 годъ; мелкіе оброчники, имѣющіе менѣе 5 акровъ (1,85 дес.) держатъ земли на 99 лѣтъ и въ дѣйствительности считаются безсрочными и наслѣдственными поселянами; имъ отказывается только въ случаѣ неисправнаго платежа и при этомъ они пользуются отсрочкой на нѣсколько мѣсяцевъ.

Воспользовавшись, какъ и прочіе землевладѣльцы, правомъ разверстанія угодій (inclosure), вотчинники Шотландіи не употребили во зло своего права, не выселяли своихъ прежнихъ оброчниковъ, а, напротивъ, дѣлали имъ значительныя уступки противъ цѣнъ, предложенныхъ фермерами-джентльменами; герцогъ Argyle и другіе дѣлали скидку до 25% въ пользу своихъ оброчныхъ крестьянъ и черезъ это удержали на мѣстахъ очень густое населеніе, рабочая сила коего способствовала процвѣтанію помѣщичьихъ хозяйствъ.

Такимъ образомъ въ Шотландіи представляются два образца совершенно различныхъ системъ хозяйства—крупной культуры съ обширными запашками и выгонами, съ фермами въ нѣсколько тысячъ десятинъ въ одной части, и мелкаго крестьянскаго оброчиванія въ другой. По новѣйшимъ разсчетамъ, публикованнымъ правительствомъ, приращеніе народнаго богатства идетъ несравненно быстрѣе въ послѣдней, чѣмъ въ первой. Общая доходность всѣхъ имуществъ по подоходной раскладкѣ представляетъ слѣдующую прогрессію:

	въ 1815 г.	въ 1861 г.	болѣе
Въ графствѣ Sutherland, странѣ крупной культуры, доходность исчислена была. . . .	33,378 L.	52,922 L.	19,544 L.
Въ графствѣ Caithness, странѣ мелкой культуры	35,000 „	107,561 „	72,561 „

Поденная плата также выше въ Caithness ($2^1/_2$ Shil.), чѣмъ въ Sutherland ($1^2/_3$ Shil.).

Изъ этого видно, что и рента землевладѣльцевъ и плата рабочимъ возрастаетъ быстрѣе въ мѣстностяхъ раздробительной эксплуатаціи, чѣмъ при крупной культурѣ.

Вотъ списокъ 26 богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Шотландіи, которымъ принадлежитъ $^1/_3$ всѣхъ земель.

	Пространство въ гектарахъ. *)	Доходъ въ франкахъ.
Герцогъ Сутерландъ.	470,683	1.428,675
Графъ Бредалбенъ	183,344	1.457.300
Герцогъ Боклей	172,740	4.603,550
Сэръ Матисонъ	169,824	487,200
Графъ Сифилдъ	122,360	1.797,100
Герцогъ Ричмондъ	107,707	1.509.450
Графъ Фейфъ	101,126	1.807,800
Сэръ Матисонъ	89,065	559,659
Герцогъ Атоль.	77,990	1.018,950
Герцогъ д'Аргайль	70,045	1.271,075
Сэръ Дохоруръ.	66,259	439,595
Лордъ Ловатъ	64,630	703,700
Герцогъ Гамилтонъ	59,176	2.851,825
Графъ Далгузи.	55,200	1.476,275
Графъ Стеръ	46,500	1.721,150
Сэръ Гордонъ	43,013	635,025
Герцогъ Портландъ	42,582	1.038,175
Графиня Гомъ	41,563	1.431,725
Герцогъ Монтрозъ	41,504	627,475
Маркизъ Біутъ	37,268	1.194,300
Сэръ Малколмъ	33,032	455,000
Маркизъ Эльза	30,406	895,000
Сэръ Морисонъ	26,800	410,975
Графъ д'Эрли	26,236	545,600
Графъ Уймсъ	22,863	1.270,650
Герцогъ Роксборо.	20,172	1.905,500

Описавъ главныя черты англійскаго и шотландскаго землевладѣнія, мы теперь перейдемъ къ третьей статьѣ этой

*) 1 гектаръ=0,91 десятины.
1 франкъ=25 копѣйкамъ.

главы—къ Ирландіи, которая, какъ извѣстно, въ аграрно-соціальномъ отношеніи занимаетъ изъ всѣхъ странъ Европы послѣднее, самое низкое мѣсто. Положеніе ирландцевъ даже обыкновенно представляется какъ совершенно исключительное, вовсе не похожее на общественный строй прочихъ современныхъ народовъ, обусловленное другими причинами и вліяніями. Злая участь этого населенія приписывается преимущественно природнымъ свойствамъ и врожденнымъ порокамъ этого племени, его безпечному, разгульному нраву и закоснѣлому невѣжеству.

Противъ этого послѣдняго обвиненія мы привели выше, въ главѣ объ эмиграціи, доводъ, какъ намъ кажется, убѣдительный, что въ теченіи 14 лѣтъ (1847—1850 гг.) было выслано ирландскими эмигрантами изъ Америки обратно въ Англію сбереженій на сумму 11.214,596 L.; мы смѣемъ думать, что такой фактъ вполнѣ снимаетъ съ ирландцевъ обвиненіе въ порочности, будто бы имъ прирожденной и ставящей ихъ на послѣднюю степень цивилизаціи.

Относительно другого мнѣнія, что Ирландія по своему аграрному и соціальному быту находится въ совершенно исключительномъ положеніи, мы также должны замѣтить, что эта исключительность не такая безусловная и рѣзкая, какъ обыкновенно ее представляютъ; по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Англіи, сѣверной Шотландіи, многихъ княжествъ и областей Германіи, также средней Италіи, Испаніи, нельзя сказать, чтобы соціальный строй Ирландіи очень рѣзко отъ нихъ отличался; какъ тамъ, такъ и здѣсь происходилъ въ теченіи многихъ вѣковъ тотъ же самый процессъ обезземеленья низшихъ сословій, по однимъ и тѣмъ же системамъ, юридическимъ понятіямъ и правиламъ раціональной агрономіи.—Результатъ былъ очень сходный, пропорція земель, захваченныхъ крупными собственниками у мелкихъ, очень значительна, и вся разница состоитъ въ томъ, что въ Ирландіи помѣстное сословіе проводило свою аграрную политику, позаимствованную изъ Англіи, грубо и насильственно, пользуясь своими правами неограниченно; но права ихъ, принципы, ими защищаемые и всѣ основанія землевладѣнія были чисто англійскаго происхожденія, или, вѣрнѣе сказать, они были перенесены аристократическими классами саксонскаго

племени во всѣ тѣ страны, куда проникло это племя, начиная съ береговъ Финскаго залива до Зеленаго острова на океанѣ, и мрачная лѣтопись аграрнаго разоренія Ирландіи есть живая картина исторіи помѣстнаго права во многихъ другихъ странахъ Европы.

Поэтому мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть съ бо́льшею подробностью положеніе Ирландіи, какъ полнѣйшее и грубѣйшее проявленіе помѣщичьяго самоуправства, но при этомъ должны сдѣлать оговорку, что дѣйствія, осуждаемыя въ этой странѣ происходили во многихъ другихъ съ таковой же энергіей и послѣдовательностью, и скрылись отъ суда цивилизованной Европы только потому, что разореніе крестьянъ было уже совершено, когда опоздалый либерализмъ XVIII вѣка возбудилъ вопросъ о демократизаціи современныхъ обществъ; въ Ирландіи же, напротивъ, это разореніе началось позднѣе, продолжалось съ возрастающей грубостью до нашихъ временъ, до половины XIX вѣка, и потому навлекло на себя общее вниманіе и негодованіе англійской и европейской публики.

Аграрная исторія Ирландіи начинается съ акта, имѣющаго особый характеръ самовластія и придавшаго этотъ характеръ всѣмъ дальнѣйшимъ помѣстнымъ учрежденіямъ. Въ 1156 г. римскій папа Адріанъ IV, располагая Ирландіей, какъ церковной епархіей, жалуетъ ее королю Англіи Генриху II; природные жители Кельты протестуютъ противъ этого пожалованія; англійскіе короли вооруженной силой усмиряютъ ихъ возстанія. Долго, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, продолжается этотъ насильственный вводъ во владѣніе англійскихъ властей въ земли Кельтовъ, и только Кромвелю и Елизаветѣ удается завладѣть окончательно страной и возстановить въ ней права своего владычества, основанныя на папской буллѣ.

Этимъ актомъ церковнаго самовластія, пожалованіемъ цѣлой страны, вполнѣ независимой, англійской коронѣ, открывается цѣлый рядъ свѣтскихъ, правительственныхъ насилій; сначала земли раздаются щедрою рукой церквамъ, монастырямъ и англійскимъ лордамъ; послѣ реформаціи наступаетъ періодъ новой экспропріаціи, католическіе монастыри упраздняются, обширныя ихъ помѣстья отбираются въ казну, католикамъ

запрещается по всей Ирландіи владѣть землей; конфискованныя ихъ помѣстья распродаются вновь или жалуются на маіоратныхъ правахъ знатнѣйшимъ фамиліямъ протестантскаго вѣроисповѣданія, и гоненія за вѣру, совпадая и сливаясь съ изгнаніемъ сельскихъ обывателей съ земель ими занимаемыхъ, переводятъ наконецъ все землевладѣніе въ руки англійской аристократіи.

Но, какъ выше замѣчено, порядки, введенные этими новыми владѣльцами въ своихъ ирландскихъ помѣстьяхъ, мѣры ими принятыя для упроченія своихъ помѣстныхъ правъ, были прямо перенесены изъ Англіи; они состояли преимущественно въ томъ, что земли, находившіяся въ пользованіи туземцевъ, были признаны впослѣдствіи оброчными; далѣе, что эти оброчныя условія и сдѣлки были подтверждены форменными контрактами и инвентарями, срочными арендами (leases) и, наконецъ, что эти аренды, когда онѣ оказались стѣснительными и невыгодными для владѣльцевъ, замѣнены были простой сдачей земель съ воли (at will). Все это, слово въ слово, повтореніе того, что̀ происходило и въ другихъ частяхъ Великобританіи. Введеніе маіоратнаго владѣнія, коему также приписываютъ разстройство Ирландіи, было въ этой странѣ тоже позаимствовано изъ Англіи и въ ней число таковыхъ заповѣдныхъ имѣній (entails, settlements) было менѣе, чѣмъ въ Шотландіи; однимъ словомъ, вся политика, которой слѣдовало помѣстное сословіе въ Ирландіи имѣла свои корни въ Англіи и точно также проводилась послѣдовательно и неумолимо во всѣхъ ея областяхъ, имѣя общимъ предметомъ, высшей своей цѣлію, закрѣпить всѣ земли за крупными собственниками.

Но въ Ирландіи эти дѣйствія начались гораздо позднѣе, когда уже въ другихъ частяхъ соединенныхъ королевствъ процессъ обезземеленья крестьянъ былъ оконченъ и окончательно выигранъ помѣстными классами, и такъ какъ добычи уже болѣе не оставалось ни въ Англіи, ни въ Шотландіи, что всѣ земли крестьянскія и оброчныя, какія можно было захватить, были уже разобраны, то весь избытокъ силъ и корысти англійской gentry обратился къ Ирландіи и былъ направленъ къ захвату мелкихъ фермъ, состоявшихъ еще въ

пользованіи и содержаніи многолюднаго крестьянскаго сословія.

Вообще можно сказать, что до настоящаго столѣтія Ирландія въ хозяйственномъ и соціальномъ своемъ положеніи очень мало различалась отъ Англіи; сельскія рабочія сословія находились въ совершенно одинакомъ экономическомъ состояніи, крайне стѣсненномъ и униженномъ—заработки ихъ были самые скудные, земли у нихъ были вездѣ отобраны и сельскій пролетаріатъ развивался повсемѣстно во всѣхъ трехъ королевствахъ. Но въ Англіи и южной Шотландіи для разоренныхъ сельскихъ обывателей было еще одно средство спасенія,—городскіе и фабричные промыслы, которые процвѣтали и давали заработки двойные противъ сельскихъ, между тѣмъ какъ въ Ирландіи не было и этого исхода, почему все населеніе оставалось на мѣстахъ, на помѣщичьихъ земляхъ, когда эти земли перешли уже въ полное распоряженіе владѣльцевъ. Въ концѣ XVIII столѣтія, въ 1766 г., всѣхъ жителей въ Ирландіи было 1.871,725—населеніе довольно рѣдкое для страны въ 1529 кв. миль; но тутъ произошелъ внезапный, совершенно необъяснимый переворотъ въ этнографическомъ положеніи этого древняго племени кельтовъ; населеніе начало прибывать съ быстротой безпримѣрной. Жителей въ Ирландіи оказалось:

въ 1801 г.	5.216,331
„ 1811 „	5.956,440
„ 1821 „	6.801,827
„ 1831 „	7.767,461
„ 1841 „	8.175,124

Такимъ образомъ, въ теченіи 74 лѣтъ, населеніе возросло въ $4^1/_2$ раза, и вмѣсто 1200 жителей оказалось ихъ на квадратной милѣ 5200.

Это непомѣрное сгущеніе населенія уже въ двадцатыхъ годахъ начало обнаруживать очень вредныя послѣдствія: съемщиковъ на помѣщичьи земли было столько, что оброчныя цѣны дорожали съ каждымъ годомъ; пользуясь этимъ усиливающимся запросомъ, землевладѣльцы дробили и дѣлили полные подворные участки на половины, четверти, осьмушки, покуда, наконецъ, вся страна не изрѣзалась на такія мелкія

полосы, что ни одна изъ нихъ не могла служить для земледѣльческой эксплуатаціи.

Въ это же время введена была и распространилась по всей странѣ другая мѣра, имѣвшая роковое вліяніе на сельскій бытъ мелкихъ оброчниковъ. Такъ какъ сдача таковыхъ дробныхъ участковъ и надзоръ за ними былъ стѣснителенъ для землевладѣльцевъ, то они приняли обычай сдавать цѣлыя помѣстья одному оптовому съемщику, который назывался middleman (посредникъ), обязывался вносить условленную плату за всѣ сдаточныя земли непосредственно помѣщику, и уже отъ себя переоброчивалъ ихъ крестьянамъ-земледѣльцамъ. Здѣсь мы должны опять замѣтить, что и этотъ обычай не былъ исключительный въ Ирландіи, а былъ перенесенъ изъ другихъ мѣстностей Великобританіи, гдѣ таковые же господскіе прикащики, только подъ другимъ именемъ tacksman (сборщикъ), точно также заправляли оброчными статьями и притѣсняли мелкихъ фермеровъ. Но въ Ирландіи эта система приняла особый характеръ хищнической культуры вслѣдствіе неопредѣленности арендныхъ условій, такъ какъ большая часть оброчныхъ земель сдавалась изъ году въ годъ, безъ всякаго срочнаго или письменнаго контракта и что помѣщичьи прикащики, управляя имѣніями на откупномъ правѣ, возвышали цѣны непомѣрно при всякомъ возобновленіи аренды.

Такимъ образомъ въ Ирландіи сошлись всѣ зловредныя черты англійскаго аграрнаго строя, однѣ занесенныя изъ Шотландіи — маіоратное владѣніе (entails), заказное право (settlements), сдача имѣній въ откупное содержаніе оптовымъ рядчикамъ (middlemen), другія, позаимствованныя изъ Англіи, изъ коихъ главное—обычай сдавать земли съ воли. Перенесенныя на ирландскую почву эти сѣмена дали здѣсь такой быстрый ростъ, что заглушили всю страну, потому собственно, что имъ дана была полная воля, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ Великобританіи нравы и свобода слова и печати укрощали и смягчали самоуправства помѣстнаго сословія.

Въ первой и второй четверти настоящаго столѣтія положеніе Ирландіи было слѣдующее:

Вся страна, имѣвшая 20.322,641 акровъ, изъ коихъ 15.575,270 удобныхъ земель, состояла во владѣніи 8,412 помѣщиковъ англійскаго происхожденія и протестантскаго вѣроисповѣданія; если вычесть около 3000 владѣльцевъ дачъ и подгородныхъ виллъ (cottages), то собственно землевладѣльцевъ было не болѣе 5,400, а на каждаго изъ нихъ приходилось среднимъ числомъ около 3000 акровъ (1180 дес.).

Эти 5400 помѣстій раздѣлялись на 682,184 отдѣльныхъ фермъ, хуторовъ и оброчныхъ участковъ, изъ коихъ только 20,147 наиболѣе крупныхъ въ 100—200 акровъ воздѣлывались самими хозяевами-помѣщиками, 135,932 арендовались по контрактамъ (leases), а всѣ остальные 526,539 сдавались оброчникамъ съ воли (at will).

Народонаселенія было въ 1841 г. болѣе 8 милл.; изъ нихъ сельскихъ обывателей-домохозяевъ считалось 1.417,787, или около 6 милл. душъ об. п.; и такъ какъ вся эта масса народа промышляла исключительно земледѣліемъ, то на каждый помѣщичій хуторъ, на каждую господскую оброчную статью приходилось среднимъ числомъ по 2 семейства оброчниковъ, или, по крайней мѣрѣ, желающихъ получить сдаточный участокъ.

Это отношеніе запроса къ предложенію товара, т.-е. земли къ покупателямъ-фермерамъ, было такъ выгодно для землевладѣльцевъ, что они воспользовались имъ неограниченно, не стѣсняясь никакими соображеніями гуманности.

Помѣщичьи фермы раздѣляются на три разряда: однѣ—обработываемыя самими владѣльцами, другія—зажиточными фермерами по контрактамъ, третьи—оброчными крестьянами.

Первыя составляютъ, по числу, небольшой процентъ (около 20 т. фермъ), но по пространству занимаютъ не менѣе 4—5 милл. акровъ, т.-е. $^1/_4$ или $^1/_3$ всѣхъ удобныхъ земель; они состоятъ бо́льшею частію изъ залуженныхъ полей, обширныхъ выгоновъ и искусственныхъ луговъ, гдѣ процвѣтаетъ травосѣяніе, вытѣснившее изъ Ирландіи хлѣбопашество, и всѣ прочія культуры, такъ что вся эта площадь господскихъ запашекъ, нѣкогда состоявшая въ пользованіи крестьянъ, при новѣйшихъ усовершенствованіяхъ раціональной агрономіи, была изъята изъ народнаго хозяйства и обращена исключительно

на откормъ скота и овецъ, въ пользу землевладѣльцевъ-скотоводовъ. Изъ 15 м. акровъ считается:

подъ выгонами и естественными лугами	10.003,918
„ сѣяными травами	1.691,797
„ корнеплодными (картофелемъ и турнепсомъ) . .	1.456,307
„ колосовыми хлѣбами	2.192,785

Такъ какъ собственно крестьянскія фермы заняты исключительно картофельными и хлѣбными посѣвами, то выходитъ, что на 1.417,787 домохозяевъ и на 6 милл. душъ, имѣется пашни всего не съ большимъ 3 милл. акровъ, или около 1/6 десятины, 400 кв. саж. на душу,—между тѣмъ какъ остальные 12 м. акровъ предназначены на прокормленіе скота и находятся въ распоряженіи владѣльцевъ, зажиточныхъ фермеровъ и другихъ промышленниковъ и торговцевъ.

Понятно, что въ такихъ обстоятельствахъ, кромѣ естественнаго приращенія народонаселенія дѣйствовало и обратное, неестественное превращеніе пахатныхъ угодій въ луговыя и выгонныя и что, такимъ образомъ, крестьянскія хозяйства все болѣе и болѣе стѣснялись развитіемъ скотоводства, покуда, наконецъ, въ сороковыхъ годахъ, они не достигли крайней черезполосности.

Въ 1845 году считали въ Ирландіи фермъ	
менѣе 1 акра (0,37 дес.).	135,314
1—5 „	181,950
5—10 „	187,909
10—20 „	187,582
20—100 „	187,213
болѣе 100 акровъ (37 дес.)	25,047
Всего	905,015

Оброчныя статьи все болѣе дробились и подраздѣлялись, такъ какъ по древнему порядку наслѣдованія подворные семейные участки дѣлились поровну между сыновьями и братьями; были примѣры, что ферма въ 208 акровъ, сданная въ 1786 г. одному содержателю, раздѣлилась сначала на 3, потомъ на 9 и наконецъ на 27 семействъ; другая, въ 78 акровъ, перешла отъ одного къ 16 семействамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ заводились новыя правила или обычаи: за уступку аренды новому содержателю, независимо отъ со-

гласія владѣльца, полагалась еще особая сдѣлка съ прежнимъ оброчникомъ, называемая good will, добровольное соглашеніе. Она состояла въ особой приплатѣ, отступной суммѣ, которая выплачивалась старому должнику единовременно, но иногда доходила до разорительныхъ цѣнъ; средняя плата обыкновенно уплачиваемая была около 10 L. за акръ (что̀ равняется 200 руб. за десятину), но часто, при большомъ числѣ желающихъ, она возвышалась вдвое и втрое; были примѣры, что за аренду, дающую чистаго дохода 7 L., приплачивали отступныхъ денегъ (good will) 100 L.

Порядки эти особенно распространены были въ сѣверной части Ирландіи, въ графствѣ Ulster, гдѣ, по давности, пріобрѣли такое уваженіе, что соблюдались строго какъ оброчными крестьянами, такъ и помѣщиками; они дѣйствительно способствовали къ установленію нѣкоторыхъ правильныхъ отношеній между сельскими обывателями, получили, можно сказать, право гражданства въ этой области и подъ именемъ tenant right, или Олстерскаго обычая, сдѣлались популярными во всей Англіи. Обычай этотъ установился въ Олстерѣ еще во времена Іакова I, когда провинція эта заселялась шотландскими землевладѣльцами; въ настоящее время онъ распространился и въ другихъ областяхъ Ирландіи и вездѣ оказалъ нѣкоторую пользу сельскому хозяйству. По этому праву (tenant right, право арендатора) фермеры живутъ на помѣщичьихъ земляхъ безъ всякаго письменнаго договора съ владѣльцами, но, тѣмъ не менѣе, имѣютъ увѣренность, что не будутъ согнаны съ занимаемыхъ ими земель безъ приличнаго вознагражденія и что сумма этого вознагражденія опредѣляется ими совершенно свободно по соглашенію съ новыми фермерами, въѣзжающими въ усадьбу. Собственно по праву (de jure), фермеръ можетъ быть смѣненъ во всякое время, новый фермеръ также допускается не иначе какъ съ согласія владѣльца; арендная плата можетъ быть ежегодно измѣнена и возвышена—но сдѣлка между выѣзжающимъ и въѣзжающимъ фермеромъ предоставляется во всякомъ случаѣ ихъ вольному соглашенію, и многолѣтній обычай освятилъ это право всенароднаго уваженія. Смерть фермера не прекращаетъ его права на аренду: семьѣ предоставляется назначить кого-либо изъ дѣтей прямымъ наслѣдникомъ, всѣ прочіе

получаютъ выдѣлъ изъ той суммы денегъ, которую отецъ далъ при въѣздѣ и которая хранится неприкосновенно, какъ желѣзный инвентарь хозяйства [5]).

Такимъ образомъ, этотъ такъ-называемый олстерскій обычай имѣетъ собственно только то значеніе, что при общемъ самоуправствѣ, установившемся въ аграрныхъ отношеніяхъ Ирландіи, при общей безправности самихъ фермеровъ передъ землевладѣльцами, регулированы по крайней мѣрѣ отношенія этихъ фермеровъ между собой; онъ давалъ нѣкоторое обезпеченіе отходящему арендатору и, вознаграждая его за произведенные въ хозяйствѣ расходы, дозволялъ дѣлать значительныя затраты на улучшеніе культуры. Въ сущности, эта система приносила пользу однимъ землевладѣльцамъ, имѣнія коихъ такимъ образомъ улучшались, обстраивались на счетъ фермеровъ; противъ этого порядка (tenant right) справедливо возражали, что высокая премія, взимаемая съ одного фермера въ пользу другого, составляетъ собственно приплату за такія улучшенія и затраты, которыя остаются въ имѣніи, возвышаютъ капитальную цѣнность самой фермы и косвеннымъ образомъ вліяютъ и на возвышеніе арендной платы— и что, поэтому, справедливѣе было бы распредѣлить эту плату поровну или въ извѣстной пропорціи между фермеромъ и помѣщикомъ. Но къ такимъ радикальнымъ реформамъ англійское правительство еще не хотѣло приступать, да и сами ирландцы въ то время (мы говоримъ о первой половинѣ этого столѣтія) таковыхъ не требовали; знаменитый агитаторъ O-Connell въ 1843 г. ходатайствовалъ только о законномъ утвержденіи арендныхъ условій, о признаніи ихъ обязательной силы и домогался, чтобы былъ установленъ срокъ содержанія не менѣе 21 года для сдаточныхъ земель [6]).

Но какъ бы то ни было, эти tenant rights составляли уже огромное улучшеніе въ сравненіи съ общей системой, принятой въ другихъ частяхъ Ирландіи и также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи, и которая называлась Conacre-system. Она состояла въ самой простой сдѣлкѣ, по которой владѣлецъ безъ всякаго вида и акта отдавалъ земли на одно слѣтье, подъ одинъ посѣвъ, причемъ выговаривалось обыкновенно, что картофель, сколько его родится, отдается фермеру, а всѣ прочіе продукты уплачиваются владѣльцу; когда же таковыя

сдѣлки заключались на деньги, то цѣны доходили до баснословныхъ размѣровъ, и общепринятая арендная плата въ южныхъ графствахъ Ирландіи была отъ 7 до 15 фун. ст. за ирландскій акръ, что равняется (ирландскій акръ нѣсколько больше англійскаго и составляетъ около $^1/_2$ дес.) отъ 50 до 105 руб. за русскую десятину!!

Такимъ образомъ, въ этотъ роковой періодъ, съ 1815 по 1847 годы, всевозможныя обстоятельства стекались для разстройства сельско-хозяйственнаго быта народа. Лорды-вотчинники, отъ великодушія коихъ можно было ожидать смягченія помѣщичьихъ домогательствъ, жили въ отсутствіи, предоставляя все управленіе своимъ прикащикамъ-откупщикамъ и выбирая изъ Ирландіи весь чистый доходъ страны для прожитія его въ Лондонѣ, или на континентѣ; помѣщичьи прикащики въ свою очередь держали крестьянъ-оброчниковъ подъ страхомъ ежеминутнаго отказа и изгнанія, и такъ какъ, по принятому обычаю, отказъ въ арендномъ содержаніи долженъ быть предъявленъ за 6 мѣсяцевъ до срока, то они ввели такой порядокъ, что ежегодно, въ извѣстные сроки, отказывали всѣмъ своимъ фермерамъ безъ исключенія, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи оставлять тѣхъ изъ нихъ, которые наддадутъ высшую цѣну; эти срочные отказы, называемые notices to quit, сдѣлались общимъ закономъ, подъ коимъ жили нѣсколько сотъ тысячъ семействъ, какъ подъ мечомъ, вѣчно надъ ними висящимъ.

Правительство нѣсколько разъ пыталось исправить эти смутные порядки, ввести мѣры, ограждающія бѣдныхъ фермеровъ, но какъ-то выходило, что благонамѣреннѣйшія распоряженія, имѣвшія въ виду облегченіе низшихъ сословій, обращались противъ нихъ и приносили пользу все-таки однимъ крупнымъ собственникамъ: такъ, въ 1793 году расширено было избирательное право и распространено на всѣхъ сельскихъ обывателей, платившихъ 40 Schill. прямыхъ налоговъ; тогда землевладѣльцы, для пріобрѣтенія голосовъ, начали подраздѣлять крупныя фермы на участки, соотвѣтствующіе этому цензу и сдавали ихъ съ обязательствомъ подавать голосъ въ пользу кандидатовъ, указываемыхъ англійскими помѣщиками.

Въ 1829 г. этотъ законъ былъ отмѣненъ и избирательное право оставлено только тѣмъ фермерамъ, которые держатъ аренды по формальнымъ контрактамъ; тогда землевладѣльцы начали избѣгать заключенія договоровъ и сдавали земли по словеснымъ сдѣлкамъ на одинъ годъ, чѣмъ еще болѣе стѣснялись бѣдные оброчники. Въ 1849 г., въ виду общаго обремененія ирландскихъ помѣстій неоплатными долгами, принята была очень полезная мѣра о продажѣ сокращеннымъ порядкомъ таковыхъ имѣній (encumbered estates) несостоятельныхъ помѣщиковъ; но и это распоряженіе не принесло пользы; распроданныя помѣстья перешли въ руки англійскихъ аферистовъ, людей промышленныхъ и предпріимчивыхъ, которые, сообразивъ, что скотоводство на тучныхъ пастбищахъ Ирландіи выгоднѣе хлѣбопашества, приступили къ новой, впрочемъ совершенно раціональной системѣ хозяйства: они отказывали крестьянамъ-оброчникамъ въ продолженіи и возобновленіи договоровъ, заставляли ихъ выселяться въ Америку и, срывая ихъ утлыя жилища, залужая поля, разводили на мѣстахъ прежнихъ поселеній тонкорунныхъ овецъ и дойныхъ коровъ. Съ другой стороны, предначертанія англійскаго правительства о разъясненіи и упроченіи правъ поземельной собственности, тоже не могли состояться, и когда, въ виду возрастающей черезполосности и измельчанія фермерскихъ хозяйствъ, предположено было произвести и въ Ирландіи, по примѣру Англіи, полюбовное размежеваніе (clearing of estates), то эта мѣра возбудила такое сильное волненіе, сопровождавшееся угрозами и убійствами землевладѣльцевъ, что они отказались отъ предоставленнаго имъ права „очищенія помѣстій“ и предпочли продолжать старую систему эксплуатаціи, т.-е. законтрактовывать цѣлыя имѣнія откупщикамъ (middlemen), предоставляя имъ безотчетную власть извлекать изъ мелкихъ фермъ хищническую ренту (rack-rent), которую они добывали всякими неправдами. Большая часть хозяйствъ крестьянъ-оброчниковъ доведена была до такого разстройства, что фермеру изъ всего урожая оставался только картофель, всѣ же остальные хлѣба шли въ уплату аренды или отдавались хозяевамъ въ натурѣ, т.-е. запродавались ихъ прикащикамъ на корню.

Можно, поэтому, себѣ представить, какое дѣйствіе на народное продовольствіе имѣлъ злопамятный 1848 г., когда это

единственное слѣтье ирландскихъ хлѣбопашцевъ, картофель, не уродился и три года сряду не давалъ даже сѣмянъ на посѣвъ. Тогда наступилъ періодъ окончательнаго разоренія и опустошенія этой несчастной страны, періодъ, продолжавшійся до 1861 года.

Въ это время соціальное и аграрное положеніе Ирландіи упало, можно сказать, до всенародной нищеты: въ теченіи 14 лѣтъ (1847—1860) выселилось въ Америку и Австралію 2.209,389 жителей—1/4 всего населенія—общее число жителей въ 20 лѣтъ (1841—1861) уменьшилось на 2.376,157 или на 31% противъ переписи 1841 г. Домохозяевъ было въ 1841—1.427,787 и въ 1861—1.129,218, менѣе 343,569 или 24%; число жилыхъ домовъ въ селеніяхъ уменьшилось на 26%.

Неимущихъ, призрѣваемыхъ на счетъ сельскихъ и городскихъ обществъ, было въ 1849 г. въ одной Ирландіи—620,747, что́ составляло 16% всѣхъ жителей, или 1 нищаго на 6 душъ жителей—расходы на бѣдныхъ въ этомъ году простирались на 2.062,752 L. (14—15 м. рублей) и сборы на общественное призрѣніе (poor-taxe) достигали во многихъ приходахъ 50—75% всей доходности всѣхъ имуществъ, обложенныхъ земскими сборами.

Землевладѣльцы, тоже пострадавшіе отъ неурожаевъ, вынуждены были продавать свои разоренныя имѣнія, и правительство пришло имъ въ помощь, разрѣшивъ въ 1849 году продажу имѣній, хотя бы и состоявшихъ на маіоратныхъ правахъ, если сумма долговъ превышала извѣстный процентъ цѣнности и доходности. Но эта мѣра, какъ мы выше сказали, нанесла послѣдній ударъ крестьянскому сословію, мелкимъ фермерамъ; новые владѣльцы, покупая помѣстья и прямо разсчитывая на выгоднѣйшее помѣщеніе капиталовъ, употребили въ дѣло весь арсеналъ оружій, который по закону и обычаю былъ предоставленъ помѣщичьей власти для эксплуатаціи поземельной собственности.

Это положеніе продолжалось, какъ сказано, около 14—15 лѣтъ, и въ это время, съ помощію голодной смерти, тифозной горячки, понудительнаго выселенія и добровольной эмиграціи, произошло нѣкоторое улучшеніе, совершилось само собой, если можно такъ выразиться, очищеніе помѣстій отъ черныхъ людей, разверстаніе между живыми и мертвыми,

переселенцами и жителями, остановившимися на мѣстахъ. Предположеніе о голодной смерти подтверждается тѣмъ, что въ періодъ 1841—1861, при общемъ уменьшеніи числа жителей на 2.376,157, показано эмигрантовъ только 2.209,389; значитъ, недостаетъ 166,768; а такъ какъ въ средней сложности число новорожденныхъ превышаетъ число умершихъ на 50,000 въ годъ, то надо предположить, что въ эти 20 лѣтъ число людей пропавшихъ безъ вѣсти было не менѣе 1 милліона. Такимъ образомъ, волей Божіей, моромъ и гладомъ достигнута была та цѣль, то благополучное преобразованіе, котораго домогались ирландскіе помѣщики, слѣдуя въ этомъ примѣру своихъ родоначальниковъ—англійскихъ и шотландскихъ ландлордовъ: помѣстья ихъ освободились отъ нищаго населенія и мѣра, уже проведенная въ другихъ частяхъ Великобританіи, такъ-называемая прочистка помѣщичьихъ земель, совершилась и въ Ирландіи.

Съ тѣхъ поръ, примѣрно съ 1861 г., начинается періодъ улучшенія въ Ирландіи; такъ по крайней мѣрѣ представляютъ эти перемѣны съ своей точки зрѣнія европейскіе экономисты и англійское правительство. Они выставляютъ, какъ признаки улучшенія, во-первыхъ: увеличеніе средняго размѣра фермъ или подворныхъ участковъ, сдаваемыхъ крестьянамъ; число мелкихъ фермъ, составляющихъ одну усадебную осѣдлость, каковыми считаются фермы менѣе 5 акр. (1,85 дес.), уменьшилось почти на 75%; фермъ въ 5—15 акр. (1,85 до 5,55 дес.) тоже съ 1848 до 1865 г. меньше на 30%. Наоборотъ, крупныхъ фермъ, отъ 15 до 30 акр., было въ 1865 г. противъ 1848 г. болѣе на 72%, а самыхъ большихъ, выше 30 акровъ, вдвое болѣе. Изъ этого заключаютъ, что число самостоятельныхъ земледѣльцевъ увеличивается и черезполосность, мелкопомѣстность сокращаются.

Во-вторыхъ, также представляются общія валовыя цифры, свидѣтельствующія (если они вѣрны) о возрастающемъ благосостояніи страны—площадь удобныхъ земель, пашни и луговъ, увеличилась съ 13.463,000 акровъ на 14.802,000 (болѣе 1.339,000 акровъ), цѣнность скота, составлявшая въ 1841 г. 21 милл., по послѣдней оцѣнкѣ 1867 г. простирается до $45^1/_2$ милл., число призрѣваемыхъ упало съ 620,747 (въ 1849), на 44,922 (въ 1861 году).

Эти данныя послужили основаніемъ общаго мнѣнія, что періодъ упадка Ирландіи миновалъ и что страна и народъ вышли уже рѣшительно на путь экономическаго прогресса.

Но, вглядываясь внимательно въ эти крупныя числа и валовые итоги, нельзя не видѣть, что они представляютъ состояніе Ирландіи въ нѣсколько обманчивомъ свѣтѣ: такъ, напримѣръ, хотя въ 1853 г. уже считалось воздѣланныхъ угодій 1.339,000—болѣе чѣмъ въ 1841 г., но при дальнѣйшихъ повѣркахъ этихъ итоговъ оказалось, что весь этотъ приростъ относится къ выгонамъ и пастбищамъ и что, въ то же время, число пахатныхъ земель уменьшается. По свѣдѣніямъ за одинъ 1863 годъ оказалось, что въ этомъ году, противъ предшествующаго, было хлѣбныхъ посѣвовъ менѣе 144,719 акр. и корнеплодныхъ (преимущественно картофеля) менѣе 19,358; напротивъ, луговъ и выгоновъ болѣе 71,468.— Льняные посѣвы, какъ извѣстно, самые изнурительные для почвы, также ежегодно прибывали.

По другимъ показаніямъ (Richard Griffiths) въ 1864 г. было пустыхъ земель 6.290,000 акр., изъ коихъ 3.775,000 признавались удобными и способными къ хлѣбопашеству.— Всѣхъ пахатныхъ земель на 1.417,787 сельскихъ семействъ хлѣбопашцевъ было 3.649,092 акр. или около $2^1/_2$ акр. (менѣе 1 дес.) на семью или крестьянскій дворъ; изъ нихъ надо еще вычесть неизвѣстное число акровъ, занятыхъ турнепсомъ, кормовою рѣпой и свеклой,—продуктами, идущими на откормъ скота, а не на пищу людей.

Однимъ словомъ, весь этотъ хозяйственный оборотъ показавшійся съ перваго взгляда очень благодатнымъ и обольстившій, правда, не надолго, самое министерство и парламентъ надеждой наступающихъ для Ирландіи лучшихъ дней, весь этотъ поворотъ разрѣшился тѣмъ, что, съ снятіемъ запрещенія на продажу помѣстій, явились въ Ирландіи, вмѣсто прежнихъ патріархальныхъ и безпечныхъ владыкъ земли, люди предпріимчивые, съ свѣжими силами и капиталами, и поспѣшили дать закоснѣлому сельскому хозяйству этой страны новое, живое направленіе; они безпощадно отказывали неисправнымъ плательщикамъ, возвышали арендную плату, выселяли сельскихъ обывателей, срывали ихъ надворныя и жилыя строенія, залужали ихъ пашни и разводили тучныя паст-

бища и клеверные луга на мѣстахъ выпаханныхъ и истощенныхъ хлѣбными и льняными посѣвами. Страна, ирландская земля—дѣйствительно улучшалась, но только въ отношеніи скотоводства, капитальная цѣнность коего въ 24 года удвоилась; число головъ крупнаго и мелкаго скота прибываетъ ежегодно въ громадной прогрессіи (въ 1864 г. было всѣхъ штукъ скота 7.688,000, въ 1866 г. 9.517,000). Въ отношеніи же хлѣбопашества и хлѣбныхъ продуктовъ, напротивъ, замѣчается общее уменьшеніе производительности; хлѣбовъ собрано было въ 1856—59 гг. среднимъ числомъ въ годъ на сумму 39 м. L.—въ 1860 на34 м.,—въ 1861 на 29,—въ 1862 на 27.—

Въ два года, 1864 и 1866, которые по изобилію урожаевъ были одинаково благополучны, пропорція хлѣбныхъ урожаевъ много уменьшилась.

Хлѣбовъ и картофеля.

Родилось въ	1864 г.	и 1866 г.
Пшеницы .	875,782	805,710
Овса . . .	7.826,332	7.284,835
Ячменя . .	787,069	665,996
Ржи . . .	12,680	19,781
Гороху . .	10,026	8,116
Картофеля .	4.312,388	3.068,594
Итого. .	13.824,277	11.853,032

Итакъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, одинаковыхъ по урожаю, производство хлѣбовъ уменьшилось почти на 2 м. квартеровъ или 2.740,000 четвертей (1 квар.=11,09 четвериковъ). Общая тенденція всѣхъ землевладѣльцевъ Ирландіи въ настоящее время есть обращеніе своихъ хлѣбныхъ запашекъ въ выгонныя хозяйства (Grazing farms), причемъ пространство земель, сдаваемыхъ крестьянамъ, пропорціонально стѣсняется и пашни залужаются. Арендныя цѣны за земли, сдаваемыя по контрактамъ (leases), стояли въ послѣдніе годы на 2—3$^{1}/_{7}$ L. за ирландскій акръ ($^{2}/_{3}$ дес.); но за вольнооброчныя земли дошли до 8, 10 и 12 L. за акръ, что́ составляетъ за русскую десятину около 200 р. годовой платы (sic!!).—Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ разсчетъ, что для прокормленія одного крестьянскаго семейства, состоящаго среднимъ числомъ, по переписи 1861 г., изъ 5,3 душъ, нужно не менѣе 10 акр.

(6,4 дес.), а что изъ числа фермъ, сдаваемыхъ на вольный оброкъ, почти всѣ, слишкомъ 500,000, ниже этого размѣра.

Такимъ образомъ, послѣ очень краткаго промежутка политическаго оптимизма, появился опять, какъ memento mori блистательнаго англійскаго общества, этотъ вѣчно докучный вопросъ ирландскій въ сопровожденіи новаго народнаго возстанія такъ называемыхъ феніевъ. На этотъ разъ министры, подкрѣпивъ себя радикаломъ Bright, рѣшились приступить къ коренному вопросу, къ вопросу аграрному, который и былъ формулированъ въ извѣстномъ биллѣ 1872 г. Irish land-bill.

Билль этотъ имѣетъ непосредственнымъ предметомъ регулировать, упрочить поземельныя отношенія между фермерами и землевладѣльцами, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить покупку помѣщичьихъ земель поселянамъ-оброчникамъ, на нихъ водвореннымъ; первая изъ этихъ цѣлей выговорена ясно и проведена вполнѣ, вторая только намѣчена вскользь, и какъ будто оставлена впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ отношеніи аредной системы приняты мѣры дѣйствительно полезныя: пользуясь мѣстными обычаями, Land-bill, чтобы не разрывать установившихся порядковъ крупными реформами, принимаетъ за образецъ и исходную точку своихъ преобразованій такъ-называемый Ольстерскій обычай—tenant right, выше нами описанный, который даетъ законную юридическую силу всѣмъ существующимъ и впредь заключаемымъ сдѣлкамъ этого рода, учреждаетъ особыя присутствія для разбирательства поземельныхъ исковъ и аредныхъ тяжбъ, и вооружаетъ мировыхъ судей полною властію для понужденія и принужденія землевладѣльцевъ къ соблюденію этихъ условій.

Такимъ образомъ, этотъ разрядъ фермеровъ уже нынѣ вышелъ совершенно изъ обычнаго права и перешелъ подъ охрану прямого закона и общесословнаго суда.

Затѣмъ Land-bill идетъ далѣе, и примѣняетъ отчасти тѣ же Ольстерскія правила и ко всѣмъ прочимъ фермамъ, находившимся на вольномъ безконтрактномъ содержаніи (atwill), установляетъ общій законъ, что фермеръ, получившій отказъ въ дальнѣйшемъ содержаніи аренды, имѣетъ право требовать

вознагражденія за всѣ имъ произведенныя улучшенія (разчистки канавъ, дренажъ, строенія)—и, идя далѣе, чѣмъ обычай графства Олстеръ, возлагаетъ уплату таковой неустойки не на въѣзжающаго новаго фермера, но на самого землевладѣльца.

Далѣе, по Land-bill-ю опредѣляется и нормальный размѣръ таковой неустойки; она возвышается въ обратной пропорціи къ суммѣ арендной платы: для фермъ, коихъ аренда менѣе 10 L., норма неустойки, какую можетъ требовать фермеръ, равняется 10-кратной суммѣ аренды; для фермъ отъ 10 до 31 L. неустойка полагается въ 5 разъ противъ годовой аренды; для самыхъ крупныхъ фермъ болѣе 100 L., высшая сумма неустойки равна годовому платежу. Изъ этого выходитъ, что мелкіе фермеры, аренда коихъ 20 L., помножая ее на 5, получаютъ неустойки столько же, сколько фермеръ съ 100 L., который можетъ требовать не болѣе 100 L. Это значительное преимущество, данное мелкимъ бѣднѣйшимъ фермерамъ надъ зажиточными арендаторами, характеризуетъ и главную тенденцію этого акта—закрѣпить по возможности за крестьянами-оброчниками пользованіе настоящими ихъ оброчными статьями и удалить отъ нихъ конкурренцію богатѣйшихъ фермеровъ, перекупающихъ ихъ фермы за самую дешевую приплату.

Еще болѣе радикальное нововведеніе состоитъ въ томъ, что всякія новыя сооруженія и устройства (improvements), произведенныя фермерами за ихъ счетъ, даютъ имъ право требовать полнаго разсчета отъ владѣльца и что разсчетъ этотъ, если онъ не принимается помѣщикомъ, подлежитъ разсмотрѣнію начальства; — отъ этого права на разсчетъ фермеръ не можетъ даже отрекаться, и всякое условіе такого рода, если оно и включено въ контрактъ, предполагается вынужденнымъ и не имѣетъ силы; изъятіе изъ этого правила допускается только въ томъ случаѣ, если аренда заключена на долгій срокъ, не менѣе 31 года.

Но самое главное и строгое распоряженіе этого законоположенія есть правило, по коему, въ случаѣ неисправнаго платежа арендной суммы, дѣло переносится на разсмотрѣніе поземельнаго присутствія, которое обсуждаетъ, не произошла ли неисправность фермера отъ требованія слишкомъ

высокой платы (rack-rent), и въ случаѣ, если находитъ требуемую плату дѣйствительно непосильной, чрезмѣрной, можетъ отказать владѣльцу въ правѣ увольненія фермера и оставить его въ пользованіи арендуемой землей противъ воли самого помѣщика; въ случаѣ же его формальнаго протеста принуждаетъ его къ уплатѣ всѣхъ проторей и убытковъ, какіе по усмотрѣнію трибунала терпитъ арендаторъ отъ своего изгнанія съ земли. Для этого, при каждомъ поземельномъ присутствіи назначаются присяжные оцѣнщики, которые опредѣляютъ по совѣсти сумму вознагражденія за улучшенія и сооруженія и подаютъ мнѣніе относительно высоты арендной платы.

Наконецъ, послѣднее, можно сказать побочное, но тѣмъ не менѣе многознаменательное нововведеніе заключается въ тѣхъ статьяхъ, которыя опредѣляютъ право покупки фермерами арендуемыхъ ими земель. Эта покупка вѣрнѣе должна быть названа выкупомъ, но, избѣгая этого слова, которое связано съ понятіемъ о крѣпостномъ правѣ, и желая дать этой мѣрѣ видъ совершенно добровольной сдѣлки, билль выговариваетъ только право арендаторовъ скупать свои участки съ согласія землевладѣльца, не опредѣляя ни размѣра купчихъ земель, ни нормальной ихъ цѣнности и оставляя всѣ условія на соглашеніе договаривающихся сторонъ. Поэтому мы и думаемъ, что эта часть Land-bill-я составляетъ, можно сказать, только намекъ на дальнѣйшіе виды правительства и первый опытъ введенія выкупной операціи; но тѣмъ не менѣе значеніе его очень важно, въ особенности если имѣть въ виду тѣ коренныя права и основы землевладѣнія, которыя доселѣ составляли существо англійскаго аграрнаго строя, и которые этимъ биллемъ если и не отмѣняются, то по крайней мѣрѣ обходятся и колеблются, именно право свободнаго, неограниченнаго распоряженія частной собственностью.

Право это, примѣненное къ землевладѣнію, имѣло то послѣдствіе, что хотя маіоратное владѣніе никогда по закону не вводилось въ Англіи и не охранялось никакими привилегіями, но на практикѣ существовало повсемѣстно; законъ не дозволялъ, но и не запрещалъ лордамъ учреждать маіораты (entails), заказывать свои лѣсныя дачи и прочія угодья и назначать порядокъ наслѣдованія по усмотрѣнію; вслѣдствіе

этой полной свободы и аристократическаго духа имущественныхъ классовъ, всюду, какъ въ Ирландіи, такъ и въ Англіи и еще болѣе въ Шотландіи, помѣстья переводились на маіоратное право и, кромѣ того, вошло въ обычай установлять по завѣщанію такъ-называемыя settlements, отказы имѣній въ пользу нѣсколькихъ поколѣній наслѣдниковъ.

Эти settlements составляли главное препятствіе къ вольной продажѣ земель; они состояли въ томъ, что владѣльцу предоставлялось назначать наслѣдниковъ изъ нѣсколькихъ послѣдующихъ колѣнъ своихъ нисходящихъ родственниковъ и обозначать ихъ поименно (nominees) съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ завѣщаннымъ имѣніемъ они вступали бы и въ наслѣдство завѣщаннымъ имѣніемъ. — Часто такія settlements распространялись на нѣсколько поколѣній, напримѣръ на малолѣтняго сына, его старшаго наслѣдника, и по смерти внука еще на срокъ 21 года. — Среднимъ числомъ, по отзыву англійскихъ писателей (Mac-Culloch, Quarterly Review) срокъ дѣйствій этихъ распоряженій продолжался отъ 50 до 60 лѣтъ, но часто цѣлое столѣтіе, если предназначенные наслѣдники были малолѣтніе; и такъ какъ, по минованіи срока, подобныя же сдѣлки возобновлялись, то по существу большая часть имѣній по волѣ завѣщателей превратились въ заповѣдныя вотчины, не подлежащія ни залогу, ни продажѣ.

Это положеніе вещей, присвоивавшееся всему англійскому помѣстному сословію, помимо законодательства, но по силѣ многолѣтняго обычая, возлагало на правительство крайнюю осторожность при предстоящей реформѣ и предварительно оно должно было снять съ помѣстной собственности запрещеніе, наложенное на нее вышеупомянутыми entails и settlements; это и было отчасти сдѣлано въ Ирландіи въ 1849 г. (Act of encumbered estates).

Но главныя основанія будущаго радикальнаго преобразованія уже предначертаны въ Land-bill-ѣ: какъ только состоялось соглашеніе между фермеромъ и владѣльцемъ земли о продажѣ оброчной статьи, казна открываетъ первому кредитъ въ размѣрѣ $^2/_3$ продажной цѣны; погашеніе долга разсрочивается на 35 лѣтъ по разсчету 5% въ годъ. Кромѣ того, и чернорабочимъ, безземельнымъ батракамъ и поденщикамъ, если они желаютъ пріобрѣсти въ собственность усадьбу (cottage),

въ коей живутъ, дается ссуда отъ правительства съ таковой же разсрочкой.

Таковы главныя черты этого многознаменательнаго акта, который, по нашему разумѣнію, открываетъ новую эру соціально-аграрнаго устроенія не только въ Ирландіи и Англіи, но во всемъ старо-европейскомъ мірѣ. — Преувеличивать его настоящаго значенія мы не хотимъ, хотя „Times“, этотъ живой отголосокъ общественнаго мнѣнія Англіи, по поводу билля, искусно проведеннаго Гладстономъ, отзывается, что онъ создаетъ новую область законодательства.—Скорѣе можно сказать, что онъ открываетъ входъ въ такую область и останавливается на порогѣ; непосредственнаго дѣйствія къ разрѣшенію вопроса законъ этотъ не можетъ имѣть, покуда выкупъ фермъ предоставленъ вольному соглашенію, безъ опредѣленія размѣровъ и выкупныхъ нормальныхъ цѣнъ, и покуда также запретительныя и заказныя статьи не будутъ сняты со всѣхъ имѣній. Самое дѣло поэтому впереди... Но моральное значеніе этой реформы гораздо больше, чѣмъ буквальный ея смыслъ, область ея дѣйствія и вліянія несравненно шире, чѣмъ начертанный кругъ ея дѣйствія, и очевидно, что дѣло идетъ не объ одной Ирландіи, но о перестройкѣ всего монументальнаго зданія англійскаго землевладѣнія.

Главный смыслъ ирландскаго земельнаго билля есть тотъ, что арендованіе, фермерство и всякое оброчное содержаніе земельныхъ угодій имѣютъ, вмѣстѣ съ значительными выгодами и удобствами, очень вредное дѣйствіе на земледѣліе и земледѣльцевъ, если заключеніе подобныхъ сдѣлокъ, заоброчиванье и переобрачиванье предоставляются полному, неограниченному произволу собственниковъ; что при этомъ обнаруживается, что добровольное соглашеніе другой стороны, нанимающей, арендующей помѣщичьи земли, хотя по закону и предполагается вполнѣ вольнымъ, но въ дѣйствительности, въ бо́льшей части случаевъ, оказывается вынужденнымъ, особенно въ странахъ крупнаго землевладѣнія, гдѣ число запрашивающихъ, ищущихъ земли, какъ въ Ирландіи и Англіи, въ 500 или 1000 разъ больше числа предлагающихъ—землевладѣльцевъ, и что поэтому въ концѣ-концовъ, если не желать окончательной

экспропріаціи всѣхъ сельскихъ обывателей, надо законодательнымъ порядкомъ установить нормальныя кондиціи арендныхъ сдѣлокъ, подвести ихъ подъ общій законъ и общую подсудность и подчинить этого рода соглашенія нѣкоторымъ правиламъ, при несоблюденіи коихъ договоръ теряетъ свою законную силу. Аргументацію эту министерство подкрѣпляло примѣромъ, что если запрещается англійскому подданному продавать себя въ личное рабство, то точно также можно запретить ему и отдавать себя въ хозяйственную кабалу, и что состояніе ирландскихъ фермеровъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ совершенно подходитъ подъ это понятіе кабалы, холопства.—Гладстонъ, между прочимъ, объяснялъ, что принципъ, защищаемый многими экономистами и долго служившій основой всей политикѣ Англіи по хозяйственному управленію, принципъ полной свободы частныхъ сдѣлокъ оказывается на практикѣ, въ особенности въ Ирландіи, ошибочнымъ и лживымъ; что несправедливо мнѣніе, будто бы взаимнодѣйствіе запроса и предложенія и обоюдныя выгоды хозяина и земледѣльца, собственника и фермера служатъ лучшими регуляторами хозяйственныхъ отношеній. Въ опроверженіе этихъ научныхъ теорій, столь долго слывшихъ непреложными, Гладстонъ приводилъ факты, что въ Ирландіи (англійскій premier избѣгалъ говорить объ Англіи) многіе помѣщики возвышаютъ арендную плату вовсе не для того, чтобы возвысить доходность имѣній, зная напередъ, что такой высокой ренты никакимъ способомъ извлечь и уплатить нельзя, но единственно съ умысломъ привести фермера въ положеніе несостоятельнаго должника и воспользоваться его несостоятельностію или для изгнанія его съ арендуемой земли, или для того, чтобы принудить его, подъ страхомъ такого изгнанія, подавать голосъ во всѣхъ общественныхъ и парламентскихъ выборахъ по приказанію лорда-вотчинника.

Изъ этого видно, что англійское правительство цѣлитъ гораздо дальше, чѣмъ высказано въ проектѣ Irish-Land-Bill; ближайшая, непосредственная его цѣль, заявленная въ мотивахъ и рѣчахъ министровъ, была только та, чтобы дать болѣе опредѣлительности арендным сдѣлкамъ (fixity of tenure), и это скромное пожеланіе было дѣйствительно очень долгое время высшимъ притязаніемъ ирландскихъ оброчниковъ; но

въ настоящее время требованія расширились, не говоря уже о домогательствѣ сельскихъ сословій, заявляющихъ права свои на отводъ земельнаго надѣла. Мы замѣтимъ, что главные авторитеты науки и предводители партій начинаютъ склоняться къ тому же принципу выкупа помѣщичьихъ фермъ.— Lord John Russel, предводитель виговъ, еще въ 1847 г. заявлялъ, что всѣ общественныя земли (commons) должны быть выкуплены у помѣщиковъ казной для поселенія бѣднѣйшихъ сельскихъ обывателей. Bright, предводитель радикаловъ, въ своихъ рѣчахъ постоянно отзывается, что помочь ирландскимъ фермерамъ можно только выкупомъ ихъ усадьбъ и подворныхъ участковъ. Stuart Mill въ предсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ идетъ далѣе и, говоря объ общемъ положеніи сельскихъ рабочихъ и фермеровъ въ Англіи, подаетъ мнѣніе, что надо отмѣнить вовсе билль о разверстаніи угодій (inclosures bill), отвести общинныя земли бѣднѣйшимъ поселянамъ и открыть кредитъ всѣмъ фермерамъ для выкупа своихъ арендныхъ участковъ. Эти мнѣнія уже успѣли такъ распространиться въ народѣ, что въ 1872 г. фермеры маркиза Waterford (въ графствѣ Londonderry) заявили формально о желаніи своемъ выкупить всѣ арендныя земли этого владѣльца, рента коихъ составляетъ громадную сумму 90,000 р. въ годъ.

Этимъ мы заключаемъ обзоръ аграрныхъ переворотовъ въ Ирландіи и приписываемъ ему двоякое значеніе, относящееся ко всей Англіи и ко всему помѣстному быту средней Европы: 1) что землевладѣніе не признается болѣе такимъ полнымъ, неприкосновеннымъ правомъ, чтобы оно не подлежало въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторымъ ограниченіямъ и уступкамъ въ пользу другихъ интересовъ и другихъ сословій, съ полною оплатою таковыхъ уступокъ за счетъ государственной казны, — 2) что высшая цѣль, къ коей должно стремиться хозяйственное управленіе въ современныхъ обществахъ, есть пріобрѣтеніе въ собственность фермерами и оброчниками тѣхъ земель, на коихъ они нынѣ водворены на условныхъ и срочныхъ правахъ владѣнія.

Описавъ отрывисто разнообразныя учрежденія англійскаго землевладѣнія, мы для большей ясности повторимъ здѣсь главныя его черты, сначала въ исторической ихъ послѣдовательности, а потомъ въ общемъ очеркѣ современнаго его состоянія.

Аграрное положеніе Англіи потерпѣло три существенныхъ переворота, которые могутъ быть отнесены къ тремъ различнымъ эпохамъ; первый — къ норманскому вторженію, второй — къ началу среднихъ вѣковъ и третій — къ новѣйшему времени, концу XVIII вѣка.

Первый видъ землевладѣнія въ Англіи, какъ и въ Германіи, былъ общинный; мірская земля подраздѣлялась на три разряда: folkland, состоявшій изъ выгоновъ и лѣсовъ, пользованіе коими принадлежало сообща цѣлому селенію или волости (township) и всѣмъ домохозяевамъ безъ изъятія; затѣмъ пахатныя и луговыя угодья, подѣленныя между семьями, разбитыя на три клина и подлежавшія срочнымъ передѣламъ по жеребью, и наконецъ усадьбы съ жилыми домами и хозяйственными строеніями, которыя состояли въ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ семействъ и признавались частной ихъ собственностью. Эти усадьбы, огороженныя и окопанныя, были первые зародыши участковаго и личнаго владѣнія, и самый актъ огораживанья (inclosure) считался выдѣломъ изъ общиннаго владѣнія, изъ мірской земли, принадлежавшей селенію—town. [7])

Въ исходѣ саксонскаго періода уже послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ этомъ равноправномъ владѣніи; изъ массы народа, изъ крестьянъ, выдѣлились нѣсколько крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ, но несравненно бо́льшая часть земель состояла въ общинномъ владѣніи крестьянъ, подъ именемъ commons или open fields.

Въ XI столѣтіи, послѣ водворенія нормановъ, произошелъ въ аграрномъ положеніи Англіи внезапный переворотъ: меньшая часть прежнихъ саксонскихъ общинниковъ сохранила свои владѣнія, но уже въ видѣ особыхъ подворныхъ участковъ, и эти мелкопомѣстные владѣльцы, сначала носившіе названіе sochemani, впослѣдствіи freeholders и yeomanry, составили главную основу того независимаго помѣстнаго сословія (gentry, countrysquires), которое въ продолженіи всѣхъ

среднихъ вѣковъ такъ твердо отстаивало народныя вольности и политическую свободу.

Другая часть крестьянъ называлась villani, и держала земли въ опредѣленныхъ по каждому графству размѣрахъ отъ 16 до 48 акровъ (6—18 дес.), исправляла повинности въ пользу лордовъ-вотчинниковъ, и состояла на правахъ вольныхъ, но обязанныхъ поселянъ, изъ коихъ впослѣдствіи образовался классъ copy-или lease-holders. Наконецъ третій разрядъ были бобыли, огородники, однодворцы (cottarii, bordarii), надѣленные дворами безъ другихъ угодій и проживавшіе большею частію пользованіемъ общинныхъ земель, пастьбой скота на мірскихъ выгонахъ и добычей топлива изъ общихъ лѣсныхъ дачъ.

Это соціальное положеніе сохранилось почти неизмѣнно во все продолженіе среднихъ вѣковъ и, какъ мы выше видѣли, еще въ XVII столѣтіи, по показанію Macaulay, считалось въ Англіи 160,000 мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Вообще феодальное владычество ландлордовъ въ эти времена было несравненно мягче, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы и чѣмъ оно сдѣлалось впослѣдствіи въ самой Англіи: стѣснительныя для сельскихъ обывателей положенія смягчались нравами, обычаями и судебной практикой; арендныя условія (court-rolls и copy of the court-rolls) истолковывались судебными мѣстами бóльшею частію въ пользу оброчныхъ крестьянъ, и помимо закона установилось правило, что землевладѣлецъ не имѣетъ права отказывать поселянамъ, покуда они платятъ исправно. Такимъ образомъ, пользуясь по закону всѣми политическими и гражданскими правами и по обычаю наслѣдственнымъ пользованіемъ землей,—эти три разряда сельскихъ обывателей, вольные владѣльцы (freeholders), обязанные поселяне (copyholders) и бобыли (cottiers) постепенно сливались въ одно сословіе, вольныхъ и полноправныхъ гражданъ.

Впрочемъ, поворотъ, разрѣшившійся обезземеленьемъ всѣхъ этихъ сословій, повидимому, подготовлялся издавна, но исподволь и съ замѣчательной умѣренностью и политическимъ тактомъ со стороны англійской аристократіи.

Онъ начался разверстаніемъ угодій, причемъ, оставляя поселянъ на мѣстахъ, лорды ограничивались тѣмъ, что отмѣ-

чали новыми межевыми знаками пустоши, выдѣленныя въ ихъ непосредственное владѣніе; арендныя условія соблюдались, но вотчинники не соглашались болѣе заключать письменныхъ контрактовъ и съ значительными уступками оставляли оброчныя земли за прежними съемщиками, только безъ срока, безъ всякаго вида и акта, на произволъ землевладѣльца. Въ дѣйствительности, до XVI и XVII столѣтія, сельскій бытъ остался въ прежнемъ положеніи, и бѣдные обыватели, пользуясь милостями и покровительствомъ лордовъ, могли и вовсе не замѣчать, что ихъ имущества уже перешли de jure въ полную собственность ихъ знатныхъ господъ.

Но въ XVI и еще болѣе въ XVII столѣтіи, разверстанія (clearance) приняли уже другой характеръ: внезапное возвышеніе цѣнъ на шерсть и на другіе продукты скотоводства, побудило многихъ землевладѣльцевъ упразднить фермы и запашки и замѣнить ихъ овчарнями съ выгонами и лугами; при Генрихѣ VIII зло это приняло уже большіе размѣры; цѣлыя селенія срывались и выселялись; на мѣстахъ, гдѣ жило 200 человѣкъ, пишетъ король, остаются два пастуха, и лорды, разводя огромныя стада овецъ въ 10—20 тысячъ головъ, очищали для нихъ мѣста изъ-подъ жилыхъ строеній и селъ. Мѣры, принятыя королями, Генрихомъ VII и VIII, о запрещеніи срывать строенія на фермахъ, имѣющихъ болѣе 20 акровъ ($7^1/_2$ дес.) и упразднять фермы, уплачивающія болѣе 30 марокъ аренды, и позднѣйшее постановленіе, предписывающее содержать въ исправности жилыя строенія въ фермахъ въ 30—50 акровъ — всѣ эти распоряженія имѣли только то дѣйствіе, что охранили болѣе крупныя арендныя статьи, но окончательно уничтожили мелкія, находившіяся въ содержаніи крестьянъ.

Послѣ Генриха VIII учреждена была даже особая коммиссія для противодѣйствія этимъ захватамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, совершавшимся подъ видомъ и предлогомъ разверстанія (for redress of inclosures). Описавъ всѣ злоупотребленія и вредъ этой операціи, коммиссія предлагала ограничить нормальнымъ размѣромъ величину фермъ, чтобы открыть бо́льшему числу сельскихъ жителей доступъ къ содержанію оброчныхъ статей; но помѣстное сословіе уже въ то время преобладало въ парламентѣ и отвергло предложенный билль.

Тогда вспыхнули крестьянскія возстанія (1549 г.), послѣдній протестъ обезземеленныхъ крестьянъ; но возстанія были легко подавлены, и съ слѣдующаго XVII столѣтія воцарилось во всей Великобританіи безусловное владычество землевладѣльческаго сословія.

Такъ какъ бо́льшая часть прежнихъ арендаторовъ, жившихъ по контрактамъ и инвентарямъ, переведена была на вольный оброкъ и проживала на чужихъ земляхъ безъ всякаго письменнаго договора и что ни у нихъ, ни даже у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (yeomen, free-holders) не сохранилось актовъ на владѣніе или пользованіе, то понятно, что процессъ разверстанія всегда рѣшался въ пользу ландлордовъ, снабженныхъ нужными документами и располагающихъ капиталами для покрытія громадныхъ расходовъ размежеванія. Съ 1710 года по 1843-й, такимъ образомъ, правдой и неправдой, разверстано болѣе 7 милл. акровъ, поступившихъ бо́льшею частію изъ крестьянскаго общиннаго владѣнія въ частное — помѣщичье, и лордъ Линкольнъ въ 1845 г. свидѣтельствовалъ въ полномъ парламентѣ, что въ 19 случаяхъ изъ 20 права крестьянъ были пожертвованы интересамъ землевладѣльца, не столько по злому умыслу, сколько по причинѣ разныхъ формальностей, доказательствъ, требуемыхъ отъ крестьянъ и придирокъ, имъ чинимыхъ адвокатами, щедро оплаченными богатыми лордами. Какъ быстро и внезапно совершился этотъ переворотъ, видно изъ того, что еще въ 1844 г. общинные выгоны занимали обширныя пространства въ центральныхъ и восточныхъ графствахъ, но уже въ 1867 г. всѣ эти общинныя земли были разверстаны и приписаны къ пустошамъ лордовъ. Arthur Young въ концѣ прошлаго столѣтія писалъ, что при всякомъ крестьянскомъ дворѣ (cottage) онъ всегда находилъ небольшую полосу пашни, а M. Caird въ 1850 г. показываетъ, что пахатныхъ земель нигдѣ болѣе при этихъ коттежахъ не остается.

Однимъ словомъ, въ теченіи XVIII столѣтія и первой четверти XIX-го произошелъ въ Англіи, въ средѣ уже высоко-образованной, при полной свободѣ политическихъ правъ, прессы и суда, мирно, безъ потрясенія и смутъ, переворотъ, небывалый въ лѣтописяхъ Стараго Свѣта, по крайней мѣрѣ нигдѣ не встрѣчающійся въ такихъ размѣрахъ и въ такой

формѣ самовольнаго захвата чужой собственности и экспропріаціи цѣлаго народа. Онъ происходилъ такъ постепенно и незамѣтно, что сельскія общества узнавали бо́льшею частію объ отчужденіи своихъ земель не прежде, какъ когда землевладѣльцы отказывали имъ въ пользованіи, запирали стада, запрещали въѣздъ въ лѣсныя дачи, или срывали крестьянскіе дворы; въ концѣ XVIII столѣтія (1786 г.) считалось еще 160,000 собственниковъ, изъ коихъ большая часть не вѣдала о произведенной разверсткѣ и узнала о ней, когда предъявлены были акты (inclosures acts) разверстанія.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, численность сельскихъ сословій уменьшается въ Англіи такъ быстро, что можно предвидѣть, что централизація поземельной собственности скоро достигнетъ высшаго размѣра. Въ одной статьѣ нѣмецкаго журнала—„Augsburger Zeitung“, 23 сентября 1874 г., редактированномъ извѣстнымъ экономистомъ Максомъ Виртомъ, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: въ Англіи считалось.

	въ 1861 г.	въ 1871 г.
Всего народонаселенія	20.066,224	22.712,266
Въ томъ числѣ землевладѣльцевъ . .	30,766	22,964
Земледѣльцевъ и сельскихъ рабочихъ.	1.098,261	922,054

Значитъ въ это время, въ одно десятилѣтіе:

народонаселенія прибыло	1.646,042.
землевладѣльцевъ уменьшилось	7,802.
а земледѣльцевъ	176,207.

[10]).

Таковъ былъ историческій ходъ англійскаго землевладѣнія, прослывшаго по всей справедливости типомъ аристократической собственности. Могущество и благосостояніе Великобританіи дошло во второй половинѣ нашего столѣтія до кульминаціоннаго своего пункта. Съ 1866 г. замѣтно обратное движеніе и упадокъ народныхъ силъ: эмиграція, которая въ 1860—63 годахъ доходила только до 141,000 въ годъ, въ 1867—69 усилилась до 216,700; число призрѣваемыхъ неимущихъ, упавшее въ 1866 на 290,344, дошло въ 1870 до 1.079,391. Въ сессію парламента 1870—1871 года многіе члены обѣихъ палатъ, Thornton въ нижней, епископъ Fraser

въ верхней положительно заявили, что упраздненіе commons, общинныхъ выгоновъ, на коихъ бѣднѣйшіе домохозяева пасли мелкій свой скотъ и домашнюю птицу, имѣло то послѣдствіе, что лишило бѣдныхъ людей прежней ихъ мясной порціи; что многіе благородные землевладѣльцы (squires) удаляли крестьянъ и сносили ихъ жилыя хижины только для того, чтобы очистить виды своихъ парковъ и придать фермамъ благообразную наружность; что число сельскихъ жилыхъ домовъ съ 1841 по 1861 г. уменьшилось въ 821 сельскихъ обществахъ, а всего во всей Англіи на 343,569 строеній, между тѣмъ какъ въ то же время (1841—1861) населеніе возросло на 4.152,076 душъ; что положеніе сельскихъ рабочихъ очень незавидное и поденная ихъ плата не превышаетъ въ средней сложности 7—8 шилл. въ недѣлю (210—240 коп.); наконецъ, что многія мѣстности, цѣлые приходы въ новѣйшее время превращены были по распоряженію мѣстныхъ помѣщиковъ въ какіе-то запрещенные округа (close parishes), куда не впускались новые поселяне и откуда постепенно выселялись и прежніе обыватели, коль скоро рождалось опасеніе, что они могутъ пасть на попеченіе общественнаго призрѣнія; такъ что бѣднѣйшіе обыватели были нѣкоторымъ образомъ замкнуты въ приходахъ, оставшихся открытыми и обремененныхъ, поэтому, непосильными сборами на бѣдныхъ.

Положеніе сельскихъ рабочихъ и ихъ заработки находились въ прямой зависимости отъ числа неимущихъ и обратно, пролетаріатъ—отъ рабочихъ цѣнъ: въ сѣверо-западной полосѣ (West-Riding), гдѣ средній заработокъ сельскихъ рабочихъ доходитъ 12 Sh. въ недѣлю (60 к. въ день), неимущихъ считается 3—4% всѣхъ жителей, сборъ на бѣдныхъ 1 Sh. съ 1 L. доходности, или 3—4 Sh. съ души. Въ южныхъ графствахъ (Norfolk, Sussex, Dorset, Suffolk, Bedford) заработки не выше 8 Sh. (40 к. въ день), бѣдныхъ считается 13—16% и сборъ на нихъ составляетъ среднимъ числомъ 2 Sh. на 1 L. доходности и 10 Sh. на жителя. Такимъ образомъ выходитъ, что округа, гдѣ переходъ рабочихъ воленъ, несутъ двойную и тройную повинность противъ замкнутыхъ приходовъ (close parishes).

Герцогъ д'Аргайль въ Лондонскомъ статистическомъ обществѣ показывалъ, что оффиціальныя свѣдѣнія о числѣ земле-

владѣльцевъ, собираемыя при народныхъ ревизіяхъ, совершенно не вѣрны, и что они преувеличиваются оттого, что многихъ временныхъ и обязанныхъ поселянъ, фермеровъ, водворенныхъ съ незапамятныхъ временъ на помѣщичьихъ земляхъ, смѣшиваютъ съ помѣщиками и вотчинниками и что, такимъ образомъ, въ гр. Sutherland насчитываютъ 272 землевладѣльца, между тѣмъ какъ ихъ всего 6. Bright въ своей рѣчи, 27 августа 1866 г., утверждалъ, что половина всѣхъ удобныхъ земель Англіи принадлежитъ 150 владѣльцамъ, а половина Шотландіи 10 или 12 лордамъ.

Таковыя положительныя заявленія, предостереженія англійскихъ экономистовъ и новыя смуты, возникшія въ Ирландіи подъ знаменемъ феніевъ, наконецъ понудили министерство внести въ парламентъ столь извѣстный—Irish Land Bill, который мы разбирали выше.

Мы выше объяснили значеніе его для Ирландіи, но, кромѣ того, мы полагаемъ, что этотъ законодательный актъ имѣетъ и другое значеніе, несравненно важнѣйшее для всей Англіи, для всего образованнаго свѣта. Онъ, очевидно, пущенъ былъ какъ пробный шаръ для испытанія общественнаго мнѣнія. Замѣтя, что вѣтеръ дуетъ еще въ направленіи неблагопріятномъ для реформъ, плаватели отложили свои намѣренія и даже сошли на время съ политической сцены; виги и радикалы, Гладстонъ и Брайтъ, подали въ отставку и передали власть въ руки тори. Но вопросъ остается открытымъ—и на первой очереди въ Англіи стоятъ аграрныя реформы.

По исконному порядку, вопросъ этотъ, прежде чѣмъ перейти къ разрѣшенію, прежде чѣмъ быть формулированнымъ въ проектѣ, долженъ пройти черезъ горнило народной агитаціи, и этотъ очистительный процессъ нынѣ и производится. Но принципы предстоящаго преобразованія уже признаны и выражены не только въ рѣчахъ народныхъ агитаторовъ и уличныхъ трибуновъ, не только учеными авторитетами, какъ Стюартомъ Миллемъ, но и государственными людьми, политическими дѣятелями, какъ Гладстономъ и Брайтомъ.

„Свобода контрактовъ, сказалъ Гладстонъ въ своей рѣчи при представленіи ирландскаго билля, была большое зло для Ирландіи. Но и во всякой другой странѣ, пользующейся здоровымъ и правильнымъ общественнымъ строемъ, нельзя допу-

стить полной, неограниченной свободы договоровъ; въ англійскомъ законодательствѣ мы уже нынѣ встрѣчаемъ много случаевъ вмѣшательства правительства въ частныя сдѣлки, и случаи эти представляются все чаще.“

Заключеніе, не высказанное Гладстономъ, есть то, что право поземельной собственности должно подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ, въ отношеніи договоровъ объ арендѣ земель.

Мы сводимъ всѣ предъидущія наши изслѣдованія объ Англіи въ слѣдующія главныя статьи.

1) Въ общія понятія европейской публики объ Англіи вкралось одно глубокое недоразумѣніе—будто бы аристократическій строй этой страны основанъ на маіоратномъ или заповѣдномъ владѣніи и на правѣ наслѣдованія по старшинству, издревле усвоившимся въ разныхъ частяхъ Соединенныхъ королевствъ. Если разумѣть подъ словомъ „маіоратъ“ такое установленіе, которое опредѣляетъ изъ рода въ родъ и на вѣчныя времена порядокъ наслѣдованія, запрещая притомъ всякое отчужденіе, раздѣлъ или закладъ имѣній (какъ напримѣръ Fideicomissen по германскому праву), то таковаго въ Англіи никогда не существовало. Ландлорды нѣсколько разъ пытались исторгнуть отъ королей таковыя привилегіи и успѣли-было ввести маіоратное право въ первыя времена послѣ нашествія нормановъ; но уже Генрихъ VII (въ XV стол.) приказалъ считать всѣ вотчины вольными на помѣстномъ правѣ; въ революціонный періодъ (1646—1656) было два раза подтверждено признавать всѣ помѣстья частными и вольными имуществами. Порядокъ наслѣдованія и право отчужденія были всегда и вполнѣ вольные въ Англіи, но въ то же время были неограниченно вольны и права завѣщанія, заповѣди, отказа, и эти-то два права вмѣстѣ взятыя и произвели смѣшеніе понятій объ англійскомъ землевладѣніи.

Завѣщатель могъ отказывать вотчину кому угодно изъ наслѣдниковъ и, обыкновенно, по обычаю свято соблюдаемому всѣми аристократическими родами, отказывалъ ее старшему сыну; прочіе наслѣдники тоже, по чувству долга и уваженія къ волѣ родителей, также безпрекословно покорялись этимъ распоряженіямъ. По закону, правда, допу-

скалось назначеніе двухъ колѣнъ наслѣдниковъ, напримѣръ сына и внука, или племянника и его старшаго или младшаго сына, но далѣе распоряженіе владѣльца не имѣло силы, не обязывало нисходящія линіи. — Однимъ словомъ, никто не имѣлъ права учреждать маіоратное владѣніе на вѣчныя времена и даже по имѣніямъ, заповѣданнымъ одному наслѣднику, допускался залогъ имущества для выдѣла вдовъ и младшихъ сыновей на сумму $^2/_3$ всей капитальной цѣнности.—Кромѣ того, по соглашенію самого владѣльца (tenant in possession), съ тѣмъ лицомъ, которому поручалось наслѣдство (tenant in bail), заповѣдное имѣніе могло быть во всякое время превращено въ вольное и поступить въ раздѣлъ. Въ Шотландіи, этого рода заказы и отказы (entails, settlements) вошли въ повсемѣстный обычай, но только украдкой, въ новѣйшія времена въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, покуда не были формально запрещены актомъ королевы Викторіи въ 1848 г.—Въ Ирландію они были занесены изъ Шотландіи, но тоже не гласно, и были отмѣнены актомъ 1849 года.

Изъ этого видно, что поземельная собственность въ Англіи не была никогда связана ни съ сословными привилегіями, ни съ податными льготами и изъятіями, ни съ такими учрежденіями, какъ маіораты или фидеикомиссы въ прочей Европѣ, и что поглощеніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія крупнымъ помѣщичьимъ произошло само собой, силою вещей и естественнымъ подавленіемъ бѣдныхъ сельскихъ обывателей знатными и богатыми собственниками. Мелкіе подворные участки были поглощены крупными помѣстьями не насильственно, а посредствомъ добровольныхъ уступокъ и продажи, вынужденныхъ крайнею бѣдностью продавцовъ и громаднымъ богатствомъ покупателей.

2) Это поглощеніе и окончательное исчезновеніе крестьянскаго сословія происходило не въ древнія времена и не подъ вліяніемъ феодальнаго права, а въ наше время и при полной гражданской равноправности и политической свободѣ. Главный способъ, посредствомъ коего дѣйствовало помѣстное сословіе, былъ не насильственный, какъ въ Германіи право своза и вывоза крестьянъ, а очень благовидный, называвшійся разверстаніемъ (inclosure) или, еще мягче, расчисткой помѣстій (clearing).—Въ прежнія

времена крупные владѣльцы нѣсколько разъ пробовали очищать такимъ образомъ свои земли, но всякій разъ встрѣчали отпоръ то въ парламентѣ, то въ самомъ народѣ; уже въ 1487 г. парламентъ жаловался на уменьшеніе числа мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (yeomanry); — въ 1549 и 1607 г., крестьянскія возстанія вовсе прекратили таковыя же попытки понудительной разверстки; при Генрихѣ VII предписано при размежеваніи оставлять на дворъ не менѣе 4 акровъ, при Генрихѣ VIII запрещено сдавать одному фермеру болѣе двухъ арендныхъ статей; въ его же царствованіе изданъ актъ, по коему съ выгоновъ и пустошей, покуда они не заселены и не распаханы, взималась особая штрафная плата въ 50% противъ показаннаго дохода.

Такимъ образомъ до XVIII-го столѣтія еще удержалось и мелкое землевладѣніе рядомъ съ крупнымъ; по первому еще насчитывали 160,000 семействъ собственниковъ, кромѣ вотчинниковъ-лордовъ, что̀ составляло 1/7 всѣхъ жителей Англіи, и ихъ средній доходъ, въ то время довольно значительный, полагался въ 60—70 L. (420—490 руб.). Но въ 1816 г. оставалось ихъ только 16,000 и въ 1831 еще менѣе—7,200. Въ настоящее время число этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ самое ничтожное.

Такимъ-то порядкомъ, безъ насилія, безъ всякаго злоупотребленія власти, въ виду несомнѣннаго улучшенія сельскаго хозяйства, округленія дачъ, исправленія межевыхъ урочищъ, совершилась экспропріація цѣлаго многолюднаго сословія, которое въ настоящее время, по общему разсчету приращенія народонаселенія въ Великобританіи, составляло бы не менѣе 3—4 милліоновъ крестьянъ-собственниковъ.

3) Англія, за исключеніемъ 4-хъ графствъ нагорной Шотландіи и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округовъ юго-восточной части самой Англіи, есть преимущественно страна крупнаго землевладѣнія и мелкой культуры.

Размѣръ помѣстій очень великъ, но они разбиты на мелкіе запашки, фермы, хутора, воздѣлываемые особо и состоящія, почти всѣ безъ исключенія, въ аредномъ содержаніи.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ считается:

	Въ Англіи съ кн. Валлисъ.	Шотландіи.	Ирландіи.
Всего угодій, т.-е. земель, занятыхъ культурой, акровъ.	37.325,883	19.639,377	20.322,641
Землевладѣльцевъ	30,776	7,237	8,412
Фермъ	283,736	—	682,184
На 1 владѣльца приходится акровъ.	1,212	2,713	2,404
На 1 ферму	132	—	29
На 1 владѣльца приходится фермъ. .	9	—	81

Въ средней сложности приходится десятинъ:

Въ Англіи	на 1 имѣніе . . .	458, на 1 ферму . . .	48
» Ирландіи	» 1 » . . .	889, » — » . . .	11
» Шотландіи	» 1 » . . .	1,000, » — » . .	неизвѣстно.

Въ Шотландіи средніе выводы невозможны, потому что въ нѣкоторыхъ графстрахъ (Sutherland) фермы имѣютъ необъятныя пространства (29 фермъ на 550,000 дес.), а въ другихъ средній размѣръ въ 200 акровъ (74 дес.).

Вообще, въ теченіи послѣднихъ 100 лѣтъ происходилъ одновременно двоякій переворотъ: размѣръ помѣстій все возрасталъ и число собственниковъ поэтому уменьшалось—и въ то же время имѣнія все болѣе подраздѣлялись на мелкія фермы и оброчныя статьи. Въ Ирландіи, въ сороковыхъ годахъ, это раздробленіе шло такъ быстро, что въ 1841 году считалось фермъ 682 т. и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1845 г., при подробнѣйшей переписи ихъ, оказалось 905 т. и средній размѣръ фермъ, выведенный выше по Ирландіи, былъ уже въ 1845 г. не въ 11 десятинъ, а только въ 8. — Въ Англіи Arthur Young полагалъ въ 1776 г., что фермы имѣютъ среднимъ числомъ 458 акровъ въ сѣверныхъ графствахъ и 546 въ южныхъ.

Въ 1821 г. Sinclair разсчиталъ, что фермы въ 200 акр. (74 дес.) составляютъ уже исключительно большія хозяйства; въ 1747 г. Mac-Culloch принимаетъ средній размѣръ фермъ въ 67 дес. и новѣйшій писатель Caird полагаетъ, что въ средней и западной Англіи можно назвать крупными—фермы въ 220 акр. (81 дес.).

Англичане разсчитываютъ примѣрно, что фермы отъ 40 до 220 акровъ съ арендной платой отъ 20 до 100 L. составляютъ предметъ крестьянской эксплуатаціи, т.-е. что хлѣбопашество производится самими арендаторами и что только въ прочихъ (свыше 220 акр.) устроено настоящее фермерское

хозяйство.—Этихъ послѣднихъ считается всего около 39,000 изъ всего числа 283,000 фермъ.

Изъ этого мы заключаемъ, что англійское сельское хозяйство нельзя себѣ представлять какъ обширныя помѣщичьи запашки, переданныя по формальнымъ контрактамъ въ долгосрочное содержаніе богатымъ фермерамъ, съ большими оборотными капиталами (gentlemen farmers).

Такія фермы дѣйствительно наиболѣе посѣщаются туристами и учеными, изучающими Англію, и по нимъ-то составилось общее понятіе о несмѣтныхъ богатствахъ, зарываемыхъ англійскими фермерами въ почву, для ея удобренія и улучшенія. Но въ дѣйствительности большая часть помѣщичьихъ земель арендуются не этими фермерами-джентльменами, арендаторами въ полномъ смыслѣ слова, съ срочными договорами, съ залогами и задатками и съ оборотными капиталами, а простыми земледѣльцами, которыхъ можно скорѣе назвать оброчниками, чѣмъ фермерами, и участь коихъ вся зависитъ отъ воли и произвола лорда (at will of the lord).

4) Общій балансъ поземельной собственности (Balance of property) также трудно свести въ Англіи, какъ и во Франціи, въ особенности потому, что до послѣднихъ годовъ, во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ, фермеры считались и назывались хозяевами и смѣшивались съ собственниками.

Вопросъ о томъ, клонится ли этотъ балансъ на сторону крупнаго землевладѣнія и продолжается ли централизація поземельной собственности, вопросъ этотъ раздѣляетъ мнѣнія англійскихъ публицистовъ и государственныхъ людей.

Disraeli, глава партіи тори, который въ этомъ вопросѣ выражаетъ мнѣнія консервативныя, сознался однако, въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей, что, считая всѣхъ собственниковъ (т.-е. домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ) 250,000 во всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствахъ—оказывается, что 1/3 всѣхъ удобныхъ земель состоитъ во владѣніи 2,000 семействъ.

Macaulay (Hist. of Engl., ch. 3) говоритъ, что въ 1866 г. было всего 3 дюка, имѣвшихъ дохода болѣе 20,000 L. и что средній доходъ прочихъ ландлордовъ простирался не выше 3.000 L.

Marchall (Digest of all accounts) считалъ въ 1821 году всѣхъ землевладѣльцевъ съ доходомъ болѣе 5,000 L.—4,000.

По оцѣнкѣ income-tax 1847 года было въ сельскомъ сословіи (agricultural class) доходовъ болѣе 50,000 L.—22, и отъ 5 до 50 тысячъ (350,000 руб.)—1164.

Судя по этимъ даннымъ, надо признать, что въ продолженіи всего XVIII столѣтія и въ первой половинѣ настоящаго въ Англіи произошло въ громадныхъ размѣрахъ обогащеніе крупныхъ аристократическихъ собственниковъ на счетъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и крестьянъ, и на мѣсто 3 дюковъ съ 20,000 L. дохода (140,000 руб.) оказалось 22 лорда съ 50,000 (350,000 руб.) [8]).

Политическія реформы лорда Грея и экономическія преобразованія Роберта Пиля прекратили, повидимому, это централизаціонное движеніе поземельной собственности, обогатившее нѣсколько дворянскихъ фамилій изъ древнихъ родовъ, дружинниковъ Вильгельма-Завоевателя. Только они и уцѣлѣли въ общемъ разгромѣ, и замѣчательно, что число землевладѣльцевъ, нынѣ показываемыхъ въ Англіи (30,776), почти соотвѣтствуетъ числу королевскихъ вассаловъ, показанныхъ въ переписи 1086 года—32,100. Но благодѣтельныя реформы настоящаго вѣка запоздали по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе и проведены были только тогда, когда переворотъ окончательно совершился въ пользу этихъ 30,000 знатнѣйшихъ англичанъ, когда всѣ прочіе 160,000 землевладѣльцевъ были уже обезземелены и всѣ общинныя земли, около 7—8 милл. акровъ, подѣлены между тѣми же лордами.

Настоящее положеніе сельскихъ сословій представляется въ слѣдующемъ видѣ по переписи 1861 г.

	Англія съ Кн. Валлисъ.	Шотландія.	Ирландія.
Всѣхъ сельскихъ жителей земледѣльцевъ (agricultural class) показывается	2,010,454	378,609	969,636.
Изъ нихъ землевладѣльцевъ (landed proprietors)	30,776	7,237	8,414.
На 1-го владѣльца приходится земледѣльцевъ	66	52	115. [9]).

Экономическія послѣдствія этого положенія прямо истекаютъ изъ этой пропорціи; на всякій запросъ землевладѣльца

отвѣчаютъ 52, 66, 115 предложеній рабочихъ; арендная плата возвышается безпредѣльно; рабочія цѣны остаются неизмѣнны, или временно возрастаютъ только отъ усиленной эмиграціи и перехода сельскихъ рабочихъ въ городскихъ и фабричныхъ поденщиковъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что аграрный вопросъ въ Англіи становится на первую очередь; не даромъ покойный Стюартъ Милль предрекалъ своимъ соотечественникамъ близкій переворотъ въ законахъ о землевладѣніи; не даромъ Гладстонъ, въ видѣ пробы и предостереженія, провелъ поземельную реформу въ Ирландіи. Люди науки и люди практики, ученые и государственные люди, твердо сознаютъ, что время палліативныхъ мѣръ и полумѣръ скоро минуетъ, что рабочій вопросъ скоро превратится въ земельный, и подготовляютъ умы и понятія къ этому роковому перевороту. Многіе англичане въ послѣднее время посѣтили Россію съ прямою цѣлію, или даже съ порученіемъ изучить вопросъ о надѣлѣ нашихъ крестьянъ-собственниковъ, и изучали его не поверхностно, какъ французскіе туристы, не по книгамъ и отчетамъ, какъ нѣмецкіе публицисты, а на дѣлѣ и на мѣстахъ, предварительно изучивъ русскій языкъ и проживая въ провинціи, въ селеніяхъ и помѣщичьихъ усадьбахъ, собирая свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей, земскихъ управъ, мировыхъ посредниковъ.

Предчувствія или опасенія эти начинаютъ уже подтверждаться. Агитація, это всемогущее оружіе, которое пробивало въ Англіи всѣ оплоты древняго быта, переходитъ уже и въ сельско-хозяйственныя отношенія; предостереженіямъ ученыхъ экономистовъ и министровъ (Гладстона, Брайта) вторятъ сельскіе рабочіе, земледѣльцы.

Тому два года, въ 1872 г., возникло предположеніе о союзѣ въ средѣ сельскихъ рабочихъ; мысль эта зародилась въ графствѣ Warwick и по иниціативѣ пастора методистской церкви Джорджа Арча; въ маѣ 1873 года открыто было первое собраніе національнаго союза хлѣбопашцевъ (National Agricultural-Labourers Union), утвержденъ уставъ и избранъ распорядительный комитетъ. Главною цѣлью въ уставѣ положено возвышеніе, впрочемъ очень умѣренное и постепенное, рабочей платы; главнымъ средствомъ для понужденія хозяевъ—вы-

селеніе рабочихъ въ Америку и Канаду. Желая избѣгнуть всякихъ враждебныхъ столкновеній, комитетъ совѣтуетъ хлѣбопашцамъ избѣгать по возможности забастовокъ (Strikes), требовать настоятельно, но мирнымъ путемъ, возвышенія платы, но къ насильственнымъ мѣрамъ не прибѣгать и, въ случаѣ рѣшительнаго отказа, обращаться въ комитетъ, который будетъ стараться собирать кладчины и выдавать пособія рабочимъ для переселенія: предсѣдатель комитета J. Arch съ этой цѣлью ѣздилъ въ Америку для организаціи эмиграціи хлѣбопашцевъ и по его вызову явились агенты изъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ, при содѣйствіи коихъ выселеніе рабочихъ усиливается съ каждымъ днемъ.

Между тѣмъ, однако, благоразумные совѣты комитета не вездѣ были приняты: въ 1874 г. около г. Нью-Маркета возникла стачка рабочихъ; къ ней пристали хлѣбопашцы графствъ Кембриджъ и Суффолькъ, и движеніе распространилось на всѣ смежные округа; тогда фермеры, въ свою очередь, составили союзъ, угрожая всѣмъ рабочимъ, если они принадлежатъ къ обществу, немедленнымъ отказомъ, и вслѣдствіе этого распоряженія отпущено было одновременно хозяевами-фермерами до 2000 батраковъ и служителей.

Требованія рабочихъ въ первое время были очень умѣренны: они просили прибавки въ недѣлю всего 1 шиллинга (35 коп.). Настоящую плату, 13 шил. въ недѣлю (4 р. 10 к.), они признаютъ недостаточною, такъ какъ, за уплатой за квартиру и пищу, имъ остается на одежду и всѣ прочіе расходы не болѣе 2—3 шил.

Впрочемъ, всѣ отзывы самихъ рабочихъ подтверждаютъ, что заработки возвысились въ цѣнѣ въ теченіи настоящаго столѣтія съ 7 шил. до 13—почти вдвое, но цѣны на продукты вздорожали по ихъ показаніямъ еще болѣе; изъ 13 шил. семейство рабочаго издерживаетъ на одну муку 9 шил. 11 пенсовъ.

Въ настоящій моментъ (мы это пишемъ въ 1874 г.) агитація сельскихъ рабочихъ еще не приняла аграрнаго значенія; но очевидно, что она клонится къ тому, и что люди, ставшіе во главѣ движенія, видятъ разрѣшеніе вопроса въ поземельномъ надѣлѣ и въ выкупѣ нѣкоторой части земель въ пользу хлѣбопашцевъ.

Для этого они предположили себѣ главною цѣлью эмиграцію, посредствомъ коей безземельные рабочіе получаютъ надежду пріобрѣсти на другомъ континентѣ поземельную собственность, и, вмѣсто безплодныхъ волненій и стачекъ для возвышенія заработковъ, совѣтуютъ имъ въ крайности искать осѣдлости въ другихъ странахъ. Вопросъ вѣроятно такъ и будетъ поставленъ, когда дойдетъ до него очередь, а очередь еще до него не дошла.

Весь историческій ходъ могущественной англо-саксонской гражданственности указываетъ намъ, что политическія и соціальныя замѣшательства имѣютъ всегда въ этой странѣ медленный, но правильный исходъ и поэтому можно еще ожидать, что и эта грозная туча разрѣшится надъ туманнымъ Альбіономъ не громомъ и молніей, а плодотворнымъ дождемъ.

Въ этой свободной странѣ люди привыкли смотрѣть прямо на всякую возникающую опасность, встрѣчать безъ малодушія, безъ притворнаго страха всякую общественную невзгоду, и консерваторы—тори, точно такъ какъ и прогрессисты—виги, не говоря о радикалахъ, уже нынѣ наперерывъ другъ передъ другомъ обсуждаютъ гласно, во всеуслышаніе, эти соціально-аграрные вопросы, передъ коими трепещутъ континентальные собственники. Еще вѣроятно пройдетъ нѣсколько лѣтъ, покуда эти новыя ученія, обзываемыя въ Европѣ коммунизмомъ, соціализмомъ, освоятся въ аристократическомъ англійскомъ обществѣ; но оно примирится и съ ними, какъ всегда мирилось со всѣми народными нуждами, коль скоро они заявлялись настоятельно и единогласно. Ирландскій поземельный билль былъ первый шагъ къ аграрнымъ реформамъ, шагъ короткій, но рѣшительный, и покуда великія державы средней Европы занимаются своими глубокомысленными соображеніями и кровопролитными спорами о политическомъ равновѣсіи, Англія успѣетъ подъ прикрытіемъ своего нейтралитета разрѣшить и эту великую задачу, какъ разрѣшила нѣкогда задачу политической свободы и всѣхъ вольностей и правъ человѣчества [11]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Подъ именемъ Англіи здѣсь разумѣется только королевство Англія съ княжествомъ Валлійскимъ. Культурныхъ земель считается: въ Англіи 32 1/3 милліоновъ акровъ, въ кн. Валлійскомъ 4 м. 700 т., въ Шотландіи 19 м., въ Ирландіи 20 м. (англійскій акръ = 0,37 десятины, ирландскій = 2/3 дес., фунтъ стерлинг. (L.) мы принимаемъ въ 7 1/2 р.,—шиллингъ въ 30 коп.).

---

[2]) Clearing of estates,—буквально расчистка помѣстій. Процедура эта, къ которой мы очень часто будемъ возвращаться въ этомъ сочиненіи, соотвѣтствуетъ нашему разверстанію угодій, или полюбовному размежеванію; но она имѣла въ Англіи и Германіи несравненно бо́льшее значеніе и другой характеръ, чѣмъ въ Россіи, и послужила въ рукахъ крупныхъ собственниковъ главнымъ орудіемъ для подавленія мелкопомѣстнаго владѣнія. Въ нѣмецкихъ земляхъ, какъ мы увидимъ ниже, этотъ процессъ разверстанія (Verkoppellung, Consolidation, Gemeintheilung) происходилъ насильственно и грубо, посредствомъ срытія и сноса крестьянскихъ усадьбъ и цѣлыхъ деревень (Dorfsprengung, Abschlachten der Bauernhöfe). Въ Англіи, дѣйствія и самое названіе были мягче; сносъ деревень назывался очищеніемъ помѣстья; оно было не обязательно, но такъ какъ всякое соглашеніе подлежало утвержденію ландлорда и расходы размежеванія были такъ велики, что крестьяне своими средствами не могли ихъ покрыть, то въ дѣйствительности неудобства черезполоснаго владѣнія принуждали мелкихъ владѣльцевъ принимать по неволѣ болѣе или менѣе снисходительныя предложенія вотчинниковъ.

Послѣдствія этой мѣры были одинаковы въ обѣихъ странахъ: по Domesday-bok, въ 1086 г. считалось въ королевствѣ Англіи (за исключеніемъ кн. Валлійскаго и 5 сѣв. графствъ) около 250 т. крестьянъ-собственниковъ. Въ концѣ XVII стол. было еще 160 т. мелкихъ freeholders полныхъ собственниковъ которые со своими домочадцами составляли болѣе 1/7 народонаселенія Англіи и имѣли среднимъ числомъ чистаго дохода 60—70 L. (450—500 р.). Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ первой половины настоящаго столѣтія (Beeke, 1800 г., Mac-Culloch, 1837) показывалось до 200,000 землевладѣльцевъ, но этотъ счетъ былъ совершенно обманчивый, ибо включалъ и большое число владѣльцевъ дачъ, подгородныхъ виллъ, обладаніе коими сдѣлалось модною прихотью среднихъ сословій. Дизраели въ 1850 г. считалъ также всѣхъ землевладѣльцевъ до 250 т., но замѣчалъ при этомъ, что около 1/3 всей государственной территоріи принадлежитъ 2000 собственникамъ, а Mac-Culloch разсчитываетъ примѣрно, что половина всѣхъ удобныхъ земель принадлежитъ владѣльцамъ, имѣющимъ дохода болѣе 1000 L.

Это смѣшеніе помѣщиковъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ съ владѣльцами загородныхъ дачъ, садовъ и усадьбъ совершенно смутило разсчеты англійскаго правительства и экономистовъ на счетъ относительной силы по-

мѣстнаго сословія, и только по новѣйшимъ переписямъ открылось, что собственно полныхъ собственниковъ въ земледѣльческомъ классѣ (agricultural class) гораздо менѣе, чѣмъ прежде считали. Число ихъ даже повидимому уменьшается съ году на годъ; по мѣрѣ того, какъ исчисленія дѣлаются точнѣе, число собственниковъ сокращается.

По переписи 1851 г. считалось въ agricultural class землевладѣльцевъ
муж. п. 19,989 и женскаго 14,638 = 34627.
въ 1861 г. „ 15,131 „ 15,066 = 30197.

---

[3]) При разсужденіяхъ о преимуществѣ крупнаго и мелкаго землевладѣнія очень часто смѣшиваютъ понятія о собственности съ понятіемъ о культурѣ; имѣніе, помѣстье очень обширное можетъ быть подраздѣлено на самыя мелкія фермы, фольварки, хутора, а въ такомъ случаѣ всѣ выгоды крупной эксплуатаціи отпадаютъ. Въ Англіи, которая служитъ примѣромъ аристократическаго землевладѣнія, встрѣчаются самые противоположные виды культуры. Въ самомъ королевствѣ Англіи мелкая культура преобладаетъ въ сѣверныхъ и западныхъ графствахъ: въ Іоркширѣ, Дерби, Ланкастерѣ, Линкольнѣ, Оксфордѣ, также подъ Лондономъ и въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ княжеству Валлійскому; въ Кумберландѣ разсчитываютъ, что средняя доходность одной фермы не превышаетъ 150 L. Англійскіе писатели (Lord Cook, Marchall) говорятъ, что въ XVII столѣтіи 1/3 территоріи Англіи принадлежала мелкопомѣстнымъ дворянамъ (freeholders) и что эти имѣнія перешли къ крупнымъ собственникамъ только въ XVIII столѣтіи. Размѣръ помѣстій (estates) идетъ иногда въ обратной пропорціи къ величинѣ фермъ (farms); въ Ирландіи помѣстья больше чѣмъ въ Англіи, а фермы несравненно меньше; на кв. милю приходится фермъ въ Англіи 83, въ Ирландіи 711. Средній размѣръ фермъ и въ Англіи не такъ великъ: въ 1771 г. A. Young считалъ его въ 450—546 прусскихъ моргеновъ (114—136 дес.); въ 1823 Sinclair полагалъ, что фермы при объемѣ 200 акр. (75 дес.) должны уже считаться большими. Mac-Culloch въ 1847 г. полагалъ средній размѣръ фермъ въ 252—269 моргеновъ (67 дес.). Таковыя запашки, въ 67, 75 дес., едва ли могутъ быть названы крупными.

Такое раздробленіе, измельченіе фермъ признается однако въ Англіи невыгоднымъ для эксплуатаціи; A. Young разсчитываетъ, что при запашкѣ въ

30 акровъ	(11,10 дес.)	нужно держать	2	рабочихъ	и 3	лошадей
55 „	(20,25 дес.)	„ „	3	„	5	„
88 „	(32,56 дес.)	„ „	4	„	6	„

т.-е. что, при размѣрѣ почти втрое бо́льшемъ, рабочей силы требуется только вдвое больше.

Шотландскій агрономъ Robertson называетъ крестьянскими фермами тѣ, которыя размѣромъ не болѣе 40 акр. (около 15 д.) и крупными тѣ, которыя имѣютъ не менѣе 200 акр. (74 дес.), полагая, что въ первыхъ работы производятся самими съемщиками, а во вторыхъ—наёмными рабочими.

---

[4]) Арендныя сдѣлки въ Англіи, какъ и многія другія общественныя

связи, имѣютъ характеръ своеобразный и почти неуловимый для научныхъ изслѣдованій; они во многомъ противорѣчатъ всѣмъ выводамъ экономическихъ теорій. Такъ, напр., казалось бы, что форменные и срочные контракты (leases) должны бы обезпечить фермеровъ болѣе, чѣмъ вольныя сдѣлки (at will); на практикѣ выходитъ наоборотъ. Арендаторы подвергаются при истеченіи срока контракта обыкновенно очень сильному возвышенію платы, между тѣмъ какъ на вольныхъ съемщиковъ (tenants at will) принято надбавлять цѣну только постепенно и понемногу. Эти послѣдніе состоятъ, впрочемъ, въ безусловной зависимости отъ владѣльцевъ; имъ можетъ быть отказано во всякое время по заявленію за 6 мѣсяцевъ впередъ; несмотря на это, вольные съемщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ арендаторы.

Въ Нортумберландѣ, гдѣ большія фермы сдаются въ аренду по 12—14-лѣтнимъ контрактамъ, вольные съемщики, пользуясь благосклонностію лордовъ, остаются обыкновенно пожизненно въ пользованіи фермами и затрачиваютъ на свои хозяйства значительные капиталы. Вообще же замѣчено, что вольные съемщики избѣгаютъ прямыхъ затратъ на земледѣліе, рѣдко предпринимаютъ капитальныя улучшенія и устройства, какъ-то: дренажъ, орошеніе, распашку подпочвы, но преимущественно занимаются скотоводствомъ, разсчитывая, что при внезапномъ отказѣ рогатый скотъ и овцы все-таки останутся ихъ собственностью. Англійскіе экономисты (Thornthon, Mac-Culloch) свидѣтельствуютъ, что въ послѣднее время большая часть арендаторовъ (leaseholders) замѣщается вольными съемщиками (tenants at will) и приписываютъ этой причинѣ уменьшеніе хлѣбныхъ запашекъ въ Англіи и развитіе скотоводства. Вообще можно сказать, что эти простые оброчники (simple farmers) имѣютъ много матеріальныхъ преимуществъ передъ господами-арендаторами (gentlemen farmers); платятъ аренды среднимъ числомъ вдвое меньше, чѣмъ фермеры, имѣющіе срочные контракты (въ Ирландіи 10—15% менѣе), но за то обязываются исполнять въ пользу владѣльца нѣкоторыя послуги и поставки и, главное — служатъ клевретами ландлордовъ для поддержки ихъ политическихъ партій.

---

[5]) Олстерскому обычаю (tenant right) обыкновенно противополагается такъ-называемая Conacre system, которая состоитъ въ томъ, что крестьянину сдается небольшой участокъ земли уже распаханный и унавоженный, но только на одно слѣтье. На готовой землѣ онъ безъ рабочаго скота сѣетъ и убираетъ картофель, но за то и платитъ аренды въ 4 и даже 8 разъ больше, чѣмъ по другимъ оброчнымъ статьямъ. Плата эта доходитъ до 7 и 15 L. за акръ, или отъ 150 до 300 руб. за десятину въ годъ.

Разумѣется, что въ сравненіи съ этимъ разорительнымъ положеніемъ можетъ показаться благодѣтельною и такая мѣра, какъ введеніе Олстерскаго обычая, какъ бы она ни была мало удовлетворительна.

---

[6]) Надо замѣтить, и эта замѣтка можетъ служить предостереженіемъ для всѣхъ правительствъ, что требованія ирландскихъ земледѣльцевъ и даже ихъ предводителей, народныхъ агитаторовъ, были еще въ началѣ настоящаго

столѣтія очень скромны, но и они дѣлались взыскательнѣе по мѣрѣ того, какъ англійскіе ландлорды имъ сопротивлялись, отвѣчая на всѣ умоленія несчастныхъ Ирландцевъ, какъ римскій папа, non possumus. Въ прежнія времена домогательства ихъ не шли далѣе нѣкотораго обезпеченія арендныхъ контрактовъ (fixity of tenure), и подъ этимъ разумѣлось, или введеніе Олстерскаго вышеупомянутаго обычая (tenant right), или просто установленіе долгосрочныхъ контрактовъ; знаменитый агитаторъ O'Connel предлагалъ въ 1843 г. установить для всѣхъ арендъ обязательный срокъ 21-лѣтній; въ 60 годахъ, ирландскіе члены парламента просили уже продлить срокъ до 31 года, а въ настоящее время требуютъ 63-лѣтняго срока. Экономисты Conner, Beaumont въ 1839 г. и даже Stuart Mill, въ первомъ изданіи своего сочиненія Principles, предлагали обратить срочное пользованіе фермеровъ въ наслѣдственныя аренды; въ новѣйшихъ же сочиненіяхъ—Rogers 1869 г., Maguire 1867 г. и того же S. Mill (England and Ireland, 1868 г.)—заявляются уже совершенно иныя требованія—о выкупѣ съ помощію казны мелкихъ фермъ и предоставленіи ихъ въ полную собственность крестьянъ. Maguire (The Irish in America, 1867 г.) приводитъ въ примѣръ одну англійскую колонію, островъ Принца Эдуарда, гдѣ вслѣдствіе бунта фермеровъ правительство принуждено было, послѣ усмиренія и казни виновныхъ, выкупить ихъ земли по очень дешевой цѣнѣ, помножая годовую плату на 15 (15 years purchase), причемъ имѣнія отсутствующихъ владѣльцевъ (absentees) были раздѣлены правительственною коммиссіею между наличными фермерами. Изъ этого видно, что консервативная политика, отсрочивающая нужныя реформы съ году на годъ, не всегда достигаетъ своей цѣли обуздать требованія недовольныхъ и тѣже самые тори, которые въ 1843 г. признавали предложенія O'Conell'я радикальными, потрясающими право собственности, въ настоящее время рады бы были помириться съ ирландцами на условіяхъ, предложенныхъ великимъ агитаторомъ.

---

7) Происхожденіе и исчезновеніе общиннаго владѣнія, точно такъ, какъ и крѣпостного права, теряется въ Англіи во мракѣ вѣковъ.

Оно повидимому существовало какъ у ирландскихъ кельтовъ, такъ и у англійскихъ бритовъ и англосаксовъ до вторженія нормановъ. Занятая территорія считалась общественною, folkland; потомъ изъ нея стали выдѣляться частныя владѣнія, bookland (отъ слова book, документъ), и эти вольныя земли постепенно стали сдаваться оброчникамъ въ видѣ обязаннаго владѣнія. Слѣды этого общиннаго владѣнія еще сохранялись въ концѣ XVIII столѣтія въ Ирландіи, нагорной Шотландіи и нѣкоторыхъ округахъ Англіи, подъ именемъ rearing partnership-tenure; это было не общинное владѣніе, а общинное пользованіе, т.-е. что земли, бо́льшею частью господскія, содержались товариществами или обществами сообща и воздѣлывались артелями.

---

8) Обогащеніе разныхъ классовъ народа въ новѣйшее время идетъ вовсе не пропорціонально, но гораздо быстрѣе въ высшихъ классахъ, чѣмъ въ среднихъ и низшихъ; это явленіе, скрытное въ другихъ странахъ, можно про-

слѣдить только въ Англіи, потому что въ этомъ государствѣ подоходный налогъ уже дѣйствуетъ почти непрерывно около столѣтія. Въ 1685 г., по свидѣтельству Macaulay (Hist. of Engl., ch. 3), было только 3 семейства герцоговъ, имѣвшихъ дохода до 20 т. L. и 160,000 семействъ крестьянъ съ доходомъ 60—70 L.; средній доходъ лордовъ былъ 3000 L., баронетовъ 900, членовъ палаты общинъ 800; въ среднемъ сословіи между врачами, адвокатами доходъ въ 1000 L. признавался уже богатствомъ.

Въ 1821 г. англійскій писатель Marchall разсчитывалъ, что домохозяевъ съ 5,000 L. дохода было 4,000, съ 1,500 до 5,000—52,000, съ 200 до 1,500 L.—386,000 и 2½ милліон. съ доходомъ менѣе 200 L.

Въ 1847 г. по income-tax считалось доходовъ:

	болѣе 5,000 L.	1,164	противъ 1812 г.	болѣе 189%
отъ	2—5,000 „	2,586	„	118%
„	1—2,000 „	5,234	„	148%
„	500—1,000 „	13,287	„	148%
„	150— 500 „	91,101	„	196%

По поземельной податѣ (probate duty) помѣстья (estates) въ 30,000 L. дохода въ періодъ 1833—1848 уменьшились, между тѣмъ какъ прочихъ прибыло, а именно:

доходовъ въ	15,000 L.	на	6,36%
„ „	10,000 „	„	16,38
„ „	5,000 „	„	9,21
„ „	1,500 „	и менѣе	15,65

Въ періодѣ 1848—1857 г. ходъ былъ обратный: крупные доходы умножились гораздо болѣе, чѣмъ мелкіе:

доходы	150— 500 L.	только на	7%
„	500— 1,000	„	9,5%
„	10,000—50,000	„	42,4%
„	свыше 50,000	„	142%

Это же самое направленіе продолжалось и далѣе: въ 1858—1864 г. промышленные и торговые доходы ниже 200 L. умножились на 19% и доходы той же категоріи выше 10,000 L. на 59%.

Иностранные писатели, защищающіе постоянно тэму о возрастающемъ благосостояніи и народномъ богатствѣ, находятъ въ этихъ фактахъ подтвержденіе своихъ мнѣній. Но мы видимъ въ нихъ и другую сторону: въ первый періодъ съ 1812 по 1847 годъ income-tax дѣйствительно представляетъ равномѣрное приращеніе разныхъ классовъ доходности; но затѣмъ въ послѣдующіе два періода, съ 1848—1857 и съ 1858—1864, высшіе классы начали возрастать несравненно быстрѣе, чѣмъ мелкіе; первые въ теченіи этихъ 17 лѣтъ возвысились втрое, на 142+59%=201; послѣдніе на 7+19=26%, значитъ крупные доходы свыше 10—50 тысячъ фун. стерл. (70—350 тысячъ руб.) умножились почти въ 8 разъ болѣе, чѣмъ доходы въ 150—500 L. (1050—3500 руб.).

Какъ на ловца бѣжитъ звѣрь, такъ и народное богатство все болѣе стекается въ руки промышленниковъ, банкировъ и ландлордовъ, настоящихъ ловцовъ прибылей и барышей этой богатѣйшей страны.

[9]) Мы придерживались, при исчисленіи сословій, переписи 1861 г., выписанной цѣликомъ въ сочиненіи Grund. der National Oeconomie v. Max. Wirth. 4 Band. Ss. 247 и ff. Перепись эта составлена подробно по промысламъ и занятіямъ каждаго жителя и съ подраздѣленіемъ на полы и возрасты. Классовъ принято 6, и сдѣлано сравненіе съ предъидущей ревизіей 1851 г.

Всѣхъ жителей было:	Въ Англіи.		Въ Шотландіи.	
	1851.	1861.	1851.	1861.
a) должностныхъ (professional-class)	376,434	481,957	42,601	52,515
b) служителей (domestical)	10.010,343	11.426,720	1.731,279	1.734,295
c) торговаго класса (commercial)	528,599	623,710	14,756	84,338
d) земледѣльческаго (agricultural)	2.084.153	2.010,454	388,203	378,609
e) промышленнаго (industrial)	4.143,293	4.828,399	543,662	694,074
f) неопредѣленныхъ (indefinite)	789,787	696,984	108,841	118,463
Итого	17.927,609	20.066,224	2.888,742	3.062,294

Къ земледѣльческому классу въ Англіи отнесены всѣ лица, владѣющія землей и ее обработывающія, съ подраздѣленіемъ на слѣдующія категоріи:

	Жителей.		Итого.
	муж.	женск.	
Отдѣлъ 1. Хлѣбопашество и луговодство.	пола.		
Земледѣльцевъ	15,131	15,635	30,766
Фермеровъ	226,957	22,778	249,735
Домочадцевъ, приписанныхъ къ семействамъ фермеровъ	92,317	—	—
Управляющихъ и овцеводовъ	15,708	—	15,708
Поденныхъ рабочихъ	914,301	43,984	958,285
Овчаровъ	25,559	—	25,559
Батраковъ	158,401	46,561	204,962
Разныхъ.	8,707	44	8,751
Отдѣлъ 2. Лѣсоводство.			
Лѣсныхъ сторожей и смотрителей . .	8,907	9	8,916
Отдѣлъ 3. Садоводство.			
Садовниковъ (не состоящихъ на службѣ частныхъ лицъ).	76,760	1,773	78,533
Торговцевъ, продающихъ садовыя сѣмена и растенія	2,838	84	2,922
Разныхъ лицъ, занимающихся садоводствомъ	77	—	77

Въ Ирландіи другая классификація; по переписи 1861 г. считалось сельскихъ сословій:

Землевладѣльцевъ, landed proprietors	8,412
Земледѣльцевъ, agriculturists	969,636
Торговаго и промышленнаго сословія	815,356
Ученыхъ профессій, learned professions	11,695
Другихъ вольныхъ профессій (other liberal professions)	1,065
Учителей	19,346
Гражданскихъ чиновъ	20,564
Военныхъ и морскихъ чиновъ	30,328
Разночинцевъ	829,183
Лицъ, не имѣющихъ постоянныхъ промысловъ	3.092,630
Итого	5.798,215

Классификація, принятая въ Англіи, очень произвольная: въ классѣ служителей (domestical) значатся всѣ домочадцы, жены и малолѣтнія дѣти, которыя въ нѣмецкихъ статистикахъ называются angehörige.

Къ классу должностныхъ лицъ (professional) отнесены всѣ жители, имѣющіе опредѣленную службу, начиная съ королевскихъ до полицейскихъ служителей, почтальоновъ и разносчиковъ газетъ включительно.

Въ земледѣльческомъ классѣ замѣтно уменьшеніе, между тѣмъ какъ въ прочихъ категоріяхъ, въ 10-ти-лѣтній періодъ 1851—1861 г. число жителей увеличилось слишкомъ на 2 милл.; въ этомъ классѣ оно уменьшилось на 74,000, и все это уменьшеніе падаетъ на разрядъ батраковъ, которыхъ въ 1861 г. оказалось около 83,000 менѣе, чѣмъ въ 1851 г.

---

[10]) По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, позаимствованнымъ изъ «Аугсбургской газеты» (4 сент. 1874 г., статья Макса Вирта), численность сельскихъ сословій въ Англіи уменьшается съ необычайной быстротой.

Въ 1861	было	въ Англіи	землевладѣльцевъ	30,776
„ 1871	„	„	„	22,964
„ 1851	„	„	земледѣльцевъ	1.110,311
„ 1861	„	„	„	1,098,261
„ 1871	„	„	„	922,054

---

[11]) Эта глава объ Англіи была уже окончена, когда появился новый важнѣйшій документъ по вопросу о землевладѣніи, документъ, составляющій можно сказать второе изданіе кадастра XI столѣтія, о которомъ упомянуто въ началѣ этой главы—Domesday Book. Онъ озаглавленъ такъ: Return of Owners of Land in England and Walles (Донесеніе о поземельныхъ владѣльцахъ въ Англіи и Валлисѣ) и составляетъ два большихъ тома in 4° съ подробными исчисленіями и таблицами. Появленіе этой книги, изданной оффиціально, возбудило общее вниманіе и полемику англійской пресы и вновь выдвинуло на первый планъ, вопросъ, нѣсколько лѣтъ тому поднятый Стюартомъ Миллемъ и Брайтомъ, вопросъ аграрный—The Land Question. Первымъ поводомъ къ этой публикаціи послужили пренія парламента, палаты лордовъ, въ за-

сѣданіи 12 февраля 1872 г., въ коемъ лордъ Дерби заявилъ, что весьма желательно бы было собрать и повѣрить свѣдѣнія о числѣ землевладѣльцевъ въ Англіи, потому что англійскую публику по временамъ волнуютъ опасенія о такъ-называемой поземельной монополіи, по коей будто бы вся территорія Англіи находится во владѣніи ландлордовъ; число ихъ обыкновенно показывается въ 30,000, на основаніи переписи 1816 г., и эти свѣдѣнія принимаются за непреложный фактъ, между тѣмъ какъ они мнѣ кажутся, прибавилъ Дерби, очень сомнительными. На этотъ отзывъ отвѣчалъ одинъ изъ членовъ министерства (первымъ министромъ былъ въ то время Гладстонъ), лордъ Галифаксъ, что правительство считаетъ своимъ долгомъ удовлетворить требованію г. Дерби и приметъ мѣры къ изслѣдованію этого вопроса.

Результатомъ этихъ изслѣдованій была публикація вышеупомянутаго донесенія слѣдственной коммиссіи, по коей, къ общему восторгу охранительной партіи тори, число землевладѣльцевъ вышло громадное: въ Англіи и Валлисѣ (не считая и Лондона, метрополіи) насчитано 972,836 владѣльцевъ земли, изъ коихъ 269,547 владѣютъ болѣе 1 акра, а остальные менѣе. Этими данными спѣшили воспользоваться консервативныя партіи для уличенія своихъ противниковъ, радикаловъ, въ злоумышленномъ извращеніи фактовъ; они указывали на нихъ какъ на прямое опроверженіе мнѣнія, будто бы аристократія завладѣла всѣми земельными угодьями Англіи, и, помножая это число 972 тысячи владѣльцевъ-домохозяевъ на число домочадцевъ, приписанныхъ къ ихъ семействамъ, причисляя къ нимъ еще нѣсколько сотъ тысячъ домовладѣльцевъ Лондона, разсчитывали, что общее число собственниковъ, имѣющихъ недвижимыя имущества, прикрѣпленныя къ землѣ, составляетъ почти половину всѣхъ жителей Англіи.

Но вскорѣ открылись въ этихъ валовыхъ цифрахъ большіе пробѣлы и недоразумѣнія, и въ то же время, какъ органы лорда Дерби (журналъ The Economist и др.) изъявляли полное свое удовольствіе, противники (Saturday, Review, Daily News) дѣлали слѣдующія замѣчанія: 1) къ собственникамъ причислено, по таблицамъ, публикованнымъ правительствомъ, большое число обывателей (occupiers), законтрактовавшихъ земли и дома на 99-лѣтній срокъ, что составляетъ не полное право собственности; 2) въ донесеніи не объяснено, какъ исчислены рабочія помѣщенія, устраиваемыя нынѣ во всѣхъ мануфактурныхъ центрахъ Англіи и состоящія изъ небольшихъ домовъ съ дворами въ 2—3, квад. сажени, которыя продаются рабочимъ на разные сроки; по послѣднему отчету Friendly Societies число ихъ очень умножается, такъ что большая часть показанныхъ 970 тысячъ владѣльцевъ, можетъ быть, и состоитъ изъ этихъ рабочихъ, расположенныхъ въ подгородныхъ слободахъ и предмѣстьяхъ; 3) но главный недостатокъ, бросающійся въ глаза въ Return-ѣ, это фальшивость классификаціи, въ немъ принятой, это именно раздѣленіе владѣній по размѣру на участки болѣе или менѣе 1 акра. Одинъ акръ равняется 0,37 десятины, т.-е. 888 квад. саж.; очевидно, что такой участокъ можетъ только служить для жительства, для помѣщенія хозяина съ семействомъ, для воздѣланія огорода или сада и можетъ давать нѣкоторый доходъ только развѣ въ исключительномъ случаѣ; такія усадьбы не могутъ быть признаны помѣстьемъ, земледѣльческой эксплуатаціей, а владѣльцы подходятъ скорѣе подъ категорію домовладѣльцевъ или—въ селеніяхъ, подъ разрядъ бобылей. Спрашивается, сколько же изъ числа

269,547 собственниковъ, владѣющихъ 1 акромъ и болѣе, имѣютъ 5,10,15,20 акровъ и съ которой изъ этихъ категорій можно начать исчисленіе настоящихъ землевладѣльцевъ? Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы разсмотримъ этотъ вопросъ о мелкомъ и крупномъ владѣніи. Не предрѣшая его, мы однако замѣтимъ, что и въ самой Англіи, при всей интенсивности ея культуры, участокъ въ 20 акровъ (7½ дес.) признается только-что достаточнымъ для содержанія семейнаго хозяина. Сколько такихъ участковъ—этихъ свѣдѣній Return не даетъ, а потому и выводы изъ него совершенно недостаточны. Вѣрно только то, какъ справедливо замѣчаетъ англійскій журналъ Daily-News и французскій Journal des Débats, что еще въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ было въ Англіи до 160,000 мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (yeomen), которые среднимъ числомъ имѣли дохода до 500 рублей, т.-е. болѣе, чѣмъ могутъ теперь заработывать наемнымъ трудомъ, и что всѣ они исчезли безслѣдно, уступивъ волей и неволей свои земли ландлордамъ, доходы коихъ выросли въ новѣйшее время до непомѣрной цифры 124 мил. фунт. ст.—930 милл. рублей. Лордъ Дерби, во главѣ консервативной партіи, не отрицая факта исчезновенія класса мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, утверждаетъ, что они замѣняются нынѣ, и съ большимъ излишкомъ, владѣльцами подворныхъ участковъ, поселяющихся по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и въ окрестностяхъ городовъ. Противная сторона на это возражаетъ, что такая замѣна вовсе не дѣйствительна: что эти дворы, усадьбы, дачи не имѣютъ ни земледѣльческаго, ни вообще производительнаго характера, и что все-таки остается доказаннымъ, что большая часть всей территоріи Англіи находится въ рукахъ самаго незначительнаго меньшинства. Въ отвѣтъ на утѣшительные выводы, опубкованные въ Return-ѣ приводятся слѣдующіе факты: у 100 богатѣйшихъ лордовъ имѣется земли 3,852,000 акровъ (1,425,000 дес.), 710 землевладѣльцамъ принадлежитъ около ¼ всѣхъ земель Англіи и Валлиса; доходы этихъ 710 лордовъ равняются ⅐ доходности всѣхъ недвижимыхъ имуществъ королевства; высшій разрядъ этихъ собственниковъ состоитъ изъ 48 лордовъ, изъ коихъ 7 имѣютъ дохода по 1 мил. руб. При всѣхъ таковыхъ исчисленіяхъ еще пропущены доходы, извлекаемые тѣми же лордами изъ домовъ и городскихъ плацовъ въ Лондонѣ; такъ, между прочимъ, лордъ Вестминстеръ показанъ въ таблицахъ Return-а съ доходомъ въ 30,000 L. по своимъ сельскимъ имѣніямъ, но, кромѣ того, онъ получаетъ съ домовъ въ Лондонѣ около 700,000 L. (слишкомъ 5 мил. руб.). Маркизъ Буте, кромѣ 1,500,000 L. доходовъ съ имѣній, получаетъ около 2½ мил. руб. отъ рудъ и горныхъ промысловъ. Графъ Дудлей, показанный съ доходомъ 750,000 р. по имѣніямъ, имѣетъ, кромѣ того, съ домовъ въ Лондонѣ 5—6 мил. руб. дохода. Въ Шотландіи по новѣйшимъ исчисленіямъ считается 26 владѣльцевъ, коимъ принадлежитъ около ⅓ всѣхъ культурныхъ земель, а именно около 2 мил. дес., дающихъ дохода по оцѣнкѣ около 10 мил. руб., и 75 помѣщиковъ, владѣющихъ каждый въ средней сложности 15,000 десятинъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, опубликованныхъ въ настоящемъ 1876 г. видно, что новое изданіе Domesday Book-а, предпринятое съ цѣлью успокоить агитацію по аграрному вопросу, по сихъ поръ своей цѣли не достигло. За блистательными авторитетами Стюарта Милля и Брайта слѣдуетъ цѣлая фаланга экономистовъ и публицистовъ той же школы—Thornthon, Baxter, Fawcett, Beesly, Hoskyns, Leslie, знаменующихъ зловредное дѣйствіе излишней централизаціи поземельной собственности и продолжающихъ, какъ водится въ Англіи, про-

гресивную, мирную, но неудержимую агитацію о земельномъ вопросѣ, *The Land Question.*

Мы выписываемъ изъ вышеупомянутаго отчета слѣдующія показанія. Въ 1871 г. считалось во всѣхъ графствахъ Англіи и Валлиса:

всѣхъ жителей обоего пола	19,458,009
жителей домовъ.	3,841,354
крупныхъ собственниковъ, имѣющихъ болѣе 1 акра .	269,547
у нихъ земли акровъ.	32,862,317
у нихъ же дохода фунт. стерлин.	70,224,621
мелкихъ владѣльцевъ менѣе 1 акра	703,289
у нихъ земли акровъ.	151.151
у нихъ же дохода фунт. стерлин	29,127,687

Какъ мы выше сказали, изъ этихъ валовыхъ цифръ трудно сдѣлать какіе-либо выводы, потому что норма, принятая для различенія крупныхъ и мелкихъ собственниковъ (large and small owners), именно 1 акръ (0,37 дес.) слишкомъ низка. Только по одному графству, самому мелкому (Rufland), сдѣланы подробныя исчисленія, по коимъ показаны слѣдующія цифры:

				Число владѣльцевъ.	Среднее число акровъ ихъ владѣній.	Средній доходъ 1 вл. фунт.	стер.	шил.
Владѣльцевъ	отъ	1	до 2 акровъ	97	1,1	12,		18
„	„	2	„ 3 „	44	2,2	19,		5
„	„	3	„ 4 „	36	3,2	26,		16
„	„	4	„ 5 „	27	4,2	20,		7
„	„	5	„ 10 „	78	7,0	27,		—
„	„	10	„ 50 „	163	24,1	87,		3
„	„	50	„ 100 „	46	69,1	161,		19
„	„	100	„ 500 „	48	202	591,		19
„	„	500	„ 1000 „	8	610	1,117		—
„	„	1000	„ 5000 „	13	1661	2,574		—
„	„	5000	„10,000 „	1	9181	15,096		—
„	„	сверхъ	10,000 „	3	13,140	19,996		—

(Summary Digest, Return to Parlament of Owners of Land. London, 1876)

ГЛАВА IV.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ГЕРМАНІИ.

ОТДѢЛЪ I.

Изслѣдованіе германскаго поземельнаго быта особенно важно для Россіи по вліянію его на западныя наши окраины.—Двѣ главныя формы землевладѣнія.—Господскій дворъ (Frohnhof), крестьянскій (Bauernhof).—Крестьянское владѣніе состояло изъ трехъ частей: усадьбы, полевыхъ угодій, общинныхъ земель.—Вольные люди обращаются въ крѣпостную зависимость.—Крестьянство подраздѣляется на разряды.—Льготы, Imunitäten.—Вотчинное право, Grundherrlichkeit.—Научная разработка вотчиннаго права.—Упраздненіе крестьянскихъ дворовъ (Legung des Bauernhöfe).—Размежеваніе общинныхъ угодій.—Отмѣна крѣпостного права.—Крестьянская реформа продолжалась въ нѣмецкихъ земляхъ около 150 лѣтъ.

Аграрный строй Германіи представляетъ во многихъ отношеніяхъ особый интересъ и заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ внимательнаго изученія: онъ, во-первыхъ, служитъ типомъ земельной организаціи во всей серединной Европѣ, образцомъ, коему слѣдовали или старались слѣдовать помѣстныя сословія прочихъ странъ, начиная отъ Даніи до Польши и нашихъ Остзейскихъ провинцій; во-вторыхъ, предметъ этотъ нигдѣ не былъ изслѣдованъ, исторически изложенъ съ такою подробностью, съ такою глубокою и даже мелочною ученостью, какъ въ Германіи. По обилію матеріаловъ и по ихъ критической разработкѣ, исторія землевладѣнія въ нѣмецкихъ земляхъ составляетъ самую полную картину соціальнаго быта европейскихъ народовъ. Въ-третьихъ, и это соображеніе для насъ особенно важно, германскій аграрный строй имѣетъ для русскихъ изслѣдователей особенный интересъ въ томъ отношеніи, что по этнографиче-

скому расположенію нѣмецкаго и славянскаго племени, отношенія между ними были болѣе близкія, вліяніе германской культуры болѣе сильное, и хотя это вліяніе и остановилось на рубежѣ, отдѣляющемъ великороссійское племя отъ прочихъ славянскихъ,—но до извѣстной степени проникло и въ окраины русскихъ земель и способствовало къ разобщенію ихъ и къ отторженію западныхъ областей отъ коренной Россіи.

Англійскій и французскій строй обществъ, по дальности разстояній и разнородности климатическихъ и хозяйственныхъ условій, вовсе не подходитъ къ нашему народному быту. Строй германскихъ обществъ, напротивъ, повліялъ и можетъ еще далѣе повліять на наше соціальное развитіе съ разныхъ сторонъ, изъ Балтійскаго края, изъ Литвы и Польши, и въ разныхъ отношеніяхъ при окончательной организаціи правъ владѣнія, наслѣдованія и сельско-хозяйственнаго управленія.

Мы позволимъ себѣ даже замѣтить, что вліяніе это незамѣтно и скрытно вкрадывается въ нѣкоторыя сферы русскаго современнаго общества, подъ видомъ восторженнаго поклоненія высокой культурѣ германскаго народа и подъ предлогомъ, будто бы эта культура основана на порядкахъ землевладѣнія и сельскаго управленія, принятыхъ въ нѣмецкихъ земляхъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ порядковъ, изслѣдовать ихъ съ бо́льшею подробностію, чѣмъ учрежденія другихъ, болѣе отдаленныхъ странъ, прослѣдить, какъ ихъ историческое развитіе, такъ и настоящее ихъ положеніе, чтобы въ заключеніе подвести итогъ того народнаго благосостоянія, коимъ, по словамъ нѣмецкихъ патріотовъ, пользуется великое германское племя.

Ученые труды нѣмецкихъ писателей даютъ намъ, какъ сказано, самый обильный матеріалъ для этой части нашихъ изслѣдованій; но изъ этого богатаго запаса выборъ очень затруднителенъ; до новѣйшихъ временъ, вся ученость экономистовъ, законовѣдовъ, агрономовъ была повидимому направлена только къ тому, чтобы прославить высокую культуру германскаго общества (die Hohe Cultur des Deutschen Stames) и оправдать научными выводами существующіе порядки и

безпорядки; даже такія парадоксальныя утвержденія, какъ существованіе въ Германіи сильнаго и вольнаго крестьянства (der kräftige und freie deutsche Bauernstand) принимались на вѣру и повторялись безпрекословно во всѣхъ странахъ, населенныхъ нѣмецкими землевладѣльцами.

Только въ послѣдніе годы, послѣ смутъ 1848 г., появились въ печати болѣе правдивыя изданія и сочиненія (Штейна, Летте, Сугенгейма) и пролили, наконецъ, нѣкоторый свѣтъ на мрачную сторону аграрнаго быта Германіи, на изнанку этой блестящей, богатой ткани.

Мы постараемся разсмотрѣть безпристрастно эти обѣ стороны—лицевую и исподнюю.

Основанія аграрнаго и соціальнаго быта Германіи были заложены нашествіемъ варваровъ, и хотя нѣмецкіе публицисты и любятъ связывать исторію своего народа съ древнѣйшими временами римскаго владычества, но едва-ли эта связь можетъ что-либо указать и объяснить въ дѣлѣ современнаго общественнаго строя. Переселеніе народовъ было такое явленіе, которое повліяло еще болѣе на внутреннія житейскія и хозяйственныя отношенія, чѣмъ на политическія. Главная черта этого переворота въ западной Европѣ была та, что новые пришельцы-варвары подѣлили между собой забранные края, разверстали вновь земли и основали новыя общественныя отношенія, не обращая вниманія на прежнія права и прежніе обычаи или законы.

Русскими писателями очень часто было замѣчено, что наша территорія никогда не подвергалась завоеванію, что она покорялась временно татарамъ, литовцамъ только въ политическомъ отношеніи, но что собственно землевладѣніе никогда не выходило изъ рукъ туземнаго, первобытнаго населенія. Но и это совершенно достовѣрное мнѣніе иногда отвергалось тою школой нашихъ публицистовъ, которая не допускаетъ, чтобы въ русской народности могло быть что-либо своеобразное, самобытное; они сравнивали вызовъ варяговъ въ Россію съ нашествіемъ варваровъ на Европу и находили въ поставленіи дружинниковъ и князей въ городахъ и волостяхъ тѣ же

самые признаки дѣлежа земель, захвата имуществъ, какъ и въ другихъ странахъ.

Чтобы выяснить различіе поземельнаго устроенія въ Россіи и на Западѣ, надо глубже вникнуть въ этотъ основной фактъ. Въ послѣдующихъ главахъ, о русскомъ землевладѣніи, мы постараемся объяснить порядокъ водворенія варяжской дружины; здѣсь же замѣтимъ только, что дружина эта была слишкомъ малочисленна, чтобы совершать такія насилія, какъ экспропріація цѣлаго народа, что она поэтому довольствовалась присвоеніемъ себѣ власти, владычества, собирала дани, взимала подати, управляла селами, весями, волостями и городами въ фискальномъ отношеніи, чтобы поборами съ мѣстныхъ жителей содержать себя и свои семейства; но въ хозяйственныя отношенія не вступалась и ихъ не нарушала. Варяги, князья и мужи сами земель не держали и не думали отнимать ихъ у туземцевъ, потому что земли эти, дикія и пустыя, потеряли бы всю свою цѣнность отъ выселенія природныхъ обывателей, свыкшихся съ суровымъ трудомъ ихъ воздѣлыванія.

Въ Германіи дѣло представлялось совершенно въ обратномъ видѣ: вторгались не малолюдныя дружины, не ватаги отважныхъ промышленниковъ, а цѣлыя племена и полчища, и не по вызову туземцевъ, для водворенія порядка, а по собственному инстинктивному влеченію, отыскивая привольныя земли для поселенія. Они выходили изъ средней Азіи, изъ выморочной страны сыпучихъ песковъ и солончаковъ и, доходя до привольныхъ береговъ Дуная, Эльбы, Рейна, разумѣется, плѣнялись плодородными нивами, тучными пастбищами этого благословеннаго края. Во главѣ ихъ были тоже предводители и князья, у князей дружинники и именитые товарищи, но за ними шли цѣлыя толпы ополченцевъ, мелкихъ людей, рядовыхъ воиновъ. Остготовъ считалось, при вторженіи ихъ въ Италію, до 200,000 вооруженныхъ людей, что предполагаетъ всѣхъ душъ не менѣе 800 тысячъ и до 1 милліона. Римскіе историки повѣствуютъ, что Аріовистъ, котораго они называютъ Rex Germanorum, привелъ на Рейнъ сначала до 15,000 воиновъ; но забранный край такъ полюбился его спутникамъ, что они вызвали до 120,000 другихъ ратниковъ изъ соплеменныхъ имъ свевовъ, венетовъ, марко-

мановъ и потребовали сначала отъ туземцевъ уступки $^1/_3$ земель, потомъ возвысили свои требованія до $^2/_3$. Въ Остзейскомъ краѣ и по всему Балтійскому поморью, рыцари тевтонскаго ордена производили дѣлежъ такъ: одну треть земель брали себѣ на имя ордена, другую треть отводили церквамъ и третью—оставляли мѣстнымъ жителямъ. Были примѣры, что пришельцы отбирали и всѣ земли безъ раздѣла; лангобарды, занявъ Италію и побивъ большую часть римскихъ владѣльцевъ, обратили остальныхъ въ арендаторовъ собственныхъ ихъ помѣстій, взимая съ нихъ въ видѣ оброка $^1/_3$ всѣхъ продуктовъ. Бургунды и вестготы присвоили себѣ $^1/_3$ всѣхъ завоеванныхъ земель, геруны и остготы $^2/_3$, вандалы въ Африкѣ—всю землю. Только одни франки, по отзыву французскихъ писателей (Laboulaye, Pardessus) были умѣреннѣе; они забрали только удѣльныя имущества римскихъ императоровъ и помѣстья чиновниковъ и солдатъ римской арміи.

Но вообще обычный порядокъ разселенія этихъ племенъ былъ такой, что прежніе собственники уступали новымъ—не менѣе $^1/_3$ земель и, сохраняя пользованіе остальными двумя третями, превращались на собственныхъ своихъ земляхъ, изъ прежнихъ полныхъ владѣльцевъ, въ обязанныхъ и подвластныхъ поселянъ.

Этотъ порядокъ дѣйствій былъ, впрочемъ, въ древнемъ мірѣ общимъ закономъ и обычаемъ и, повидимому, варвары позаимствовали его отъ самихъ римлянъ, которые при покореніи инородцевъ также отбирали у нихъ часть земель, а остальную часть оставляли въ условномъ арендномъ владѣніи мѣстныхъ обывателей [1]).

Римскіе полководцы дѣйствовали даже строже, чѣмъ эти азіатскія орды, которыхъ они обвиняли въ варварствѣ, и часто послѣ побѣдоносныхъ войнъ обращали всѣхъ побѣжденныхъ въ полное рабство.

Такимъ образомъ римская цивилизація пожинала плоды сѣмянъ, ею же посѣянныхъ, и, по закону возмездія, разрушалась такимъ же порядкомъ, какимъ и была основана: такъ какъ въ завоеванныхъ областяхъ всѣ собственники были cives Romani, всѣ прежніе жители имъ подвластны и покорны, то германцы въ свою очередь нападали только на первыхъ, римскихъ гражданъ, богатыхъ патриціевъ, умерщвляли ихъ

и казнили; забирали ихъ помѣстья, и въ то же время оставляли на мѣстахъ мелкихъ плебеевъ, продолжая пользоваться ихъ повинностями и оброчною платою, какъ пользовались ими и римскіе землевладѣльцы.

Изъ этого видно, что при переселеніи народовъ произошелъ въ Европѣ полный аграрный переворотъ, не только перемѣна владычества, введеніе новаго управленія, но коренной раздѣлъ земель и водвореніе цѣлаго сословія новыхъ помѣстныхъ собственниковъ.

Они одни, пришлые люди, были и остались до новѣйшихъ временъ полными и вольными собственниками; всѣ прочіе туземные жители состояли въ бо́льшей или меньшей отъ нихъ зависимости, если не въ личномъ рабствѣ, то въ извѣстномъ подчиненіи.

Захватъ земель происходилъ повсюду, хотя и въ разныхъ размѣрахъ; но размѣръ этотъ зависѣлъ отъ соображеній самихъ завоевателей и отъ ихъ личныхъ видовъ и удобствъ. Когда нашедшее племя было немноголюдно, какъ напримѣръ саксонское, то оно дѣйствовало мягче, щадило мѣстныхъ жителей, чтобы не лишиться рабочей силы и оставляло большую часть изъ нихъ при своихъ владѣніяхъ. Франки, дружины коихъ состояли изъ небольшого числа знатныхъ предводителей и многочисленной толпы окольныхъ людей, рядовыхъ ратниковъ, надѣляли этихъ послѣднихъ мелкими участками, а именитыхъ особъ конфискованными удѣльными имѣніями римскихъ императоровъ.

Но въ сѣверной Германіи, между Рейномъ и Эльбой, произошла, можно сказать, всенародная и поголовная экспропріація, которая объясняется очень естественными причинами. Племена, зашедшія въ этотъ край, были многолюднѣе и притомъ состояли изъ равноправныхъ однополчанъ, изъ коихъ каждый требовалъ и равнаго надѣла; выходя изъ безплодныхъ степей средней Азіи, они опускались, какъ голодная саранча, на привольныя нивы Европы, кормились на нихъ, покуда не объѣдали всю страну, и затѣмъ поднимались вновь, перекочевывали далѣе и все шли по солнцу, съ востока на западъ, тѣснимые сзади новыми кочевками позднѣйшихъ выходцевъ и находя впереди все болѣе и болѣе плодородныя земли и благодатное небо.

Когда передовыя орды, франки, готы, достигли крайнихъ предѣловъ западной Европы, то послѣдующія — принуждены были остановиться на верховьяхъ Рейна и Дуная среди дремучихъ лѣсовъ; наконецъ послѣднія опустились на берега Эльбы, Одера, Вислы, на Балтійское поморье, и этимъ отсталымъ племенамъ, аріергарду переселенія, досталась худшая доля— песчаные берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и суровыя почвы Помераніи, Мекленбурга и Восточной Пруссіи—земли славянъ.

Поэтому на славянъ обрушились самые голодные и алчные полки варваровъ, которымъ не удалось достигнуть привольныхъ странъ прирейнскихъ и они налегли на славянскую территорію съ тѣмъ большею алчностью, что она представлялась имъ какъ послѣдняя добыча, оставшаяся праздною послѣ захвата всѣхъ лучшихъ земель ихъ счастливыми предшественниками.

Здѣсь германское помѣстное право устроилось и развилось въ полнѣйшемъ своемъ значеніи; нигдѣ оно не свирѣпствовало такъ необузданно, нигдѣ не обращалось такъ самовольно съ людьми и имуществами и нигдѣ также не удержалось такъ долго, какъ въ этихъ славянскихъ земляхъ, покоренныхъ чистокровными тевтонами саксонскаго племени.

Отъ этихъ различныхъ порядковъ первобытнаго поселенія произошли и два различные вида поземельной организаціи, два закона владѣнія, которые надо отличать во всѣхъ изслѣдованіяхъ германской общественности. Одинъ можно назвать франкскимъ, другой саксонскимъ. Первый преобладаетъ въ юго-западныхъ областяхъ Германіи, второй—въ сѣверо-восточныхъ.—Въ Франкскомъ краѣ, какъ выше сказано, нашедшія племена удовольствовались меньшею частью земель, потому что земли эти были лучшаго качества и число дружинниковъ было не велико; они отдѣлились отъ прочихъ обывателей дружелюбно и предоставили имъ нѣкоторую свободу владѣнія, допуская по мѣстнымъ обычаямъ наслѣдованіе, семейные раздѣлы, продажу и отчужденіе недвижимыхъ имуществъ; поэтому франкское право собственности было съ самаго начала болѣе либеральное, гнетъ помѣщичьей власти

менѣе чувствителенъ, хозяйственный бытъ крестьянъ болѣе самостоятельный.

Свобода владѣнія, дѣлимости и наслѣдованія обезпечивали мелкому люду нѣкоторую независимость въ домашнихъ распоряженіяхъ, внутри обществъ и семействъ, хотя во внѣшнихъ отношеніяхъ они и подчинялись власти государевой и помѣщичьей.

Саксонское право, напротивъ, проникало гораздо глубже въ хозяйственный и семейный бытъ и руководствовалось началомъ, что только помѣстная собственность есть полное владѣніе, что только она даетъ право распоряженія, хозяйственнаго управленія; что, поэтому помѣщикъ, (Gutsbesitzer), противополагаясь обывателю, земледѣльцу, имѣетъ надъ нимъ какъ бы природную власть надзора и опеки для охраненія собственныхъ его интересовъ, для сбереженія собственнаго его имущества, для надзора за его хозяйствомъ, культурой, семейными дѣлами, домашнимъ бытомъ и всѣми житейскими, земельными и общественными его дѣйствіями, предпріятіями, оборотами. Изъ этого понятія вытекали сами собой такія обширныя права, что сельское хозяйство и поземельное владѣніе все сосредоточилось въ рукахъ помѣстнаго сословія; крестьянское владѣніе было связано, спутано такими сложными правилами, что хозяинъ въ своемъ хозяйствѣ ничѣмъ не располагалъ: порядокъ наслѣдованія, выдѣлъ дѣтей, полеводство, земельный надѣлъ, все было установлено не по закону, но по уставамъ рыцарей-дворянъ и, въ виду общей пользы сельскаго хозяйства, поселяне лишены были всякой самостоятельности.

Нѣмецкіе публицисты означаютъ характеръ этихъ двухъ видовъ землевладѣнія словами: Mobilisation и Gebundenheit des Grundsbesitzes — движимость и закрѣпленіе поземельной собственности, разумѣя подъ первымъ свободу дѣлимости и отчужденія, а подъ вторымъ преемственность и заказное, заповѣдное владѣніе; первое относится къ Бадену, Виртембергу и Прирейнскимъ областямъ — второе къ сѣверной полосѣ Германіи, отъ Ганновера до Мекленбурга, Помераніи и восточныхъ провинцій Пруссіи.

Мы будемъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ имѣть преимущественно въ виду эту вторую часть Германіи, такъ какъ въ

ней землевладѣльческій элементъ проявился во всемъ своемъ могуществѣ и притомъ въ духѣ чисто-германской народности, безъ примѣси инородныхъ воззрѣній.

Хотя исторія аграрныхъ учрежденій Германіи и восходитъ, по ученымъ изслѣдованіямъ нѣмецкихъ писателей, до временъ Юлія Кесаря и Тацита, но мы полагаемъ излишнимъ описывать такія отношенія, которыя были окончательно порваны и разрушены, а остановимся на болѣе извѣстныхъ и положительныхъ данныхъ VIII и IX вѣка, которыя даютъ намъ полную картину уже организованнаго соціальнаго строя.

Въ царствованіе Карла Великаго и непосредственныхъ его преемниковъ, послѣдовало узаконеніе и установленіе тѣхъ смутныхъ земельныхъ отношеній, которыя возникали въ теченіи предъидущихъ вѣковъ отъ переселенія народовъ и раздѣла земель, но когда эти волненія утихли, то новые порядки оказались слѣдующіе:

Всѣ земли были подѣлены между побѣдителями и побѣжденными и право владѣнія было двоякое: одно помѣстное (Grundherrlichkeit), другое подвластное (Grundhörigkeit).

Первое было господское и представлялось въ натурѣ въ видѣ зáмка, помѣщичьей усадьбы или дворца, который назывался Frohnhof; второе—крестьянское, тоже сосредоточивалось въ дворѣ, окруженномъ полевыми угодьями, именуемомъ Bauernhof.

Къ первому разряду относились также и удѣлы разныхъ владѣтельныхъ особъ (Landesherren), также церковныя и монастырскія имущества; но они не составляли особаго вида землевладѣнія и, пользуясь только нѣкоторымъ почетомъ, сливались въ общее понятіе господской помѣстной собственности, представителемъ коей былъ Frohnhof, точно такъ какъ всѣ разряды простыхъ людей входили въ составъ крестьянскаго сословія и всѣ имущественныя ихъ отношенія выражались въ крестьянскомъ дворѣ, Bauernhof. Но эти два термина были, не такъ какъ въ Россіи, простыя означенія мѣста жительства помѣщика или мужика, а полныя юридическія понятія, опредѣляющія неотъемлемыя свойства самаго владѣнія,

права и обязанности владѣльцевъ и взаимныя ихъ отношенія между собой, отношенія, приписанныя не людямъ, а землѣ, грунту, на коемъ они жили. Это было исходное положеніе аграрнаго строя Германіи.

Чтобы дать ясное понятіе о всѣхъ позднѣйшихъ устройствахъ и переворотахъ, надо разсмотрѣть двѣ первобытныя формы владѣнія.

Frohnhof означаетъ буквально господскій дворъ, усадьбу, къ коей приписаны другіе дворы, исправляющіе въ пользу перваго, главнаго, разныя повинности—Frohnden.

Всякій родовитый человѣкъ — король и его вассалы, также церкви и высшее духовенство имѣли свои дворы; государевы назывались Pallast, церковные—Dom, помѣщичьи — Hof. Они строились на возвышенностяхъ, повелѣвающихъ окружною мѣстностью, не посреди или около крестьянскихъ селеній, какъ наши помѣщичьи усадьбы, но всегда особнякомъ и по возможности на неприступныхъ горахъ и скалахъ; къ нимъ приписывались окольныя селенія не по праву собственности, а по праву господства, т.-е. въ такомъ разстояніи, на какое простиралась дѣйствительная власть господина. Изъ этого подвѣдомственнаго ему округа (Bezirk) помѣщикъ выбиралъ себѣ часть земель, обыкновенно всѣ пустыя и дикія земли, которыя предназначались для заведенія господской запашки; остальныя угодья оставлялъ во владѣніи или срочномъ содержаніи обывателей на различныхъ условіяхъ, но во всякомъ случаѣ на положеніи обязаннаго, подвластнаго пользованія.

Между этими обывателями были и рабы, оставшіеся отъ римскихъ временъ (servi—по-латыни, Knechten—по-нѣмецки); они употреблялись для домашнихъ служительскихъ работъ, иногда получали и земельный надѣлъ, но безъ всякаго права собственности, по отводу помѣщика; эти послѣдніе, невольники, получившіе землю, назывались kolonen, Kother, т.-е. колонисты, хуторяне, и занимались обработкой господскихъ полей; между тѣмъ какъ безземельные рабы (Knechten) исправляли черныя работы въ усадьбѣ (opera servilia). Надѣлы ихъ состояли изъ одной пустошной усадьбы безъ полевыхъ угодій, изъ одного двора (Casa), отчего они получили названіе casati, Kother.

Но несравненно бо́льшая часть сельскихъ обывателей состояла изъ людей лично вольныхъ, именно изъ туземцевъ и

своеземцевъ, которымъ земли принадлежали по праву полной собственности и которые, покорившись сначала римлянамъ, потомъ разнымъ варварскимъ племенамъ, всякій разъ, при каждомъ новомъ вторженіи, выпрашивали и выговаривали себѣ право сохранить одну часть имуществъ за уступку другой части, и такимъ образомъ выкупали свои разоренныя земли, принимая на себя трудъ воздѣлыванія прочихъ земель, забранныхъ отъ нихъ же завоевателями. Всѣ эти люди, какъ сказано, признавались собственниками и въ гражданскихъ своихъ отношеніяхъ вольными, полноправными; но, вступивъ однажды въ обязанныя отношенія по землевладѣнію, постепенно начали терять права вольнаго распоряженія своими имуществами и сдѣлались покорными, послушными (hörig) владѣльцамъ тѣхъ дворовъ, къ коимъ были приписаны.

Изъ этихъ-то первобытныхъ отношеній покорителей и покоренныхъ образовалось основное понятіе германскаго землевладѣнія, понятіе о Grundherrschaft, которое не надо смѣшивать съ крѣпостнымъ правомъ (Leibeigenschaft). Это было не право надъ людьми, а право на земли, не частная собственность, а владѣтельное право,—власть, присвоенная извѣстнымъ помѣстьямъ и вотчинамъ управлять другими подворными участками; и кто бы ни селился на сихъ послѣднихъ, вольные или невольные люди, полные ли рабы—невольники, или обязанные, полувольные поселяне, или даже мелкопомѣстные свободные граждане, всѣ они вмѣстѣ, съ нѣкоторыми изъятіями и различіями, подпадали подъ общую власть владѣльца земли, главнаго двора (Frohnhof).

Уже со временъ Карла Великаго поземельное право приняло такой характеръ, что только благородные и знатные рыцари-вассалы признавались полными собственниками; всѣ прочіе владѣльцы прежнихъ временъ, хотя и продолжали пользоваться своими угодьями, но уже подлежали суду и расправѣ первыхъ, а новые поселяне получали земли не иначе, какъ въ видѣ оброчныхъ арендныхъ статей.

Вольныя деревни оставались только въ королевскихъ имѣніяхъ и въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ и недоступныхъ округахъ, куда не проникали побѣдители. Понятіе о полной собственности совпадало съ понятіемъ о господинѣ (il n'y a pas

de terre sans seigneur), а крестьянскимъ владѣніемъ (Bauerngut) называлось всякое обязанное подвластное имущество [2]).

Въ теченіи послѣдующихъ среднихъ вѣковъ, изъ этихъ основныхъ началъ развилось полное понятіе о помѣстномъ и вотчинномъ владѣніи въ томъ могущественномъ видѣ, въ коемъ оно перешло и до нашихъ временъ; точно такъ, какъ у древнихъ германцевъ, по словамъ Тацита, земли распредѣлялись между жителями по ихъ достоинству, такъ и въ новыхъ германскихъ государствахъ принято было за правило, что территорія подраздѣляется на округа, во главѣ коихъ стоятъ знатные, родовитые люди. Они въ качествѣ частныхъ владѣльцевъ имѣютъ свой дворъ, свою помѣщичью усадьбу, которая называется Herrenhof, Fronhof, Salhof, и на такомъ же основаніи, какъ знатные мужи, таковыми же дворцами владѣютъ государи и высшее духовенство.

Но кромѣ этихъ частныхъ владѣній, принадлежащихъ имъ по праву собственности, къ каждому двору или дворцу приписывается извѣстный околотокъ (territorium) для управленія и хозяйственнаго завѣдыванія, и такіе округа называются Hofmark. Они подраздѣляются на двѣ категоріи земель: одну —состоящую въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика и составляющую господскую запашку (Salland, terra salica), другую—населенную обывателями, вольными и крѣпостными, которые находятся въ различныхъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу, но всѣ болѣе или менѣе подчиняются его суду или расправѣ, одни въ качествѣ безправныхъ, невольныхъ рабочихъ, другіе, какъ оброчные, обязанные поселяне, третьи, какъ вольные и полные собственники, подсудные ему въ судебномъ и административномъ порядкѣ. Такимъ образомъ частное владѣніе извѣстнымъ пространствомъ земли, при благородствѣ владѣльца даетъ ему право на управленіе и другими владѣніями, и изъ этого образуется первое понятіе о патримоніальной власти.

Другое очень важное право, выведенное германскими землевладѣльцами изъ предъидущаго, состояло въ томъ, что собственнику предоставлялось право передовѣрять эти права другимъ лицамъ по своему усмотрѣнію; частные владѣльцы на-

значали вмѣсто себя приказчиковъ повѣренныхъ (Vogten, Meiern), духовныя лица — викаріевъ (Vicarien), короли и князья — въ своихъ вотчинахъ намѣстниковъ (Grafen). Мало-по-малу эти должности переходили въ наслѣдственное пользованіе приказчиковъ, намѣстниковъ. Въ королевскихъ имѣніяхъ, гдѣ состояло всего болѣе вольныхъ людей, очень часто жаловались въ собственность округа, порученные ихъ управленію; въ частныхъ имѣніяхъ вотчинники и епископы, въ награду за вѣрную службу, уступали своимъ повѣреннымъ (Advocate, Vicecomites, Vicarien) право суда и расправы, которое составляло для нихъ очень докучную заботу.

Такимъ образомъ понятія о собственности, право владѣнія и власть суда и полиціи все болѣе и болѣе смѣшивались и сливались; коронные чиновники и должностныя лица пріобрѣтали мало-по-малу право хозяйственнаго распоряженія, которое почти равнялось праву владѣнія — и въ то же время дворовому управленію подчинялись не только крѣпостные люди (Leibeigene), принадлежащіе вотчиннику по праву собственности, не только обязанные поселяне (die hörigen), приписанные къ имѣнію, но и вольные обыватели (die Freien) и вольноотпущенные (liberti), которые составляли его юридицію. Hofmark, вотчина, состояла изъ извѣстнаго числа дворовъ, между коими были и участки, принадлежащіе вольнымъ владѣльцамъ, и въ древнихъ актахъ эти подворные участки исчислялись всѣ вмѣстѣ; такъ напр. показывалось, что такому-то дворцу (Hof. von Lowen) принадлежитъ 72 крестьянскихъ гуфъ, изъ коихъ 33 вольныхъ и 39 крѣпостныхъ. Личныя права поселянъ были различны по ихъ состоянію, но въ хозяйственномъ отношеніи и въ земельномъ они безразлично и безусловно зависѣли отъ господскаго двора и принадлежали господину.

Хотя нѣмецкіе писатели и описываютъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ древній самостоятельный бытъ германскаго крестьянства, но по всѣмъ свѣдѣніямъ оказывается, что уже въ началѣ среднихъ вѣковъ вольное крестьянство было совершенно поглощено крѣпостнымъ или обязаннымъ сословіемъ и къ нему пріурочено. Прежнее общественное самоуправленіе, территоріальное раздѣленіе на общества и волости (Gemeinschaften, Gauen) и волостные выборные начальники (Schöpfen)

потеряли свое значеніе: подчинились дворянскимъ учрежденіямъ (Hofverfassung) и слились въ дворовые округа (Hofmark). Слова: дворъ, дворецъ, дворянство, дворовое управленіе, дворовые люди, всѣ происходятъ отъ нѣмецкаго слова Hof, которое было переведено и на славянскіе языки, русскій и польскій, для означенія того же понятія [3]).

Но господскій дворъ въ нѣмецкихъ земляхъ имѣлъ съ самаго начала и сохранилъ до новѣйшихъ временъ особый характеръ, отпечатокъ той глубокой розни, которая отдѣляла господъ, die Herren, отъ крестьянъ — die Bauern. Они строились по возможности на холмахъ, скалахъ и вообще неприступныхъ мѣстностяхъ, командующихъ окрестными селеніями, и назывались обыкновенно зàмкомъ (die Burg). Кругомъ, у подножія горъ и скалъ разстилались пустыя пространства, гдѣ точно также, какъ вокругъ крѣпостей, запрещалось строиться и селиться, чтобы открыть свободное дѣйствіе оружію владѣльца въ случаѣ нападенія, и свободный выгонъ его стадамъ; тутъ устроивались господскія запашки; далѣе, въ извѣстномъ разстояніи отъ зàмка, поселялись оброчники и барщинники. Владѣльцы зáмковъ были обыкновенно знатные, родовитые господа, коренные владѣльцы всей территоріи, приписанной къ вотчинѣ, и изъ нихъ образовался собственно аристократическій элементъ — высшее дворянство (der hohe Adel), который и понынѣ имѣетъ своихъ представителей въ прусской палатѣ господъ. Многіе изъ нихъ успѣли развить свои патримоніальныя права до государственной власти и усвоили себѣ, кромѣ помѣщичьей власти (Grundherrlickeit), еще другой родъ владычества, средній между вотчинной и правительственной, такъ называемый Landesherrlichkeit Standesherrschaft; это особенно удалось тѣмъ королевскимъ намѣстникамъ (Grafen, comites), которые управляли государствами вотчинами; такъ какъ имъ часто жаловалось наслѣдственное право суда и расправы, то они постепенно захватывали въ свои руки и всѣ прочія власти, переименовались изъ простыхъ графовъ въ маркграфовъ, ландграфовъ, а всѣхъ людей, поселенныхъ въ ихъ округѣ, называли подданными (Untertanen), хотя сами они считались, въ свою очередь, подданными настоящаго верховнаго государя.

Одновременно съ дворянскими помѣстьями и на тѣхъ же началахъ устраивались въ Германіи и церковныя владѣнія (Kirchliche Gebiete). Устройство ихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что оно служило первообразомъ, примѣромъ, по коему образовывались и свѣтскія территоріи (weltliche Gebiete) и вотчинные округа (Gutsbezirke). Уже въ XI столѣтіи мы находимъ обширныя имѣнія, приписанныя къ церквамъ, монастырямъ и другимъ церковнымъ учрежденіямъ (Kirchliche Stiftungen); мѣстопребываніе высшихъ духовныхъ сановниковъ называется Dom и имѣетъ такое же значеніе какъ господскій дворъ (Herrnhof).

Къ главнымъ церквамъ (Mutterkirchen) приписывалось нѣсколько приходовъ, точно такъ, какъ къ дворянскимъ вотчинамъ, нѣсколько селеній и частныхъ имѣній. Первоначально высшее духовенство управляло своими помѣстьями въ качествѣ духовныхъ пастырей, какъ графы свѣтскими округами въ качествѣ королевскихъ намѣстниковъ. Но когда вслѣдствіе пожалованій или захватовъ эти намѣстническія должности стали переходить въ наслѣдственныя, то духовные владыки тоже старались закрѣпить за собой части своей паствы, выгораживая свои владѣнія отъ свѣтскихъ властей; для нихъ это было легче чѣмъ для мірянъ, потому что они, повидимому, охраняли только интересы церкви, заботились о благолѣпіи Божьихъ храмовъ и, поэтому, пользовались благочестивой ревностью государей и суевѣріемъ частныхъ владѣльцевъ для присвоенія себѣ чужихъ земель и округленія своихъ владѣній.

Это явленіе, впрочемъ, было общее во всѣхъ странахъ, гдѣ вводилось христіанство; церковныя имущества служили первымъ средствомъ для обезпеченія содержанія церквей и духовенства, отказы и пожалованія обширныхъ вотчинъ главнымъ источникомъ для поддержанія духовной власти. Но въ Германіи оно имѣло особый характеръ въ томъ отношеніи, что частное владѣніе смѣшалось съ правительственною властью и что въ церковные округа, какъ и въ помѣщичьи, вошли не только пожалованныя или отказанныя волости и селенія, какъ въ Россіи, но и частныя имѣнія, вольныя деревни.

Сначала духовная власть, обнимая извѣстное число селеній, имѣла въ нихъ только управленіе по церковнымъ дѣ-

ламъ; но, расширяя предѣлы своей власти, кругъ своихъ дѣйствій, духовенство постепенно достигло того, что завѣдывало и хозяйственнымъ управленіемъ, и судебно-административнымъ, принимая такимъ образомъ значеніе и частнаго владѣнія, и правительственнаго вѣдомства.

Прихожане, проживавшіе на собственныхъ земляхъ, мало-по-малу смѣшивались съ людьми, водворенными въ церковныхъ имѣніяхъ; селенія, приписанныя къ церквамъ въ видѣ вотчины или помѣстья, сравнялись съ другими вольными деревнями, которыя были приписаны къ тѣмъ же церквамъ въ качествѣ духовной паствы; всѣ прихожане облагались десятиной въ пользу церкви, безъ различія состоянія, натуральными повинностями на содержаніе причта, работами на постройки и доставку матеріаловъ; однимъ словомъ, цѣлые округа, первоначально составлявшіе только приходскій участокъ, превратились въ церковныя вотчины, и это распространеніе духовнаго владычества останавливалось только тамъ, гдѣ оно встрѣчалось съ таковыми же домогательствами свѣтскихъ владыкъ, графовъ, маркграфовъ, ландграфовъ, бургграфовъ. Въ такихъ случаяхъ, при столкновеніи духовенства съ мірянами, первое обыкновенно имѣло верхъ; церковный округъ выдѣлялся изъ вѣдомства королевскаго намѣстника и отдавался епархіальному начальству; епископъ смѣнялъ коронныхъ чиновниковъ и назначалъ своихъ повѣренныхъ и приказчиковъ (Vicarien).

Жалованныя грамоты часто распространяли эту власть и на такія мѣстности, гдѣ церковь или монастырь вовсе не имѣли собственныхъ имуществъ, такъ что многія церковныя вотчины занимали обширныя пространства, цѣлыя области въ 100 — 150 кв. миль.

Это былъ, какъ сказано, первообразъ вотчинно-патримоніальнаго землевладѣнія, развившагося впослѣдствіи въ нѣмецкихъ земляхъ: Kirchliche Gebieten послужили образцами Gutsbezirkea; то и другое выраженіе означаетъ нѣчто среднее между частною собственностью и государственною властью; понятіе, впрочемъ, очень неопредѣленное и смутное, о правѣ высшаго владѣнія (dominimum eminens), первенствующемъ надъ частнымъ владѣніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненномъ верховной власти государя—промежуточная инстан-

ція, которая имѣла кругъ дѣйствій менѣе обширный, чѣмъ государство, но болѣе широкій, чѣмъ вотчина, и простиралась далеко за предѣлы имѣнія, частнаго владѣнія.

Это именно обстоятельство, что церковь и высшее духовенство выступили съ древнѣйшихъ временъ, какъ главные представители крупнаго землевладѣнія, сильно повліяло на аграрную организацію европейскихъ земель; церковныя владѣнія освятили право собственности свѣтскихъ владѣльцевъ, льготы и привилегіи, коими они пользовались, служили примѣрами для обѣленія, привилегированія другихъ вотчинъ. Высшее духовенство и высшее дворянство, связанные солидарностью имущественныхъ своихъ правъ, вступили въ неразрывный союзъ, прикрывая благословеніемъ церкви и властью помѣщика всѣ благопріобрѣтенныя свои территоріи, а въ концѣ среднихъ вѣковъ дворянство приняло даже характеръ полусвѣтской и полудуховной корпораціи, рыцарской (Ritterschaft) и религіозной — монашескихъ орденовъ (Тевтонскаго и другихъ).

Таковы были главныя основанія помѣстнаго права въ Германіи, основанія очень широкія и чрезвычайно твердыя, ибо опирались на высшіе интересы всякаго гражданскаго союза, на религію и управленіе.

Другой видъ владѣнія, противоположный помѣстному, былъ крестьянскій дворъ, Bauernhof; онъ впрочемъ не составлялъ отдѣльной собственности и входилъ въ общій составъ господскихъ земель (Frohn или Salländerein), которыя подраздѣлялись на собственно господскую запашку, состоящую въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца и воздѣлываемую безземельными рабами и батраками, — и на хутора, подворные участки, которые сдавались оброчнымъ крестьянамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ бо́льшей части земель, покоренныхъ саксонцами, вестготами, алеманами и даже франками; прежнія права собственности были всѣ сглажены завоеваніемъ, и земледѣльцы, оставшіеся на мѣстахъ, признавались и назывались Kolonen, т.-е. поселянами, водворенными на чужихъ земляхъ. Впрочемъ, имущественныя ихъ права не оспаривались; многіе изъ нихъ были, или, по крайней мѣрѣ, счи-

тали себя такими же собственниками, какъ и благородные ихъ владѣтели; крестьянскій дворъ былъ въ маломъ видѣ такая же полная хозяйственная единица, какъ и господское помѣстье, также состоялъ изъ усадьбы, окруженной полями, и также заключалъ въ себѣ, кромѣ хозяина и его домочадцевъ, батраковъ и служителей, приписанныхъ ко двору. Лѣтописцы VIII-го и IX-го столѣтій приводятъ примѣры, что у двухъ крестьянъ было 10 служителей mancipii; у другихъ 10-ти домохозяевъ, которые сами были невольные люди — 39 слугъ и батраковъ; въ одной деревнѣ, состоявшей изъ 17 подворныхъ участковъ, тоже невольныхъ—было 43 кутника (mansi serviles); къ нѣкоторымъ изъ нихъ было приписано отъ 146—152 батраковъ. Эти люди (mancipii) считались въ рабочемъ инвентарѣ крестьянскихъ дворовъ, были закрѣплены за ними и переходили вмѣстѣ съ участкомъ отъ одного домохозяина къ другому.

Итакъ, крестьянскій дворъ, точно такъ же какъ и господскій, имѣлъ въ Германіи съ древнѣйшихъ временъ юридическое значеніе цѣльнаго хозяйственнаго участка, съ нормальнымъ размѣромъ угодій и съ приписанными къ нему рабочимъ скотомъ и людомъ. Разница между ними была только та, что первые считались вольными, полноправными имуществами, а вторые—обязанными (hörig), и что право владѣнія сими послѣдними было основано не на народномъ правѣ, а на вотчинномъ; къ какому бы состоянію поселяне ни принадлежали, если только они не были благородной крови, то во всякомъ случаѣ подчинялись вотчиннику, господину (Senior, dominus).

Внутренній бытъ крестьянскаго сословія въ началѣ среднихъ вѣковъ представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

Крестьяне жили большею частью въ группахъ, называемыхъ селеніями, но отдѣльными дворами были надѣлены подворно, посемейно усадьбами, полевыми и луговыми угодьями — и владѣли сообща выгонами, лѣсными дачами и пустошами.

Эти три черты составляютъ главныя свойства германскаго сельскаго быта и главныя его отличія отъ русскаго и славянскаго, такъ называемаго мірского землевладѣнія, хотя съ

перваго взгляда и представляется между ними нѣкоторое наружное сходство.

Дѣйствительно, читая во всѣхъ ученыхъ сочиненіяхъ и трактатахъ и слыша постоянно категорическія заявленія, что община (die Gemeinde) и общинное землевладѣніе (die Feldgemeinschaft) была исконная форма германской общественности, что она во всей западной Европѣ существовала точно такъ, какъ существуетъ понынѣ въ Россіи, при низкой степени цивилизаціи и сельскаго хозяйства, мы могли повѣрить на слово этимъ ученымъ и свѣтскимъ авторитетамъ, что русскій міръ есть не что иное какъ преданіе европейской культуры,— одно изъ видоизмѣненій, черезъ которыя проходятъ и должны пройти всѣ народы на пути аграрнаго своего устроенія.

Но, вникая глубже въ это устройство, мы, напротивъ, открываемъ, что, кромѣ названія общины, въ этихъ сельскихъ союзахъ нѣмецкихъ земель не было ничего общаго, что они были основаны не на равноправности, а напротивъ, на розни крестьянскаго сословія, и что поэтому общинная организація въ Германіи является съ самыхъ древнихъ временъ прямо противоположною русскому славянскому мірскому быту.

Первое различіе русскаго селенія отъ нѣмецкаго есть порядокъ размѣщенія жилыхъ строеній, дворовъ (der Höfe); германское село строилось не по сплошной линіи съ улицей или площадью по серединѣ, но отдѣльными домами, или группами домовъ, по разнымъ фасадамъ. — Это было только наружное различіе, но оно повліяло болѣе, чѣмъ думаютъ, на соціальное развитіе крестьянъ; сожительство ихъ не было связано матеріальными выгодами и пользами, какъ жительство горожанъ, обитавшихъ на одной улицѣ, и не подвергалось также и тѣмъ неудобствамъ и опасностямъ отъ пожара, наводненія, которыя связывали городскихъ обывателей общими интересами и страхами.

Второе и существенное различіе нѣмецкихъ поселеній было устройство крестьянской усадьбы, двора; онъ помѣщался иногда въ общей группѣ селенія, иногда и особнякомъ, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, къ нему приписывалось разъ и навсегда извѣстное пространство пашни и луговъ, которые составляли неотъемлемую принадлежность двора (des Hofs) и назывались die Hüfe. — Самый порядокъ

надѣла, наслѣдованія и раздѣловъ былъ очень различный, но коренное правило было, — что всякая усадьба должна служить центромъ одного полнаго хозяйства и что къ ней приписывается извѣстное количество угодій, нужныхъ для пропитанія одной семьи и соотвѣтствующихъ ея рабочей силѣ.

Это понятіе о подворномъ участкѣ Hüfe, есть основное въ нѣмецкомъ землевладѣніи. Оно означаетъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, такое пространство пахатной земли, какое можетъ быть воздѣлано, вспахано, посѣяно и убрано однимъ семейнымъ домохозяиномъ при одномъ плугѣ; такъ какъ въ нѣмецкихъ селеніяхъ крестьяне, повидимому изстари, употребляли пароконный плугъ, а въ славянскихъ — одноконную соху, то Hüfe въ первыхъ соотвѣтствовало потребностямъ содержанія пары коней или воловъ, а во вторыхъ полагалось менѣе на содержаніе одной лошади. Самая рабочая сила людей, состоящихъ въ семействѣ, не принималась въ разсчетъ; предполагалось, что домохозяинъ, въ случаѣ недостатка своихъ семейныхъ рабочихъ, нанимаетъ ихъ на сторонѣ, или даже, какъ мы выше видѣли, имѣетъ своихъ крѣпостныхъ батраковъ, казаковъ, и что во всякомъ случаѣ подворный участокъ надѣляется только такимъ хлѣбопашцамъ, которые имѣютъ или натуральныя, или денежныя средства для содержанія хозяйства. Это было исходное положеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Германіи; полевыя угодья были цѣльные хозяйственные участки, которые отводились сполна домохозяевамъ, имѣющимъ достаточныя средства; прочіе сельскіе обыватели оставались за штатомъ и надѣлялись землей какъ попало и сколько оставалось отъ первыхъ, иногда полъ-гуфой, иногда четвертью, осьмушкой, или однимъ огородомъ, или ничѣмъ [4]).

Наконецъ, третья составная часть крестьянскаго надѣла была Almend, die Flur, которая считалась въ общинномъ владѣніи; она состояла изъ выгоновъ, кустарниковъ, лѣсныхъ ухожей, запольныхъ полосъ, вообще изъ пустыхъ и дикихъ земель, не входившихъ въ сѣвооборотъ, или изъ лѣсныхъ дачъ, коими пользовались сообща помѣщики и крестьяне на правѣ сервитутовъ для сбора валежника, сухоподстоя, рубки дровъ и пастьбы свиней.

Эти пустоши и составляли единственную общественную

связь германскихъ Gemeinde, между тѣмъ какъ дворъ (der Hof) и полевой надѣлъ (die Hüfe) всегда и съ древнѣйшихъ временъ признавались частнымъ, личнымъ владѣніемъ отдѣльныхъ домохозяевъ, отцовъ семействъ.

Положеніе, которое мы выше описали, относится къ эпохѣ Карловинговъ и началу среднихъ вѣковъ. Какое оно было прежде — трудно узнать, но, принимая это время за періодъ первобытной общественности Германіи, нельзя не признать, что она уже въ VII и VIII столѣтіяхъ была основана на началахъ совершенно противныхъ славяно-русскому аграрному строю и что нѣмецкая Gemeinde и тогда уже нисколько не была похожа на русскій міръ.

Съ XI и XII столѣтій начинается новое движеніе, которое протянулось черезъ всѣ средніе вѣка и получило окончательное разрѣшеніе только въ XVII столѣтіи, послѣ Вестфальскаго мира.

Какъ мы выше видѣли, большая часть сельскихъ обывателей въ первую эпоху исторіи были люди вольные и при томъ полные собственники своихъ земель, уступившіе только дружинникамъ и вассаламъ часть своихъ владѣній, чтобы спасти отъ разоренія другую часть. Но между ними были и люди другихъ состояній — невольники римскихъ временъ или рабы, заполоненные варварами, или поселяне, выписанные и водворенные на помѣщичьихъ земляхъ. Такимъ образомъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ были три главныя категоріи поселянъ: вольные собственники (volfreie Bauern), полувольные или обязанные (hörige Leute) и невольные или крѣпостные (leibeigene). Переворотъ, предпринятый въ XII столѣтіи и довершенный только въ XVII-мъ, имѣлъ главною цѣлью привести всѣ эти три разряда въ одно состояніе и именно въ среднее — обязанныхъ поселянъ (hörige Leute), такъ чтобы вольные собственники, сохраняя номинально свои права владѣнія, покорились суду и расправѣ господъ-помѣщиковъ и чтобы, съ другой стороны, невольники крѣпостные, получая личную свободу, не выходили изъ подданства вотчинниковъ.

Операція эта была тѣмъ болѣе сложная, что вышеупомянутые три главные разряда подраздѣлялись еще на безчи-

сленные виды: между людьми невольными были и полные рабы, кабальные холопы (servi) и такіе же невольники, поселенные въ усадьбахъ на господскомъ грунтѣ (Servi casati); между обязанными поселянами были и чужестранные колонисты лично вольные (freie colonen, ingenui), и срочные оброчники, съемщики земель (Hintersassen). Одни изъ нихъ водворялись на помѣщичьихъ земляхъ и вступали въ непосредственныя сношенія съ землевладѣльцемъ, получая отъ него усадьбу съ огородомъ (Hauslinge), другіе селились на крестьянскихъ участкахъ, состоявшихъ въ потомственномъ владѣніи домохозяевъ (Erbköther), третьи на общинныхъ угодьяхъ и пустошахъ (Markköther). Наконецъ разночинцы, одни вольные, другіе крѣпостные, принимались въ господскіе дворы на полные харчи и содержаніе хозяевъ, безъ отвода имъ земли, и составляли низшую категорію сельскихъ обывателей — Loosleute, Einlieger, Unansässige.

По имуществу, какъ и по состоянію, сельскій людъ различался строго: полновольные (vollfreie Leute) обыкновенно владѣли цѣлыми тяглыми гуфами и назывались Vollbauern, Vollspaner, Hufner; обязанные поселяне и всѣ крестьяне славянскаго племени получали половинный надѣлъ, Halbbauer, Halbhufner; крѣпостнымъ людямъ и новымъ пореселенцамъ (Colonen) полевого надѣла обыкновенно не отводилось; они пользовались только усадебной осѣдлостью на господскихъ, крестьянскихъ или общинныхъ земляхъ, за что́ и отбывали барщину на помѣщиковъ, крестьянъ, или сельскія общества.

Задача, которую предложило себѣ помѣстное сословіе въ Германіи, состояла въ томъ, чтобы слить всѣ эти категоріи крестьянъ и разночинцевъ въ одно сословіе обязанныхъ поселянъ, не отмѣняя, впрочемъ, ни личныхъ ихъ правъ, ни имущественныхъ, но только подчиняя ихъ общему началу, Grundhörigkeit, означающее подданство, послушаніе земледѣльцевъ всѣхъ разрядовъ рыцарямъ-землевладѣльцамъ [5]).

Средства, употребленныя для этого, были очень различны, какъ мы увидимъ ниже; но можно сказать, что самый первобытный составъ крестьянскаго сословія много способствовалъ торжеству помѣстныхъ классовъ надъ земледѣльческими и

что организація этихъ послѣднихъ лишала ихъ всякой связи и силы для противодѣйствія.

Связи общественности, солидарности интересовъ, не могло быть никакой въ сельскомъ населеніи при вышеописанномъ порядкѣ землевладѣнія.

Правда, гуфа (какъ и въ Россіи выть, обжа) означала нормальный надѣлъ домохозяина, полный участокъ, соотвѣтствующій полному хозяйству; размѣры ихъ были различные, въ южной Германіи нѣсколько менѣе въ 40 морг. (10 дес.) въ Мекленбургѣ, Саксоніи и Шварцвальдѣ 60 морг. (15 д.), въ Тюрингенѣ 90 морг. (23 д.); въ средней сложности можно считать, что гуфа равнялась 10—15 десятинамъ.

Но таковые полные участки отводились не всѣмъ крестьянамъ, а только зажиточнѣйшимъ изъ нихъ и не по разверсткѣ, размету между домохозяевами, а по нарѣзкѣ, обыкновенно производимой вотчинникомъ отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ. Полутяглыхъ хозяевъ, кутниковъ, бобылей, было вообще гораздо больше, чѣмъ полныхъ хозяевъ; въ Саксоніи на 1 тягло крестьянина (Vollbauer) считалось 4 кутника (Häuslinge), въ Баваріи на 1 хозяина 23 бобыля и чернорабочихъ.

Такое положеніе очевидно лишало такъ называемую сельскую общину (Gemeinde) всякаго общественнаго значенія: единомыслія и согласія не могло быть между своеземцами, владѣвшими или пользовавшимися наслѣдственно участками въ 10—15 дес. плодороднѣйшей почвы, и бобылями, пріютившимися на запольныхъ полосахъ и уголкахъ крестьянскихъ и общинныхъ угодій; но было между ними яблоко раздора, предметъ постоянныхъ споровъ и ссоръ—это именно тѣ общинные выгоны и пустоши, на которыхъ во времена óны, при прежнемъ излишествѣ пустыхъ земель, поселялись, и бóльшею частію безъ спроса и вѣдома общества, бѣднѣйшіе обыватели, загораживая своими постройками пастбища, мѣшая прогону скота и запахивая все далѣе мѣста, считавшіяся въ общемъ пользованіи. Антагонизмъ между ними возникалъ самъ собой, раздоръ исходилъ изъ самаго порядка первоначальнаго поселенія и, разумѣется, усиливался по мѣрѣ приращенія народонаселенія.

Этими сѣменами раздора воспользовалось помѣстное со-

словіе весьма искусно, чтобы съ помощію самихъ крестьянъ разобщить ихъ, разбить на отдѣльные разряды, между собой враждующіе, и окончательно покорить своей вотчинной власти.

Первое дѣйствіе, послужившее къ распространенію вотчинной власти, были такъ называемые Imunitäten, то же что въ Россіи обѣленіе. Но въ нѣмецкихъ земляхъ, обѣленіе, изъятіе изъ общей подсудности и общаго оклада, имѣло двоякое означеніе: оно, во-первыхъ, означало, какъ и у насъ, исключеніе нѣкоторыхъ сельскихъ округовъ изъ вѣдомства коронныхъ чиновниковъ, передачу помѣщикамъ и вотчинникамъ права взиманія податей и налоговъ, запрещеніе судьямъ и сборщикамъ въѣзда въ таковыя обѣленныя, привилегированныя села и волости. Но въ Германіи Imunitäten имѣли еще и другой характеръ; въ бо́льшей части случаевъ они означали и выдѣлъ домохозяевъ изъ сельскаго общества; такъ какъ полные тяглые крестьяне очень часто тяготились сожительствомъ съ бѣдными своими односельцами, то вотчинники предлагали имъ выйдти изъ сельской общины (Markgenossenschaft), отдать себя подъ ихъ покровительство (Grund и Schutzhörigkeit) и за таковую защиту принять на себя нѣкоторыя повинности въ пользу покровителя. Это было, повидимому, древнѣйшее и наиболѣе употребительное средство для упроченія вотчинной власти. Въ грамотахъ X-го и XI-го столѣтій immunitas обыкновенно противополагается слову communitas (immunis non communis), т.-е. что крестьянинъ, принимая подданство вотчинника, приписываясь къ его патримоніальному округу, вмѣстѣ съ тѣмъ выходилъ изъ общества и освобождался одновременно отъ подсудности, какъ коронныхъ, такъ и общественныхъ властей.

Изъ этого видно, что льгота по нѣмецкому праву имѣла болѣе широкое значеніе, чѣмъ обѣленіе по русскому,—ибо отторгала обывателя не только отъ государевой правительственной власти, но и отъ сельской общины и замѣняла ту и другую судомъ и расправой землевладѣльца.

Впрочемъ, это изъятіе изъ общей подсудности не было безусловное; какъ въ русскихъ бѣлыхъ вотчинахъ, такъ и въ нѣмецкихъ—нѣкоторыя преступленія и тяжбы разбирались

все-таки королевскимъ судомъ и нѣкоторыя подати взимались на общемъ основаніи, въ государственную казну; но главное, чего домогались и достигли нѣмецкіе вотчинники, было право судить и править всѣ дѣла, иски, тяжбы и проступки сельско-хозяйственнаго управленія, всѣ статьи внутренней сельской расправы и въ томъ числѣ всякія поземельныя отношенія, какъ между крестьянами внутри обществъ, такъ и съ казной, съ духовными и свѣтскими начальниками и съ самими дворянами-землевладѣльцами. Черезъ это они сдѣлались судьями въ собственныхъ своихъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшей отрасли этихъ дѣлъ, въ хозяйственномъ и аграрномъ управленіи; достигнувъ этого полномочія, удовольствовались имъ, разсчитывая совершенно вѣрно, что оно вполнѣ обезпечиваетъ всѣ ихъ интересы и всѣ матеріальныя выгоды помѣстной собственности.

Дѣйствительно, можно легко себѣ представить, что для охраненія крупныхъ имѣній отъ всякаго посягательства смежныхъ селеній, для округленія господскихъ дачъ, для исправленія спорныхъ межъ и границъ, вообще для расширенія и упроченія помѣщичьей власти, помѣстное сословіе не нуждалось болѣе и въ крѣпостномъ правѣ, въ личномъ рабствѣ, если только сохраняло за собой право разбирать и рѣшать всѣ таковыя дѣла; оно могло въ такомъ случаѣ по праву разрѣшать себѣ всякое беззаконіе, присвоивать себѣ всякое имущество, стѣснять всякое постороннее хозяйство, мѣшающее господскому, запрещать всякое дѣйствіе, нарушающее пользы и нужды вотчинника.

Такъ это и поняли разсчетливые нѣмецкіе дворяне и, отрекаясь отъ всѣхъ прочихъ правъ на личность крестьянъ, старались только удержать за собой патримоніальную власть мѣстныхъ суда и полиціи—Grundherrlichkeit.

Grundherrlichkeit есть понятіе чисто нѣмецкаго происхожденія, которое должно быть анализировано съ большою точностію, чтобы быть вѣрно представленнымъ. Оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ ни крѣпостному праву, ни вотчинной власти, какъ мы себѣ ихъ представляемъ по преданіямъ нашей старины и нашей новѣйшей исторіи; оно собственно не тож-

дественно и съ преемственнымъ родовымъ владѣніемъ, называемымъ маіоратнымъ, заповѣднымъ, и хотя большая часть германскихъ вотчинниковъ были въ то же время и маіоратные владѣльцы своихъ заповѣдныхъ имѣній, но эти ихъ отношенія къ собственной ихъ вотчинѣ были отличны отъ ихъ власти патримоніальнаго суда по другимъ имѣніямъ и Grundherrlichkeit означало собственно только эту внѣшнюю ихъ власть.

Она обнимала гораздо большее пространство, чѣмъ то, которое принадлежало владѣльцу по праву частной собственности и распространялось не только на самое помѣстье, на вотчину, но и на всѣ окольныя селенія, приписанныя къ имѣнію и его округу (Gutsbezirk), не только на людей крѣпостныхъ и обязанныхъ, водворенныхъ на помѣщичьей землѣ, но и на вольныхъ обывателей собственниковъ, своеземцевъ, жившихъ на своихъ подворныхъ участкахъ. Всякая земля считалась за господиномъ, въ противность русскому началу, по коему всѣ земли были государевы, и на этомъ основаніи государственная территорія раздѣлялась на помѣстные округа, между тѣмъ какъ у насъ она дѣлилась на волости, на земскіе участки. Въ серединѣ округа стоялъ на возвышенности господскій за́мокъ (Herrenhof, Frohnhof, Salhof); вокругъ за̀мка, у подножья горы, лежали господскія поля, воздѣлываемыя самимъ владѣльцемъ (terra salica, Salland), далѣе—деревни и отдѣльные дворы, устроенные на помѣщичьей землѣ (die Marken, die Dorffluren); между ними въ смѣшанномъ черезполосномъ владѣніи мелкопомѣстные хозяева, вольные по состоянію и полные собственники по праву владѣнія. Но всѣ они были подвѣдомственны владѣльцу за́мка и составляли одинъ вотчинный округъ (Hofmark, Gutsbezirk); нѣкоторые изъ нихъ были очень обширны и въ лѣтописяхъ XIV-го и XV-го столѣтій упоминается объ округахъ въ 7 кв. миль съ 8 приходскими церквами.

Всѣ эти люди и принадлежавшія имъ земли были постепенно приведены къ одному знаменателю. Въ началѣ среднихъ вѣковъ были еще разночинцы, служилые люди, хотя и неблагородной крови, но вполнѣ независимые отъ вотчинниковъ, державшіе земли непосредственно отъ королей и государей за службу земскую или городскую (Vogtleute, Pfleg-

haften, freie Hintersassen). Но постепенно распространилось понятіе, что только благородные имѣютъ право на полную и вольную собственность и названіе Edelhof, дворянскій дворъ, сдѣлалось синонимомъ помѣщичьяго двора (Frohnhof); обыватели не изъ дворянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ уже смѣшиваются съ крестьянами; эти участки остаются въ потомственномъ ихъ владѣніи и сами они продолжаютъ пользоваться личной свободой, но лишаются правъ—продажи и отчужденія имущества и вольнаго перехода, — по крайней мѣрѣ, во всѣхъ таковыхъ распоряженіяхъ они подчиняются юрисдикціи вотчинника, и понятія о полномъ, условномъ или обязанномъ владѣніи, о вольномъ, полувольномъ и невольномъ состояніи окончательно смѣшиваются и поглощаются общимъ положеніемъ о подсудности всѣхъ сельскихъ жителей вотчинному владѣльцу.

По свидѣтельству всѣхъ нѣмецкихъ писателей, въ XV стол. кромѣ рыцарскихъ имѣній, не оставалось болѣе полныхъ собственниковъ въ нѣмецкихъ земляхъ и самое понятіе о поземельной собственности было неразлучно связано съ дворянскимъ происхожденіемъ и рыцарскимъ званіемъ.

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ это время, въ средневѣковой періодъ, положеніе крестьянскаго сословія было еще изрядное и вотчинная власть мягка и милостива. Отъ смѣшенія различныхъ разрядовъ простолюдиновъ, одни унизились, но другіе возвысились; своеземцы потеряли право распоряженія своею собственностью, а оброчники и крѣпостные выгадали нѣкоторыя гражданскія права свободныхъ состояній, поравнялись въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ вольными людьми и масса сельскаго населенія находилась въ положеніи довольно удовлетворительномъ.

Поэтому мнѣніе, будто всѣ притѣсненія и неурядицы европейскаго аграрнаго быта происходятъ отъ средневѣковыхъ учрежденій, истекаютъ изъ феодальнаго права—вовсе несправедливо. Феодальные владѣльцы были очень кроткіе властелины въ сравненіи съ позднѣйшими рыцарями и юнкерами новѣйшихъ временъ, и угнетеніе крестьянства началось въ эпоху возрожденія цивилизаціи и пробужденія германской

культуры. Средніе вѣка только подготовили почву для эксплуатаціи низшихъ классовъ народа высшими, вселивъ въ имущественные и правительственные классы убѣжденіе, что всѣ земли, кромѣ государя, должны еще имѣть господина, что этимъ господамъ принадлежитъ, кромѣ права собственности, и право мѣстнаго начальства и что всякій обыватель, чтобы пользоваться правами гражданства, долженъ быть приписанъ къ господскому округу для суда и расправы.

Изъ этого послѣдняго положенія выводилось еще другое— производное, именно—что человѣкъ, не принадлежащій барину, господину, не пользуется и гражданскими правами, остается внѣ закона и общества, и, какъ лицо неподсудное никакому вѣдомству, неприписанное ни къ какому округу, считается дикимъ. Люди эти назывались Herrenlose Leute и мѣстныя власти имѣли надъ ними право ловли, какъ лѣсной дичи, каковое право носило и особое характеристическое названіе— Wildfangsrechet.

Въ древней до-Петровской Руси мы находимъ такой же разрядъ людей называемыхъ гулящими, непашенными, нетяглыми крестьянами, или крестьянскими дѣтьми; но они исключались изъ обществъ потому, что не держали земли и въ то же время принимались подъ не посредственное завѣдываніе правительства, — коронныхъ чиновниковъ, волостелей, воеводъ, московскихъ приказовъ и именовались Государевыми вольными людьми.

Въ Германіи же они теряли вовсе право гражданства, коль скоро не признавали за собой поземельной власти и опеки помѣщика (Grund и Schutzhörigkeit) и правительственнымъ властямъ предоставлялось не управлять ими, а ловить ихъ, какъ дикихъ звѣрей, для водворенія на мѣста жительства; это право ловли людей перешло также отъ королей къ ихъ вассаламъ и вотчинникамъ; вообще гулящаго человѣка можно было обратить въ рабство, умертвить, если онъ позволялъ себѣ дерзости противъ обывателей, или при ссорѣ двухъ сторонъ помогалъ одному изъ противниковъ; наслѣдство его признавалось выморочнымъ имуществомъ и отбиралось въ казну.

Правила эти также распространялись и на людей, выдѣлившихся изъ семействъ (welche sich von ihrer Familie losgesagt haben); ихъ также можно было преслѣдовать, задержи-

вать и водворять на помѣщичьи земли въ качествѣ крѣпостныхъ людей, или обязанныхъ поселянъ.

Право это также существовало и во Франціи, гдѣ оно называлось droit d'aubaine; и въ Англіи, гдѣ таковые гулящіе люду назывались landleas men; но въ нѣмецкихъ земляхъ оно дѣйствовало долѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ и привело къ болѣе полнымъ результатамъ. Безправное и безпомощное состояніе, угрожавшее этимъ вольнымъ людямъ, заставило ихъ всѣхъ, безъ изъятія, искать опеки вотчинниковъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ всѣ они уже были приписаны къ помѣщичьимъ имѣніямъ. Вотчинами съ патримоніальными правами считались тѣ имѣнія, которыя, во-первыхъ, принадлежали людямъ благороднаго происхожденія и, во-вторыхъ, имѣли извѣстный объемъ, по общему правилу, не менѣе 3 гуфъ, т.-е. примѣрно 30—45 десятинъ. Всѣ прочіе жители были уже приведены въ осѣдлое состояніе, а такъ какъ осѣдлость предполагала приписку къ вотчинной расправѣ, то всѣ люди, вольные и невольные, были подчинены рыцарямъ-помѣщикамъ.

Такимъ образомъ вольныя состоянія хотя и сохранились по преданію, по нарицательному праву, но по существу уничтожились и во всей Германіи не оставалось болѣе сельскихъ обывателей, которые не были бы подвластны барину.

Періодъ настоящаго порабощенія германскаго крестьянства открывается въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Какъ выше сказано, почва была отлично подготовлена для поглощенія мелкаго землевладѣнія крупнымъ; насколько первое было разрознено, разобщено, настолько же плотно и твердо связано было помѣстное сословіе свѣтскими союзами рыцарства и дворянства, церковными законами, и полусвѣтскими, полудуховными обществами, такъ-называемыми орденами (Тевтонскій и друг.).

Всѣ простые люди были служебно (dinglich) подвластны духовенству и дворянству; оставалось только покорить ихъ фактически (factisch), т.-е. присвоить себѣ ихъ имущества и земли и затѣмъ утвердить эти новые порядки по праву (rechtlich). Эти два процесса фактическаго присвоенія, или вѣрнѣе сказать, захвата крестьянскихъ земель круп-

ными собственниками и законнаго юридическаго подтвержденія этихъ насилій, занимаютъ всю новѣйшую исторію германскихъ обществъ до XVIII столѣтія.

Первому изъ нихъ, насильственному захвату, способствовали въ особенности два обстоятельства: во-первыхъ, смуты и междоусобія XVI столѣтія, извѣстныя въ исторіи подъ названіемъ крестьянской войны (Bauernkrieg) и, во вторыхъ, тридцатилѣтняя война, которая была эпохою безпощаднаго расхищенія частныхъ имуществъ. Крестьянскія возстанія начались еще въ концѣ XV стол., во Фландріи въ 1492 г., повторились въ Палатинатѣ въ 1505 г., въ Виртембергѣ въ 1514 г., въ Венгріи, Каринтіи въ 1515 г., и наконецъ въ 1525 г. разыгрались по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ общимъ бунтомъ всего крестьянства (der grosse Bauernkrieg). Это былъ послѣдній протестъ обезземеленныхъ хлѣбопашцевъ противъ патримоніальной расправы, и такъ какъ буйныя шайки мятежниковъ были вездѣ разбиты войсками, то войсковое начальство воспользовалось побѣдой для окончательнаго упроченія своей вотчинной власти. Послѣдній ударъ крестьянству нанесенъ былъ тридцатилѣтней войной: остававшееся еще имущество у сельскихъ обывателей было все разграблено рядовыми ратниками, земли ихъ подѣлены между военачальниками и всякое понятіе о крестьянской собственности изгладилось передъ хищническими набѣгами солдатскихъ шаекъ и алчныхъ ихъ предводителей.

Когда, послѣ Вестфальскаго мира (1648 г.), тишина и порядокъ водворились въ Германіи, переворотъ уже былъ вполнѣ совершенъ; обезземеленье низшихъ классовъ сдѣлалось фактомъ; рыцари отобрали себѣ всѣ земли, какія имъ были нужны и подручны, и людей безъ господъ (herrenlose Leute) не оставалось болѣе въ счастливомъ царствѣ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ.

Тогда открылся новый періодъ въ исторіи землевладѣнія Германіи, замѣчательный какъ самая полная характеристика нѣмецкой культуры, ярко обрисовывающая глубокій ея смыслъ. Потребовалось узаконить, оправдать грубые факты, совершившіеся въ смутныя времена, придумать теоріи и юридическія

правила для упроченія насильственныхъ захватовъ, подвести грабительство прежнихъ вѣковъ, закрѣпленіе чужихъ имуществъ, лишеніе свободы вольныхъ людей подъ какіе-либо благовидныя и раціональныя начала, однимъ словомъ, найти твердую почву, юридическую основу не только для подтвержденія правъ помѣстнаго владѣнія, но и для дальнѣйшаго ихъ развит я.

Въ другихъ странахъ совершалось не менѣе беззаконій и насилій, чѣмъ въ Германіи; въ Англіи, какъ мы видѣли, актъ обезземеленья крестьянъ былъ проведенъ еще съ бо́льшимъ успѣхомъ; въ Россіи вольныя волости были также отданы въ крѣпость служилымъ людямъ, вездѣ помѣстное сословіе окончательно подавило низшіе классы сельскихъ жителей; но нигдѣ, кромѣ Германіи, не была разработана теорія, наука крѣпостного права и помѣщичьей власти.

Въ другихъ государствахъ землевладѣльцы, какъ-бы сомнѣваясь въ своихъ собственныхъ правахъ на людей и земли, довольствовались фиктивнымъ владѣніемъ и не искали ничего болѣе, ссылаясь на волю и милость государей, на свою службу и подвиги предковъ, но избѣгали юридическаго и философскаго разбирательства своихъ правъ, сознавая, хотя и не признавая, что многія изъ нихъ сомнительны.

Нѣмецкіе рыцари, напротивъ, вывели полную теорію помѣщичьей власти и вотчиннаго права и, успокоивъ черезъ это свою совѣсть, убѣдились и передали это убѣжденіе всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ германскихъ землевладѣльцевъ, что право опеки и управленія низшими классами народа принадлежитъ безспорно людямъ высшей породы и высшей культуры, каковыми они сами себя и признавали. Для разъясненія этого вопроса, рыцари прибѣгли къ ученымъ. Пользуясь правомъ суда, но не имѣя ни достаточныхъ юридическихъ познаній, ни охоты производить докучную расправу мелкихъ проступковъ сельскаго люда, они обратились къ спеціалистамъ, докторамъ правъ, стряпчимъ и духовнымъ чинамъ, изучившимъ юриспруденцію и въ особенности классическіе образцы римскаго права, и съ помощію этихъ ученыхъ людей и науки древняго міра, выработали въ теченіи XVII и XVIII вѣковъ такое полное систематическое уложеніе о правахъ помѣстной собственности, что этотъ кодексъ священныхъ правъ

землевладѣнія сдѣлался евангеліемъ всѣхъ имущественныхъ классовъ континентальной Европы и, войдя въ плоть и кровь германскихъ гутсбезитцеровъ, разносился ими во всѣ страны, куда проникала или до которыхъ прикасалась германская культура —въ Данію, Голландію, въ славянскія земли, подвластныя Австріи и Пруссіи, въ Прибалтійскій край, въ Польшу и Литву.

Ученая полемика о правахъ собственности продолжалась въ Германіи долго, безъ малаго два столѣтія; мы не считаемъ нужнымъ излагать здѣсь глубокомысленныя словопренія, испещренныя латинскими терминами и цитатами изъ римскаго права: безконечно тонкія различія дѣлались между разными видами и функціями помѣстнаго права (proprietas и potestas, jus и dominium, imperium и patrimonium, dominium eminens, directum, utile). Всѣ авторитеты науки, начиная съ ихъ патріарховъ (Estor, Hugo-Grotius) принимали участіе въ спорѣ, подавали голоса pro и contra вотчинной власти; но такъ какъ всѣ основныя ихъ положенія черпались изъ римской исторіи и римской юриспруденціи, а основы эти были все-таки владычество патриціевъ и рабство, то заключенія эти, несмотря на различіе частныхъ взглядовъ и выводовъ, почти единогласно подтверждали право владычества вотчинниковъ, новѣйшихъ патриціевъ. Такимъ образомъ, къ концу XVIII столѣтія, передъ самой французской революціей и въ то время, какъ нѣкоторыя правительства, уступая духу времени, приступали къ освобожденію крестьянъ, выработалась въ кабинетахъ нѣмецкихъ ученыхъ особая теорія о землевладѣніи, которая и по настоящее время служитъ опорой партіи юнкеровъ въ сопротивленіи ихъ новѣйшимъ реформамъ.

Теорія эта гласитъ, что помѣстное право не есть только право частнаго владѣнія (proprietas), но что оно само собой даетъ еще собственнику и нѣкоторое право господства (dominium potestas); что низшіе классы поселянъ съ древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ водворены были не на собственныхъ земляхъ, а на господскихъ и приняли добровольно на себя повинности, ими отправляемыя въ пользу помѣщиковъ, охранявшихъ ихъ отъ всякихъ золъ и неправдъ; что, поэтому, всѣ таковыя повинности, а равно и права владѣльцевъ на кре-

стьянскія земли должны быть a priori, покуда не доказано противное (donec probatur contrarium), признаны благопріобрѣтенными (wohlerworbene Rechte)—и, наконецъ, что если службы и платежи крестьянъ не опредѣлены положительными условіями, формальными договорами, то они должны считаться произвольными (ungemessen), потому что размѣръ повинностей при первоначальномъ водвореніи зависитъ отъ воли землевладѣльца.

Эти ученые парадоксы трудно было опровергнуть тѣмъ болѣе, что актовъ и документовъ о первобытныхъ поселеніяхъ было немного, а какіе и были—находились всѣ въ рукахъ духовныхъ и свѣтскихъ владыкъ; поэтому, за неимѣніемъ доказательствъ противнаго, всѣ захваты чужихъ имуществъ, всѣ насилія противъ личныхъ правъ и всѣ оброчные и барщинные оклады, наложенные принудительно на крестьянъ, пріобрѣли законную силу и признаны были благопріобрѣтенными, священными правами собственности. Споръ шелъ только о томъ, слѣдуетъ ли считать повинности крестьянъ опредѣленными или нѣтъ (bestimte oder unbestimte Leistungen), но собственно до аграрнаго положенія никто въ Германіи не касался, и вопросъ о томъ, имѣютъ ли хлѣбопашцы право на землю, ими воздѣлываемую, даже и не возбуждался,—такъ онъ казался несообразнымъ и противнымъ историческимъ даннымъ и ходу германской цивилизаціи.

Въ половинѣ XVIII столѣтія къ этимъ юридическимъ соображеніямъ, подтверждавшимъ права крупныхъ собственниковъ, присоединились еще другія—агрономическія. Послѣ того, какъ ученые законовѣды съ помощію римскаго права окончательно вывели историческія основы вотчиннаго права, патримоніальнаго суда, субституцій, фидеикоммиссовъ, ученые агрономы и во главѣ ихъ знаменитый Тэеръ провозгласили таковые же научные выводы раціональной агрономіи. Они также оказались совершенно и исключительно въ пользу крупнаго землевладѣнія и помѣстной собственности. Примѣръ Англіи и образцоваго ея фермерскаго хозяйства, живописные очерки этихъ хозяйствъ, составленные Тэеромъ, сочиненія

Артура Юнга, ознакомившіе континентальную публику съ успѣхами земледѣлія въ этой странѣ аристократическаго землевладѣнія, все это распространило въ Европѣ мнѣніе, что мелкопомѣстное владѣніе, и въ особенности общинное, не совмѣщается съ раціональной культурой, съ плодоперемѣннымъ сѣвооборотомъ, травосѣяніемъ, выгоннымъ хозяйствомъ.

Отъ этого прямо перешли къ заключенію, что всякое владѣніе, препятствующее правильному веденію сельскаго хозяйства, подлежитъ упраздненію, отмѣнѣ, выкупу, или, по крайней мѣрѣ, должно быть устранено въ виду общей государственной пользы и народнаго благосостоянія. Тогда-то, въ половинѣ XVIII вѣка, вѣка философскихъ и политическихъ умозрѣній, и подъ вліяніемъ этихъ умозрѣній, юридическихъ, экономическихъ, агрономическихъ, для лучшаго устройства полеводства, скотоводства, сельскаго хозяйства вообще, произведенъ былъ пересмотръ аграрныхъ законовъ, мотивированный гуманными и либеральными видами: улучшеніемъ земледѣлія, охраненіемъ плодородія почвъ, введеніемъ усовершенствованныхъ орудій и культуръ, но тѣмъ не менѣе окончательно разстроившій хозяйственный бытъ большей части крестьянъ.

Переворотъ этотъ происходилъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ; по мѣрѣ того, какъ имъ дарились или возвращались личныя права гражданства, отбирались или скупались ихъ имущества и земли, и окончательный исходъ крестьянскихъ реформъ былъ таковъ, что нѣсколько милліоновъ крестьянъ-собственниковъ выпущены были на волю безъ кола и двора, на голодную смерть и произволъ судьбы.

Результаты эти были достигнуты рядомъ мѣръ и цѣлой системой управленія, которая состоитъ изъ разныхъ дѣйствій, обозначаемыхъ и разными названіями — Legung der Bauernhofe, сносъ или свозъ крестьянскихъ дворовъ—Gemeinheitstheilung, разверстаніе общинныхъ земель—Verkopelung, нарѣзка въ окружныя межи—Separation, размежеваніе черезполосныхъ владѣній—Consolidation der Grundstüke, утвержденіе поземельныхъ участковъ.—Всѣ эти техническіе термины обозначаютъ регулированіе правъ владѣнія съ цѣлью округлить участки, устранить неудобства черезполосности, общаго

пользованія и измельченія подворныхъ полосъ, цѣль благая— но она была достигнута тяжкими пожертвованіями.

Первая операція, къ коей прибѣгли землевладѣльцы для округленія своихъ вотчинъ и помѣстій, состояла въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣленныхъ только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, въ случаѣ надобности и общей пользы, они отбирали у крестьянъ ихъ дворы и присоединяли эти упраздненныя хозяйства и цѣлыя селенія къ своимъ господскимъ владѣніямъ.

Операція эта называлась въ Германіи Legung der Bauernhoffe Abschlachten der Dorfer, въ остъ-зейскомъ краѣ Sprengung der Dörfer, въ Англіи pull down; она составляетъ одну изъ историческихъ основъ помѣстнаго права въ Европѣ, древнѣйшее преданіе, восходящее до временъ феодальнаго самоуправства, проходящее черезъ всѣ средніе и новѣйшіе вѣка до нашего времени, по крайней мѣрѣ до первой половины XIX-го столѣтія, и понынѣ еще не потерявшее свою силу въ Мекленбургѣ и другихъ притонахъ нѣмецкаго юнкерства; землевладѣльцы саксонской расы переносили это основное свое право во всѣ страны, гдѣ имъ удавалось водворяться, въ земли славянскія, финскія и кельтскія, и всюду воспользовались имъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ для подавленія туземнаго крестьянства. Мѣра эта составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ собственно германскаго аграрнаго положенія.

Правда, она примѣнялась и въ другихъ странахъ, и въ Россіи въ послѣдній періодъ полнаго развитія крѣпостного права допущена была продажа деревень на сносъ; но, съ одной стороны, существованіе этого права было очень краткое, такъ какъ оно, начавшись въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, было уже формально отмѣнено въ первые годы царствованія Александра I-го; съ другой же стороны, не входило и въ разсчеты русскихъ владѣльцевъ, которые при обиліи дикихъ и пустыхъ земель заботились не о выселеніи крестьянъ, а, напротивъ, о привлеченіи ихъ на свои земли; переселенія, продажа на сносъ или свозъ, совершались и у насъ въ большихъ размѣрахъ, но бо́льшею частью съ отво-

домъ новыхъ надѣловъ вмѣсто отобранныхъ и, обыкновенно, надѣловъ болѣе просторныхъ чѣмъ прежніе, такъ какъ бояре и временщики временъ Екатерины переводили бо́льшею частью своихъ крестьянъ изъ подмосковныхъ губерній въ степныя;—обыватели, мѣняя мѣста жительства, оставались при землѣ.

Въ Германіи и средней Европѣ означенная мѣра имѣла другое значеніе: земля отбиралась у домохозяевъ безъ возврата; сами они не переселялись, а выселялись изъ имѣнія; подворные ихъ участки подъ законнымъ и благовиднымъ предлогомъ присоединялись къ господскимъ запашкамъ или выгонамъ; обыватели переходили въ города, записывались въ фабричныхъ чернорабочихъ, или поступали въ батраки и поденщики къ тѣмъ же господамъ, которые ихъ согнали съ земли, или къ своимъ односельцамъ, полнымъ тяглымъ домохозяевамъ (Vollbauern).

Предлоги для такихъ отбираній были, какъ сказано, обыкновенно законные, благовидные; въ тѣхъ областяхъ, гдѣ владѣніе крестьянъ-оброчниковъ считалось пожизненнымъ или срочнымъ, землевладѣльцы при первыхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ поспѣшили срыть всѣ дворы, коимъ вышелъ срокъ оброчнаго содержанія; въ другихъ мѣстностяхъ имъ предоставлялось право забирать крестьянскіе участки въ счетъ недоимокъ или упразднять тѣ хозяйства, которыя велись неисправно, безпорядочно, и такъ какъ судьей надъ этими хозяевами былъ тотъ же владѣлецъ, то ему не трудно было найти упущенія, оправдывающія по закону захватъ чужихъ земель.

Впрочемъ, правительства и королевскія власти, уже съ XVI-го столѣтія, начали противодѣйствовать этому систематическому обезземеленію крестьянъ. Въ Ганноверѣ, въ 1542 г., запрещено отбирать земли у оброчныхъ крестьянъ (Entsetzung der Bauern verboten); въ Гессенѣ, въ 1623 г., повелѣно населить вновь пустые дворы въ теченіи одного года; въ Пруссіи въ 1709 и 1717 гг. вышли приказы, предписывавшіе возвратить домохозяевамъ или ихъ наслѣдникамъ всѣ участки, отобранные съ 1624 г.; Фридрихъ Великій въ 1764 г. подтвердилъ это распоряженіе подъ страхомъ взысканія 1.000

тал. за каждаго полнаго хозяина и 400 тал. за огородника или бобыля.

Въ Австріи крестьяне не могли быть смѣнены съ хозяйства (abgestiftet) безъ разрѣшенія окружнаго начальства.

Но большая часть этихъ охранительныхъ мѣръ была парализована дружнымъ противодѣйствіемъ могущественнаго рыцарства и дворянскихъ орденовъ, поддержанныхъ, какъ мы выше видѣли, спеціалистами и учеными публицистами XVIII-го вѣка.—Нѣмецкая наука, дѣйствовавшая прогрессивно и либерально на всѣхъ другихъ поприщахъ, въ этомъ крестьянскомъ вопросѣ мало подвигалась.

Съ большимъ трудомъ успѣвала она проводить самыя элементарныя истины, напр., что всѣ поземельныя дѣла и проступки подсудны общимъ властямъ, что разбирательство тяжбъ между землевладѣльцами и земледѣльцами, есть государево коронное право (ein Regalienrecht); на этомъ основаніи предлагалось отмѣнить патримоніальную юрисдикцію, но въ то же время юристы и экономисты доказывали, что это право вотчинныхъ суда и расправы составляетъ для вотчинниковъ реальное имущество (ein Realbesitz), что оно поэтому должно быть оцѣнено какъ всякое иное имущество—и въ случаѣ отмѣны, даетъ право на вознагражденіе матеріальное и денежное, на выкупъ; а такъ какъ выкупная операція вовсе не входила въ разсчеты правительствъ того времени и далеко превышала ихъ средства, то гуманныя теоріи законовѣдовъ сами собой теряли свою силу и вотчинныя права оставались дѣйствительною принадлежностью помѣстнаго сословія Realbesitz der Grundherrschaft)—по невозможности ихъ оцѣнить и выкупить.

Этимъ правомъ и пользовались землевладѣльцы, для присвоенія себѣ крестьянскихъ земель; въ особенности успѣшно они дѣйствовали въ славянскихъ странахъ: въ Богеміи, послѣ Гусситской войны, около $^2/_3$ крестьянскихъ дворовъ перешли во владѣніе нѣмецкихъ дворянъ и, несмотря на запрещеніе, эти выселенія (Bauernlegung) продолжались массами во все царствованіе Леопольда I († 1705).

Въ Помераніи и сѣверной Пруссіи, хотя подворные участки и признавались наслѣдственнымъ владѣніемъ домохозяевъ, но вотчинники могли отбирать ихъ и присоединять къ своимъ

угодьямъ, если это необходимо требовалось (wenn der Grundherr den Hof dringend bedurfte); эта необходимость представлялась очень часто, и въ продолженіи XVII и XVIII столѣтій помѣстья пріобрѣли нѣсколько сотъ тысячъ крестьянскихъ надѣловъ.

Въ Даніи, Шлезвигѣ, Голштейнѣ мѣра эта проведена еще прежде, въ періодъ олигархическаго правленія 1530—1660 гг.; для разверстанія угодій и отвода полей къ однимъ мѣстамъ производилось особаго рода размежеваніе, называемое Verkopelung, причемъ большое число крестьянскихъ дворовъ скрывалось для очищенія выгоновъ и устройства выгоннаго хозяйства (Koppelwirtschaft). Это округленіе имѣній шло такъ успѣшно, что въ 1700 г. пространство дворянскихъ вотчинъ оказалось въ 15 разъ болѣе, чѣмъ оно было въ XIII столѣтіи; $^{9}/_{10}$ всей территоріи принадлежали дворянству и крестьянъ-собственниковъ оставалось въ Даніи всего 5,000 хозяевъ.

Въ Мекленбургѣ это право (Legung der Bauernhöfe), еще по сіе время формально не отмѣнено; впрочемъ, отмѣненіе это было бы теперь безобидно для рыцарства, потому что операція выселенія крестьянъ и сноса дворовъ приведена уже къ благополучному окончанію. Она началась въ 1621 г. по формальному эдикту, предоставившему благородному рыцарству право выселять крестьянъ; затѣмъ въ 1755 г. послѣдовало запрещеніе, но въ такомъ смыслѣ, что присоединеніе крестьянскихъ надѣловъ къ господскимъ владѣніямъ дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія особыхъ коммиссій, а коммиссіи эти были составлены изъ тѣхъ же землевладѣльцевъ; 16 августа 1849 г. запрещеніе это было подтверждено безусловно, но не надолго и 17 ноября 1851 г. оно снято вновь по настоянію рыцарства, вновь воспрянувшаго послѣ погрома 1848 г. Но, какъ сказано, въ этой привилегированной странѣ, дѣло экспропріаціи крестьянъ уже давно порѣшено и изъ 12,000 домохозяевъ, считанныхъ по ревизіи 1628 г., уже въ 1794 г. оставалось только 1953; десять тысячъ крестьянскихъ дворовъ были снесены и срыты.

Такимъ образомъ эта политика обезземеленья крестьянъ проводилась въ Германіи систематически; сначала это было грубое самовластіе, прямой захватъ земель у побѣжденныхъ туземцевъ,—потомъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ, хищниче-

ство солдатскихъ шаекъ; но и впослѣдствіи, когда прошли времена варварства и насилій, когда водворился гражданскій порядокъ и возродились науки, искусства, та же политика преслѣдовалась неуклонно и удержалась до новѣйшихъ временъ. Противодѣйствіе правительствъ и королей этимъ олигархическимъ опустошеніямъ было слабое и безсильное: запрещенія дѣлались очень строго и грозно, но исполнялись съ разными снисхожденіями и изъятіями. Кромѣ того, во всѣхъ предписаніяхъ о поземельномъ устройствѣ, всегда находились какія-либо двусмысленныя статьи, дававшія возможность обойти законъ; такъ, напр., въ Саксоніи, Люскбургѣ, гдѣ, подъ названіемъ Meyern, поселены наслѣдственные домохозяева, запрещалось ихъ выселять, но съ оговоркой, „покуда они исправны въ своихъ хозяйствахъ"; въ округахъ Гёттингенъ, Вольфенбютелѣ и другихъ, гдѣ большая часть крестьянскихъ строеній считается собственностью помѣщиковъ, не дозволялось отбирать у крестьянъ ихъ участковъ, но, прибавлено, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые жили въ домахъ, отстроенныхъ господами—а почти всѣ крестьяне жили въ господскихъ домахъ и подходили подъ это исключеніе.

Такимъ образомъ, находя въ законѣ на всякій случай какую-либо лазейку для обвиненія крестьянъ въ неисправности и оставаясь судьями таковыхъ проступковъ—вотчинники могли безпрепятственно и подъ самыми благонамѣренными предлогами продолжать такъ-называемое очищеніе своихъ помѣстій отъ бѣднѣйшихъ обывателей, сносъ крестьянскихъ дворовъ (Legung der Bauernhofe) [6]).

Но эта мѣра была только одно изъ дѣйствій великой драмы, которая разыгрывалась въ западной Европѣ въ пользу помѣстнаго сословія на счетъ мелкихъ собственниковъ. Главное дѣйствіе состояло въ томъ, что дробные и черезполосные участки постепенно сводились въ сплошныя дачи, въ окружныя межи и закрѣплялись преемственно не только въ дворянскихъ родахъ, но и въ крестьянскихъ семействахъ, и эта операція еще подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ актовъ, которые мы разсмотримъ по порядку.

Первая мѣра была разверстаніе общинныхъ земель—Gemeinheitstheilung.

Чтобы представить себѣ ясно дѣйствіе и значеніе этихъ разверстаній, нужно припомнить главныя черты нѣмецкаго общиннаго быта, не смѣшивая ихъ съ русскимъ мірскимъ землевладѣніемъ. Нужно имѣть въ виду, что общинныя земли въ германской Gemeinde составляли не коренное владѣніе, какъ въ Россіи, а придаточное къ подворнымъ участкамъ; что въ общинномъ пользованіи состояли только пустыя и дикія земли (ödes Land), между тѣмъ какъ пашни и луга признавались частною и родовою собственностью или оброчною статьею домохозяевъ; что вмѣстѣ съ тѣмъ члены сельскихъ обществъ не были равноправны по землевладѣнію, но подраздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, 4 или 5, изъ коихъ высшіе, тяглые и полутяглые крестьяне, владѣли пашней и лугами подворно и пользовались общинными выгонами и лѣсами пропорціонально числу скота или печей и дымовъ, наконецъ, что общинныя земли служили пріютомъ и крайнимъ средствомъ пропитанія для низшихъ разрядовъ крестьянъ, бобылей, кутниковъ, огородниковъ, которымъ не полагалось полнаго участковаго надѣла и которые прокармливали себя и свою скотину на этихъ запольныхъ пустошахъ, называемыхъ Dorfmark, Feldmark [7]).

Поэтому вопросъ о разверстаніи общинныхъ земель имѣетъ въ Германіи характеръ тяжбы между полными и болѣе или менѣе зажиточными домохозяевами и бѣднѣйшими деревенскими обывателями, между тяглыми крестьянами и бобылями; сколько первые выгадывали отъ этой операціи, избавлявшей ихъ отъ неудобнаго сожительства и сообщничества съ бѣдными своими односельцами, столько же, и еще болѣе, стѣснялись вторые отъ раздѣла, лишавшаго ихъ послѣднихъ средствъ пропитанія. Но, съ одной стороны, дворяне землевладѣльцы находили прямыя свои выгоды, и не столько хозяйственныя, какъ соціальныя и политическія, въ расторженіи общины; съ другой—зажиточные, домовитые крестьяне поддерживали всѣми силами мѣропріятія, проводимыя помѣстнымъ сословіемъ, находя въ нихъ прямую свою пользу. Такимъ образомъ, на одну сторону стали всѣ матеріальныя силы страны и народа, землевладѣльцы, слитые въ одно сословіе,

связанные преданіями и уставами рыцарства, и разрозненные, выдѣленные изъ обществъ отдѣльные крестьяне, на другую— многолюдный, но безсильный классъ малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ; разумѣется, что исходъ ихъ борьбы могъ быть заранѣе предсказанъ.

Подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ и разностороннихъ побужденій и съ общаго согласія землевладѣльцевъ и землевладѣльцевъ высшаго разряда, на общинное владѣніе было наложено заклятіе—(Gessammtgut, Verdammtgut), и нѣмецкія правительства, побуждаемыя дворянами-рыцарями и въ то же время учеными агрономами и экономистами, начали съ половины XVIII столѣтія наперерывъ одно передъ другимъ издавать уставы о разверстаніи общинныхъ земель.

Первый примѣръ поданъ былъ въ Пруссіи рескриптами 1763 и 1770 гг., по коимъ, однако, разверстаніе не предписывается, а только предлагается и рекомендуется сельскимъ обществамъ; отъ правительства назначается премія въ 30 тал. каждому домохозяину, добровольно выдѣлившемуся изъ общины. Примѣру Пруссіи послѣдовала Баварія (Kulturedict v. 1762), Баденъ (1770), Брауншвейгъ (1768), Австрія (1769). Но первые опыты были еще очень нерѣшительные и основанія ихъ темны и сбивчивы; это были правила, облегчающія только выходъ изъ обществъ и имѣющія въ виду населеніе пустыхъ земель; раздѣлу подлежали только сельскіе выгоны и пустыри, если они лежали впустѣ и не воздѣлывались по правильному полеводству. Кромѣ того, и самое рѣшеніе дѣла, самый актъ соглашенія не были ясно опредѣлены; повидимому, разверстаніе или выдѣлъ зависѣлъ отъ добровольнаго согласія, но вотчинникъ имѣлъ обыкновенно тоже участіе въ общинномъ владѣніи, пользовался разными правами выгона и прогона, и такъ какъ онъ же состоялъ и судьей въ дѣлахъ общины и начальникомъ сельскаго округа, то въ сущности всякое разверстаніе зависѣло вполнѣ отъ его патримоніальной власти и разрѣшалось имъ не иначе, какъ въ видахъ собственныхъ его пользъ и выгодъ. Администраціи тоже предоставлялась, хотя и не принудительная, но побудительная власть; мѣстные начальники, правительственныя учрежденія разсматривали предложенія и проекты и имѣли право въ извѣстныхъ случаяхъ, когда признавали раздѣлъ необходимымъ

(im Nothstand), требовать его обязательно. Эти косвенныя мѣры и неопредѣлительность такихъ выраженій, какъ польза, нужда, необходимость, имѣли такое же дѣйствіе, какъ и принудительное разверстаніе; дѣло всегда рѣшалось въ пользу вліятельныхъ и крупныхъ собственниковъ, ихъ пользы и нужды и признавались необходимостью (Nothstand).

Съ начала XIX вѣка разверстанія приняли другой характеръ. Хотя принципъ раздѣла общинныхъ земель и вреда общаго пользованія поддерживался еще всѣми силами, но нѣкоторыя сомнѣнія въ пользѣ принудительнаго раздѣла уже начали проявляться, и въ разныхъ законоположеніяхъ проводится правило, „что разверстаніе рѣшается не иначе, какъ большинствомъ голосовъ и что отдѣльный выдѣлъ, по личному заявленію одинокихъ домохозяевъ, запрещается". Но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждались и другіе вопросы:

a) слѣдуетъ ли при разверстаніи имѣть въ виду полное расторженіе общины (divisio communitatis), или только надѣленіе бѣдныхъ обывателей подворными участками для улучшенія ихъ быта, и этотъ вопросъ былъ бо́льшею частію разрѣшенъ въ первомъ смыслѣ, такъ какъ communitas признавалась безусловно вредною.

b) слѣдуетъ ли производить раздѣлъ между одними пашенными крестьянами, надѣленными землей, или между всѣми членами сельскаго общества, бобылями, батраками и прочими разночинцами; и это тоже разрѣшалось обыкновенно въ пользу первыхъ, хотя многіе заявляли, что въ общинномъ владѣніи послѣдніе имѣли искони такое же участіе, какъ и полные хозяева и потому должны бы имѣть голосъ и въ рѣшеніи дѣла о раздѣлѣ.

c) Когда такимъ образомъ, по первымъ двумъ пунктамъ, обезпечено было высшему разряду крестьянъ полное вліяніе на разверстаніе, съ отстраненіемъ всѣхъ прочихъ низшихъ категорій обывателей, то поставлены были вопросы: какъ производить раздѣлъ и разсчитывать доли между домохозяевами, поровну-ли на каждый дворъ, или по числу лошадей и скота въ дворѣ, или по размѣрамъ землевладѣнія, числу моргеновъ пашни и луговъ? Послѣ долгихъ колебаній, въ бо́льшей части нѣмецкихъ государствъ было принято правило—считать голоса при рѣшеніи самаго вопроса о разверстаніи по боль-

шинству простому, или $^2/_3$, или $^3/_4$, но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ если за этимъ большинствомъ личныхъ голосовъ состоитъ и бо́льшее количество земель. Это правило принято сперва въ Баваріи по закону 1 іюля 1834 г., въ коемъ предписано производить раздѣлъ по требованію $^3/_4$ всѣхъ членовъ общества, если въ числѣ ихъ окажутся и $^3/_4$ крупныхъ землевладѣльцевъ и овцеводовъ (Grossgrundbesitzer und Schäfereiberechtichten). Въ другихъ законоположеніяхъ допускалось меньшее число голосовъ, однако большею частію $^2/_3$. Въ Баденѣ, Саксоніи, Ганноверѣ, требовалось только простое большинство. По Прусскому положенію (Gemeintheilsordnung) 1821 г. раздѣлъ признавался обязательнымъ, если требованіе заявлено владѣльцами $^1/_4$ земли; въ 1836 г. это правило было замѣнено другимъ, по коему требовалось заявленіе отъ $^1/_2$ всѣхъ общинныхъ владѣльцевъ: приказомъ 26 іюня 1847 г. запрещено вовсе дѣлить такія общинныя земли, которыя составляютъ общественное имущество (Gemeindevermögen), а такъ какъ точный смыслъ этого термина (Gemeindevermögen) въ законѣ не обозначенъ, то запрещеніе это можетъ быть равносильно прекращенію всякихъ разверстаній.

Въ Австріи, по уставу (Gemeindeordnung) 17 марта 1849 г., разверстаніе общинныхъ земель на подворные участки вовсе пріостановлено и предписано составить инвентарныя описи всѣхъ общественныхъ имуществъ.

Мнѣнія pro и contra общиннаго землевладѣнія были очень разнорѣчивы, точно также какъ и мнѣнія о пользѣ разверстаній: съ одной стороны, представлялись разсчеты о несомнѣнныхъ выгодахъ, вырученныхъ крестьянами-домохозяевами отъ этой мѣры; въ восточныхъ областяхъ Пруссіи разсчитываютъ, что цѣнность и доходность общинныхъ угодій отъ раздѣла ихъ на подворные участки поднялась на 25%, въ Нассаускомъ герцогствѣ на 33%, въ Познанской провинціи даже на 50 и 100%. Положеніе нѣкоторыхъ селеній видимо улучшилось въ томъ отношеніи, что подворные участки сдѣлались крупнѣе и что въ Пруссіи, напр., они во многихъ мѣстностяхъ достигли размѣра 170—200 морг. (43—50 дес.), что̀ дѣйствительно составляетъ для крестьянской семьи очень полный надѣлъ.

Однимъ словомъ, на опытѣ оказалось, что̀, впрочемъ, и не

подлежало сомнѣнію, что въ реальномъ хозяйственномъ отношеніи общинныя земли много выиграли отъ перехода въ частное владѣніе, хотя, впрочемъ, возвышеніе ихъ цѣнности можетъ быть отчасти приписано общему и повсемѣстному вздорожанію всѣхъ цѣнностей и въ особенности недвижимыхъ имуществъ во всѣхъ странахъ свѣта и при всѣхъ формахъ владѣнія.

Но другое, обратное дѣйствіе уничтоженія общиннаго владѣнія тоже обнаружилось въ Германіи: число мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ (kleine Bauerstellen) начало быстро уменьшаться; въ Позенѣ они сократились на 25%; въ двухъ датскихъ округахъ, Фредериксборѣ и Кронборгѣ, гдѣ считалось около 2000 крестьянскихъ дворовъ, при раздѣлѣ общественныхъ земель было выселено (hinausgebaut) 350 хозяевъ и около 300 бобылей (Häusler); въ нѣкоторыхъ селеніяхъ число домохозяевъ уменьшилось въ семь разъ; нѣмецкіе публицисты (Roscher, Nation Oecon. d. Ackerbaues) приводятъ примѣры, что вслѣдствіе разверстанія, изъ 227 дворовъ образовалось 65; остальные 162 хозяйства были упразднены.

Таковыя экономическія послѣдствія обратили, наконецъ, на себя вниманіе нѣмецкихъ публицистовъ и правительствъ, и во взглядахъ ихъ на вредныя и благія дѣйствія общиннаго владѣнія произошла нѣкоторая реакція; отверженіе, такъ безусловно выраженное въ рескриптахъ Фридриха-Великаго и въ сельско-хозяйственныхъ сочиненіяхъ знаменитаго Тэера, нѣсколько смягчилось. Въ половинѣ настоящаго столѣтія правители нѣмецкихъ земель начали уже принимать мѣры къ пріостановленію дальнѣйшихъ разверстаній, а ученые экономисты (Knaus, Lette, Stein) заявляли, хотя и вполголоса, „что общинныя земли доставляютъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ нѣкоторыя насущныя средства пропитанія, что онѣ также могутъ служить для покрытія разныхъ общественныхъ расходовъ, которые удовлетворяются легче натурой, чѣмъ деньгами“ и что, во всякомъ случаѣ, „раздѣлъ и распродажа этихъ угодій расплодили въ грозной пропорціи число бездомныхъ скитальцевъ, бродягъ и поденщиковъ“.

Но дѣло въ томъ, что эти благонамѣренныя мѣропріятія и гуманныя разсужденія запоздали на цѣлое столѣтіе и стали проявляться только тогда (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ

годахъ), когда переворотъ уже совершился, когда хозяйственныя связи нѣмецкихъ общинъ были уже порваны и нѣсколько милліоновъ бѣднѣйшихъ сельскихъ обывателей выведены и выселены (abgeschlachtet, abgestiftet, hinausgebaut).

Въ Даніи, уже въ 1806 г., была разверстана на подворные участки половина общинныхъ земель; въ Нассаускомъ герцогствѣ, въ первой четверти столѣтія, около $^2/_3$ всѣхъ сельскихъ обществъ. Въ Ганноверѣ въ 1852 г. разверстаніе было окончено почти по всему королевству, въ 1,356 общинахъ. Въ Пруссіи въ 1860 г. раздѣлы и регулированія (Gemeinheitstheilungen и Regulirungen) были произведены по 56 милліоновъ моргеновъ (14 мил. дес.), которые были подѣлены между 1.478,022 домохозяевами и къ 1866 г. оставалось неподѣленныхъ общественныхъ земель 2.316,530 морг. (564,107 дес.).

Итакъ, когда проявились сомнѣнія о дѣйствительной пользѣ принудительныхъ разверстаній, когда рядомъ съ сельскохозяйственнымъ преуспѣяніемъ обнаружились и разныя экономическія неурядицы, когда сельскіе рабочіе, обезземеленные и обнищавшіе, отхлынули въ города и столицы и лишили землевладѣльцевъ необходимыхъ рабочихъ рукъ—тогда помѣстное сословіе и правительства почувствовали необходимость удержать остатки общинныхъ угодій—но уже было поздно! Эмиграція въ Америку, переселенія въ города увлекали ежегодно сотни тысячъ сельскихъ жителей къ другимъ промысламъ и къ другому болѣе привольному быту.

Послѣднее и новѣйшее дѣйствіе для регулированія поземельной собственности въ Германіи было размежеваніе черезполосныхъ владѣній, означаемое терминами Marksberechtigung, Verkoppelung, Zusammenlegung der Grundstücke или Separation, Consolidation der Grundbesitzungen. Мѣра эта соотвѣтствуетъ нашему полюбовному или спеціальному межеванію, съ тою разницей, что въ Россіи оно производилось только по частнымъ помѣщичьимъ владѣніямъ, а въ нѣмецкихъ земляхъ, гдѣ и крестьяне владѣютъ наслѣдственными участками, операція эта обнимала всѣ земли—господскія и крестьянскія. Черезполосность есть неизбѣжное послѣдствіе частнаго участковаго или помѣщичьяго владѣнія, если только оно не закрѣп-

лено преемственнымъ наслѣдованіемъ старшаго въ родѣ; поэтому по всѣхъ странахъ, гдѣ допускается раздѣлъ участковъ между наслѣдниками, черезполосность заводится сама собой и черезъ нѣсколько поколѣній доходитъ до крайняго измельченія. Мы выше видѣли, что во Франціи никакихъ мѣръ противъ этого измельченія (morcellement) не принимается, и что отъ этого большинство французскихъ крестьянъ превратилось въ бобылей и пролетаріевъ.

Въ Германіи тотъ же вопросъ былъ поднятъ въ тридцатыхъ годахъ, и въ большей части нѣмецкихъ областей были изданы уставы объ отмежеваніи къ однимъ мѣстамъ мелкихъ полевыхъ участковъ и полосъ: въ Пруссіи по уставу 1821 г. и дополнительному закону 1850 г., въ Нассаускомъ герцогствѣ по положенію 1830 г., въ Ганноверѣ по законамъ 1842 г. и 1853 г., въ Саксонскихъ герцогствахъ въ 1848 и 1853 гг.

Типами всѣхъ прочихъ законоположеній служатъ: Прусскій уставъ 1850 и Нассаускій 1830 г. Но прежде чѣмъ изложить правила, ими введенныя, намъ нужно разъяснить для русскихъ читателей нѣкоторыя черты крестьянскаго быта въ этихъ странахъ. Почти во всей Германіи нынѣ уже существуетъ между крестьянами одно участковое владѣніе, но съ существеннымъ различіемъ между юго-западнымъ краемъ франкскаго племени и сѣверо-восточнымъ саксонскимъ: въ первомъ крестьянскіе участки дѣлятся поровну между наслѣдниками, во второмъ считаются недѣлимыми владѣніями, переходящими къ старшему или младшему сыну, во всякомъ случаѣ къ одному наслѣднику и въ цѣломъ составѣ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, при первоначальномъ водвореніи, дворы, семьи, были надѣлены по ровну, и такъ какъ оцѣнка и сортированіе земель по количеству и качеству была операція слишкомъ сложная и затруднительная для простолюдиновъ, то они обыкновенно уравнивали свои участки по глазомѣру, по примѣрной разверсткѣ, такъ какъ и наши мірскіе односельцы: разбивъ поля на три клина, каждый клинъ подраздѣляли на столько дѣловъ, жеребьевъ, костей (Gewanne oder Lage), сколько въ немъ оказывалось разныхъ сортовъ и достоинствъ почвы. При этомъ принимались въ соображеніе разстояніе полей отъ дворовъ, свойство грунта, и расположеніе каждой отдѣльной мѣстности: въ каждомъ такомъ дѣлѣ хозяинъ получалъ столько

полосъ (Parcellen), сколько у него въ домѣ считалось полныхъ участковъ (Hüfen).

Способъ разбивки и уравненія подворныхъ участковъ былъ первоначально точно такой, какъ и въ русскихъ мірскихъ разметахъ; полный тяглый хозяинъ (Vollbauer), если онъ по числу рабочаго скота бралъ за себя 2 или 4 гуфы (Zwei-Vierhüfner), получалъ въ дѣлѣ (Gewann-ѣ) по 2 — 4 полосы; такихъ дѣловъ было въ трехъ поляхъ не менѣе 20—30, такъ что на 1-го хозяина иногда приходилось по 80—120 полосъ. Все это совершенно сходно съ нашими, доселѣ существующими, порядками мірскихъ разверстокъ; но въ Германіи это была единовременная мѣра, послѣдовавшая при первобытномъ отводѣ надѣловъ, можетъ быть и повторившаяся впослѣдствіи, но во всякомъ случаѣ прекратившаяся съ древнѣйшихъ временъ; участки, однажды нарѣзанные семействамъ, остались на вѣчныя времена въ ихъ пользованіи, уравненія болѣе не производилось; тамъ, гдѣ введено было правило недѣлимаго, заказного владѣнія (geschlossener Besitz), тамъ полосы и остались въ первобытномъ ихъ видѣ и числѣ; но въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ семейные раздѣлы (Theilbarkeit, Dismembration der Güter) допускались, тамъ дробность достигла невообразимыхъ размѣровъ; въ 4-хъ округахъ Рейнской провинціи, средній размѣръ одной крестьянской полосы равняется $^1/_3$ моргена (200 кв. саж.), и такъ какъ полный хозяинъ, по статистическимъ выводамъ, владѣетъ 30 — 40 морг., то на одинъ подворный участокъ приходится около 100 дѣлянокъ въ средней сложности.

Эту-то чрезмѣрную мелкополосность новѣйшія законодательства предприняли исправить, отмѣняя по возможности прежнія нарѣзки и пріостанавливая дальнѣйшіе раздѣлы, причемъ приняты были двѣ системы.

По одной, Нассауской, предполагается только исправить видъ и форму дѣлянокъ, полосъ въ полѣ, дать имъ извѣстный нормальный размѣръ, ниже коего запрещается ихъ дѣлить и такую форму, которая была бы болѣе или менѣе удобна для обработки плугомъ, для провода канавъ, прогона скота и проѣзда вообще, такъ какъ многіе изъ нихъ, окруженные другими крупными помѣстьями, были совершенно заперты и недоступны. По этой системѣ не имѣлось въ виду новыхъ

размежеваній или отводовъ къ однимъ мѣстамъ, въ одни окружныя дачи, а только регулированіе, утвержденіе (Consolidation) нынѣ существующихъ надѣловъ и запрещеніе дальнѣйшихъ раздѣловъ, ниже извѣстной нормы. Minimum одной дѣлянки (parcelle) полагается для пашни 5 морг., для луговъ $2^1/_2$ морг., для огородовъ 1 морг. ($1^1/_4$, $^3/_4$, $^1/_4$ дес.); всѣ полевыя и луговыя полосы, которыя больше этой нормы, хотя бы они были и въ черезполосномъ владѣніи, раздѣлу не подлежатъ.

По другой системѣ, Прусской, достигаются болѣе полные результаты: мелкія дѣлянки сбиваются, сводятся въ сплошные участки, въ окружныя дачи, по возможности прилегающія къ дворамъ и составляющія вмѣстѣ съ усадьбами цѣльное округленное владѣніе; полосы, лежавшія врозь, замыкаются въ единственныя урочища, скопляются въ цѣлыя поля, которыя называются Koppeln. Черезполосное владѣніе по этому положенію вовсе прекращается, между тѣмъ какъ по другому—Нассаускому—оно остается и только измѣняется въ нѣкоторыхъ наиболѣе стѣснительныхъ отношеніяхъ; главная цѣль обѣихъ этихъ мѣръ открыть свободный доступъ домохозяевамъ къ своимъ полямъ и лугамъ; для этого по уставу Нассаускому проводятся полевыя дороги (Feld и Gewann - Wege) и нарѣзаются полосы въ такомъ видѣ, чтобы каждая изъ нихъ выходила на дорогу; по другому же — Прусскому — всѣ черезполосныя дѣлянки сводятся въ подворные участки и между ними проводится только одна улица или прогонъ для общаго проѣзда на главную дорогу (Communications Weg).

Различіе этихъ двухъ системъ основано на различіи самаго порядка владѣнія въ двухъ краяхъ Германіи, восточномъ — саксонскомъ и западномъ — франкскомъ; въ первомъ — полевыя угодья и полосы были издревле приписаны къ дворамъ и хотя и лежали разсѣянно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но составляли принадлежность усадьбы и переходили вмѣстѣ съ ней къ тому хозяину, который владѣлъ дворомъ или заоброчивалъ его отъ помѣщика; типъ, первообразъ крестьянскаго поселенія въ саксонскихъ земляхъ былъ крестьянскій дворъ, окруженный сплошнымъ полевымъ участкомъ, и прусское положеніе имѣло въ виду возстановить этотъ порядокъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ былъ случайно нарушенъ.

Въ франкскихъ земляхъ, по ту сторону Эльбы, полевыя угодья, дѣлянки и полосы, огороды, нивы и пожни составляли владѣніе тоже наслѣдственное, но независимое отъ двора (Vandel, Parzellen-Besitz); они не были прикрѣплены къ нему, продавались врозь, и потому свободно переходили къ такимъ владѣльцамъ, которые не были приписаны къ селенію и не имѣли въ немъ усадебной осѣдлости, къ городскимъ обывателямъ, фабричнымъ работникамъ и разночинцамъ.

Отъ этого черезполосность и мелкополосность достигли въ этихъ краяхъ, какъ и во Франціи, крайняго предѣла. Сельско-хозяйственное общество въ г. Боннѣ, ходатайствуя о размежеваніи, приводитъ въ своемъ докладѣ, 1853 г., примѣры, что нѣкоторыя пахатныя полосы имѣютъ всей ширины одинъ шагъ, 2 фута, и что находятся такіе покосы, все сѣно съ коихъ работница уноситъ на рукахъ, въ подолѣ своего платья.

Между тѣмъ по принципу, позаимствованному изъ французскаго законодательства (Code rural, art. 1, le territoire de la France est libre comme les personnes qui l'habitent), полосы эти продолжали подраздѣляться безпрепятственно, и въ то же время по гражданскому уложенію (Code civil, art. 537, 544, 647), дозволялось каждому владѣльцу загораживать свой участокъ (droit de cloture) и черезъ это запирать проѣздъ и прогонъ по своимъ владѣніямъ. Можно легко себѣ представить, какое оружіе это послѣднее правило давало въ руки корыстолюбивымъ землевладѣльцамъ противъ смежныхъ мелкихъ хозяевъ; поэтому Нассауское положеніе о размежеваніи имѣло преимущественно въ виду открыть свободный доступъ съ полевыхъ дорогъ къ отдѣльнымъ дѣлянкахъ и нивамъ.

Приведеніе въ дѣйствіе этихъ мѣръ было также нѣсколько различное: въ Ганноверѣ, Саксоніи, Нассау, требовалось для полюбовнаго размежеванія согласіе $^2/_3$ домохозяевъ, владѣющихъ не менѣе $^1/_2$ или $^2/_3$ всѣхъ земель. Въ Пруссіи, по закону 1821 г., допускалось съ начала, что размежеваніе производится обязательно, коль скоро оно затребовано хотя однимъ бы владѣльцемъ; но по послѣдующимъ узаконеніямъ 1838 и 1850 гг. введены другія правила: a) если требуется только обмѣнъ участковъ, то достаточно заявленія $^1/_4$ заинтересованныхъ владѣльцевъ; b) если оказывается нужнымъ спе-

ціальное размежеваніе съ перестановкой межъ и округленіемъ дачъ, то требуется согласіе $^2/_3$ голосовъ, если притомъ имъ принадлежитъ не менѣе $^2/_3$ имуществъ, состоящихъ въ черезполосности.

На дороги, улицы и другія сообщенія полагается нормальный процентъ не болѣе 3 или $4^1/_2$ морг. на 100 моргеновъ владѣнія.

Расходы размежеванія оцѣниваются въ Пруссіи въ 15 зилбергр. и до 1 тал. съ моргена (отъ 2 до 4 р. за десятину).

Проектъ новаго распредѣленія разсматривается и утверждается межевыми чинами и затѣмъ кидается жеребій между всѣми соучастниками, безъ права обжалованія принятаго размежеванія; апелляціи (Recessen) допускаются только во время разсмотрѣнія проекта и жеребій рѣшаетъ дѣло окончательно, безповоротно.

Таковы были главные акты регулированія поземельнаго владѣнія въ Германіи.

Оно началось съ того, что помѣстному сословію предоставлено было право сноса и своза крестьянскихъ дворовъ (Legung der Bauernhöfe), затѣмъ приступлено къ разверстанію общественныхъ земель на подворные участки (Gemeinheitstheilung) — и, наконецъ, было произведено спеціальное размежеваніе съ отводомъ и обмѣномъ земель въ однѣ сплошныя дачи Verkoppelung, Separation, Consolidation).

Первая изъ этихъ мѣръ была насильственная, вторая (до новѣйшихъ временъ, когда разверстаніе было во многихъ мѣстностяхъ уже совершено)—принудительная,—третья полюбовная, рѣшаемая большинствомъ голосовъ.

Совокупными дѣйствіями этихъ мѣръ были достигнуты очень важные и въ хозяйственномъ отношеніи благіе результаты: срыты и снесены всѣ строенія, огороды, мѣшавшіе свободному сообщенію, свезены и выселены всѣ сельскіе жители, волею или неволею, по своей винѣ или по Божьей волѣ впавшіе въ бѣдность, пустопорожніе выгоны и дикія земли превращены въ плодоносныя нивы и крестьянскія владѣнія, точно такъ какъ и помѣщичьи, округлены, отведены къ однимъ

мѣстамъ въ сплошные участки. Всѣ слѣды прежнихъ неурядицъ, упущеній, безпорядковъ были стерты съ лица нѣмецкихъ земель, всѣ наружные признаки бѣдности и хозяйственнаго разстройства скрылись и сельское хозяйство осталось въ рукахъ лучшей, наиболѣе зажиточной части сельскаго сословія.

Но какими средствами и какою цѣною были куплены эти улучшенія? Это намъ остается разсмотрѣть.

Вышеописанное регулированіе землевладѣнія шло въ Германіи одновременно и параллельно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Чтобы уразумѣть духъ и смыслъ этихъ мѣропріятій надо изложить въ главныхъ чертахъ и ходъ крестьянской реформы.

Мы видѣли, что въ Англіи этотъ радикальный переворотъ совершился незамѣтно, самъ собой, по иниціативѣ самихъ ландлордовъ, заблаговременно угадавшихъ, что личная свобода можетъ быть дарована низшему рабочему классу народа безъ всякаго ущерба землевладѣльческихъ интересовъ, лишь бы только оставить за собой земельный фондъ въ неприкосновенной цѣлости.

Мы видѣли во Франціи противоположный ходъ: упорство аристократическаго класса, удержаніе до революціи всѣхъ оковъ феодальнаго права и затѣмъ, въ 1789 г., насильственное, мгновенное разрушеніе помѣщичьей власти и потрясеніе всѣхъ основъ соціальнаго быта, въ томъ числѣ и крестьянскаго землевладѣнія и общиннаго самоуправленія.

Германія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ имѣла роль несравненно болѣе интересную и поучительную; всякій шагъ ея на этомъ пути подготовлялся долгими и глубокомысленными разсужденіями; доктора правъ разбирали юридическія основы, экономисты выводили теоріи народнаго хозяйства, агрономы—ученія о раціональномъ земледѣліи; крайнее разнообразіе германскихъ племенъ и правленій заставляло вникать въ мѣстныя условія, обычаи, нравы, грамоты, инвентари и изъ всего этого образовалась такая энциклопедія научныхъ, и литературныхъ трудовъ и разныхъ законодательныхъ актовъ, что предметъ этотъ можетъ быть изслѣдованъ въ нѣмецкихъ

земляхъ съ такою полнотою, какой не представляютъ лѣтописи другихъ народовъ.

Но, имѣя въ виду не общую исторію крѣпостного права, а только вліяніе его на поземельный бытъ, мы обращаемся преимущественно къ этой сторонѣ вопроса и постараемся спеціально изслѣдовать ее.

Освобожденіе крестьянъ въ Германіи имѣло три момента, или періода: первый—очень продолжительный, съ 1702 по 1815 г., было прекращеніе крѣпостной зависимости (Leibeigenschaft) съ возстановленіемъ только личной вольности крестьянъ; второй—съ 1815 по 1848 г., занятъ поземельнымъ ихъ устройствомъ (Grundentlastung), отмѣненіемъ барщинныхъ и оброчныхъ повинностей, общиннаго землевладѣнія, черезполосности и пр.; третій, открывающійся въ 1848 г., и продолжающійся въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи понынѣ, можетъ быть названъ выкупнымъ періодомъ, такъ какъ выкупная операція началась въ бо́льшей части нѣмецкихъ земель только послѣ революціонныхъ смутъ этого года.

Начиная это лѣтосчисленіе съ 1702 г., мы этимъ хотимъ только указать, что въ этомъ году, эдиктомъ 16 декабря, король прусскій Фридрихъ I объявилъ вольными всѣхъ крестьянъ своихъ удѣловъ (Königlichen Domänen) и подалъ такимъ образомъ первый сигналъ къ освобожденію; но это освобожденіе было только номинальное, какъ и всѣ послѣдующіе акты XVIII столѣтія; всѣ повинности крестьянъ (Zehnten, Frohnden, Mortuarium, Landemium) [8]) оставались въ своей силѣ; личныя гражданскія права были, правда, дарованы сельскимъ обывателямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не только сохранены, но и подтверждены, усилены вотчинныя права суда и расправы (Grundherlichkeit), такъ что о нарушеніи своихъ вольностей и правъ обиженные принуждены были жаловаться обидчику и истецъ былъ подсуденъ отвѣтчику, или, наоборотъ, отвѣтчикъ истцу. Сельскій уставъ (Allgemeines Landrecht) 1791 г. ограничился тѣмъ, что переименовалъ крѣпостныхъ людей (Leibeigene) въ наслѣдственныхъ подданныхъ (Erbunterthänige), запретилъ жестокія тѣлесныя наказанія (das Prügeln der Untertänigen), оставляя, впрочемъ, право казни за помѣщикомъ, и рекомендовалъ имъ стараться „по возможности“ вводить опредѣленныя инвентарныя повинности (Gemes-

sene Frohnden) вмѣсто барщины, которая требовалась по произволу (ungemessen). Формальное прекращеніе крѣпостной зависимости послѣдовало въ Пруссіи по эдиктамъ 1807, 1808 гг. и окончательно по положенію 14 сентября 1811 г., признавшему за крестьянами право собственности на землю съ выкупомъ лежащихъ на нихъ оброчныхъ и барщинныхъ повинностей.

Итакъ, можно несомнѣнно признать, что въ теченіи всего XVIII вѣка и до 1811 г. изъ крѣпостного права было вычеркнуто только его названіе; крестьяне были лично вольны (persönlich frei), а дѣйствительно, служебно, невольны (dinglich unfrei); но этого было достаточно для предостереженія рыцарей-помѣщиковъ, дальнѣйшая политика которыхъ состояла въ томъ, чтобы выиграть время и воспользоваться имъ и существовавшими, еще не отмѣненными правами вотчинныхъ суда и полиціи, для устройства своихъ дѣлъ, завладѣнія по возможности крестьянскими угодьями и округленія или расширенія своихъ дачъ.

Вторымъ моментомъ была отмѣна повинностей, лежавшихъ на земляхъ крестьянъ (Grundetlastung) и провозглашеніе въ достославномъ эдиктѣ прусскаго короля 1811 г. принципа освобожденія крестьянъ съ землей, и еслибы это высокое начало было тогда же приведено въ дѣйствіе, еслибъ авторитетъ великаго Штейна устоялъ противъ дружнаго искательства реакціонерной партіи, то, безъ сомнѣнія, Германія имѣла бы въ настоящее время нѣсколько милліоновъ крестьянъ-собственниковъ больше, и столько же милліоновъ менѣе чернорабочихъ, пролетаріевъ и призрѣваемыхъ; но тутъ-то и возстало съ изумительнымъ единодушіемъ германское юнкерство, и такъ же, какъ и въ прошломъ столѣтіи, очень искусно отстаивало не столько свои права на землю, сколько свое право разбирательства сельско-хозяйственныхъ дѣлъ (Patrimonial gerichtsbarkeit), очень основательно уповая, что съ помощію этой власти и при нѣкоторомъ промедленіи въ приведеніи мѣръ въ дѣйствіе, они успѣютъ повернуть всю реформу къ бо́льшему благу благороднаго рыцарства, снести еще много крестьянскихъ дворовъ, отнять еще у бѣднѣйшихъ домохозяевъ много земель, установить выгодныя выкупныя

цѣны и всѣ эти беззаконія прикрыть судомъ и полицейской властью, которыя оставались въ ихъ рукахъ.

Такъ и было сдѣлано; для огражденія своихъ выгодъ землевладѣльческое сословіе еще выговорило два существенныя условія: первое—чтобы выкупъ былъ непремѣнно и во всѣхъ случаяхъ добровольный, необязательный, и второе—чтобы онъ уплачивался самими крестьянами, безъ пособія отъ казны, безъ ссуды.

Этими двумя добавками былъ достигнутъ, какъ и требовалось, полный застой предначертанныхъ мѣръ; выкупъ повинностей не подвигался, потому что, какъ и предвидѣло дворянство, онъ не могъ подвинуться безъ пособія кредита и казны; въ добровольное соглашеніе могли вступать только зажиточные крестьяне, и въ союзѣ съ ними землевладѣльцы постепенно выживали бѣднѣйшихъ хозяевъ посредствомъ разверстаній, размежеваній, добровольныхъ уступокъ и судебныхъ или полицейскихъ придирокъ.

Это время, съ 1820 по 1848 г., было особенно благопріятно и прибыльно для крупнаго землевладѣнія въ Германіи; консервативная политика была въ ходу, ее прикрывалъ могущественный священный союзъ трехъ великихъ державъ и подъ его прикрытіемъ, пользуясь отвращеніемъ монарховъ отъ демократическаго настроенія среднихъ классовъ и слабостью министровъ къ тѣмъ же интересамъ крупнаго землевладѣнія, нѣмецкое юнкерство, а по его примѣру остзейское и польское дворянство, успѣли провести крестьянскую реформу такъ ловко, что, кромѣ личной свободы и права умирать съ голода, крестьянству не осталось бы ничего... ничего, еслибы не произошла 21 февраля 1848 г. въ столицѣ другого государства, по поводу какого-то политическаго пира (банкета), такъ называемая февральская революція.

Безплодная для Франціи, гдѣ она основала только новый деспотизмъ, революція 1848 г., какъ и всѣ предъидущія революціи Франціи, была плодотворна для Германіи; тамъ прервала она мирный ходъ помѣщичьяго самоуправленія и volens nolens заставила приступить къ дѣйствительному, на этотъ разъ, не номинальному освобожденію крестьянъ съ правомъ собственности на земли и съ выкупомъ при помощи отъ правительства [9]).

Выкупная операція началась въ Германіи не одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ въ Россіи, а гораздо позже, когда уже всѣ аграрныя отношенія были окончательно регулированы и устроены подъ непосредственнымъ руководствомъ помѣстнаго сословія и подъ надзоромъ самихъ вотчинниковъ.

Въ южно-германскихъ штатахъ, гдѣ правительства высказывали очень либеральные виды, уже въ началѣ столѣтія были изданы выкупныя положенія (Ablösungs Gesetze), 5 окт. 1820 г. въ Баденѣ, 8 апрѣля 1819 г. въ Дармштадтѣ, но такъ какъ казенныхъ суммъ на выкупъ не было ассигновано, то до 1830 г. дѣло почти вовсе не подвигалось; только въ 1831 г. удалось правительствамъ этихъ двухъ герцогствъ провести мѣры, нѣсколько облегчавшія выкупные платежи; въ Баденѣ казна приняла на себя $^1/_3$ выкупной суммы, но только по издѣльной повинности, а оброчные крестьяне оставались по прежнему безъ пособій отъ правительства.

Въ Пруссіи благородное рыцарство воспользовалось народными бѣдствіями 1806—1811 гг. для устройства своихъ отношеній къ крестьянамъ; такъ какъ, вслѣдствіе разгрома Наполеоновскаго нашествія, много крестьянскихъ дворовъ опустѣло, то дворянство исходатайствовало себѣ право (по эдиктамъ 29 мая и 14 сентября 1811 г.) присоединять къ своимъ помѣстьямъ дворы, опустѣвшіе до 1809 г. (до Троицына дня—Trinitatis—1809 г.) и впослѣдствіи распространило и на всѣ прочія усадьбы право сноса (Legung). Только въ 1821 г. послѣдовало положеніе о выкупѣ (Ablösungs Ordnung v. 7 Juni), но точно такъ, какъ и въ южной Германіи, безъ всякаго пособія казны, по капитализаціи изъ $4^0/_0$, т.-е. съ помноженіемъ оброчной суммы на 25. При такихъ условіяхъ дѣло шло, разумѣется, очень медленно; послѣ 17-ти лѣтъ въ 1838 г. выкупныхъ сдѣлокъ совершено было 42,702, по 66,623 подворнымъ участкамъ, занимающимъ пространства 4,979,992 морг. (1,244,998 дес.), а всѣхъ душъ об. п., приступившихъ къ выкупу, было 755,686. Такъ какъ въ эту эпоху культурныхъ земель въ Пруссіи считалось около 90 мил. морг. и сельскихъ жителей 14 мил., то выходитъ, что выкупомъ воспользовалась самая незначительная часть населе-

нія; такъ было до 1848 г., когда еще $^3/_4$ крестьянскихъ дворовъ оставались невыкупленными.

Съ этого смутнаго года (das Sturmjahr 1848 г.) началось въ Германіи выкупное дѣло, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ перерывовъ и отсрочекъ. Въ Баваріи, Виртембергѣ, Гессенѣ, немедленно послѣ февральской революціи, въ апрѣлѣ и іюлѣ 1848 г., изданы подъ громомъ уличныхъ мятежей выкупные уставы, въ коихъ хотя еще не ассигновалось суммъ, но высказывался принципъ, что для выкупа крестьянскихъ угодій нужно ассигновать денежныя пособія. Въ этомъ же году приняли подобныя же мѣры саксонское и баденское правительства.

Въ Ганноверѣ дѣло затянулось до 1853 г., и въ это время выкупленныхъ земель считалось въ удѣльныхъ, казенныхъ и церковныхъ имѣніяхъ только 50,55%, а въ частныхъ — еще менѣе.

Въ Виртембергѣ, правительство, эдиктами 14 декабря 1852 г. и 29 октября 1851 г., установило обязательный выкупъ.

Въ Австріи—тоже, по положенію 4-го марта 1849 г.

Такимъ образомъ въ бо́льшей части Германіи собственно дѣйствительный выкупъ крестьянскихъ земель и повинностей начался въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія. До того времени были только отдѣльныя попытки: въ 4-хъ округахъ Вестфаліи, въ графствѣ Витгенштейнъ, въ округѣ Сухсфельдъ (въ Пруссіи), гдѣ добровольный выкупъ вовсе не подвигался по причинѣ бѣдности крестьянъ, — основаны были кассы погашенія (Tilgunskassen) въ 1836, 1839, 1845 гг. Но примѣры эти не находили послѣдователей и отказъ въ кредитѣ мелкимъ собственникамъ былъ для нихъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что, съ другой стороны, крупные собственники-дворяне пользовались имъ въ широкомъ размѣрѣ и имѣли почти во всѣхъ провинціяхъ мѣстные рыцарскіе банки, гдѣ принимались въ залогъ имѣнія, оцѣненныя не ниже 1000 тал.; только въ 1847 и 1848 гг. въ двухъ областяхъ Восточной Пруссіи и Силезіи рыцарство признало возможнымъ допустить къ залогу крестьянскія земли, цѣнностію не менѣе 500 тал.

Но это были все-таки частныя пособія, а не правитель-

ственныя; они выручали только наиболѣе зажиточныхъ, многоземельныхъ домохозяевъ. Первыя мѣры къ учрежденію выкупныхъ банковъ были приняты въ Ганноверѣ въ 1841 г., но открытіе дѣйствій отсрочивалось по разнымъ предлогамъ и послѣдовало только черезъ 10 лѣтъ, въ 1851 г. (Landescreditanstalt). Въ Баваріи они основаны въ 1848 г. (Ablosungscasse). Въ Пруссіи по уставу 2 марта 1850 г., подъ именемъ Rentenbanken.

Не считаемъ нужнымъ разбирать подробно условій выкупной операціи въ Германіи; она была вообще выгоднѣе, чѣмъ въ Россіи, для землевладѣльцевъ; оброчныя и издѣльныя повинности для капитализаціи помножались въ Пруссіи на 18, въ Ганноверѣ, Саксоніи, Нассау, Баденѣ — на 25; въ церковныхъ имѣніяхъ на 25 и 33, только въ Виртембергѣ принята была низшая норма, какъ и въ Россіи, помноженіе на 16, или капитализація изъ 6%.

Но дѣло не въ томъ: главная черта, которую мы хотимъ здѣсь выставить, какъ ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ отношеній въ Германіи, есть то, что открытіе выкупной операціи съ пособіями отъ правительства послѣдовало только въ половинѣ XIX столѣтія, когда крестьянская реформа была уже завершена.

Этимъ соображеніемъ мы заключаемъ первый отдѣлъ нашихъ изслѣдованій о землевладѣніи въ Германіи и полагаемъ, что это обстоятельство проливаетъ яркій свѣтъ на весь ходъ и исходъ аграрной организаціи въ нѣмецкихъ земляхъ. Если изложеніе наше было довольно ясно, то изъ него должны выдѣлиться слѣдующіе факты.

Первообразный составъ крестьянскихъ обществъ въ Германіи не былъ равноправный, какъ въ Россіи; они состояли изъ обывателей различныхъ по состоянію и гражданскимъ правамъ — полносвободныхъ (vollfreie), полувольныхъ и невольныхъ, крѣпостныхъ (leibeigene), обязанныхъ (hörige); кромѣ того, они различались и по владѣнію, по размѣрамъ надѣла на три главные разряда — тяглыхъ, полутяглыхъ крестьянъ и огородниковъ съ многочисленными подраздѣленіями. Эта классификація односельцевъ вселила въ самыя общества

крестьянъ розни, которою воспользовалось помѣстное сословіе для расторженія общинъ и для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ съ помощью и при поддержкѣ высшаго разряда крестьянъ, тяглыхъ, конныхъ хозяевъ (Spannfähige Bauern.)

Личная крѣпостная зависимость отмѣнялась въ Германіи съ давнихъ временъ, послѣдніе слѣды рабства исчезли въ концѣ среднихъ вѣковъ; но по мѣрѣ того, какъ крестьяне получали права гражданства, закрѣплялось за помѣстнымъ сословіемъ право суда и расправы надъ ними, такъ что гражданская и политическая ихъ свобода расширялась, но вмѣстѣ тѣмъ хозяйственная и аграрная зависимость усиливалась и въ началѣ XVIII столѣтія они были лично вольны (persönlich frei), но хозяйственно невольны (dinglich unfrei).

Когда приступлено было къ упраздненію и этой хозяйственной зависимости, то дѣло приняло слѣдующій оборотъ:

Первыя мѣры къ полному освобожденію крестьянъ приняты были въ Пруссіи въ 1702 г. Онѣ продолжались до 1850 г., а въ нѣкоторыхъ областяхъ еще долѣе. Значитъ, крестьянская реформа тянулась въ Пруссіи и, по примѣру ея, въ другихъ частяхъ Германіи, около полутораста лѣтъ, и во все это время руководителями реформы, начальниками сельскихъ обществъ, судьями и администраторами крестьянъ въ поземельныхъ искахъ и тяжбахъ были и оставались владѣльцы рыцарскихъ имѣній, т.-е. одна изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ.

Это первый фактъ, характеризующій аграрныя устроенія во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ.

Второй, еще болѣе вліятельный, состоялъ въ томъ, что весь процессъ освобожденія крестьянъ, отмѣны и выкупа повинностей происходилъ безъ пособій правительства, на собственный коштъ крестьянъ, и долгое время, до половины настоящаго столѣтія, по произвольной оцѣнкѣ самихъ землевладѣльцевъ, безъ всякой нормы для капитализаціи оброка и барщины. Систематически и упорно отстаивали нѣмецкіе рыцари этотъ именно принципъ добровольныхъ соглашеній, невмѣшательства правительства, безполезности кредита и выкупныхъ ссудъ и настоятельно требовали полной свободы для обѣихъ сторонъ, для миролюбиваго разрѣшенія великихъ предначертаній Штейна и другихъ новѣйшихъ пре-

образователей. Въ разсчетѣ своемъ они не ошиблись: крестьянская реформа вездѣ въ Германіи окончилась благополучно для помѣстнаго сословія.

Крестьянство, разбитое на разныя категоріи по правамъ состояній и по размѣрамъ владѣній, раздѣлилось еще на два новыхъ разряда: состоятельные, болѣе или менѣе зажиточные домохозяева, или тѣ изъ поселянъ, которые пользовались благорасположеніемъ господъ, имѣли возможность, хотя и по дорогой цѣнѣ, съ уступкой нѣкоторой части своихъ земель, выкупать свои надѣлы; изъ нихъ образовалось современное нѣмецкое крестьянство — der Kräftige deutsche Bauernstand, которое есть не что иное, какъ крестьянская аристократія, или сословіе мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, не дворянскаго происхожденія.

Всѣ прочіе поселяне не выдержали этого долголѣтняго кризиса; недостатокъ кредита и пособій убилъ ихъ окончательно; немногіе изъ нихъ, распродавъ свои полевыя угодья, пріютились въ усадьбахъ, оставшихся въ ихъ владѣніи, большая часть поникла безвозвратно и изъ домохозяевъ превратилась въ чернорабочихъ.

Эти результаты были достигнуты двумя главными способами: a) поддержаніемъ вотчинной власти и патримоніальнаго суда во все время, покуда продолжалось регулированіе землевладѣнія и освобожденія крестьянъ, и b) отказомъ въ кредитѣ и въ правительственныхъ пособіяхъ, которыя дарованы были крестьянству только тогда, когда уже переворотъ совершился и большая часть имуществъ перешла въ руки помѣстнаго сословія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Процессъ завоеванія и занятія земель есть первый и самый важный моментъ аграрнаго устройства въ Германіи и Европѣ вообще; по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, можно себѣ представить его, приблизительно, въ слѣдующемъ видѣ: новыя племена приходили, вѣроятно, въ составѣ родовыхъ ордъ, подъ предводительствомъ одного главнаго и нѣсколькихъ второстепенныхъ начальниковъ; они занимали пространства, хотя и малонаселенныя, но въ лучшихъ, плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ, уже занятыя и воздѣлываемыя со временъ первыхъ римскихъ походовъ, какъ свидѣтельствуетъ Ю. Кесарь, Тацитъ и другіе. Населеніе это уже и тогда состояло изъ трехъ состояній: вольныхъ людей, обязанныхъ и крѣпостныхъ, или, вѣрнѣе, рабовъ въ полномъ римскомъ значеніи слова. Послѣдніе два разряда были отчасти поселены, на земляхъ, но въ зависимости отъ другихъ владѣльцевъ, поэтому и права надъ ними переходили сами собой къ новымъ владѣльцамъ, коль скоро они завладѣвали правомъ собственности въ завоеванныхъ земляхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что завоеватели не имѣли никакого дѣла и спора съ низшими двумя разрядами, оставляли ихъ на мѣстахъ, употребляя ихъ, какъ и прежде, для воздѣлыванія почвы, для работъ и платежей въ пользу землевладѣльца. Весь процессъ основанія новыхъ помѣстій поэтому сосредоточился на вольныхъ людяхъ и, какъ видно, состоялъ обыкновенно въ томъ, что король съ своими дружинниками и высшимъ духовенствомъ отбиралъ у прежнихъ собственниковъ часть ихъ земель (1/3 или 1/2) и оставлялъ имъ остальную часть, обязывая ихъ исправлять нѣкоторыя службы и повинности на себя, или на своихъ вассаловъ, или на церкви и монастыри. Поэтому, понятіе о полной, свободной собственности вскорѣ вовсе исчезаетъ въ Германіи. Въ римскую эпоху, до нашествія варваровъ, число ихъ было повидимому значительно: Тацитъ отличаетъ ихъ особымъ названіемъ, coloni ingenui; но уже въ VI и VII столѣтіяхъ эта свобода (ingenuitas) перешла въ другое понятіе и означаетъ только состояніе тѣхъ людей, которые свободны отъ налоговъ и повинностей, а таковыми оставались только короли, ихъ вассалы и духовенство. Экспропріаціи, въ полномъ смыслѣ слова, не произошло; владѣніе было подѣлено и отчасти оставлено прежнимъ собственникамъ, но и эта часть подчинена другому разряду владѣльцевъ: королямъ и государямъ, рыцарямъ-вассаламъ и духовенству. Хотя нѣмецкіе публицисты сильно стараются довести генеалогію своего вольнаго крестьянства до римскихъ временъ, но изъ собственныхъ же ихъ изслѣдованій оказывается, что это вольное состояніе исчезло въ Германіи при нашествіи новыхъ племенъ; всѣ земли были если не присвоены на правахъ частной собственности, то, по крайней мѣрѣ, разверстаны между новыми пришельцами, приписаны ко дворцамъ, дворамъ и церквамъ (Palast, Frohnhof, Dom) и полными, вольными землевладѣльцами во времена Карла Великаго оставались только одни благородные. Впослѣдствіи, и даже со временъ Карловинговъ, начало возникать вновь сословіе вольныхъ мелкихъ помѣщиковъ, но уже не по праву преемственнаго владѣнія, а по милости и пожалованію государей,

посредствомъ льготъ и прибылей (Imunitäten), даруемыхъ отдѣльнымъ жителямъ и освобождающихъ ихъ, съ одной стороны, отъ общественныхъ связей сельскаго землевладѣнія (Markgenossenschaft), а съ другой—отъ вотчинной власти (Gutsherrlichkeit) и подчиняющихъ ихъ непосредственно верховной власти, подсудности королевскихъ чиновниковъ и казны.

---

[2]) Переворотъ поземельной собственности, происшедшій при переселеніи народовъ, описанъ съ поразительною ясностью въ сочиненіи Die Territorien, von G. Landau, Hamburg. 1854 г. Изъ него видно, какую шаткую и спорную основу имѣло землевладѣніе въ германскихъ земляхъ, при самомъ водвореніи варварскихъ племенъ. Ландау очень основательно объясняетъ, что завоеванія и занятія земель имѣли въ разныхъ краяхъ Европы двоякій характеръ: въ однихъ завоеватели, покоряя туземцевъ, ограничивались обложеніями ихъ деньгами и сборами и оставляли неприкосновеннымъ весь хозяйственный и аграрный бытъ природныхъ жителей; такъ было и въ Россіи; въ другихъ—покореніе страны имѣло предметомъ и цѣлью присвоеніе себѣ земли и во всей западной Европѣ помѣстная, дворянская собственность установилась такимъ образомъ. Авторъ приводитъ примѣры, какъ это происходило: Саксонцы вторглись въ землю швабовъ и потребовали отъ нихъ уступки части земель; сначала швабы предложили имъ 1/3 своихъ угодій, на что саксонцы не согласились; тогда имъ предложена была половина, потомъ 2/3, на чемъ они помирились, но съ придачею всего скота, который и былъ забранъ саксонцами. Франки и бургунды также отобрали въ Галліи двѣ-трети земель у римскихъ владѣльцевъ.

Дѣлежъ этотъ происходилъ не отводомъ уступленныхъ земель къ однимъ мѣстамъ, но такимъ порядкомъ, что каждый дворъ (Salhof) дѣлился на двѣ или три части и побѣдители и побѣжденные поселялись вмѣстѣ въ однихъ селеніяхъ, но, разумѣется, въ отношеніяхъ непріязненныхъ и розныхъ; были случаи, что пришлецы отбирали у туземныхъ жителей всѣ ихъ земли безъ остатка (ломбарды въ Италіи, англо-саксы въ Англіи); но, обыкновенно, это завладѣніе происходило постепенно, въ нѣсколько пріемовъ. Ломбарды сначала, умертвивъ римскихъ патриціевъ, владѣльцевъ земель, оставили на мѣстахъ земледѣльцевъ-крестьянъ и рабовъ, потомъ ихъ обложили оброками и наконецъ отняли и у нихъ земли, коими они пользовались, обративъ всѣ частныя владѣнія въ громадныя вотчины (latifundia); точно такъ же дѣйствовали англо-саксы, забирая постепенно земли у бриттовъ и соединяя ихъ въ такъ называемыя пустоши лордовъ (the waste of the Lords). Въ древнѣйшихъ германскихъ сагахъ (Sachsenspiegel), эта процедура описывается очень чистосердечно наши предки саксонцы, говоритъ лѣтописецъ, не были довольно многочисленны, чтобы самимъ пахать и воздѣлывать земли; поэтому они истребляли въ Тюрингенѣ только господъ, а крестьянъ щадили и закрѣпляли за ними ихъ владѣнія на прежнихъ правахъ. Поэтому, замѣчаетъ Ландау, варвары дѣйствовали въ этомъ отношеніи еще менѣе свирѣпо, чѣмъ цивилизованные римляне, которые не рѣдко истребляли, выселяли, или обращали въ рабство цѣлыя племена, напримѣръ Кесарь, побивъ андуатовъ, продалъ ихъ всѣхъ въ рабство, а венетовъ раздарилъ поголовно своему войску.

На эти порядки первоначальнаго разселенія также вліялъ и составъ дружинъ или ополченій. Хотя первобытныя мѣста жительства всѣхъ этихъ ордъ и племенъ намъ неизвѣстны, но по преданіямъ можно заключить, что одни изъ нихъ выходили въ видѣ дружинъ подъ знаменами предводителей и состояли бо́льшею частію изъ вождей съ ихъ прислугой, дворней и разныхъ волей-неволей завербованныхъ людей, клевретовъ (clientés); другіе же изъ равноправныхъ и своевольныхъ ополченцевъ, младшихъ сыновей и братьевъ, не имѣвшихъ своихъ хозяйствъ на родинѣ, или бродягъ, искателей счастія и приключеній. Первые, къ коимъ надо причислить разныя племена, занявшія земли галловъ и западную Германію, довольствовались меньшимъ, потому что только предводители дружинъ, знатнѣйшіе ихъ спутники забирали земли; рядовые люди употреблялись на работы точно такъ, какъ и своеземцы изъ прежнихъ жителей и поэтому смѣшались съ ними окончательно; галлы, франки, бургунды, составили одно сплошное и, повидимому, одноплеменное населеніе хлѣбопашцевъ.

Въ восточной Европѣ, напротивъ, всѣ дружинники или ополченцы, какъ равные товарищи, потребовали себѣ равную долю въ добычѣ; эта доля состояла изъ одной и до двухъ-третей земель: захвативъ эту часть, пришлые люди вездѣ поставили себя и свои помѣстья въ привилегированное положеніе. Своеземцы остались на мѣстахъ, потерявъ 1/3 или 2/3 своихъ прежнихъ владѣній; но рядомъ съ ними образовалось помѣстное сословіе, владѣвшее другой половиной, или двумя-третями. Первые были большею частію славянскія и финскія племена; вторые—чистокровные германцы.

Это былъ общій порядокъ поселенія во всей восточной Европѣ, начиная съ остзейскихъ краевъ (Ostseeländer) и до адріатическихъ, до Ломбардіи и Истріи; дворянство и крестьянство составили во всей этой срединной полосѣ Европы два разные элемента; одинъ инородный и побѣдоносный, другой своеземный и подвластный. Племенная и соціальная рознь легли въ основаніе всѣхъ гражданскихъ обществъ, происходя изъ первобытнаго, первоначальнаго порядка поселенія страны, размѣщенія жителей, распредѣленія земель.

---

[3]) Die Hüfe, die Flur. Первое изъ этихъ выраженій означаетъ подворный или посемейный крестьянскій участокъ, второе (die Feldflur, die Marke) общій мірской надѣлъ одного селенія. Отношеніе первыхъ ко второму, размѣщеніе участковъ въ общемъ деревенскомъ надѣлѣ представляетъ большія различія, и эти-то различія и характеризуютъ разнаго рода крестьянскія поселенія, совершенно отличая нѣмецкій сельскій бытъ отъ великороссійскаго. Hufe, въ тѣсномъ смыслѣ, означаетъ такое пространство угодій, удобныхъ земель, какое можетъ въ одинъ сѣвооборотъ быть обработано одной сохой или плугомъ (въ Германіи пароконнымъ или пароволовьимъ), и по предположенію, впрочемъ не совсѣмъ вѣрному, соотвѣтствуетъ рабочей силѣ одной семьи. Такъ опредѣляютъ это понятіе нѣмецкіе изслѣдователи, и это опредѣленіе, если оно вѣрно, уже указываетъ на глубокое различіе нѣмецкаго поселенія отъ русскаго; у насъ хозяйственную единицу составляетъ одинъ рабочій съ женой, у нѣмцевъ цѣлая семья,—а такъ какъ одно

семейство заключаетъ въ себѣ, въ средней сложности, 5—6 душъ всѣхъ половъ и возрастовъ, а тягловые рабочіе относятся къ общему числу душъ, какъ 1 : 3, то русскій тягловый разсчетъ выходитъ въ 2 или 3 раза менѣе подворнаго или участковаго нѣмецкаго. Самый дворъ или усадьба называлась mansus, весь подворный участокъ съ усадебными и полевыми угодьями Hobe, Hufe, Hof; были и другія названія, обозначающія таковое же участковое владѣніе (colonia, ein Pflug) и они различались отъ sors, Loos, которыя относились къ общинному владѣнію и означали полосы надѣленныя по жеребью изъ общихъ выгоновъ и лѣсовъ.

Hufe по старымъ документамъ равнялась обыкновенно 40 морг. (10 дес.) и считалась леннымъ условнымъ владѣніемъ, Lehnland, въ противоположность участкамъ владѣемымъ на полномъ наслѣдственномъ правѣ Erbland; выраженіе это было присвоено крестьянскимъ надѣламъ, отводимымъ отъ господской экономіи въ пользованіе домохозяевъ или оставленнымъ въ ихъ пользованіи при первоначальномъ покореніи страны, причемъ многіе прежніе собственники обращены были въ обязанныхъ поселянъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи (въ Гессенѣ, Баваріи) слово Lehnland даже замѣнило всѣ другія названія крестьянской земли и крестьянскій дворъ прямо называется Lehn.

Составныя части цѣлаго участка (der Hufe) были: a) домъ со дворомъ, mansus; b) полевыя и огородныя земли, отведенныя въ частное и наслѣдственное пользованіе семьи, которыя обыкновенно загораживались или обводились канавой и потому назывались Bund (отъ слова Bund, gebundenes Acker); c) участки не отмѣченные и раздаваемые по жеребью въ общихъ выгонахъ, лугахъ и лѣсахъ (die Almend). Самый отводъ участковъ происходилъ различно и ученый изслѣдователь изъ сочиненія коего мы выписываемъ эти свѣдѣнія, (Maurer, Geschichte der Frohnhöfe) насчитываетъ до 5 разныхъ Hufe.

Главное различіе состояло въ томъ, что въ однѣхъ мѣстностяхъ участки уравнивались по количеству: соображаясь съ разными сортами почвы всѣ полевыя угодья разбивались на дѣлы, и въ каждомъ дѣлѣ нарѣзалась полоса на каждаго домохозяина; этотъ порядокъ тотъ самый, какой принятъ въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ. Другой порядокъ, болѣе употребительный, состоялъ въ уравненіи по качеству, т.-е. что на каждый дворъ отводился одинъ или три (если полосы разбиты на три поля) участка сплошныхъ къ одному мѣсту, но болѣе или менѣе обширныхъ, смотря по достоинству почвы. Были примѣры, что въ одномъ сельскомъ обществѣ изъ 47½ дворовъ всѣ Hufen имѣли различный размѣръ, но всѣ исправляли равныя повинности; на жалобы и просьбы крестьянъ объ уравненіи ихъ платежей начальство отвѣчало, что это неравенство только кажущееся, потому что участки уравнены по качеству почвы.

Первый порядокъ принятъ былъ въ Голштиніи, Гессенѣ, на Рейнѣ, въ Эльзасѣ, Швабіи, Баваріи и нѣкоторыхъ частяхъ Саксоніи; въ прочей Германіи отводились обыкновенно сплошные надѣлы, по одному углу или четыреугольнику въ каждомъ изъ 3 полей. Размѣры 1 Hufe были поэтому очень различны и тамъ, гдѣ они уравнивались по качеству, мѣра эта уже не могла служить поземельной мѣрой; поэтому Hufe разбивалась на Morgen-ы или Tagwerk-и, которые означали пространство, могущее быть вспаханнымъ въ

одно утро (Morgen) или въ день(Tag). Но въ тѣхъ странахъ, гдѣ принятъ былъ первый способъ надѣла, тамъ Hufe получила уже съ XVI столѣтія и сохранила значеніе нормальнаго подворнаго, или посемейнаго надѣла; она была тоже нѣсколько различна, но въ большей части Германіи имѣла отъ 30 до 40 морговъ (7½—10 дес.). Были и двойные гуфы въ 60—90 морг. (fuldische Hüfe).

Замѣчательно то обстоятельство, что въ славянскихъ земляхъ, покоренныхъ нѣмцами, на томъ основаніи, что Hufe соотвѣтствуетъ хозяйству съ пароконной упряжью и плугомъ и что славяне пашутъ сохой въ 1 лошадь,— принято отводить жителямъ изъ славянъ (въ Помераніи, Рюгенѣ, Мекленбургѣ, Силезіи) половинный надѣлъ, который и называется slawische Hufe.

Главная черта, которую здѣсь нужно замѣтить, есть та, что Hufe составляла частное владѣніе домохозяина (ein festes Besitzthum); каждому такому подворному участку принадлежитъ и право участія въ общинныхъ угодьяхъ, но собственно дворъ съ надворными строеніями и съ пахатной землей составляютъ его личное владѣніе, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что самое понятіе о подворномъ участкѣ обратилось въ понятіе о поземельной мѣрѣ.

Второй предметъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, die Flur, означаетъ общій надѣлъ одного селенія: здѣсь главное отличіе нѣмецкаго порядка населенія есть размѣщеніе дворовъ отдѣльно другъ отъ друга, не улицами, не рядами, какъ наши великороссійскія деревни, а особыми огороженными усадьбами. Такъ описываетъ ихъ Тацитъ во времена римлянъ, такъ сохранились они бо́льшею частію и понынѣ; также размѣщаются нѣмецкіе колонисты и въ иноземныхъ своихъ поселеніяхъ.

Всѣ таковые главные признаки и черты первобытнаго крестьянскаго строя повторяются, кромѣ Германіи, и во всѣхъ земляхъ, куда проникъ нѣмецко-саксонскій элементъ. Въ Даніи тоже полагается нормальный размѣръ полнаго подворнаго участка (Boël, Tofte) и тоже съ наслѣдственнымъ владѣніемъ усадьбами и пашнями и съ общиннымъ пользованіемъ лугами и выгонами, раздѣляемыхъ по жеребью. Въ Англіи понятію Hufe соотвѣтствовала Hide, которая полагалась въ 30—33 акра (10—12 дес.) и строенія ставились тоже отдѣльно, а самыя полевыя угодья ограничивались или огораживались по каждому хозяйству особо.

Это отдѣльное подворное размѣщеніе крестьянскихъ земель составляетъ такую отличительную черту именно германской аграрной организаціи, что не встрѣчается въ другихъ странахъ, населенныхъ франкскими или славянскими племенами. Во Франціи нормальнаго размѣра, опредѣленной величины крестьянскаго хозяйства не полагается; кромѣ западныхъ областей, въ бо́льшей части Франціи деревни расположены группами или рядами. Въ славянскихъ краяхъ, забранныхъ нѣмцами, главное ихъ стремленіе было направлено къ тому, чтобы по возможности передѣлать на свой ладъ поземельное владѣніе туземцевъ: повидимому, имъ не удалось перестроить, разбить деревенскія усадьбы, которыя остались въ рядовомъ, уличномъ порядкѣ, но они ввели и въ славянскихъ провинціяхъ правило участковаго и нормальнаго владѣнія и, какъ мы выше сказали, подъ благовиднымъ предлогомъ, что славяне пашутъ одноконной сохой, посадили ихъ на половинный надѣлъ: Slawische Hufe назы-

валась die kleine или haken Hufe и считалась въ половину противъ нѣмецкой (die Landhufe, mansus teytonius).

Въ Мекленбургѣ и Помераніи сохранились еще по сіе время эти наименованія: нѣмецкая гуфа (или Ackerhufe) полагается въ 60 морг. (15 дес.), мѣстная (Landhufe) въ 30 морг. (7½ дес.), славянская (polnische o. slawische Hufe)— въ 15 морг. (3¾ дес.). Можно себѣ представить, что на подавленіе славянскаго населенія эта мѣра подѣйствовала еще успѣшнѣе, чѣмъ все вліяніе нѣмецкой высокой культуры; какъ наивно пишетъ сочинитель этой книги, безпристрастный изслѣдователь германской старины—это распредѣленіе крестьянскихъ участковъ по разрядамъ позволяло селить въ одной деревнѣ сколько угодно домохозяевъ, стоило только сомкнуть двѣ славянскія гуфы въ одну, чтобы получить полный участокъ, или раздѣлить нѣмецкую на двѣ части, чтобы надѣлить двухъ крестьянъ изъ славянъ. Такъ и дѣлалось въ Мекленбургѣ и Помераніи, гдѣ нѣмецкое юнкерство производило надъ славянами опыты in anima vila.

---

[4]) Намъ могутъ замѣтить, что въ Россіи были обжи, выти и сохи, соотвѣтствующія нѣмецкой гуфѣ. Послѣднее выраженіе, соха, дѣйствительно подходитъ близко къ нѣмецкому, ибо означаетъ тоже хозяйственную единицу, извѣстное пространство земли, обработываемое извѣстнымъ числомъ земледѣльческихъ орудій—сохъ; но размѣръ этотъ въ Россіи служитъ только для раскладки податей, а не для разверстки земли между поселянами. Что же касается до обжи и выти, то подъ этими терминами разумѣлись только доли, приходившіяся на тяглаго, рабочаго мужика, по равному раздѣлу всѣхъ мірскихъ полей. Нормальнаго размѣра не полагалось никакого для надѣла крестьянъ: выть обыкновенно считалась по посѣву и на одну выть полагалось примѣрно 10 четвертей ржаного посѣва въ одномъ полѣ, всего въ 3 поляхъ 30 четвертей или 15 десятинъ; но хозяинъ бралъ на себя столько вытей, сколько имѣлъ въ своемъ домѣ рабочихъ душъ и сколько по мірскому размёту приходилось вытей на одного рабочаго. Всѣ эти поземельныя мѣры въ Россіи были только условныя и произвольныя: сохи были различныя по качеству почвы; доброй земли полагалось въ сохѣ 600 четвертей, дурной 1200—1800 вытей считалось на 1 соху, въ черныхъ волостяхъ 42, въ монастырскихъ 50 и въ помѣщичьихъ 67. Этотъ фискальный и административный счетъ не имѣлъ прямого соотношенія съ хозяйственнымъ бытомъ крестьянъ; подворный посемейный надѣлъ домохозяина не опредѣлялся заранѣе нормальнымъ размѣромъ угодій, нужныхъ для хозяйства, а зависѣлъ: a) отъ общаго пространства земли, приписанной къ селенію, и b) отъ числа крестьянъ, достигшихъ въ данный моментъ совершеннолѣтняго возраста.

---

[5]) Смѣшеніе и уравненіе вольныхъ людей съ крѣпостными составляетъ главное отличіе нѣмецкаго соціальнаго строя и по всѣмъ даннымъ можно заключить, что уже въ концѣ среднихъ вѣковъ вольное состояніе было совершенно пріурочено къ невольному. Свободные крестьяне исправляли такія же

повинности, какъ крѣпостные; оброчники (Pächtern, Meyern) облагались по контрактамъ барщинными работами сверхъ оброка; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, между вольными и крѣпостными дѣлалось только такое различіе, что, напримѣръ первые возили навозъ, а вторые его разбивали, или одни подвозили вино къ погребу, а другіе его разливали въ бочки и бутылки; вольные хозяева обыкновенно справляли конныя работы, а обязанные и крѣпостные—пѣшія. Они также платили наравнѣ съ прочими крестьянами пошлины при наслѣдствѣ и вводѣ во владѣніе (mortuarium, landemium), хотя бо́льшею частію пользовались по арендуемымъ ими участкамъ наслѣдственнымъ правомъ владѣнія. Королевскія и казенныя селенія (Domänen) управлялись государями и принцами на помѣщичьемъ правѣ, точно такъ, какъ частныя вотчины. Мы настаиваемъ на этой чертѣ германскаго аграрнаго строя, потому что она отличаетъ его отъ русскаго сельскаго быта: въ Россіи, напротивъ, такъ называемыя черныя волости и слободы, т.-е. вольныя поселенія своеземцевъ, рѣзко отличались отъ помѣстій и вотчинъ, вольные люди водворялись и строились особо, управлялись отдѣльно, наслѣдовали и дѣлили свои земли по-своему, и впослѣдствіи составили особое сословіе государевыхъ вольныхъ людей и государственныхъ крестьянъ, которые считали себя и назывались казенными между тѣмъ какъ въ Германіи смѣшеніе ихъ съ обязанными (hörige) и крѣпостными (leibeigenen) было такое полное, что многіе нѣмецкіе публицисты положительно утверждаютъ, что всѣ крестьяне въ Германіи были первоначально въ крѣпостномъ состояніи и только въ новѣйшее время было открыто, что между ними были и вольные. Точно также и въ нашихъ литовскихъ губерніяхъ вольные поселяне жили въ однихъ селеніяхъ и на однихъ правахъ съ крѣпостными, исправляли наравнѣ съ ними всякія работы и повинности и отличались только тѣмъ, что въ ревизскихъ сказкахъ именовались—вольными.

Эти соображенія отлично изложены въ сочиненіяхъ Roscher-a—«Nation. Oec. d. Ackerbaues», § 109, и Landau—«die Territorien», стр. 108, 109, 110.

---

[6]) Въ королевствѣ Ганноверскомъ мы видимъ явленія совершенно противоположныя Мекленбургскимъ. Тамъ рыцарскія имѣнія были вольныя владѣнія, подлежащія раздѣлу, маіоратовъ не существовало; и, наоборотъ, принимались очень строгія мѣры для охраненія крестьянскихъ земель отъ захватовъ помѣщиковъ; пустые дворы должны были быть вновь населены домохозяевами изъ крестьянъ и возвращеніе крестьянскихъ земель помѣщику запрещалось по положенію 1833 г. (Ablösungsgesetz v. 1833 г.), дѣйствовавшему до 1848 г. Отъ этого въ Ганноверѣ пропорція земель господскихъ и крестьянскихъ была обратная; дворянство владѣетъ только 5% полевыхъ угодій и 7% лѣсовъ; изъ 8 мил. моргеновъ принадлежитъ 6 мил. крестьянамъ и городскимъ обывателямъ, 1½ казнѣ и только ½ мил. дворянамъ.

Изъ этого можно заключить, что крестьянскія владѣнія были очень значительны въ Германіи, ибо порядокъ первобытнаго разселенія и распредѣленія земель былъ одинаковый во всей сѣверной полосѣ. Расширеніе помѣстій и вотчинъ произошло впослѣдствіи, при полновластномъ вотчинномъ управленіи рыцарей-дворянъ и въ особенности при регулированіи повинностей и развер-

станіи угодій, которыя производились подъ исключительнымъ надзоромъ помѣстнаго сословія. Въ такихъ странахъ, какъ Ганноверъ, гдѣ приняты и проведены были мѣры къ охраненію крестьянской собственности, тамъ она осталась преобладающимъ элементомъ; и, по сравненіи съ Ганноверомъ, можно себѣ представить, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ происходила насильственная или добровольная экспропріація крестьянъ въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ, гдѣ рыцарству дана была полная воля скупать, мѣнять, выселять и разверстывать крестьянскіе дворы.

---

[7]) Markgenossenschaft, Feldgemeinschaft.

Выраженіе die Mark относится къ общему пространству владѣнія одного села, и такъ какъ земли были отведены по извѣстному размѣру (Hufe) на каждаго домохозяина, то поселеніе новыхъ жителей допускалось не иначе, какъ съ согласія прочихъ обывателей. Изъ этого и развилось понятіе, что каждая деревня (Dorf) съ приписаннымъ къ ней полевымъ надѣломъ (die Mark) составляетъ особое сельское общество (Markgenossenschaft). Но вмѣстѣ съ тѣмъ это понятіе о сельскомъ обществѣ у нѣмецкихъ авторовъ постоянно смѣшивается съ славянскимъ понятіемъ общины и слово die Mark переводится на слова Obecnice (у чеховъ), Obchina (въ Кроатіи), Gmina (въ Польшѣ), Opol въ (Галиціи), которыя относятся къ совершенно другому строю сельскаго аграрнаго быта.

Разница состоитъ въ томъ, что нѣмецкая Mark заключала въ себѣ земли двухъ родовъ: одни были общинныя, другія—частныя, и только та часть угодій, которая не была подѣлена между хозяевами, составляла общее владѣніе и называлась Gemeine Mark или Almende. Право пользованія общинными угодьями было тоже двоякое: вольные люди, крестьяне-собственники, пользовались ими по праву, но прочіе, обязанные и крѣпостные, только съ вѣдома и согласія вотчинника; тамъ, гдѣ вся деревенская земля принадлежала одному землевладѣльцу, онъ былъ и судья по всѣмъ дѣламъ общиннаго владѣнія, Mark o. Oberrichter, Markherr; полные хозяева, владѣющіе цѣлымъ надѣломъ (volle Hufe), имѣли въ общихъ угодьяхъ бо̀льшее участіе, полу-тяглые меньшее; наконецъ огородники и бобыли ограничивались наименьшимъ размѣромъ, который иногда означался минимумомъ въ 5 морг. ($1^1/_4$ дес.). Людямъ, не имѣвшимъ осѣдлости, но приписаннымъ къ обществу, давалось только изъ милости участіе въ выгонѣ и водопоѣ. Такимъ образомъ и въ общинномъ пользованіи было три категоріи обывателей: полноправные (vollwarige), половинщики (halbwarige) и безправные (ungewehrte). Но всѣ эти права поглощались высшимъ правомъ землевладѣльца—пользоваться тѣми же общинными угодьями и для своихъ надобностей и, обыкновенно, эти встрѣчныя права распредѣлялись такъ, что въ началѣ лѣта на общіе выгоны выпускались господскія стада, а когда они вытравятъ пастбища, то по ихъ слѣдамъ выгонялся крестьянскій скотъ, что̀ называлось Blumenrecht,—или же первый укосъ принадлежалъ вотчиннику, а отава сельскому обществу. Лѣса считались бо̀льшею частію во владѣніи вотчинниковъ и въ тѣхъ изъ нихъ, которые и назывались общинными, запрещалось крестьянамъ рубить дубовый и другой строевой лѣсъ безъ разрѣшенія владѣльца. Наконецъ, въ об-

щинномъ владѣніи, въ чертѣ Almend-ы также считались запольныя полосы, Aussenfelder, пустоши, Dreschen, и вообще пустыя, невоздѣланныя земли, terrae incultae. На счетъ этихъ пустошей были очень строгія правила: напримѣръ, каждому домохозяину дозволялось распахать столько цѣлины, сколько онъ успѣетъ поднять пластовъ пароконнымъ плугомъ въ восьмидневный срокъ; если онъ не допахалъ отведеннаго ему участка, то остальная часть возвращается владѣльцу; если хозяинъ въ теченіи 9 лѣтъ не обсѣялъ своихъ нивъ три раза, то онъ долженъ ихъ уступить другому земледѣльцу. Въ этомъ общинномъ владѣніи завелись также нѣкоторые порядки, вовсе подрывающіе значеніе этого владѣнія: напримѣръ, во многихъ обществахъ дозволялось домохозяевамъ продавать и покупать право участія въ общинныхъ угодьяхъ, такъ что обширными пустошами завладѣли немногіе крестьяне, которые назывались (Markberechtigte), между тѣмъ какъ прочіе потеряли всякое право пользованія въ выгонахъ и лѣсахъ; общимъ правиломъ полагалось, что обыватели, неимѣющіе полевого собственнаго участка, не имѣютъ и права пользованія общинной землей, кромѣ развѣ водопоя и выгона, къ коимъ они допускались по особому разрѣшенію общества.

Право пользованія и разверстки общинныхъ угодій было очень точно опредѣлено, и въ этомъ отношеніи представляется въ германской Gemeinde прямая противоположность нашему мірскому быту, гдѣ все металось и рубилось по жеребью и по произволу (размёты, разрубы). Лѣса раздѣлялись на твердыя породы (Hartholz), дубъ, букъ, рубка коихъ вовсе запрещалась, и мягкія или низкоствольныя (weiches Holz, Unterholz), гдѣ жители запасались топливомъ, лѣсосѣки разбивались на полосы или прямоугольники и обыкновенно отводились хозяевамъ на извѣстное число лѣтъ, причемъ каждому соучастнику назначался участокъ, пропорціональный его состоянію (proportionaliter ad singulas et potestates, сказано въ одной грамотѣ 1285 г.).

Вообще, лѣсныя дачи хотя и считались общественными, но приписывались къ подворнымъ участкамъ для рубки и добычи матеріала, и таковыя дѣлянки въ общихъ лѣсосѣкахъ назывались Achtwart и соотвѣтствовали извѣстному числу возовъ дровъ. На счетъ выгона, правила были тоже очень строгія и число скота, выпускаемаго на пастбище, росписывалось по хозяевамъ, тоже пропорціонально ихъ владѣніямъ; кромѣ того, постепенно вводились разные порядки, по существу подрывавшіе общинное владѣніе: a) постороннимъ владѣльцамъ предоставлялось право выгона на крестьянскія земли; преимущественно и прежде всѣхъ воспользовались этимъ экстраординарнымъ правомъ монастыри, и мало-по-малу завелось цѣлое сословіе разночинцевъ, такъ называемыхъ Ausmärker, которое, не принадлежа къ сельскимъ обществамъ, пользовалось ихъ угодьями; b) допущена была продажа и обмѣнъ между хозяевами самыхъ правъ выгона, такъ что одни переуступали другимъ свою часть или участіе въ общинныхъ земляхъ и оставались въ такихъ случаяхъ безъ пастбища и безъ скота; c) наконецъ, между самими общинниками завелись классы и разряды, и во многихъ селеніяхъ только старожилы пользовались общинными землями; они назывались Höherberechtigte, а новосельцамъ не давалось никакой доли въ выгонахъ и лѣсахъ.

Какъ видно изъ этого, порядокъ разверстки общинныхъ земель хотя и

былъ очень различный по отдѣльнымъ селеніямъ, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялся съ большою точностію, не по общему жеребью и не на равныхъ правахъ, какъ въ русскомъ мірскомъ обществѣ, а по установленной пропорціи къ числу скота, или къ размѣру подворнаго участка, или по правоспособности домохозяевъ, такъ что не всѣ обыватели, а только нѣкоторые изъ нихъ считались равноправными общинниками (Markberechtichte).

---

[8]) Mortuarium, Laudemium. На хозяйственный бытъ сельскихъ обывателей въ Германіи и во всей Европѣ вліяли, кромѣ захватовъ земли, и разныя пошлины, взимаемыя, по закону, при переходѣ подворныхъ участковъ отъ одного хозяина къ другому. Это былъ родъ дани, наложенной на крестьянъ всякихъ наименованій, вольныхъ и невольныхъ, въ пользу вотчинниковъ и въ знакъ ихъ покорности дворянско-рыцарскому сословію. Mortuarium считался при смерти домохозяина, Laudemium — при раздѣлѣ и вводѣ во владѣніе. Первый (по-англійски heriot, по-испански mortura, по нѣмецки Sterbefall) состоялъ или въ лучшей штукѣ скота (Besthaupt), или въ одеждѣ по выбору господской экономіи (Gewandfall). Во многихъ нѣмецкихъ земляхъ у крѣпостныхъ, по смерти хозяина, отбиралась даже вся движимость, а у обязанныхъ только лучшая часть скота (Besthaupt). Въ видѣ милости, потомъ, возвращалась часть отобраннаго имущества. Въ Ганноверѣ еще въ недавнее время mortuarium состоялъ изъ половины всего движимаго наслѣдства и взимался какъ при смерти отца семейства, такъ и жены его.

Laudemium (Lehnwaare, по-французски lots et ventes) составлялъ во Франціи $^1/_{12}$, иногда до $^1/_8$ и $^1/_6$ цѣнности крестьянскаго двора, въ Баваріи 5%, въ Магдебургѣ 2%, въ Силезіи до 10%, въ Виртембергѣ 10—15%, въ Каринтіи $14^2/_7$ %, въ Австріи отъ 5 до 10%. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ австрійскихъ областяхъ взималась еще особая пошлина въ 5% съ отходящаго домохозяина— Abfahrtsgeld и съ недвижимаго имущества 5% цѣнности. Въ другихъ частяхъ Германіи laudemium уплачивался или съ гуфы по 4 тал., или съ моргена по 6—12 грошей (около $2^1/_2$ р. съ дес.), или съ двора по 2 гульдена (1 р. 20 к.); въ Бременѣ полугодовая или годовая плата. Въ Англіи съ Copyholders взималась произвольная пошлина при смерти и переходѣ владѣнія. Blackston пишетъ, что тѣ владѣльцы, которые въ своихъ требованіяхъ умѣренны (reasonable), берутъ не болѣе двухгодовой суммы чистаго дохода участка.

По среднимъ разсчетамъ въ новѣйшее время, передъ отмѣной крѣпостнаго права, laudemium уплачивался въ Баденѣ черезъ каждые 30 лѣтъ, въ Виртембергѣ черезъ 25 л. Въ Пруссіи, при изданіи положенія о выкупѣ 1821 г., разсчитывали, что въ теченіи 100 лѣтъ на каждый крестьянскій дворъ приходилось по 3 случая наслѣдованія и по 2 продажи; по новѣйшимъ законоположеніямъ (1850 г.) для капитализаціи этой пошлины, при выкупѣ крестьянскихъ повинностей, принято, что она взималась среднимъ числомъ по 3 раза въ столѣтіе. Такъ какъ Laudemium бо́льшею частію взимался въ видѣ процента и капитальной стоимости, а стоимость прежнихъ лѣтъ гораздо ниже настоящей, то въ Пруссіи и Саксоніи принято считать ее въ $^1/_5$ современной цѣны, а по инвентарнымъ принадлежностямъ и строенія въ $^1/_2$.

Если мы сведемъ всѣ эти показанія, то оказывается, что mortuarium и laudemium долженъ былъ понижать цѣнность крестьянскихъ хозяйствъ на каждое поколѣніе отъ 10 до 15%, а предполагая, что нормальное вздорожаніе недвижимыхъ имуществъ равняется такому же проценту, надо заключить, что весь этотъ приростъ цѣнности шелъ въ пользу помѣстнаго сословія, господскихъ имѣній.

---

[9]) Вообще, не только въ Германіи, но и въ прочей Европѣ, прекращеніе крѣпостной зависимости послѣдовало собственно гораздо позднѣе, чѣмъ это обыкновенно принимаютъ, и новѣйшія изслѣдованія германскихъ писателей доказали, что до конца XVIII столѣтія свобода крестьянъ была только номинальная, а зависимость ихъ дѣйствительная (Sie waren persönlich frei, dinglich unfrei). Въ Германіи законоположенія объ отмѣнѣ крѣпостного права относятся бо́льшею частію къ XIX столѣтію и только немногія къ концу XVIII-го. Но, кромѣ того, надо замѣтить, что эта нарицательная свобода сельскихъ состояній, гдѣ она и существовала, была такъ стѣснена, что положеніе крѣпостныхъ считалось лучше вольныхъ. Въ Англіи, гдѣ крѣпостное право отмѣнено было всего раньше (одновременно съ нашествіемъ нормановъ), работы земледѣльческія производились по наряду обязательно; только въ 1351 г. издано было положеніе (Statute of Labourers), опредѣляющее плату за сельскія работы. Въ XV стол. еще встрѣчаются очень часто вольноотпускныя грамоты, и только при Елизаветѣ (1660 г.) исчезаютъ послѣдніе слѣды крѣпостного состоянія.

Въ Шотландіи оно было отмѣнено въ 1574 г., въ Италіи сначала—при Фридрихѣ II († 1250 г.), отпущены были на волю казенные крестьяне, затѣмъ выкуплены и помѣщичьи; въ исходѣ XIV ст. крѣпостныхъ людей уже не было. Въ Швейцаріи эманципаціонныя дѣйствія начались въ XVI ст., въ Цюрихѣ въ 1525 г., но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вотчинахъ (Herrschaften) невольничество отмѣнено было только французами въ 1798 г. Во Франціи освобожденіе крестьянъ началось при Людовикѣ X, который принуждалъ крестьянъ откупаться на волю и этимъ способомъ обогатилъ свою разоренную казну. Въ XVI ст. крѣпостное право существовало еще въ 9-ти провинціяхъ. Возстанія крестьянъ (Jaquerie во Франціи, бунты Tyler-a, Straw-a и др. въ Англіи, Bauernkriege въ Германіи) имѣли вездѣ одно послѣдствіе, что, по усмиреніи ихъ, помѣщичья власть еще болѣе расширилась и крѣпла и въ 1789 г. еще считалось во Франціи 150,000 serfs de corps. Въ странахъ, смежныхъ съ Германіей, обнаружилось, по примѣру нѣмецкихъ земель, такое же реакціонерное движеніе, т.-е. что уже долго послѣ первыхъ мѣръ освобожденія послѣдовало обратное движеніе: вольные люди впали въ полную зависимость отъ вотчинниковъ. Въ Польшѣ вольные поселяне, такъ называемые кметы, обращены были въ обязанныхъ крестьянъ и въ XIII ст., такимъ же порядкомъ, какъ въ Германіи, пожалованіемъ льготъ (Imunitäten) перечислены были большія массы народа изъ общей подсудности въ частное управленіе ясновельможныхъ пановъ.

То же произошло и въ Богеміи при слабомъ королѣ Владиславѣ II. Въ

Даніи уже въ XIV стол. крѣпостное право (traedolm) было замѣнено обязаннымъ положеніемъ (vornedskap), но самовластіе вотчинниковъ и аристократическое владычество ихъ въ XVI ст. обратило вновь всѣхъ крестьянъ въ крѣпость и въ 1650 г. во всей Даніи оставалось 5,000 вольныхъ поселянъ. Отмѣна крѣпостного права провозглашена была въ 1702 г., но реформа тянулась до 1788 г., когда наконецъ крестьянскія земли (Scholland) были освобождены отъ обязательныхъ повинностей. Въ германскихъ земляхъ законоположенія о прекращеніи крѣпостной зависимости были изданы:

Въ Пруссіи въ 1702, 1719, 1807, 1819 и 1820 гг.
„ Австріи „ 1781 для Богеміи и Моравіи.
„ „ „ 1782 „ Австріи.
„ „ „ 1785 „ Венгріи.
„ Шлезвигѣ и Голштейнѣ въ 1804 году
„ Помераніи . . . . . „ 1806 „
„ Польшѣ. . . . . „ 1807 „
„ Баваріи . . . . . „ 1808 „
„ Гессенъ-Дармштадтѣ. . „ 1811 „
„ Виртембергѣ. . . . . „ 1817 „
„ Мекленбургѣ. . . . . „ 1820 „
„ Саксоніи . . . . . „ 1832 „
„ Ганноверѣ . . . . . „ 1833 „

ГЛАВА V.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ГЕРМАНІИ.

ОТДѢЛЪ 2.

Въ Пруссіи поземельныя отношенія еще понынѣ окончательно не опредѣлены.—Крестьянскія земли состоятъ въ родовомъ и заповѣдномъ владѣніи домохозяевъ; наслѣдованіе крестьянскихъ дворовъ по старшинству и младшинству.—Majorat, Minorat.—Пренія о свобододѣлимости подворныхъ участковъ, Mobilisation der Bauerngüter.—Прусскія законоположенія о крестьянахъ; реформы Штейна; колебанія и реакція.—Число помѣстій и крестьянскихъ участковъ.—Поземельный бытъ въ другихъ частяхъ Германіи.—Мекленбургское аграрное положеніе.—Отношеніе самостоятельныхъ домохозяевъ къ мелкопомѣстнымъ.—Главныя черты землевладѣнія въ Германіи, захватъ крестьянскихъ земель помѣстнымъ сословіемъ.—Церковныя имѣнія.—Окончательный исходъ крестьянскихъ реформъ въ нѣмецкихъ земляхъ.

Въ предъидущей главѣ мы изложили ходъ аграрнаго устроенія въ Германіи; въ настоящей—постараемся описать современное положеніе землевладѣнія въ той же странѣ и соціальныя отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ въ новѣйшемъ ихъ видѣ.

Выше мы сказали, что аграрный строй Германіи имѣетъ для насъ, русскихъ, особый интересъ, потому что онъ повліялъ болѣе или менѣе на всѣ смежныя страны, въ томъ числѣ на нѣкоторыя области, вошедшія въ составъ Россійской Имперіи, на Прибалтійскій край, Польшу и Литву; въ послѣднихъ двухъ краяхъ въ новѣйшее время послѣдовали реформы, круто поворотившія общественную организацію съ того пути, по коему она издревле слѣдовала, и если начала, принятыя въ шестидесятыхъ годахъ, будутъ поддержаны и послѣдовательно развиты, то сельскій бытъ въ Польшѣ и Литвѣ можетъ еще перестроиться на другихъ основаніяхъ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ дѣло уже зашло такъ далеко, нѣмецкіе принципы укоренились такъ глубоко, что поворотъ очень труденъ; но послѣдній случай для измѣненія направленія былъ упущенъ при изданіи положеній о выкупѣ крестьянскихъ дворовъ, которые, какъ извѣстно, въ этомъ привилегированномъ краѣ не выкупаются, а покупаются по вольной цѣнѣ, точно такъ какъ и въ Германіи, безъ пособій отъ правительства.

Во всякомъ случаѣ изслѣдованіе германскаго землевладѣнія можетъ намъ указать, какой радикальный переворотъ должно было произвести введеніе въ этихъ краяхъ тѣхъ началъ крестьянской реформы, которыя приняты были въ великороссійскихъ губерніяхъ и объяснить то ярое, озлобленное противодѣйствіе, которое она встрѣтила въ помѣстномъ сословіи нашихъ западныхъ окраинъ.

Приступая къ описанію современнаго положенія землевладѣнія въ Германіи, мы однако не можемъ ручаться, чтобы нѣкоторые изъ приводимыхъ нами фактовъ, узаконеній и учрежденій не были въ настоящій моментъ отмѣнены или измѣнены и, наоборотъ, чтобы отмѣненныя и упраздненныя формы владѣнія гдѣ-либо еще не существовали. Всѣ новѣйшіе и высшіе авторитеты науки въ Германіи, описывая ходъ соціально-аграрныхъ преобразованій въ своемъ отечествѣ, впадаютъ въ невольныя противорѣчія и недоумѣнія и приходятъ къ заключенію, что настоящее значеніе произведенныхъ реформъ еще по сіе время очень темно.

Извѣстный публицистъ Летте, описавъ аграрные законы, изданные разными правительствами въ 1830—1848 гг., заключаетъ изъ нихъ слѣдующее: „итакъ, въ половинѣ нашего столѣтія аграрная реформа была, повидимому, проведена и закончена въ бо́льшей части германскихъ штатовъ и, казалось, что основанія должны были быть непоколебимы. Но едва прошло 10 лѣтъ, какъ возникли новыя сомнѣнія и прекословія и законодательныя власти многихъ нѣмецкихъ государствъ опять склонились къ реакціи и повели дѣло въ противную сторону“ (Lette, „Die Vertheilung d. Grundeigenthums“, § 2).

Штейнъ отзывается въ томъ же смыслѣ: „весь ходъ крестьянской реформы въ Германіи еще и понынѣ (въ 1868 г.(

не внушаетъ полной увѣренности, чтобы приведеніе въ дѣйствіе было вполнѣ согласно съ ея предначертаніями и въ особенности не даетъ удостовѣренія, чтобы родовое владычество (die Herrschaft der Geschlechter) было окончательно отмѣнено (Stein, Innere Verw. 1 th. Die Entwährung, § 230).

Если эти ученые представители германской культуры сами заявляютъ о такихъ недоразумѣніяхъ, то понятно, что для иноземца вопросы эти еще болѣе темны и сбивчивы. Отмѣнены ли безъ изъятія и во всѣхъ краяхъ Германіи патримоніальный судъ и вотчинная полиція? возстановлено ли для всѣхъ поземельныхъ имуществъ, или для нѣкоторыхъ и какихъ именно, право свободной продажи и раздѣла? выкуплены ли всѣ повинностя и всѣ крестьянскіе участки, или часть ихъ еще остается въ обязательныхъ отношеніяхъ? Эти вопросы остаются безъ отвѣта; акція и реакція чередуются постоянно въ законоположеніяхъ Пруссіи и другихъ государствъ; послѣ каждой прогрессивной мѣры слѣдуютъ королевскіе эдикты, дополнительные законы, инструкціи и циркуляры министровъ, по коимъ мѣропріятія пріостанавливаются (werden sistirt) и старые порядки возстановляются впредь до приказанія. Такъ, закономъ 5 іюня 1851 г., отсрочены дѣйствія конституціи 1850 г., отмѣнявшей патримоніальный судъ, и самая дѣйствительная и существенная мѣра, учрежденіе выкупныхъ банковъ (Rentenbanken), принятая въ 1850 г., была парализована закономъ 26 апрѣля 1858 г., по коему приказано покончить выкупную операцію къ 1 января 1859 года, что̀, какъ замѣчаетъ Штейнъ, много затруднило заключеніе выкупныхъ сдѣлокъ.

Такимъ образомъ, ссылаясь на мнѣнія главныхъ экономистовъ Германіи (Rönne, Lette, Stein), мы полагаемъ, что поземельный бытъ въ этой странѣ еще по настоящее время находится въ переходномъ состояніи и главный характеръ этого перехода заключается въ томъ, что помѣстное сословіе въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи еще продолжаетъ пользоваться тихомолкомъ нѣкоторыми остатками прежнихъ вотчинныхъ правъ, настолько, сколько оно требуется для окончательнаго округленія помѣщичьихъ дачъ и вообще лучшаго устройства господскихъ хозяйствъ.

Настоящая организація сельскаго населенія въ Германіи отличается отъ аграрнаго строя другихъ странъ тѣмъ, что рядомъ съ помѣстнымъ сословіемъ благородной крови сохранилось и крестьянское, и что это послѣднее устроилось на такихъ же твердыхъ и прочныхъ основахъ, какъ и первое, не исчезло безслѣдно, какъ въ Англіи, не превратилось, какъ во Франціи, въ бобыльское состояніе, но, напротивъ, посредствомъ многолѣтняго сортированія, постояннаго брака слабосильныхъ и бѣднѣйшихъ обывателей достигло въ наше время очень цвѣтущаго состоянія.

Ка́къ это было достигнуто, это мы хотимъ здѣсь вкратцѣ повторить, хотя главныя черты уже приведены у насъ въ предъидущей главѣ.

Исходное положеніе сельской организаціи въ Германіи было различіе между господскимъ дворомъ и крестьянскимъ (Frohuhof, Bauernhof) и между дворянскимъ помѣстьемъ (Rittergut) и подворнымъ участкомъ (Hufe). Ни въ какой другой странѣ это различіе не было соблюдено такъ строго, какъ въ Германіи; въ Англіи за̀мокъ (major) могъ принадлежать и владѣльцу простого званія, во Франціи всякая загородная дача именовалась дворцомъ (chateau), въ Россіи жилище барина даже и по названію не различается отъ крестьянскаго и прозывается усадьбой. Въ нѣмецкихъ земляхъ вольное состояніе передавалось отъ лица имуществу (frei Mann, frei gut), а такъ какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ остались вольными одни дворяне, то только ихъ имѣнія и были свободны отъ повинностей, только дворянскій дворъ, Edelhof, считался господскимъ, Frohnhof; такимъ образомъ съ давнихъ временъ вся территорія раздѣлилась, точно такъ, какъ и сельскіе жители, на два класса и сословная организація (Standesverfassung) была закрѣплена землевладѣніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, также съ давнихъ временъ, укоренилось убѣжденіе, что для прочности владѣнія необходимо, чтобы оно было заказано за родами въ преемственномъ порядкѣ наслѣдованія, и это правило заповѣднаго, вотчиннаго владѣнія было постепенно распространено и на крестьянскіе дворы. Дворянскимъ маіоратнымъ имѣніямъ (Fideicommissen) соотвѣтствовали заказные крестьянскіе дворы (geschlossene Baurnhöfe), которые также

по принципу считались наслѣдственною собственностію крестьянскихъ семействъ и по общему правилу не подлежали раздѣлу, а переходили или къ старшему въ родѣ (majorat), или къ младшему (minorat), но всегда въ цѣломъ составѣ [1]).

Это составило первую связь между дворянскимъ помѣстнымъ владѣніемъ и крестьянскимъ подворнымъ: основные принципы заповѣднаго права собственности, единонаслѣдіе, нераздѣльность и неотчуждаемость имуществъ были примѣнены къ тому и другому; въ обоихъ сословіяхъ образовались классы, изъ коихъ старшій и высшій—имѣлъ тождественные почти однородныя пользы и нужды; рыцарь-вотчинникъ и крестьянинъ-домохозяинъ были одинаково заинтересованы въ раздѣлѣ общинныхъ земель, въ сокращеніи и упраздненіи мелкихъ хозяйствъ, въ разверстаніи черезполосныхъ владѣній, и вообще въ округленіи своихъ помѣстій и участковъ.

Въ прежнія времена ихъ согласіе нарушалось насильственными дѣйствіями самовластныхъ вотчинниковъ; но съ начала XVIII столѣтія, когда нравы смягчились и королевская власть въ Пруссіи и другихъ штатахъ начала принимать мѣры къ огражденію крестьянъ, къ возстановленію ихъ гражданской полноправности, съ XVIII столѣтія высшій разрядъ крестьянъ сталъ все ближе и ближе сходиться съ помѣстнымъ сословіемъ, отдѣляясь рѣзко отъ низшихъ разрядовъ своихъ односельцевъ.

Правительства, какъ мы выше видѣли, принимали иногда мѣры къ охраненію интересовъ и этихъ послѣднихъ классовъ—бобылей, кутниковъ, батраковъ; но это были бо́льшею частію полумѣры, которыя, истекая изъ случайныхъ порывовъ либерализма, совершенно парализовались тѣмъ, что судьею и исполнителемъ ихъ были и оставались во все время лица, заинтересованныя въ дѣлѣ сокращенія мелкаго землевладѣнія. Имъ не трудно было убѣдить и правительства и королей, что государственная казна имѣетъ такія же фискальныя выгоды, какъ и землевладѣльцы въ вытѣсненіи бѣдныхъ, несостоятельныхъ хлѣбопашцевъ и въ поддержаніи только тѣхъ изъ нихъ, которые оказываются исправными (leistungsfähig).

Понятіе объ исправности или самостоятельности хозяйства опредѣлялось вообще возможностью держать во дворѣ пару рабочаго скота лошадей или воловъ, разумѣется при со-

отвѣтствующемъ числѣ дойнаго, молодого и мелкаго скота, и такое хозяйство называется коннымъ или тяглымъ (Spannfähig); оно, обыкновенно, значительно превышаетъ эту норму.

Для поддержанія крестьянскихъ дворовъ въ этомъ нормальномъ наименьшемъ размѣрѣ принимаемы были съ давнихъ временъ разныя мѣры; во всей саксонской половинѣ Германіи, съ береговъ Эльбы на востокъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ провинціяхъ, подворный участокъ былъ признанъ недѣлимымъ имуществомъ; онъ переходилъ во всякомъ случаѣ къ одному наслѣднику, или по выбору отца семейства, или по жеребью, если наслѣдника не назначено, или по закону къ старшему въ родѣ (majorat), или младшему (minorat). Въ Шварцвальдѣ, Ольденбургѣ, Альтенбургѣ, въ Бременской области, въ Вестфаліи, наслѣдовали младшіе, въ австрійскихъ нѣмецкихъ областяхъ, въ Голштейнѣ, Помераніи—старшіе. Семейные раздѣлы были запрещены въ Даніи въ 1539 г., въ Магдебургѣ и другихъ сѣверныхъ областяхъ въ XVII столѣтіи: позднѣе, въ XVIII ст., въ Баденѣ и Баваріи; въ другихъ областяхъ, раздѣлы допускались, но не иначе, какъ съ разрѣшенія вотчинника. Младшіе братья и сестры получали выдѣлъ изъ движимости. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ установилось правило выселять домохозяевъ изъ своихъ дворовъ по достиженіи ими 60-лѣтняго возраста и отводить имъ старческій участокъ (Altentheil). Запрещалось пристроивать къ подворнымъ участкамъ другія хозяйства (Zubaugüter) или дѣлались ограниченія, напр., полному хозяину дозволялось принимать на свои земли не болѣе 1 половинщика (Halbmeyer), или 4 кутниковъ (Kossathen). Всякое отчужденіе не только земли, но и движимаго хозяйственнаго имущества дозволялось только въ предѣлахъ вотчины, господскаго округа (Hofverband, Gutsbezirk).

Всѣ эти мѣры имѣли въ виду закрѣпить за крестьянами цѣльность ихъ владѣній, предупредить раздробленіе и измельченіе подворныхъ участковъ, и эта система хозяйственной опеки завершалась правомъ, предоставленнымъ вотчинному владѣльцу смѣщать съ хозяйства нерадивыхъ и неисправныхъ крестьянъ—abstiften, abmeyern.

Такая политика должна была имѣть, и дѣйствительно имѣла, очень важныя послѣдствія для землевладѣнія вообще; по-

дворные участки, какъ и помѣстные, сохраняли свое хозяйственное единство, и въ то же время сословіе крестьянъ постепенно прочищалось, сортировалось; на мѣстахъ оставались лучшіе люди, доброконные, семейные, домовитые отцы семействъ; земледѣліе въ ихъ рукахъ процвѣтало, культура совершенствовалась и, въ началѣ XIX-го столѣтія, когда началась крестьянская реформа, землевладѣльцы имѣли уже дѣло съ избранными домохозяевами, цвѣтомъ сельскаго населенія. Это, разумѣется, много облегчило ходъ эманципаціи и выкупа крестьянскихъ земель и повинностей, и поэтому вся политика высшихъ сословій въ Германіи состояла въ томъ, чтобы продолжить такой порядокъ вещей до новѣйшихъ временъ, въ чемъ отчасти они и успѣли.

Но въ то же время, какъ въ коренной Пруссіи и въ другихъ сѣверо-восточныхъ областяхъ Германіи совершалась эта консолидація и централизація землевладѣнія, въ другой части Германіи, на Рейнѣ, французское владычество, разбивъ окончательно привилегіи дворянства, вводило, или, вѣрнѣе сказать, утверждало, на законныхъ основаніяхъ другую форму владѣнія, противоположную—полную свободу отчужденія, дѣлимости, наслѣдованія и семейныхъ раздѣловъ, такъ что въ началѣ настоящаго столѣтія, по освобожденіи Германіи отъ наполеоновскаго ига, въ ней оказались два аграрныхъ положенія, совершенно различныхъ и притомъ въ разныхъ провинціяхъ одного и того же государства Пруссіи: въ шести восточныхъ областяхъ заповѣдное и маіоратное съ крупными вотчинами и крестьянскими дворами, въ Вестфаліи и прирейнскихъ провинціяхъ вольное съ мелкими помѣстьями и подворными участками.

Въ обѣихъ половинахъ государства крестьяне были надѣлены подворно, общинныя земли были уже подѣлены и разверстаны, все крестьянство жило на положеніи участковаго владѣнія подъ скипетромъ и законодательствомъ одного неограниченнаго монарха; поэтому здѣсь представляются наглядно всѣ послѣдствія благія и зловредныя участковаго владѣнія въ различныхъ его видахъ и полное сравненіе разныхъ системъ, примѣненныхъ къ этому роду владѣній.

Вопросъ этотъ современный; онъ обыкновенно обозначается терминомъ Mobilisirung des Grundbesitzes, мобилизаціи поземельной собственности, и, составляя предметъ глубокомысленныхъ изслѣдованій нѣмецкихъ экономистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляетъ и политическихъ дѣятелей на двѣ партіи.

Вопросъ по существу заключается въ томъ, что́ лучше— предоставить ли всѣмъ родамъ недвижимыхъ имуществъ полную свободу дѣлимости и отчужденія, или закрѣпить ихъ въ преемственномъ родовомъ владѣніи,—и на этихъ двухъ мнѣніяхъ разыгралась въ современномъ германскомъ обществѣ не только ученая и литературная полемика, но и политическая борьба, которая разъясняетъ многое въ аграрномъ положеніи европейскихъ обществъ.

Извѣстно, что иниціатива крестьянской реформы въ Германіи принадлежитъ прусскому министру Штейну и что знаменитымъ эдиктомъ 1811 г. (Landesculturedict) провозглашены были главныя основанія поземельнаго надѣла крестьянъ, свободы владѣнія, наслѣдованія и раздѣловъ.

Это было въ годину народныхъ бѣдствій и государственнаго униженія, когда надо было привлечь къ защитѣ престола и отечества, кромѣ рыцарей-помѣщиковъ, и поголовныя ополченія простого народа; не успѣла пройти громовая туча наполеоновскихъ войнъ, какъ всѣ эти обѣты и завѣты были мгновенно преданы забвенію; пушки умолкли, а съ ними вмѣстѣ и гуманныя предначертанія правителей и правительствъ. Штейна отъ службы отставили. Отъ эдикта 1811 г. никто никогда не отрекался, но нигдѣ его и не вводили въ дѣйствіе и вскорѣ возникло противъ принципа поголовнаго надѣла и свободы раздѣловъ противодѣйствіе, которое продолжалось до новѣйшихъ временъ и, если не ошибаемся, понынѣ еще не окончательно устранено. Впрочемъ, надо признать, что прусское правительство имѣло разрѣшить трудную задачу, спорный вопросъ; въ двухъ частяхъ государства представлялись двѣ противоположныя крайности: крайняя черезполосность и мелкополосность на Рейнѣ, и поглощеніе мелкихъ хозяйствъ крупными собственниками въ восточныхъ провинціяхъ. Та и другая форма владѣнія имѣли свои выгоды и свои неудобства, своихъ поборниковъ и противни-

ковъ, вооруженныхъ сильными научными и практическими аргументами.

Въ Прирейнскихъ провинціяхъ обнаруживались тѣ же неудобства, какъ и во Франціи, отъ чрезмѣрнаго измельченія поземельной собственности; morcellement du sol называлась въ Германіи—Zwergwirthschaft; она противуполагалась крупному землевладѣнію въ восточныхъ провинціяхъ и составляла предметъ безконечныхъ преній.

Защитники вольной собственности, мобилизаціи, заявляли, что нѣкоторая дробность подворныхъ участковъ есть неизбѣжное послѣдствіе свободнаго землевладѣнія, естественное послѣдствіе приращенія народонаселенія. Они выставляли также, что при прежнихъ порядкахъ единонаслѣдія и заповѣднаго владѣнія, нѣкоторые крестьянскіе участки сдѣлались такъ велики, что превышали рабочія силы семейства: въ нагорной части (Oberland) виртембергскаго королевства сельскія начальства въ 1830 г. единогласно жаловались на слишкомъ крупный размѣръ подворныхъ крестьянскихъ участковъ; тоже въ княжествѣ Гогенло и въ Помераніи; хозяева, не имѣя средствъ къ обработкѣ всѣхъ своихъ земель, залужали пашню и запускали покосы подъ выгонъ. Въ Пруссіи, уже въ 1748 г. предписано было раздѣлять участки, въ коихъ болѣе 5—6 гуфъ (50—60 дес.) на двѣ или три части. Въ Австріи съ 1749 г. провозглашена была по принципу недѣлимость крестьянскихъ дворовъ; но вскорѣ многіе изъ нихъ разрослись до такихъ размѣровъ, что послѣдующими узаконеніями 1773, 1780, 1786 гг. разрѣшено было дѣлить ихъ, если они слишкомъ крупны, не болѣе однако, какъ на четыре части. Въ Баваріи, по закону 1762 г., приказано разбивать на четверти и осмины такіе подворные участки, которые не соотвѣтствуютъ числу скота. Изъ этихъ примѣровъ выводили заключеніе, что заказное подворное владѣніе (Gebundenheit der Bauernhöfe) имѣетъ также свои неудобства и что необходимо допустить и раздѣлъ участковъ (Parcellirung).

Въ отношеніи же вліянія свободнаго владѣнія на культуру страны, приверженцы мобилизаціи приводили въ примѣръ относительное благосостояніе западныхъ государствъ и провинцій въ сравненіи съ восточными. Сравненіе было въ пользу первыхъ, но едва ли могло оно служить доказатель-

ствомъ, ибо прирейнская часть Европы поставлена самой природой въ такія исключительно благопріятныя условія, что богатство ея жителей прямо происходитъ отъ приволья страны. Очевидно, что въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ этотъ край, всякая культура и всякаго рода землевладѣніе должно процвѣтать: благословенное небо, изобиліе водъ, богатство каменноугольныхъ копей и желѣзныхъ рудъ обезпечиваютъ сами собой благосостояніе жителей. Нѣмецкіе писатели приводятъ примѣры, что въ Бельгіи и Вестфаліи малоземельные крестьяне заработываютъ въ годъ до 100 тал. на перевозкѣ угля въ литейные заводы, что выгонныя земли сдаются подъ нагулъ скота за 25 тал. 1 моргенъ (100 р. десятина)—что огородъ въ $2^1/_2$ моргена (1,400 кв. саж.) достаточенъ для содержанія крестьянской семьи изъ 5 душъ; въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ мелкое землевладѣніе представляетъ несомнѣнныя выгоды, но вопросъ о преимуществѣ его надъ крупными подворными участками еще этимъ не разрѣшается.

Наконецъ, для нагляднаго представленія соціальныхъ послѣдствій обѣихъ формъ владѣнія, нѣкоторые экономисты сравниваютъ положеніе землевладѣнія, гдѣ, какъ въ Рейнской провинціи, оно вольное, — съ Помераніей, гдѣ помѣстные и подворные участки состоятъ бо́льшею частію въ преемственномъ владѣніи. Площадь культурныхъ земель въ обѣихъ провинціяхъ почти равная.

	Померанія.	Рейнск. пров.
Моргеновъ	12.345,400	10.486,800
Всѣхъ владѣній дворянскихъ и крестьянскихъ числится.	74,566	686,275
На 1 владѣльца приходится моргеновъ	166	15
„ „ десятинъ .	$41^1/_3$	$3^3/_4$
Въ томъ числѣ:		
имѣній 1 класса болѣе 600 морг. (150 д.).	2,275	886
„ 2 „ 300—600.	1,317	1,362
„ 3 „ 30—300.	24,808	46,523
„ 4 „ 5— 30.	21,489	181,669
„ 5 „ менѣе 5 морг. ($1^1/_4$ д.).	24,677	455,835

Приводя эти свѣдѣнія, извѣстный экономистъ Lette при-

нимаетъ, что въ общемъ итогѣ у владѣльцевъ послѣдняго разряда въ Рейнской провинціи имѣется земли не болѣе 911,000 морг., около 2 морг. на одного, и что поэтому на прочіе классы остается не менѣе 9.557,000, или въ средней сложности по 41 морг. (10 д.) на одного владѣльца.

Хотя эти разсчеты выписаны изъ сочиненій авторовъ, защищающихъ свободу владѣнія и дѣлимость подворныхъ участковъ, но едва ли можно изъ нихъ вывести заключеніе о благодѣтельномъ дѣйствіи этихъ началъ; здѣсь, какъ и во Франціи, оказываются послѣдствія очень сомнительныя: семейные участки въ 2 моргена (1/2 дес.) едва ли могутъ покрыть нужды хозяйства, развѣ только въ исключительныхъ условіяхъ подгороднаго владѣнія и огородничества; громадное число мелкихъ владѣльцевъ въ Рейнской провинціи, болѣе 2/3 всѣхъ собственниковъ, не даетъ имъ общественнаго значенія, если притомъ общій итогъ ихъ владѣній составляетъ самую ничтожную часть всѣхъ земель, менѣе 1/10; такимъ образомъ выходитъ, что здѣсь, какъ и во Франціи, свобода владѣнія и раздѣловъ при участковомъ надѣлѣ крестьянъ превратили ихъ изъ хлѣбопашцевъ въ состояніе бобылей.

Эти разнообразные факты и мнѣнія возбудили въ половинѣ настоящаго столѣтія въ Германіи общій вопросъ о пользѣ раздѣловъ и закрѣпленія поземельной собственности, и вопросъ этотъ, названный Dismembrations-Frage, составляетъ понынѣ поприще, на которомъ борются аристократическая партія съ демократической.

Исторію этой замѣчательной, но мало замѣченной борьбы феодальныхъ началъ съ современными общественными потребностями, мы хотимъ здѣсь изложить въ краткомъ очеркѣ.

Выше сказано, что принципъ свободы владѣнія земельнаго надѣла и отмѣны всѣхъ феодальныхъ правъ былъ провозглашенъ троекратно въ Пруссіи законоположеніями 1807, 1811 и 1850 гг. Хотя эти законы и не вводились въ дѣйствіе, но принципъ ихъ не оспаривался и народъ жилъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Настоящая, гласная реакція началась съ 1852 г.; по королевскому рескрипту этого года было вновь разрѣшено учреждать заповѣдныя имѣнія (Fideicomissen),

а въ 1857 г. пріостановленъ выкупъ крестьянскихъ повинностей по селеніямъ, приписаннымъ къ церквамъ, сельскимъ школамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Въ томъ же году палата господъ (Herrenhaus) открыла борьбу, продолжающуюся и понынѣ, противъ начала земельнаго надѣла крестьянъ и свободы собственности; она мотивировала свои предложенія тѣмъ, „что земли и почва постепенно превращаются въ прахъ (Grund und Boden sich in Staubtheile auflöst), что самостоятельное крестьянское сословіе (Kräftiger Bauernstand) неминуемо погибнетъ, если законодательство не придетъ ему на помощь, и что отъ мобилизаціи поземельной собственности невозвратно теряется въ народѣ чувство любви и преданности отечеству“.

По этимъ соображеніямъ палата ходатайствовила о безусловномъ запрещеніи семейныхъ раздѣловъ въ тѣхъ частяхъ королевства, гдѣ они допускались.

По этому ходатайству было произведено изслѣдованіе и наведены справки, которыя однако не подтвердили опасеній прусскихъ феодаловъ. Оказалось, что мѣры, испрашиваемыя палатой, уже были и прежде приняты въ нѣкоторыхъ провинціяхъ по таковымъ же предложеніямъ провинціальныхъ собраній; въ 1827 г. въ Силезіи, въ 1837 г. въ Познани состоялись постановленія, по коимъ изъяты были изъ права выкупа всѣ мелкія крестьянскія хозяйства, если они оказывались недостаточными для прокормленія семейства (welche unter dem Begriff einer selbstständigen Ackernahrung fallen). Въ 1826 и 1841 гг. также внесены были проекты о запрещеніи дѣлить подворные участки ниже извѣстной нормы, о требованіи полицейскаго разрѣшенія для раздѣла сплошныхъ владѣній, о введеніи пошлинъ при наслѣдованіи крестьянскихъ имуществъ и тому подобные, имѣвшіе въ виду возстановить полное феодальное владычество вотчиннаго начальства. Но предложенія эти были всякій разъ отвергаемы большинствомъ собраній, преимущественно по настоянію выборныхъ отъ сельскихъ обществъ.

Между тѣмъ мѣстные жители, запрошенные правительствомъ, показывали совершенно противное тому, что заявляли консерваторы, а именно: что крестьянскія хозяйства дробятся и постепенно исчезаютъ не столько отъ семейныхъ раздѣловъ, сколько отъ распродажи земель крупнымъ вла-

дѣльцамъ, что цѣлыя селенія въ послѣдніе годы были раскуплены парасхватъ смежными помѣщиками и что это явленіе должно быть приписано тому, что послѣдніе пользуются исключительно государственнымъ и частнымъ кредитомъ, между тѣмъ какъ мелкіе землевладѣльцы изъяты изъ всѣхъ ссудныхъ, залоговыхъ операцій. Это послѣднее обстоятельство выставлялось особенно на видъ для объясненія упадка крестьянскихъ хозяйствъ; дѣйствительно оказывалось, что во всѣхъ областяхъ Пруссіи и во всѣхъ штатахъ Германіи уже болѣе полустолѣтія существовали кредитныя учрежденія для дворянства (Creditvereine), изъ коихъ первыя основаны въ 1780 г. въ Помераніи и Гамбургѣ; новѣйшія въ Галиціи и Саксоніи въ 1844 г. Всѣ эти банки, получавшіе очень щедрыя пособія отъ германскихъ правительствъ, кредитовали только дворянскія имѣнія и учреждались подъ порукой дворянскаго сословія, Ritterschaft; только въ двухъ провинціяхъ, Силезіи и восточной Пруссіи, и только съ 1849 г., принимаются къ залогу крестьянскія земли; во всѣхъ прочихъ провинціяхъ поземельные банки до послѣднихъ годовъ, или прямо по уставу устраняли крестьянъ, или же косвенно исключали изъ залога мелкія имѣнія, принимая высокую норму для ссудъ. Въ Виртембергѣ отпускались сельскимъ обществамъ ссуды, но не менѣе 2000 гульденовъ (1200 р.). Въ другихъ банкахъ (каленбергскомъ, бременскомъ) minimum цѣнности установленъ въ 5000—6000 тал.; въ прусскихъ, бо́льшею частію въ 1,000 тал. или 1,000 моргеновъ объема.

Только въ новѣйшее время нѣкоторые банки понизили свои нормы: въ прусской Саксоніи по уставу 1864 г. допускаются къ залогу имѣнія въ 50 тал. дохода и въ Лаузицѣ, по положенію 1865 г., имѣнія цѣнностію не ниже 100 тал.

Эти соображенія были особенно ярко изложены въ сессіи ландтага 1847 г., когда правительство, понуждаемое реакціонерной партіей, внесло проектъ о разныхъ реформахъ крестьянскаго управленія, мотивируя его замѣченнымъ будтобы упадкомъ хозяйства крестьянъ и предлагая для спасенія его усилить надзоръ вотчиннаго начальства и ограничить право семейныхъ раздѣловъ. Выборные отъ сельскихъ обществъ

единогласно протестовали противъ вмѣшательства полицейской власти (которая была въ рукахъ дворянъ-землевладѣльцевъ) въ семейныя и хозяйственныя дѣла крестьянъ, и объясняли, что такія соображенія, какія допускались въ проектѣ, напримѣръ сужденіе о томъ, соотвѣтствуетъ ли подворный участокъ хозяйственнымъ нуждамъ семействъ и самыя выраженія, употребленныя въ редакціи, самостоятельность, достаточность (leistungsfähig, nahrungszustand) открываютъ безграничное поле самовластію помѣщиковъ, облеченныхъ вотчинною властію.

Далѣе они еще сильнѣе настаивали на томъ соображеніи, что крестьянскій хозяйственный бытъ стѣсняется преимущественно — недостаткомъ кредита, что такъ называемыя сельско-хозяйственныя кредитныя общества (landwirthschaftliche Creditvereine) дѣйствуютъ только въ средѣ дворянскихъ имѣній, что за исключеніемъ Силезіи и восточной Пруссіи во всемъ королевствѣ нѣтъ учрежденій для ссудъ мелкимъ землевладѣльцамъ и для пособія при выкупѣ повинностей и земель. Изъ этого они выводили общее заключеніе, что главною причиною упадка крестьянскихъ хозяйствъ оказывается не свобода владѣнія и раздѣловъ, не слабость надзора, а фальшивое направленіе народнаго кредита, который открытъ для одного сословія и закрытъ для другого, и что необходимымъ послѣдствіемъ этого положенія, продолжающагося уже болѣе полустолѣтія, была постепенная распродажа крестьянскихъ земель (das Auskaufen des Bauernlandes), переуступка ихъ хотя и по добровольнымъ сдѣлкамъ, но по крайней нуждѣ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ, причемъ покупщики, крупные собственники, пользовались долгосрочными ссудами, въ которыхъ отказывалось мелкимъ владѣльцамъ [2]).

Принимая во вниманіе эти заявленія, ландтагъ 1847 г. большинствомъ голосовъ отвергъ проектъ правительства; затѣмъ, политическія волненія слѣдующаго года пріостановили всякія дальнѣйшія попытки того же свойства; но уже вскорѣ по возстановленіи законнаго порядка вопросы эти были вновь подняты и прусская палата господъ опять стала во главѣ реакціоннаго движенія.

Мы не можетъ дать положительныхъ свѣдѣній о томъ, насколько это движеніе было успѣшно и какія именно пра-

вила аграрнаго положенія прежнихъ временъ удержались до настоящаго времени; сами нѣмецкіе публицисты не могутъ разрѣшить опредѣлительно этихъ недоразумѣній. Но это и не нужно для нашихъ соображеній: намъ достаточно знать, что до половины настоящаго столѣтія многія средневѣковыя учрежденія еще держались въ современной Германіи, и что все соціальное и аграрное устроеніе этой страны, весь процессъ крестьянской реформы совершался подъ гнетомъ патримоніальной власти, безъ всякаго содѣйствія и пособія отъ казны и по вольнымъ цѣнамъ, установляемымъ гутсбезитцерами.

Объяснивъ эти обстоятельства, мы переходимъ къ описанію настоящаго положенія землевладѣнія въ Пруссіи на основаніи новѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній, по сочиненіямъ Энгеля, Кольба, Летте, Гаусена и другихъ.

Прежде всего мы хотимъ разсмотрѣть вопросъ, постоянно возбуждаемый въ Россіи, объ исключительныхъ условіяхъ этнографическихъ и климатическихъ, будто-бы отличающихъ нашу русскую землю отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ странъ, ибо очевидно, что всякіе выводы и сравненія были бы голословны, еслибъ предметы сравненія различались такъ рѣзко, какъ обыкновенно предполагаютъ, по природнымъ своимъ свойствамъ. Въ этомъ отношеніи надо дѣйствительно раздѣлить Пруссію на двѣ части: западныя двѣ провинціи—Вестфалію и Рейнскую—представляющія и въ естественныхъ и въ аграрныхъ условіяхъ очень рѣзкія особенности, и остальныя шесть восточныхъ областей, которыя во многихъ отношеніяхъ очень близко подходятъ къ средней полосѣ русскихъ губерній.

Первое и главное соображеніе, всего болѣе вліяющее на распредѣленіе земель и недвижимыхъ имуществъ—есть населенность. Для наглядности мы выписываемъ здѣсь списокъ 6 губерній (Regierungsbezirke) Пруссіи и 6 губерній Россіи, съ показаніемъ числа жителей на квадратную милю [3]).

Изъ этого видно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Пруссіи и, между прочимъ, въ центральныхъ провинціяхъ Помераніи и Бранденбургѣ населенность не гуще, чѣмъ во многихъ губерніяхъ центральной Россіи.

То же самое оказывается и въ другихъ отношеніяхъ почвы, климата и народности; вся площадь восточной Пруссіи представляетъ территорію малопроизводительной почвы, съ суровымъ климатомъ, съ зимними безснѣжными стужами, голыми песками и торфянымъ грунтомъ, и съ населеніемъ отчасти соплеменнымъ нашимъ литовскимъ и польскимъ губерніямъ. Поэтому мы полагаемъ, что именно прусскіе порядки землевладѣнія могутъ служить для насъ очень вѣрными указаніями, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ ихъ послѣдствій, мѣропріятій, заслуживающихъ подражанія, и ошибокъ, которыхъ желательно избѣгнуть.

Вся площадь культурныхъ земель Пруссіи (Feld и Waldareal) имѣетъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, около 100 мил. моргеновъ, или 25 мил. десятинъ, между тѣмъ какъ неудобныхъ земель (Oedland, Unland, ertragslose Grundstücke, Wasserfläche) считается около $6^1/_2$ мил. морг. Число десятинъ угодій полевыхъ и лѣсныхъ прибываетъ съ необычайной быстротой; какъ видно изъ приложенной таблицы, по свѣдѣніямъ за 1866 г., приращеніе этихъ земель въ теченіи 17 лѣтъ (съ 1849 г.) составляетъ громадныя цифры: пашни прибыло около 10 м. морг., луговъ 2 мил., лѣсу 7 м., и хотя эта прибыль отчасти объясняется распашкой выгонныхъ и другихъ пустыхъ земель и насажденіемъ лѣса, но, по мнѣнію самихъ прусскихъ статистиковъ, большая часть этой разницы должна быть приписана неточнымъ показаніямъ прежнихъ лѣтъ [4]).

Такъ какъ всего сельскаго населенія считалось въ 1858—1861 гг. около $12^1/_2$ мил. душъ обоего пола, то на душу приходится около 2 дес., или на 1 душу мужскаго пола 4 десятины,—пропорція довольно значительная, чтобы обезпечить всѣ нужды народонаселенія.

Земли эти распредѣляются на слѣдующія владѣнія:

A) Коронныя имущества (Grundeigenthum der Krone), составляющія частную собственность короля и королевской фамиліи, всего 21 имѣніе; пространство ихъ не показано.

B) Государственныя имущества (Domainen и Forsten), составляющія 1,019 отдѣльныхъ владѣній и 9.165,088 морг.

C) Разныя общественныя земли (Corporativer Besitz) школь-

ныя, церковныя и другія, пространство коихъ по сіе время не приведено въ извѣстность.

D) Владѣтельныя имущества (Standesherrschaften), которыя подраздѣляются на двѣ категоріи: a) владѣнія медіатизированныхъ принцевъ (mediatisirte Reichsherrschaften), и b) другія заповѣдныя имѣнія, дающія право голоса въ палатѣ господъ; первыхъ 15, вторыхъ—63.

E) Рыцарскія имѣнія (Rittergüter), состоящія бо́льшею частію въ преемственномъ и маіоратномъ владѣніи, наименьшій размѣръ коихъ полагается, смотря по провинціямъ, въ 1000 или 500 морг., или съ чистымъ доходомъ отъ 100 до 500 тал. Ихъ считается во всей Пруссіи 12,592.

F) Городскихъ земель 6.504,785 м.

G) Сельскія имущества съ двумя подраздѣленіями:

1) Частныя имѣнія, не имѣющія сословныхъ преимуществъ (selbstständige Gutsbezirke ohne Standische Vorrechte)—2,501 имѣніе съ 2.302,064 морг.

2) Земли сельскихъ обществъ (Landgemeinden) въ числѣ 27,852 обществъ, съ 53.214,218 морг. [5]).

Эти 7 разрядовъ земель (съ подраздѣленіями 11) имѣютъ каждый свое особенное политическое значеніе: владѣнія медіатизированныхъ принцевъ и другія, съ ними уравненныя, вотчины знатнѣйшихъ фамилій даютъ право засѣданія въ верхней палатѣ; рыцарскія имѣнія давали, до изданія новаго земскаго положенія, право самостоятельнаго голоса въ мѣстныхъ собраніяхъ; владѣльцы прочихъ, не-рыцарскихъ, но самостоятельныхъ имѣній (selbstständige Gutsbezirke) засѣдали вмѣстѣ съ выборными отъ сельскихъ обществъ.

Кромѣ того, земли крестьянскія раздѣляются еще на конные участки (spanfähige Besitzungen) и мелкіе (kleine ländliche Stellen), и во многихъ провинціяхъ еще сохранились наслѣдственныя имѣнія, дающія право на занятіе разныхъ сельскихъ должностей (Erbschulze, Erbrichter).

Хотя по основнымъ законамъ 1811 и 1850 гг. всѣ землевладѣльцы Пруссіи объявлены равноправными и всякое владѣніе свободнымъ, но, благодаря частымъ реакціямъ, каждый разрядъ изъ нихъ успѣлъ сохранить, если не повсемѣстно, то въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ или случаяхъ какое либо изъ прежнихъ своихъ отличій, льготъ, преимуществъ, и

можно такимъ образомъ принять, что и понынѣ существуетъ не менѣе 11 категорій земель и столько же формъ владѣній.

Главныя изъ нихъ, которыя опредѣляютъ и соціальныя отношенія народа, суть дворянскія имѣнія, коихъ считается всего въ королевствѣ 12,592 съ 28.633,227 морг., и земли сельскихъ обществъ 27,852 съ 53.214,218 морг.

Изъ этихъ общихъ итоговъ обыкновенно заключаютъ, что крестьянское землевладѣніе преобладаетъ въ Пруссіи, такъ какъ оно почти вдвое сильнѣе дворянскаго, и по объему равняется слишкомъ половинѣ всей культурной территоріи страны (100 мил. морг.).

Но чтобы дать ясное понятіе о взаимномъ отношеніи дворянской и крестьянской собственности, нужно вникнуть глубже въ эти статистическія данныя и разобрать ихъ, во-первыхъ, по мѣстностямъ, во-вторыхъ, по размѣрамъ владѣній, ибо средніе выводы всегда оказываются ложными, когда выводятся изъ слишкомъ крупныхъ итоговъ.

По классификаціи, принятой въ Пруссіи для оффиціальной статистики, всѣ земельныя имущества раздѣляются на 5 классовъ и пропорція ихъ слѣдующая:

	Число владѣльц.	Число моргеновъ.	На 1 владѣльца приходится: Морг.	Дес.
1-й классъ имѣнія болѣе 600 морг. . .	18,302	41.117,312	2,284	568
2-й „ „ отъ 300—600 „ . .	15,079	6.048,222	403	100,75
3-й „ „ „ 30—300 „ . .	391,596	35.918,047	92	23
4-й „ „ „ 5—30 „ . .	617,420	8.428,751	12	3
5-й „ „ менѣе 5 „ . .	1.099,333	2.227,812	2	1/2

6)

Разбирая эту таблицу, нужно прежде всего разрѣшить вопросъ, какой размѣръ земельнаго надѣла признается достаточнымъ для хозяйственнаго содержанія семейнаго домохозяина. Этотъ спорный и сложный вопросъ мы разбираемъ подробно въ особой главѣ этой книги; здѣсь же можемъ принять, на основаніи всѣхъ статистическихъ указаній нѣмецкихъ писателей, что minimum такого размѣра полагается въ 30 моргеновъ на одинъ дворъ, или $7^1/_2$ дес. Размѣръ этотъ наименьшій, какой можно допустить; такъ какъ семейныя хозяйства въ Германіи (Haushaltungen) состоятъ въ сред-

ней сложности изъ 7—8 душъ об. п., то на 1 душу приходится не болѣе 1 десятины.

Въ такомъ случаѣ изъ вышеприведенной таблицы оказывается, что полныхъ хозяйствъ, отъ 30 морг. и болѣе, было всего 424,977 и мелкихъ, ниже этой нормы, въ 4 раза больше— 1.716,753. Эти общія данныя о распредѣленіи поземельной собственности были разобраны въ послѣднее время въ оффиціальной статистикѣ Пруссіи и представляютъ теперь довольно полную картину аграрнаго положенія нѣмецкихъ земель. Они сведены въ отчетѣ статистическаго отдѣла (Amtliche Statistik d. Preussischen Staates von Engel) и составляютъ особую главу отчета подъ заглавіемъ die Parcellirung des Grundeigenthums in socialer Hinsicht.

Мы позаимствуемъ изъ этого отчета и изъ сочиненія Lette (Vertheilung des Grundeigenthums) главныя черты нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Для сравненія разныхъ формъ владѣнія въ соціальномъ отношеніи, статистическій отдѣлъ принимаетъ 3 разряда имѣній: a) рыцарскія — Rittergütter; b) тяглые или конные подворные участки — spannfähige bauerliche Besitzungen, и c) мелкіе сельскіе участки—kleine ländliche Stellen.

Отношеніе ихъ по размѣрамъ владѣнія было слѣдующее:

	въ 1837 г.	1851 г.	1858 г.
	м о р г е н о в ъ.		
Рыцарскія имѣнія заключали въ себѣ . .	25.046,936	24.905,654	27.550,000
Крестьянскіе тягловые участки	35.732,005	36.249,194	41.000,000
„ мелкіе „	3.939,222	4.830,670	

Хотя эти числа не вполнѣ согласуются съ приведенными выше, но такъ какъ они относятся къ другимъ годамъ, то мы можемъ и здѣсь повторить общее заключеніе, что преобладающимъ элементомъ въ прусскомъ землевладѣніи оказывается крестьянское.

Но это заключеніе совершенно измѣняется, если мы откинемъ западныя области и городскія земли (städtische Feldmarken) и разсмотримъ отдѣльно (какъ оно и сдѣлано въ отчетѣ) восточныя провинціи и сельскія состоянія за исключеніемъ городовъ.

Рыцарскихъ имѣній считалось въ этихъ областяхъ:

въ 1837 г.	12,015	и средній	размѣръ	1 имѣнія	былъ	. 2,085	морг.
„ 1851 „	11,990	„	„	„	„	. 2,081	„
„ 1858 „	12,827	„	„	„	„	. 2,184	„

Въ теченіи перваго періода, къ которому принадлежитъ и революціонный 1848 годъ, число рыцарскихъ имѣній и средній объемъ ихъ нѣсколько уменьшился; но за то въ слѣдующій и гораздо кратчайшій періодъ, всего въ 7 лѣтъ, прибыло дворянскихъ помѣстій 837 и средній размѣръ ихъ увеличился на 97 моргеновъ. — Изъ этого видно, что при нормальномъ ходѣ народнаго хозяйства и политическомъ спокойствіи, землевладѣніе въ Пруссіи продолжаетъ сосредоточиваться въ помѣстномъ классѣ, переходя изъ крестьянскаго сословія въ дворянское, что̀ и подтверждается нижеслѣдующими свѣдѣніями.

Вторая категорія имуществъ, тяглыя крестьянскія владѣнія, составляетъ главную часть всего землевладѣнія въ Пруссіи. — Число владѣльцевъ было въ 1837 г. 355,454 и въ 1851 г. 359,668, владѣвшихъ въ средней сложности 100—102 морг. (25 десят.), а всего 35—36 милл. морг.

Но эти среднія числа, выведенныя изъ общихъ итоговъ, даютъ очень невѣрное понятіе о дѣйствительномъ положеніи крестьянства; такъ какъ въ Пруссіи земли различаются по состоянію землевладѣльцевъ, то къ этой категоріи крестьянскихъ дворовъ приписаны очень крупныя имѣнія, если только они принадлежатъ лицамъ, приписаннымъ къ сельскимъ обществамъ, къ крестьянству; меньшій размѣръ подворныхъ участковъ выходитъ по разнымъ губерніямъ отъ $^1/_2$ моргена до 20, а высшій отъ 1,009 морг. до 10,624. — Самое понятіе о тягломъ, т.-е. полномъ участкѣ основано не на объемѣ имѣнія, а на его доходности; поэтому и такіе мелкіе участки какъ $^1/_2$ морг. ($^1/_8$ десятины) признаются тяглыми, если они имѣютъ особенныя выгоды; но во всякомъ случаѣ ни эти мелкіе участки, ни крупные, въ нѣсколько тысячъ моргеновъ, не соотвѣтствуютъ нормальному понятію о крестьянскомъ хозяйствѣ; ибо очевидно, что владѣльцы 1,000—3,000 морг., каковые встрѣчаются во всѣхъ провинціяхъ, скорѣе принадлежатъ къ классу помѣщиковъ, чѣмъ хлѣбопашцевъ.

Но вообще надо признать, что этотъ разрядъ крестьянъ-собственниковъ въ Пруссіи находится въ исключительно благопріятномъ положеніи; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ надѣлъ ихъ очень значителенъ; въ Восточной Пруссіи 107 — 132 морг., въ Помераніи 110—160, что́ составляетъ (по средней цѣнѣ 30 — 40 руб. за моргенъ) отъ 3,000 до 6,400 руб. цѣнности, и около 7, 8 и до 12 десятинъ на душу.

Третью и послѣднюю категорію имуществъ составлютъ мелкіе участки, такъ называемые kleine ländliche Stellen. Число ихъ нѣсколько больше, чѣмъ тяглыхъ участковъ: въ 1837 г. 459,345, въ 1851 г. 556,104. По общему правилу, къ этому разряду относятъ всѣ такія имущества, которыя не требуютъ для обработки рабочаго скота и поэтому въ ихъ число включаются и пустопорожнія земли, если онѣ необитаемы и не воздѣланы. Таковая классификація, разумѣется, оказывается неудобною для статистическихъ выводовъ и даетъ только приблизительное понятіе о хозяйственномъ положеніи крестьянъ этого разряда. Средній размѣръ этихъ участковъ колеблется между 1 и 424 морг. и въ общей сложности по всѣмъ губерніямъ выходитъ = 8 морг. (2 десят.).

Такимъ образомъ оказывается, что нѣкоторые, такъ называемые мелкіе участки, имѣютъ болѣе пространства, чѣмъ тяглые и различаются отъ нихъ не столько по объему и доходности, сколько по способу веденія хозяйства.

Но вышеприведенныя числа относятся, какъ сказано, къ 19 губерніямъ, за исключеніемъ 6 западныхъ; если включить въ разсчетъ и эти послѣднія, то всѣ пропорціи и средніе выводы совершенно измѣнятся. Для сравненія аграрнаго строя въ разныхъ частяхъ Германіи, мы возьмемъ изъ сочиненія Lette (Vertheilung d. Grundeigenthums) слѣдующія исчисленія по 2-мъ провинціямъ:

	Помераніи.	Рейнской пр.	
Площадь этихъ областей почти равная .	576	508	кв. м.
Общее пространство угодій (Areal) . . .	10.486,672	9.802,097	морг.
Но населеніе почти втрое гуще въ Рейнской провинціи, чѣмъ въ Помераніи. .	2,174	5,874	жит. на кв. м.
А число землевладѣльцевъ въ 9 разъ больше.	85,319	766,884	домохозяевъ.

Но особенно любопытны свѣдѣнія о размѣрахъ владѣнія, которыя мы выписали въ приложенной таблицѣ [7]). Если причислить къ крупнымъ и среднимъ собственникамъ первые три класса и къ мелкимъ — послѣдніе два, — то выходитъ, что въ Помераніи 30,086 хозяевъ дворянъ и крестьянъ владѣютъ почти всѣмъ пространствомъ удобныхъ земель, а въ Рейнской провинціи 51,440 таковыхъ же собственниковъ только $^2/_3$ угодій. Далѣе, что число мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ первой провинціи самое незначительное, 55,215, при общемъ числѣ сельскихъ жителей 940,646, а въ Рейнской пр. 715,444 при 2.079,409 жителяхъ сельскаго сословія (auf dem platten Land).

Особенно замѣчательно то обстоятельство, что средній размѣръ этихъ мелкихъ владѣній, несмотря на несравненно бо́льшую густоту населенія на Рейнѣ, почти равный въ обѣихъ провинціяхъ: на 1 владѣльца приходится по четвертому классу (5—30 морг.) въ Помераніи 14, въ Рейнской пр. 13 морг.; пятаго класса (менѣе 5 морг.) въ Помераніи 2,7, въ Рейнской пр. 1,9 морг.

Эти ариѳметическіе выводы доказываютъ, кажется, убѣдительнѣе, чѣмъ всѣ разсужденія, что измельченіе крестьянскихъ хозяйствъ и постепенное обезземеленіе крестьянъ происходило не отъ густоты населенія, не отъ малоземелья, а отъ неправильнаго распредѣленія недвижимыхъ имуществъ, захваченныхъ и раскупленныхъ крупными собственниками.

Но сравненіе этихъ двухъ провинцій доказываетъ еще другую, болѣе важную истину, что при самыхъ различныхъ условіяхъ народнаго быта и самыхъ противоположныхъ правилахъ владѣнія и наслѣдованія, при полной свободѣ раздѣловъ на Рейнѣ и единонаслѣдіи въ Помераніи, около половины крестьянскихъ хозяйствъ въ обѣихъ областяхъ превратились въ мелкіе бобыльскіе участки, которые не могутъ обезпечить содержаніе семействъ и что, поэтому, хлѣбопашество сдѣлалось промысломъ побочнымъ, второстепеннымъ (Nebengewerbe) для сельскихъ жителей, какъ въ феодальной Помераніи, такъ и въ демократической Рейнской провинціи.

Вопросъ о свобододѣлимости владѣнія (Dismembra-

tions-Frage) возбуждался также и въ другихъ государствахъ Германіи; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ, Мекленбургѣ, поддерживались старые порядки недѣлимости и единонаслѣдія; въ другихъ, Саксоніи, Гессенъ-Касселѣ, вводились новыя правила, ограничивающія семейные раздѣлы; во всѣхъ сѣверо-германскихъ штатахъ послѣ 1848 г. возникла сильная реакція противъ такъ-называемой демократизаціи поземельной собственности.

Въ Ганноверѣ, по закону 23 іюля 1833 г., подтвержденному положеніемъ 1852 г., усиленъ надзоръ администраціи надъ крестьянскимъ хозяйственнымъ управленіемъ и прежняя помѣщичья и вотчинная власть всецѣло переведена на полицейскія начальства; администрація разбираетъ и рѣшаетъ дѣла о семейныхъ раздѣлахъ, о выдѣлѣ вдовъ, дочерей, младшихъ братьевъ; о долговыхъ и заемныхъ обязательствахъ крестьянъ между собою.

Въ Гессенъ-Касселѣ прошла еще болѣе стѣснительная мѣра, по коей всѣ владѣнія менѣе 55 моргеновъ (14 дес.) признаны нераздѣльными, а о подворныхъ участкахъ, болѣе крупныхъ, отъ 55 до 138 морг. постановлено, что по требованію отца семейства они могутъ быть обращены въ заповѣдныя имѣнія, не подлежащія раздѣлу. Въ верхней палатѣ предложенъ и принятъ былъ еще другой законъ, по коему полицейскому начальнику, ландрату, предоставлялось утверждать наслѣдниковъ крестьянскихъ дворовъ и разрѣшать залогъ и продажу въ случаѣ раздробленія; но этотъ проектъ показался уже черезчуръ охранительнымъ самой охранительной партіи, преобладающей въ Касселѣ, и былъ отвергнутъ нижней палатой.

Въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ (1868 г.), еще сохранилось главное правило корпоративнаго землевладѣнія, по коему дворянскія имѣнія пріобрѣтаются не иначе, какъ съ согласія и по формальному постановленію дворянства; таковыхъ рыцарскихъ имѣній считается 300, пользующихся еще всѣми правами патримоніальныхъ суда и расправы; большая часть крестьянскихъ дворовъ въ Голштиніи состоятъ понынѣ въ заповѣдномъ владѣніи (geschlossener Besitz).

Въ округѣ Люнебургѣ при 381 тысячахъ жителей имѣется

всего рыцарскихъ имѣній 21, изъ коихъ 15 — состоятъ на патримоніальныхъ правахъ и пользуются вотчинной властью по всему округу; крестьяне въ этихъ селеніяхъ имѣютъ только условное право на свои земли и признаются не собственниками, а обязанными поселянами (Meiergerechtsame).

Самый полный образецъ феодальнаго строя, сохранившагося до новѣйшихъ временъ, являетъ Мекленбургъ-Шверинское герцогство, страна небольшая, въ 232 кв. мили (не болѣе многихъ нашихъ уѣздовъ) съ 560,618 жителями, гдѣ понынѣ еще дѣйствуютъ всѣ основные принципы саксонскаго землевладѣнія. Здѣсь, какъ и въ остальной Германіи, личное освобожденіе крестьянъ послѣдовало еще въ началѣ XIX столѣтія; въ 1820 г. земли были оставлены во временномъ и обязанномъ пользованіи крестьянъ, а за дворянами утверждена вотчинная власть. Но около того же времени во Франціи и въ нѣкоторыхъ областяхъ смежной Пруссіи возникли жалобы и опасенія, выше нами описанныя, объ упадкѣ крестьянскихъ хозяйствъ, вслѣдствіе раздробленія имуществъ, свободы владѣнія и распущенности сельско-хозяйственнаго управленія. Надъ помѣстнымъ сословіемъ въ Германіи висѣли, какъ Дамоклесовъ мечъ, торжественные обѣты прусскихъ королей о надѣлѣ всѣхъ крестьянъ землей, и подъ страхомъ этихъ реформъ, отсроченныхъ, но не отмѣненныхъ, мекленбургское дворянство приступило къ единственной мѣрѣ, которая могла отклонить опасность, къ обезземеленью крестьянъ, покуда еще вотчинная власть была въ ихъ рукахъ и хозяйственное управленіе имъ подвѣдомственно.

Пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ и безусловно поддержанное правительствомъ, которое въ лицѣ герцога было заинтересовано болѣе всѣхъ въ поземельномъ вопросѣ, мекленбургское рыцарство, въ теченіи настоящаго столѣтія, провело съ полнымъ успѣхомъ крестьянскую реформу въ свою пользу, но при этомъ, съ замѣчательною ловкостью, воспользовалось указаніями науки и политическими опасеніями правительства, чтобы повернуть дѣло въ исключительную свою выгоду. Поэтому операція аграрнаго устроенія и настоящаго положенія поземельной собственности въ Мекленбургѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, и мы ее опишемъ нѣсколько подробнѣе.

Она началась съ того, что, въ предвидѣніи предстоящей

реформы, землевладѣльцы начали уже въ началѣ столѣтія отказывать своимъ оброчникамъ въ возобновленіи контрактовъ (Kündigen) и приступили къ сносу и свозу крестьянскихъ дворовъ (legen). Мѣра эта считалась столь выгодной, что сдѣлалась предметомъ особыхъ спекуляцій; при продажѣ имѣній объявлялось, сколько крестьянскихъ участковъ подлежитъ возвращенію помѣщику, и это много возвышало цѣнность имѣній. Отдѣльные дворы и цѣлыя селенія исчезали, полевыя ихъ угодья присоединялись къ господскимъ запашкамъ, усадьбы оставлялись иногда въ арендномъ пользованіи хозяевъ, упраздненныя пашни залужались; тамъ, гдѣ они лежали черезполосно, производилось обязательно разверстаніе и полосы сводились въ большія дачи (Koppeln). Изъ этого развилась особая система полеводства, называемая Koppelwirthschaft, выгонное хозяйство, и, по мѣсту происхожденія, она различалась на системы голштинскую и мекленбургскую; послѣдняя имѣла главнымъ образомъ въ виду удобреніе пашни посредствомъ выгона скота, и для этого обращала попеременно пахатныя поля въ залежи, и залежи въ распашки, послѣ 6—9 лѣтняго отдыха; поля разбивались на многочисленные клины, которые были трехъ родовъ: a) ближніе (Binenschläge), назначаемые для коренного сѣвооборота и посѣва хлѣбовъ; b) дальніе (Aussenschläge), которые отводились изъ запольныхъ и худшихъ земель, и употреблялись преимущественно для пастьбы овецъ, и c) прибавочные, въ тѣсномъ смыслѣ слова клеверные огороды (Klee Koppeln), гдѣ паслись во все лѣто въ загороженныхъ и окопанныхъ поляхъ дойныя коровы. Эта система хозяйства, подробно описанная и рекомендованная знаменитымъ агрономомъ Тэеромъ, скоро пріобрѣла особую славу и мекленбургскія помѣщичьи запашки считались образцовыми во всей Германіи; они дѣйствительно процвѣтали и тучныя пастбища, усѣянныя стадами тонкорунныхъ овецъ и коровъ высокой породы, возбуждали общій восторгъ нѣмецкихъ земледѣльцевъ.

Но это благоустройство было куплено дорого.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія аграрное положеніе Мекленбурга было слѣдующее:

Изъ всей территоріи 232 кв. миль, удѣльныя имѣнія Великаго Герцога занимали 99,78 кв. м., рыцарскія имѣнія

103,14; тремъ монастырямъ принадлежало 7,94, и сорока́ городамъ и мѣстечкамъ—остальныя 26,45 кв. м.

Удѣльныя имѣнія называются Domänen, и хотя доходы ихъ назначаются отчасти на содержаніе двора и войска, но самыя земли считаются не государственными имуществами, а личною вотчинною собственностью герцога (Landesherrschaft): приходъ и расходъ по удѣлу не вносятся въ государственную роспись, не подлежатъ отчетности и остаются въ полномъ распоряженіи владѣльца; такимъ образомъ около половины всей территоріи, 539,000 десятинъ, и почти $^2/_3$ всѣхъ государственныхъ доходовъ (удѣльныя имѣнія даютъ 3.698,000 тал. дохода, а всего прихода по бюджету полагается 5.260,000) составляютъ личную собственность владѣтеля этого маленькаго княжества.

Такимъ же патріархальнымъ порядкомъ устроило свои дѣла, по примѣру главы государства, и вѣрноподданное его дворянство. Оно владѣло другой половиной земель, около 520,000 дес., которыя подѣлены были между 995 крупными собственниками; изъ нихъ было рыцарскихъ имѣній 865 и прочихъ крупныхъ помѣстій 133.

На помѣщичьихъ земляхъ водворены 1,302 семейства наслѣдственныхъ оброчниковъ (Erbpächter), 4,122 срочныхъ арендаторовъ (Zeitpächter) и 9,945 огородниковъ и однодворцевъ (Häusler, Bündner), владѣющихъ тоже на правахъ съемщиковъ усадьбами безъ полевыхъ угодій.

Селеній крестьянъ-собственниковъ всего 4.

Монастырскихъ имѣній 3.

Такимъ образомъ, вся поземельная собственность въ странѣ, имѣющей около $^1/_2$ мил. жителей, принадлежитъ 1 герцогу и 1,000 землевладѣльцамъ. Львиная часть—герцогская; его удѣлъ заключаетъ въ себѣ 2,684 подворныхъ участка (Hüfen), каждая въ 700—800 морг., на которыхъ поселены очень зажиточные крестьяне-оброчники; во всемъ герцогствѣ считается всего обязанныхъ поселянъ и оброчныхъ крестьянъ 15,369 семействъ; все прочее сельское населеніе состоитъ изъ безземельныхъ батраковъ (29,000 семействъ) и поденщиковъ, чернорабочихъ (около 21,000).

Это положеніе вещей, подготовленное въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ настоящаго сносомъ крестьянскихъ дворовъ

(Legung der Bauernhöfe), поддерживалось до новѣйшихъ временъ правительственными мѣрами и въ особенности вотчинной властью дворянъ; и, что всего замѣчательнѣе, мѣры эти, вполнѣ соотвѣтствуя ученію такъ называемой раціональной агрономіи, одобрялись авторитетами науки сельскаго хозяйства и политической экономіи; отмѣна общиннаго землевладѣнія, размежеваніе черезполосности, закрѣпленіе имѣній за дворянскими родами и въ особенности опека, предоставленная землевладѣльцамъ надъ крестьянскими хозяйствами,—всѣ эти мѣры дѣйствительно способствовали къ усиленію производительности и обогащенію страны; крестьяне, надѣленные усадьбами, приковывались къ имѣніямъ, гдѣ были поселены, и, не имѣя полевыхъ угодій, принуждены были наниматься въ батраки и рабочіе; лучшіе изъ нихъ выбирались для арендованія земель; имъ отводились очень крупные участки до 200 десятинъ и хозяйства ихъ процвѣтали такъ же, какъ и господскія; такимъ образомъ, эта строго-охранительная политика дѣйствительно охраняла главнѣйшіе интересы земледѣльческой культуры, изобиліе и дешевизну рабочихъ рукъ и арендованіе земель самостоятельными крестьянами съемщиками.

Но по мѣрѣ того, какъ продолжалась эта система управленія и удерживалась благодѣтельная власть высшихъ сословій надъ низшими, обнаруживалось и ея пагубное вліяніе на соціальный бытъ; эмиграція изъ Мекленбурга принимала все бо́льшіе размѣры; она достигала до 1% въ годъ со всего населенія герцогства; въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, уже и безъ того рѣдко населенныхъ (1,394 жителя на квадр. м.), она была особенно сильна; на 100 человѣкъ эмигрантовъ приходилось 60 батраковъ и поденщиковъ; разсчитано, что ежегодно выселяется изъ этихъ сословій 1,78%, или 1 человѣкъ изъ 56.

Съ 1851 по 1854 г. даже сократилось общее населеніе герцогства, несмотря на сильное приращеніе жителей въ городахъ; число браковъ и законнорожденныхъ тоже уменьшилось, вслѣдствіе круглаго неимущества сельскихъ сословій; наконецъ, дѣйствіе вотчинной власти на народный бытъ всего лучше характеризуется тѣмъ, что изъ общаго числа рекрутъ 3,744, поступившихъ на службу въ 1858—1861 гг., было грамотныхъ 554 [8]).

Мы нарочно описали съ нѣкоторою подробностію эти мек-

ленбургскіе порядки, потому что они представляютъ намъ полный примѣръ тѣхъ результатовъ, которые достигаются помѣстными сословіями, когда имъ предоставляется хозяйственная опека надъ низшими классами. Правда, Мекленбургъ всегда описывается нѣмецкими публицистами какъ страна исключительнаго феодальнаго преобладанія, запоздалая и отставшая отъ нѣмецкой культуры; но это представленіе не совсѣмъ вѣрно и намъ сдается, что она скорѣе можетъ служить типомъ, образцомъ того устройства, котораго домогались высшія сословія во всѣхъ нѣмецкихъ и другихъ земляхъ, и котораго они отчасти и достигли въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и не въ такомъ полномъ видѣ, какъ въ этомъ богоспасаемомъ Мекленбургскомъ герцогствѣ. Разница состоитъ только въ томъ, что здѣсь владычество помѣстнаго сословія удержалось нѣсколько долѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, что оно устояло и противъ либеральнаго духа, повѣявшаго изъ Франціи въ 1830 г. и противъ революціонной бури 1848 г., и дало возможность продолжить и довести до конца сложную операцію обезземеленья крестьянъ, которую извѣстный нѣмецкій историкъ Шлёцеръ называлъ еще въ тридцатыхъ годахъ олигархическимъ опустошеніемъ (oligarchische Verwüstung). Она продолжалась въ Мекленбургѣ нѣсколько лѣтъ, 10 или 20, долѣе чѣмъ въ Помераніи, Ганноверѣ, Гессенъ-Касселѣ, и потому довершила разореніе крестьянскаго сословія, предсказанное Шлёцеромъ; но вездѣ въ нѣмецкихъ земляхъ примѣнены были тѣ же принципы, произведены были тѣ же попытки, приступлено было къ таковымъ же мѣрамъ, подъ таковымъ же благовиднымъ и подложнымъ предлогомъ улучшенія быта крестьянъ— и, если въ большей части Германіи окончательное поглощеніе крестьянскихъ владѣній помѣстнымъ не совершилось, то этимъ Германія обязана не себѣ, не мудрости своихъ правителей, не воздержности своего дворянства, а двумъ революціямъ въ сосѣдней странѣ, Франціи, которыя замутили нѣмецкое крестьянство и разстроили планы и политику германскихъ рыцарей-помѣщиковъ.

Разсмотрѣвъ поземельныя отношенія въ разныхъ частяхъ

Германіи, мы переходимъ къ такому же обзору личныхъ отношеній землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ; но по этому предмету должны ограничить наши изслѣдованія Прусскимъ королевствомъ, въ прежнемъ его составѣ, до основанія имперіи, такъ какъ общее описаніе аграрнаго положенія во всѣхъ германскихъ штатахъ было бы, съ одной стороны, слишкомъ сбивчиво по разнородности выводовъ, съ другой и не полно по недостатку свѣдѣній по нѣкоторымъ изъ нихъ.

Вообще этотъ предметъ, т.-е. различіе жителей по ихъ промысламъ и хозяйственнымъ занятіямъ, очень недавно вошелъ въ кругъ статистическихъ изслѣдованій; вопросъ этотъ былъ впервые возбужденъ на статистическихъ конгрессахъ 1855—1860 гг. и по сіе время разработанъ, хотя далеко не удовлетворительно, только въ Англіи и Пруссіи. Въ этихъ двухъ государствахъ теперь появляется отъ времени до времени перечень жителей по промысламъ (Statistik d. Berufsarten), причемъ, однако, каждый разъ обнаруживаются огромныя разности между прежними и новыми исчисленіями и новыя недоразумѣнія.

Между тѣмъ очевидно, что при современномъ соціальномъ положеніи Европы нѣтъ вопроса болѣе важнаго, какъ приведеніе въ извѣстность этихъ отношеній собственниковъ къ пролетаріямъ, хозяевъ къ рабочимъ, землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, и именно личныхъ и числовыхъ ихъ отношеній. Такъ, напримѣръ, изъ предъидущихъ нашихъ изслѣдованій оказывается въ Пруссіи балансъ землевладѣнія, повидимому очень выгодный для общей массы народа: болѣе половины всѣхъ угодій (des Areals) принадлежитъ крестьянству и на основаніи этихъ данныхъ, этихъ межевыхъ исчисленій и кадастровыхъ оцѣнокъ, всѣ нѣмецкіе экономисты описывали по сіе время аграрный строй въ Пруссіи, какъ имѣющій преимущественно демократическій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и консервативный характеръ, опирающійся на плотную массу крестьянъ-собственниковъ и осѣдлыхъ хлѣбопашцевъ.

Но изъ кого состоитъ это, такъ-называемое, крестьянское сословіе? Кому и сколькимъ хозяевамъ принадлежитъ эта большая часть государственной территоріи? Какъ распредѣляется участковое землевладѣніе внутри сельскихъ обществъ? Эти вопросы, которые еще только-что возбуждаются въ наше

время и по мѣрѣ ихъ разработки открываются факты, существенно измѣняющіе прежніе выводы и сужденія.

Мы выше привели исчисленія прусскаго статистическаго бюро (стр. 246), по коему всѣ земли разбиты на три категоріи и оказывается крестьянскаго владѣнія 41 мил. моргеновъ противъ $27^1/_2$ мил., принадлежащихъ рыцарямъ-помѣщикамъ. Теперь постараемся разобрать, кому принадлежатъ эти 41 милліонъ моргеновъ, называемыхъ крестьянскими, и какъ они распредѣляются между крестьянами.

Мы должны еще напомнить читателю, что по тѣмъ же оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ домохозяевъ изъ крестьянъ считалось: полныхъ хозяевъ (въ 1851 году) 359,668 и мелкихъ 556,104, всего домохозяевъ-собственниковъ 915,772.

Такъ было въ 1815 году.

Въ новѣйшемъ сочиненіи, разработанномъ тоже по оффиціальнымъ источникамъ и изданномъ въ 1873 году (M. Wirth, „Grundrüge d. Nat. Oec.“ IV B. Ss. 217 и ff), мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

По переписи 1867 года считалось всѣхъ жителей въ Пруссіи	23.970,941	ж. об. п.
При распредѣленіи ихъ по промысламъ считалось по категоріи земледѣлія (Landwirtshchaft)	11.527,440	»
Изъ того числа: нанимателей съ ихъ семействами (Arbeitgeber и deren angehörige).	5.761,436	»
наемниковъ (Arbeitnehmer mit Angehorigen.	5.976,004	»

Но такая классификація не даетъ еще вѣрнаго обозрѣнія о распредѣленіи поземельнаго владѣнія, такъ какъ къ нанимателямъ (Arbeitgeber) отнесены, кромѣ собственниковъ, арендаторы, управляющіе и другіе разночинцы. Въ той же книгѣ (Вирта) мы находимъ другія свѣдѣнія болѣе обстоятельныя, но относящіяся къ другому году (1861), которыя представляютъ слѣдующія довольно полныя данныя о числѣ землевладѣльцевъ.

Всѣхъ сельскихъ жителей земледѣльцевъ считалось въ Пруссіи	8.399,730	ж. об. п.
Изъ нихъ собственниковъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, какъ главнымъ промысломъ (als Hauptgewerbe).	761,739	»
и какъ побочнымъ промысломъ (als Nebengewerbe) . . .	360,507	»
Итого.	1.122,246	ж. об. п.
Арендаторовъ (Pachter)	60,805	»

Женъ, дѣтей и домочадцевъ (Angehörige).	4.970,674	ж. об. п.
Директоровъ, инспекторовъ и др.	32,651	»
Батраковъ и служителей мужескаго пола	558,435	»
Служителей женскаго пола (Mägde)	500,532	»
Поденщиковъ мужскаго пола.	574,937	»
» женскаго »	565,819	»

Итакъ, сопоставляя исчисленія 1851 съ этими числами за 1861, мы находимъ, что число хозяевъ-нанимателей, показанное въ первой изъ этихъ переписей (915,772), не вполнѣ соотвѣтствуетъ числу собственниковъ (Eigenthümer) по второй переписи (1.122,246). Это происходитъ отъ невозможности опредѣлить съ точностью, кто изъ крестьянъ-хозяевъ нанимаетъ рабочихъ, кто изъ нихъ воздѣлываетъ самъ свою землю и кто, наконецъ, нанимается самъ на чужую работу. Кажется, къ послѣдней категоріи наемниковъ (Arbeitgeber) слѣдуетъ отнести весь классъ крестьянъ, означаемый терминомъ Kleine landliche Stellen (556,104) и что большая часть изъ нихъ промышляетъ преимущественно заработками, а не хлѣбопашествомъ.

Собственниковъ въ полномъ смыслѣ слова можно признать изъ сельскихъ сословій только: а) рыцарей-помѣщиковъ около 12,000, и б) полныхъ хозяевъ-крестьянъ около 360,000, а если считать при нихъ женъ и дѣтей по 4 души на семейство, то весь классъ землевладѣльцевъ въ Пруссіи будетъ

равенъ.	1.488,000	об. п.
а такъ какъ сельскихъ жителей всего	8.399,700	»
то остатокъ будетъ.	6.911,700	»

9)

Вышеприведенныя данныя не подтверждаютъ мнѣнія, принятаго нѣмецкими экономистами и повторяемаго на всѣхъ тонахъ ихъ соплеменниками въ другихъ государствахъ, будто бы Германія отличается твердой организаціей своего крестьянскаго сословія. Составъ этого сословія дѣйствительно плотный и твердый; но онъ принялъ корпоративный характеръ и общій уровень благосостоянія его возвысился оттого собственно, что изъ него была выкинута масса народа, три человѣка изъ четырехъ. Точно такъ, какъ нельзя судить о добротѣ почвы и изобиліи урожая, если для выводовъ избираются лучшія десятины и откидываются худшія,—такъ нельзя оцѣнить и благосостояніе народа, или судить о немъ по об-

разцовымъ хозяйствамъ меньшинства жителей, не принимая въ разсчетъ разстройство и стѣсненіе большинства.

А этотъ-то пріемъ всегда и употребляется для восхваленія нѣмецкой культуры,—пріемъ очевидно неправильный.

Чтобы возстановить значеніе этой культуры въ отношеніи къ землевладѣнію въ истинномъ ея смыслѣ, не утаивая ни вредныхъ, ни благихъ ея дѣйствій и послѣдствій, нужно отчетливо себѣ представить историческій ходъ этого аграрнаго устроенія, всѣ превратности, черезъ которыя оно проходило и окончательный результатъ, достигнутый современною цивилизаціей.

Главныя черты таковой характеристики будутъ слѣдующія:

1) Первая основа землевладѣнія во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ — завоеваніе, захватъ земель у туземцевъ и передѣлъ ихъ между иноземцами. Это насильственное завладѣніе происходило и въ другихъ странахъ Европы, но нигдѣ такъ строго, какъ въ земляхъ, занятыхъ саксонцами, въ Англіи и Сѣверной Германіи; франкскія страны отчасти избѣгли этой всенародной экспропріаціи, потому что орды завоевателей состояли изъ равныхъ, рядовыхъ ратниковъ, простыхъ людей, которые удовольствовались небольшими клочками земли, подѣлили ихъ между собой ровно и продолжали изъ вѣка въ вѣкъ дѣлить ихъ между наслѣдниками также по равнымъ частямъ. Но между саксонцами именитыхъ людей, вождей, дружинниковъ было больше и они были сильнѣе, чѣмъ въ другихъ племенахъ; предводительствуя шайками наемныхъ, вербованныхъ ополченцевъ, они съ ними не дѣлились, забирали землю на себя и оставляли первобытнымъ жителямъ ту часть, которая нужна была для поддержанія рабочей силы, требуемой для воздѣлыванія господскихъ полей.

Это было исходное положеніе, изъ котораго развилась вся соціальная и юридическая организація поземельной собственности въ этихъ странахъ; помѣстное владѣніе сдѣлалось и осталось цѣлью, главнымъ предметомъ аграрнаго устроенія, и крестьянское относилось къ нему, какъ средство къ цѣли, какъ орудіе къ производству, какъ рабочая сила къ хозяйству. Покуда эта сила была рѣдка, рабочее населеніе малочисленно, землевладѣльцы ею дорожили и потому въ продолженіи среднихъ вѣковъ положеніе крестьянства было еще

сносное; англосаксонскіе ландлорды, отобравъ земли, даровали землевладѣльцамъ полную гражданскую свободу; нѣмецко-саксонскіе помѣщики обращались съ ними милостиво и старались удержать какъ вольныхъ людей, такъ и крѣпостныхъ на своихъ земляхъ, около своихъ запашекъ.

2) Въ первыя столѣтія новѣйшей исторіи, XVI и XVII вѣкѣ, обстоятельства нѣсколько измѣнились; олигархическіе элементы восторжествовали въ нѣкоторыхъ континентальныхъ странахъ и открылся періодъ опустошенія крестьянскихъ хозяйствъ; это было время грубаго насилія, простого грабительства; солдатскія шайки разбирали цѣлыя селенія, разводили костры изъ крестьянскихъ строеній, кормились грабежомъ; ихъ предводители присвоивали себѣ разграбленныя имущества, изгоняли обывателей изъ смежныхъ деревень и присоединяли пустые дворы къ своимъ господскимъ запашкамъ. Когда, послѣ Вестфальскаго мира, водворились опять тишина и порядковъ, половина дѣла была уже сдѣлана, матеріальныя выгоды помѣстнаго сословія обезпечены, земли крѣпостныхъ и обязанныхъ поселянъ окончательно признаны господскимъ владѣніемъ, а вольные люди, прежніе собственники, сохранившіе еще номинальное право собственности, подведены подъ вѣдомство вотчинныхъ начальниковъ, тѣхъ же дворянъ-землевладѣльцевъ.

Оставалось только узаконить всѣ неправды прежнихъ столѣтій, оправдать по соображеніямъ высшей пользы всякія частныя и мелкія беззаконія, найти юридическую основу для захвата чужихъ имуществъ и благовидный предлогъ для продолженія этой политики.

Все это нашлось въ Германіи, и страна эта оказала дѣйствительно большую услугу гражданскому и общественному строю современныхъ обществъ тѣмъ, что выработала цѣлую науку помѣстнаго права, сельскаго хозяйства и политической экономіи, совершенно согласную съ интересами имущественныхъ классовъ, и подтверждающія ихъ права раціональными, научными выводами.

Съ половины XVII столѣтія юриспруденція и судебная практика занялись прилежно, неотступно этимъ дѣломъ, пріисканіемъ ученыхъ формулъ и техническихъ терминовъ для этого вида владѣнія, такъ называемаго вотчиннаго и патри-

моніальнаго; устами ученыхъ докторовъ правъ и опытныхъ законовѣдовъ провозглашены были новыя начала, глубокомысленныя теоріи съ латинскими названіями, которыя всѣ сводились къ тому,—что помѣстному классу землевладѣльцевъ принадлежитъ нѣкоторое право господства надъ всѣми прочими, что это право (dominium eminens) имѣетъ значеніе первенства надъ всѣми другими правами частной собственности, что оно даетъ владѣльцу власть (potestas), независимую отъ имущества (proprietas) и уполномочиваетъ его имѣть попечительство и надзоръ надъ всѣми обывателями, приписанными къ его сельскому округу (Gutsbezirk). Впрочемъ, эти понятія около того же времени распространились и во всѣхъ краяхъ Европы, но съ тою разницею, что въ другихъ странахъ они были смутны и безсознательны, принимались какъ факты, не требующіе подтвержденія или какъ темныя преданія неуловимыхъ народныхъ обычаевъ; между тѣмъ какъ въ Германіи они дошли до полнаго сознанія, были формулированы какъ символъ вѣры и составили полный кодексъ помѣстнаго и вотчиннаго права владѣнія, сохранившій свою силу до новѣйшихъ временъ въ умахъ и чувствахъ родовитыхъ сословій германской расы.

3) Когда начались первыя попытки освобожденія крестьянъ, въ началѣ XVIII столѣтія, дворянство уже успѣло застраховать себя отъ всякихъ случайностей: оно пользовалось властію, независимою отъ крѣпостного права и болѣе широкою и существенною, вотчинною—которая распространялась на цѣлые округа и на всѣ классы сельскихъ обывателей.

Этою властью помѣстное сословіе воспользовалось для лучшаго устройства своихъ дѣлъ, а также и крестьянскихъ хозяйствъ; упраздненіе многихъ крестьянскихъ дворовъ (das Abschlachten der Bauernhöfe), разверстаніе общинныхъ земель (Gemeinheitstheilung), размежеваніе черезполосныхъ владѣній (Separation) и округленіе дачъ (Verkopelung), производились съ двоякою цѣлію—улучшенія господскихъ владѣній и въ то же время устройства крупныхъ, самостоятельныхъ подворныхъ участковъ, которые надѣлялись лучшимъ, исправнѣйшимъ домохозяевамъ изъ крестьянъ.

Всѣ эти операціи производились постепенно и очень мед-

ленно въ теченіи всего XVIII столѣтія и первой половины XIX-го и при двухъ условіяхъ, которыя были соблюдены повсемѣстно: первое—чтобы, до окончательнаго разсчета съ крестьянами, дворянство сохраняло свою патримоніальную юрисдикцію, второе—чтобы правительство не вмѣшивалось въ эти разсчеты и не давало пособій крестьянамъ.

Совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ мѣръ, при строгомъ соблюденіи вышеупомянутыхъ условій, высшія сословія надѣялись достигнуть главной своей цѣли — покончить свои разсчеты съ крестьянами безъ убытка, оставить на мѣстахъ только зажиточнѣйшихъ изъ нихъ, и принудить всѣхъ прочихъ къ добровольной уступкѣ, продажѣ и обмѣну своихъ угодій.

4) Разсчеты эти были вѣрны и ожидаемые результаты были достигнуты, если и не повсемѣстно и не вполнѣ, то въ большей части нѣмецкихъ земель и въ такой мѣрѣ, что исходъ крестьянской реформы оказался вполнѣ благопріятнымъ для помѣстнаго сословія. Правда, французскія революціи 1830 и 1848 гг. прервали мирный ходъ этихъ германскихъ преобразованій, но только прервали, а не пріостановили; съ замѣчательнымъ политическимъ тактомъ уступали рыцари-помѣщики духу времени, демократическимъ ученіямъ, нѣкоторую, по возможности малѣйшую, часть своихъ привилегій, но немедленно по усмиреніи уличныхъ смутъ принимались опять за свое дѣло, выступали опять, какъ опора престола и отечества, на первый планъ и отодвигали на нѣсколько лѣтъ разрѣшеніе аграрныхъ вопросовъ.

Вся политика ихъ состояла въ томъ, чтобы выиграть время, избѣгнуть понудительнаго выкупа крестьянскихъ земель, увѣрить правительство, что оно можетъ обойтись безъ пособій и затратъ отъ казны и воспользоваться безконечными отсрочками, чтобы разрѣшить по-своему разсчеты съ крестьянами.

Такимъ образомъ, мирнымъ путемъ былъ довершенъ переворотъ, начатый насильствомъ, и земли переходили во владѣніе крупныхъ собственниковъ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, по естественному ходу вещей и вслѣдствіе общихъ экономическихъ законовъ. По мѣрѣ того, какъ отсрочивалось окончательное разрѣшеніе выкупной операціи, земли

дорожали, цѣны на всѣ сельскіе продукты возвышались, арендная плата утроилась въ теченіи послѣдняго столѣтія; землевладѣльцы соразмѣрно этому возвышали и требуемую выкупную сумму, а земледѣльцы принуждались уступать имъ въ полную собственность участки, которые не могли выкупить.

5) Но преобразованія эти совершались не только въ пользу помѣстнаго сословія, но и къ выгодѣ сельскаго хозяйства вообще, народнаго богатства и производительности. Всѣ эти мѣры, какъ сносъ крестьянскихъ дворовъ, разверстаніе общинныхъ земель, размежеваніе черезполосностей, имѣли значеніе прочистки помѣстій, какъ они и назывались въ Англіи, (clearing of estates). Крестьянство тоже участвовало въ этихъ выгодахъ; оно подраздѣлилось на три главныя состоянія, изъ коихъ первое—тяглые хозяева—по размѣрамъ владѣнія и по способу веденія хозяйства ничѣмъ не отличаются отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ: они также держатъ батраковъ, нанимаютъ рабочихъ и сдаютъ земли въ аренду.

Улучшеніе ихъ быта несомнѣнно, и вліяніе этого многолюднаго класса зажиточныхъ домохозяевъ изъ простонародья имѣетъ и будетъ имѣть въ будущности громадное значеніе; сливаясь постепенно съ низшими разрядами дворянъ-землевладѣльцевъ, участвуя наравнѣ съ ними въ выгодахъ сельскаго хозяйства, заинтересованные не менѣе рыцарства въ поддержаніи высокихъ цѣнъ на имущества и низкой платы за трудъ, они образуютъ передовой отрядъ охранительной партіи, едва ли не сильнѣйшій, чѣмъ главный корпусъ.

Вліяніе ихъ на сельскохозяйственную культуру, безспорно, благотворное: въ то время, какъ въ Англіи всѣ земледѣльцы поголовно были вытѣснены изъ землевладѣнія и обращены въ пролетаріевъ, а во Франціи хлѣбопашцы постепенно, отъ семейныхъ раздѣловъ и вольной продажи, превращались въ огородниковъ и бобылей,—въ Германіи были избѣгнуты обѣ эти крайности. Часть крестьянъ, не большая, но лучшая, была отдѣлена и спасена отъ разоренія, подворные участки этихъ крестьянъ были приняты, какъ и дворянскія помѣстья, подъ особое покровительство закона, признаны нераздѣльными, заповѣдными имуществами и такимъ образомъ пріу-

рочены къ рыцарскимъ фидеикоммиссамъ по порядку владѣнія и единонаслѣдія.

Порядки эти, очевидно, должны были способствовать улучшенію культуры и, такимъ образомъ, рядомъ и наравнѣ съ процвѣтающими господскими запашками и благороднымъ рыцарствомъ (Ritterschaft), образовались столь же благоустроенныя крестьянскія хозяйства и такое же твердое крестьянское сословіе (kräftiger Bauernstand).

6) Отъ этихъ двухъ классовъ, которые вмѣстѣ составляютъ аристократическій элементъ современныхъ обществъ, отдѣляются далеко и глубоко сельскіе пролетаріи различныхъ наименованій—Bündner, Gartner, Kossathen, Dienstboten, Gesinde и Knechten.

Они образуютъ посреди новѣйшей культуры безпорядочные слои сора и брака, оставшіеся неубранными при прочисткѣ господскихъ помѣстій, прочисткѣ, произведенной по всѣмъ правиламъ раціональной агрономіи и политической экономіи; они дѣйствительно мѣшали прогрессу и улучшенію культуры; въ ихъ грязныхъ хижинахъ зарождались болѣзни, ихъ огороды загораживали выгоны и дороги, ихъ тощія коровы и свиньи паслись безъ присмотра, объѣдая молодую поросль лѣсовъ и травя смежныя поля; сами они занимались разными недозволительными промыслами: лѣсными порубками, полевыми потравами, конокрадствомъ и т. п. нарушеніями права собственности.

Поэтому можно признать, что въ агрономическомъ и экономическомъ отношеніи обезземеленье этихъ бѣднѣйшихъ и слабѣйшихъ сельскихъ обывателей принесло несомнѣнную пользу. Въ соціальномъ отношеніи оно породило большія опасности, предвѣстниками коихъ служатъ волненія и смуты новѣйшихъ временъ.

Рознь сословій, антагонизмъ между собственниками и рабочими нигдѣ не поставлены въ такія непримиримыя условія, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ; нигдѣ они не пустили такихъ глубокихъ и широкихъ корней.

Въ Англіи сословіе землевладѣльцевъ такъ малочисленно, что они рано или поздно принуждены будутъ уступить и вѣроятно уступятъ дружелюбно требованію радикальной аграр-

ной реформы; во Франціи крестьянское сословіе хотя и многолюдно (болѣе 3 мил. домохозяевъ), но малоземельно и владѣетъ всего 17% всѣхъ удобныхъ земель.

Въ Пруссіи, число крестьянъ-собственниковъ меньше, около 1 мил., но они несравненно богаче и самостоятельнѣе, владѣя почти половиной государственной территоріи. Поэтому аграрные и соціальные вопросы имѣютъ въ Германіи другой характеръ, чѣмъ въ прочихъ государствахъ; это не борьба между аристократическимъ и демократическимъ элементами, какъ въ Англіи, или между среднимъ сословіемъ (буржуазія) и пролетаріатомъ, какъ во Франціи, но семейная и домашняя распря внутри сельскихъ обществъ, между крестьянами, изъ коихъ старшіе братья надѣлены полными подворными участками, а младшіе нанимаются у нихъ въ батраки и чернорабочіе. Силы обѣихъ партій тоже ровнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; въ матеріальномъ и денежномъ отношеніи тяглые домохозяева (Spannfähige Bauern), вполнѣ обезпеченные и заинтересованные не менѣе помѣстнаго сословія въ поддержаніи нынѣшнихъ порядковъ — землевладѣнія, составляютъ, вмѣстѣ съ дворянами-рыцарями, твердую непоколебимую опору охранительной политики. Съ другой стороны, сельскіе пролетаріи по численности своей вдвое сильнѣе и, благодаря новѣйшимъ кредитнымъ учрежденіямъ, начинаютъ тоже запасать громадныя суммы изъ трудовыхъ своихъ сбереженій, стараясь по сіе время безуспѣшно, но не безнадежно выйдти изъ наемной кабалы и пріобрѣсти себѣ гдѣ-либо какое-нибудь недвижимое имущество.

Но цѣнность имуществъ ростетъ еще быстрѣе, чѣмъ рабочая плата и накопляющіяся отъ нея сбереженія, и исхода изъ этого смутнаго положенія не видно; — видно только то, что въ нѣмецкихъ земляхъ народы раздѣляются на двѣ равныя и равносильныя половины, готовящіяся къ борьбѣ во всеоружіи матеріальныхъ и умственныхъ силъ.

Такъ какъ этимъ мы и заканчиваемъ наши изслѣдованія о германскомъ поземельномъ бытѣ, то постараемся выразить въ заключеніе общую его характеристику, чтобы далѣе перейти къ сравненію нѣмецкаго общественнаго строя съ

нашимъ русскимъ. Мы имѣли при этомъ описаніи преимущественно въ виду Пруссію, именно восточныя ея области, потому что въ нихъ сохранился до новѣйшихъ временъ полнѣйшій образецъ чисто-германскаго, кровно-саксонскаго быта. Въ другихъ частяхъ Германіи повліяли на поземельныя отношенія разные инородные элементы: на юго-западѣ французскіе обычаи равноправнаго наслѣдованія, на юго-востокѣ славянскіе порядки общиннаго владѣнія и семейныхъ раздѣловъ, и хотя ни тѣ, ни другіе окончательно не восторжествовали надъ саксонскимъ элементомъ, но отъ примѣси ихъ утратились нѣкоторыя черты чисто-кровнаго германскаго быта.

Отъ этого наше описаніе можетъ показаться нѣсколько одностороннимъ, неполнымъ. Но, съ другой стороны, еслибъ мы предприняли, по примѣру другихъ писателей, дать общее понятіе объ организаціи землевладѣнія во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, то мы бы только затемнили вопросъ разнородностью и сбивчивостью свѣдѣній. Типомъ германской общественности были и остались восточныя области Пруссіи и между ними Померанія; изъ Помераніи, какъ изъ центра, выростали вѣтви этого могущественнаго корня, разстилались на всѣ смежныя области, Мекленбургъ, Бранденбургъ, Шлезвигъ, Голштейнъ, Ольденбургъ, Ганноверъ, проникая и въ чужія края, Данію, Богемію, Литву, Польшу, Лифляндію и Курляндію.

Въ чемъ же заключается этотъ типическій первообразъ такъ-называемой нѣмецкой культуры? Это вопросъ особенно важный для Россіи, такъ какъ мы находимся съ ней въ непосредственномъ соприкосновеніи и должны или принять ее, или вступить съ нею, рано или поздно, въ неминуемую борьбу.

Изъ вышеизложеннаго описанія можно кажется составить себѣ такое общее понятіе — что вездѣ, куда проникало саксонское завоевательное племя (въ Англіи, какъ и въ Германіи), оно присвоивало себѣ земли туземцевъ, по крайней мѣрѣ бо́льшую ихъ часть, и затѣмъ послѣдовательно, неуклонно старалось о поддержаніи этихъ земель въ наилучшемъ порядкѣ, а прочихъ иноплеменныхъ жителей въ строжайшей дисциплинѣ. Само собой разумѣется, что и во всѣхъ прочихъ странахъ, высшія сословія имѣли подобныя же стрем-

ленія, но не имѣли такой способности организоваться и такого умѣнья воспользоваться обстоятельствами для лучшаго устроенія своихъ дѣлъ. Искуснѣе всѣхъ дѣйствовало англійское помѣстное сословіе, подѣлившись великодушно съ прочими жителями гражданскими правами взамѣнъ недвижимыхъ имуществъ, отобранныхъ безъ остатка ландлордами саксонской расы.

Въ Германіи та же политика проводилась съ большою умѣренностью и медленностью, такъ что революціонныя смуты нашего времени застали помѣстные классы на полдорогѣ; экспропріація крестьянъ была довершена въ нѣкоторыхъ областяхъ, но въ бо́льшей части нѣмецкихъ земель дѣло было сдѣлано на-половину, или на двѣ-трети и остальная, меньшая часть крестьянъ была спасена отъ обезземеленья по обстоятельствамъ, независимымъ ни отъ мѣропріятій правительствъ, ни отъ великодушія рыцарей-помѣщиковъ, ни отъ иниціативы самихъ крестьянъ, а потому только, что изъ другихъ странъ подулъ вѣтеръ, противный культурнымъ слоямъ нѣмецкихъ земель. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что окончательному прекращенію феодальныхъ правъ и обязательныхъ повинностей въ Германіи содѣйствовали французскія революціи 1789, 1830 и 1848 гг. болѣе, чѣмъ благія предначертанія Штейна и прусскихъ королей, и что въ остзейскихъ нашихъ губерніяхъ обезземеленье крестьянъ совершилось бы окончательно и безпрепятственно, если бы положеніе о крестьянахъ великороссійскихъ губерній 1861 года не послужило для нѣмецкаго дворянства предостереженіемъ, впрочемъ еще не вовсе безнадежнымъ.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время можно считать, что германская культура остановилась на слѣдующемъ моментѣ: помѣстные классы утратили большую часть своихъ корпоративныхъ привилегій, но сохранили невредимо всѣ свои имущественныя права и отъ эмансипаціи крестьянъ выгадали несравненно болѣе, чѣмъ вольноотпущенные ими люди.

Крестьянское сословіе раскололось на два класса: крестьянъ-собственниковъ (Vollbauern) и пролетаріевъ; первые пользуются безспорно такимъ благосостояніемъ, какого въ другихъ странахъ никогда не достигали низшіе классы народа. Это и есть, по нашему разумѣнію, преобладающая черта гер-

манскаго общественнаго строя. Принципы замкнутаго владѣнія и единонаслѣдія, которыя въ другихъ странахъ составляли привилегію и отличіе высшихъ сословій, въ Германіи были распространены на низшія, несомнѣнно способствуя процвѣтанію хозяйства и благосостоянію того разряда крестьянъ, который наслѣдовалъ изъ рода въ родъ цѣльные, округленные и размежеванные подворные участки.

Крестьянство во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ сомкнулось, точно такъ какъ и дворянство, въ плотную и однородную массу поземельныхъ собственниковъ, нанимателей, хозяевъ, и отъ обоихъ этихъ имущественныхъ сословій отдѣлилась далеко и безвозвратно другая масса малоземельныхъ крестьянъ (kleine ländliche Stellen), по-русски бобылей, а позади ихъ батраки и поденщики, сельскій пролетаріатъ. Этимъ и различается глубоко и рѣзко германская культура отъ великороссійскаго быта, который основанъ на противоположномъ принципѣ равнаго надѣла всѣхъ рабочихъ людей [10]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Geschlossenheit oder Gebündenheit der Bauernhöfe. Для уразумѣнія соціальнаго строя въ нѣмецкихъ земляхъ, нужно съ особенною точностью опредѣлить понятіе о заповѣдномъ или заказномъ владѣніи крестьянскими дворами. Оно было заимствовано отъ помѣстнаго дворянскаго владѣнія, гдѣ уже издавна введено было маіоратное право и единонаслѣдіе (Fideicomissen); съ XVI столѣтія эти правила стали примѣняться и къ крестьянскимъ подворнымъ участкамъ, землевладѣльцы старались закрѣпить ихъ въ единственномъ владѣніи одного изъ членовъ семейства, не допуская ни семейныхъ раздѣловъ, ни раздробленія дворовъ, ни отчужденія земель безъ разрѣшенія вотчиннаго начальства. Такъ какъ эти мѣры вездѣ возбуждали сильное отвращеніе простого народа, то принимались разныя понудительныя косвенныя мѣры: самая дѣйствительная изъ нихъ—распоряженіе, по коему оброчныя и другія повинности оставались во всякомъ случаѣ и послѣ раздѣла на общей отвѣтственности всѣхъ членовъ семейства, такъ что на каждаго наслѣдника переходила вся масса отцовскихъ недоимокъ и платежей. Порядки наслѣдованія были слѣдующіе: подворный участокъ и состоящій при немъ хозяйственный инвентарь считались нераздѣльными; при смерти домохозяина наслѣдникъ назначался или вотчинникомъ въ крѣпостныхъ семьяхъ, или отцомъ семейства у вольныхъ

людей; если отецъ умеръ безъ завѣщанія, то кидался жеребій между сыновьями, или же, по мѣстнымъ обычаямъ, наслѣдовалъ старшій (maiorat) или младшій изъ братьевъ (minorat).—Домохозяинъ, выживший изъ рабочаго возраста, отставлялся отъ хозяйства и получалъ старческій выдѣлъ (Altentheil) обыкновенно въ запольныхъ участкахъ. Тяглымъ хозяевамъ (Vollbauern) запрещалось пріобрѣтать другіе участки (Zubangüter), или принимать кутниковъ-однодворцевъ на свои земли (Kossathen) болѣе положеннаго числа — обыкновенно 4. Младшимъ братьямъ и сестрамъ полагался выдѣлъ (Abfindung).

Право завѣщанія и распоряженія вообще распространялось только на движимое имущество, не приписанное къ инвентарю хозяина; въ случаѣ иска, разрѣшеніе продажи зависѣло отъ вотчинника. Маіоратъ и минораторъ существовали во многихъ мѣстностяхъ совмѣстно; въ Альтенбургѣ, Ольденбургѣ, Бременѣ, Вестфаліи, Шварцвальдѣ наслѣдовали по обычаю младшіе сыновья; въ австрійскихъ нѣмецкихъ областяхъ старшіе, въ Люнебургѣ у обязанныхъ поселянъ принято было наслѣдованіе по старшинству, а у вольныхъ людей по меньшинству.

Наконецъ, высшимъ правиломъ, первенствующимъ надъ всѣми порядками владѣнія и наслѣдованія было то, что, въ случаѣ неисправнаго веденія хозяйства, недозволенной продажи или заклада имущества, вообще поврежденія имѣнія (Deterioration des Gutes), хозяинъ, какой бы онъ ни былъ, срочный или пожизненный, или потомственный владѣлецъ, могъ быть смѣщенъ съ хозяйства (abgemeiert, abgestiftet) по распоряженію землевладѣльца.

Правила эти, кое-гдѣ существовавшія по древнимъ обычаямъ, были подтверждены и узаконены въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ Гессенѣ по уставу 1535 г., въ Мекленбургѣ въ 1562 г., въ Виртембергѣ въ 1585 г., въ Магдебургѣ въ 1652 г., въ Пруссіи въ 1702 г., въ Саксоніи въ 1732 г. Они имѣли огромное вліяніе на развязку крестьянской и другихъ реформъ послѣдующихъ столѣтій и принесли несомнѣнную пользу народному хозяйству вообще, но, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, только въ объективномъ смыслѣ. Объектъ былъ подворный участокъ (Bauernhof); онъ признавался нераздѣльнымъ полнымъ хозяйствомъ; охранялся отъ всякихъ растратъ и поврежденій, переходилъ въ цѣломъ составѣ къ одному владѣльцу; но субъектъ, крестьянинъ, при этомъ не принимался въ разсчетъ: хотя крестьянскій дворъ и признавался потомственнымъ владѣніемъ, но хозяинъ смѣнялся, если выходилъ изъ лѣтъ, точно такъ, какъ въ Россіи тягловой рабочій, по преклонности лѣтъ, увольнялся отъ тягла; за нерадѣніе и неисправность у него отбирали землю; выборъ наслѣдника подлежалъ утвержденію вотчинника; въ хозяйственныхъ своихъ распоряженіяхъ крестьяне подлежали строжайшему надзору.

Эту форму владѣнія нѣмецкіе публицисты называютъ очень правильно заказнымъ, запрещеннымъ, и она составляетъ главную характеристику аграрнаго строя во всѣхъ странахъ, гдѣ водворились землевладѣльцы чисто-германской, саксонской породы. Отъ дворянскихъ и рыцарскихъ порядковъ владѣнія, маіоратнаго или заповѣднаго крестьянское заказное отличается тѣмъ, что преемственность не была обезпечена домохозяевамъ изъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ была только условная, подначальная и зависѣла отъ усмотрѣнія начальства; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ къ подворнымъ участкамъ примѣнены

были главныя правила заповѣднаго владѣнія—нераздѣльность, неотчуждаемость, единонаслѣдіе.

Такимъ образомъ, подъ строгимъ надзоромъ и опекою высшаго сословія выростало и крѣпло другое сословіе землевладѣльцевъ изъ простого народа, связанное съ благородными вотчинниками общими интересами и исключительными правами на земли.

Отмѣна этихъ положеній и освобожденіе, мобилизація поземельной собственности послѣдовали только въ XIX столѣтіи: въ Пруссіи по эдикту 1811 г., въ Виртембергѣ въ 1809 г., въ Дармштадтѣ въ 1808 г. провозглашены были общіе принципы, что владѣльцу предоставляется свободное распоряженіе своею собственностью, и допущенъ, хотя съ разными ограниченіями, раздѣлъ подворныхъ участковъ; въ Ганноверѣ, Ольденбургѣ заказное владѣніе держалось еще дольше и отмѣнено было только въ 1851 и 1852 гг. Но даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣлимость крестьянскихъ дворовъ была допущена по закону, въ новѣйшее время дѣлались разныя попытки къ возстановленію прежнихъ порядковъ. Въ Баваріи въ 1855 г. изданъ законъ о дозволеніи учреждать заповѣдныя имѣнія, если податной окладъ съ имѣнія не менѣе 6 гульд. (3 р. 60 к.), а въ Гессенъ-Дармштадтѣ въ 1858 г., если участокъ не менѣе 60 морг. (15 дес.). По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, этими дозволеніями не воспользовался ни одинъ владѣлецъ и премудрыя узаконенія, изданныя для охраненія правъ собственности, остались мертвой буквой.

---

[2]) Обстоятельство, что освобожденіе крестьянъ въ Германіи совершилось безъ пособій отъ правительства, есть, по нашему мнѣнію, главная черта, характеризующая эти реформы въ нѣмецкихъ земляхъ и объясняющая необычайное развитіе и укрѣпленіе помѣстной крупной собственности въ ущербъ крестьянской, мелкой. Но еще болѣе выдается то обстоятельство, что дворянство долго и постоянно пользовалось щедрыми денежными субсидіями и кредитомъ, въ то время, какъ другая сторона, выкупавшая свои усадьбы и земли, должна была разсчитываться наличными деньгами. Сначала пособія дворянству давались въ видѣ милости: послѣ семилѣтней войны Фридрихъ Великій пожаловалъ рыцарству Помераніи 4½ милліона талеровъ, что дало возможность дворянству уплачивать изъ процентовъ капитала весь поземельный сборъ, наложенный на помѣщичьи имѣнія. По примѣру Фридриха и прочіе государи стали жаловать свои вѣрныя дворянства льготными грамотами въ вознагражденіе нѣкоторыхъ патримоніальныхъ правъ, которыя у нихъ отбирались; эти грамоты, называемыя Generalindulten, освобождали цѣлыя рыцарства (Ritterschaften) по извѣстнымъ провинціямъ или отъ платежа процентовъ, обыкновенно одной четверти, по казеннымъ займамъ, или отъ платежа процентовъ по частнымъ займамъ. По мѣрѣ того, какъ отмѣнялись крѣпостныя права, распространялись податныя льготы: Generalindult-ы изданы были въ Силезіи въ 1766 г., въ Помераніи въ 1768 г., въ Пруссіи платежи были отсрочены съ 1807 по 1818 г., въ Мекленбургѣ съ 1806 по 1828 г., въ Венгріи съ 1849 по 1858 г.

Въ то же время основаны были и поземельные банки съ строго-корпоративнымъ характеромъ, такъ-называемые ritterschaftliche Creditvereine, исклю-

чительно для землевладѣльцевъ, записанныхъ въ провинціальныя родословныя книги. Первоначально они вовсе не принимали недворянскихъ имуществъ: впослѣдствіи, уже въ XIX столѣтіи, были допущены и крестьянскія земли, но при извѣстномъ наименьшемъ размѣрѣ, который былъ такъ высокъ, что въ дѣйствительности подворные участки не могли пользоваться ссудами. Размѣры были слѣдующіе:

Въ поземельномъ банкѣ восточной Пруссіи принимались имѣнія цѣнностью не менѣе 500 тал., въ Виртембергскомъ 1000 гульд., въ Каленберскомъ (въ Ганноверѣ) крестьянскіе выкупленные дворы (Gutsherrenfreie Bauernhöfe) 6,000 тал., въ Бременскомъ подворные участки 5,000 тал., въ другихъ обществахъ вообще придерживались минимума отъ 500 до 1000 морг. (250 дес.) пространства или цѣнности до 1000 тал. Только въ новѣйшее время допущены были къ залогу мелкіе крестьянскіе участки (Kleiner bauerlicher Grundeigenthum); въ Силезіи по уставу 11 мая 1849 г. участки не менѣе 1 морг. и 20 тал. цѣнности, въ Прусской Саксоніи (20 мая 1864 г.), имѣнія до 50 тал. чистаго дохода, въ Лаузинѣ (30 октября 1865 г.) имѣнія цѣнностью 100 тал.

Для пособія крестьянамъ при выкупѣ повинностей кое-гдѣ учреждались банки и общества Ablösungscassen, Rentenbanken—въ Ганноверѣ съ 1842 г. въ Нассау 1849 г, въ Саксоніи 1861 г., въ Пруссіи съ 1851 г. Но общей мѣры для выкупныхъ ссудъ не принималось и кредитомъ пользовались почти исключительно крупные собственники. Такимъ образомъ, принимая, что крестьянская реформа началась въ началѣ настоящаго столѣтія, а выкупные банки основаны были, и то не повсемѣстно, въ 50 и 60 годахъ, выходитъ, что въ продолженіи 40—50 лѣтъ крестьяне не пользовались содѣйствіемъ правительствъ, а этого было достаточно, чтобы порѣшить все дѣло въ пользу другой стороны, пользовавшейся кредитомъ и податными льготами (Roscher „Nat.-Oec. d. Ackerb.“ § 123 133, 136).

---

[3]) Прусскія губерніи.	Число жителей на кв. милю.	Русскія губерніи.	Число жителей на кв. милю.
Кёнигсбергъ . . .	2,298	Кіевская	2,177
Гумбиненъ	2,249	Курская.	2,228
Маріенвердеръ . .	2,133	Московская	2,598
Бромбергъ	2,322	Подольская	2,424
Бреслау	2,549	Полтавская	2,117
Штральзундъ . . .	1,940	Тульская	2,069

---

[4]) Удобныхъ земель (Feld и Wald Areal) числилось въ Пруссіи:

	въ 1849 г.	1858 г.	1866 г.
	м о р г е н о в ъ.		
Усадебной земли.	1.307,700	1.402,582	*) 732,218
Пахатной	45.872,268	50.473,252	55.146,079

*) Къ этому надо причислить земель подъ строеніями (Hofraume) 1.075,664 морг.

	въ 1849 г.	1858 г.	1866 г.
	морговъ.		
Луговъ.	8.089,466	8.788,255	10.209,419
Выгоновъ *)	8.296,678	8.144,720	8.138,356
Лѣсу	19.795,858	24.913,335	26.800,029
Итого	82.361,970	93.722,144	101.026,101

---

[5]) Дворянскія имѣнія раздѣляются въ Пруссіи на нѣсколько разрядовъ: простыя рыцарскія помѣстья (Rittergüter), которыя должны имѣть доходности не менѣе 1,000 тал.; старинныя вотчины (alter Grundbesitz), къ коимъ причислялись состоявшія не менѣе 100 лѣтъ въ одномъ родѣ; заповѣдныя имѣнія (befestigter Grundbesitz), по коимъ порядокъ наслѣдованія утверждался особыми грамотами, маіораты, фиденкоммиссы. Изъ общаго числа 12,543 дворянскихъ помѣстій считается старинныхъ 394 и заповѣдныхъ 937.

Эти послѣднія даютъ право засѣданія въ палатѣ господъ и, кромѣ того, пользовались до изданія новаго положенія 1872 г. особымъ представительствомъ въ провинціальныхъ собраніяхъ. Это представительство по праву владѣнія пришло, однако, въ послѣднее время въ совершенный упадокъ и въ 1861 г. оказалось, что въ западной Пруссіи въ пяти округахъ не было даже требуемыхъ по закону трехъ вотчинниковъ для составленія избирательнаго съѣзда.

---

[6]) О движеніи поземельнаго владѣнія въ Пруссіи можно судить по числу имѣній разныхъ классовъ въ послѣдніе годы; ихъ считалось:

	въ 1849 г.	1852 г.	1855 г.	1858 г.
1 класса	14,696	17,048	17,584	18,211
2 „	13,484	14,111	14,443	15,042
3 „	370,190	382,875	386,051	389,912
4 „	520,499	565,208	590,915	610,177
5 „	871,998	990,846	1.040,547	1.088,287

Сравнивая 1849 г. съ 1858 г., находимъ, что классы эти относились къ общему числу всѣхъ владѣній въ процентахъ:

	въ 1848 г.	въ 1858 г.	въ 1858 оказывается	
			болѣе	менѣе.
1 классъ.	0,82	0,86	0,04	—
2 „	0,75	0,71	—	0,14
3 „	20,67	18,38	—	2,29
4 „	29,06	28,76	—	0,30
5 „	48,69	51,20	2,60	—

*) Подъ выгонами здѣсь разумѣются только мѣста, назначенныя подъ постоянныя пастбища (beständige Weiden).

Изъ этихъ двухъ таблицъ мы видимъ: 1) число отдѣльныхъ владѣній быстро и непрерывно увеличивается по всѣмъ классамъ — крупнымъ, среднимъ и мелкимъ, и 2) принимая во вниманіе пропорціональное ихъ отношеніе между собой, оказывается, что приращеніе идетъ быстрѣе въ 1-мъ классѣ крупныхъ владѣній и въ 5-мъ самыхъ мелкихъ. По этимъ двумъ классамъ пропорція увеличилась, по другимъ уменьшилась; въ особенности замѣтно, что по 3-му классу (отъ 30 до 300 морг.) процентъ упалъ на 2,29%, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ классѣ (менѣе 5 морг.) онъ увеличился почти на такое же число, 2,60%. Къ первому изъ этихъ двухъ классовъ относится большая часть тяглыхъ подворныхъ участковъ (spannfähige Bauernhofe), ко второму — мелкія крестьянскія хозяйства, бобыли, огородники, изъ чего можно заключить, что измельченіе поземельной собственности (Parcellirung Grundbesitzes) тоже усиливается въ послѣдніе годы и въ Пруссіи, несмотря на узаконенія, охраняющія недѣлимость подворныхъ участковъ. Въ то же время и пропорціонально также сильно умножается и число крупныхъ имѣній 1-го класса (болѣе 600 мор.), коихъ прибыло въ 10 лѣтъ 3,615 на 14,606, или около 24%.

---

[7]) Распредѣленіе поземельныхъ имуществъ въ 1852 г.

	въ Померанія		въ Рейнской провинціи.	
	Общее число имѣній.	Средній ихъ размѣръ.	Общее число имѣній.	Средній ихъ размѣръ.
Имѣній болѣе 600 мрг.	2,545	2,537	1,346	1,500
„ отъ 300—600 —	1,406	407	1,520	418
„ „ 30—300 —	26,135	113	48,574	67
„ „ 5— 30 —	25,086	14	195,141	13
„ „ менѣе 5 —	30,129	2,7	520,303	1,98
Владѣльцевъ первыхъ 3-хъ классовъ		30,086		51,440
У нихъ всего земли морг. .		9.979,000		5.909,000
Владѣльцевъ послѣднихъ 2-хъ классовъ.		55,215		715,444
У нихъ всего земли морг. .		435,000		3.599,000

(Lette, „Die Vertheilung d. Grundeigenthums“ s. 177—170).

---

[8]) Мекленбургъ-Шверинское Великое Герцогство представляетъ единственный примѣръ страны, гдѣ естественное приращеніе рода человѣческаго пріостановилось въ новѣйшее время вслѣдствіе противоестественныхъ порядковъ соціальнаго и аграрнаго установленія. Въ трехлѣтіе 1851—1854 гг. общее число жителей уменьшилось на 3,000, несмотря на то, что въ городахъ оно умножилось на значительный процентъ. Въ дворянскихъ имѣніяхъ въ 1864 г. оказалось на 2,000 жителей менѣе, чѣмъ въ 1844 г. Въ 10 лѣтъ, 1849—1858, число рожденныхъ превышало число умершихъ на 66,410, но по ревизіи оказалось всего приращенія народонаселенія въ тотъ же періодъ только 7745 душъ; изъ

этого слѣдуетъ, что остальное число прибылыхъ душъ (66,410 — 7,745 = 58,665) выселилось изъ Мекленбурга въ чужіе края.

---

[9]) Пропорціональное отношеніе разныхъ классовъ землевладѣльцевъ въ другихъ государствахъ Германіи слѣдующее:

Въ Виртембергѣ въ 1860 г. считалось владѣльцевъ менѣе 5 морг. (1¼ дес.) 180,000; отъ 5—10 морг. 66,000; отъ 10—30 морг. 55,000; отъ 30—50 морг. 15,000; отъ 50—100 морг. 10,400; отъ 100—200 морг. 2,600; болѣе 200 морг. (50 дес.) 618.

Но изъ всего этого числа 330,000 владѣльцевъ приходится менѣе половины— около 150,000 сельскихъ хозяевъ, владѣющихъ 90% всѣхъ удобныхъ земель и въ средней сложности по 22½ моргена каждый; между тѣмъ какъ на остальныхъ 180,000 приходится только 10% и на каждаго по 3 моргена (1,800 кв. саж.).

Въ Ганноверѣ въ 1831 г. государственныя имущества (Domänen) занимали 4,3% всей территоріи, дворянскія (Rittergüter) 5,5%; крестьянскіе подворные участки болѣе 120 мрг. 20,9%, 60—120 мрг. 32,1%, 30—60 мрг. 16,4%, 15—30 мрг. 8,1%, менѣе 15 мрг. 8,7%. Низшему разряду крестьянъ (Häuslinge) владѣющему одной усадьбой, принадлежало только 2,1%.

Въ королевствѣ Саксонскомъ дворянскія помѣстья занимаютъ 10% всѣхъ земель, но изъ нихъ только 6 владѣльцевъ имѣютъ чистаго дохода болѣе 10,000 тл. Изъ остальныхъ земель приходится 36,67% на владѣльцевъ 3—10 акровъ 60,97% на участки отъ 10—100 акровъ, и 2,36% на участки болѣе 100 акровъ.,

(Würtemberg, Jahrbücher 1860. Heft II Statist. d. König Hannower 1851 Hf. II. Rening Zeitschrift 1856).

---

[10]) Мы заимствуемъ изъ сочиненія Legoyt, „la France et l'Etranger", нѣкоторыя отрывистыя свѣдѣнія о распредѣленіи жителей по промысламъ:

Въ кн. Ольденбургскомъ (въ 1858 году) считалось на общее число всѣхъ жителей.	237,188
въ сельскомъ сословіи: домохозяевъ.	34,949
„ „ при нихъ домочадцевъ	100,693
„ „ рабочихъ.	36,093
Въ кор. Баварскомъ (1855 г.) при общемъ числѣ всѣхъ жителей	4.615,748

По классу земледѣльцевъ считалось:	семействъ.	душъ.
промышляющихъ исключительно земледѣліемъ	347,726	1.448,885
занимающихся кромѣ земледѣлія другими промыслами . .	115,569	514,641
сельскихъ рабочихъ, имѣющихъ осѣдлость	108,021	425,511
рабочихъ безъ земли	82,958	245,387
служителей	2,692	457,382

Въ Австріи (въ 1857 году) считалось всѣхъ жителей .		32.962,621
Изъ того числа:		
землевладѣльцевъ съ ихъ семействами и домочадцами. . .		2.999,096
сельскихъ рабочихъ съ женами и дѣтьми.		3.447,741
Въ Папской Области на общее число жителей (1853 года).		3.142,668
приходилось: землевладѣльцевъ		206,588
„ сельскихъ рабочихъ		963,578
Въ Швеціи (1855 года) при общемъ числѣ жителей обоего пола.		3.639,382
считалось сельскаго сословія:		
a) сельскихъ землевладѣльцевъ, кромѣ крестьянъ мужескаго пола	2,088	
b) фермеровъ (idem)	1,095	
c) содержателей гостинницъ (idem)	2,326	
Итого, некрестьянскаго сословія		28,954
d) крестьянъ-собственниковъ	171,236	
e) крестьянъ-арендаторовъ	37,866	
f) прочихъ владѣльцевъ-разночинцевъ	3,357	
g) колонистовъ	1,923	
Итого, крестьянъ, имѣющихъ осѣдлость . . .		214,382
h) мелкихъ фермеровъ, уплачивающихъ аренду натурой или работой.	95,710	
i) служителей и батраковъ (valets de ferme)	18,706	
k) поденьщиковъ и чернорабочихъ.	100,391	
Итого, неимѣющихъ осѣдлости		214,807

NB. Числа эти означаютъ семейства или домохозяевъ безъ исчисленія женъ и дѣтей.

	1825	1835	1845	1855 семействъ.	1855 душъ.
Въ Норвегіи при общемъ числѣ всѣхъ семействъ. . .	392,872	436,477	—	500,002	1.490,047
было землевладѣльцевъ. . .	59,464	72,624	77,780	91,470	346,832
„ фермеровъ.	30,921	30,568	25,044	21,730	82,659
„ половниковъ.	48,076	55,213	58,049	65,060	206,494
разночинцевъ (сельскихъ) .	—	—	48,605	38,879	34,810 (?)
крестьянъ и сельскихъ рабочихъ безъ земли	47,427	51,177	54,128	63,945	115,085

ГЛАВА VI.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

ОТДѢЛЪ I.

Исторія землевладѣнія до закрѣпленія крестьянъ.

Шаткость права собственности въ Россіи.—Право заимки.—Землевладѣніе развивалось на Руси самобытно и независимо отъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣръ.—Значеніе словъ: „обыватель“ въ Россіи, „Occupier“ въ Англіи.—Княжескія вотчины.—Различіе между вотчиннымъ и помѣстнымъ владѣніемъ.—Бѣлыя и черныя земли. — Испомѣщеніе служилыхъ людей.—Первобытное положеніе крестьянъ на Руси. — Подворное и общинное владѣнія завелись одновременно.—Московскій періодъ, раскладка податей по сохамъ, обжамъ, вытямъ и дворамъ. — Право вольнаго перехода. — Времена Судебниковъ.—Общее положеніе русскаго крестьянства передъ закрѣпленіемъ. — Заселеніе дикихъ земель. — Ограниченія правъ частныхъ владѣльцевъ при Іоаннѣ IV. — Смутное положеніе землевладѣнія въ XVI столѣтіи.

Въ этой главѣ и въ послѣдующихъ мы хотимъ представить краткій очеркъ историческаго хода землевладѣнія въ Россіи. Не считаемъ себя въ правѣ пускаться въ новыя изслѣдованія по тѣмъ предметамъ, которые уже были разобраны и описаны въ ученыхъ трудахъ нашихъ историческихъ писателей и критиковъ, а позаимствуемъ у нихъ факты и данныя, какъ они есть; но позволимъ себѣ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ воззрѣнія ихъ расходятся, гдѣ мнѣнія и сужденія людей науки противорѣчатъ одни другимъ — искать ихъ соглашенія и развязки спорныхъ вопросовъ.

Матеріалы для изслѣдованія внутренняго быта русскаго народа, какъ извѣстно, очень скудны. Большая часть изъ нихъ, труды Чичерина, Неволина, Градовскаго, Бѣляева, Самарина относятся къ тому краткому промежуточному періоду, когда, при общемъ волненіи умовъ и страстей, обсуждалось великое

дѣло освобожденія крестьянъ; вскорѣ послѣ реформы голосъ нашихъ ученыхъ опять умолкъ; поэтому мы могли воспользоваться для нашего предмета только отдѣльными монографіями, или отрывочными очерками, обнимающими эти особые періоды нашей исторіи или отдѣльныя явленія нашего соціальнаго и аграрнаго быта [1]).

Постараемся въ этомъ обзорѣ возстановить между ними нѣкоторую связь и выдѣлить изъ нихъ тѣ главныя черты, которыя, по нашему разумѣнію, достаточно выяснены и доказаны, чтобы служить исходными положеніями и характеристикой нашего поземельнаго строя.

Такъ, между прочимъ, одно изъ первыхъ соображеній, которое, по нашему мнѣнію, выдѣляется изъ историческаго хода землевладѣнія въ Россіи, есть слѣдующее:

Понятіе о поземельной собственности, которое служило въ другихъ странахъ краеугольнымъ камнемъ общественности, въ русской землѣ было издревле и до новѣйшихъ временъ такъ шатко и смутно, что едва проникало въ сознаніе народа и правителей. У насъ съ древнѣйшихъ временъ было очень твердое пониманіе слова и дѣла владѣнія въ смыслѣ держанія, занятія, пользованія землей, но выраженіе „собственность“ и весь кругъ юридическихъ понятій, сопряженныхъ съ правомъ собственности въ древней Руси, едва ли существовалъ; самое это слово не встрѣчается ни въ нашихъ лѣтописяхъ и грамотахъ, ни въ нарѣчіи нашего простого народа, даже новѣйшихъ временъ; въ древнихъ актахъ мы иногда находимъ выраженія, соотвѣтствующія слову собственникъ, напр. „своеземцы“, или термины, означающіе принадлежность имуществъ частному міру: „купчія земли, свои села“, но они приводятся какъ будто въ видѣ исключеній изъ общаго порядка, не какъ право, а какъ привилегія, льгота, царская милость и пожалованіе.

Напротивъ, владѣніе, какъ фактъ, какъ заимка земель лежащихъ впустѣ, составляло, повидимому, очень твердую основу; давность освящала это право, земля считалась принадлежностью того обывателя-хлѣбопашца, рыболова, или звѣролова, который на ней сидитъ, и пространство владѣнія опредѣлялось тоже фактическимъ пользованіемъ, объемомъ эксплуатаціи.

Очевидно, что эта черта не составляетъ особенности нашего русскаго быта и что она встрѣчается у всѣхъ народовъ при первобытномъ ихъ водвореніи въ ненаселенныхъ мѣстахъ; но нигдѣ, какъ въ Россіи, она не сохранилась такъ долго, не пережила въ смутномъ сознаніи народа эпоху гражданскаго и государственнаго устроенія, нигдѣ право собственности не было такъ шатко, а право владѣнія, напротивъ, такъ твердо, какъ у насъ.

Даже и по сіе время понятіе о собственности и владѣніи не ясно различается нашими простолюдинами и крестьянами; на вопросъ: чья это земля, они отвѣчаютъ напримѣръ—наша; но это еще не значитъ, чтобы земля была его собственная; если вы разспросите его дальше, то, пожалуй, окажется, что она деревенская, надѣльная или его частная, купчая; но можетъ случиться, что онъ называетъ своимъ и угодье, снятое имъ въ оброчное содержаніе, въ аренду. Далѣе, если вы спросите, какъ она ему досталась, то онъ скажетъ, что эта земля у него куплена; если затѣмъ вы еще пожелаете узнать, какъ она имъ пріобрѣтена, то можетъ быть окажется, что она куплена въ годы, даже на одно слѣтье, одинъ урожай, и что онъ называетъ ее своей по праву срочнаго пользованія.

Такимъ образомъ, подъ словами „купля“ и „продажа“ русскій крестьянинъ разумѣетъ безразлично пріобрѣтеніе или уступку права полной собственности и право временнаго владѣнія; собственность представляется ему какъ продолженіе владѣнія на долгій срокъ, и онъ различаетъ только виды владѣнія, вѣчное, пожизненное, срочное, въ годы или на 1 годъ; но полное сознаніе права распоряженія, полное юридическое понятіе о неотъемлемости имущества въ русскомъ быту и во всѣхъ сословіяхъ, какъ помѣстныхъ, такъ и крестьянскихъ, проявляется очень смутно и несравненно слабѣе, чѣмъ у другихъ народовъ.

Другое соображеніе, которое надо также имѣть въ виду при изслѣдованіи поземельныхъ отношеній въ древней и новой Россіи, есть то, что они складывались въ теченіи вѣковъ

и сложились окончательно сами собой, независимо отъ тѣхъ оффиціальныхъ формъ, законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій, которыя по временамъ издавались для ихъ устройства; такъ что, изучая эти формы и акты, можно получить о народномъ бытѣ понятіе совершенно противное дѣйствительному его развитію и состоянію.

Вообще порядка владѣнія, наслѣдованія, семейныхъ раздѣловъ, мірскихъ разверстокъ, помѣстныхъ верстаній и вотчинныхъ правъ едва ли можно найти въ исторіи русскаго землевладѣнія. Порядковъ не было, началъ никакихъ не признавалось; исключеній было болѣе, чѣмъ правилъ; всякій владѣлъ, чѣмъ Богъ послалъ и что могъ удержать въ собственномъ своемъ распоряженіи собственною своею властью: законодатели и правители издавали правила и уставы, но сами же ихъ нарушали, подданные выслушивали царскіе указы, покорялись имъ, но не соблюдали. Государевы слуги строго преслѣдовали нарушенія закона, но потворствовали нарушеніямъ для извлеченія изъ нихъ своихъ поборовъ и кормовъ; самоволію крестьянъ вторило самовластіе помѣстнаго и служилаго сословія, и указы, уставы, грамоты собственно служили только для напоминанія и подтвержденія тѣхъ правилъ, которыя не соблюдались, или для установленія изъятій, льготъ въ пользу отдѣльныхъ личностей, волостей, городовъ и церквей, — такъ что историческіе наши акты представляютъ бо́льшею частію отрицательную сторону народнаго быта, перечень тѣхъ порядковъ и устроеній, которыя вводились и не были введены, предписывались и не исполнялись, проектировались и не приводились въ дѣйствіе.

Такъ было въ древней Руси, такъ было и въ новѣйшей, и начиная съ указовъ московскихъ царей о запрещеніи бѣломѣстцамъ скупать тяглыя земли, до закона Петра I о единонаслѣдіи и кончая новѣйшими законоположеніями о свободныхъ хлѣбопашцахъ въ царствованіе Александра I, объ обязанныхъ крестьянахъ въ царствованіе Николая, мы проходимъ черезъ длинный рядъ несостоявшихся реформъ, которыя всѣ прошли мимо народа, не касаясь его внутренней жизни.

Поэтому понятно, что когда свѣтъ науки проникъ въ темное царство всероссійскаго безначалія, то вся историческая

жизнь великороссійскаго племени представилась въ томъ видѣ, въ тѣхъ цвѣтахъ и тонахъ, какъ описывали ее правительство и приказные люди, потому что они одни во всемъ народѣ умѣли писать; постепенно сложилось мнѣніе, что русская земля вся устроилась — по приказу, по иниціативѣ властей, по велѣнію царей и государей. Въ письменныхъ актахъ встрѣчалось все, что́ нужно было для возстановленія связи русской гражданственности съ цивилизаціей древняго и новаго міра: были и князья великіе и малые, напоминающіе феодальныхъ владыкъ германскихъ странъ; были и бояре, мужи, представители крупнаго землевладѣнія и вотчинники на подобіе патримоніальныхъ собственниковъ другихъ странъ; были общины точно такія, какъ коммуны во Франціи, Gemeinde въ Германіи, и подворные участковые владѣльцы, и крѣпостные и вольные люди, и полные рабы, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, доказываютъ даже сродство нашего общества съ древнѣйшими цивилизаціями Греціи и Рима.

Все это было, и, какъ будто гордясь этой кровной связью съ исторіей другихъ народовъ, мы выбирали эти черты сходства для описанія нашего народнаго быта по этимъ классическимъ образцамъ.

Въ дѣйствительности сходства не было; жизнь народа шла наперекоръ всему тому, что́ устроивалось для его жизни: ни великіе, ни малые князья не достигли значенія феодаловъ, потому что были подавлены московскими царями; бояре и мужи не могли отстоять не только политическихъ, но и землевладѣльческихъ своихъ правъ и были разжалованы въ простые дворяне, т.-е. придворныхъ служителей; ихъ вотчины, которыя будто бы означали преемственное родовое владѣніе, отбирались въ казну за простое ослушаніе, за неявку на службу; наоборотъ, помѣстья, которыя жаловались за службу, часто переходили по наслѣдству и обращались въ потомственное владѣніе; съ другой стороны, крестьянскія черныя земли считались неотчуждаемой собственностью и безпрерывно скупались частными лицами; сами крестьяне были крѣпки землѣ и скитались безнаказанно изъ края въ край Россіи. Вольности и правъ не было на Руси, но своеволіе и самовластіе были полныя, и ими-то и воспользовались русскіе чер-

ные люди для устройства своего хозяйственнаго быта по-своему, минуя и обходя съ замѣчательною ловкостью всѣ формы общежитія, навязываемыя ему благонамѣренными просвѣтителями русской земли.

Эти двѣ черты мы и хотѣли отмѣтить съ самаго начала нашихъ изслѣдованій: 1) шаткость понятія о правѣ собственности, 2) несостоятельность всѣхъ мѣръ, принятыхъ для устройства поземельной собственности. Они отчасти объясняютъ сбивчивость и запутанность тѣхъ свѣдѣній, которыя мы должны здѣсь представить, описывая поземельную организацію въ такой странѣ, гдѣ она никогда не была организована.

Мы раздѣляемъ этотъ историческій очеркъ на три отдѣла:

Первый мы назовемъ періодомъ вольнаго перехода; онъ идетъ до конца XVI-го или первыхъ годовъ XVII столѣтія, занимая такимъ образомъ изъ тысячелѣтняго нашего государственнаго существованія около $^2/_3$, всего семь вѣковъ.

Второй открывается съ первыхъ указовъ о закрѣпленіи крестьянъ и продолжается до Петра Великаго включительно. Это было время постепеннаго закрѣпленія поселянъ къ землѣ и дворянъ къ службѣ.

Третій, отъ смерти Петра до 1861 г., есть періодъ вольности дворянства и полной неволи крестьянъ.

1-й періодъ вольнаго перехода.

Исторія русской гражданственности открывается извѣстнымъ изреченіемъ славянскихъ пословъ: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите владѣть ею и княжить“.

Этими словами также характеризуется и первобытное устроеніе поземельной собственности въ Россіи. Княженіе, т.-е. политическая власть, сливается съ землевладѣніемъ, государство съ землей и вся территорія, разъ навсегда и на вѣчныя времена, признается общенароднымъ достояніемъ, впослѣдствіи государевымъ и государственнымъ имуществомъ,

такъ что черезъ 1000 лѣтъ послѣ призванія варяговъ, пройдя черезъ безконечный рядъ всякихъ превратностей и выходя изъ вѣковой крѣпостной зависимости, русскій народъ все еще признаетъ землю — царскою и право распоряженія государя ставитъ выше всѣхъ правъ частной и общинной собственности.

Это было, повидимому, основное начало, внесенное норманскими дружинами во всѣ страны, гдѣ они водворились, ибо въ Англіи, точно такъ какъ въ Россіи, юридической основы частнаго землевладѣнія не существуетъ и по сіе время; вся территорія тоже признается государевой, собственники называются Tenants, т.-е. содержатели земель, и право гражданства, политическая полноправность обусловливается не правомъ собственности, а держаніемъ и занятіемъ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ.

Названіе „Occupier“ означаетъ человѣка, занимающаго домъ или землю, въ качествѣ ли полнаго собственника или арендатора, жильца, и ему приписывается въ Англіи полная гражданская и политическая правоспособность и вмѣстѣ съ тѣмъ на него возлагаются всѣ общественныя повинности, служебныя и податныя. Этому термину вполнѣ соотвѣтствуетъ наше слово „обыватель“, человѣкъ постоянно бывающій, обитающій на землѣ или строеніи; только у насъ изъ этого понятія развилось совершенно другое послѣдствіе, не полноправность, а только полнообязательность обывателя, т.-е., что на него были возложены всѣ повинности, какъ и на англійскаго Occupier-а, но безъ соотвѣтствующихъ правъ.

Княжеское владѣніе въ древней Руси имѣло смѣшанный характеръ государственнаго владычества и частной собственности; всѣ старанія ученыхъ изслѣдователей старины различить эти два понятія оказываются безуспѣшными.

Великіе и малые князья раздавали столы, добывали земли и волости, искали, промышляли города не изъ чувства властолюбія, а просто, какъ они наивно выражаются, чтобы быть „сыты“, чтобы взимать дани и поборы натурой и имѣть кормленіе отъ мѣстныхъ жителей, обывателей. Эти выраженія, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ и актахъ, свидѣтельствуютъ, что русскіе князья считали всѣ земли, признавшія ихъ власть, своими и по этому самому

и не считали нужнымъ присвоивать ихъ себѣ въ частное владѣніе, довольствуясь повинностями, взимаемыми въ ихъ пользу. Они не отбирали земель отъ прежнихъ владѣльцевъ и не раздавали ихъ своимъ дружинамъ, какъ германскіе завоеватели, а только ставили себя и своихъ именитыхъ товарищей, малыхъ князей и бояръ, надъ простыми людьми, оставляя ихъ на мѣстахъ полными хозяевами.

Отъ этого произошло общее смѣшеніе понятій о правѣ владѣнія въ древней Руси. Терминъ: волость и станъ, какъ территоріальныя дѣленія, княжество и удѣлъ, какъ политическія, вотчина и село, какъ владѣльческія, постоянно употребляются одинъ за другого. Оспаривая другъ у друга свои владѣнія и княженія, или отказывая ихъ дѣтямъ и родственникамъ, князья называютъ ихъ то станами, то волостями, вотчинами, селами. По мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ историческихъ критиковъ, послѣднія два слова — вотчина, княжеское село — означали частную собственность князей и бояръ, а станъ и волость — территоріальное дѣленіе. Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить распоряженія, постоянно встрѣчающіяся въ историческихъ актахъ объ отказѣ, въ видѣ завѣщанія, или раздѣла наслѣдства, цѣлыхъ областей и удѣловъ, именуемыхъ княжескими вотчинами? Какъ разумѣть, напр., распоряженіе Іоанна Калиты, который, назначая каждому изъ своихъ сыновей „по волости“, отказываетъ имъ всѣмъ вмѣстѣ въ общее владѣніе „свою отчину Москву“: неужели этотъ князь считалъ свой стольный городъ частнымъ имуществомъ, и не означаетъ ли это слово „вотчина“, которому придаютъ значеніе родовой, патримоніальной собственности, простой фактъ — что такое-то имѣніе или княжество, удѣлъ, перешло отъ отца къ сыну.

Итакъ, мы думаемъ, что княжеское владѣніе во весь періодъ удѣльный, и отчасти и во времена первыхъ царей, было грубое смѣшеніе правительственныхъ и частныхъ правъ, державныхъ и вотчинныхъ. То же самое смѣшеніе, какъ мы увидимъ ниже, перешло и на частныя владѣнія дружинниковъ, бояръ, старшинъ и лучшихъ мужей, которыхъ Рюриковичи ставили по городамъ и волостямъ.

Правда, что въ концѣ этого періода, въ XV и XVI столѣтіяхъ, уже встрѣчаются случаи покупки имѣній на имя ве-

ликихъ князей и государей, и начинаетъ образовываться частное ихъ владѣніе — княжескія села, дворцовыя вотчины, въ различіе отъ черныхъ волостей, казенныхъ имуществъ; но и тутъ происходитъ постоянное смѣшеніе не только названій, но и повинностей, оброковъ, въ тѣхъ и другихъ волостяхъ, и съ черныхъ людей, т.-е. вольныхъ крестьянъ, сходитъ въ царскую казну еще болѣе, чѣмъ съ селъ, составляющихъ ихъ личную собственность.

Вся земля русская считалась княжескою и царскою, законъ не ограждалъ ничьей собственности и самое юридическое понятіе о собственности было смутное и сбивчивое.

Въ то же время и съ самаго прихода варяжской дружины, начало также образовываться и частное землевладѣніе. Впрочемъ, новгородскія лѣтописи уже и прежде упоминаютъ о лучшихъ, старшихъ людяхъ, мужахъ, которые владѣли землями отдѣльно отъ мужиковъ, крестьянъ. Варяжская дружина усилила этотъ землевладѣльческій элементъ, и рядомъ съ князьями начинаютъ появляться бояре изъ дружинниковъ и княжескихъ слугъ. Были ли они собственники, или только условные и подвластные владѣльцы? По всѣмъ даннымъ, которыя имѣются, надо предположить, что это были тоже правители, намѣстники, служители, которымъ отдавались волости на прокормленіе, точно такъ, какъ князья брали себѣ другія волости на прожитіе, и единственное право, которымъ обусловилось это владѣніе, былъ вольный договоръ на службу князя, покуда онъ княжитъ въ землѣ. Но и сами князья были непрочны на своихъ столахъ, и покуда они не осѣлись, не утвердились въ извѣстныхъ областяхъ, для служилыхъ людей не могло образоваться твердаго поземельнаго владѣнія (Неволинъ, „Ист. Гр. Зак.“ IV, 129).

Въ „Русской Правдѣ“ мы находимъ очень обстоятельныя распоряженія о движимой собственности всякаго рода, объ ея охраненіи и наслѣдованіи, но о поземельныхъ имуществахъ, о вотчинѣ или селѣ нѣтъ ни одной статьи.

Частная собственность безъ сомнѣнія существовала, было также и различіе состояній: мужи и мужики, господа и крестьяне, владѣльцы и работники; первымъ запрещается

обижать своихъ поселянъ, отбирать у нихъ ихъ земельные участки (отарицы). Но весь этотъ порядокъ владѣнія былъ случайный, временный, и понятіе о полной, вотчинной, т.-е. наслѣдственной собственности развивалось еще очень слабо какъ въ служиломъ сословіи, такъ и въ княжескихъ родахъ.

„Поземельныя владѣнія составляли только придатокъ къ содержанію дружины, и придатокъ весьма непрочный; при переходѣ князя изъ одного удѣла въ другой, при изгнаніи князя изъ волости, дружинникъ лишался своихъ волостей и селъ. До XII-го вѣка мы не находимъ извѣстій о пріобрѣтеніи боярами недвижимыхъ имуществъ“ (Градовскій „Ист. Мѣст. Упр.“, стр. 11). Съ этого времени, съ XII и XIII столѣтій, начинаютъ уже появляться въ лѣтописяхъ выраженія „наши села“, изъ чего и выводится заключеніе, что частная собственность уже тогда зарождалась и что эти бояре и дворяне были уже представителями вотчиннаго полноправнаго владѣнія; но и это сомнительно, если принять въ соображеніе, что земля, т.-е. народъ, коренные жители повсемѣстно оспаривали эти боярскія права, не пускали дружинниковъ въ свои земли, и договаривались съ князьями, чтобы они не допускали своихъ слугъ къ пріобрѣтенію селъ и слободъ. Правда, понемногу личныя связи дружинниковъ съ князьями слабѣли; были примѣры, что бояре, владѣя вотчинами въ одномъ удѣлѣ, служили въ другомъ, но еще болѣе было примѣровъ, что за такую измѣну, или по крайней мѣрѣ своеволіе, князья отбирали у нихъ такъ-называемыя вотчины. Поэтому мы думаемъ, что, приписывая вотчинѣ значеніе полной частной собственности, мы переносимъ наши юридическія воззрѣнія на такія времена, когда ихъ не было въ русскомъ бытѣ: всякое владѣніе было условное, какъ княжеское, такъ и боярское, давало право на сборъ дани, пошлинъ, оброковъ, но не на самую землю, которая оставалась за смердами, закупами, христіанами; вотчины были и княжескія и боярскія, но выраженіе это означало только, что владѣніе такою-то волостью перешло отъ отца къ сыну и далѣе ничего; перейдетъ ли оно и къ слѣдующему колѣну родственниковъ—это было дѣло случая исключеній было столько же, если не болѣе, чѣмъ правилъ; вотчина была не частное и

преемственное владѣніе, а право кормленія, пожалованное отцу и перешедшее по счастливому случаю къ сыну [2]).

Такъ было, по крайней мѣрѣ, во весь періодъ удѣльный и татарскій, покуда не началось собираніе земель около Москвы; тогда появился и быстро устроился новый элементъ землевладѣнія—помѣстный, который и получилъ такое преобладаніе, что вся частная собственность постепенно обратилась въ помѣстную. Впрочемъ новаго тутъ было не много; основанія остались тѣ же, какъ и при первыхъ князьяхъ—служба, помощь князю, за которую слуга и помощникъ получалъ право собирать оброки съ извѣстныхъ волостей и селъ. Только въ московскій періодъ права князей и царей еще болѣе усилились, права владѣльца еще болѣе стѣснились; условіе, прежде подразумѣваемое, объ обязательной службѣ землевладѣльцевъ, подтвердилось и помѣстное сословіе получило окончательный свой характеръ сословія служилаго, при коемъ и осталось до дворянской грамоты.

Сначала, въ удѣльный періодъ, служба не была строго обязательна; бояре имѣли право отъѣзда, могли переходить отъ одного князя къ другому, не теряя своихъ правъ владѣнія; кочеванье, бродничество было всенародное состояніе всѣхъ классовъ, начиная отъ малыхъ князей, дальнихъ сродниковъ Рюриковичей, до большихъ и малыхъ мужей и людей всѣхъ сословій; затѣмъ право отъѣзда было отмѣнено подъ угрозой лишенія помѣстья, и съ того времени начинается несвободное владѣніе, прикрѣпленіе владѣльцевъ къ службѣ.

Но тутъ примѣшивается еще новый элементъ, чисто приказный; однимъ изъ служилыхъ людей даютъ земли съ селами на прожитокъ для содержанія себя въ посылкахъ и полкахъ, предоставляя имъ собирать съ обывателей, кромѣ казенныхъ сборовъ, и частные свои владѣльческіе доходы, и это называется помѣстьемъ; другимъ жалуютъ такія же села, но только съ правомъ собирать извѣстныя пошлины, мытъ, тамгу, разныя пути, и это называется кормленіемъ.

Вотчина, помѣстье, кормленіе—вотъ тѣ главные виды, въ коихъ проявляется служебная и владѣльческая дѣятельность высшихъ и среднихъ сословій. Вникая въ сущность всѣхъ этихъ отношеній, надо признать, что всѣ они истекаютъ изъ понятія о кормленіи и сходятся къ тому же корм-

ленію. Приводя слова Градовскаго, который именно отмѣчаетъ различіе кормленія отъ помѣстья, мы скажемъ съ нимъ, „что во всякомъ случаѣ идея условнаго (подъ условіемъ службы) владѣнія выработалась на кормленіи и отсюда, въ соединеніи съ другими началами, перешла на помѣстья“; но къ этому мы прибавимъ, что и вотчина исходила изъ того же начала и означала только унаслѣдованное право кормленія помѣстными землями. Мало того, самое кормленіе иногда превращалось въ вотчинное имущественное право; волости жаловались наслѣдственно волостелямъ и намѣстникамъ съ правомъ собирать мыти и пути, и такимъ образомъ изъ оклада превращались въ потомственную собственность; „наконецъ, встрѣчаются и примѣры передачи князьями боярамъ суда и доли въ вотчинное владѣніе безъ пожалованія земли“ (Чичеринъ, „Опытъ Ист. Рус. Пр.“, 84). Однимъ словомъ, это была не іерархія, какъ называетъ ее ученый профессоръ, слова коего здѣсь выписаны, а анархія, грубая смѣсь всевозможныхъ видовъ владѣнія.

Только въ XV столѣтіи, по минованіи удѣльной неурядицы и сверженіи татарскаго ига, начинаютъ проявляться нѣкоторыя, впрочемъ, едва уловимыя черты, отличающія частную собственность отъ казенной, владѣльческія имущества отъ вольныхъ и черныхъ земель; различіе это выражается въ терминахъ бѣлыя и черныя земли.

Отъ нихъ же происходятъ и новыя названія бѣломѣстцевъ, привилегированнаго сословія, коихъ земли обѣлены, изъяты изъ податныхъ окладовъ и черныхъ волостей крестьянъ, которые тянутъ всѣ подати и налоги. Положеніе послѣднихъ мы опишемъ ниже, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію крестьянскаго быта; здѣсь же остановимся на явленіи бѣломѣстцевъ, которые могутъ быть названы родоначальниками русскаго дворянства.

Было ли это самоправное, законное состояніе, подъ которое подходили сами собой владѣльцы извѣстнаго разряда? пользовались ли они въ качествѣ собственниковъ льготами и какими именно,—или правами, имъ принадлежащими ipso facto по владѣнію?—вотъ вопросы, на которые слѣдовало бы отвѣтить, а отвѣтить опять трудно.

Обѣленіе земель, повидимому, была особая процедура,

милость, награда, а вовсе не право и не правило; обѣлялись вотчины боярскія по жалованной или несудимой грамотѣ, обѣлялись иногда, не всегда, земли монастырскія, скупаемыя у черносошныхъ крестьянъ; освобожденіе земель бывало и полное, отъ всѣхъ пошлинъ, и частное—отъ нѣкоторыхъ, бывало вѣчное и срочное; были примѣры въ позднѣйшее время, что и крестьянъ жаловали въ бѣломѣстцы. То же самое можно сказать и о правахъ частныхъ владѣльцевъ, хотя общимъ правиломъ и признавалось, что судъ, какъ и дань, есть право княжеское, царское, но исключеній было столько же, сколько и правилъ: тарханныя, несудимыя и жалованныя грамоты обыкновенно передавали вмѣстѣ съ владѣніемъ и право суда, но опять въ каждомъ данномъ случаѣ съ особой оговоркой: „опричь душегубства, разбоя и татьбы", или за исключеніемъ душегубства и разбоя, а иногда и одного душегубства.

Но въ тоже время, въ концѣ XIV и въ XV столѣтіяхъ, когда права вотчинниковъ и монастырей какъ будто упрочивались льготами и правомъ суда, они, съ другой стороны, подрывались въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Великіе князья уже положительно стремились къ уравненію всѣхъ правъ собственности и подведенію ихъ подъ общее условіе службы. Прежде всего они наложили руку на вотчины служилыхъ князей, прежнихъ удѣльныхъ и, не стѣсняясь ихъ правами владѣнія, отбирали ихъ села, если послѣдніе отъѣзжали отъ ихъ службы; затѣмъ обратились и къ вотчинамъ боярскимъ.

Шемяка отобралъ нѣсколько десятковъ вотчинъ бояръ и дѣтей боярскихъ, отошедшихъ къ великому князю, а Іоаннъ III въ завѣщаніи дѣлаетъ распоряженіе относительно бояръ ярославскихъ, что если они отъѣдутъ отъ сына его Василія, то ему, Василію, отказываются (по завѣщанію) не только вотчинныя, но и купленныя земли, всѣ какъ есть „вотчины и купли". Вотъ какъ разумѣлась собственность наслѣдственная и благопріобрѣтенная въ эпоху собиранія земель.

Въ концѣ XV-го столѣтія землевладѣльческое сословіе и обѣленныя земли очень умножились и съ того времени постоянно слышатся жалобы, что бѣломѣстцы скупаютъ тяглыя земли, обращаютъ ихъ въ бѣлыя, и такимъ образомъ податныя тягости все болѣе и болѣе обременяютъ черныхъ людей.

Эта долгая, безконечная тяжба крестьянъ и податныхъ сословій съ бѣломѣстцами составляетъ, можно сказать, послѣднее явленіе помѣстной исторіи въ этотъ первый ея періодъ; но такъ какъ она продолжается и въ послѣдующій періодъ, черезъ весь XVII вѣкъ и до Петра Великаго, то мы предоставляемъ себѣ изложить ее въ послѣдующей главѣ, а здѣсь только постараемся разъяснить главное значеніе этого вѣкового спора, который имѣлъ наибольшее вліяніе на судьбу крестьянъ.

Мы выше сказали, что, по нашему мнѣнію, въ древней и средневѣковой Руси, всѣ земли были княжескія и считались тяглыми, податными; но когда, съ одной стороны, умножилось служилое сословіе, съ другой—возрасли отъ благочестивыхъ пожертвованій князей и бояръ монастырскія вотчины, когда и тѣмъ и другимъ пожалованы были безчисленныя и разнообразнѣйшія льготы, отношенія земель и ихъ обывателей между собой видоизмѣнились. Государственное тягло, дани и сборы все возрастали, а податное сословіе сокращалось [3]).

Это имѣло двоякое послѣдствіе: во-первыхъ, крестьяне массами переходили къ знатнѣйшимъ владыкамъ и боярамъ и къ тѣмъ именно, которые пожалованы были наибольшими льготами и правами, ибо и въ этомъ было безконечное разнообразіе: въ однихъ имѣніяхъ льготы давались на однихъ старожильцевъ, сидящихъ на землѣ, въ другихъ и на прежнихъ хозяевъ, ушедшихъ на другія мѣста, если они возвратятся, въ третьихъ—на новожиловъ, перезванныхъ изъ другихъ княжествъ. Понятно, что такія разномѣрныя привилегіи, непосредственно зависѣвшія отъ благорасположенія князя къ такимъ-то боярамъ, отъ благочестивой ихъ ревности къ какимъ-то святымъ мощамъ и угодникамъ, служили сильнѣйшей приманкой для земледѣльцевъ и способствовали къ населенію боярскихъ и монастырскихъ вотчинъ, въ ущербъ всѣмъ другимъ волостямъ и мелкимъ помѣстьямъ. Другое послѣдствіе, обратное, было то, что земли казенныя, черныя, т.-е. оставшіяся еще нерозданными, пустѣли и что, такимъ

образомъ, княжескіе доходы уменьшались по мѣрѣ того, какъ богатѣли монастыри и бояре.

Тогда, со временъ Іоанна III, открылась реакція противъ самовольныхъ переѣздовъ помѣщиковъ и переманиванія ими черныхъ людей; проводится правило, что тяглые письменные люди, т.-е. записанные въ вольныхъ волостяхъ въ податной окладъ, не должны переходить на владѣльческія земли; что бѣломѣстцы, покупая земли тяглыя, должны принять на себя и лежащія на нихъ тягла. Въ судебникахъ выясняется съ большою точностію помѣстное право; помѣщичьи земли прямо называются великокняжескими, жалуются за послуги не вѣчно, даже не пожизненно, а только на срокъ службы; вотчины все болѣе и болѣе притягиваются къ обязательной службѣ; тѣмъ и другимъ, вотчинникамъ и помѣщикамъ подтверждается, повторяется въ безчисленныхъ грамотахъ, чтобы они не уводили, не перезывали тяглыхъ крестьянъ и не захватывали бы ихъ черныя земли, обращая ихъ въ бѣлыя, льготныя владѣнія. При Грозномъ — право частной собственности, если оно когда-либо и существовало въ Россіи, окончательно стирается царскимъ самовластіемъ, и если Людовикъ XIV во Франціи могъ сказать, что „вельможей онъ признаетъ только того человѣка, съ которымъ онъ говоритъ“ (il n'y a de grand seigneur en France que celui á qui je parle et tant que je lui parle), то наши цари могли тоже похвалиться, что собственниками въ Россіи были только люди служилые, покуда они служатъ государю.

Въ XIV столѣтіи испомѣщеніе служилыхъ людей приняло размѣры общей государственной мѣры и бояре, хотя нѣкоторые изъ нихъ и владѣли вотчинами на правахъ частныхъ и наслѣдственныхъ, вступили большею частію въ ряды помѣстнаго сословія; ихъ называютъ боярами помѣстными, другихъ—путными (т.-е. проживающими изъ казенныхъ доходовъ, данныхъ имъ въ кормленіе).

Помѣстныя земли раздаются огульно, поголовно, но притомъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, подходящихъ скорѣе къ крестьянскому подворному участку, чѣмъ къ помѣстью самостоятельнаго землевладѣльца. Напримѣръ, по указу 1550 г. роздано въ московскомъ уѣздѣ 1,000 человѣкамъ дѣтей боярскихъ по 100, 150 и 200 четвертей, т.-е. отъ 50 до

100 десятинъ. Въ другомъ уѣздѣ раздаются земли новгородскія, торопецкія и ржевскія на 28 бояръ и окольничьихъ 5,600 четв. (по 200 дес. на одного), а на 1,050 дѣтей боярскихъ 112,600 четв. (по 54 дес.), и приказано строго, съ каждаго того помѣстья быть служилому человѣку готовымъ для посылокъ. Мы не знаемъ, какая была въ то время доходность этихъ земель; но еслибъ и по нынѣшнимъ цѣнамъ заставили владѣльцевъ быть въ посылкахъ изъ доходовъ 50 дес., то едва ли такая милость была бы принята съ благодарностью; поэтому надо вообще себѣ представить, что помѣстное владѣніе въ принципѣ было повинностью, а не правомъ, такимъ же тягломъ, какъ и крестьянское, нѣсколько увеличеннымъ по размѣру участка,—такимъ же надѣломъ для „обезпеченія исправнаго отбыванія службы", какъ надѣлъ крестьянъ „для отбыванія повинностей". Порядки эти были такъ по нраву Грознаго царя, что онъ вводилъ ихъ повсемѣстно и съ вотчинъ приказалъ ставить тоже по одному всаднику со 100 четвертей; также повелѣлъ разсмотрѣть (1556 г.): „кто изъ дѣтей боярскихъ и вельможъ многими землями завладѣли и не противъ государства жалованья и своихъ отчинъ въ службахъ бываютъ, а другихъ, которые службой оскудѣли, уверстать въ помѣстьяхъ землемѣріемъ".

Въ то же время и наслѣдственность вотчинъ потерпѣла большія ограниченія; сначала ограниченія коснулись княжескихъ вотчинъ, такъ называемыхъ малыхъ медіатизированныхъ князей Ростовскихъ, Оболенскихъ, Бѣлозерскихъ; въ 1562 г. имъ запрещено давать земли въ приданое за дочерьми и сестрами, потомъ запрещено продавать и мѣнять. Въ 1573 г. та же участь постигла и боярскія вотчины, сначала только пожалованныя, которыя переходили по наслѣдству только въ томъ случаѣ, если это было оговорено въ жалованной грамотѣ, потомъ и на всѣ вотчины распространено правило, что онѣ переходятъ по наслѣдству только до третьяго нисходящаго колѣна, не далѣе внучатъ, а послѣ считаются выморочными и отбираются въ казну [4]).

Что же касается помѣстій, то они уже въ то время совершенно уподобились крестьянскому тяглу, каждое помѣстье считалось вытью, точно такъ, какъ и общинныя земли крестьянъ; съ выти ставилось опредѣленное число ратниковъ, или

всадниковъ. Наслѣдованіе помѣстьями обусловливалось службой и взрослый сынъ могъ только просить, чтобы его припустили въ отцовское помѣстье, т.-е. выдѣлили ему такую часть, изъ доходовъ коей онъ могъ бы, въ свою очередь, справлять службу; это было такимъ образомъ не право наслѣдованія, а право семейнаго раздѣла, выдѣла сыновей отъ отцовъ; однимъ словомъ, точно то же начало, какое существовало и сохранилось доселѣ въ сельскомъ мірскомъ быту. Сыновья не ожидали смерти отца для вступленія во владѣніе тѣмъ же помѣстьемъ, коимъ владѣлъ ихъ родитель, они отдѣлялись отъ него при его жизни и получали свой участокъ отдѣльно изъ другихъ свободныхъ земель, если отцовское помѣстье было недостаточно для содержанія служилаго человѣка; наслѣдованіе, по существу этого понятія, какъ оно разумѣлось въ римскомъ мірѣ и въ западно-европейскихъ обществахъ, не было принято въ древней Руси и не было усвоено русскимъ народомъ ни низшими классами земледѣльческими, ни высшими землевладѣльческими.

Переходимъ теперь къ изслѣдованію крестьянскаго быта и поземельнаго ихъ владѣнія въ первый древнѣйшій періодъ, который, какъ выше сказано, мы проводимъ до конца XVI или начала XVII вѣка и называемъ „временемъ вольнаго перехода“. Между началомъ его и концомъ произошли, разумѣется, очень большія измѣненія, но главный характеръ сохранился со временъ „Русской Правды“ до XVI столѣтія и состоитъ въ томъ, что во все это время „люди“, какъ ихъ называли, или „христіане“ пользовались полной свободой перемѣщенія.

Исключеніе составляютъ только обѣльные холопы, упоминаемые въ „Русской Правдѣ“, которые были полными рабами, въ смыслѣ римскихъ servi, но они бо́льшею частію принадлежали не къ туземному населенію, не къ кореннымъ жителямъ славянскихъ земель, а набирались преимущественно изъ плѣнныхъ инородцевъ. Въ „Русской Правдѣ“ впрочемъ приводятся и другіе случаи порабощенія, а именно неоплатный долгъ, или неисправность при возвращеніи ссудъ, причемъ должникъ отдавался въ вѣчное или временное распоряженіе заимодавца и приписывался къ состоянію холоповъ или закуповъ; но этотъ послѣдній видъ рабства скоро видоизмѣняется, замѣняется отдачею долж-

ника на потокъ, разграбленіе; полные рабы, закупы, превращаются въ кабальныхъ и ролейныхъ закуповъ, т.-е. обязанныхъ поселянъ, которые должны заработывать въ извѣстный срокъ деньги, ссуженные имъ отъ господъ; въ „Русской Правдѣ“ холопство уже смягчается и, при выдачѣ ссуды натурою хлѣбомъ, человѣкъ не отдается въ рабство, а сохраняетъ право возвратить данное и отойти отъ хозяина. Вообще холопство какъ-то незамѣтно и постепенно поглощается осѣдлымъ земледѣльческимъ бытомъ прочихъ вольныхъ сословій, личное рабство, съ одной стороны, исчезаетъ, съ другой — распространяется на всѣ отношенія подвластныхъ, податныхъ людей къ господамъ и къ государю; слово „рабъ“ принимается въ смыслѣ подданнаго. Холопство означаетъ уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ состояніе безземельныхъ людей, находящихся въ личномъ услуженіи у князей и бояръ, изъ коихъ одни были приказные, должностные люди, ключники, старосты, тіуны, дьяки, другіе полные холопы, купленные, приданые и кабальные. Но это сословіе невольниковъ и рабовъ не имѣло вліянія на устройство нашего сельскаго и земельнаго быта; они остались совершенно въ сторонѣ отъ земскаго устроенія, продолжали, въ качествѣ дворовыхъ людей, личной прислуги, служить богатымъ господамъ, не участвовали въ мірскихъ раскладкахъ, не несли тягла и перешли впослѣдствіи въ классъ дворовыхъ людей. Число ихъ въ древнія времена не могло быть значительно, если принять въ разсчетъ, что ихъ потомковъ, дворовыхъ людей, въ 1861 г. насчитано всего 712,000; во всякомъ случаѣ на поземельный строй русской земли они не имѣли вліянія [5]).

По древнѣйшимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ нашими лѣтописцами, земли, вошедшія впослѣдствіи въ составъ русскаго государства, были издревле обитаемы осѣдлыми хлѣбопашцами, изъ коихъ одни владѣли землей (лучшіе мужи, держащіе землю), другіе поселялись на чужихъ земляхъ и ихъ воздѣлывали (холопы, земяне, смерды). Призваніе варяговъ, раздѣлъ городовъ и селъ между князьями и дружинниками и постепенное покореніе смежныхъ племенъ и земель, не имѣли того характера завоеванія и опустошенія, какое ознаменовало нашествіе варваровъ въ западной Европѣ. Этотъ фактъ нужно положительно выяснить, потому что нѣкоторые

наши ученые критики, чтобы вывести полное сродство нашей исторіи съ исторіей западной Европы, заявляютъ, что и Русь была завоевана, и приводятъ въ примѣръ походы Олега на Кіевъ и другія юго-славянскія земли, усмиреніе бунтовъ древлянъ, вятичей, заключая изъ этого, что завоеваніе не подлежитъ сомнѣнію.

Въ главѣ IV, о землевладѣніи въ Германіи, мы видѣли, какимъ порядкомъ совершалось водвореніе новыхъ варварскихъ племенъ въ странахъ, ими забранныхъ; мы видѣли, что они приходили не въ составѣ дружинъ, т.-е. княжескихъ свитъ, а цѣлыми полчищами и толпами. Римскіе историки насчитываютъ въ ополченіи Арговиста сначала 15,000 человѣкъ, потомъ, когда земли оказалось въ волю,—до 120,000 вооруженныхъ людей; всѣ эти пришлецы (маркоманы, венеты, готы, саксонцы) шли на римскія провинціи съ опредѣленной цѣлью—завладѣть привольными угодьями, уже воздѣланными туземцами, и первое и главное ихъ дѣйствіе было отнятіе земель у прежнихъ владѣльцевъ и присвоеніе ихъ себѣ, причемъ одна часть, отъ одной до двухъ-третей, забиралась побѣдителями въ непосредственное свое распоряженіе подъ господскую усадьбу и запашку, а другая оставлялась, и то не всегда, въ условномъ пользованіи прежнихъ собственниковъ, но уже на правахъ не собственности, а откупного или оброчнаго содержанія. Если сообразить, что 120,000 взрослыхъ воиновъ соотвѣтствуютъ по крайней мѣрѣ полмилліону населенія разныхъ возрастовъ и обоихъ половъ, то очевидно, что эти нашествія были вмѣстѣ съ тѣмъ и насильственныя поселенія цѣлыхъ ордъ хищниковъ, предметъ коихъ было пріобрѣтеніе земель.

Ничего подобнаго не было на Руси; одни племена (славяне, кривичи, чудь, меря) призвали варяговъ, другіе, сосѣдніе (древляне, вятичи), не хотѣли ихъ признать; на нихъ ополчались князья, усмиряли бунты, присоединяли ихъ къ своему княжескому столу, но земель не забирали, точно такъ, какъ въ новѣйшее время русскіе государи, завоевывая Финляндію, Польшу, не брали въ казну частныхъ помѣстій, или крестьянскихъ участковъ; на покоренныхъ жителей налагалась дань съ дыма, съ двора и сохи, съ осѣдлости и недвижимаго имущества, и эта дань означала принадлежность всей

земли, т.-е. области, волости побѣдителю, но нисколько не нарушала правъ коренныхъ жителей, державшихъ землю; выраженіе „взять землю ихъ“ не значитъ, какъ полагаетъ одинъ критикъ, что Володимиръ отобралъ у ятвяговъ ихъ поземельную собственность, а только то, что онъ взялъ, т.-е. завоевалъ ихъ страну.

Итакъ, чтобы не спорить о словахъ, можно, пожалуй, согласиться, что и въ Россіи, при первомъ водвореніи варяжскихъ дружинъ, были завоеванія, но не было экспропріаціи, а въ этомъ-то именно и заключается все различіе основъ нашей гражданственности. Прежніе владѣльцы, мужи и мужики, не были обезземелены, не уступили ни князьямъ, ни дружинникамъ никакой части своихъ усадебъ, полей и луговъ, продолжали ими владѣть непосредственно и только въ знакъ покорности, подданства, обложены были податью, данью, въ пользу побѣдителей [6]).

Въ X и XI столѣтіяхъ упоминается уже довольно ясно о крестьянскомъ сословіи, и въ „Русской Правдѣ“ подъ именемъ „закуповъ“ разумѣется именно тотъ классъ сельскихъ жителей, который впослѣдствіи назывался черными тягловыми людьми. Они были вполнѣ вольные, пользовались гражданскими правами, принимались въ свидѣтели, получали вознагражденіе (пеню въ 12 гривенъ) за обиду и, сидя на чужихъ земляхъ, обработывали ихъ за условленную плату, или въ возвратъ ссуженныхъ имъ денегъ.

Выраженіе „закупъ“, „наймитъ“ относится къ этому состоянію людей, вступившихъ въ вольный договоръ съ землевладѣльцемъ, закупленныхъ или нанятыхъ на извѣстныя работы; но это были не батраки, не поденщики, а поселяне, домохозяева. „Русская Правда“ поясняетъ, что закупы жили на двоякихъ условіяхъ—или получали часть урожая, какъ впослѣдствіи половники, или часть земли, за которую обязывались обработывать другую часть на господина.

Господа эти были, во-первыхъ, коренные, туземные землевладѣльцы, лучшіе мужи и бояре, о коихъ упоминается при самомъ призваніи Рюрика; затѣмъ дружинники, которыхъ князья ставили въ города и волости, и, наконецъ, сами князья.

Въ каждой изъ раздаваемой волости открывались необъятныя пространства пустыхъ, незаселенныхъ и никому не принадлежавшихъ земель, которыя и присвоивались лучшими, богатѣйшими людьми; присвоеніе это собственно и совершалось занятіемъ, поселеніемъ на пустошахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Чтó оставалось затѣмъ незанятымъ—считалось общественною собственностью и называлось княжеской вотчиной—когда были князья, городской, земской — когда государя не было; такъ Великій Новгородъ и Псковъ признавались собственниками, верховными владѣльцами обширныхъ земель, издавна приписанныхъ къ этимъ городамъ, и владѣли ими, какъ и князья, на правахъ частной собственности, и вмѣстѣ какъ государи, представители казны. На этихъ-то пустыхъ земляхъ свободно, безпрепятственно, часто безъ спроса и вѣдома, селились смерды, простые люди, не имѣвшіе до того времени собственныхъ земель, строили села и деревни, и разверстывали между собой полевыя полосы и луга, владѣя ими сообща. Отсюда и начало общиннаго землевладѣнія, которое завелось и развивалось въ Россіи параллельно черезъ всю нашу исторію. Были ли эти люди собственниками занятыхъ ими угодій, или только съемщиками, содержателями? Можно ли признать общинное владѣніе равноправнымъ съ вотчиннымъ княжескимъ и боярскимъ? Имѣла ли вообще сельская община въ эти древнія времена то же значеніе, чтó нынѣ, мірскаго, черезполоснаго, передѣляемаго владѣнія? Вотъ вопросы, которые намъ слѣдуетъ разъяснить здѣсь же, въ началѣ этого историческаго обзора, потому что они вліяютъ на всѣ дальнѣйшія изслѣдованія.

Извѣстно, что самое существованіе общины, какъ хозяйственнаго поземельнаго союза, отрицается нѣкоторыми критиками; многіе полагаютъ, что она устроилась въ позднѣйшія времена подъ вліяніемъ административныхъ и фискальныхъ воззрѣній, что первобытное разселеніе русскихъ крестьянъ было подворное, участковое. Мнѣніе это подтверждается будто бы тѣмъ, что объ устройствѣ мірскаго владѣнія и общины вообще не имѣется свѣдѣній въ нашихъ лѣтописяхъ и историческихъ актахъ, и что, напротивъ, въ многочислен-

ныхъ грамотахъ, договорахъ и въ особенности въ писцовыхъ книгахъ являются постоянно вольныя сдѣлки, контракты, заключенные владѣльцами земель съ поселянами на отводъ имъ опредѣленныхъ семейныхъ и подворныхъ участковъ.

Аргументація эта едва ли можетъ быть признана убѣдительной, ибо мірское владѣніе есть именно та форма изстари первобытнаго поселенія, о коей историческихъ памятниковъ не имѣется, потому что она предшествовала исторіи и письменности; она основывалась не по договору, или какому-либо акту, не по уступкѣ или продажѣ, а посредствомъ самовольнаго, или, вѣрнѣе сказать, самоправнаго занятія пустыхъ земель. Этотъ порядокъ продолжался съ незапамятныхъ временъ до новѣйшихъ; заимка, займище означали именно такое мѣсто, которое занято подъ распашку, отхожую пустошь, лѣсную лядину, гдѣ поселялись одно или нѣсколько семействъ и владѣли, чѣмъ Богъ послалъ, всюду, „куда топоръ, соха и коса ходили". Одни изъ нихъ имѣли особые участки, другіе владѣли сообща; подворное владѣніе заводилось вмѣстѣ съ мірскимъ, безъ всякаго права и безъ всякаго прекословія, потому что спорить было некому. Были ли эти первобытные односельцы родовыя, семейныя группы, какъ признаютъ ихъ одни ученые? или случайныя товарищества пахарей (изорниковъ), лѣсопромышленниковъ, рыболововъ (кочетниковъ)? сходились ли они въ артели, мірскія общества для водворенія своего на новыхъ мѣстахъ, или переходили отдѣльными семействами, родственными союзами? — этого, разумѣется, изслѣдовать невозможно; но вѣрно то, что всѣ эти случаи встрѣчались, что рядомъ съ подворными участками были и общинныя земли, и что объ этомъ крестьянскомъ завладѣніи пустыхъ земель свѣдѣній не осталось, потому что оно совершалось помимо и безъ вѣдома всякихъ властей.

Но, кромѣ того, намъ кажется, что древнѣйшее существованіе мірскаго землевладѣнія уже доказывается само собой и самымъ неопровержимымъ образомъ тѣмъ, что оно сохранилось до новѣйшихъ временъ, составило впослѣдствіи общую всенародную форму крестьянскаго быта во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ. Чтобы убѣдить насъ, что эта форма была введена административнымъ, или фискальнымъ поряд-

комъ, надо было указать: гдѣ, когда и какъ послѣдовалъ этотъ коренной переворотъ; какъ это сдѣлалось, что изъ повсемѣстнаго участковаго владѣнія образовалось общинное; какъ это отобраны были у частныхъ собственниковъ ихъ семейныя и наслѣдственныя усадьбы и поля, срыты дворы, распаханы межи и всѣ земли сведены въ одни поля съ смежными поселянами? когда и какою властью совершена была громадная операція экспропріаціи частныхъ владѣльцевъ и перевода ихъ въ міръ; гдѣ слѣды и признаки этого первообразнаго населенія, гдѣ остатки смѣщенныхъ дворовъ, упраздненныхъ нивъ, стараго жилья, слѣды коего, какъ извѣстно, сохраняются въ подпочвѣ нѣсколько столѣтій сряду, гдѣ, однимъ словомъ, въ исторіи и въ натурѣ указаніе факта, что древнѣйшая форма участковаго землевладѣнія была когда-то преобразована въ общинную, которая и сдѣлалась общенародною?

Если трудно развести общину, выдѣлить изъ нея участки, то еще несравненно труднѣе свести ее изъ отдѣльныхъ домохозяевъ, имѣющихъ свои семейные надѣлы. Еслибъ въ новѣйшее время, послѣ Петра Великаго, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые критики, дѣйствительно совершился такой бытовой, всенародный переворотъ, то нельзя себѣ представить, чтобы онъ не былъ засвидѣтельствованъ актами, указами, или другими свѣдѣніями; трудно предположить, чтобы онъ совершился безъ большихъ смутъ и сопротивленій.

Поэтому мы думаемъ, что мірское владѣніе было на Руси такое же древнее, исконное, какъ и подворное; что на частныхъ земляхъ поселялись крестьяне бо́льшею частію посемейно, подворно, что́ и засвидѣтельствовано въ многочисленныхъ актахъ и договорахъ, и что, напротивъ, на пустыхъ земляхъ, считавшихся номинально за княземъ или городомъ, заводились селенія группами дворовъ, съ улицей, выгономъ и съ полями, подѣленными на полосы, дѣлянки и углы, которые по возможности уравнивались между домохозяевами.

И по природному свойству русской земли, нельзя себѣ представить, чтобы поселенія на новыхъ мѣстахъ могли быть иныя, какъ сообща, міромъ, обществомъ, ибо выборъ пригодныхъ для жительства и хлѣбопашества мѣстъ былъ очень стѣсненъ, несмотря на необъятныя пространства земель. Вся

сѣверо-восточная полоса представляется и понынѣ въ такомъ видѣ, что на площади въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, среди дремучихъ лѣсовъ и зыбкихъ болотъ, всплываетъ песчаная горушка, кругомъ нея нѣсколько такихъ же песчаныхъ десятинъ, болѣе или менѣе годныхъ для хлѣбопашества, а далѣе нивы, перелѣски, пожни, которыя протягиваются длинными и узкими полосами, обходя, съ одной стороны, топи и мхи, съ другой—лѣса, выгари; такъ что если бы на этомъ пространствѣ размѣстить жихарей по отдѣльнымъ дворамъ, то изъ 10 хозяевъ пришлись бы одному всѣ лучшія угодья, другому—среднія, а остальнымъ дикіе и неудобные пустыри.

Очевидно, что постепенное заселеніе такихъ мѣстъ возможно было только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы устраивать жилье въ одномъ общемъ усадебномъ участкѣ и нарѣзать прочія полевыя угодья узкими полосами, протягивающимися отъ дворовъ черезъ всю дачу, куда проникаютъ топоръ, соха и коса; это было единственное средство уравнять поземельное владѣніе, и еслибъ наши поселенцы дѣйствовали иначе, еслибъ они выбирали каждый себѣ отдѣльный участокъ, въ одной окружной межѣ, то, безъ сомнѣнія, половина мѣстъ, нынѣ заселенныхъ, осталась бы и по сіе время впустѣ.

Въ южной и степной Россіи, то же самое затрудненіе представлялось въ водопоѣ; точно такъ, какъ на сѣверѣ, селенія смыкались отъ недостатка удобныхъ мѣстъ и сухихъ почвъ для усадебъ и пашни,—на югѣ крестьяне скоплялись въ большія слободы и села около рѣкъ и ручьевъ, потому что въ степи не находили воды; здѣсь дѣйствовала и другая причина, это оборона противъ разныхъ хищническихъ племенъ, которая породила казачество, самую вольную и полную форму общиннаго быта.

Такимъ образомъ общинное землевладѣніе, безъ сомнѣнія, — первобытный, изстаринный обычай во всѣхъ мѣстахъ новыхъ поселеній, и только развѣ около Москвы, гдѣ вотчинная помѣстная собственность преобладала, можетъ быть предпочитался подворный надѣлъ съ семейными участками; мы говоримъ: можетъ быть—потому, что и это кажется очень сомнительнымъ, если принять въ соображеніе, что слѣдовъ этихъ отдѣльныхъ выселковъ и дворовъ оставалось мало и въ подмосковномъ краѣ.

Поэтому мы все-таки считаемъ себя вправѣ поставить вопросъ: если участковое владѣніе было такъ распространено въ Россіи въ прежнія времена, то когда же послѣдовалъ переворотъ, заставившій домохозяевъ уступить свои семейные и наслѣдственные участки міру, общинѣ и переписаться изъ самостоятельныхъ домозяевъ въ члены сельскихъ обществъ? [7]).

Правдоподобнѣе предположить, что русская земля населялась различно по разнымъ полосамъ; что тамъ, гдѣ основалось частное землевладѣніе князей и бояръ, возникли и отдѣльныя оброчныя статьи, которыя сдавались крестьянамъ по условіямъ и договорамъ, и что эти акты были и единственными письменными документами, дошедшими до насъ; что, напротивъ, всѣ отдаленные края, разстилающіеся отъ Новгорода на сѣверъ, отъ Москвы на востокъ, отъ Кіева на югъ, занимались пахарями, лѣсопромышленниками, рыболовами въ составѣ артелей, товариществъ, группъ домохозяевъ и забирались самовольно, безъ спроса, по праву перваго занятія, переходили въ ихъ вѣчное владѣніе по праву давности. Разумѣется, объ этихъ захватахъ ни лѣтописи, ни грамоты не упоминаютъ по той простой причинѣ, что никакого ввода во владѣніе при томъ не происходило и ничего не писалось, потому что всѣ владѣльцы-общинники были безграмотны.

Новгородскія и псковскія лѣтописи и узаконенія составляютъ древнѣйшіе памятники крестьянскаго быта на Руси. Въ „Русской Правдѣ“ уже выдѣляются нѣкоторыя главныя черты этого быта, а именно, гражданская равноправность крестьянъ и свободный ихъ переходъ.

Послѣ „Русской Правды“ древнѣйшія свѣдѣнія о крестьянахъ мы находимъ въ псковской судной грамотѣ XIII столѣтія; въ ней нѣкоторыя отношенія крестьянъ къ землѣ уже опредѣляются съ бо́льшею точностью, между тѣмъ какъ въ первомъ изъ этихъ узаконеній упоминается только о закупахъ и христіанахъ, живущихъ на чужихъ земляхъ по срочному договору, —по найму, или до заработка ссуженныхъ имъ денегъ. Въ псковской грамотѣ уже являются другія названія (изорники, кочетники) и другія условія: изорники (пахари)

садятся на хозяйскія земли не въ годы, какъ наймитъ, а безсрочно, сколько поживется; они могутъ отходить безпрепятственно отъ господина и господинъ можетъ ему отказывать, но не иначе какъ въ опредѣленный срокъ—„о Филиповѣ заговеньѣ“, въ противномъ случаѣ, при отказѣ той или другой стороны не въ установленный срокъ, крестьянинъ уплачиваетъ неустойку, а господинъ, или самъ государь, князь долженъ уступить изорнику (пахарю) четвертую часть платы, или кочетнику (рыболову) — рыбную часть; если изорникъ бѣжалъ безъ спроса и заявленія объ отлучкѣ, отпора, то господинъ имѣлъ право взять оставшееся отъ него имущество и продать его въ счетъ своей покруты, ссуды, но при этомъ требовалось, чтобы онъ взялъ у князя или посадника губнаго старосту и вызвалъ стороннихъ людей для присутствованія при разсчетѣ. Наконецъ, въ той же псковской грамотѣ упоминается и объ искахъ крестьянъ на господъ, объ обоюдныхъ ихъ долговыхъ обязательствахъ, о правахъ собственности крестьянъ на орудія, рабочій скотъ, хлѣбъ и прочую движимость.

Такимъ образомъ, въ концѣ XIII или началѣ XIV столѣтія, передъ нашествіемъ татаръ, въ Псковѣ и во всѣхъ прочихъ земляхъ, тянувшихъ къ Новгороду, крестьянскій бытъ развивался своеобразно: недвижимой собственности за крестьянами не считалось, земли, какъ мірскія, такъ и владѣльческія, имъ не принадлежали; первыя признавались общественными, государевыми, княжескими, вторыя — боярскими или тоже княжескими, если они пріобрѣтали ихъ покупкой; всѣ крестьяне жили на чужихъ земляхъ и de jure были сословіе неимущее, безземельное; но фактъ былъ гораздо сильнѣе права въ этомъ грубомъ обществѣ и владѣніе крестьянъ было въ дѣйствительности и прочнѣе, и просторнѣе, чѣмъ собственность бояръ, князей, лучшихъ мужей, державшихъ земли.

Болѣе или менѣе стѣсняемые на владѣльческихъ земляхъ, они пользовались неограниченнымъ и безсрочнымъ правомъ владѣнія на мірскихъ угодьяхъ, гдѣ распахивали и расчищали, сколько могли, селились и жили, сколько поживется, не зная ни межъ, ни сроковъ, не стѣсняясь ни пространствомъ, ни временемъ и вполнѣ предаваясь привольному, распашному хозяйству, которое такъ свойственно русскому человѣку.

Затѣмъ слѣдуетъ двухвѣковой періодъ татарскаго ига, въ продолженіи коего вся общественная жизнь замираетъ и только въ концѣ XV-го столѣтія начинаютъ снова появляться нѣкоторыя свѣдѣнія о сельскомъ бытѣ; крестьянъ называютъ уже черными людьми „въ отличіе отъ бѣломѣстцевъ", неподатныхъ сословій, или — тяглыми, численными людьми, т.-е. записанными въ окладъ, въ различіе отъ нетяглыхъ, въ числѣ коихъ считались пріемыши, работники, подсусѣдники, холопы, не владѣвшіе землей, не приписанные къ міру, не участвовавшіе въ волостныхъ или сельскихъ разметахъ и разрубахъ.

Съ этого времени и начала московскаго періода начинается постепенно укрѣпляться связь лица съ землей, которая окончательно разрѣшилась полнымъ ихъ смѣшеніемъ и неразрывнымъ закрѣпленіемъ. Житель получаетъ названіе обывателя, т.-е. человѣка осѣдлаго, постоянно бывающаго на мѣстѣ; князья и бояре не обыватели, потому что странствуютъ изъ удѣла въ удѣлъ, служатъ то одному великому князю, то другому, малому. Гость, купецъ, крестьянинъ, наоборотъ, не могутъ быть безъ земли, не могутъ не принадлежать къ общинѣ и должны тянуть или къ городу, или къ волости; лишаясь земли, они перестаютъ быть тяглыми и въ то же время теряютъ все общественное, гражданское свое значеніе; наконецъ, бояре и монастыри, если они пріобрѣтаютъ земли, тоже приписываются къ территоріальному округу, но не по личному своему состоянію, а по „землѣ и водѣ, коими владѣютъ".

Съ XV-го столѣтія поземельныя отношенія принимаютъ уже болѣе опредѣлительный характеръ, по крайней мѣрѣ въ московскомъ княжествѣ, къ коему и относятся почти всѣ имѣющіяся за это время свѣдѣнія.

Во-первыхъ, установляется поземельный окладъ, который служитъ общимъ мѣриломъ не только для налоговъ и повинностей, но и для всѣхъ земельныхъ отношеній.

Податныхъ единицъ двѣ: одна крупная, общественная, для распредѣленія всѣхъ сборовъ по территоріи — это соха; другая — частная, хозяйственная, для надѣла и владѣнія отдѣльныхъ домохозяевъ — это выть.

Соха есть мѣра условная; она опредѣляется не протяженіемъ и объемомъ, а повинностію, на нее наложенною; сохи

были безконечно различны по разнымъ мѣстностямъ и по родамъ владѣнія, но всѣ одинаковы по окладу. Новгородская соха была въ 10 разъ больше, чѣмъ московская; въ Москвѣ полагалось три разряда сохъ — доброй земли полагалось на соху отъ 600—800 четвертей въ полѣ, „а въ дву потомужъ", что́ составляетъ въ 3-хъ поляхъ 1,800 — 2,400 четв. или 900 — 1,200 десят. (1 десятина = 2 четвертямъ); средней больше 700—1,000, дурной отъ 800 до 1,200.

Сохи были также различны по состоянію жителей и владѣльцевъ, и чѣмъ льготнѣе было это состояніе, тѣмъ болѣе приписывалось земли къ окладной единицѣ: въ дворцовыхъ имѣніяхъ въ сохѣ считалось 1,300 четв. (650 дес.), въ вотчинахъ боярскихъ 800 — 1,200, въ монастырскихъ 600, наконецъ въ черныхъ волостяхъ въ крестьянскихъ общинахъ — только 400; а такъ какъ всѣ сохи облагались однимъ окладомъ, то черная соха платила въ $1^1/_2$ раза больше церковной, въ 2 и 3 раза больше владѣльческой.

Въ городахъ сохи считались не по четвертямъ, а по дворамъ и были тоже разряды лучшихъ дворовъ, коимъ полагалось на 1 соху 40, среднихъ 80, младшихъ 160.

Въ другихъ городахъ, въ слободахъ и пригородахъ, счетъ былъ другой: въ Муромѣ въ сохѣ считалось 147 дворовъ, въ Чердынѣ 392; бобыльскихъ дворовъ полагалось 24 противъ 1 полнаго.

Сельскія сохи относились только къ пашнѣ, луга считались особо копнами, кучами сѣна по среднему урожаю, лѣса измѣрялись линейною мѣрою, верстами вдоль и поперегъ.

Это была мѣра окладная, фискальная, очень крупная, отъ 600 до 1,950 десят.

Другая хозяйственная и частная мѣра была выть или обжа, означавшая мелкую платежную единицу, съ коей отбывались служба и повинности. На 1 соху считалось примѣрно 71 выть, въ каждой выти по 10 четв. (или 5 дес.). Но тотъ же самый порядокъ уравненія окладовъ, какой мы выше описали, примѣнялся и здѣсь къ припискѣ вытей къ сохѣ; смотря потому, какъ хотѣли угодить владѣльцу, въ соху, въ окладъ клали болѣе или менѣе вытей, въ черныхъ волостяхъ только 42 (210 дес.), въ монастырскихъ 50, а въ помѣстьяхъ 67.

Разумѣется, что всѣ приведенныя нами числа взяты только изъ отдѣльныхъ примѣровъ той или другой грамоты и что общихъ нормальныхъ размѣровъ ни сохи, ни выти, ни даже четверти или десятины не было въ эти невѣжественныя времена; поземельная мѣра опредѣлялась посѣвомъ ржи и на 1 четверть пашни, кажется, считалось 1/2 четверти (4 четверика) сѣмянъ; счетъ на десятины былъ также различный и полагался то въ 2,400 кв. саж., то въ 3,200, то въ 3,600, причемъ прикладывалась только длина и ширина, а углы выкидывались или опредѣлялись глазомѣромъ.

Тѣмъ не менѣе изъ этихъ сбивчивыхъ и скудныхъ свѣдѣній, можно уже себѣ составить нѣкоторое понятіе о поземельномъ бытѣ въ Россіи XV-го и XVI-го вѣка.

Земли было въ волю и никто не стѣснялся ея владѣніемъ; жителей, рабочихъ силъ было, напротивъ, мало; князья бояре, монастыри и владыки, а всего болѣе черные люди, крестьяне, наперерывъ заботились о томъ, чтобы привлечь на свои земли, въ свои общины или вотчины наибольшее число хлѣбопашцевъ: первые—князья и владѣльцы—чтобы увеличить доходность своихъ и казенныхъ имѣній, вторые для того, чтобы разверстать подати и оброки на бо́льшее число плательщиковъ. Для удобства обложенія и взиманія сборовъ, князья приняли очень круглую и крупную единицу—соху, и ничего болѣе не хотѣли знать, какъ эту окладную единицу, предоставляя обывателямъ и владѣльцамъ разлагать повинности, какъ они знали и умѣли, внутри обществъ и помѣстій. Подъ тяжелымъ гнетомъ такой грубой податной системы, заселеніе новыхъ мѣстъ должно было преуспѣвать, ибо всѣ власти и сословія были одинаково заинтересованы, чтобы „земли не оставались впустѣ“ и эта забота „о порожнихъ, пустыхъ земляхъ“ составляетъ главную характеристическую черту исторіи русскаго землевладѣнія до XVII-го столѣтія.

Выть или обжа (первая въ Москвѣ, вторая въ Новгородѣ) была главною основою не только податной системы, но и земельнаго надѣла и владѣнія, и такъ какъ эта мѣра была опредѣленная (четвертная или десятинная), а всѣ отношенія крестьянъ между собой и къ внѣшнимъ властямъ и владѣльцамъ обозначались повытно, то изъ этого нѣкоторые изслѣдователи заключили, что выть означала участокъ, что

хозяева садились на эти участки отдѣльно и подворно, и что самые участки были различные — полные, половинные, четвертные. Выть, обжа были въ древнія времена то же самое, что́ впослѣдствіи тягло, не поземельная мѣра, а произвольный и случайный размѣръ земли (и притомъ только пахатной), приходившейся въ данной мѣстности на одного полнаго и взрослаго рабочаго мужика съ бабой; такой полный рабочій садился на полную выть; если умирала баба или мужикъ выходилъ изъ лѣтъ, ему оставляли полъ-выти; если и затѣмъ онъ не могъ осилить пашни, онъ сдавалъ въ міръ $^3/_4$, а себѣ на прокормленіе оставлялъ $^1/_4$.

Всѣ платежи въ казну, какъ выше сказано, разсчитывались по сохамъ, по пространству; но разверстка внутри обществъ производилась по вытямъ, т.-е. по числу обывателей, надѣленныхъ землей, и такъ какъ этотъ надѣлъ былъ въ каждой мѣстности разный, то и повинности, барщинныя и оброчныя во владѣльческихъ имѣніяхъ, казенныя въ черныхъ волостяхъ, были различныя: на Троицко-Сергіевскій монастырь крестьяне пахали по 5 дес. съ выти, на Соловецкій—сѣяли по 1 четв. ржи и по 2 овса, что́ составляетъ не болѣе 2-хъ десятинъ.

Повытная разверстка была такая же точно, какъ впослѣдствіи тягловая; уже во многихъ договорахъ XVI-го вѣка—выраженіе „тягло“ появляется рядомъ съ вытью и обжей, и всѣ эти термины относились не къ земельному надѣлу, а къ поземельному окладу, означали не опредѣленный размѣръ крестьянскаго подворнаго участка, а только ту долю въ общихъ поляхъ (кости, жеребьѣ, клинѣ), которая приходилась на рабочаго взрослаго крестьянина по разверсткѣ угодій и повинностей между всѣми односельцами поровну.

Между тѣмъ, какъ происходило это важное нововведеніе въ крестьянскомъ быту земель, подвластныхъ Москвѣ, именно раздѣленіе ихъ на тяглыхъ и нетяглыхъ—вольный переходъ еще продолжалъ существовать; кочевой бытъ князей и ихъ слугъ начиналъ уже прекращаться въ XV столѣтіи, но право перехода крестьянъ еще удерживается, правда съ нѣкоторыми ограниченіями: а) на водвореніе новожиловъ, по нѣко-

торымъ грамотамъ, требуется согласіе или общинъ и общинныхъ начальниковъ (сотниковъ, старостъ), или землевладѣльцевъ, если они садились на частныхъ земляхъ; b) тяглымъ людямъ, записаннымъ въ окладныя (писцовыя) книги и поэтому иногда именуемымъ письменными людьми, запрещается выходить изъ общества безъ его согласія; c) наконецъ устанавляется, или, вѣрнѣе сказать, узаконяется древній обычай — переходить или заявлять о переходѣ въ извѣстный срокъ, въ Новгородѣ въ заговѣнье—14 ноября, въ Москвѣ въ Юрьевъ день—26 ноября.

Но всѣ эти мѣропріятія были не что болѣе, какъ попытки великихъ князей ввести свои порядки въ безначальный бытъ вольныхъ крестьянъ и всѣ они, въ сущности, оставались мертвой буквой. Вольный переходъ, разгулъ этой сельской жизни, былъ, съ одной стороны, глубоко вкорененъ въ народныхъ нравахъ, и съ другой — соотвѣтствовалъ прямымъ интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, бояръ, владыкъ, монастырей и самихъ князей по ихъ собственнымъ дворцовымъ селамъ и вотчинамъ.

Тяглыхъ людей еще старались какъ-нибудь удержать на мѣстахъ потому, что они приносили свою долю пользы и выгодъ, пахали землю и платили оброкъ, но за то всѣхъ прочихъ, не-тяглыхъ, переманивали наперерывъ одинъ отъ другого землевладѣльцы всѣхъ сословій; сыновья выдѣлялись отъ отцовъ, братья отъ братьевъ, и, уходя изъ черныхъ волостей, гдѣ тягло было особенно трудно, селились на частныхъ земляхъ, гдѣ повинности были легче въ общей сложности, несмотря на то, что часть ихъ отбывалась на владѣльца, потому что окладная единица, соха, была у бѣломѣстцевъ вдвое и втрое больше, чѣмъ въ черныхъ волостяхъ.

Такимъ образомъ, черныя волости, вольныя общины служили разсадниками для заселенія владѣльческихъ земель, и черезъ все время, XV и XVI столѣтій, тянется безконечно однообразная жалоба крестьянъ, что „деревни и дворы пустуютъ“, что „порожнихъ мѣстъ все прибываетъ“, что бѣломѣстцы, закупая ихъ крестьянскія земли, „обѣляютъ ихъ“, выпрашиваютъ себѣ отъ князей жалованныя льготныя грамоты, отчего тягости все болѣе и болѣе обрушаются на нихъ, на государевыхъ тяглыхъ людей. Но государь, какъ мы ска-

зали, былъ и самъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, въ качествѣ собственника, и такъ какъ въ дворцовыхъ имѣніяхъ соха, платежная единица, была болѣе, чѣмъ въ 3 раза крупнѣе, чѣмъ въ черныхъ волостяхъ, то понятно, что и земли на тягло можно было надѣлять втрое больше, или оброка и барщины справлять втрое меньше. Вольный переходъ, очень стѣснительный для государя, какъ правителя, былъ очень выгоденъ для государя, какъ землевладѣльца, потому что его отхожія пустоши и дикія земли постепенно заселялись выходцами изъ крестьянскихъ общинъ.

Выходъ этотъ не имѣлъ для крестьянина, въ сущности, никакихъ вредныхъ послѣдствій, хотя съ перваго взгляда по нашимъ юридическимъ понятіямъ неестественно, нераціонально, чтобы люди, жившіе на волѣ и на собственныхъ земляхъ, переходили добровольно на чужія земли и вступали въ условія, болѣе или менѣе зависимыя отъ ихъ владѣльцевъ. Но въ строгомъ смыслѣ слова собственныхъ земель не было у крестьянъ: всѣ земли были общественныя, государевы, или городскія или частныя, или монастырскія и боярскія, и полной воли не было ни на тѣхъ, ни на другихъ; вездѣ платились дани и оброки, на однихъ больше, а на другихъ меньше; вездѣ разверстка, внутренняя раскладка дѣлалась міромъ, не по какой-либо опредѣленной указной нормѣ, а по собственному усмотрѣнію, „по животамъ и промысламъ“, т.-е. по самостоятельной оцѣнкѣ платежныхъ средствъ домохозяевъ; всѣ крестьяне, на какихъ бы земляхъ они ни жили, „тянули по суду и дани“, къ городу или волости, и разница, не хозяйственная, а административная, между крестьянами разныхъ наименованій состояла только въ томъ, что въ городахъ и вольныхъ волостяхъ ихъ судили люди приказные, намѣстники и волостные, а въ частныхъ имѣніяхъ—владѣльцы по маловажнымъ проступкамъ, приказные—по уголовнымъ дѣламъ. Но жить за владѣльцемъ въ то время было несравненно безопаснѣе и привольнѣе, чѣмъ жить на волѣ, т.-е. за тѣми же боярами и служилыми людьми, наряжаемыми отъ князя для суда и расправы; кормленіе этихъ послѣднихъ, намѣстниковъ и волостелей, обходилось такъ же дорого, какъ барщина и оброкъ, справляемые въ пользу господъ. [8]).

Послѣднее дѣйствіе крестьянской вольности происходитъ въ Москвѣ, въ послѣдней половинѣ XV-го столѣтія, и продолжается до конца XVI-го. Царствованія Іоанна III и IV могутъ быть названы временемъ судебниковъ. Впрочемъ, эти законоположенія, судебники 1497 и 1550 гг., не измѣнили по существу народнаго быта, выяснили и подтвердили только старинные обычаи, свели въ одно цѣлое, въ одинъ уставъ, разнообразныя правила, узаконенныя въ отдѣльныхъ грамотахъ, договорахъ, и свели ихъ безъ всякой системы, безъ всякаго руководящаго начала. Точно такъ, какъ московскіе цари собирали земли, но не устраивали ихъ, собирали они и законы, не соглашая ихъ между собой и сопоставляя самыя противоположныя правила, самые разнорѣчивые приказы и указы.

Но тѣмъ не менѣе эти два законодательные акта, первые въ Россіи послѣ промежутка 400 лѣтъ безначалія, послѣ „Русской Правды", рисуютъ довольно вѣрно и полно картину русскаго общества, какъ оно вышло изъ этого долголѣтняго и всенароднаго смущенія, т.-е., полное противорѣчій, своеобразностей, недоразумѣній и исключеній.

Въ отношеніи крестьянскаго быта, который мы теперь разсматриваемъ, политика московскихъ царей имѣла, впрочемъ, довольно твердое и послѣдовательное направленіе; она имѣла въ виду дать бо́льшую самостоятельность сельскимъ обществамъ, крестьянскому міру, связать ихъ непосредственно и помимо мѣстныхъ начальниковъ и землевладѣльцевъ съ московскимъ приказнымъ управленіемъ; однимъ словомъ, устроить нѣчто въ родѣ новѣйшаго цесаризма — мужицкое царство съ самодержавіемъ во главѣ. Для этого предпринято было регулированіе отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ и казнѣ и общее уравненіе всѣхъ сельскихъ обывателей передъ царскою властью; эти двѣ цѣли преслѣдовались настоятельно во весь долгій періодъ—съ воцаренія Іоанна III до смерти Грознаго.

Главныя мѣропріятія были слѣдующія:

а) Холопство, какъ личное рабство, или состояніе безземельныхъ слугъ и работниковъ, признается вреднымъ и хотя не отмѣняется безусловно, но ограничивается въ дальнѣйшемъ своемъ распространеніи. Холопы по рожденію, или по

прежнему добровольному договору, остаются еще за своими господами, но впредь запрещается „закабаленіе безъ доклада“; безъ разрѣшенія высшихъ властей; запрещается также обращать въ рабство плѣнныхъ и отмѣняется прежній порядокъ записывать въ холопы „до искупа“ должниковъ изъ крестьянъ, получившихъ ссуду (покруту) на обзаведеніе. Этотъ послѣдній способъ закабаленія, который былъ самымъ легкимъ для владѣльцевъ, самымъ заманчивымъ для бѣдныхъ поселянъ, замѣняется краткимъ предписаніемъ, что заимодавецъ отпускаетъ крестьянина и беретъ съ него только процентъ съ ссуженой суммы, „а жити ему о себѣ и на деньги ростъ давати“.

b) Далѣе находимъ въ Судебникѣ очень важное распоряженіе о такъ-называемыхъ „пожиломъ и повозѣ“ и вообще о разсчетахъ крестьянъ съ землевладѣльцами при отказѣ и переходѣ на другія земли, распоряженіе тѣмъ болѣе существенное, что, какъ видно изъ отдѣльныхъ актовъ, эти разсчеты не имѣли дотолѣ никакихъ основаній и служили главнымъ орудіемъ притѣсненія крестьянъ. Въ судебникахъ подтверждается и право вольнаго перехода, и порядки разсчета при такомъ переходѣ; „пожилое, повозъ, сносъ“ означали неустойку, добавочную плату, которую владѣльцы взимали съ поселянъ при ихъ отказѣ въ видѣ угрозы для задержанія ихъ на мѣстѣ; неустойка эта опредѣляется различно—во-первыхъ, по мѣстности, и, во-вторыхъ, по времени прожитія; мѣстности раздѣляются на двѣ категоріи: полевыя и лѣсныя; послѣдними признаются такія, гдѣ отъ усадебъ до строевого лѣса не болѣе 10 верстъ; по времени прожитія полагается 4 срока, полное пожилое за весь дворъ полагается „въ поляхъ рубль и въ лѣсахъ полтина“; послѣ 4 годовъ жительства, за 3 года $^3/_4$ платы, за два—половина и наконецъ за одинъ—только четверть. Во второмъ Судебникѣ, 1550 г., плата эта нѣсколько повышена, на два алтына, также прибавлена еще особая приплата за „повозъ“; далѣе, въ одномъ указѣ 1556 г., упоминается еще о сносѣ, особомъ видѣ неустойки, требуемой при отказѣ, и царь приказываетъ не давать суда на тѣхъ людей, которые жили у господъ добровольно, безъ крѣпости, и „пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ, или безъ отказа“.

Кромѣ того, въ видахъ обезпеченія податныхъ казенныхъ платежей установлены еще правила, что, отходя отъ владѣльца, крестьянинъ за стоячій на его землѣ хлѣбъ уплачиваетъ господину пеню въ два алтына и затѣмъ жнетъ рожь для уплаты подати царю, „а съ бояриномъ, за кѣмъ жилъ, дѣла не имѣетъ"; мало того, съ холопа, закабалившагося добровольно, взыскивается окладъ за прежнее время сполна и хлѣбъ, остающійся въ полѣ, тоже разсчитывается въ подать цареву и великаго князя.

c) Третья и самая важная черта крестьянскаго быта, въ это время,—уравненіе всѣхъ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ между собой, уравненіе вѣроятно и прежде существовавшее, но весьма часто нарушаемое происками частныхъ лицъ, бояръ, монастырей и владыкъ, домогавшихся льготъ, обѣленія своихъ мѣстъ. Изъ самыхъ статей Судебника оказывается, что это обѣленіе было въ древней Руси не правило, а исключеніе, не право, а милость, на которую, какъ гласитъ пословица, примѣровъ нѣтъ. Съ усиленіемъ царской власти, различіе между черными волостями и бѣломѣстцами постепенно исчезаетъ; эти два цвѣта сливаются въ одинъ сѣроватый: всѣ крестьяне, за кѣмъ бы они ни жили, признаются черными, тяглыми людьми, получаютъ свое выборное мірское управленіе, губныхъ старостъ, цѣловальниковъ, справляютъ подати царевы и великаго князя безъ изъятія, чинятъ сами судъ и расправу и, что́ всего важнѣе, разверстываютъ оклады и земли внутри обществъ по своему усмотрѣнію. Здѣсь, въ судебникахъ и разныхъ указахъ XVI-го вѣка, уже выясняются всѣ тѣ черты сельскаго мірского быта, которыя, переживъ три столѣтія и перетерпѣвъ всѣ удары судьбы, сохранились до нашихъ временъ. Раскладка земель по дворамъ и тягламъ есть дѣло мірское; волость, староста съ крестьянами раздаютъ земли, лѣса, даютъ жеребій на пустые дворы, присуждаютъ пустоши, пожни; они зазываютъ новыхъ жихарей на пустыя деревни и получаютъ также право выводить обратно старыхъ тяглецовъ, перезванныхъ бѣломѣстцами на свои земли и сажать ихъ назадъ по старымъ деревнямъ. Разверстка тяголъ есть тоже дѣло сельское, общественное, въ которое не входятъ ни казна, ни владѣлецъ; дѣлается она не по какимъ-либо нормальнымъ размѣрамъ,

дворамъ, десятинамъ, вытямъ, а по животамъ и промысламъ, т.-е. по расцѣнкѣ рабочихъ силъ, всего ближе опредѣляемыхъ въ сельскомъ быту числомъ скота (животовъ) и по соображенію особыхъ промысловъ (рыбныхъ, лѣсныхъ), находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ деревень и хозяевъ.

Казна и владѣлецъ знали только одну, если можно такъ выразиться, оптовую, территоріальную единицу для раскладки податей и повинностей — соху, и участіе властей въ распредѣленіи даней и сборовъ выражалось только въ томъ, что въ черныхъ волостяхъ, гдѣ, кромѣ казенныхъ, не было другихъ поборовъ—на соху клали десятинъ или четвертей меньше, отчего и плата дѣлалась больше а во владѣльческихъ, наоборотъ, соха была больше, такъ что господамъ оставалась еще излишняя земля противъ черныхъ сохъ, съ коей они и взимали свои частные оброки и повинности.

и d) Тяглыя общинныя земли такимъ образомъ сдѣлались неприкосновеннымъ фондомъ царской казны, несмотря на то, что принадлежали отчасти и частнымъ владѣльцамъ; тяглые люди имѣли право требовать возвращенія своихъ земель, если онѣ были перекуплены бѣломѣстцами, или отчуждены отъ нихъ насильственно; даже и при добровольной продажѣ волости сохраняли право выкупа проданныхъ участковъ. Такимъ же правомъ возвращенія, обратнаго вывода, пользовались они и относительно рабочихъ тяглецовъ, если они уходили безъ спроса и вѣдома на другія земли; всѣ таковыя правила въ судебникахъ предписываются вообще безъ различія владѣній, безъ изъятія боярскихъ и монастырскихъ вотчинъ, какъ общій законъ, подъ коимъ жили всѣ крестьяне. Изъятія безъ сомнѣнія были, но только именныя, а не сословныя, по отдѣльно жалованнымъ грамотамъ, а не по уставамъ, по особымъ заслугамъ такого-то боярина, по особому благоволенію царя и великаго князя къ такимъ-то святымъ угодникамъ и божьимъ храмамъ, по праву вотчиннаго, помѣстнаго или церковнаго владѣнія. Всѣ эти роды и виды частной собственности, уже и въ прежнія времена очень шаткія на Руси, при грозныхъ московскихъ царяхъ отошли на второй, даже на третій планъ; впереди стоялъ интересъ казны, т.-е. самого царя, который считалъ своимъ достояніемъ не только всю русскую землю, но и всѣ продукты этой земли и даже

хлѣбъ, посѣянный крестьяниномъ на землѣ частнаго владѣльца. Непосредственно за казеннымъ интересомъ, и въ тѣснѣйшей связи съ нимъ, шли пользы и нужды сельскихъ общинъ, какъ податныхъ плательщиковъ. Эти пользы и нужды состояли въ томъ, чтобы земли не пустѣли, не дичали и не выходили изъ рукъ тяглецовъ, чтобы крупные владѣльцы не забирали ихъ насильственно, не перекупали ихъ добровольно, а также и въ томъ, чтобы рабочія силы міра, общины, не уменьшались переходомъ въ личное услуженіе и безземельное холопство, или выводомъ тяглыхъ людей изъ селъ и волостей на господскіе хутора, выселки и пустоши.

Таковы были главныя черты крестьянскаго быта въ эту эпоху, въ XV вѣкѣ, въ послѣднее время крестьянской вольности. Вольность ихъ состояла въ томъ: a) что они переходили съ земли на землю по частному договору съ хозяиномъ, но уже не иначе, какъ съ разрѣшенія мірского общества, которое имѣло право ихъ переводить обратно на старое жительство;

b) что они судились и рядились своими выборными людьми, но при всемъ этомъ подвергались такой строгой круговой отвѣтственности, что право это обратилось въ повинность и выборная служба считалась такимъ же тягломъ, какъ и казенная;

и c) что крестьяне разверстывали совершенно вольно и самостоятельно, какъ земли между домохозяевами, такъ и платежи, не только поземельные, но и подоходные, „по животамъ и промысламъ“.

Изъ этихъ трехъ правъ самое существенное было послѣднее; вольный переходъ уже стѣснялся мірскими распорядками и казеннымъ надзоромъ, не выпускавшими обывателей изъ общинной среды, а самоуправленіе крестьянъ самовластіемъ московскихъ приказовъ; но древнее право мірскихъ разметовъ и разрубовъ сохранилось неприкосновенно, и этой связи было достаточно, чтобы удержать въ крестьянствѣ единственный общественный союзъ, который пережилъ всю нашу исторію — союзъ мірской.

Мы хотимъ теперь бросить взглядъ на положеніе русскаго землевладѣнія въ этотъ первый періодъ устроенія русскихъ земель и свести въ одну картину отдѣльныя черты этого положенія.

Первобытныя поселенія группировались преимущественно около трехъ главныхъ городовъ-столицъ: Новгорода, Кіева и Москвы, и въ треугольникѣ, образуемомъ этими тремя центрами древне-русскаго быта, развивались совмѣстно всѣ роды владѣнія—княжеское, боярское, церковное, вотчинное, помѣстное и крестьянское, подворное, участковое и мірское, или общинное. Всѣ эти различныя формы и виды поземельной собственности, которые на Западѣ развивались подъ вліяніемъ или по наслѣдству римской цивилизаціи, отдѣльно и опредѣлительно съ особыми наименованіями, potestas, dominium, proprietas, feudum, въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ этой части подстоличныхъ мѣстностей, тоже существовали, но не различались ни по понятію, ни по закону или праву, ни въ натурѣ. Сословія были: лучшіе мужи, бояре, средніе, меньшіе люди, смерды и закупы, но всѣ они смѣшивались среди общей безправности, жили вмѣстѣ въ селахъ и городахъ, забирали, перехватывали земли одни отъ другихъ и переходили: князья изъ удѣла въ удѣлъ, бояре — отъ князя къ князю, крестьяне — отъ князей къ боярамъ и съ вольной земли на владѣльческую; запродавали себя въ годы или въ вѣчное холопство, и всѣ вмѣстѣ искали только одного— просторныхъ и привольныхъ мѣстъ для жительства, или промысловъ, изъ коихъ главными были рыбныя ловли и лѣсная добыча. Только такими мѣстами и дорожили какъ крестьяне для своего прожитія, такъ и владѣльцы для выгоднѣйшей сдачи ихъ въ оброчное содержаніе.

Право собственности пріобрѣталось иногда покупкой, иногда и случайно по наслѣдству, бо́льшею частью по праву заимки, по давности владѣнія; оно и терялось вмѣстѣ съ отбытіемъ владѣльца, при отъѣздѣ вотчинника въ другой удѣлъ, при переходѣ крестьянина на другую землю.

Право частной владѣльческой собственности было очень шаткое, неопредѣленное и ограничивалось бо́льшею частью правомъ дани, сборовъ нѣкоторыхъ платежей въ пользу собственника, но не всѣхъ, потому что извѣстная доля плате-

жей и имущества крестьянъ всегда считалась княжеской; также и правомъ суда, но только маловажныхъ проступковъ, потому что уголовныя дѣла разбирались княжескими судьями.

Съ другой стороны, владѣльческія права также ограничивались и мірскими; внутренняя хозяйственная расправа по двумъ главнѣйшимъ статьямъ—распредѣленію земель и разверсткѣ платежей, повидимому, не выходила изъ рукъ крестьянскаго міра, селъ и волостей, ни въ черныхъ волостяхъ (казенныхъ), ни въ вотчинныхъ или помѣстныхъ.

Хозяйственное управленіе частныхъ лицъ и учрежденій (монастырей, церквей) собственно ограничивалось тѣмъ, что они постоянно пріискивали рабочихъ для своихъ запашекъ и поселянъ для своихъ пустыхъ земель и, находя ихъ, заключали съ ними условія или на услуженіе — холопство, или на поселеніе — крестьянство. Эти послѣднія, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ и другихъ актовъ, бо́льшею частію заключались по-семейно, такъ что каждому домохозяину отводился особый участокъ; но это подворное владѣніе скоро превращалось въ общинное: сыновья, достигая совершеннолѣтія, выдѣлялись отъ отцовъ, братья и племянники отъ братьевъ и дядей; для полученія своего надѣла, своего хозяйства, они не дожидались смерти домохозяина, или его родительскаго соизволенія или разрѣшенія помѣщика и вотчинника. По исконному обычаю всѣхъ крестьянъ на Руси, взрослый рабочій получалъ землю и вступалъ въ тягло, какъ только достигалъ совершенныхъ лѣтъ и вступалъ въ бракъ; онъ получалъ свою часть изъ отцовскаго участка, или надѣлялся особымъ смежнымъ дворомъ отъ помѣщиковъ, или уходилъ на другія земли, если въ томъ или другомъ ему отказывали. Такимъ образомъ подворное владѣніе само собою, гдѣ оно и было заведено по распоряженію владѣльцевъ, послѣ одного, много двухъ поколѣній, переходило въ мірское; новые дворы становились рядомъ со старыми, потому что никому не было охоты строиться особнякомъ на отхожихъ пустошахъ или въ „лѣсахъ“, гдѣ медвѣди травили овесъ и волки заѣдали „крестьянскіе животы“, и по мѣрѣ того, какъ одинокіе выселки, поселки, хутора обстраивались новыми дворами, соха и топоръ ходили все дальше и расчищенныя полосы поступали въ общее деревенское пользованіе.

Подворный участковый надѣлъ былъ только единовременное распоряженіе нѣкоторыхъ владѣльцевъ, не освоившееся въ русскихъ поселеніяхъ, потому что оно противорѣчитъ коренному обычаю надѣлять землей всѣхъ взрослыхъ людей поровну при жизни старшаго владѣльца; потому что семейное владѣніе обусловливается правомъ наслѣдованія, которое не было признано въ русскомъ крестьянствѣ, наконецъ и потому, что оно не согласовалось ни съ выгодами государевой казны, ни съ интересами черныхъ, вольныхъ волостей.

Въ XIV и началѣ XV вѣковъ этотъ порядокъ заселенія дикихъ земель посредствомъ заключенія частныхъ сдѣлокъ съ крестьянскими семьями дѣйствительно вошелъ въ обычай; въ подмосковныхъ уѣздахъ, гдѣ служилые люди владѣли многочисленными вотчинами и помѣстьями, они повидимому придерживались этого порядка зазыванья отдѣльныхъ съемщиковъ на свои земли и сдавали ихъ въ срочное оброчное содержаніе; но послѣдствія этого вскорѣ обнаружились въ томъ, что отъ этихъ участковыхъ владѣльцевъ и домохозяевъ начали выдѣляться сыновья, меньшіе братья, не получившіе земли, и составили мало-по-малу многолюдный классъ бродягъ, которые назывались „захребетниками", „подсусѣдниками", и отличались тѣмъ, что считались не-тяглыми, „гулящими" людьми, въ волостныхъ разсчетахъ не участвовали и предлагали свои услуги, вѣроятно за дешевую цѣну, боярамъ и владыкамъ, князьямъ и монастырямъ. Они составляли такимъ образомъ очень выгодную статью для частныхъ владѣльцевъ, но очень убыточную для казны и прочихъ податныхъ сословій.

Такъ было въ центральной Россіи.

Совершенно иное происходило въ отдаленныхъ ея полосахъ, и какъ только мы выходимъ изъ этого круга, заколдованнаго московскими великими князьями и царями, дружинниками, боярами, служилыми сословіями, какъ только мы переступаемъ линію отъ Новгорода - Москвы къ сѣверо-востоку, отъ Кіева - Москвы къ югу, то открываемъ совершенно другой бытъ, малоизвѣстный и мало изслѣдованный.

Кажется, какъ будто и русская наука, сосредоточенная на этой мѣстности, не хотѣла ничего видѣть и знать, кромѣ московскихъ порядковъ, и всѣ явленія русской жизни подво-

дила подъ тѣ образцы и типы, которые представлялись ей близко и подручно въ старыхъ земляхъ первобытнаго поселенія [9]).

Но къ сѣверу отъ Новгорода и Москвы, а впослѣдствіи и къ югу, народный бытъ, какъ извѣстно, развивался несравненно вольнѣе, самостоятельнѣе, чѣмъ въ центрѣ государства; поэтому, если требуется изслѣдовать не случайныя проявленія своеволія и самовластія, а коренныя черты этого быта, то надо имѣть въ виду состояніе сельскихъ сословій и въ этихъ мѣстахъ. Въ періодъ нами описываемый южныя степи были еще неприступны и колонизаціонное движеніе направлялось преимущественно къ сѣверо-востоку; выходцы были большею частью новгородцы и спускались по рѣкамъ Ладожскаго и Онежскаго бассейна къ Вологдѣ и Костромѣ, и по Двинѣ и ея притокамъ къ Перми, Вяткѣ и Поморью. Въ XVI столѣтіи Поморскимъ краемъ называется все обширное пространство до Бѣлаго моря и Урала, и между поморскими городами и областями упоминаются: Каргополь, Кола, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Яренскъ, Тотьма, Соликамскъ, Кевронь, Вятка, Пермь и области или волости—Устюжская, Двинская, Мезенская [10]). Это была земля крестьянскаго владѣнія безъ примѣси вотчиннаго и помѣстнаго и та почва, на коей родилась и выросла сельская община въ полномъ природномъ своемъ видѣ. Въ концѣ періода, нами здѣсь разсматриваемаго, черныя волости были почти единственными поселеніями этого края; помѣстныя владѣнія въ немъ не водворялись, потому что выходить на службу и въ посылки было далеко; намѣстники, волостели не приживались въ этомъ краѣ, потому что разъѣзды были тяжелые, кормы скудны и міръ распоряжался всѣми мѣстными судами, расправами и разметами самъ собой, не по праву, а за отсутствіемъ всякихъ другихъ властей. Дѣленіе страны и жителей было не административное, какъ около Москвы, на уѣзды, волости, станы, а общественное—по погостамъ и губамъ, т.-е. церковнымъ приходамъ; около села, болѣе или менѣе промышленнаго и многолюднаго, группировались мелкія деревни, иногда въ 2—3 двора; каждая изъ нихъ составляла отдѣльное мірское общество; рыболовство, главный промыселъ всѣхъ этихъ селъ, размѣщенныхъ по берегамъ рѣкъ, озеръ и морей, произво-

дилось артелями или цѣлымъ міромъ: на общій счетъ покупались снасти, лодки и прочій запасъ, и ловля происходила міромъ, по наряду; лѣсныя расчистки, другой привольнѣйшій промыселъ этого края, дѣлались также сообща, потому что работа эта требовала общихъ силъ; лѣсная поросль подрубалась и сваливалась рядами, затѣмъ, весной или лѣтомъ, по просушкѣ, сожигалась, и по таковымъ пепелищамъ, лядинамъ, сѣялся хлѣбъ. Коренная и навозная пашня, подворныя угодья составляли самый незначительный процентъ крестьянскаго владѣнія, и эти воздѣланныя и нѣсколько удобренныя земли были такъ различны по грунту, песчаному или глинистому, по мѣстоположенію, нагорному или низменному, по поверхности, каменистой, кочковатой, поемной, что уравнять ихъ между домохозяевами нельзя было иначе, какъ раздѣляя пашни на клинья, дѣлы, кости, по сортамъ почвы и по разстоянію отъ дворовъ, и въ каждой таковой кости, подраздѣленной на столько полосъ, сколько въ деревнѣ тяглецовъ, давать всѣмъ и каждому жеребій на владѣніе. Кость означала также, кромѣ разряда земель, и категорію крестьянъ для раскладки налоговъ: ремесленники, рыболовы клались въ особую кость, убогіе, бобыльскіе дворы въ другую; кость означала классъ одинаковыхъ крестьянъ, которые несли всѣ повинности по общему разводу или жеребью.

Этотъ порядокъ поселенія былъ поэтому изстаринный во всей сѣверо-восточной полосѣ, и впослѣдствіи, хотя и по другимъ причинамъ, принятъ былъ и при колонизаціи южной Россіи въ казацкихъ станицахъ. Вопросъ о томъ, была ли русская община, родовой союзъ, патріархальное учрежденіе или договорное вольное общество, административная группа, введенная и поддержанная для удобствъ управленія, или хозяйственная, поземельная, устроившаяся сама собой для удобства житейскаго, — вопросъ этотъ, намъ кажется, неразрѣшимымъ въ общемъ всенародномъ значеніи. Всѣ эти элементы и вліянія участвовали въ образованіи плотнаго мірскаго союза въ Россіи: были и селенія, образовавшіяся изъ одной крестьянской семьи, но патріархальнаго значенія они не имѣли, потому что семейные раздѣлы, выдѣлы сыновей и братьевъ на самостоятельныя хозяйства, подрывали на Руси родительскую власть и дѣлали ее въ хозяйственномъ быту

очень слабою, а въ дѣлѣ поземельнаго владѣнія совершенно безсильною; были и договорныя общины, составлявшіяся изъ людей промышленныхъ, рыболововъ, пахарей, лѣсосѣковъ, отправлявшихся въ дальнія страны артелями для добыванія привольныхъ земель. Администрація того времени, т.-е. князья и цари, разумѣется, поддерживали эту мірскую связь не изъ какихъ-либо политическихъ видовъ или глубокомысленныхъ соображеній, а просто потому, что въ бо́льшей части Россіи ни служилаго, ни приказнаго сословія не было на лицо и никакихъ другихъ органовъ управленія не было, кромѣ міра.

Но корень, основа этого сельскаго быта была издревле хозяйственная и осталась таковою до новѣйшаго времени. Связью, державшею крестьянъ, было мірское общинное землевладѣніе; оно было правило, участковое — исключеніе. Въ старыхъ областяхъ вліяніе помѣстнаго сословія обнаружилось въ томъ, что они зазывали, переманивали новожиловъ на свои земли и заключали съ ними условія на подворное владѣніе; но эти подворные участки вскорѣ обращались въ общинные, какъ только подростали малолѣтніе; сыновья, въ русскомъ крестьянствѣ, не наслѣдовали отъ отцовъ, а выдѣлялись отъ нихъ при жизни, и потому участокъ, подѣленный на одинъ дво́ръ, подраздѣлялся на нѣсколько дворовъ, при каждомъ поколѣніи. Въ новыхъ поселеніяхъ и эти исключенія были рѣдки; вездѣ, гдѣ русскіе пахари и промышленники селились вольно, они владѣли землей сообща и промышляли рыбою, лѣсомъ, извозомъ, артелями. Такъ было въ древней Руси, такъ было и въ новѣйшей. Такъ заселялись на сѣверѣ Вятка, Пермь и Поморье новгородскими выходцами въ XV и XVI столѣтіи; также точно, въ XVII и XVIII вѣкѣ, устроивались на югѣ казацкія станицы, украинскіе полки, на заимочныхъ земляхъ, т.-е. въ лѣсахъ и степяхъ, гдѣ свободно. Занятіе составляло единственное и высшее право владѣнія [10]).

Частная поземельная собственность въ XVI столѣтіи, передъ закрѣпленіемъ крестьянъ, испытывала много превратностей. При Іоаннѣ IV процвѣтали болѣе прочихъ дворцовыя села и о нихъ царь особенно заботился, приказывалъ крестьянамъ

верстаться „землями и лѣсомъ, и всякими угодьями по полосамъ или десятинамъ, на каждую выть поровну, а не чрезъ земли (не черезполосно), въ выть средней земли считать 7 дес., въ худшей 8, на пустыя выти вызывать жильцовъ, со льготой на 3 года, а если нѣтъ хоромовъ, то давать льготу и на 5—6 лѣтъ". Размѣръ выти, т.-е. надѣла, здѣсь уже полагается больше, чѣмъ въ прежнихъ актахъ, гдѣ выть обыкновенно принималась въ 10 четв. или 5 десят.—Льгота давалась отъ всѣхъ сборовъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ.

Монастырскія и владычныя вотчины также размножались и, пользуясь свободой отъ службы, имѣли отъ этого важное преимущество передъ другими частными владѣніями. Іоаннъ IV распорядился, „чтобы земли не выходили изъ службы; въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впредь вотчинъ не давать". Богатые монастыри и владыки имѣли, повидимому, и другіе способы пріобрѣтать имущества, ссужая деньги бѣднымъ обывателямъ изъ черныхъ волостей и забирая потомъ ихъ земли въ счетъ долга, или просто отбирая угодья у крестьянъ, о чемъ упоминается въ указѣ грознаго царя, который предписываетъ тѣ и другія возвратить въ черныя волости. Монастырскія и архіерейскія вотчины считались неотчуждаемыми, принадлежащими монастырямъ, или приписывались сану владыки и настоятеля; но это не мѣшало преосвященнымъ властямъ продавать, мѣнять ихъ по личному усмотрѣнію; точно такъ издавна существовавшее запрещеніе, забирать и покупать черныя земли, не препятствовало имъ расширять свои владѣнія на счетъ крестьянскихъ. Что касается владѣльцевъ свѣтскихъ, не-государей и не-владыкъ, то они, какъ мы видѣли, были окончательно смѣшаны въ одно сословіе служилыхъ людей, которые отличались отъ крестьянъ только тѣмъ, что несли тягло служебное въ ратномъ дѣлѣ и на посылкахъ, между тѣмъ какъ послѣдніе платили денежные сборы въ казну и справляли барщину на господъ.

Болѣе ничего къ общей характеристикѣ русскаго сельскаго быта въ это время нельзя прибавить, не затемняя общихъ фактовъ частными воззрѣніями, не извращая главныхъ свойствъ народнаго быта случайными изъятіями, ибо общаго, законнаго

или обычнаго не было ничего болѣе, кромѣ тягла, наложеннаго на всѣхъ и на каждаго, начиная отъ князя, потомка Рюрика, до деревенскаго бобыля, если князь и бобыль держали землю. Все прочее было случайное, неопредѣленное, своеволіе или самовластіе, насильство или милость; законы, грамоты, указы вовсе не указываютъ намъ тѣхъ порядковъ, какіе дѣйствительно были, а напротивъ тѣ, которые великіе князья и цари старались вводить и не могли ввести, или тѣ злоупотребленія и безпорядки, которые они думали искоренить, но которые повторялись безнаказанно, и подтверждались потому собственно, что не соблюдались, или, наконецъ, такія дѣйствія и мѣропріятія, которыя отмѣняли прежнія распоряженія другихъ правителей, предъидущія узаконенія самихъ царствующихъ государей. Вотчинныя земли считались наслѣдственными, но брались часто и на государя; помѣстныя признавались срочными и условными владѣніями, но по многимъ грамотамъ присуждались дѣтямъ, вдовамъ и дочерямъ на прожитокъ. Монастырскія приписывались на вѣчное владѣніе къ святымъ обителямъ, даже къ лику или мощамъ святыхъ угодниковъ, и продавались и мѣнялись владыками по ихъ личному распоряженію. Бѣломѣстцамъ и боярамъ съ древнѣйшихъ временъ запрещалось скупать черныя земли, или приказывалось справлять съ нихъ повинности наравнѣ съ тяглыми людьми, но они, а вмѣстѣ съ ними и духовенство, продолжали обмѣнивать и скупать черныя земли и очень часто получали на нихъ жалованныя и несудимыя грамоты отъ тѣхъ же самыхъ князей, которые запрещали обмѣны.

Крестьяне, по царскимъ указамъ и судебникамъ, считались полноправными и притомъ всѣ равноправными обывателями — судились своимъ выборнымъ судомъ изъ лучшихъ людей, управлялись своими выборными людьми, старостами и цѣловальниками, пользовались правомъ вольнаго перехода, не стѣсняясь никакими правилами, кромѣ срока Юрьева дня (и одной недѣли прежде и послѣ), имѣли право иска и жалобы на господъ; получали полный разсчетъ при отказѣ и разсчетъ, опредѣленный по закону за пожитіе, за вывозъ, за сносъ и, сидя на чужихъ земляхъ, считавшихся государевыми, княжескими, распоряжались ими какъ своими — „давали“ полевыя угодья и лѣсныя дачи въ полное и вѣчное владѣніе частнымъ

лицамъ и не скрытно, а гласно, какъ-бы законно. Во многихъ челобитьяхъ XV и XVI столѣтій, поданныхъ великому князю и царю, встрѣчается прямое указаніе, „что я-де такой-то получилъ пожню, лѣсъ, пустошь, отъ волости такой-то“,—или: „мнѣ ту землю дали той волости староста съ крестьянами“.

Такъ было или должно было быть по повелѣніямъ и узаконеніямъ, изданнымъ верховною властью: личная свобода была полная для крестьянъ всѣхъ наименованій и поземельное владѣніе полноправное для крестьянъ черныхъ, казенныхъ волостей; но на дѣлѣ выходило иначе и на полной волѣ жилось чернымъ людямъ едвали не хуже, чѣмъ за господами, по крайней мѣрѣ за знатными боярами и богатыми монастырями.

Въ XVI столѣтіи упадокъ крестьянскаго быта дѣлается замѣтнымъ.

Первое его проявленіе было умноженіе числа крестьянъ-бобылей; до того времени ихъ не было, по крайней мѣрѣ названіе это не встрѣчается въ лѣтописяхъ и грамотахъ; выть была нормальный размѣръ надѣла рабочаго взрослаго мужика отъ 5 до 7 и 8 десят. въ полѣ, отъ 15 до 24 въ 3-хъ поляхъ; нѣкоторые изъ крестьянъ садились и на 1/2 выти, другіе на 1/4, но число сихъ послѣднихъ было такъ незначительно, что ихъ не подводили подъ особый разрядъ. Въ XVI столѣтіи число этихъ полувытчиковъ быстро прибываетъ. Въ Новгородской писцовой книгѣ 1552 г., въ вотьской пятинѣ было уже на 809 крестьянскихъ дворовъ — 74 бобыльскихъ. По уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря 1548 г., бобыли отписываются въ особый жребій, на половинномъ окладѣ. Въ позднѣйшихъ актахъ часто насчитывается бобыльскихъ дворовъ столько же, сколько крестьянскихъ, иногда и болѣе. Около того же времени появляются все чаще и чаще разнородныя обозначенія крестьянъ не-тяглыхъ, ненадѣленныхъ землей, казаки, подсусѣдники, задворные люди; они жили въ работникахъ за чужимъ тягломъ, въ окладъ не писались и составляли ту бродячую вольную массу гулящихъ людей, которые выходили изъ черныхъ волостей и водворялись или нанимались у господъ.

Такія явленія, указывающія на оскудѣніе крестьянскаго быта, находились въ прямой зависимости отъ фискальныхъ порядковъ, принятыхъ для взиманія налоговъ: окладная еди-

ница, соха, какъ мы выше объяснили, была вдвое меньше въ вольныхъ селеніяхъ, чѣмъ во владѣльческихъ, платежъ поэтому вдвое тяжелѣе; въ дворцовыхъ имѣніяхъ надѣлъ крестьянъ на тягло былъ въ 7—8 десят. въ полѣ, въ черныхъ волостяхъ около 5. Тягости казенныя и земскія становились особенно тягостными для крестьянъ своеземцевъ, имѣвшихъ свои собственныя земли; они распродавали ихъ, жалуясь, что „изнемогли службы служити и дани давати, и всякихъ разрубовъ земскихъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, государи московскіе, нуждаясь въ деньгахъ и служилыхъ людяхъ, возвышали оклады съ черныхъ людей и въ то же время жаловали изъ тѣхъ же тяглыхъ земель вотчины своимъ боярамъ, помѣстья боярскимъ дѣтямъ и, разумѣется, выбирали для таковыхъ монаршихъ милостей не худшія земли и не отдаленныя волости. Въ Новгородѣ, Псковѣ, Казани, немедленно по присоединеніи ихъ къ Москвѣ, розданы были обширныя помѣстья государевымъ служилымъ людямъ и богатыя вотчины монастырямъ. Крестьяне, водворенные на этихъ жалованныхъ земляхъ, отъ этого не терпѣли убытка и часто даже выгадывали нѣкоторое облегченіе повинностей; кромѣ законныхъ льготъ, помѣщики и владыки прибѣгали и къ другимъ способамъ облегчать тягловые оклады своихъ крестьянъ и, задобривая царскихъ писцовъ, показывали пустующими, поросшими угодья давно заселенныя и воздѣланныя. Вся тяжесть возрастающихъ, по мѣрѣ собиранія земель, расходовъ казны обрушалась на вольныя общины, доведя ихъ въ концѣ XVI ст. до изнеможенія. Такимъ образомъ, въ эпоху основанія московскаго самодержавія, устраивалась тоже и общественная жизнь; но то и другое, государство и общество, собиралось или слагалось изъ противорѣчій, недоразумѣній и несообразностей. Царская власть была неограниченная и грозная, но повелѣнія ея соблюдались очень слабо и нарушались бо́льшею частью безнаказанно; права собственности жаловались и подтверждались, и въ то же время отмѣнялись при всякой неисправности владѣльца; вольность крестьянская была хуже неволи, своеземцамъ было хуже, чѣмъ людямъ живущимъ за господами, помѣщичьимъ поселянамъ хуже, чѣмъ монастырскимъ, а лучше всѣхъ княжескимъ и дворцовымъ тяглецамъ, которые удерживались въ

государевыхъ селахъ посредствомъ льготъ и милостей, исходящихъ отъ государя, какъ собственника, и отъ него же, какъ самодержца.

Понятно, что въ такомъ царствѣ безначалія могли проявиться всякіе порядки и безпорядки, всякія сдѣлки и договоры. Ученые изслѣдователи русской старины находили въ ней черты сходствъ со всякими иноземными обычаями и учрежденіями; но, по существу, наше поземельное устроеніе было совершенно обратно европейскому, идя отъ полной вольности къ постепенному порабощенію; такъ что, крестьяне временъ Екатерины и Александра были несравненно менѣе вольны, чѣмъ холопы временъ Ярослава или черные люди при царѣ Іоаннѣ III.

Но судьбы русскаго народа тѣмъ отличаются отъ другихъ европейскихъ обществъ, что весь длинный періодъ среднихъ вѣковъ и даже начало новѣйшихъ прошелъ для него среди грубой, дикой, но неограниченной свободы, между тѣмъ какъ въ западной Европѣ это было время порабощенія крестьянъ феодальными владыками.

Тамъ основой землевладѣнія было завоеваніе, отбираніе и захватъ земель у туземцевъ, и изъ этихъ отрѣзныхъ земель образовалась помѣстная собственность высшаго сословія. Въ Россіи таковой же основой было занятіе земель (jus primi occupantis), водвореніе, распашка полей, расчистка лѣса; а такъ какъ эти работы исполнялись простымъ народомъ, то онъ и пріобрѣлъ на земли неотъемлемое право владѣнія.

Но всего важнѣе, по нашему мнѣнію, было то обстоятельство, что въ теченіи этого семивѣкового періода общій гнетъ и тяжкое зло соединили вмѣстѣ судьбу всѣхъ классовъ великорусскаго племени, и хотя впослѣдствіи они и разошлись, но ни крѣпостное право, ни податная система, ни вольность дворянства, не могли уже изгладить чувства солидарности всѣхъ сословій и обществъ, всѣхъ обывателей русской земли.

Крестьянство не разбилось на разряды, какъ по всей остальной Европѣ, помѣстное сословіе оставалось все время при тѣхъ же условіяхъ, какъ и простой народъ: также надѣлялось землей для отбыванія повинностей и лишалось собственности, отбывая отъ службы. Надѣлъ крестьянъ, верстаніе помѣщиковъ, семейные раздѣлы, припускъ дѣтей къ

отцовскому наслѣдству, тягло крестьянское, служба дворянская — всѣ эти главнѣйшія права и обязанности были общія и основывались на общемъ началѣ: что владѣніе, т.-е. держаніе земли, есть обязанность, повинность, отъ коей не изъемлется никто изъ обывателей русской земли.

Такимъ образомъ, европейскому и древне-римскому понятію о правѣ собственности противополагалось на Руси понятіе о земскомъ тяглѣ, которое означаетъ не право, а повинность.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Мы должны здѣсь оговорить, что въ нашихъ изслѣдованіяхъ о землевладѣніи въ Россіи читатели, слѣдившіе за ученой литературой, не найдутъ новыхъ фактовъ; мы придерживались въ нашемъ изложеніи тѣхъ данныхъ, тѣхъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, которыя уже переданы были русской публикѣ другими писателями (Неволинымъ, Кавелинымъ, Чичеринымъ, Градовскимъ, Бѣляевымъ, Лакіеромъ, Ивановымъ, Самаринымъ и др.). Главнымъ руководствомъ служили намъ два сочиненія: для помѣстнаго права—„Исторія мѣстнаго управленія"—Градовскаго; для крестьянскаго владѣнія—„Исторія крестьянства на Руси"—Бѣляева; эти двѣ книги составляютъ, по нашему мнѣнію, каждая по своему предмету, лучшія, полнѣйшія изслѣдованія порядковъ землевладѣнія въ древней Россіи, и мы такъ много позаимствовали и выписали изъ нихъ, что должны извиниться передъ авторами въ такомъ позаимствованіи. Съ другой школой писателей, во главѣ коей стоитъ Б. П. Чичеринъ, мы расходимся въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ. Статьи г. Чичерина (о сельской общинѣ, холопы и крестьяне) намъ кажутся нѣсколько сбивчивыми и затемняющими главные факты и черты древнерусскаго быта; всего болѣе намъ кажется рискованнымъ предположеніе г. Чичерина и другихъ, будто-бы устройство частнаго и общиннаго владѣнія было въ древней Россіи такое же, какъ въ западной Европѣ; будто наша сельская община подобна по своему происхожденію нѣмецкой Gemeinde; будто первоначальный порядокъ крестьянскаго владѣнія былъ участковый, а помѣстное владѣніе соотвѣтствуетъ феодальному, и что вообще сельскій нашъ бытъ „устроенъ правительствомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ" (Опыты исторіи русскаго права, Чичерина, ст. 57). Разумѣется, въ исторіи всѣхъ народовъ можно подмѣтить нѣкоторыя черты сходства, но выводить изъ нихъ тождественность самого народнаго быта не всегда справедливо. Помѣстное право на Руси имѣетъ то сходство съ феодальнымъ, что было условное владѣніе, обязываю-

щее къ службѣ государю, но это было и единственное ихъ сходство; затѣмъ, сравнивать или даже находить какое-либо подобіе между горделивыми и самостоятельными феодалами, жившими, какъ орлы, въ неприступныхъ замкахъ, и присвоившими себѣ всѣ права государственной власти не только надъ крѣпостными, но и надъ вольными людьми, сравнивать ихъ съ нашими помѣщиками, надѣленными 50—100 десятинами и выгоняемыми на службу, какъ крестьяне на барщину, проживавшими въ усадьбахъ, посреди крестьянскихъ дворовъ, а за ослушаніе лишаемыхъ помѣстій,—дѣлать такіе выводы и заключенія значитъ извращать смыслъ и значеніе историческихъ фактовъ. Точно также можно, пожалуй, называть вотчинное владѣніе полноправною и преемственною собственностью, патримоніальной; но слѣдуетъ замѣтить, что вотчина никогда не достигла въ Россіи того значенія, которое обыкновенно придаютъ слову patrimonium, что право наслѣдованія постоянно нарушалось великими князьями и царями, отбиравшими вотчины въ казну, а право полной собственности распоряженіями правительства, требовавшими службы отъ вотчинниковъ, какъ и отъ помѣщиковъ.

Наконецъ, относительно сельской общины, можно находить большое сходство въ названіи Gemeinde, но слѣдуетъ замѣтить, что самое слово община никогда не употреблялось ни въ древней Россіи, ни въ новѣйшей, и что оно совершенно непонятно народу, къ коему примѣняется. То, что̀ наши ученые назвали общиной, народъ называетъ міромъ. Мірское владѣніе означаетъ не общее пользованіе, не общую обработку земель, а только право каждаго обывателя, достигшаго рабочаго возраста, получить свою долю въ полевыхъ угодьяхъ, не изъ отцовскаго наслѣдія, а изъ всей земли. Въ нѣмецкой Gemeinde, напротивъ, сыновья всегда наслѣдовали отъ отцовъ и общинныя угодья составляли только придачу къ частному владѣнію, запасной участокъ для выгона скота и другихъ общественныхъ надобностей.

Гакстгаузенъ и за нимъ нѣкоторые русскіе ученые также подробно разбираютъ вопросъ о происхожденіи русской общины, то признавая ее семейнымъ союзомъ, патріархальнымъ, то договорнымъ, то правительственнымъ учрежденіемъ.

Происхожденіе ея, можетъ быть, было семейное, въ томъ отношеніи, что при первыхъ разселеніяхъ русскихъ хлѣбопашцевъ земли отводились одному семейству на одинъ дворъ, что̀ и подтверждается многими актами, записанными въ писцовыхъ книгахъ и другихъ, гдѣ договоръ пишется на отдѣльныя крестьянскія семьи и отдѣльные подворные участки. Но мы спрашиваемъ у нашихъ ученыхъ критиковъ—какой былъ порядокъ наслѣдованія въ крестьянскомъ быту? ожидали-ли сыновья, зятья смерти отца, чтобы дѣлить его имущество? выдѣлялись-ли они отъ родителей немедленно по женитьбѣ, получая свой особый участокъ, свою выть или тягло, оставаясь въ землѣ или выходя изъ нея тоже по произволу? Всѣ лѣтописи и грамоты свидѣтельствуютъ, что семейный раздѣлъ, а не наслѣдованіе былъ исконный порядокъ въ Россіи, что младшіе члены семейства должны были получать свой надѣлъ при достиженіи полнаго возраста, и ихъ заставляли, понуждали брать тягло, какъ только они вступали въ бракъ и хозяйство. Если это такъ, а кажется въ этомъ сомнѣнія не можетъ быть, то происхожденіе мірского владѣнія объясняется само собой, и не нужно подбирать никакого начала, чтобы представить себѣ начало

этого общественнаго нашего строя. Онъ могъ быть первоначально и семейный, и договорный, и участковый или подворный, но неминуемо самъ собой превращался въ общинный, какъ скоро принято было правило надѣлять всякаго рабочаго и женатаго крестьянина особой полосой; первое поколѣніе могло еще подѣлить отцовскую землю, если отецъ владѣлъ всей дачей, если онъ былъ одинъ жихарь на отведенномъ участкѣ, но послѣдующее не могло быть выдѣлено, посажено на тягло безъ того, чтобы не передвинуть всѣ полосы, ибо иначе тягла были бы или по размѣру, или по качеству угодій неравны. Поэтому вопросъ о происхожденіи общины ничего не разрѣшаетъ и не объясняетъ; изъ чего-бы она ни произошла, устроилась она по обычаю, по порядку, принятому въ крестьянствѣ надѣлять поровну всѣхъ взрослыхъ людей.

Мы не считаемъ нужнымъ возражать противъ мнѣнія того-же ученаго профессора, что „сельская община устроена правительствомъ и вытекла изъ основныхъ обязанностей, наложенныхъ на землевладѣльцевъ XVI вѣка, изъ ихъ укрѣпленія и разложенія податей на души“ (стр. 57), или „когда XVIII вѣкѣ введена была подушная подать, то установился обычай раздѣлять земли по числу душъ“, а правительство „приказало производить раздѣлъ по тягламъ“ (стр. 46), или что „правительственными мѣрами устроены поземельныя отношенія общинъ, хозяйственный ихъ бытъ и внутреннее управленіе“ (стр. 58)!! На такія смѣлыя предположенія должны отвѣчать историческіе факты. Одно недоразумѣніе надо однако разъяснить: г. Чичеринъ приводитъ одинъ указъ 1770 г., гдѣ говорится, что „крестьяне во многихъ мѣстахъ дѣлятъ земли не по числу работниковъ, а по числу ревизскихъ душъ, по издревле вкоренившемуся такому обычаю“, и тутъ же въ выноскѣ примѣчаніе автора, что „обычай этотъ не могъ вкорениться ранѣе подушной подати“ (стр. 46, 47). Какъ-же это, издревле вкоренившимся обычаемъ называется такой въ 1770 г., какой могъ быть введенъ только, по мнѣнію профессора, съ 1713 г.; неужели это называется древнимъ обычаемъ? Но дѣло въ томъ, что чиновники, писавшіе указы для крестьянъ, также мало знали ихъ бытъ, какъ и нѣкоторые наши современные администраторы; счетъ по душамъ дѣйствительно велся и ведется понынѣ во многихъ мѣстахъ, для означенія разверстки полевыхъ полосъ; напр., крестьянинъ говоритъ, что онъ владѣетъ 1 или 2 душами, но это означаетъ вовсе не то, что̀ предполагается. По среднему разсчету, число душъ соотвѣтствуетъ 1/2 числа работниковъ и крестьяне называютъ душой полъ-тягла; вмѣсто того, чтобы сказать: за мной одно тягло, говорятъ—двѣ души; 1 1/2 тягла—3 души и т. д. Душа выражаетъ размѣръ полеваго надѣла, равняющійся половинѣ полнаго тягла; въ семьѣ можетъ быть 3 ревизскихъ души, но если между ними 2 рабочихъ, то они берутъ надѣлъ на 4 души, а если 1 рабочій—на 2 души. Правительственными мѣрами устроены и поддержаны были на Руси большіе безпорядки, большія злоупотребленія; безтолковыя распоряженія московскихъ царей смѣшали и перепутали всѣ хозяйственныя отношенія частной собственности, смѣшали вотчинныя права съ помѣстными и наоборотъ; потомъ, закрѣпивъ крестьянъ, они урочными годами ослабили самое дѣйствіе этой мѣры въ единственно-полезномъ ея отношеніи, въ отношеніи осѣдлости крестьянъ, и вселили въ русское общество страшное зло бѣгства, бродяжничества, укрывательства, пристанодержательства, зло, въ коемъ участвовали всѣ сословія, посредствомъ коего нажились крупные владѣльцы и отъ коего погибло много тысячъ

крестьянъ. Не правительственными мѣрами, а бѣгствомъ отъ нихъ, отъ притѣсненій московскихъ порядковъ основаны были сельскія общины въ поморскомъ краѣ и казацкія станицы на югѣ. Общины эти прожили и отчасти живутъ и понынѣ не „подъ вліяніемъ государственныхъ началъ", а наперекоръ этимъ началамъ.

Въ статьяхъ г. Чичерина встрѣчается нѣсколько разъ заявленіе, „что вольная община исчезла, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ въ исторіи" (стр. 11, 17). Вольной общины въ европейскомъ смыслѣ никогда и не существовало въ Россіи и она не исчезала, потому что ея не было, но въ невольной русской общинѣ жилось бѣднымъ людямъ едва-ли не привольнѣе, чѣмъ въ вольныхъ городахъ Европы съ ихъ гильдіями, цехами и сословной іерархіей; мы говоримъ бѣднымъ, а богатымъ было несравненно лучше въ вольныхъ европейскихъ общинахъ, чѣмъ въ русскихъ. Утверждать, что русская община не оставила слѣда, когда половина Россіи населилась и обработалась казацкой вольницей, старовѣрческими слободами, новгородскими, сибирскими промышленниками, поморскими рыбаками, безъ спроса и вѣдома правительства, когда и понынѣ община составляетъ единственное историческое преданіе, пережившее всѣ реформы европейской цивилизаціи—это намъ кажется высшимъ проявленіемъ того чувства смиренномудрія, которое стремится доказать, что въ русскомъ народномъ бытѣ ничего нѣтъ своеобразнаго, ничего — кромѣ всепокорной воспріимчивости и послушанія видамъ правительства.

Впрочемъ, надо замѣтить, что г. Чичеринъ нѣсколько разъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ упоминаетъ, что въ сѣверныхъ областяхъ, Поморскихъ городахъ, Заонежскихъ погостахъ, Двинской, Устюжской провинціяхъ сельская община была вольнѣе, самостоятельнѣе; по эту часть Россіи онъ какъ будто отсѣкаетъ отъ своихъ изслѣдованій и видитъ типическое развитіе русской общественности только въ Москвѣ и подъ Москвой. Мы придерживаемся другого мнѣнія и полагаемъ, что типическіе, первообразные слѣды народной жизни надо изучать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ жилъ хотя и грубо, но вольно, куда онъ уходилъ отъ властей, производившихъ разные опыты надъ хозяйственнымъ его бытомъ.

---

[2]) Вотчина-удѣлъ, такъ назывались въ XV и XVI столѣтіяхъ имѣнія, пожалованныя великими князьями малымъ князьямъ; они также иногда означаются словами „княжескія вотчины". Здѣсь мы опять встрѣчаемъ полное смѣшеніе всѣхъ юридическихъ понятій; напр. Новгородъ называется вотчиной великаго князя въ актѣ 1471 г., между тѣмъ какъ Великій Новгородъ уже нѣсколько вѣковъ не признавалъ даже и государственной власти великихъ князей московскихъ. Вотчина-удѣлъ не имѣетъ собственно значенія ни вотчины, ни удѣла, а скорѣе помѣстья, надѣла. Когда удѣльные князья были лишены государственныхъ правъ, то Іоанны III и IV стали имъ раздѣлять города и волости для ихъ содержанія и прожитія, не въ полную собственность, а на прокормленіе. Такія-то области жалуются въ вотчину-удѣлъ; но притомъ оговаривается, что они составляютъ и остаются вотчиной великаго князя. Эти вотчины-удѣлы отбираются на государя, по его произволу замѣняются дру-

гими, оставляются на прожитокъ вдовамъ и дѣтямъ князей пожизненно, „до живота“. и всѣ таковыя имѣнія называются вотчинами, хотя рѣшительно не имѣютъ характера родовой потомственной собственности.

---

[3]) Монастырскія и церковныя вотчины составляли въ древней Россіи самое крупное землевладѣніе. Мы не сочли однако нужнымъ прослѣдить этотъ видъ частнаго владѣнія такъ подробно, какъ другіе, по той причинѣ, что онъ отмѣненъ былъ впослѣдствіи и не оставилъ слѣда въ нашемъ соціальномъ бытѣ Монастырскія имѣнія признавались вообще неприкосновенною, вѣчною собственностью, такъ какъ они обыкновенно жертвовались на имя Христа Спасителя, Пресвятыя Дѣвы и Святыхъ Угодниковъ, такъ и писались: „въ домъ Пресвятыя Богородицы въ прокъ безъ выкупа“. Но и это владѣніе въ прокъ было не совсѣмъ прочное; несмотря на то, что деревни считались собственностью Богородицы, представители и повѣренные Пресвятой Дѣвы, игумены съ братіей, продавали и закладывали, или, какъ они выражались, мѣняли ихъ; надо думать, что слово мѣна употреблялось здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ при продажѣ иконъ и вообще церковной утвари, о которыхъ, какъ извѣстно, принято говорить мѣнять, вмѣсто продавать; такія мѣны, т.-е. продажи, дѣлались съ разрѣшенія митрополита. Но, кромѣ того, духовенство распоряжалось этими вотчинами самовольно, уступало право владѣнія частнымъ лицамъ иногда на срокъ, иногда и безсрочно, хотя они и считались вѣчными имуществами Великихъ Чудотворцевъ.

---

[4]) Въ Судебникѣ ст. 92 опредѣлено, что если братья родные остаются, то вотчину наслѣдуютъ они, ихъ дѣти и внуки, „а далѣе внучатъ вотчинъ не от„давати роду, а который внукъ умретъ бездѣтенъ, тотъ жеребій взяти на го„сударя, а правнуки правнучьи вотчины не отдавати“. Въ 1564 г. января 15 дня вышелъ указъ: „который князь вотчину свою напишетъ брату своему родному или двоюродному или племяннику или которому своему ближнему роду, опричетѣхъ кому можно жениться, и государь то посмотря... велитъ указъ учинити“. Изъ этого указа видно, что наслѣдниками считались только родственники до седьмаго колѣна, которымъ по церковнымъ законамъ дозволялось вступать въ бракъ, и что такія завѣщанія только дозволялось представлять на утвержденіе государя, который еще посмотритъ,—оставить ли вотчину ближнимъ или отписать на себя? Это послѣднее узаконеніе, расширяющее право наслѣдованія противъ Судебника, относилось только къ князьямъ, для прочихъ же владѣльцевъ общее правило наслѣдованія распространялось только до внучатъ.

---

[5]) Виды холопства были различны на Руси: обѣльные холопы были полные рабы и произошли большею частью отъ военноплѣнныхъ; рядомъ съ ними были холопы кабальные, рядейные закупы, каковыми названіями обозначались въ разныя времена люди, запродавшіе себя на извѣстный срокъ въ наемную

плату. Обыкновенно это происходило такъ: бѣдный простолюдинъ (смердъ) занималъ деньги у богатаго, давалъ ему частное обязательство (купу) и за долги (покруту) отдавался въ работу (страду) и назывался потому закупомъ, кабальнымъ человѣкомъ. Нѣкоторые изъ нихъ садились на землю, другіе поступали въ личное услуженіе (дѣловые люди), третьи вступали въ разныя сдѣлки, содержали пчельники (бортники), нанимались въ ключники, тіуны, старосты. Вообще холопомъ считался всякій человѣкъ, вѣчно или временно работающій на хозяина; разность между ними, между полнымъ рабомъ и временнымъ наемникомъ, означалась только прилагательнымъ „обѣльный“ или „одерноватый“, полный холопъ кабальный, или ролейный, работающій за долгъ или по найму; всѣ они назывались холопами, въ отличіе отъ крестьянъ, которые если и сидѣли на чужихъ земляхъ, то обработывали ихъ на себя изъ оброка или исполу. Въ Судебникѣ холопство уже значительно стѣсняется: на поступленіе въ холопство требуется свободное состояніе; но холопъ взятый въ плѣнъ получалъ свободу, должникъ не отдавался въ вѣчную кабалу, а только до искупа, до уплаты долга; съ этого времени холопство сдѣлалось особымъ состояніемъ безземельныхъ слугъ, въ которые поступали добровольно люди разнаго званія, такъ какъ холопы пользовались полной свободой отъ податей.

---

6) Одинъ изъ вопросовъ, раздѣлившихъ нашихъ ученыхъ критиковъ, былъ характеръ и значеніе первобытнаго владычества русскихъ князей (ст. Бѣляева „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи“, отвѣтъ ему Чичерина „Еще о сельской общинѣ“). Принадлежала ли земля князю, какъ собственнику или какъ государю? Были ли на Руси завоеванія земель или нѣтъ? Экспропріація прежнихъ жителей или только покореніе ихъ? Въ вышеупомянутой статьѣ Чичерина очень ясно изложенъ весь процессъ этого водворенія „послѣдствіемъ завоеванія была принадлежность земли князю, при этомъ не было нужды, чтобы князь прогналъ съ земли всѣхъ ея владѣльцевъ“. Экспропріаціи поэтому не было, а только наложеніе даней и сборовъ. Это все такъ, но затѣмъ дѣлается неожиданное заключеніе; „онъ (князь) считалъ землю своей, но, довольствуясь податями, оставлялъ ее во владѣніи земскихъ людей точно такъ, какъ западные короли, будучи верховными собственниками земли, не принимали ее однако въ непосредственное распоряженіе“.

Это едва ли такъ. Западные короли забирали земли на себя и на своихъ дружинниковъ-князей и даже на всѣхъ простыхъ людей-ратниковъ своихъ ополченій; правда, они также не находили нужнымъ прогонять прежнихъ жителей, даже, напротивъ, считали необходимымъ ихъ удерживать на мѣстахъ чтобы имѣть рабочихъ для своихъ земель и потому отбирали у нихъ не всѣ земли, а только часть: 1/2 и 2/3. Но во всей западной Европѣ происходила, вмѣстѣ съ завоеваніемъ, экспропріація въ громадныхъ размѣрахъ въ пользу князей, королей и предводителей варварскихъ ордъ, избіеніе туземныхъ землевладѣльцевъ, въ особенности римскихъ крупныхъ собственниковъ и конфискація ихъ земель.

Этого-то и не было въ Россіи, что и составляетъ главную, глубокую черту различія нашего народнаго строя отъ западно-европейскаго.

Что же касается до юридическаго вопроса—принадлежитъ ли земля князю какъ собственнику или какъ государю? то мы смѣемъ думать, что эти два понятія были такъ смѣшаны въ умахъ князей и людей древней Руси, что наука ничего тутъ разобрать не можетъ. Святославъ и Ярославъ называютъ Кіевъ и всю русскую землю своей „отчиной", точно такъ и Иванъ Калита—Москву. Волостью, г. пишетъ Чичеринъ, назывался и поземельный округъ и отдѣльное имѣніе, и княжескій удѣлъ. Точно такъ отчиной называлось и всякое имѣніе, пришедшее отъ отца.

---

7) Юрьевъ день. Съ половины XV столѣтія появляются въ отдѣльныхъ грамотахъ, потомъ и въ Судебникахъ, нѣкоторыя регламентаціи вольныхъ переходовъ, установленіе сроковъ Юрьева дня въ Москвѣ, Филипова заговѣнья въ Новгородѣ. Очевидно, это былъ древнѣйшій обычай, который установился самими крестьянами и былъ для нихъ очень удобенъ, ибо сроки 14 и 26 ноября очень выгодны для всякихъ разсчетовъ; хлѣбъ бо́льшею частью вымолоченъ, полевыя работы прекратились и до весны остается еще довольно времени, чтобы пріискать новое селище. Но этотъ крестьянскій обычай часто нарушался въ пользу отдѣльныхъ бояръ и монастырей жалованными имъ грамотами. Въ первый разъ упоминается о Юрьевѣ днѣ въ грамотѣ 1450 г. князя Бѣлозерскаго какому-то боярину Ѳедору Константинову по слѣдующему случаю: боярину этому пожаловано было прежде всего право принимать къ себѣ половниковъ и сребниковъ смежнаго съ нимъ Ферапонтова монастыря во всякое время года и среди лѣта; половники были вольные крестьяне, обработывавшіе монастырскія земли исполу, сребники были люди, занявшіе деньги при поселеніи и заживавшіе ихъ на пашнѣ и другихъ работахъ. Послѣднимъ, сребникамъ, по упомянутой грамотѣ давалась еще льгота, — два года для уплаты долга монастырю, если они переходятъ къ боярину. Игуменъ съ братіей пожаловались на такое стѣсненіе; тогда князь пожаловалъ ихъ новой грамотой, по коей запрещалось принимать людей иначе, какъ около Юрьева дня осенняго, а именно за двѣ недѣли до Юрьева дня и 1 недѣли послѣ, съ 12 ноября по 2 декабря, причемъ сребниковъ, не заплатившихъ долга, приказывалось не выпускать отъ Юрьева дня до Юрьева. Нѣкоторые ученые критики выводятъ изъ этой грамоты заключеніе, что это было первое ограниченіе и что этотъ обязательный срокъ, Юрьевъ день, былъ введенъ правительственной властью; мы же, напротивъ, видимъ въ этой грамотѣ: во-первыхъ, нарушеніе общественнаго обычая въ пользу одного боярина и въ ущербъ одного монастыря, и потомъ, по жалобѣ обиженныхъ, возстановленіе прежняго обычая — перехода въ Юрьевъ день. Случайными своими пожалованіями князья случайно нарушали, можетъ быть безсознательно и неумышленно, древніе нравы и обычаи народа, и не вводили новыхъ порядковъ, а только своими распоряженіями дѣлали изъятія изъ общихъ правилъ въ пользу частныхъ лицъ.

---

8) Обѣленіе имѣло, повидимому, два вида: а) нѣкоторымъ боярамъ и монастырямъ жаловались грамоты, освобождающія ихъ безсрочно отъ нѣкоторыхъ

даней и сборовъ, но этотъ родъ обѣленія былъ исключительный и не столь вредный для смежныхъ волостей, какъ второй; б) владѣльцы испрашивали себѣ льготы на извѣстное число лѣтъ для людей, вновь водворяемыхъ въ ихъ имѣніяхъ; эти-то владѣльцы назывались бѣломѣстцами, и были для смежныхъ черныхъ волостей опасными сосѣдями. Предѣловъ на царскія милости не было никакихъ, льготы давались большею частію на людей, перезванныхъ изъ другихъ имѣній и княжествъ, иногда и на старожильцевъ, вышедшихъ на другія мѣста, если они возвратятся; причемъ сроки были въ каждой грамотѣ различны: старожильцамъ давались льготы 3—5—10 лѣтъ, людямъ, перезваннымъ изъ другихъ княжествъ болѣе 10—20 лѣтъ. Иногда люди означались просто словами: „кто учнетъ жить на тѣхъ земляхъ", или: „кого игуменъ-господинъ на тѣ земли посадитъ". Такія бѣлыя мѣста открывались не только по милости царской, но и по распоряженію частныхъ владѣльцевъ. Митрополиты, продавая, мѣняя земли церковныя, давали тѣ же льготы, и „кого Андрей на ту пустошь перезоветъ людей изъ иныхъ княженій, тѣхъ пришлыхъ людей съ моими волостными крестьянами не тянути ни въ какое дѣло". Всѣ таковыя льготы были случайныя, неравныя, болѣе или менѣе долгосрочныя, распространяющіяся на бо́льшее или меньшее число новосельцевъ, такъ что одинъ бѣломѣстецъ имѣлъ огромныя преимущества не только передъ смежными черными волостями, но и передъ другими таковыми же бѣломѣстцами; если его жильцамъ давались льготы на 10—20 лѣтъ, то, разумѣется, къ нему перебѣгали не только изъ тяглыхъ волостей, но и изъ другихъ владѣльческихъ селъ, гдѣ льготныхъ годовъ было меньше, 3—5 лѣтъ. Правда, выводъ тяглыхъ людей запрещался по закону, но это запрещеніе, какъ видно изъ постоянныхъ жалобъ подданныхъ и подтвержденій правительства, было безсильно противъ соблазна воспользоваться при водвореніи на новомъ мѣстѣ льготой отъ всѣхъ налоговъ въ теченіи 3—20 лѣтъ. Насильственное завладѣніе людьми и имуществомъ было такое обыкновенное явленіе, что въ договорахъ князей заключалось условіе: „а вывода и рубежа между собой не замышляти".

---

9) Земли.—Въ нашей ученой литературѣ возникали самыя различныя мнѣнія о значеніи разныхъ территоріальныхъ дѣленій, изъ коихъ первобытная и самая крупная была земля. Выраженіе „земля", разумѣется, не имѣло никогда административнаго характера, оно и не означало опредѣленнаго округа, но относилось къ территоріи, населенной однимъ племенемъ, первоначально сосредоточенной около одного города или посада, или большой рѣки, съ ея притоками, озера или моря, и впослѣдствіи разселившагося внутри страны. Дѣленіе на земли предшествовало всѣмъ другимъ: Кіевъ и Новгородъ назывались землями, прежде чѣмъ пришли князья. Ученый изслѣдователь русской старины, г. Калачевъ исчисляетъ въ древней Руси слѣдующія земли: Вятскую, Двинскую, Ряжскую, Псковскую, Казанскую, Соликамскую, Сольвычегодскую. Точно такое же значеніе имѣли нѣкоторыя мѣстности, носившія коллективныя названія, какъ-то: заонежскіе погосты, украинскіе и поморскіе города, или означаемые просто по названію одного города, напримѣръ Пермь, или озера и рѣки, какъ-то: Ладожане, Заволочье и т. п. Другіе писатели справедливо за-

мѣчаютъ, что это земельное единство не имѣло никакого административнаго значенія, а приводятъ (Градовскій, „Ист. Мѣст. Управ.“, стр. 271) въ доказательство, что многіе пригороды, посады, которые числились въ одной землѣ по суду и податямъ, приписывались къ другимъ иноземнымъ городамъ. Это несомнѣнно, но тѣмъ не менѣе земельныя дѣленія имѣли безспорно большое вліяніе на разныя общественныя отношенія; общественныя группы вообще образуются независимо отъ всякихъ распоряженій, отъ всякихъ политическихъ видовъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ удобствъ и сообщеній; рѣки, озера, болота, лѣса составляютъ, особенно въ нашихъ полуночныхъ странахъ, такія климатическія различія, такія неодолимыя преграды, что жители невольно имъ подчиняются, несмотря ни на какія административныя раздѣленія. Что дѣленіе на земли имѣло въ глазахъ народа положительное значеніе — это доказывается безчисленными договорами и другими актами, гдѣ мѣстные жители уговариваются, чтобъ въ ихъ землѣ князья, бояре, дружинники не покупали селъ, и въ продолженіи всего удѣльнаго періода удерживается это народное воззрѣніе. Но оно пережило и московскій періодъ собиранія земель. Въ XVII столѣтіи, по свидѣтельству самого г. Градовскаго, люди Мезенской земли жаловались, что города Кевронь и Мезень отписаны отъ нихъ по городовому дѣлу въ особый окладъ, между тѣмъ какъ они „всегда была одна съ ними земля“. Нѣкоторыя изъ земель, исчисленныхъ г. Калачевымъ, не имѣли ни одного города, какъ замѣчаетъ г. Градовскій, и состояли изъ однихъ сельскихъ волостей и становъ.

Намъ кажется, что это разнорѣчіе двухъ почтенныхъ изслѣдователей очень легко примиряется, если допустить, что администрація въ древней Россіи имѣла очень мало отношеній къ внутреннему быту отдаленныхъ областей, кромѣ подмосковныхъ уѣздовъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что большая часть тѣхъ областей, которыя исчислены г. Калачевымъ, сохранили до новѣйшихъ временъ значеніе какъ будто отдѣльныхъ земель, гдѣ именно земля осталась во владѣніи мѣстныхъ обывателей, куда не проникли ни помѣщики, ни вотчинники, гдѣ земщина всегда была и осталась сильнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Это были вѣроятно вольныя мѣста, гдѣ первоначально селились вдоль рѣкъ и озеръ, Двины, Ладоги, Онеги, Мезени, или на Поморьѣ небольшія группы выходцевъ и бѣглыхъ, раскольниковъ и вольныхъ крестьянскихъ дѣтей, приходившія большею частію на рыбные и лѣсные промыслы артелями и впослѣдствіи вызывавшія другія артели такихъ же промышленниковъ, которые шли по ихъ слѣдамъ. Земли, ими занятыя, они считали своими и образовали нѣсколько церковныхъ приходовъ, погостовъ, называли своей землей всѣ тѣ мѣстности, которыя населены были прихожанами одной церкви и тѣ погосты, которые лежали вдоль рѣкъ и озеръ съ ихъ притоками. Судомъ и данью они, можетъ быть, тянули и къ другимъ городамъ, но во всѣхъ прочихъ житейскихъ своихъ отношеніяхъ группировались отдѣльно; платили и служили государю, какъ онъ требовалъ, но соблюдали между собой строгое равенство податей и службы и оскорблялись, когда въ одной и той же землѣ заставляли одни волости или погосты платить болѣе или менѣе другихъ.

---

[10]) Участковое владѣніе.—Что первобытное владѣніе крестьянъ на Руси было участковое, подворное, а не общинное, на это г. Чичеринъ приводитъ рядъ доказательствъ, которыми мы хотимъ воспользоваться для доказательства противнаго. „Во всякомъ случаѣ—говоритъ авторъ—земля не была совокупнымъ владѣніемъ общества, а раздѣлялась на отдѣльные участки, жеребьи, имѣвшіе каждый свой, опредѣленный обычаемъ и владѣніемъ, объемъ, куда ходили коса, соха и топоръ“ (стр. 18). Мы спрашиваемъ: 1) какъ могли участки имѣть опредѣленный размѣръ, если допускалось правило владѣть тѣми угодьями, куда ходили соха, коса и топоръ; русскій мужичокъ ходитъ, вообще, съ топоромъ и косой очень широко, и вѣроятно, въ то время еще болѣе, чѣмъ въ нынѣшнее имѣлъ привычку расчищать себѣ ежегодно новыя мѣста для сѣнокоса и бросать старыя, а соха его или плугъ имѣютъ неодолимую склонность захватывать лишнюю борозду изъ чужой полосы, или межи сосѣда. Это такъ въ настоящее время; а что́ было въ тѣ счастливые годы, когда еще существовало правило, приведенное выше, ходить куда угодно, это можно себѣ представить. Участки мѣнялись въ объемѣ ежегодно и размѣръ ихъ надо бы было измѣрять при каждомъ новомъ разметѣ волостныхъ сборовъ. 2) Другой вопросъ: что́ же означаетъ слово жеребій, если земля раздѣлялась на отдѣльные участки, состоявшіе въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ и притомъ, какъ полагаетъ г. Чичеринъ, на участки, опредѣленные заранѣе (?!). Неужели ученый критикъ полагаетъ, что крестьянинъ, водворяясь на господской землѣ, не дѣлалъ предварительно выбора своего мѣстожительства, приходилъ такъ просто селиться на ту землю, которая по жеребью ему выпадетъ, или что на всѣ подворные участки кидался жеребій, метались кости и что частные владѣльцы всѣ передвигались, уступая новому тяглецу свои подворныя семейныя выти. Выраженія: жеребій и кость, повторяющіяся во всѣхъ актахъ, именно и доказываютъ, что крестьянскія владѣнія не имѣли опредѣленнаго заранѣе размѣра, что они выравнивались по жеребью, что на каждый сортъ почвы метался жеребій между всѣми хозяевами и каждому доставалась жеребьевая дѣлянка, полоса.

Мнѣніе о первобытномъ участковомъ владѣніи основывается преимущественно на грамотахъ и писцовыхъ книгахъ, гдѣ встрѣчаются такія условія: „а отдати ему всѣ угодья, что́ къ тому жеребью изстари потягло“, или: „владѣть мнѣ въ той деревнѣ всѣмъ, что́ достанется мнѣ на мою долю безъ выкупа и во вѣки“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, вызывая и переводя новыхъ жильцовъ на свои земли, владѣльцы заключали съ ними записи на владѣніе особымъ участкомъ; эти-то акты и сохранились, но условія, заключаемыя во вѣки, не могли устоять противъ обычая выдѣлять сыновей и выравнивать земли. „Отданный разъ жеребій земли, говоритъ г. Чичеринъ, оставался въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи крестьянина“. Мы согласны, что данный жеребій дѣлился между потомствомъ перваго жихаря; если у отца два сына, то они получали двѣ половины; но если, далѣе, у этихъ двухъ братьевъ у одного три сына, а у другого одинъ, то всѣ они четыре двоюродные брата получали поровну, по $1/4$ изъ отцовскаго наслѣдства; имъ слѣдовало бы первымъ тремъ получить по $1/6$, а второму одному $1/2$; вмѣсто того, они выравнивались всѣ вмѣстѣ, если только сами не отказывались отъ земли. Можно ли это называть потомственнымъ владѣніемъ?

Въ другой статьѣ того же автора (въ отвѣтѣ къ Бѣляеву) мы читаемъ еще слѣдующее категорическое заявленіе (стр. 97): „Величина участка опредѣлялась свободнымъ договоромъ, новый поселенецъ или бралъ предложенную ему землю, или выбиралъ пустой участокъ по желанію“.

Тутъ мы опять спросимъ: если участокъ опредѣлялся свободнымъ договоромъ, выбирался по желанію, то на что же было метать жеребій и называть такой участокъ жеребьемъ? Выборъ и жеребій, сколько намъ кажется, дѣйствія противуположныя. Новые поселенцы дѣйствительно выбирали себѣ пустые дворы, но зная напередъ, что они получатъ только опредѣленный дворъ и усадьбу, а изъ полевыхъ угодій тѣ, которыя имъ достанутся по жеребью.

ГЛАВА VII.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

ОТДѢЛЪ 2.

Періодъ закрѣпленія.

Крѣпостное право установилось въ Россіи медленно и постепенно.—Верстаніе помѣстьями.—Прожиточныя помѣстья.—Помѣстное владѣніе было такое же, какъ крестьянское-тягловое.—Самоволіе помѣщиковъ; Нѣтчики.—Мѣры Петра для удержанія дворянъ на службѣ.—Указъ 1714 года о единонаслѣдіи.—Постепенное усиленіе крѣпостной власти и уклоненія отъ нея.—Въ теченіи XVI столѣтія переходы крестьянъ хотя и запрещаются, но продолжаются.—Запрещеніе переходовъ касалось не всѣхъ крестьянъ, а только тягловыхъ, пашенныхъ.—Жалобы мелкопомѣстныхъ дворянъ на сильныхъ людей.—Утайка дворовъ для избѣжанія повинностей.—Поимка и возвращеніе бѣглыхъ крестьянъ.—Разгульный бытъ крестьянъ продолжается до Петра I.—Общій очеркъ сельскаго быта въ концѣ XVII столѣтія.—Бродяжничество крестьянъ, укрывательство помѣщиковъ, пристанодержательство монастырей.—Первый актъ закрѣпленія людей безъ земли въ 1675 году бояриномъ Матвѣевымъ.—Коренныя правила крестьянскаго быта въ XVII столѣтіи.—Указы Петра Великаго о ревизіи.—Преслѣдованіе гулящихъ людей.—Значеніе мѣропріятій Петра Великаго.

Этотъ второй отдѣлъ нашего историческаго обозрѣнія, который мы назвали періодомъ закрѣпленія, имѣетъ двоякое значеніе—закрѣпленіе дворянъ къ службѣ и крестьянъ къ землѣ. То и другое было подготовлено Іоаннами III и IV, и вскорѣ послѣ смерти Грознаго послѣдовали извѣстныя узаконенія Ѳедора Іоанновича и Годунова, съ изданія коихъ обыкновенно считается введеніе крѣпостного права въ Россіи. Но ошибочно было бы представлять себѣ, что эти законодательные акты однимъ разомъ, почеркомъ пера, лишили крестьянъ вольности и водворили въ Россіи эту помѣщичью власть, которую мы застали впослѣдствіи и которая сохра-

нилась до нашихъ временъ. Процессъ закрѣпленія былъ очень постепенный и медленный; ему противодѣйствовали разные интересы: во-первыхъ, пользы крупныхъ собственниковъ, монастырей и бояръ, которые извлекали большія выгоды изъ вольнаго перехода поселянъ, и, во-вторыхъ, интересы той части крестьянства, которая ходила на промыслы и испоконъ вѣка бродила по русской землѣ. Наоборотъ, въ пользу закрѣпленія дѣйствовали другія, тоже сильныя вліянія: съ одной стороны, правительственныя и фискальныя, съ другой— земскія, такъ какъ казенныя черныя волости уже изстари домогались, чтобы выходъ людей изъ общества былъ запрещенъ; въ-третьихъ, интересы всѣхъ мелкихъ владѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ, которымъ точно такъ, какъ и волостямъ, вольный переходъ угрожалъ опустѣніемъ ихъ дворовъ и помѣстій.

Поэтому не надо себѣ воображать, чтобы закрѣпленіе крестьянъ была мѣра единовременная, исшедшая непосредственно и внезапно изъ самодержавнаго произвола государей, и нельзя также думать, что она была введена однимъ разомъ, по иниціативѣ властей.

Власти, какъ мы увидимъ ниже, всѣ вмѣстѣ, за исключеніемъ развѣ одной верховной, царской, были противъ закрѣпленія; проискамъ владыкъ церковныхъ и свѣтскихъ удалось еще долго парализовать эту мѣру, обходить законъ, такъ что приведеніе ея въ дѣйствіе тянулось черезъ цѣлый XVII вѣкъ, перешло даже въ XVIII и окончательно состоялось только развѣ при Екатеринѣ II. Во все это промежуточное время, съ начала XVII вѣка до половины XVIII, происходило постепенно, шагъ за шагомъ, укрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и помѣщиковъ къ службѣ, но крѣпостное право въ томъ значеніи, какое мы ему придаемъ, еще не существовало; черные люди постепенно лишались своихъ вольностей и правъ одного за другимъ, но они не были еще безправны; новые порядки вводились около Москвы и въ московскихъ городахъ и уѣздахъ, но крестьяне отъ нихъ уходили въ другіе уѣзды и области, а помѣщики ихъ соблюдали тамъ, гдѣ имъ было нужно, и нарушали, гдѣ хотѣли.

Поэтому мы и называемъ этотъ второй отдѣлъ періодомъ закрѣпленія, а не крѣпостного права.

Крѣпость, какъ фактъ и какъ право, установилась въ Россіи гораздо позднѣе.

Такимъ же порядкомъ и въ то же время совершался въ московскомъ государствѣ и другой переворотъ, другое закрѣпленіе—дворянства къ приказной, городской и земской службѣ.

Въ концѣ предъидущаго періода, въ эпоху судебниковъ, мы уже видѣли, что грозные цари московскіе смотрѣли на владѣніе землей, какъ на повинность [1]).

Помѣщики набирались какъ рекруты и „верстанье помѣстьями" производилось какъ раскладка тяголъ между крестьянами, огульно, по среднему размѣру земли, требуемой для поставки ратника, притомъ не въ видѣ одноличной милости, а по общему наряду.

Для таковыхъ верстаній установились нѣкоторыя правила, очень сходныя съ тѣми, которыя приняты были въ крестьянскомъ быту для мірскихъ надѣловъ. Въ извѣстную мѣстность, въ такой-то городъ и уѣздъ посылался бояринъ,—онъ бралъ себѣ въ помощники выборныхъ людей изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, которые назывались окладчиками, и вызывалъ „новиковъ", т.-е. молодыхъ людей, достигшихъ служебнаго возраста и годныхъ для ратнаго дѣла. Нормальный размѣръ служилаго помѣстья въ XVI столѣтіи былъ уже нѣсколько увеличенъ противъ прежняго и считался въ 200—250 четв. (100—125 д.). Верстаніе „новиковъ" дѣлалось по иной формѣ: если у отца было 5 сыновей при 500 четв. въ помѣстьѣ, то два младшіе оставались при отцовскомъ помѣстьѣ, въ томъ предположеніи, что, по достиженіи совершеннолѣтія, они будутъ служить изъ этого помѣстья, каждый изъ 250 четв., старшимъ же сыновьямъ надѣлялись особыя помѣстья. Если земли было менѣе 500 четв., то при отцѣ оставлялся только одинъ сынъ, а остальные верстались особо. Также точно выдѣлялись и братья отъ братьевъ; если ихъ было трое на 500 четв., то верстали одного изъ нихъ, если же на каждаго приходилось менѣе 250 четв., то надѣляли каждаго добавочнымъ помѣстьемъ.

Впрочемъ, порядки верстанья были безконечно различны и опредѣлялись каждый разъ особыми инструкціями, даваемыми

„окладчикамъ и писцамъ“; отцы, разумѣется, часто просили объ оставленіи ихъ помѣстій за дѣтьми; иногда это допускалось, иногда запрещалось, но общимъ правиломъ считалось, что помѣстье переходитъ по наслѣдству только въ томъ случаѣ, если сыновья „поспѣли на службу“. Жалобамъ и челобитьямъ по этимъ верстаньямъ, припускамъ, отводамъ не было конца. Московскіе государи приказывали обыкновенно въ отвѣтъ на такія прошенія осмотрѣть просителя (годенъ ли онъ на службу), точно такъ какъ въ рекрутскихъ присутствіяхъ нашего времени свидѣтельствуютъ рекрута; боярамъ, окладчикамъ была при этомъ хорошая пожива, писцамъ, которые держали писцовыя книги помѣстьямъ, еще лучшая.

Особый видъ владѣнія имѣли такъ-называемыя прожиточныя помѣстья, оставляемыя по смерти служилыхъ людей, на прожитокъ ихъ вдовамъ и малолѣтнимъ дѣтямъ; при суровыхъ царяхъ XVI столѣтія они встрѣчаются рѣдко, такъ какъ отъ всѣхъ служилыхъ людей строго требовалась наличная поголовная служба; изрѣдка помѣстья жаловались на прожитокъ, но только на срокъ — до замужства вдовы или до постриженія ея, или до совершеннолѣтія дѣтей; но впослѣдствіи это прожиточное право обратилось въ обычай и способствовало къ превращенію помѣстій въ наслѣдственное владѣніе.

По существу помѣстное право еще долго сохраняло исключительное свое значеніе кормовыхъ доходовъ для покрытія служебныхъ издержекъ, а такъ какъ по роду службы издержки были различны, то и размѣры помѣстій были разные. Служба была полевая, ратная и въ посылкахъ, или мѣстная, городовая и земская; разумѣется, послѣдняя обходилась дешевле, такъ какъ не отрывала людей отъ домашняго хозяйства. По этому соображенію для царской службы клалось въ помѣстье сначала по 100, потомъ по 200—250 четв., на городовую полагалось по одному указу Іоанна IV только пять вытей, около 50 четв. Служилые люди, верстанные цѣлыми помѣстьями, выходя въ отставку изъ казенной службы по болѣзни или ранамъ, подвергались осмотру, царь приказывалъ осмотрѣть ихъ раны: „съ казанскихъ ранъ нога испорчена“, „помѣстить ихъ въ спискѣ, доколѣ выздро-

вять и оставить помѣстье до выздоровленія". Но въ случаѣ, если служилый человѣкъ безъ особаго недуга и увѣчья переходитъ на городовую службу, изъ помѣстья отписывалась вся земля сверхъ 5 вытей; иногда эта отписка дѣлалась только на срокъ, до того времени, когда подростутъ сыновья, и тогда помѣстье, нѣкогда пожалованное отцу, обрѣзанное при переходѣ его на выборную службу, вновь пополнялось до прежняго размѣра и передавалось сыновьямъ.

Помѣстное владѣніе имѣло еще то сходство съ тягловымъ крестьянскимъ, что было не только не наслѣдственное, но и не пожизненное. Вводъ во владѣніе помѣстьемъ происходилъ, какъ и пріемъ земли въ крестьянствѣ, при совершеннолѣтіи и очень рано, съ 15-лѣтняго возраста; пользованіе помѣстными доходами продолжалось до того времени, когда по дряхлости дворянинъ выбывалъ изъ службы; точно такъ какъ крестьянинъ, выходя изъ лѣтъ, передавалъ свою полосу, свою выть сыну, а если не было сыновей, сдавалъ ее въ міръ; такъ и помѣстья, если не было наслѣдниковъ годныхъ для службы, отписывались на царя. И въ этомъ отношеніи знатнѣйшіе князья приравнивались къ простому мужику: князья Бѣлосельскіе, Владиміръ и Василій, по грамотѣ 1556 г., отставлены отъ службы, „потому что стары и больны", а помѣстья ихъ переданы сыну и внуку.

Это помѣстное положеніе, завѣщанное, можно сказать, строгими устроителями московскаго царства, составляло высшую заботу внутренней политики XVI-го и XVII-го столѣтій; преемники Іоанновъ только и заботятся, „какъ бы земля не выходила изъ службы". Но она выходила, несмотря на всѣ ихъ старанія; помѣстья очень часто мѣнялись на вотчины, и подтвердительные указы, запрещающіе такой обмѣнъ, повторяются до самаго уложенія, потомъ въ уложеніи запретъ снимается и о мѣнѣ помѣстья на вотчины, упоминается какъ о прежнемъ законномъ порядкѣ; точно также обмѣнивались помѣстья и на такъ-называемыя „кормленія" и наоборотъ, кормленія на помѣстья; эти обмѣны тоже запрещаются, потомъ, по уложенію, разрѣшаются, потомъ, въ 1679 г., опять отмѣняются.

Помѣщики раздѣлялись, или, вѣрнѣе сказать, различались (ибо положительнаго дѣленія не было), на разряды по мѣ-

стамъ ихъ владѣнія и службы, изъ чего впослѣдствіи развилось мѣстничество. Выгоднѣе прочихъ мѣстъ для испомѣщенія считался московскій уѣздъ, потому что въ немъ дикихъ и пустыхъ земель было меньше и служба вблизи царя была прибыльнѣе заочной; за то въ Москвѣ помѣстья верстались въ наименьшемъ размѣрѣ: чѣмъ больше купцовъ, тѣмъ дороже товаръ [2]). Въ украинскихъ городахъ помѣстья были вдвое крупнѣе московскихъ, въ 300—400 ч., въ другихъ отдаленныхъ уѣздахъ въ 600—900 ч., въ Новгородѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ дворяне верстались помѣстьями въ 550—1,100 четв. Но были и средства удвоить, утроить положенное въ помѣстьѣ количество земли, потому что „дикія земли“ не принимались въ разсчетъ и приписывались къ пахатной землѣ безъ счета, какъ неудобныя.

Выходили земли отъ службы тоже и по новому праву пожиточнаго владѣнія, о введеніи коего мы выше упомянули; многія помѣстья уже теперь оставлялись дѣвицамъ до замужства, сдавались ихъ женихамъ и самое право пожитка, прежде вполнѣ зависѣвшее отъ милости государя, въ XVII ст. опредѣляется извѣстнымъ процентомъ, переходящимъ по закону на прожиточные участки.

Наконецъ, по уложенію (гл. 17 ст. 37) выморочными помѣстьями признаются только такія, по коимъ не остается отъ прежняго владѣльца ни рода, ни племени, и только такія отбираются на государя. Этимъ совершается переходъ помѣстнаго владѣнія изъ срочной въ преемственную собственность, и окончательно приравниваются вотчины и помѣстья; эти два рода владѣнія обмѣнялись, можно сказать, своими основными свойствами: вотчина приняла отъ помѣстья характеръ обязаннаго, служилаго имущества, а помѣстье позаимствовало отъ вотчины значеніе наслѣдственной собственности. Первая приникла, утратила свою независимость, второе, помѣстное владѣніе, упрочилось — и все это произошло неизвѣстно какъ и когда, не по велѣнію царей, ибо мы видѣли, что они постоянно запрещали всякій обмѣнъ и смѣшеніе этихъ двухъ видовъ землевладѣнія, а какъ-то само собой, въ силу исключеній, которыя были обыкновеннѣе правилъ, въ силу нарушеній, которыя были сильнѣе закона, по

своеволію служилыхъ людей, которые были еще могущественнѣе, чѣмъ самовластіе московскихъ государей [3]).

Самовольный бытъ служилаго сословія составляетъ главную черту, характеризующую эту эпоху XVII ст., въ продолженіе коего помѣстное право укрѣпилось на Руси и подавило вольность крестьянскую. Своеволіе дворянъ дѣйствовало, какъ ножъ обоюдо-острый, на двѣ стороны: противъ правительственныхъ распоряженій посредствомъ уклоненія отъ службы, противъ крестьянъ — расширеніемъ правъ крѣпостного владѣнія. Съ самой смерти Іоанна IV начинается продолжительная борьба, борьба пассивная, сопротивленіе мягкое, принимавшее на себя личину самаго униженнаго подобострастія, самой смиренной покорности, но, тѣмъ не менѣе, пересилившая царскія распоряженія.

Оно выражается тѣмъ, что служилые люди, верстанные помѣстьями, не являются на службу, что они отговариваются и отписываются разными притворными препятствіями и, въ концѣ-концовъ, на вызовы царскихъ намѣстниковъ отвѣчаютъ молчаніемъ и отсутствіемъ, такъ и записываются „въ нѣтяхъ“. Эти „нѣти“ составляютъ, можно сказать, всю исторію русскаго дворянства XVII вѣка, покуда Петръ Великій не сломилъ этого закоснѣлаго упорства.

Уже со временъ Годунова начинаютъ появляться указы, упоминающіе объ этихъ уклоненіяхъ: несмотря на то, что правитель очень благоволилъ къ служилому сословію, возвысилъ помѣстный окладъ вдвое, со 100 на 200 четв. въ московскомъ уѣздѣ, несмотря на то, что онъ разрѣшаетъ дворянамъ ставить вмѣсто себя дѣтей и даже холоповъ, — помѣщики избѣгали службы. Борисъ, дѣйствуя мягче и справедливѣе Грознаго, не отбиралъ помѣстій прямо въ казну, но старался установить болѣе правильное разбирательство; онъ писалъ: „что если съ помѣстья или отчины не явится самъ владѣлецъ, ни его сыновья и не будутъ высланы холопы и что по дознаніи сыщется допрямо, что это произошло по огурству (упорству), то съ таковыхъ взять столько четвертей, сколько не отстоялъ онъ службы и отнятыя земли отдать безпомѣстнымъ и мелкопомѣстнымъ дворянамъ, кои служатъ“.

Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича это движеніе усилилось; мелкіе помѣщики уже не только уклонялись отъ службы, но часто покидали свои помѣстья и вотчины „не хотя государевой службы служить“ и переходили на частную службу, въ услуженіе къ боярамъ и окольничьимъ, приписываясь къ ихъ дворамъ и перечисляясь изъ помѣщиковъ въ дворовые люди. Имъ приказывали возвращаться на помѣстья, принуждая ихъ такимъ образомъ владѣть землей, повинности съ коей вѣроятно много превышали доходность.

Это странное явленіе повторялось часто и продолжалось долго; въ дворахъ богатыхъ и знатныхъ бояръ образовалось цѣлое сословіе благородной дворни, которую называли знакомцами, держальниками; это были просто бѣглые отъ службы дворяне; изъ Москвы пишутъ, что они „воровствомъ“ изъ службы побѣжали, что они даютъ на себя „кабалы служилыя во дворѣхъ, что многіе изъ нихъ поженились на крѣпостныхъ дѣвкахъ“, и опять подтверждается взять ихъ изъ боярскихъ дворовъ, поставить въ службу, приписать къ городу, помѣстью и вотчинѣ.

Здѣсь еще надо замѣтить, что уже въ это время, въ началѣ XVII ст., различіе между вотчиной и помѣстьемъ вовсе сглаживается и понятіе о правѣ собственности такъ смущается, затмѣвается, что „воровствомъ“ называется такое дѣйствіе, какъ покиданіе своего имущества, оставленіе своей собственности не только пожалованной, помѣстной—но и родовой, доставшейся по наслѣдству; а воромъ признается одинаково и похититель чужого, имущества и владѣлецъ, отказывающійся отъ своего владѣнія для избѣжанія государевой службы. Но воровство продолжалось, уклоненіе отъ службы такъ вошло въ обычай помѣстнаго сословія, что считалось нѣкотораго рода удальствомъ, которымъ многіе дворяне хвастались; дерзость этихъ нѣтчиковъ дошла до того, что письменнымъ указомъ 1665 г. приказано было „за такія рѣчи (т.-е. когда помѣщикъ хвастался своимъ состояніемъ въ нѣтѣ), если великому государю о томъ вѣдомо будетъ, быть дворянину въ жестокомъ наказаніи, въ государевой опалѣ, а помѣстья и вотчины отдавать въ раздачу“.

Даже и духовные сановники дозволяли себѣ такія же воровскія дѣйствія; изъ одного указа, 1604 года, видно, что

и митрополиты, и монастыри не высылали холопей на службу, или наряжали ихъ безъ доспѣха, безъ оружія, или выставляли людей голыхъ и больныхъ, безъ запаса одежды, обуви, провіанта. У духовенства однако вотчинъ за такое воровство не отбирали, а взыскивали по 15 руб. за недоимочнаго ратника и отбирали самихъ людей, слугъ, которыхъ писали въ стрѣльцы — „безъ пощады", гласитъ указъ 1604 года.

Въ концѣ XVII ст. это особое соціальное положеніе „въ нѣтѣхъ" сдѣлалось повидимому нормальнымъ среди русскаго дворянства и во многихъ указахъ и наказахъ боярамъ, стольникамъ, посылаемымъ для набора служилыхъ людей, упоминается „о нѣтчикахъ", какъ будто объ особомъ классѣ дворянъ, систематически укрывающемся отъ службы.

Были „нѣтчики" по болѣзни и старости, которые исходатайствовали себѣ по законнымъ причинамъ увольненіе отъ службы; но у нихъ подростали дѣти, племянники, внучата, которыхъ они тоже скрывали, не записывали въ полки, не предъявляли воеводамъ.

Были и другіе нѣтчики — „злоумышленные", которые „лѣнью своей и огурствомъ не пріѣзжаютъ", или, побывъ на службѣ,—„изъ полковъ бѣгаютъ"—а „люди они полные, вотчины за ними жилые, дачи не малыя", служить имъ можно „безъ съѣзду", безъ отпуска. А они не служатъ! и приказываетъ великій государь Алексѣй Михайловичъ стольнику Хованскому, да подъячему Дмитріеву (въ 1675 г.) отправиться въ города: Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Нижній, Гороховецъ, Арзамасъ, Юрьевъ и дознать строго, что́ и какъ; во-первыхъ—кто чѣмъ владѣетъ, сколько за кѣмъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и, особо отъ крестьянъ, задворныхъ людей и дѣловыхъ (ремесленниковъ); во-вторыхъ—разныхъ другихъ статей дохода пожиточныхъ угодій, мельницъ, рыбныхъ ловель; въ-третьихъ—розыскать, нѣтъ ли и такихъ владѣльцевъ, которые, не имѣя крестьянъ, пользуются доходами отъ оброчныхъ статей, пашенныхъ или пустошей и покосовъ сдаваемыхъ порознь. Такимъ образомъ этимъ двумъ, безъ сомнѣнія, очень малограмотнымъ, уполномоченнымъ поручалось громадное дѣло переписи и инвентарнаго описанія страны отъ Юрьева до Нижняго, отъ Суздаля до Мурома. Можно легко себѣ представить, какъ исполнялись такія по-

рученія, какъ привольно было нѣтчикамъ скрывать свои доходы и прибыльно подъячимъ производить такія дѣла [4]).

Къ концу XVII-го столѣтія своеволіе помѣстнаго дворянства достигаетъ наивысшаго своего развитія и занавѣсъ опускается надъ до-петровской Россіей среди полнаго торжества служилаго элемента, который успѣлъ обойти законъ, условіе, подъ коимъ надѣлены были помѣщики землей, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпилъ за собой не только самыя земли, но и людей на нихъ водворенныхъ.

Наступаетъ великое царствованіе Петра. Оно принимается обыкновенно въ такомъ значеніи, что по всѣмъ отраслямъ русской науки, исторіи и права всякое лѣтосчисленіе кончается или начинается съ этого достославнаго времени. Но по нашему предмету, по поземельному быту, мы не видимъ, чтобы царствованіе Петра имѣло такое значеніе крутого и рокового переворота. Петру Великому обыкновенно приписываютъ два мѣропріятія, имѣвшія будто бы большое вліяніе на дальнѣйшее устройство землевладѣнія въ Россіи, а именно: a) уничтоженіе различія между вотчинами и помѣстьями, и установленіе наслѣдственности по всѣмъ родамъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ, и b) введеніе подушнаго оклада вмѣсто прежняго поземельнаго.

О послѣдней мѣрѣ мы упомянемъ ниже, при изслѣдованіи крестьянскаго быта, о первой же,—о сліяніи вотчиннаго владѣнія съ помѣстнымъ, мы должны замѣтить, что она не произвела никакого рѣшительнаго перелома въ русскомъ обществѣ, потому что это сліяніе, или, вѣрнѣе сказать, смѣшеніе происходило исподоволь, задолго передъ царствованіемъ Петра I и въ его время уже совершилось вполнѣ.

Мы уже въ предъидущей главѣ старались объяснить, какъ слабы и смутны были всѣ эти понятія о частной собственности въ древней Россіи, какъ они постоянно видоизмѣнялись и извращались самовластіемъ князей и царей, и своеволіемъ народа — и въ особенности, какъ безсознательно было различіе между наслѣдственнымъ имуществомъ (вотчиной) и временнымъ владѣніемъ (помѣстьемъ). Преобладаніе того или другого зависѣло не отъ закона и обычая, а непосред-

ственно отъ личной политики или даже отъ нрава государя; при строгихъ правителяхъ, какъ Іоанны III и IV, развивалась помѣстная система, вовсе подавляя вотчинную; при государяхъ болѣе благодушныхъ, каковы были Романовы, допускалось наслѣдованіе и по такимъ имуществамъ, которыя были верстаны пожизненно на службу.

Въ теченіе XVII ст. это послѣднее направленіе восторжествовало и въ началѣ царствованія Петра, до изданія закона 1714 г., мы уже видимъ, что царскими указами утверждаются раздѣлы между сыновьями, „понеже онъ (завѣщатель) въ тѣхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ самовластенъ, и раздѣлилъ ихъ по своей родительской власти".

Изъ этого видно, что Петръ Великій ничего не отмѣнилъ и не измѣнилъ въ правахъ землевладѣнія, а подтвердилъ только тѣ порядки, которые „самовластно", какъ сказано въ указѣ, введены были въ прежнее время.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ старался укрѣпить и прежнюю обязательную службу дворянъ [5]); указомъ 1714 года всѣ имущества—вотчины и помѣстья, родовыя, выслуженныя, пожиточныя, купленныя соединены подъ общимъ названіемъ—недвижимыя имѣнія — и на всѣхъ наложена служебная повинность съ такою строгостью, какой не испытывало русское дворянство со временъ Іоанна Грознаго. Исправила ли строгость эта закоснѣлое огурство служилаго сословія — сомнительно. Въ сочиненіяхъ одного современника (Посошкова) мы находимъ краткое, но любопытное описаніе помѣщичьяго быта: „сколько уже указовъ,—пишетъ Посошковъ, — послано недорослямъ изъ дворянскихъ дѣтей во всѣ города, а на службу они не являются и отцы ихъ не высылаютъ сколько имъ ни пиши; по старому уложенію они пропускаютъ безъ отвѣта первой, второй указъ, и развѣ только по третьему, если нѣтъ никакой возможности отмолчаться и отнѣкаться, высылаютъ служилыхъ людей; въ такомъ ослушаніи и презрѣніи указовъ царскаго величества многіе дворяне состарѣлись, проживъ весь свой вѣкъ въ деревнѣ и на службѣ не бывали ни одной ногой".

Итакъ, повторяемъ, царствованіе Петра Великаго въ этомъ отношеніи очень мало измѣнило: изъ прежнихъ „нѣтчиковъ" образовались новѣйшіе „недоросли"; вотчины и помѣстья

переименованы въ недвижимыя имѣнія; дворянамъ сбрили бороды, но они продолжали уклоняться отъ службы по старому уложенію, въ презрѣніи указовъ его величества.

Гораздо болѣе значенія, по крайней мѣрѣ для характеристики русскаго общества, чѣмъ этотъ указъ 1714 г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ, имѣло другое законоположеніе того же года, извѣстное подъ названіемъ указа о единонаслѣдіи, 23 марта 1714 г. Оно не оставило слѣдовъ въ исторіи русскаго права, потому что никогда не было введено въ дѣйствіе и въ слѣдующее царствованіе было формально отмѣнено; но интересъ этого мѣропріятія въ томъ именно и заключается, что это была единственная въ нашей исторіи первая и послѣдняя попытка ввести въ поземельный бытъ въ Россіи начала западно-европейскаго землевладѣнія съ его аристократическимъ строемъ, и что этотъ опытъ оказался сразу такъ противнымъ народному духу, такъ чуждымъ понятіямъ и нравамъ самого дворянства, въ пользу коего былъ предпринятъ, что съ самаго своего изданія указъ этотъ никогда не былъ исполненъ, остался мертвой буквой, и немедленно по смерти законодателя былъ взятъ назадъ, какъ неудачное и неисполнимое нововведеніе.

Впрочемъ Петръ, I и въ этомъ опытѣ устройства аристократіи дѣйствовалъ съ своей неизмѣнной точки зрѣнія—привлеченія всѣхъ сословій къ службѣ и болѣе заботился объ интересахъ казны и войска, чѣмъ объ охраненіи собственности; но въ его великихъ замыслахъ на этотъ разъ видно прямое, можно сказать, буквальное заимствованіе иноземныхъ воззрѣній: во введеніи къ указу приводятся мотивы, какъ будто переведенные слово въ слово изъ политико-экономическихъ трактатовъ того времени.

Въ указѣ объявляется: a) что, вслѣдствіе равнаго раздѣла вотчины, дворянскія фамиліи бѣднѣютъ, такъ что часть ихъ обращается въ однодворцовъ, и знатная фамилія, прибавляетъ государь, вмѣсто славы (sic) поселяне будутъ, какъ ужъ много тѣхъ экземпляровъ есть въ россійскомъ народѣ; b) далѣе выражается опасеніе, что при равномъ раздѣлѣ имѣній каждый будетъ имѣть небольшой участокъ земли и свой даро-

вой хлѣбъ, и что поэтому не будетъ служить; изъ этихъ двухъ соображеній выводится заключеніе, какъ будто скопированное съ англійскаго общества, которое изучилъ государь въ своихъ вояжахъ — что наилучшее устройство землевладѣнія есть такое, которое, обезпечивая знатность и богатство старшихъ сыновей, заставляетъ и не изъ чести, а изъ насущнаго хлѣба младшихъ справлять государеву службу.

Безъ сомнѣнія, этотъ послѣдній мотивъ имѣлъ въ глазахъ императора гораздо болѣе силы, чѣмъ первый и поголовная служба имѣла болѣе интереса, чѣмъ „слава знатныхъ фамилій". Посреди великихъ своихъ начинаній Петръ задумалъ, между прочимъ, пересадить въ новую Россію и аристократическое землевладѣніе старой Англіи; но изъ всѣхъ его начинаній это одно не удалось.

Постановлено: 1) чтобы недвижимыя имѣнія не были ни продаваемы, ни закладываемы, но отдавались бы одному изъ сыновей, по выбору завѣщателя, или старшему, если завѣщанія нѣтъ; 2) чтобы прочіе дѣти (кадеты) получали части только изъ движимости; 3) бездѣтному дозволялось отдавать вотчину члену той же фамиліи и притомъ такъ, чтобы имѣніе въ полномъ составѣ переходило къ наслѣднику ближайшему по линіи родства; 4) если въ фамиліи не будетъ членовъ мужского пола, то „для возобновленія фамиліи" имѣніе переходило къ замужней родственницѣ или вдовѣ, или дѣвицѣ, съ тѣмъ, чтобы мужъ первой или женихи послѣднихъ приняли фамилію прежняго вотчинника; 5) недвижимыя имѣнія, какъ родовыя такъ и пріобрѣтенныя, перепродажѣ не подлежатъ, а если донесено будетъ правительству объ уступкѣ вотчинъ меньшимъ братьямъ, то имѣніе отдается доносителю; 6) дополнительнымъ указомъ, 15 апрѣля 1716 года, опредѣленъ также выдѣлъ мужа и жены по смерти вотчинника — они получали $^1/_4$ изъ имѣнія, а $^3/_4$ отдавались старшему въ родѣ.

Таковы были краткія, но рѣшительныя и полныя распоряженія этого замѣчательнаго акта, изданіе коего безъ сомнѣнія измѣнило бы судьбу нашей русской земли, еслибъ судьбы народовъ и земель были въ рукахъ человѣческихъ. Но и желѣзная рука Петра Великаго, перестроившая весь наружный бытъ государства, не осилила труда — измѣнить

принципъ равнаго раздѣла, свободнаго владѣнія и привить русскому обществу аристократическія начала единонаслѣдія, первородства и неотчужденной преемственной собственности.

Все удалось великому преобразователю, все исполнилось по его непреклонному велѣнію: переодѣлись бояре въ нѣмецкихъ бароновъ и французскихъ маркизовъ, скрѣпя сердце, вывезли своихъ женъ и дочерей изъ теремовъ на асамблеи, ѣздили въ чужіе края, учились чужимъ языкамъ, перенимали все, что приказано было перенять у европейской цивилизаціи — одного только не могли себѣ усвоить, именно того порядка владѣнія и наслѣдованія, который во всѣхъ другихъ странахъ составлялъ завѣтное стремленіе имущественныхъ классовъ и послужилъ главнѣйшей основой родовой собственности знатныхъ фамилій — закона единонаслѣдія.

Этотъ законъ, 1714 г., составлялъ дѣйствительно такой поворотъ въ народномъ бытѣ, что еслибъ онъ былъ проведенъ, то нынѣ безъ сомнѣнія половина европейской Россіи принадлежала бы не болѣе какъ нѣсколькимъ тысячамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а наше россійское общество дѣйствительно уподобилось бы и въ соціальномъ своемъ строѣ западно-европейскому. Мы имѣли бы настоящую территоріальную аристократію вмѣсто придворной, имѣли бы среднее сословіе, образовавшееся изъ младшихъ безпомѣстныхъ дѣтей, вмѣсто мелкопомѣстныхъ дворянъ и перерождившихся въ однодворцевъ обѣднѣвшихъ вотчинниковъ; мы могли бы возгордиться славой нашего родовитаго боярства, а оно бы въ свою очередь, опираясь на несмѣтныя свои богатства, успѣло бы провести другую мѣру столь же существенную для аристократіи, какъ и единонаслѣдіе—обезземеленіе крестьянства.

Но, какъ сказано, законъ этотъ повидимому не былъ даже ни разу примѣненъ въ практикѣ и такъ какъ онъ не подтверждался, то и пришелъ самъ собой въ забвеніе; наши дворяне уже тогда привыкли ожидать подтвержденій прежде, чѣмъ исполнять законы, и точно такъ, какъ для явки на службу, ждали третьяго указа, вѣроятно пропустили безъ вниманія и основное законоположеніе о порядкѣ наслѣдованія, предполагая, что если бы государю это было очень угодно, то онъ повторилъ бы свою волю и подкрѣпилъ бы

ее тѣми способами, которые онъ обыкновенно употреблялъ для усмиренія строптивыхъ.

Такимъ образомъ силой инерціи, правомъ уклоненія, властью ослушанія, безъ всякаго явнаго сопротивленія продолжались въ новой Россіи, при Петрѣ и послѣ Петра, изстаринные порядки и безпорядки древней Руси: служба считалась обязательною, какъ для вотчинниковъ, такъ и для помѣщиковъ, но недоросли XVIII вѣка точно такъ, какъ и нѣтчики XVII-го, находили всегда возможность укрываться отъ службы; землевладѣніе по закону, по уложенію, признавалось въ XVII столѣтіи пожизненнымъ, условнымъ, а въ XVIII, по закону 1714 г., должно было превратиться въ преемственное, заповѣдное, но въ дѣйствительности было со временъ Іоанна IV вполнѣ самовольное и осталось таковымъ и при Петрѣ I; помѣстья и вотчины дѣлились, завѣщались самовластно, и помимо всѣхъ царскихъ указовъ, вопреки имъ, соблюдалось только одно общее завѣтное на Руси правило: дѣлить отцовское наслѣдіе поровну между сыновьями и братьями[6]).

Но въ этотъ періодъ, съ конца XVI столѣтія до половины XVIII, происходилъ другой коренной переворотъ въ сельскомъ бытѣ, а именно постепенное закрѣпленіе крестьянъ.

Приступая къ изложенію этого переворота въ судьбахъ русскаго народа, мы должны прежде всего замѣтить и просить читателя запомнить это—что закрѣпленіе не было, какъ многіе полагаютъ, единовременное событіе, совершившееся по именному указу; оно было сначала узаконено, потомъ отмѣнено, потомъ вновь введено, но долгое время оставалось безъ надлежащаго исполненія и точно такъ, какъ дворяне уклонялись отъ службы царской, крѣпостные ихъ люди скрывались отъ помѣщичьей власти.

Намъ неизвѣстно, когда именно состоялась эта мѣра. Ее обыкновенно приписываютъ Ѳедору Іоанновичу, который по совѣту Годунова, указомъ 24 ноября 1597 года, воспретилъ крестьянамъ сходить съ тѣхъ земель, гдѣ ихъ засталъ указъ. Другіе относятъ эту мѣру къ 1592 г., такъ какъ установленъ срокъ для возвращенія людей, водворившихся на чужихъ земляхъ и срокъ велѣно считать съ 1592 г. Бѣляевъ

(„Крестьяне на Руси“, стр. 166) полагаетъ, что прикрѣпленіе послѣдовало не прежде 1590 г., потому что въ одной уставной грамотѣ этого года упоминается еще о вольномъ переходѣ.

Указъ 1597 года есть во всякомъ случаѣ первое, дошедшее до насъ узаконеніе объ этомъ предметѣ, но въ немъ и въ тѣхъ предъидущихъ указахъ, на которые онъ ссылается, никакъ нельзя видѣть начала крѣпостного права въ томъ видѣ, какъ оно развивалось впослѣдствіи. Въ указѣ только сказано: „чтобы на тѣхъ крестьянъ, которые изъ-за бояръ и другихъ владѣльцевъ выбѣжали за 5 лѣтъ назадъ, давать судъ крестьянамъ съ помѣщиками и возить ихъ назадъ, а на прочихъ, которые бѣжали по 106 годъ (1592), судъ помѣщикамъ не давать и оставлять ихъ на мѣстахъ“. Собственно запрещенія перехода нѣтъ въ указѣ, также нѣтъ и отмѣны срока Юрьева дня; о крестьянахъ, отлучившихся прежде, за 6, за 7 и за 10 лѣтъ до изданія указа, тоже сказано, что они бѣглые, значитъ и тогда переходъ былъ не вполнѣ вольный, допускался, можетъ быть, въ однихъ случаяхъ и запрещался въ другихъ. Во всякомъ случаѣ и по указу 1597 г. дѣла о побѣгѣ подлежали суду, разбирательству; крестьяне не выдавались помѣщикамъ, имъ давали судъ равноправный съ боярами, и если подтверждалось, что они ушли самовольно, не объяснивъ и не заявивъ отказа, или нарушили, можетъ быть, другія условія, то тогда только приказывалось: „сыскивать накрѣпко всякія сыски.„

Вскорѣ послѣ, указомъ 21 ноября 1601 года, крестьяне дворцовые и черныхъ волостей также прикрѣплены были къ землѣ и такимъ образомъ крѣпостное состояніе распространилось на всѣхъ поселянъ, на чьихъ земляхъ они бы ни жили, въ видѣ личной зависимости, ибо въ черныхъ волостяхъ не было никакого личнаго и частнаго владѣнія, а какъ право вѣчнаго, безсрочнаго пользованія землей.

По нѣкоторымъ, впрочемъ довольно сбивчивымъ, преданіямъ это нововведеніе встрѣчено было въ современномъ русскомъ обществѣ будто бы съ неудовольствіемъ и ропотомъ: но кто же жаловался и роптал? вѣроятно болѣе всего та гулящая часть сельскаго населенія (задворные, подсусѣдные люди, захребетники), которые выдѣлялись отъ отцовъ и

братьевъ, бродили по помѣщичьимъ имѣніямъ и промышляли наемной службой или оброчнымъ содержаніемъ земель. Вѣроятно также не по нраву пришлось это запрещеніе и богатымъ вотчинникамъ свѣтскимъ и въ особенности духовнымъ, которые уже болѣе столѣтія систематически переманивали черныхъ людей на свои земли и, пользуясь исключительными льготами, жалованными царями, опустошали черныя волости вывозомъ тяглыхъ крестьянъ въ свои земли. Но для вольныхъ крестьянъ, общинниковъ, для черныхъ волостей, а равно и для мелкихъ владѣльцевъ мѣра эта была, безъ сомнѣнія, полезная, спасительная и, можно сказать, еслибъ закрѣпленія не послѣдовало, то все сельское населеніе постепенно перешло бы на частныя земли, крестьянскія тяглыя угодья также перешли бы бо́льшею частью во владѣніе частныхъ лицъ, и мы имѣли бы въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, вольное, но безземельное крестьянство. Мы выше уже видѣли, что опустѣніе черныхъ волостей съ одной стороны и скупка крестьянскихъ земель съ другой—бѣломѣстцами, боярами, были два предмета неумолкаемыхъ жалобъ крестьянъ, запрещеній и взысканій правительства, и безпрерывное повтореніе ихъ со временъ вѣчевыхъ въ Новгородѣ до временъ опричнины въ Москвѣ свидѣтельствуетъ, что эти незаконныя дѣйствія продолжались безпрепятственно во весь періодъ вольнаго перехода крестьянъ. Полная личная свобода разстроивала хозяйственный бытъ общины и къ концу XVI столѣтія разстройство это было полное, поэтому нельзя предположить, чтобы сельскія сословія возроптали противъ такой мѣры, которая, правда, закрѣпляла ихъ къ землѣ, но и землю укрѣпляла за ними и предупреждала дальнѣйшее опустѣніе тяглыхъ дворовъ и вытей, на которые они въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій жаловались и сѣтовали.

Но, кромѣ того, очень сомнительно, было ли это прикрѣпленіе безусловное, относились ли указы Ѳедора и Бориса ко всему государству или къ московскимъ ближайшимъ уѣздамъ, имѣли ли они въ виду всѣ сословія или отдѣльные классы и разряды, наконецъ, состоялось ли и когда именно введеніе въ дѣйствіе новой крѣпости?

Издавъ въ 1601 г. положеніе о закрѣпленіи крестьянъ дворцовыхъ и черныхъ, тотъ же правитель Годуновъ въ слѣдую-

щемъ 1602 г. издаетъ особый указъ (24 ноября) и „особую память новгородскимъ старостамъ“ (30 ноября), въ коихъ пишется совершенно противное — „что если крестьяне захотятъ изъ-за помѣщичья идти обратно въ крестьянство, то чтобы ихъ отпускали въ Юрьевъ день, да послѣ Юрьева дня двѣ недѣли позже и чтобы ихъ выпускали со всѣми ихъ животы, безъ всякой задержки, не дѣлая имъ боевъ и грабежей, не задерживая ихъ сильно и не продавая ихъ имущества, а взимая только пожилаго за дворъ 1 рубль и два алтына“; однимъ словомъ, возстановляется или повторяется слово въ слово порядокъ отказовъ и разсчетовъ прежнихъ временъ, какъ будто другого и не бывало.

Изъ другого указа 1601 года видно, что запрещеніе перехода было не повсемѣстное и не общее, что въ московскомъ уѣздѣ запрещалось возить людей изъ монастырскихъ и боярскихъ имѣній въ дворцовыя и черныя волости — и также отказывать крестьянамъ изъ иныхъ городовъ для переселенія въ московскій уѣздъ; но что въ это время, въ 1601 и 1602 годахъ, дозволялся переходъ съ дворцовыхъ черныхъ земель и отъ большихъ владѣльцевъ къ мелкимъ. Тамъ же, въ указѣ 1601 года, установляется ограниченіе, совершенно непонятное, если переходъ былъ дѣйствительно запрещенъ, именно дозволялось возить по одному или два крестьянина изъ-за одного владѣльца, „а 3 или 4 никому не возити“.

Это двусмысленное положеніе продолжается и въ смутное время; послѣ голодныхъ годовъ, 1602 и 1604, въ царствованіе самозванца послѣдовалъ 1 февраля 1606 г. приговоръ боярской думы, въ коемъ сказано, что если „про котораго крестьянина скажутъ, что въ тѣ голодныя лѣта обрѣлъ онъ помѣщика по бѣдности, что было ему кормиться немочно, то тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его прокормилъ въ голодныя лѣта, а истцу отказать, потому-де — что онъ не умѣлъ своего крестьянина прокормить, а нынѣ его не пытай“. Велѣно возвращать старымъ помѣщикамъ только тѣхъ бѣдныхъ крестьянъ, которые ушли отъ нихъ за годъ до голодныхъ лѣтъ, такъ что изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ теченіи 3 лѣтъ, 1602—1604, закрѣпленіе крестьянъ было въ дѣйствительности отмѣнено и право вольнаго пере-

хода вновь возстановлено, что́ очень легко объясняется стремленіемъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ избавиться на время голода отъ обязанности кормить голодающихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и указывается, что крѣпостное право еще не утвердилось и обусловливалось совершенно случайными соображеніями.

Далѣе, въ 1640 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ принималъ уже болѣе строгія мѣры, ибо понятно, что краткій 5-ти-лѣтній срокъ, установленный Годуновымъ для отысканія бѣглыхъ, поощрялъ укрывательство и пристанодержательство бѣглыхъ; не трудно было ни крестьянамъ скрываться, ни помѣщикамъ ихъ скрывать въ теченіи 5 лѣтъ, чтобы, по минованіи срока, принимать новыхъ жильцовъ къ новымъ мѣстамъ и обойти такимъ образомъ строгость закона. Указомъ 9 марта 1640 г. сроки эти продолжены и назначены: десятилѣтній — для вывоза крестьянъ, самовольно бѣжавшихъ отъ господъ, и другой срокъ — 15 лѣтъ — для тѣхъ крестьянъ, которые выведены насильно новыми владѣльцами изъ-за прежнихъ; кромѣ того, за каждаго бѣжавшаго крестьянина положено 5 рублей штрафа въ годъ съ того помѣщика, который его принялъ и укрывалъ, и дѣйствіе закона распространено на всѣ вотчины, не только помѣщичьи, но и дворцовыя и на черныя волости.

Этотъ указъ свидѣтельствуетъ, что и по прошествіи 50-ти лѣтъ закрѣпленіе крестьянъ еще было не крѣпко и доказываетъ еще другое важнѣйшее обстоятельство, что противодѣйствіе исходило столько же, если не болѣе, отъ помѣщиковъ, сколько отъ крестьянъ, — что они, помѣщики, насильно уводили крестьянъ, вывозили ихъ со всѣми пожитками, обращали ихъ въ холопство, въ надворныхъ людей, можетъ быть и съ согласія самихъ перебѣжчиковъ, но во всякомъ случаѣ безъ спроса и вѣдома сельскихъ общинъ, среди коихъ они жили; срокъ, назначенный для этой категоріи людей, насильно выведенныхъ, болѣе продолжительный, чѣмъ для крестьянъ самовольно бѣжавшихъ, заставляетъ предполагать, что случаи насилія господъ повторялись еще чаще и требовали болѣе строгихъ мѣръ, чѣмъ самовольные побѣги крестьянъ.

Этотъ указъ былъ и не единственный въ своемъ родѣ; во все царствованіе Михаила повторяются такія же частныя распоряженія: Троицкому монастырю еще гораздо прежде жалуется право отыскивать своихъ крестьянъ за 10 лѣтъ,

вмѣсто 5, съ 1604 года—право это по особому наказу 1637 года распространяется на нѣкоторые города украинскіе и замосковные и, наоборотъ, другимъ монастырямъ (Волоколамскому въ 1614 г.) не полагается никакого срока для вывоза своихъ людей, приказывается только ихъ спрашивать—старинные ли они монастырскіе люди или нѣтъ—и по отвѣту ихъ выдавать игумену съ братьею.

Еще болѣе любопытно извѣстіе о томъ, кто изъ крестьянъ былъ прикрѣпленъ, и по всѣмъ даннымъ оказывается, что первоначальныя узаконенія вовсе не имѣли въ виду запретить вольный переходъ безусловно. Непосредственно послѣ изданія указа 1597 г., мы находимъ нѣсколько грамотъ, отписокъ и другихъ частныхъ актовъ, гдѣ прямо говорится, „что крестьянъ и бобылей на ту вотчину называть“ дозволяется (грамота Выденскому монастырю 1597 г.); или приказывается „прибрать на нашихъ отчинъ людей и кто захочетъ сажать на пашню, только не съ тягла, а братьевъ отъ братьевъ, сосѣдовъ отъ сосѣдовъ“, то-есть нетяглыхъ, выдѣляющихся изъ семейства членовъ (царская грамота въ Пермь, 1609 г.); приказчику Покровскаго монастыря даже предписывается (1632 г.): „прибирать людей въ крестьянство, называть на пустыя доли жильцевъ“ и указывается подробно, изъ какихъ людей ихъ набирать: изъ непахатныхъ крестьянъ и бобылей того же села, изъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и подсусѣдниковъ. То же самое распоряженіе о „приборѣ крестьянъ“ повторяется (въ грамотахъ 1637 года въ г. Чердынь, 1640 года въ Верхотурье), и вездѣ указывается на этотъ разрядъ непахатныхъ, нетяглыхъ крестьянъ, гулящихъ людей, какъ на обильный источникъ для набора новыхъ поселянъ. Эти наборы или приборы иногда производились въ довольно значительныхъ размѣрахъ, напримѣръ, въ Пермь приказано было однимъ разомъ, въ 1609 г., поселить отъ 50 до 100 охочихъ людей съ ихъ семьями.

Изъ этого можно положительно заключить, что въ первое время закрѣпленіе касалось только крестьянъ, состоящихъ въ тяглѣ, т.-е. надѣленныхъ землей, и это, впрочемъ, разумѣется само собой, ибо не къ чему было прикрѣплять без-

земельныхъ казаковъ и бобылей; но изъ этого также видно, что въ это время разрядъ безземельныхъ крестьянъ очень расплодился, если царскими указами предписывалось прибирать ихъ сколько потребуется изъ всякихъ вольныхъ людей; дѣйствительно, обезземеленіе крестьянъ при старомъ уложеніи о вольномъ переходѣ шло быстрымъ ходомъ; бобыли, которые прежде были хозяева, державшіе земли только въ меньшемъ размѣрѣ, въ половину противъ полныхъ хозяевъ, въ это время, повидимому, превратились уже въ нетяглыхъ людей, съ одними дворами, безъ пашни, и поэтому причислялись къ непахатнымъ крестьянамъ; бобыльскихъ дворовъ по нѣкоторымъ писцовымъ книгамъ считалось столько же, а иногда и болѣе, чѣмъ крестьянскихъ.

Въ этомъ отношеніи крѣпостное право должно было само собой измѣнить ходъ вещей, хотя, разумѣется, нельзя предположить, чтобы законодатели того времени имѣли такіе дальніе виды; но изъ самаго фискальнаго ихъ воззрѣнія на обезпеченіе платежей произошли и другія послѣдствія: крестьяне-хозяева потеряли право перехода, но для нихъ эта потеря была мало чувствительна, ибо, какъ отъ всякаго добра, такъ и отъ земли другого добра не ищутъ; сельскія общины преимущественно черныя, выгадали, наконецъ, то право, о коемъ такъ неусыпно и безуспѣшно ходатайствовали въ теченіи столѣтій, чтобы черныя тяглыя земли не выходили изъ тягла; владѣльцы пріобрѣли право задерживать своихъ поселянъ, но утратили другое важнѣйшее преимущество—сгонять съ земель крестьянъ на нихъ водворенныхъ, срывать дворы, присоединять крестьянскія выти къ вотчиннымъ, тяглые участки къ бѣлымъ мѣстамъ, къ господскимъ участкамъ.

Тягло приняло немедленно то значеніе, которое оно сохранило до новѣйшихъ временъ—податной единицы, которая независимо отъ права собственности остается неизмѣнной и слагается изъ двухъ частей—рабочаго мужика съ бабой и извѣстнаго участка земли. Выть, которая въ прежнее время не имѣла постояннаго размѣра, въ XVII стол. получаетъ значеніе нормальнаго надѣла, опредѣляемаго общей мѣрой по крайней мѣрѣ для цѣлыхъ уѣздовъ; въ Бѣлявской писцовой книгѣ выть вездѣ полагается: крестьянская въ одну мѣру (отъ 6 до 8 десятинъ), бобыльская въ половину. Въ другомъ сот-

номъ письмѣ 1629 г. приказано считать на выть 12 четв. (6 д.) доброй земли, 14 средней, 16 худшей и по всѣмъ волостямъ ровно, чернымъ, дворцовымъ, монастырскимъ вотчинамъ и помѣстьямъ.

Вотчинныя и помѣстныя земли различались отъ крестьянскихъ, и послѣднія росписывались по дворамъ и по именамъ домохозяевъ, какъ опись для раскладки и взиманія податей, между тѣмъ какъ господскія земли писались примѣрно, круглыми числами.

Наконецъ, во все это время, до второй половины XVII стол., крестьяне дѣйствуютъ, какъ полноправные граждане во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ оборотахъ и мірскомъ правленіи, выбираютъ старостъ и цѣловальниковъ по общему наряду изъ волостей черныхъ и дворянскихъ (наказъ заонежскимъ погостамъ 1605 г.), также выборныхъ судей въ боярскихъ вотчинахъ (наказная память крестьянамъ Вельскаго стана 1596 г.), заключаютъ договоры о переселеніи (порядная 1599 г. крестьянъ Вежецкаго монастыря съ игуменомъ) или о наймѣ на разныя работы, возкѣ лѣса на мосты и т. п. Въ числѣ порядныхъ записей, исчисленныхъ Бѣляевымъ (1624, 1626, 1628, 1630 годовъ) были совершенно вольныя сдѣлки, гдѣ крестьяне поселяются на монастырскихъ земляхъ, заключаютъ условія о работахъ, о пожилой платѣ и уговариваются, что они вольны отойти съ платежомъ убытка и волокитъ, и тутъ же приводятся и другія рядныя (1635, 1634 г.), въ коихъ крестьяне обязываются не уходить, не рядиться на сторону въ казачество или стрѣльчество.

Всѣ эти извѣстія, крайне сбивчивыя, указываютъ однако положительно: a) что первоначальный видъ закрѣпленія ничего болѣе не значилъ, какъ запрещеніе перехода въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мѣстностяхъ, и b) что это запрещеніе также слабо соблюдалось, какъ и всѣ прочія мѣропріятія этого времени,—какъ и обязательная служба помѣщиковъ. Оно во всякомъ случаѣ не относилось къ тому классу крестьянъ, которые переходили, для которыхъ вольный переходъ былъ дѣйствительною вольностью; люди гулящіе сохранили и послѣ указа о крѣпости свою полную вольность и лишались ее только въ томъ случаѣ, если находили выгоднымъ брать земли, жить за монастыремъ или помѣщикомъ и мѣнять та-

кимъ образомъ свою бродячую вольную жизнь на осѣдлое и крѣпостное состояніе.

Такое явленіе, добровольный промѣнъ личной свободы на крѣпостное состояніе, можетъ казаться страннымъ, противоестественнымъ въ наше время, но оно очень понятно въ тѣ смутныя времена, которыя мы описывали; въ дѣйствительности закабаленіе по добровольному согласію, переселенія изъ вольныхъ казенныхъ деревень въ господскія, сдѣлались въ это время, въ первой половинѣ XVII столѣтія, такъ часты, что угрожали опустѣніемъ чернымъ волостямъ.

Въ подмосковныхъ и замосковныхъ уѣздахъ крѣпостное сословіе прибывало не по днямъ, а по часамъ и, по свидѣтельству Котошихина, въ половинѣ XVII-го столѣтія крестьянскихъ дворовъ было въ черныхъ волостяхъ 30,000, въ дворцовыхъ 30,000, въ владычныхъ (патріаршихъ, митрополитскихъ) 35,000, монастырскихъ 83,000, а помѣщичьихъ, говоритъ Котошихинъ, нельзя было и счесть [7]). Впрочемъ, свидѣтельство это можно принять только съ оговоркой, что оно относится къ московскимъ ближайшимъ уѣздамъ, ибо очевидно, что пропорція черныхъ волостей, должно быть, была гораздо сильнѣе въ поморскихъ или волжскихъ и украинскихъ уѣздахъ; но во всемъ раіонѣ московскаго самодержавія, насколько оно дѣйствовало непосредственно, помѣстное владѣніе уже въ то время вытѣснило крестьянское. Насилія при этомъ было немного; гулящихъ людей, въ особенности послѣ голодныхъ годовъ, 1602—1604, было достаточно и непахатные крестьяне селились охотно на частныхъ земляхъ, зная напередъ, что съ этихъ земель они невольны сойти, но что невольны и дворяне ихъ съ нихъ согнать.

Эти охочіе люди находились во всѣхъ селеніяхъ и давали на себя добровольныя крѣпости такія же, какъ прежнія кабальныя записи, называя ихъ только другими именами: порядныя записи, ввозныя грамоты, сущность коихъ состояла въ томъ, что крестьянинъ за участокъ земли, ему надѣленный, отдавалъ себя съ потомствомъ въ вѣчное распоряженіе помѣщика; можетъ быть, даже вѣроятно, что они обыкновенно заключали или думали заключать условныя сдѣлки, но только на словахъ, а въ грамотахъ эти условія писались иначе или по крайней мѣрѣ сокращенно; обязанности, принятыя на себя

владѣльцами, пропускались или подразумѣвались; напротивъ, тягости, наложенныя на крестьянъ, прописывались и обыкновенно въ общихъ выраженіяхъ: „за такую-то ссуду мнѣ, N. N., жить у такого-то помѣщика въ деревнѣ, пашню на него пахать и всякое дѣло дѣлать“, или, „монастырское всякое дѣло мнѣ, N. N., дѣлать и страду монастырскую вмѣстѣ съ крестьянами страдать, все какъ прикажетъ игуменъ съ братіей“. Такимъ образомъ, по безграмотности крестьянъ, въ этихъ записяхъ употреблялись обыкновенно общія выраженія: „всякое дѣло, какъ прикажутъ“, и хотя, безъ сомнѣнія, эти дѣла и приказанія были предметомъ сговора словеснаго, но въ грамотахъ оставались только таковыя главныя черты, изъ коихъ выводилась неограниченная крѣпостная власть.

Злоупотребленія этой власти входили все болѣе и болѣе въ обычай: уже во второй четверти XVII столѣтія встрѣчаются грамоты о раздѣлѣ, продажѣ, мѣнѣ и о всякихъ другихъ сдѣлкахъ по цѣлымъ деревнямъ съ крестьянами, о сдачѣ въ аренду самихъ крестьянъ, но притомъ однако всегда оговаривалось, чтобы крестьянъ не разгонять, землю не отнимать. Крестьянское тягло послѣ прикрѣпленія, какъ и прежде, всегда принимается въ смыслѣ жилого участка населенной земли, которая противополагается пустой, и земля, однажды записанная жилой въ писцовыя книги, навсегда оставалась таковой, тягловой или податной, хотя бы послѣ и оставалась впустѣ. Это правило охраняло крестьянъ лучше всѣхъ законовъ отъ самовольныхъ захватовъ, ибо землевладѣльцы не находили никакихъ выгодъ выселять ихъ, зная, что земли, надѣленныя крестьянамъ, во всякомъ случаѣ, и послѣ переселенія будутъ считаться жилыми, податными.

Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича крѣпостное право дѣлаетъ большой шагъ впередъ, и этотъ переломъ обозначается съ перваго же года его царствованія челобитной, поданной дворянами и боярскими дѣтьми всѣхъ городовъ, т.-е. мелкопомѣстными провинціальными дворянами противъ „сильныхъ людей“, т.-е. бояръ и московскихъ окольничихъ и стольниковъ. Дворяне пишутъ, что они 33 года служили государеву отцу и на службѣ оскудѣли, что ихъ помѣстья и

вотчины опустѣли, потому что люди и крестьяне выходятъ изъ-за нихъ, бѣдныхъ городовыхъ дворянъ, за „сильныхъ людей“, за бояръ, за окольничихъ и ближнихъ людей, и за власти и за монастыри, — что покуда они были на государевой службѣ имъ не досужно было провѣдать своихъ бѣглыхъ крестьянъ, а въ это время „сильные люди“ развозили бѣглыхъ по дальнимъ своимъ вотчинамъ, послѣ ихъ скрывали въ урочные годы (т.-е. въ теченіи 5-ти-лѣтняго срока, положеннаго для приписки людей къ новымъ мѣстамъ) и потомъ, по минованіи срока, водворяли ихъ въ смежныхъ селеніяхъ, называя ихъ подложно своими старинными крестьянами. Но всего хуже, пишутъ дворяне, что эти бѣглые крестьяне, живучи за сильными людьми, приписываютъ заочно и другихъ нашихъ крестьянъ къ своимъ дворамъ и семьямъ, записываютъ ихъ въ писцовыя книги и ссудныя записи и „дружа тѣмъ, за кѣмъ они живутъ, сманиваютъ крестьянъ отъ насъ на смежныя боярскія вотчины“. Челобитная заключается просьбой отмѣнить, отставить урочные годы въ отдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и отдавать ихъ старымъ владѣльцамъ, какъ только они ихъ провѣдаютъ, хотя бы и не въ урочныя лѣта.

Эта челобитная наглядно представляетъ картину крестьянскаго и помѣщичьяго быта въ это время. По прошествіи почти 50 лѣтъ со дня запрещенія переходовъ, древнее право вольнаго перехода вовсе не утратилось, вовсе не было отмѣнено въ дѣйствительномъ народномъ быту — оно только перешло съ законной почвы на незаконную, изъ права свободныхъ отказовъ и вызововъ образовалось бродяжничество, укрывательство бѣглыхъ и пристанодержательство. Эти безпорядки сдѣлались общимъ порядкомъ, имъ потворствовали сильные люди, ближніе къ царю, власти и монастыри; бояре окольничіе укрывали бѣглыхъ крестьянъ, дальніе монастыри держали пристани для бродягъ; тамъ, въ этихъ отдаленныхъ вотчинахъ, проживали они срочные урочные годы (5, 10 лѣтъ) и, выждавъ срокъ, водворялись у своихъ покровителей на полномъ правѣ старшихъ крестьянъ. Страдали отъ этого всего болѣе бѣдные дворяне, и по ихъ настоятельнымъ просьбамъ, повтореннымъ нѣсколько разъ, Алексѣй Михайловичъ въ 1646 г. рѣшился отмѣнить урочные годы на будущее время, но за прошедшее оставить въ силѣ прежній 10-лѣтній срокъ.

Наконецъ, по соборному уложенію 1649 г., урочныя лѣта были вовсе отмѣнены, какъ на будущее, такъ и за прежнее время, и правила новаго прикрѣпленія изданы въ видѣ свода узаконеній въ XI главѣ уложенія.

Съ этого (1649) года можно считать, что прикрѣпленіе крестьянъ было формально узаконено въ Россіи, но все-таки не въ видѣ личной зависимости — принадлежности человѣка господину (Leibeigenschaft), а единственно въ смыслѣ неразлучности крестьянина отъ земель, что́ было единственною цѣлью всего этого законодательства, постоянною непреложною заботою государей дома Романовыхъ въ виду бродяжничества, усвоивавшагося между крестьянами въ прошломъ столѣтіи, еще болѣе усилившагося въ началѣ XVII столѣтія, въ смутное время самозванцевъ и голода, въ виду систематическаго уклоненія дворянъ отъ службы и потворства тѣхъ же дворянъ и знатнѣйшихъ изъ нихъ бѣгству и укрывательству людей. Государи старались объ одномъ — какъ бы устроить, чтобы земля отвѣчала за все, за службу и за подати, чтобы съ нея взимать и взыскивать всѣ повинности, личныя и денежныя, не обременяя казну непосильнымъ трудомъ отыскивать служилыхъ и податныхъ людей, отсутствующихъ, скрывающихъ и укрывающихъ.

Съ этой цѣлью уже нѣсколько прежде введено было правило считать землю жилую, какъ скоро она разъ населена, на вѣчныя времена податною, такъ что распоряженіе помѣщика о выселеніи крестьянъ уже не имѣло вліянія на податные оклады его имѣнія, и онъ былъ заинтересованъ столько же, сколько и казна, чтобы земли не пустовали, потому что съ пустыхъ дворовъ и невоздѣланныхъ или залуженныхъ пашней ему приходилось все-таки платить подать или справлять службу, какъ скоро онѣ разъ записаны жилыми въ писцовыя книги; но Богъ не безъ милости, писцы не безъ упрека: — при составленіи этихъ описей можно было показывать жилые дворы пустыми, и эти подложныя показанія сдѣлались въ XVII столѣтіи главнымъ промысломъ писцовъ, главной заботой владѣльцевъ. Способы, при этомъ употребляемые, были разнообразны: при первыхъ слухахъ о со-

ставленіи новыхъ записей помѣщики переводили временно крестьянъ изъ нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ и показывали упраздненные дворы пустыми; другихъ крестьянъ и бобылей писали за собой заочно, какъ будто находящихся въ бѣгахъ,— затѣмъ крестьянскіе дворы называли людскими, задворными, а въ монастыряхъ крестьянъ показывали служками, дѣтеньшами; однимъ словомъ, при помощи московскихъ стольниковъ и приказныхъ, которые, какъ надо полагать, не были въ то время безусловно неподкупными чиновниками, утайка дворовъ сдѣлалась самымъ обыкновеннымъ проступкомъ, не имѣвшимъ за собой предосудительнаго безчестнаго значенія, точно такъ, какъ въ наше время, утайка товара при таможенномъ досмотрѣ, контрабанда, не считается преступленіемъ въ нравственномъ отношеніи, хотя и влечетъ за собой строгія наказанія.

Дѣла объ утаенныхъ дворахъ составляютъ, повидимому, такое многосложное производство, челобитье и розыски по этому предмету такъ докучали государю и московскимъ приказамъ, что по уложенію (глава XI, ст. 24) приказано прекратить по нимъ дѣлопроизводство, прошеній болѣе не принимать и не считать за утайку, если послѣ переписи окажутся въ имѣніяхъ новые дворы, образовавшіеся чрезъ раздѣлъ старыхъ крестьянскихъ семействъ, записанныхъ въ переписи, — потому-де, сказано въ этой статьѣ, „что ихъ переписывали стольники и дворяне московскіе за крестнымъ цѣлованіемъ и которые писали не по правдѣ, тѣмъ за неправое письмо учинено наказаніе“.

Такимъ образомъ утаенные дворы подошли всѣ вмѣстѣ подъ милостивый манифестъ, дѣла о нихъ окончательно похерены за прежніе годы, а всѣ убытки вымещены на переписчикахъ жестокимъ ихъ наказаніемъ.

Вообще, уложеніе имѣло преимущественно въ виду покончить всѣ старые счеты о крестьянахъ, не входя въ точное разбирательство права собственности, а придерживаясь болѣе крестьянскаго быта, чѣмъ помѣщичьихъ разсчетовъ и выгодъ. Это особенно видно изъ многихъ статей (3, 17, 18, 19), гдѣ опредѣляется порядокъ возвращенія крестьянъ изъ бѣ-

говъ на прежнее жительство. При этомъ надо было опредѣлить составъ крестьянской семьи, кого изъ членовъ семейства считать домочадцами, слѣдующими при отцѣ, и кого нѣтъ; первыми признаются: дѣти, рожденныя въ то время, когда онъ былъ въ бѣгахъ, и зятья, если крестьянинъ, будучи въ бѣгахъ, выдалъ свою дочь замужъ за сторонняго человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно оговаривается, что сыновья къ отцу не приписываются и за нимъ не слѣдуютъ въ отдачу, если они живутъ въ раздѣлѣ.

Это свидѣтельство для насъ очень важно, потому что указываетъ на одну изъ главныхъ чертъ крестьянскаго общежитія въ прежнія времена, черту, сохранившуюся и понынѣ, а именно, — что семейство считалось у насъ въ сельскомъ быту не столько родственнымъ, сколько поземельнымъ или хозяйственнымъ союзомъ; что сыновья, племянники, пріемыши не наслѣдовали отъ главы семейства, а отдѣлялись отъ нихъ по достиженіи совершеннолѣтія и рабочаго возраста; что крестьянскій дворъ, крестьянское хозяйство признавались не родовымъ наслѣдственнымъ имуществомъ, а только пожизненнымъ владѣніемъ, такъ что право наслѣдованія, этотъ высшій законъ всѣхъ западно-европейскихъ обществъ, у насъ замѣнялось правомъ семейныхъ раздѣловъ. Эту черту мы должны подмѣтить, потому что она, какъ мы ниже объяснимъ, составляетъ коренное отличіе русской общественности отъ всѣхъ другихъ европейскихъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ по уложенію имѣло еще и другое очень замѣчательное свойство. Помимо всякой правды и справедливости, и единственно въ виду удобнѣйшаго взиманія податей, законъ предписывалъ за все время, покуда крестьянинъ былъ въ бѣгахъ, взыскивать подати не съ того имѣнія, гдѣ онъ проживалъ и скрывался, а съ того — куда онъ переводился по суду и по сыску (ст. 6, 7, 10).

Правительство брало на себя только трудъ, который впрочемъ долженъ былъ быть очень тяжкій, отыскивать бѣглыхъ, возвращать ихъ прежнимъ владѣльцамъ, но затѣмъ ничего и знать не хотѣло о разсчетахъ между помѣщиками за податные

оклады и считало недоимки на тѣхъ изъ нихъ, за которыми бѣглые „учнутъ жить“.

Недоимки эти, вѣроятно для округленія счетовъ, приказано даже считать по 10 р. въ годъ за каждаго крестьянина, и эту сумму, взимаемую съ старыхъ владѣльцевъ, коимъ возвращены бѣглые, предоставлялось имъ, какъ частнымъ истцамъ, взыскивать съ пристанодержателей и укрывателей бѣглыхъ.

Эти распоряженія указываютъ, во-первыхъ, что вся цѣль прикрѣпленія была—облегченіе исправнаго поступленія податей, и, во-вторыхъ, что мѣры, предписываемыя съ этой цѣлью, должны были еще болѣе поощрить то зловредное бродяжничество, которое московскіе государи хотѣли искоренить. Для облегченія казны, отвѣтственность по поступленію податей лежала на владѣльцахъ и только на тѣхъ, за коими бѣглые крестьяне прежде жили и отъ коихъ бѣжали; если впослѣдствіи крестьянинъ отыщется и сыскано будетъ по суду, за кѣмъ онъ жилъ въ бѣгахъ, то настоящій помѣщикъ, по возвращеніи ему крестьянина, могъ искать свои протори и убытки съ того лица, который скрывалъ его; притомъ же иски эти, какъ само собой разумѣется, могли быть вчинаемы только при открытіи самихъ отвѣтчиковъ и по ихъ уличеніи. Можно себѣ представить, какой огромный процентъ бѣговъ оставался неразслѣдованнымъ и неоткрытымъ, какъ льготно было крестьянамъ жить въ такомъ безвѣстномъ отсутствіи, не платя податей, и какъ должна была развиваться, подъ вліяніемъ такого неразумнаго законодательства, старинная склонность къ бродяжничеству, на которое жалуются великіе князья еще XI вѣка и которое сами они постоянно поощряли своими безтолковыми мѣропріятіями.

Вообще, XI глава уложенія замѣчательна не только по новымъ порядкамъ, которые она вводила и узаконяла въ крѣпостномъ правѣ, ибо порядки эти соблюдались и прежде, и послѣ уложенія одинаково слабо, но болѣе по тому довольно полному очерку крестьянскаго и помѣщичьяго быта, который выясняется изъ разныхъ статей закона и бо́льшею частью въ отрицательномъ смыслѣ, то-есть какъ запрещеніе дѣйствій,

постоянно повторявшихся, какъ угроза за нарушенія, вошедшія во всенародный обычай.

Такъ, напримѣръ, въ ст. 30 и 31 приказывается не смѣшивать помѣстій съ вотчинами, писать крестьянъ въ этихъ имѣніяхъ порознь, не переводить ихъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя, чтобы тѣхъ помѣстій „не пустошить"; далѣе подтверждается, что если помѣстье будетъ передано другому владѣльцу, и онъ будетъ жаловаться, что прежній владѣлецъ переманилъ крестьянъ на вотчинныя земли, то таковымъ отдавать и обратно со всѣми ихъ животы и хлѣбомъ.

Въ ст. 7 дозволяется обмѣнъ жилыхъ помѣстій на пустыя вотчинныя земли, но съ тѣмъ, чтобы крестьянъ переводить на промѣнныя пустыя земли.

Въ ст. 3 главы XV не дозволяется и отпускать крестьянина на волю изъ помѣстья. Повинности крестьянъ помѣщику обозначаются опредѣлительно и при переходѣ земли отъ одного помѣщика къ другому разбирательство чинится такъ, что на стараго помѣщика крестьяне обязаны сжать хлѣбъ, стоящій въ полѣ, но потомъ отдѣлить сѣмена для посѣва будущаго хлѣба и отдать ихъ новому господину; при этомъ еще упоминается (ст. 38, глава XVI), что крестьяне обязаны убирать только хлѣбъ, который сами они сѣяли на господской запашкѣ, а тотъ, который посѣянъ дѣловыми людьми, старому помѣщику жать самому, не принуждая къ этой работѣ крестьянъ. Помѣстное владѣніе одинаково продолжало быть промысломъ, спекуляціей многихъ дворянъ; „не хотя государю служить", они сдавали свои помѣстья, мѣняли, закладывали и даже продавали ихъ, крестьянъ грабили и чинили имъ всякія насилія, и потомъ, запустоша и проворовавъ помѣстья, „пропадали безъ вѣсти, отъ службы отбывали и обращались въ бѣгство, какъ крестьяне". Эти помѣщичьи побѣги особенно часто повторялись въ присоединенныхъ татарскихъ царствахъ: Казанскомъ, Астраханскомъ, гдѣ мурзы изъ татаръ составляли ядро служилаго сословія. Уложеніе (ст. 45, гл. XVI) угрожаетъ за такое воровство жестокимъ наказаніемъ.

Единицей и первымъ звеномъ общественнаго быта по уложенію, какъ и по прежнимъ судебникамъ и указамъ, все-таки считался „крестьянскій дворъ съ людьми"; такъ, въ

ст. 26 главы XVI, при опредѣленіи права выкупа родственниками проданныхъ вотчинъ, постановляется, что за каждый новый дворъ съ людьми приплачивается 50 р.; за пахатную землю по 3 р. за десятину, за лѣсныя расчистки по 2 р. Эта единица, дворъ, была неизмѣнная величина, но совмѣщала въ себѣ усадебную землю, жилыя строенія и людей, въ нихъ живущихъ; число жильцовъ могло быть различное, смотря по тому, много ли или мало было членовъ семейства; но покуда они не раздѣлились, дворъ считался нормальной и хозяйственной мѣрой и цѣна ему полагалась тоже нормальная, равная для всѣхъ, и это ясно указываетъ, что домохозяева жили всѣ подъ закономъ общиннаго землевладѣнія, верстались дворами и усадьбами поровну, и на каждый дворъ получали равное количество полевыхъ угодій; что особо, внѣ общиннаго развода, считались только новыя распашки и расчистки изъ лѣсныхъ порослей, которыя и оцѣнялись особо—пашни въ 3 р., покосы въ 2. Эти житейскіе обычаи были такъ повсемѣстны, что всѣ дворы могли быть подведены подъ одну общую норму оцѣнки. Особую категорію крестьянъ составляли, какъ мы видѣли, сыновья, выдѣлявшіеся отъ отцовъ изъ крестьянскихъ дворовъ (ст. 28, глава XI); они прежде обозначались названіями „захребетниковъ, подсусѣдниковъ", а теперь, въ уложеніи и другихъ актахъ XVII ст., именуются „крестьянскими дѣтьми", какъ дѣти бояръ и дворянъ, которые верстались особыми помѣстьями отъ отцовъ и прозывались „боярскими и дворянскими дѣтьми". Эти крестьянскія дѣти, если они выдѣлялись изъ семьи, не считались крѣпостными; во многихъ порядныхъ записяхъ того времени мы находимъ всякій разъ, вслѣдъ за прозваніемъ рядчика, такого-то крестьянскаго сына, означеніе его состоянія: „вольный человѣкъ". Это были лишніе люди, прибылыя души, не получившія выти въ тяглой землѣ; если они довольствовались отцовскимъ надѣломъ и жили съ нимъ въ одномъ дворѣ, то приписывались въ крестьянство и прикрѣплялись къ землѣ вмѣстѣ съ отцомъ; но если они шли въ раздѣлъ, и по раздѣлу не брали на себя, или не получали отъ міра и отъ помѣщика особаго тяглаго участка, то вмѣстѣ съ тѣмъ и выходили изъ крестьянства, которое было состояніе земельное (пашенное) и крѣпостное; переходили

сами собой, ipso facto, въ разрядъ вольныхъ, но безземельныхъ, бездомныхъ людей. Этотъ классъ людей составлялъ, до временъ Петра Великаго, очень многочисленную и совершенно свободную часть сельскаго населенія; изъ нихъ набирались мастеровые и ремесленники, наемники, казаки и пастухи; они вступали въ вольные договоры съ помѣщиками и сельскими общинами, рядились на работы, уговаривались въ платѣ, переходили изъ деревни въ деревню, отъ одного господина къ другому и избѣгали только одного—садиться на землю, потому что съ владѣніемъ землей сопряжено было и прикрѣпленіе къ ней, утрата личной вольности.

Изъ этого видно, что уложеніе произвело только одно измѣненіе, и то не существенное, не въ самой жизни народа, а формальное—въ законѣ и судебной практикѣ; это была отмѣна такъ-называемыхъ „урочныхъ годовъ"; срокъ, положенный для отыскиванія бѣглыхъ, сначала 5-ти-лѣтній, а потомъ 10—15-лѣтній, теперь былъ вовсе отмѣненъ; можно было преслѣдовать и возвращать старинныхъ крестьянъ, когда бы они ни убѣжали. Это дало такое развитіе искамъ и дѣламъ о побѣгахъ, что московскіе приказы были вскорѣ завалены челобитьями вотчинниковъ и помѣщиковъ; но, съ другой стороны, правительство, распорядившись о взиманіи податей за бѣглыхъ съ тѣхъ имѣній, откуда они бѣжали, дало какъ будто премію пристанодержательству и укрывательству, и этой мѣрой парализовало всю строгость закона о бѣглыхъ.

И дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, ничего по существу не измѣнилось въ смутномъ положеніи помѣщичьей власти и крестьянской вольности. Послѣ уложенія, какъ и прежде, продолжалась разгульная жизнь русскихъ людей, приволье обильной русской земли и нарушенія, большею частью безнаказанныя, правъ, обязанностей, царскихъ указовъ и взаимныхъ договоровъ сельскихъ жителей между собой, вольныхъ и крѣпостныхъ, господъ и мужиковъ.

Мы такимъ образомъ дошли до послѣднихъ годовъ древней до-Петровской Россіи и, останавливаясь на этомъ моментѣ второй половины XVII столѣтія, можемъ теперь представить общій очеркъ нашего стариннаго сельскаго быта въ это

время, когда еще западно-европейская цивилизація не коснулась его.

Вотчинное и помѣстное землевладѣніе со времени прикрѣпленія крестьянъ очень расширилось и расплодилось. Служилые люди были всѣ испомѣщены и начали по-немногу обращать временныя свои владѣнія въ наслѣдственныя; боярскія и дворянскія дѣти припускались къ отцовскимъ помѣстьямъ; имѣнія, оставленныя, по царской милости, на прожитокъ, переходили по замужству дочерей или вдовъ къ зятьямъ и мужьямъ и переименовывались сами собой въ вотчины, не по закону, либо юридическому различію родовой собственности отъ пріобрѣтенія, не на основаніи какихъ-либо понятій о наслѣдственной принадлежности имѣній, а просто—по факту, что сыновья или другіе родственники случайно получили то помѣстье, которымъ владѣлъ отецъ, дѣдъ или дядя.

Единственныя различія, которыя установлены были для вотчинъ, были: 1) родственникамъ предоставлялось право выкупать ихъ послѣ продажи; 2) изъ вотчинныхъ имѣній не запрещалось (но и нигдѣ не сказано, чтобы дозволялось) отпускать крестьянъ на сторону и на волю; всѣ прочія условія землевладѣнія если и не были совершенно одинаковы, то, по крайней мѣрѣ, постоянно смѣшивались, служба требовалась какъ съ вотчинъ, такъ и съ помѣстій; крестьяне прикрѣплялись какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ; опустошать тяглыя крестьянскія земли, упразднять дворы, присоединять жилыя мѣста къ господскимъ пустошамъ не дозволялось никому изъ частныхъ землевладѣльцевъ; также нигдѣ не предписывался порядокъ наслѣдованія, выдѣла вдовъ, дочерей, а если въ отдѣльныхъ грамотахъ и разрѣшалось одному боярину завѣщать свои имѣнія такимъ-то наслѣдникамъ, то по другимъ актамъ устанавливались совершенно иные порядки, и исключеній выходило болѣе, чѣмъ правилъ. Наконецъ, и самое различіе, установленное между вотчиной и помѣстьемъ, совершенно сглаживается тѣмъ, что какъ тѣ, такъ и другія отбирались въ казну по указу 1649 г. за пріемъ бѣглыхъ и за неявку на службу.

Вотчинное и помѣстное владѣнія въ теченіи XVII ст. слились окончательно въ одномъ правѣ крѣпостного владѣ-

нія; всѣ прочія соображенія о правѣ собственности были оставлены въ сторонѣ, лишь бы удержать за собой старыхъ жильцовъ и тяглецовъ, умножить число дворовъ въ своихъ имѣніяхъ и по возможности, правдой и неправдой, привлечь новыхъ поселянъ на свои пустыя и дикія земли.

Съ этого открывается новое движеніе въ исторіи землевладѣнія и сельскихъ сословій въ Россіи; запрещеніе перехода виситъ, какъ угроза, надъ вотчинниками, владѣющими пустыми и непроизводительными землями и, наоборотъ, обѣщаетъ большія выгоды тѣмъ помѣщикамъ, преимущественно мелкимъ дворянамъ московскихъ и подмосковныхъ уѣздовъ, гдѣ земли были уже довольно густо населены. И начинается между ними междоусобная брань; первые „люди сильные" спѣшили воспользоваться урочными годами, какъ послѣднимъ срокомъ для населенія своихъ обширныхъ наслѣдственныхъ и купленныхъ имѣній, наѣздами отправлялись въ смежныя помѣстья другихъ дворянъ, набирали тамъ охочихъ людей или даже насильно вывозили цѣлыя семейства, скрывали ихъ въ продолженіи урочнаго срока и затѣмъ водворяли на законномъ основаніи на своихъ земляхъ. Такъ поступали сильнѣйшіе изъ дворянъ, приближенные къ царю, также монастыри, пользующіеся милостью благовѣрныхъ государей и вообще, какъ объяснено въ челобитной 1642 г., всѣ люди имѣющіе власть и силу. Власть и сила употреблялись собственно на то, чтобы обходить законъ и противодѣйствовать верховной власти.

Слабымъ людямъ, то-есть мелкопомѣстнымъ дворянамъ, трудно было защищаться отъ этихъ набѣговъ и нашествій свѣтскихъ бояръ и духовныхъ владыкъ, тѣмъ болѣе, что большая часть помѣстій, коими верстались дворяне въ подмосковныхъ уѣздамъ, были крайне мелки, въ 50 и не болѣе 100 десятинъ; но они-то и составляли главную поживу для владѣльцевъ, искавшихъ новыхъ тяглецовъ, потому что кругомъ Москвы земли были уже населены въ сравненіи съ поморскими, украинскими, новгородскими и приволжскими уѣздами довольно густо и что положеніе крестьянъ было тамъ хуже въ сравненіи съ просторомъ и привольемъ, коими они пользовались въ отдаленныхъ мѣстахъ. Поэтому, во все продолженіе XVII столѣтія, мы видимъ, несмотря на запре-

щеніе перехода, постоянныя жалобы мелкихъ помѣщиковъ на опустошенія, чинимыя крупными владѣльцами. На ихъ сторону становятся и черныя волости, между тѣмъ какъ бояре, окольничіе, стольники, патріархи, митрополиты и игумены держатся другой стороны и дружно продолжаютъ колонизацію своихъ земель выходцами изъ вольныхъ людей, то-есть крестьянскихъ дѣтей, и бѣглыми крестьянами изъ черныхъ волостей и частныхъ имѣній.

Но и городовые дворяне—бѣдныя боярскія дѣти, находятъ также облегченіе своей участи въ такомъ же способѣ обхода узаконенныхъ порядковъ, только ихъ обходное движеніе происходитъ съ другой стороны: получая помѣстья для службы, для кормленія себя въ походахъ и посылкахъ, они оставляютъ за собой помѣстья, но избѣгаютъ службы; если же помѣстье не даетъ достаточнаго дохода, то они или прибѣгаютъ къ разнымъ вспомогательнымъ мѣрамъ: разоряютъ крестьянъ поборами, или показываютъ жилыя и тяглыя земли пустыми и уменьшаютъ свои тягости настолько, сколько скрываютъ вытей и тяголъ. Такимъ образомъ, крупное землевладѣніе развивается на счетъ мелкаго и крестьянскаго. Прикрѣпленіе крестьянъ въ теченіи цѣлаго столѣтія не вводится въ дѣйствительный бытъ, помогаетъ, вѣроятно, боярамъ и монастырямъ удерживать людей, за ними живущихъ, но запрещается имъ вывозить и перевозить чужихъ крестьянъ; черныя волости продолжаютъ отбывать отъ службы, а боярскія и церковныя вотчины населяться новоподрядными и бѣглыми жильцами.

Положеніе городовъ и городскихъ сословій было въ главныхъ чертахъ совершенно сходно съ состояніемъ сельскихъ уѣздныхъ обывателей.

Вообще, мы до сихъ поръ не описывали отдѣльно городской бытъ, потому что въ отношеніи нашего предмета—землевладѣнія, города въ древней Руси очень мало отличались отъ селеній и волостей. Мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, описывающихъ городскую общину, какъ отдѣльное учрежденіе, какъ свободную или сословную корпорацію, противоположную земскому или мірскому сельскому обществу, мнѣніе

это намъ кажется однимъ изъ тѣхъ ошибочныхъ воззрѣній, которыя вкрались въ нашу науку изъ того, что мы постоянно имѣемъ предъ глазами сословный бытъ европейскихъ городовъ. За исключеніемъ Новгорода и нѣкоторыхъ его пригородовъ, всѣ прочія наши городскія поселенія, ни по своимъ учрежденіямъ, ни по образу жизни и промысламъ, ни по порядку землевладѣнія, ничѣмъ не отличались отъ селеній и въ развитіи общественности слѣдовали общей участи прочихъ сословій. Свободны они были настолько же, насколько и черныя волости, казенные крестьяне, которые не знали помѣщичьей власти и зависѣли непосредственно отъ московскихъ приказовъ; сословными общинами ихъ можно назвать только въ томъ отношеніи, что городамъ запрещалось принимать тяглыхъ людей изъ уѣздовъ, но такое же запрещеніе существовало и для сельскихъ землевладѣльцевъ, и какъ тѣми такъ и другими постоянно нарушалось.

Единственное коренное различіе, которое мы усматриваемъ въ поземельномъ бытѣ нашихъ городовъ, это то — что единицей владѣнія считался въ городахъ — дворъ, а въ уѣздахъ — выть или обжа. Но при этомъ общая валовая податная единица была одинаковая для волостей и городовъ — соха; казна, государи расписывали всѣхъ податныхъ обывателей по сохамъ; только внутри общества, при разверсткѣ сошныхъ окладовъ между жителями низшая податная единица другая: въ селеніяхъ — поземельная мѣра, въ городахъ хозяйственная единица — дворъ. Впрочемъ, какъ та, такъ и другая принимаются не безусловно и уравниваются не по пространству и объему, не по величинѣ участка или строеній, а по животамъ и промысламъ. Выти и дворы распредѣляются по статьямъ (лучшіе, средніе, худшіе), по доходности и качеству угодій, и по зажиточности домохозяевъ; только въ сельскомъ быту главнымъ признакомъ доходности полагается число животовъ, т.-е. лошадей, коровъ, и проч. скота, которые дѣйствительно всего ближе опредѣляютъ степень довольства и рабочую силу землевладѣльца, а въ городскихъ поселеніяхъ промыслы, ремесла и торговля. Но это были только внутренніе распорядки, обусловленные свойствомъ владѣнія, а во всѣхъ прочихъ общественныхъ отношеніяхъ сходство между городскимъ и сельскимъ бытомъ было полное.

Дворы составляли частную собственность въ городахъ точно такъ, какъ въ селеніяхъ; крестьянскія усадьбы съ огородомъ передѣлу не подлежали и считались личнымъ имуществомъ домохозяевъ; но къ городамъ, точно такъ, какъ къ селеніямъ, приписаны были обширныя пожни и выгоны, которые состояли въ общинномъ владѣніи, на которыхъ бѣднѣйшіе обыватели, худшіе люди, держали огороды, сѣяли хлѣбъ, косили траву и всѣ посадскіе люди выгоняли скотъ; лучшія городскія угодья сдавались въ оброчное содержаніе и составляли главную статью общественныхъ доходовъ.

Участь городскихъ обывателей слѣдуетъ, можно сказать, шагъ за шагомъ за всѣми превратностями и угнетеніями, постигшими черныя волости, государевыхъ вольныхъ людей, такъ что здѣсь намъ приходится повторять почти слово въ слово то, что́ выше сказано о сельскихъ общинахъ. Только одно крѣпостное право, въ смыслѣ подчиненія помѣщичьей власти, миновало ихъ, какъ оно миновало и половину крестьянъ.

Первое явленіе, которое обнаруживается въ городахъ, какъ и въ черныхъ волостяхъ, непосредственно передъ закрѣпленіемъ крестьянъ и продолжается въ XVII ст., это—опустѣніе жилыхъ дворовъ. Такъ какъ городскіе обыватели тянули тягло наравнѣ съ черными волостями, то на нихъ обрушились тѣ же невзгоды; кто только могъ, уходилъ изъ-подъ тягла на обѣленныя земли бояръ и монастырей; городскіе дворы, какъ и крестьянскіе, пустѣли; въ Муромѣ было одно время только 111 жилыхъ дворовъ и 107 пустыхъ; въ Шуѣ въ одинъ годъ (1639) изъ 154 дворовъ запустѣло 32. Закрѣпленіе крестьянъ, вѣроятно, пріостановило наплывъ ихъ въ города и еще болѣе воспрепятствовало развитію въ нихъ промысловъ и торговли; между тѣмъ, сильные люди продолжали, несмотря на запрещеніе переходовъ, переманивать ремесленниковъ на свою службу; посадскіе люди закладывались за помѣщиковъ, записывались въ крестьяне боярскіе и монастырскіе и давали на себя кабальныя записи. Правительство запрещало и преслѣдовало это, приказывало возвращать посадскихъ людей въ города, а людей, заложившихся за господами или называющихъ себя чьими крестьянами, бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь; таковыя-то строгія мѣры нужно

было употреблять, чтобы пріостановить переходъ черныхъ людей изъ городскихъ обществъ въ крѣпостное состояніе.

Всякаго рода передачи тяглыхъ дворовъ нетяглымъ людямъ тоже запрещались; дворъ въ посадѣ считался такой же хозяйственной единицей, какъ и въ деревнѣ. Крестьянинъ или кабальный человѣкъ, женившійся на посадской дѣвкѣ, убѣжавшей по его подговору, поступалъ въ городское тягло; зятья, принятые въ домъ, считались въ черныхъ сотняхъ, точно такъ зятья крестьянъ въ семьяхъ черныхъ волостей. Весь внутренній и общественный бытъ посадскихъ людей былъ совершенно сходенъ съ сельскимъ.

Внѣшнія ихъ отношенія къ властямъ и высшимъ сословіямъ были также сходны. Всего болѣе страдали города отъ соперничества и вмѣшательства бѣломѣстцевъ, тѣхъ частныхъ владѣльцевъ или учрежденій, которыя воспользовались жалованными грамотами въ царствованіе Михаила Ѳедоровича; бѣломѣстцы все болѣе и болѣе проникали въ среду посадскихъ людей, скупая ихъ дворы и не неся городскихъ податей. Въ 1623 г. подана государю челобитная, „что посадскіе людишки съ умысломъ продаютъ свои тяглыя мѣста бѣломѣстцамъ и что, кромѣ того, они, бѣломѣстцы, при стачкѣ съ тяглыми людьми, заключаютъ съ ними закладныя кабалы и, просрочивая ихъ, съ общаго согласія забираютъ послѣ срока тяглые дворы и хотятъ ихъ обѣливать“. Государь неоднократно повелѣваетъ не продавать тяглыхъ дворовъ бѣломѣстцамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаются и постоянныя исключенія: цѣлый разрядъ гостей получилъ значеніе бѣломѣстцевъ; служилые люди, духовенство, первостатейные купцы вписывались въ городское сословіе и, не платя податей, уменьшали количество и возвышали оклады остальныхъ тяглыхъ дворовъ. Большая часть городскихъ выгоновъ была самовольно захвачена и заселена разнаго званія лицами свѣтскими и духовными, такъ что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ приказано было многимъ городамъ отвести вновь земли подъ выгонъ.

Въ его же царствованіе произведено, или, по крайней мѣрѣ, приказано, было произвести повѣрку посадскихъ земель и всѣ земли, раскупленныя безъ государева дозволенія, возвратить въ посады. Также приказано служилымъ людямъ

нести съ жалованья службу, а съ торговыхъ промысловъ, если они держатъ лавки, быть въ тяглѣ въ сотняхъ и слободахъ, и въ рядъ съ черными людьми подати давать. По уложенію (гл. XIX, 14) запрещено было держать въ своихъ городскихъ домахъ болѣе 1 человѣка изъ своихъ крестьянъ, а излишнихъ людей приказано отбирать отъ господъ и записывать въ городское тягло. Какъ изъ этого видно, ходъ общественныхъ дѣлъ въ городскихъ общинахъ былъ такой же, какъ и въ сельскихъ, и главная ихъ черта была продолжительная борьба служилаго нетяглаго класса жителей съ черными сотнями, причемъ государи были всегда на сторонѣ послѣднихъ: въ 1648 г., по челобитной новгородскихъ посадскихъ людей, подтверждено, чтобы всѣ нетяглые люди, занимающіеся торговыми промыслами, платили подати наравнѣ съ черными людьми. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ посадскіе люди гор. Чердыни жаловались, что лучшіе люди отписываютъ свои дворы изъ общихъ сохъ въ мелкія выти и живутъ въ большой льготѣ передъ средними и младшими людьми. Въ 1623 г. велѣно съ новгородскаго уѣзда и посада собрать деньги на постройку мостовъ, распредѣляя сборъ одинаково съ черныхъ и бѣлыхъ сохъ и уравнительно въ посадѣ и уѣздѣ. Разныя натуральныя повинности, имѣющія свойства сельскихъ окладовъ, какъ-то: ямская гоньба, подводная повинность, даже хлѣбные сборы, справлялись въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сообща посадскими и волостными людьми. Однимъ словомъ, все указываетъ, что въ понятіяхъ народа и въ видахъ правительства сложились два основныя правила: a) городское тягло совершенно равно сельскому, b) не-тяглые люди, бѣломѣстцы должны нести тягости на ряду съ черными людьми, коль скоро они занимаются городскими промыслами [8]).

Изъ этого мы заключаемъ, что городъ или посадъ имѣлъ въ древней Россіи совершенно другое, даже противоположное значеніе, чѣмъ въ западной Европѣ, гдѣ они были представителями личной свободы и вольнаго труда и служили пріютомъ для всѣхъ сельскихъ жителей, убѣжавшихъ отъ угнетенія феодальныхъ владыкъ, отъ невыносимыхъ тягостей бар-

щины и оброка, отъ разоренія военныхъ шаекъ, а всего болѣе отъ притѣсненій, чинимыхъ рыцарями-землевладѣльцами, отбиравшими земли у крестьянъ-земледѣльцевъ.

Въ Россіи все это было обратно: тягло лежало на посадскихъ людяхъ и было въ городахъ болѣе обременительно, чѣмъ въ волостяхъ, потому что дворы легче было переписывать и облагать, чѣмъ крестьянскія выти, которыя не были измѣрены и легко укрывались отъ обложенія; служилое сословіе, дворяне и боярскія дѣти, не только не пренебрегали городскими промыслами, какъ аристократическіе классы въ Европѣ, но, напротивъ, вопреки закона записывались въ городскіе обыватели, держали лавки, скупали дворы и, пользуясь своимъ званіемъ служилыхъ людей, старались только избѣгнуть городскихъ налоговъ, отписываясь въ особые разряды или обѣливая вовсе свои имущества; отъ этого городское тягло дѣлалось съ года на годъ тягостнѣе для коренныхъ жителей, среднихъ и младшихъ домохозяевъ, и они тянули изъ городовъ въ селенія, совершенно обратно, противъ другихъ странъ, гдѣ переселенія шли изъ селеній въ города, закладывались, закабалялись частнымъ владѣльцамъ, распродавали свои дворы, чтобы избавиться отъ тягла, и изъ вольнаго состоянія переписывались добровольно въ кабальные люди или даже въ крѣпостное крестьянство. Поэтому можно сказать, что свободной общины въ городахъ нашихъ не было и что владѣніе недвижимыми имуществами было гораздо вольнѣе, самостоятельнѣе и выгоднѣе въ уѣздахъ, чѣмъ въ городахъ и посадахъ.

Города и черныя волости, т.-е. именно тѣ общества, которыя считались вольными, государевыми, пустѣли, а люди, въ нихъ принимаемые, переходили сначала на земли бояръ и монастырей, несмотря на то, что поступали при такомъ переходѣ въ крѣпостное состояніе. Наплывъ посадскихъ людей въ вотчины сильныхъ людей и властей былъ такъ силенъ, что законъ угрожалъ жестокимъ наказаніемъ — кнутомъ и ссылкой въ Сибирь, на Лену, тѣмъ посадскимъ людямъ, которые будутъ себя закладывать за господъ или называться помѣщичьими крестьянами и дворовыми людьми.

Между тѣмъ изъ самыхъ повтореній и подтвержденій правительства, изъ безчисленныхъ указовъ, которые всѣ по-

велѣваютъ одно и то же, какъ по городамъ, посадамъ, такъ и по волостямъ, изъ всего этого можно заключить, что государевы указы соблюдались такъ же слабо посадскими, какъ и волостными людьми, и тѣ самые выводы, которые мы сдѣлали по землевладѣнію вообще, мы повторимъ и здѣсь. Вольный переходъ былъ крайне стѣснителенъ для городовъ и черныхъ волостей и выгоденъ только для бѣломѣстцевъ; запрещеніе пріобрѣтать нетяглымъ людямъ тяглыя имущества постоянно и повсемѣстно нарушалось; частныя владѣнія непрерывно, какъ въ древнѣйшій періодъ вольнаго перехода, такъ и въ позднѣйшее время крѣпостного права, населялись и обогащались на счетъ городскихъ и сельскихъ общинъ; закрѣпленіе крестьянъ не измѣнило на практикѣ ни своеволія черныхъ людей, ни самовластія владѣльцевъ. Въ продолженіи всего XVII ст. бродяжничество низшихъ сословій, вторженіе служилаго класса въ города и волости продолжались по прежнему подъ страхомъ жестокихъ наказаній, но въ самомъ дѣлѣ безнаказанно.

Только одну главную черту городского быта мы должны здѣсь подмѣтить—это то, что города въ Россіи, за исключеніемъ развѣ Москвы, были изъ всѣхъ общественныхъ союзовъ самые униженные, обремененные и разоренные, и что они на ряду съ казенными селеніями пустѣли отъ постояннаго отлива тяглыхъ людей и прилива нетяглыхъ [9]).

Положеніе крестьянъ въ исходѣ XVII ст. было очень двусмысленное.

Вольное ихъ состояніе еще не вполнѣ утратилось, за ними еще считались нѣкоторыя гражданскія самостоятельныя права; вообще слова: „крестьянство“, „жить въ крестьянахъ“, означали состояніе тѣхъ людей, которые имѣли свою осѣдлость, свое хозяйство; прежде ихъ осѣдлость на земляхъ частныхъ владѣльцевъ была срочная, временная, теперь она сдѣлалась безвыходною, безповоротною; прежде изъ черныхъ и дворцовыхъ волостей крестьяне выходили по произволу, теперь они на этихъ земляхъ сдѣлались крѣпкими.

Другой разрядъ, крестьянскія дѣти остались, какъ и были прежде, вольными людьми и, отдѣляясь отъ отцовъ,

уходили на промыслы, нанимались въ услуженіе, и, если находили это выгоднымъ, подряжались жить за господами, промѣнивая такимъ образомъ личную свободу, право вольнаго бродяжничества и вольнаго найма на участокъ земли и крѣпостную зависимость.

Первый разрядъ крестьянъ-домохозяевъ пользовался въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, какъ въ казенныхъ и всякихъ другихъ, правами сельскаго самоуправленія и самосуда; такъ, по крайней мѣрѣ, гласили законы; но по всему видно, что мірская расправа въ то время потеряла свое значеніе; въ испомѣщенныхъ московскихъ уѣздахъ вотчинники и помѣщики, живя въ деревняхъ, распоряженіями своими подавляли крестьянство и отвѣчали лично за недоимки, за пустые и прибылые дворы. О черныхъ волостяхъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ въ это время умолкаютъ слухи, какъ будто государственное управленіе теряетъ ихъ изъ виду и представляетъ ихъ Божьей и своей собственной „волѣ"; дѣйствительно, въ концѣ XVII ст. новгородскіе, устюжскіе и заонежскіе погосты, костромскіе, вятскіе и пермскіе станы до извѣстной степени выходятъ изъ-подъ власти Москвы и исчезаютъ во мракѣ дремучихъ лѣсовъ, населенныхъ особымъ разрядомъ выходцевъ-раскольниковъ. Явленіе это, расколъ, не было еще вовсе изслѣдовано съ точки зрѣнія — вліянія его на общественный бытъ крестьянъ, которое было несравненно болѣе сильно, чѣмъ политическое и религіозное его значеніе, и оно-то именно и усложняетъ вопросъ о землевладѣніи въ Россіи, потому что составляетъ особую главу тайныхъ поселеній, негласныхъ мірскихъ разверстокъ, распашекъ и расчистокъ, совершенныхъ безъ чьего-либо спроса и вѣдома, однимъ словомъ — обширной культуры, возникшей въ тайнѣ и устроившейся на самыхъ строгихъ правилахъ общежитія и общиннаго владѣнія.

То же самое происходило и въ другой сторонѣ — на югѣ, въ понизовыхъ и украинскихъ городахъ, куда постоянно прибывали казаки, также на Дону и въ Сибири, гдѣ они селились станицами. Въ одномъ указѣ 1714 г. встрѣчаются даже любопытныя слова: „что не всѣ крестьяне ушли на Донъ и въ Сибирь",—значитъ уходило ихъ много. Но въ голыхъ степяхъ южной Россіи ихъ легче было отыскивать, а потому

туда и посылались царскіе сыщики, воеводы съ строгими наказами, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ раскольничьихъ скитахъ пристаподержательство устроилось въ громадныхъ размѣрахъ, возникали цѣлыя слободы бѣглыхъ и раскольниковъ, проживавшихъ на полной волѣ, въ тѣсномъ мірскомъ союзѣ и въ самомъ широкомъ привольѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ причинъ — во-первыхъ, помѣстнаго владѣнія, начинавшаго уже угнетать крестьянство; во-вторыхъ, царскихъ указовъ, строго, хотя и безуспѣшно, запрещавшихъ переходы; въ-третьихъ, большого числа гулящихъ людей, которые искали осѣдлости и подъ Москвой не находили земли, наконецъ, и всего болѣе, подъ вліяніемъ раскола, сильно расплодившагося въ концѣ XVII ст., образовалось въ Россіи въ послѣдніе годы передъ Петромъ и въ теченіи первой половины его царствованія такое положеніе вещей, которое можно было назвать царствомъ бродяжничества. Это былъ главный характеръ народнаго быта въ этотъ послѣдній періодъ древней Руси, и мы хотимъ его описать нѣсколько подробно, чтобы разъяснить, съ чего началось великое преобразованіе Петра и къ чему оно насъ привело.

Послѣ уложенія представляется длинный рядъ указовъ, которыми отчасти подтверждаются, отчасти истолковываются, иногда согласно съ уложеніемъ, иногда и превратно, главнѣйшія правила сельско-хозяйственнаго быта, и изъ нихъ открывается уже длинный рядъ злоупотребленій и преступленій, чинимыхъ не только помѣщиками противъ крестьянъ, но и крестьянами между собой или противъ помѣщиковъ.

Въ 1658 г. (ук. 15 февраля) государь пишетъ, „что въ замосковскихъ разныхъ городахъ крестьяне разоряютъ своихъ помѣщиковъ дворянъ, грабятъ ихъ животы, пожигаютъ дома, а иныхъ до смерти побиваютъ и потомъ бѣгаютъ и живутъ въ бѣгахъ за всякихъ чиновъ людьми“, и тогда же въ первый разъ появляется уголовное наказаніе за такіе грабежи — кнутъ, а за біеніе помѣщиковъ — повѣшеніе. Три года спустя, 15 сентября 1661 года, издается по тому же предмету новый указъ: кнутъ и висѣлица оказываются безсильными угрозами

закона, потому что бѣглые преступники не отыскиваются и ихъ скрываютъ господа и господскіе приказчики; тогда приказывается послѣднихъ, т.-е. приказчиковъ, тоже бить кнутомъ, не щадя, какъ крестьянъ, а господамъ перевозить бѣглыхъ на свой счетъ къ прежнимъ владѣльцамъ и, сверхъ того, выдавать въ придачу къ бѣглому еще другого крестьянина съ женой и дѣтьми.

Но и этой строгой мѣры было мало, побѣги все увеличивались, укрывательство бѣглыхъ размножилось, и опять черезъ три года новый указъ (1664 г.): выдавать за каждаго бѣглаго крестьянина уже не одну, а цѣлыхъ четыре крестьянскихъ семьи и не изъ другихъ бѣглыхъ крестьянъ — прибавляется въ указѣ—а изъ тѣхъ, которые ему, помѣщику, дѣйствительно крѣпки.

Этими указами уже само собой, повидимому, безсознательно, безъ умысла законодателей, вводилось въ приказную практику новое начало, противорѣчащее всѣмъ прежнимъ узаконеніямъ и народнымъ обычаямъ, именно, что крестьяне могутъ быть отлучены отъ земли, и дѣйствительно въ скоромъ времени послѣ того появляются частные акты, подтверждающіе такія сдѣлки.

По памятной записи 1675 г. разрѣшается холопьему приказу записывать поступныя записи о продажѣ, мѣнѣ и переселеніи крестьянъ безъ земли. Въ томъ же году бояринъ и царскій любимецъ А. С. Матвѣевъ исходатайствовалъ себѣ указъ, по которому ему дозволялось записывать людей за себя и притомъ безъ подписныхъ челобитень, т.-е. безъ особаго доклада государю.

Съ его легкой руки, право это, отмѣняющее основныя права русскаго крестьянства, распространилось и на прочихъ дворянъ, и въ помѣстномъ приказѣ думные дьяки начали записывать сдѣлочныя записи прямо безъ доклада, ссылаясь на примѣръ Артемона Матвѣева; общаго узаконенія никакого не послѣдовало, и въ справкѣ, наведенной нѣсколько лѣтъ позже (1682) въ помѣстномъ приказѣ, ходъ этого дѣла изображенъ такъ: „по уложенію ст. 6 глава XI“,—пишетъ приказъ,—„велѣно записывать бѣглыхъ крестьянъ за тѣми людьми, коимъ они будутъ отданы, но о томъ, записывать ли крестьянъ за тѣми, къ коимъ они въ бѣгахъ поступили,

въ уложеніи ничего не сказано и со дня изданія уложенія до 1675 г. таковыхъ записокъ въ приказѣ и не было. Но въ этомъ году, какъ по справкѣ оказалось, разрѣшено было Матвѣеву совершить запись на бѣглыхъ крестьянъ, и съ того числа и за иными по крѣпостямъ и по купчимъ крестьяне записываны".

Въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія положеніе крестьянъ въ замосковныхъ городахъ и уѣздахъ, повидимому, сдѣлалось очень тяжко и побѣги ихъ до того увеличились, что правительство почти изъ года въ годъ принимаетъ все новыя мѣры, одинаково безуспѣшныя: 31 августа 1681 г. предписывается взыскивать съ принимателей бѣглыхъ по 10 рублей за крестьянина; въ 1682 г. посылаются воевода и сыщики въ понизовые города, гдѣ вотчинники и помѣщики принимаютъ и держатъ бѣглыхъ крестьянъ „безстрашно", и приказывается высылать самихъ господъ, вмѣстѣ съ бѣглыми ихъ людьми въ Москву; того же года 1 декабря состоялся указъ, которымъ отмѣнена денежная плата за бѣглыхъ и велѣно вновь брать за 1 крестьянина 4 поддаточныхъ крестьянъ; потомъ, 3 января 1683 г. опять отмѣняется указъ 1 декабря и предписывается, вмѣсто поддаточныхъ, брать за пожилого по 20 р. за годъ; но 14 марта 1698 г. выходитъ указъ еще строжайшій, въ коемъ сводятся вмѣстѣ всѣ прежнія взысканія, и отобраніе 4 поддаточныхъ семействъ, перевозка бѣглыхъ на счетъ господъ, штрафъ за пожилого по 20 р. и пещадное біеніе кнутомъ, а въ случаѣ сопротивленія и убіенія присыльныхъ людей —смертная казнь.

Дѣйствіе всѣхъ этихъ правительственныхъ мѣръ и общая картина сельскаго благоустройства всего лучше выясняется предостереженіями, которыя приведены въ мотивахъ этого указа въ 1698 г. и двухъ другихъ, 1706 и 1707 гг.; изъ нихъ видно, что повиновеніе нисколько не водворялось отъ строгости закона, а напротивъ, ослабѣвало; что помѣщики вмѣстѣ съ крестьянами, вооружаясь противъ посыльныхъ и служилыхъ людей, не пускали ихъ въ села и деревни, били и убивали до смерти; что даже многіе вотчинники, забывъ страхъ Божій и презрѣвая указы великаго государя, принимали бѣглыхъ гласно и открыто, потомъ высылали не

въ Москву, куда имъ велѣно, а къ другимъ владѣльцамъ, которые ихъ на перепутьи принимали; воеводамъ поручается ѣздить для обыска самимъ, брать въ помощь по 5, 10, 15 понятыхъ, отбирать сказки подъ присягой, по Евангельской заповѣди, угрожать смертной казнью и, наконецъ, какъ послѣднее наказаніе, отбирать помѣстья и вотчины.

Указами 16 февраля 1706 г. и 9 апрѣля 1707 г. замыкается эта длинная однообразная лѣтопись борьбы верховной власти съ разгуломъ русскаго сельскаго быта; правительство вводитъ народную перепись и успокоивается на предположеніи, что съ введеніемъ ревизскихъ сказокъ бродяжничество само собой прекратится.

Но оно вовсе не прекратилось; слѣды его не исчезли изъ законодательства, и дѣло сыска и поиска бѣглыхъ сдѣлалось обыденнымъ дѣломъ администраціи и суда, обильнымъ источникомъ взятокъ и всякихъ поборовъ, которыми кормились приказные, подъячіе XVIII ст., и пользовались бѣглые и бродяги, продолжая скитаться, по прежнему, съ тихаго Дона на матушку-Волгу и изъ новгородскихъ погостовъ за Онегу, Ладогу и въ Поморье.

Сдѣланный очеркъ былъ бы невѣренъ и неполонъ, еслибъ мы остановились на этихъ смутныхъ чертахъ и рядомъ съ безпорядками не описали бы порядковъ, дѣйствительно освоившихся въ русской землѣ до-Петровскихъ временъ. Безпорядковъ, какъ мы думаемъ, было больше, чѣмъ порядковъ, но все-таки нѣкоторыя правила землевладѣнія укоренились въ народѣ и странѣ, и ихъ надо подмѣтить не въ законоположеніяхъ, но въ жизни и на практикѣ.

Главное правило, которое устояло противъ всѣхъ нарушеній и злоупотребленій и перешло изъ старой въ новую Россію, было то, что крестьяне считались всѣ безъ различія однимъ нераздѣльнымъ сословіемъ и что прикрѣпленіе къ землѣ не отмѣняло ихъ прежнихъ правъ свободнаго состоянія. Права ихъ очень часто нарушались самовластіемъ сильныхъ людей и, даже трудно сказать, не были ли нарушенія многочисленнѣе соблюденій, но въ помыслахъ царей и въ сознаніи народа жило еще твердое и глубокое убѣжденіе, что

земли, чьи бы они ни были, казенныя и частныя, составляли, по праву собственности, принадлежность однихъ, по праву владѣнія—принадлежность другихъ; что казна, вотчинникъ и монастырь, какъ собственники, могли продать, заложить, обмѣнить свои имѣнія, но согнать крестьянъ, за ними живущихъ, права не имѣютъ. Одна часть крестьянъ жила за господами и монастырями по старымъ записямъ и порядкамъ; они назывались изстаринные, старопорядные жильцы, другіе — по новымъ сдѣлкамъ, и именовались новопорядными, третьи—въ черныхъ волостяхъ на казенныхъ земляхъ безъ всякаго условія, по исконному праву владѣнія, по многовѣковой давности; всѣ они, закрѣпивъ себя кто за казной, по давности владѣнія, кто за владѣльцами, по записямъ старымъ и новымъ, считали и земли имъ надѣленныя себѣ крѣпкими и при этомъ понятіи и остались на вѣчныя времена.

Другое явленіе, сдѣлавшееся въ XVII ст. повсемѣстнымъ и всенароднымъ, было сожитіе крестьянъ въ мірскихъ обществахъ. Въ предъидущемъ періодѣ до прикрѣпленія мы видѣли, что нѣкоторые крестьяне селились на чужихъ земляхъ подворно, особо отъ селъ и деревень на лѣсныхъ пустошахъ, выселкахъ, хуторахъ, но мы тогда же замѣтили, что, при порядкѣ семейныхъ раздѣловъ и выдѣловъ сыновей и зятьевъ, подворное владѣніе должно было неминуемо черезъ одно или два поколѣнія превратиться въ мірское, и въ XVII ст. мы нигдѣ не видимъ болѣе слѣдовъ участковаго землевладѣнія. Міръ вездѣ является общимъ распорядителемъ и отвѣтчикомъ въ дѣлахъ внутренняго хозяйственнаго быта и точно такъ, какъ землевладѣлецъ, гдѣ онъ есть, отвѣтственнымъ лицомъ въ дѣлахъ внѣшняго управленія.

Во всѣхъ сошныхъ книгахъ этого времени мы видимъ, что земельный надѣлъ былъ ровный между домохозяевами одного селенія, и этотъ средній размѣръ надѣла назывался, какъ и прежде,—вытью. Онъ считался примѣрно въ 6 — 8 десятинъ въ полѣ и въ дву по тому-жъ, т.-е. 18 — 24 на полнаго рабочаго мужика съ бабой и дѣтьми, но въ выти полагалась только пашня и, если не ошибаемся, нѣкоторыя полевыя угодья, луговыя или пастбищныя, лежавшія среди полей, разгороженныхъ на три смѣны. Пожни, покосы, ухожи,

находившіеся въ сторонѣ, въ отхожихъ пустошахъ, въ поемныхъ мѣстахъ, въ лѣсныхъ лядинахъ, въ выть не клались. Крестьяне владѣли ими тоже на мірскомъ правѣ, вообще бо́льшей частью безъ счета и безъ мѣры [10]); да и измѣренія быть никакого не могло, такъ какъ пространство выти обыкновенно опредѣлялось посѣвомъ и числомъ копенъ, кучъ сѣна, и было поэтому приблизительно вѣрно только по пахатнымъ угодьямъ, очень невѣрно по сѣнокоснымъ и совершенно произвольно по выгонамъ, лѣснымъ распашкамъ и расчисткамъ; послѣднія обыкновенно считались отдѣльно отъ выти. Въ нѣкоторыхъ актахъ XVII столѣтія мы находимъ распоряженія, чтобы при оцѣнкѣ имѣній (для выкупа родственниками) считать земли распашныя изъ-подъ лѣсной поросли по 3 рубля за десятину, а таковыя расчищенныя подъ сѣнокосъ по 2 рубля, между тѣмъ какъ крестьянскій дворъ со всѣми полевыми угодьями оцѣнивается въ 50 рублей.

Такимъ образомъ, тягловой крестьянинъ владѣлъ обыкновенно не менѣе 18—24 десятинами коренной пашни, что́ составляетъ на ревизскую душу 9—12 десятинъ, но, кромѣ того, пользовался всѣми тѣми угодьями, которыя успѣвалъ распахать и расчистить.

Выть соотвѣтствовала примѣрно тому пространству, которое одинъ рабочій крестьянинъ осиливалъ пахать и, разумѣется, распредѣлялась между домохозяевами и дворами, по числу тяглыхъ рабочихъ, живущихъ въ одномъ дворѣ; были крестьяне семейные (семьянистые, какъ ихъ называетъ одна челобитная 1687 года), которые выѣзжали на поле съ тремя сохами и держали три выти; были и одинокіе бобыли, которые брали половину выти, были и убогіе сироты, которые садились на четверткѣ и осьмушкѣ выти. Но всѣхъ ихъ, на чемъ бы они ни сидѣли, міръ, если только его не стѣсняла помѣщичья власть, заставлялъ платить и работать пропорціонально ихъ владѣнію, и въ то же время заставлялъ ихъ держать землю пропорціонально ихъ рабочимъ силамъ.

Выть въ это время начинаетъ уже принимать другое названіе — тягло, подъ коимъ и дошло до нашихъ временъ, потому что тягости податныя, оброчныя и издѣльныя все растутъ съ года на годъ и что поземельное владѣніе все болѣе и болѣе становится въ тягость крестьянству. Въ рас-

кладку тяголъ начинаютъ вмѣшиваться и землевладѣльцы, но собственно по правилу и по общему обычаю, она производится міромъ. Міръ весьма часто дѣйствуетъ пристрастно: крестьяне семейные, которые сильнѣе и зажиточнѣе, притѣсняютъ одинокихъ, заставляютъ ихъ держать земли черезъ силу, болѣе чѣмъ они одолѣваютъ пахать, или принуждаютъ на сѣнокосѣ косить сѣно за-урядъ, вмѣстѣ съ прочими людьми, слабосильныхъ, убогихъ, или жалуются на неправильную развытку тяголъ помѣщикамъ и монастырскимъ властямъ, которые приказываютъ исправить ее и перевести слабосильнаго съ цѣлаго тягла на меньшій или уравнивать всѣ тягла вообще и сдѣлать новую разверстку. Но насиліе и несправедливость проявляются бо́льшею частью въ томъ, что крестьянамъ навязываютъ излишнюю землю, что слабосильныхъ, одинокихъ крестьянъ принуждаютъ тянуть наравнѣ съ семейными, и эти насилія чинятся одинаково міромъ и владѣльцами. Напротивъ, очень рѣдко попадаются случаи, чтобы у крестьянъ отбирали землю, уменьшали надѣлъ, потому что ни сельское общество, ни помѣщики не находили въ томъ выгоды, но все-таки, несмотря на всѣ ихъ усилія, по деревнямъ оставалось много пустыхъ дворовъ и въ поляхъ пустыхъ долей.

Такимъ образомъ, владѣніе землей при усиліи тягостей принимало все болѣе значеніе повинности, но крестьяне имѣли еще много средствъ избѣгать его; несмотря на прикрѣпленіе въ XVII столѣтіи, пріемъ земли, надѣла, еще зависѣлъ отъ вольнаго согласія крестьянина; крѣпкими считались только тѣ домохозяева, которые при изданіи указовъ сидѣли на вытяхъ, обжахъ и сохахъ, но сыновья, не наслѣдуя имущества отъ отцовъ, не могли быть притянуты и къ тяглу; они прямо безъ спроса уходили изъ отцовскихъ домовъ на промыслы или на другія земли и пользовались правомъ вольнаго перехода, между тѣмъ какъ отцы ихъ считались уже крѣпостными людьми. Крестьянство поэтому въ послѣдніе годы XVII столѣтія раздѣлялось на два разряда, — одно крѣпостное, приписанное къ волостямъ черным и дворцовымъ и къ вотчинамъ, помѣстьямъ частныхъ владѣльцевъ и монастырей, другое — вольное, состоящее изъ

выдѣленныхъ сыновей этихъ крестьянъ, которые такъ и прописывались: я, крестьянскій сынъ — вольный человѣкъ.

Понятно, какое страшное затрудненіе встрѣтилъ великій преобразователь, унаслѣдовавъ отъ своихъ предковъ такое смутное царство. Его разумѣется должно было поразить болѣе всего то соображеніе, что народный бытъ шелъ въ его обширной имперіи наперекоръ закону и верховной власти, что все населеніе бродило и скиталось; богатые и знатные вотчинники переманивали людей отъ бѣдныхъ помѣщиковъ, помѣщики и дворянскія дѣти уклонялись отъ службы, крестьяне бѣгали отъ господъ, дѣти ихъ выдѣлялись и уходили на сторону; однимъ словомъ, подъ самодержавной властью великихъ государей образовалось такое самовластіе сильныхъ людей, такое самоуправство слабыхъ, такое своеволіе всѣхъ и каждаго, что прежде, чѣмъ вводить новые порядки, надо узнать, гдѣ кто живетъ, кто чѣмъ владѣетъ, куда бѣжали люди и гдѣ они поселились.

Съ этой цѣлью изданъ былъ указъ 6 мая 1714 года, а потомъ предпринята была перепись по указу 22 января 1719 года, съ котораго обыкновенно ведется новое лѣтосчисленіе, какъ будто со дня первой ревизіи водворились тишина и порядокъ въ городахъ, весяхъ и селахъ всѣхъ русскихъ земель. Такого дѣйствія ни первыя, ни послѣдующія народныя переписи не имѣли, и распоряженія Петра вовсе и не имѣли въ виду какой-либо коренной реформы. Заставши свой народъ въ состояніи закоснѣлаго упорства, онъ хотѣлъ было переломить его упрямое и насильное сопротивленіе, вывести наружу силы, которыми располагалъ, и для этого старался привести ихъ въ извѣстность; но и въ этомъ не успѣлъ. Какъ въ установленіи новаго порядка наслѣдованія, и для внутренняго хозяйственнаго быта русскаго народа царствованіе его не имѣло вовсе такого значенія, какое ему приписываютъ [11]).

Главныя измѣненія, которыя послѣдовали въ его царствованіе, были слѣдующія:

По указамъ 1718 и 1719 годовъ велѣно было зачислить въ ревизію, кромѣ крестьянъ, и дворовыхъ людей (задвор-

ныхъ и дѣловыхъ); но въ то же время пояснено, что ревизскими душами надо считать только тѣхъ, которые имѣютъ свои пашни. Въ указѣ слѣдующаго года (5 февраля 1720) это кажущееся противорѣчіе разъяснено: государь пишетъ, что съ дворовыми людьми происходитъ такая же утайка, какъ съ дворами; что помѣщики, принимая людей на свои земли, пишутъ ихъ дворовыми, и что поэтому приказывается переписывать ихъ всѣхъ поголовно. Первоначальное распоряженіе подтверждается и всѣми послѣдующими; переписывать велѣно всѣхъ поименно, какъ крестьянъ, такъ и безземельныхъ обывателей всякаго званія, но въ податной окладъ зачислять только тѣхъ, которые „устроены пашней". Слова: „устроены пашней"—повторяются въ указѣ 22 января 1719 года, 5 февраля, 1 іюня и 1 августа 1722 года. Кажется ясно, что Петръ вовсе не имѣлъ въ виду введенія подушной подати, какъ она устроилась позже, а требовалъ только, чтобъ приведены были въ извѣстность имена лицъ всѣхъ званій и оставлялъ податные оклады, какъ и прежде, на людяхъ, надѣленныхъ землей; подушный счетъ введенъ только для того, чтобы дворяне не утаивали, подъ именемъ дворовыхъ, настоящихъ хлѣбопашцевъ.

Всего яснѣе это выражено въ указѣ 1 іюля 1722 года, гдѣ сказано: „всѣхъ дворовыхъ людей и слугъ для извѣстія переписать особо и къ тѣмъ душамъ, которыя для раскладки прописаны, не сообщать"; и далѣе: „всякаго званія слугъ и служебниковъ, которые живутъ у владѣльцевъ во дворахъ и, какъ на себя, такъ и на владѣльцевъ, земли не пашутъ, а имѣютъ пропитаніе только денежною и хлѣбною дачею, въ расположеніе не класть, а переписать ихъ для вѣдома".

Другое нововведеніе Петра, послѣдовавшее по указу 1 іюня 1722 года, было повелѣніе относительно такъ-называемыхъ вольныхъ гулящихъ людей, которыхъ Петръ хотѣлъ непремѣнно уничтожить. Мы выше видѣли, что этотъ разрядъ крестьянъ игралъ довольно значительную роль въ устроеніи и населеніи русскихъ земель; они набирались и размножались постоянно отъ семейныхъ раздѣловъ, и, съ другой стороны, также постоянно переходили въ другія сословія, городскія и сельскія, записывая себя на владѣльцевъ

или въ города, то по добровольнымъ порядным, то по разнымъ вынужденнымъ сдѣлкамъ. Они имѣли очень различныя прозванія: прежде назывались захребетниками, подсусѣдниками, потомъ казаками; бобылями, потомъ крестьянскими вольными дѣтьми, а при Петрѣ вольными государевыми людьми, или также избылыми, гулящими.

Противъ этихъ гулящихъ людей возсталъ Петръ Великій и приказалъ всѣмъ имъ явиться къ переписи, а переписчикамъ — ихъ осмотрѣть: годныхъ изъ нихъ писать въ солдаты, а негоднымъ объявить съ запискою, чтобы никто изъ нихъ въ гулящихъ не былъ, а всѣ опредѣлялись бы въ другія службы и безъ службы не шатались; наконецъ, ослушниковъ приказано брать въ крѣпостную работу.

Этотъ рядъ узаконеній (съ 1719 по 1724 г.), коими заключаются преобразованія великаго государя по внутреннему управленію, могъ бы дѣйствительно произвести переломъ въ народномъ бытѣ, еслибъ преобразователь успѣлъ съ своей неумолимою строгостью провести ихъ въ жизнь, наблюсти за ихъ исполненіемъ. Но смерть сокрушила эту силу, безпримѣрную въ лѣтописяхъ міра, и предсмертныя начинанія Петра такъ и остались начинаніями. Онъ ввелъ ревизіи, подушный счетъ, уничтожилъ вольное состояніе гулящихъ людей, но всѣ эти нововведенія были только формальныя и не проникли въ народъ. Подушный разсчетъ съ того времени сдѣлался всеобщимъ, казеннымъ основаніемъ для всякихъ фискальныхъ и административныхъ распоряженій, но въ народный бытъ ни при Петрѣ, ни послѣ никогда не проникъ; ревизскія души считались общей мѣрой для окладовъ, общимъ соображеніемъ для управленія, по числу душъ разсчитывались смѣты государственнаго дохода, взимались рекруты, подводы для войскъ, всякіе налоги и повинности и опредѣлялась примѣрная цѣнность раздѣла и всякіе акты частнаго владѣнія. Но народъ по душамъ не считался.

Онъ принималъ отъ казны подушный окладъ, какъ валовой, оптовый разсчетъ слѣдующихъ съ общества, съ селенія или вотчины всѣхъ налоговъ или повинностей, какъ итогъ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ правительствомъ, или подводъ, рекрутъ, требуемыхъ для войскъ, и только. Самая раскладка, самое взиманіе, нарядъ подводъ, поставка рекрутъ

вовсе не производились по числу душъ, а по старому уложенію, по исконному обычаю мірскихъ размётовъ и разрубокъ по вытямъ и тягламъ. Селеніе, получая приказъ о сборѣ податей или наборѣ рекрутъ, по стольку-то съ души и всего столько-то, принимало къ свѣдѣнію только это послѣднее число, а раскладывало его не по душамъ, какъ считала казна, а по числу рабочихъ крестьянъ, надѣленныхъ землей въ каждой семьѣ особо. Между этими двумя порядками не было ничего общаго и часто встрѣчались явныя несообразности и противорѣчія: люди вымирали, убѣгали; казна все-таки выбирала свой подушный окладъ съ наличныхъ крестьянъ, но крестьяне между собою выравнивали эти фискальныя взысканія и вовсе, не вѣдая про основаніе податной системы, вводимой, исправляемой и измѣняемой государями, держались другой системы, иныхъ основаній, своихъ изстаринныхъ порядковъ развытки земли по числу рабочихъ, а не ревизскихъ душъ, и раскладки всѣхъ повинностей, денежныхъ и издѣльныхъ—по тягламъ и рекрутской—по очереди, ставя въ первые жеребьи многосемейные дворы, гдѣ наиболѣе взрослыхъ крестьянъ.

Итакъ, великія реформы Петра, которымъ нѣкоторые историки приписываютъ роковое значеніе для внутренняго быта страны, по нашему мнѣнію, имѣли только то вліяніе на этотъ бытъ, что оставили его въ сторонѣ, внѣ закона, внѣ круга дѣйствій установленныхъ властей. Правительство, устроивъ наружные порядки, какъ будто закрыло глаза на домашній, хозяйственный и земельный бытъ крестьянъ, и, закрѣпивъ ихъ къ землѣ, предоставивъ ихъ попеченію дворянства, установивъ счетъ по душамъ, отреклось отъ всѣхъ прочихъ заботъ управленія, предоставляя народу жить, какъ онъ хочетъ и знаетъ, внутри сельскихъ обществъ, въ семействѣ, во дворѣ, безъ закона, безъ права, безъ какихъ-либо узаконеній семейныхъ, родственныхъ, гражданскихъ и земельныхъ, какъ вздумается міру и какъ разсудитъ помѣщикъ.

Но во всякомъ случаѣ не Петру слѣдуетъ приписать послѣдующій ходъ земельнаго устроенія въ Россіи, развитіе крѣпостного права, обращеніе крестьянъ въ рабство, увольненіе дворянства отъ службы, введеніе сословныхъ правъ и

преимуществъ. Его система управленія, его политическіе виды были прямо противоположны той организаціи, которую допустили его преемники. Онъ признавалъ всѣ классы жителей, начиная отъ знатнѣйшаго боярина до послѣдняго бобыля, одинаково повинными служить своему отечеству. Онъ ввелъ народную перепись только для того, чтобы прекратить закоснѣлыя уклоненія дворянъ отъ службы и крестьянъ отъ рекрутской повинности и платежа податей. Онъ признавалъ и пазывалъ гулящими людьми дворянъ, проживающихъ праздно въ своихъ домахъ и деревняхъ, крестьянъ, неустроенныхъ пашней, и вообще всѣхъ людей, не несущихъ тягла, и преслѣдовалъ ихъ нещадно. При введеніи подушнаго оклада, онъ положительно имѣлъ въ виду не обложеніе лицъ и людей самихъ по себѣ, а только тѣхъ изъ нихъ, которые пашутъ землю, которые и по прежнимъ уложеніямъ тянули къ городамъ и волостямъ, и требовалъ только, чтобы кромѣ земель были переписаны и обыватели поименно.

Наконецъ, самая, повидимому, радикальная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неудачная его реформа,—законъ о единонаслѣдіи, имѣла главнымъ предметомъ заставить младшихъ братьевъ служить „изъ насущнаго хлѣба“.

Въ царствованіе его были доведены до послѣдняго, наивысшаго и строжайшаго выраженія древнія начала поземельнаго владѣнія въ Россіи, служилое и тягловое значеніе всякаго недвижимаго имущества.

Въ послѣдующія царствованія, послѣ Петра, а не при немъ, начались искаженія этихъ началъ, жалованіе громадныхъ вотчинъ вельможамъ и царскимъ любимцамъ, переселенія цѣлыхъ деревень изъ подмосковныхъ имѣній въ низовыя степи, жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и бродягъ, постепенное освобожденіе дворянства отъ службы, и, наконецъ, при Екатеринѣ II, и только при ней, въ концѣ XVIII столѣтія, полное увольненіе служилаго сословія и окончательное закрѣпощеніе крестьянъ—вольность дворянства и неволя крестьянъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Верстаніе помѣстьями происходило слѣдующимъ порядкомъ: одинъ проситель или цѣлый скопъ дворянъ и дѣтей боярскихъ какого-либо города, уѣзда подавали государю челобитную: „что служить имъ не съ чего“; тогда приказывалось или надѣлить ихъ новымъ помѣстьемъ, или дополнить земли по окладу, а до ввода во владѣніе обыкновенно отпускалось или денежное жалованье, или хлѣбный паекъ. Казна не давала себѣ труда отыскивать земли для испомѣщенія дворянъ, но обыкновенно предоставляла самимъ просителямъ пріискивать себѣ любое помѣстье изъ дикихъ полей, изъ порожнихъ земель и снабжало его сыскной грамотой изъ помѣстнаго приказа. Отправляясь на таковой сыскъ, служилый человѣкъ обязанъ былъ только представить доказательство, что пріисканное имъ помѣстье дѣйствительно порожнее или выморочное, и для этого спрашивались на повальномъ обыскѣ окольные люди. Такъ было при великихъ князьяхъ и царяхъ XV и XVI столѣтій, когда испомѣщеніе дворянъ составляло государственную мѣру и производилось огульно, какъ мы выше видѣли, по 1,000 и болѣе человѣкъ въ одинъ разъ. При Романовыхъ верстаніе новыми помѣстьями встрѣчается уже рѣже, но за то главная забота государя—уравненіе помѣстій по окладамъ.

У старыхъ вотчинниковъ, бояръ, окольничихъ имѣнія были крупныя и болѣе чѣмъ достаточныя для содержанія себя на государевой службѣ; но главное попеченіе правительства состояло въ уравненіи безпомѣстныхъ или малопомѣстныхъ дворянскихъ дѣтей, которыя поспѣвали для службы и записывались въ окладъ подъ именемъ новиковъ; то были, какъ изъ всего видно, большею частію сыновья какъ бояръ, такъ и другихъ мелкихъ дворянъ, которые по раздѣлу имѣній получали отъ отцовъ слишкомъ малую часть, чтобы изъ нея содержать себя на службѣ, или дальніе родственники вотчинниковъ, которые не получали вовсе наслѣдства, потому что оно послѣ третьяго колѣна считалось выморочеиным и отписывалось на государя, или боярскія и дворянскія дѣти, точно такъ какъ крестьянскія, составлявшія ядро тѣхъ гулящихъ людей, которыхъ въ теченіи всего XVII столѣтія цари притягивали къ службѣ и къ тяглу и не могли притянуть. Здѣсь опять надо замѣтить, что между вотчинниками и помѣщиками не дѣлалось никакого различія; такъ, въ одномъ указѣ Алексѣя Михайловича пишется: „что которые оказались безпомѣстные и безвотчинные и сказали, что помѣстья и вотчины ихъ пусты и крестьянъ нѣтъ“—тѣмъ давать жалованья 25 рублей, равно и тѣмъ, у которыхъ крестьянъ не болѣе 15, а „за которыми въ помѣстьяхъ и вотчинахъ болѣе 15 человѣкъ, или у которыхъ отцы были въ воеводахъ или письмѣ, тѣмъ государева жалованья не давать“.

Новиковъ верстали помѣстьями въ отводъ отъ отцовъ, если помѣстье (или вотчина—все равно) признавалось недостаточнымъ. Кажется, въ XVII стол. minimum помѣстья считался 259 четвертей (124½ десятины). У которыхъ недоставало оклада, верстали дополнительными землями и отчасти жалованьемъ, по слѣдующему разсчету:

1) дѣтямъ служилыхъ людей (т.-е. такихъ, которые на службѣ бывали):

1-й	статьи	по 350	четвертей	и 12	рублей	жалованья.	
2-й	„	„ 300	„	„ 10	„	„	
3-й	„	„ 250	„	„ 8	„	„	
4-й	„	„ 200	„	„ 7	„	„	
5-й	„	„ 150	„	„ 6	„	„	

2) неслужилымъ людямъ лучшимъ:

1-й	статьи	300	четвертей	и 10	рублей	жалованья.	
2-й	„	250	„	„ 8	„	„	
3-й	„	200	„	„ 7	„	„	
4-й	„	150	„	„ 6	„	„	
5-й	„	100	„	„ 5	„	„	

Раздавши такимъ порядкомъ помѣстья, государи повѣряли самую службу. При нарядѣ на военную службу посылался воевода, который собиралъ всѣхъ дворянъ, приписанныхъ къ городу, и по „разборному списку“ перекликалъ присутствующихъ, отмѣчая ихъ словомъ „есть“, а отсутствующихъ помѣчалъ въ „нѣтѣхъ“, и эти нѣтные списки отсылалъ въ разрядъ.

Тутъ разбирались причины неявки: если оказывалось, что помѣщикъ по состоянію своему „полный“, то разспрашивали окольныхъ людей, отчего онъ не служитъ; иногда обнаруживалось, что онъ „худъ, старъ или увѣченъ“, тогда вызывали сыновей, и если и они „худые“, то розыскивали племянниковъ, и такъ далѣе, и передавали имъ помѣстье неспособнаго служилаго человѣка. Если не было родственниковъ, которые могли бы его замѣнить, то помѣстье ему оставлялось, но онъ вмѣсто себя ставилъ „даточныхъ“ изъ своихъ слугъ или платилъ деньгами. Но, кромѣ того, черезъ окладчиковъ и понятыхъ повѣрялась и самая служба, сколько коней и людей помѣщикъ выводитъ, сколько у него лошадей простыхъ и верховыхъ, не выѣзжаютъ ли они на худыхъ лошадяхъ, на меренкахъ, добрые ли они собой: „тоесть здоровы ли“.

Кто именно имѣлъ право на верстаніе помѣстьями, изъ коего состоялъ служилый классъ, и былъ ли это особый классъ, сословіе, состояніе?—это вопросы темные и сложные. При исчисленіи служилыхъ людей прежде и чаще всѣхъ упоминаются боярскія дѣти; это были потомки прежнихъ бояръ, обѣднѣвшихъ и лишенныхъ наслѣдства, можетъ быть и дѣти князей, у коихъ отбирались удѣлы, точно такъ какъ у бояръ вотчины, на государя; потомъ дворяне разнаго званія, мужи и люди, которые имѣли свои земли (своеземцы), а на этихъ земляхъ крестьянъ, и ставили ратниковъ и всадниковъ по числу крестьянскихъ дворовъ, съ 25 дворовъ по одному человѣку конному; иногда верстались помѣстьями и торговые люди, гости. Исключались изъ помѣстнаго оклада только холопы и пашенные мужики, также поповы дѣти; въ одномъ наказѣ 1675 года приказывается ихъ не верстать помѣстьями и не называть боярскими дѣтьми; изъ этого можно заключить, что всякіе разночинцы попадали въ этотъ разрядъ служилыхъ людей и подъ общее наименованіе боярскихъ дѣтей, хотя бы вовсе и не происходили отъ бояръ; ихъ охотно записывали подъ этимъ названіемъ, чтобы притянуть къ службѣ, и только запрещалось переименовывать дворовыхъ людей и крестьянъ (пашенныхъ) въ боярскія дѣти, потому что съ нихъ уже

сами владѣльцы справляли службу. Но самое это запрещеніе (гораздо позднѣе, въ концѣ XVII столѣтія) уже доказываетъ, что это дѣлалось часто и что холопы и крестьяне, задабривая и подкупая окладчиковъ, часто записывались въ дворяне и помѣщики.

Въ концѣ XVII стол. помѣстное владѣніе было совершенно такое же крѣпостное, какъ и крестьянское: a) помѣщикъ не могъ сдать своего помѣстья, покуда былъ годенъ для службы или сдавалъ только половину, продолжая служить съ другой половины; b) если онъ выходилъ изъ лѣтъ, то могъ сдать „свое скарбное помѣстье“ родственнику или даже чужеродцу помимо прямыхъ наслѣдниковъ, лишь бы этотъ новикъ былъ годенъ, добръ собой, не глупъ и не пьяница; c) обращеніе съ дворянами было еще строже, чѣмъ съ пашенными мужиками; за неявку на службу ихъ били кнутомъ и отбирали у нихъ половину помѣстья, высылая ихъ притомъ за крѣпкими поруками въ полки, а за побѣгъ со службы отписывали все помѣстье.

Вообще эта операція, верстаніе помѣстьями, должна была служить неисчерпаемымъ источникомъ взятокъ, поборовъ и злоупотребленій всякаго рода: статьи, то-есть разряды помѣщиковъ, опредѣлялись неуловимыми оттѣнками; лучшими людьми 1-й статьи считались тѣ боярскія дѣти, коихъ отцы бывали на службѣ, и, смотря по мѣстамъ должностей, въ коихъ они служили, надѣлялись отъ 150 до 350 четвертей, а на такихъ новиковъ, коихъ отцы не служили, клалось отъ 100 до 300 четвертей и статей было всѣхъ 10. Объемъ помѣстій обозначался самыми общими выраженіями и послѣ опредѣленія окладныхъ четвертей, въ коихъ были только пахатныя земли, вошедшія въ сѣвооборотъ (столько-то четвертей въ полѣ и въ дву потому-жъ), обыкновенно прибавлялись такія выраженія: „съ отхожими лугами, землей пашенной и непашенной, съ лѣсомъ и со всѣми угодьями, что́ къ тому сельцу и пустоши изстари потягло“. Какимъ порядкомъ производилось испомѣщеніе, видно изъ одного наказа 1652 года, въ коемъ сказано: „по дружбѣ, по свойству у верстанія новиковъ никого въ большую статью не вносити, а по недружбѣ никого въ меньшую статью не сносити, а неслужилыхъ отцовъ, поповыхъ дѣтей и холопей боярскихъ и иныхъ мимо государева указа помѣстными окладами не верстать“.

---

[2]) Московскій уѣздъ. Выше замѣчено, что большая часть свѣдѣній о древнемъ нашемъ бытѣ относится къ мѣстностямъ, ближайшимъ къ Москвѣ и что, къ сожалѣнію, исторія русскаго внутренняго быта вращается почти исключительно въ томъ кругѣ событій и явленій, которыя происходили въ этой очень небольшой части русской земли. Особенно рѣзко это проявляется въ періодѣ уложенія XVII вѣка; XVI глава уложенія относится, какъ мы думаемъ, только къ московскому уѣзду, по крайней мѣрѣ о верстаніи земель сказано въ ст. 1, что въ московскомъ уѣздѣ быть помѣстьямъ за боярами 200 четвертей и т. д. Въ украинскихъ городахъ даже дѣтямъ боярскимъ давалось 300—400 четвертей, въ Новгородѣ отъ 550 до 1100 ч., въ прочихъ городахъ отъ 600—900 ч. Около этого времени произошло также окончательное отдѣленіе высшаго столичнаго и придворнаго дворянства отъ городового и выборнаго,

отдѣленіе, которое имѣло впослѣдствіи большое вліяніе на судьбу помѣстнаго сословія. Дворяне, поверстанные помѣстьями въ московскомъ уѣздѣ, писались особо въ московскомъ спискѣ; они не имѣли права на помѣстный окладъ въ другихъ городахъ; изъ нихъ набирались всѣ начальные люди, бояре, стольники, окольничіе; самыя помѣстья московскія были меньше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, но земли вѣроятно доходнѣе и притомъ доходы эти пополнялись денежнымъ жалованьемъ и еще болѣе разными кормовыми статьями, командованіемъ полками, посылками на разные розыски, поиски бѣглыхъ, росписаніе дворянъ по статьямъ, верстаніе помѣстьями, посылки, дававшія воеводамъ значительные доходы. Къ этому московскому списку принадлежали также помѣщики и другихъ ближайшихъ городовъ, напримѣръ, Владиміра; къ югу границей долго считалась Ока, но въ 1642 году разрѣшено верстать московскихъ дворянъ помѣстьями и за Окой. Пребывая такимъ образомъ безотлучно на службѣ при государѣ, занимая высшіе чины и должности, владѣя подмосковными помѣстьями, которые уже въ то время имѣли болѣе характеръ подгородныхъ дачъ, чѣмъ хозяйственныхъ имѣній, отъѣзжая въ другіе города только на воеводство, на розыски и слѣдствія, эти московскіе дворяне утратили вовсе значеніе земскаго сословія и всякую связь съ сельскими жителями, прочими дворянами и крестьянами. Они жили не столько изъ доходовъ своихъ помѣстій, сколько изъ служебныхъ окладовъ, кормленій и поборовъ, и когда нуждались въ деньгахъ, то били челомъ государю на воеводства и на приказы, какъ на доходную статью. Они писались, какъ сказано, на особомъ спискѣ и вѣдались особымъ разрядомъ. Такимъ образомъ, этотъ высшій классъ дворянства уже съ того времени получилъ значеніе чисто приказнаго сословія, и это подтверждается тѣмъ, что воевода не могъ быть назначенъ въ тѣ города, гдѣ имѣлъ вотчину или помѣстье.

Совершенно особое сословіе были прочіе дворяне и боярскія дѣти, которые назывались мѣстными или городовыми (т.-е. провинціальными), или выборными (потому что служили по выборамъ въ земскихъ должностяхъ). Въ XVII столѣтіи главные города были: Путивль, Лизенскъ, Курскъ, Владиміръ, Ярославль, Кострома, Новгородъ, Псковъ, Торжокъ, Казань, Смоленскъ, Рязань, Бѣлградъ и Тамбовъ. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ изъ всѣхъ городовъ было образовано 9 разрядовъ для росписанія по нимъ дворянъ. Кромѣ того, со времени Іоанна IV проводилась новая пограничная линія по Украйнѣ, куда и посылались на сторожевую и полевую службу люди всякаго званія и безпомѣстныя дѣти московскихъ бояръ, стрѣльцы, казаки и рейтеры, которые верстались помѣстьями и записывались на службу. Этотъ разрядъ помѣщиковъ имѣлъ, напротивъ, совершенно земскій характеръ и мало въ чемъ отличался отъ зажиточныхъ сельскихъ и городскихъ обывателей; тѣ изъ нихъ, которые состояли на государевой службѣ, получали еще помѣстья довольно значительныя, отъ 150 до 500 десятинъ, но когда они переходили на городовую мѣстную службу, то имъ оставляли только 5 обжъ (25 десятинъ). Кромѣ того, они еще терпѣли наравнѣ съ крестьянами постоянное угнетеніе отъ крупныхъ владѣльцевъ; хотя земли ихъ по пространству и были обширнѣе, чѣмъ у московскихъ помѣщиковъ, но эти послѣдніе имѣли всегда случай исходатайствовать себѣ жалованья и несудимыя грамоты, и вывозили крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, коимъ оставались пустыя земли. Это особенно было чувствительно въ новгородскихъ обла-

стяхъ, которыя были населены московскими боярскими дѣтьми послѣ покоренія Новгорода, и гдѣ помѣстья были втрое и вчетверо крупнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, но оставались и остались до новѣйшихъ временъ впустѣ, потому что жители всѣ переходили или въ московскіе уѣзды, или на монастырскія земли Юрьевскаго, Кирило-Бѣлозерскаго, Вишерскаго и другихъ монастырей, владѣвшихъ необъятными вотчинами.

Московское дворянство еще болѣе отдѣлилось отъ прочихъ съ переводомъ столицы въ Петербургъ, еще болѣе утратило свое земледѣльческое значеніе и составило такимъ образомъ особое сословіе знатныхъ и богатыхъ владѣльцевъ,— но приказныхъ или придворныхъ, а не земскихъ людей...

---

[3]) Въ уложеніи мы находимъ нѣсколько статей, опредѣляющихъ порядокъ перехода помѣстій въ вотчинную собственность; порядковъ было два— пожалованіе и продажа. Очень часто служилые люди просили продать имъ помѣстныя земли; при Алексѣѣ Михайловичѣ установилось, кажется, правило продавать помѣстья не цѣликомъ, а только по частямъ, по 20 и 100 четвертей. Въ уложеніи (глава XVII, статья 9) сказано, что по уплатѣ пошлинъ въ казну помѣщикъ, выкупившій свое имѣніе, воленъ продать и заложить его. Но обязанность служить оставалась на такомъ помѣстьи и послѣ его покупки: у неслужилаго боярскаго сына отнималась такая купленная въ вотчину земля (глава XVII, 34, 47); запрещалось продавать помѣстья дѣтямъ неслужилыхъ отцовъ. При продажѣ казна брала за 3 четверти—1 рубль. Такимъ образомъ единственное различіе, которое по уложенію оставалось между вотчиной и помѣстьемъ, было право отчужденія, но за то служилое значеніе было присвоено безразлично всякому поземельному имуществу. Самое запрещеніе продажи помѣстій могло быть легко обойдено другимъ способомъ—мѣной, которая допускалась съ условіемъ, чтобы обмѣненные участки были ровные. По указамъ 1685 и 1690 гг. и это послѣднее различіе было отмѣнено—помѣстья дозволено уступать за деньги, а въ боярскомъ приговорѣ 7 апрѣля 1690 г. сказано: „что всякій помѣщикъ и вотчинникъ въ помѣстьяхъ своихъ, и въ вотчинахъ и въ крестьянахъ воленъ и поступить, и сдать, и промѣнять и крестьянъ переводить изъ одного имѣнія въ другое“.

---

[4]) Право частной собственности было въ это время совершенно поколеблено самовластіемъ: какъ вотчины, такъ и помѣстья отбирались у владѣльцевъ за всякую вину и малѣйшій проступокъ; такъ, у князя Рѣпнина за воровство въ Яранской государевой казнѣ велѣно отчины и помѣстья поимати на государя; у окольничаго Зюзина отобраны помѣстья за то, что онъ принималъ у себя безъ дозволенія государя патріарха Никона. За утайку крестьянъ, за переводъ ихъ изъ 2—3 дворовъ въ одинъ, за пріемъ чужихъ крестьянъ и бобылей отнималось за каждаго крестьянина по 50 четвертей у помѣщика, отписывались какъ вотчины, такъ и помѣстья за корчемство, отступленіе отъ православія, за невѣрное показаніе количества земли и дворовъ; наконецъ, по одному указу (8 іюня 1680 года) за пріѣздъ ко двору лицъ, въ

домахъ коихъ были прилипчивыя болѣзни, оспа, корь и др. Какъ самовластно отбирались, такъ произвольно и передавались вотчины и помѣстья другимъ лицамъ: — такого-то человѣка послать въ казаки въ украинскіе города и помѣстья и вотчины раздати роду его;—или: раздати въ раздачу челобитчикамъ (т.-е. доносчикамъ) безрозвытно;—или: раздать тѣмъ людямъ, кто за кѣмъ утаенныхъ крестьянъ сыщетъ;—или: тѣ помѣстья и вотчины отдать челобитчикамъ, кто на кого учнетъ бити челомъ. Какое это было привольное царство для челобитчиковъ, сыщиковъ, доносчиковъ, ябедниковъ, когда при общемъ бродяжничествѣ крестьянъ и уклоненіи дворянъ отъ службы, за всякій доносъ можно было получить помѣстье; какое глубокое нравственное вліяніе должно было имѣть это благородное происхожденіе помѣстной собственности на крестьянъ, которые такимъ образомъ переходили отъ изстаринныхъ боярскихъ родовъ къ подъячимъ и всякимъ лихимъ людямъ, открывавшимъ ихъ пребываніе и бившимъ челомъ на помѣщика, ихъ укрывавшаго!

Число служилыхъ людей изъ дѣтей боярскихъ было очень небольшое въ городахъ. Въ 1672 году по спискамъ помѣстнаго приказа считалось дворянъ въ службѣ:

	полковой.	городовой.
Въ Тулѣ	445	—
„ Епифанѣ	—	152
„ Лебедяни	4	120
„ Данковѣ	—	209
„ Бѣлевѣ	70	—
„ Лизенскѣ	16	65
„ Ельцѣ	7	1100
„ Курскѣ	175	439
„ Бѣлгородѣ	54	390
„ Ст. Осколѣ	1	514

---

[5]) Слово „дворянство“ въ смыслѣ коллективнаго сословія также ново въ русскомъ языкѣ, какъ и самое учрежденіе въ государствѣ. Съ XVIII столѣтія выраженіе „дворяне“ хотя и встрѣчается часто въ грамотахъ, но относится только къ извѣстному разряду служилыхъ людей, жившихъ при дворѣ князей и бояръ. „Дворовые люди и дворяне“ составляли двѣ равнозначущія категоріи жителей, въ противоположность или въ отличіе отъ крестьянъ пашенныхъ и тягловыхъ и отъ служилыхъ людей городскихъ и земскихъ; первые справляли личную службу при царяхъ, князьяхъ и ихъ намѣстникахъ, воеводахъ, боярахъ, службу придворную; вторые несли повинности, государственныя и земскія, платили подати и ставили рекрутовъ. Когда Петръ Великій вздумалъ образовать особое сословіе служилыхъ людей, то онъ позаимствовалъ названіе его изъ польско-нѣмецкаго языка и именовалъ его шляхетствомъ (Geschlecht, шляхта), какъ и назывался у насъ высшій классъ въ первую половину XVIII столѣтія. Что дворяне составляли въ то время второстепенный, униженный классъ, это видно изъ одного указа 1712 г., гдѣ приказано: „чтобы каждый дворянинъ давалъ почесть и первое мѣсто каждому офицеру“ (П. С. З. № 2467). Въ Малороссіи

и Западной Россіи, въ Смоленской губерніи, въ Литвѣ, названія „дворянинъ и дворовый“ смѣшиваются и первое означаетъ то же, что и второе—господскихъ слугъ. Названіе цѣлаго сословія дворянствомъ устанавливается только во второй половинѣ XVIII столѣтія, послѣ манифеста 1762 г. и коммиссіи 1767 г. и освящается окончательно дворянской грамотой 1785 года. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія знатный и богатый классъ совершенно различался отъ дворянства и состоялъ изъ бояръ, окольничихъ, вообще чиновныхъ и должностныхъ людей и московскихъ дворянъ. Классъ этотъ былъ немногочисленный: въ малолѣтство Петра бояръ было 51, въ 1705 году—23; окольничихъ въ 1691 году—61, въ 1705 году—18; думныхъ дворянъ въ 1705 г.—15; стольниковъ при Іоаннѣ Алексѣевичѣ—74; при Петрѣ Алексѣевичѣ—69; при царицахъ—174; вообще при обоихъ государяхъ—2,724, да кромѣ того 133 служащихъ въ полкахъ и 59 изъ смоленской шляхты. Стольниковъ по списку 1686 г. было 1893. Всѣхъ лицъ высшаго сословія было поэтому 5253, изъ коихъ многіе принадлежали къ однѣмъ и тѣмъ же фамиліямъ, такъ что число семействъ этого класса было не болѣе 3 или 4 тысячъ при народонаселеніи въ 14 мил. жителей. Это и былъ весь наличный составъ русскаго шляхетства въ моментъ наивысшаго его процвѣтанія. По другимъ свѣдѣніямъ (Ивановъ, Систем. обозрѣніе помѣщичьихъ правъ, 224) въ 1700 году было значительныхъ фамилій 136, состоящихъ изъ 330 лицъ и 2849 фамилій незначительныхъ дворянскихъ семействъ, въ коихъ числилось 14,711 лицъ, всего 15,041 ч. лицъ всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ.

---

[6]) Мѣропріятіе Петра I (указъ или проекты — какъ ихъ называли современники), о единонаслѣдіи, представляетъ намъ полную картину служилыхъ понятій, царствовавшихъ въ древней Руси, о поземельной собственности; они были еще болѣе смутны въ умахъ правителей и самого Петра, чѣмъ въ народѣ. Казалось бы, что учрежденіе маіоратовъ должно имѣть въ виду установленіе прочнаго аристократическаго класса съ неограниченными правами владѣнія и нѣкоторой независимостью, и въ этомъ-то именно смыслѣ при путешествіяхъ Петра въ чужихъ краяхъ и рекомендовано было ему это учрежденіе, на которое, по мнѣнію его иностранныхъ друзей, опиралась монархическая власть. Это впечатлѣніе и вывезъ монархъ изъ своихъ странствованій, и въ этомъ смыслѣ приказывалъ Брюсу и Головкину „составить краткое описаніе законовъ шкоцкихъ, англійскихъ и французскихъ о наслѣдникахъ и первыхъ сынахъ“ и выписать правила, „какъ въ недвижимыхъ мѣстностяхъ дѣтямъ, по отцамъ въ наслѣдствѣ и раздѣленіи быть, какъ въ знатнѣйшихъ княжихъ, шляхетскихъ, такъ и купеческихъ фамиліяхъ“.

Но въ то же время преслѣдовались и совершенно противоположныя цѣли: ограничить право распоряженія землевладѣльцевъ и закрѣпить на государственной службѣ младшихъ сыновей дворянскихъ фамилій. Въ первомъ отношеніи были изданы, немедленно послѣ указа 1714 г., въ 1719 году правила о разработкѣ минераловъ, по коимъ всѣ рудокопные заводы признаны царскими регаліями, и если сами владѣльцы не приступаютъ къ разработкѣ, то предоставляется всякому въ ихъ земляхъ добывать всякую руду: „дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось“. Въ томъ же году послѣдовало

распоряженіе о заповѣдныхъ лѣсахъ, по коему запрещалось рубить лѣсъ на 50 верстъ отъ большихъ сплавныхъ рѣкъ и 20 отъ малыхъ. Еще прежде, въ 1703 и 1704 гг., изъяты были изъ частнаго владѣнія и причислены къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ разныя цѣнныя угодья—пчельники, бортные ухожи, рыбныя ловли, мельницы. Такимъ образомъ частное владѣніе было сведено на minimum и ограничивалось пашней и сѣнокосомъ.

Въ другомъ отношеніи главной цѣлью реформы было повидимому то соображеніе, чтобы, надѣливъ старшихъ сыновей всѣми имуществами, заставить прочихъ искать насущнаго пропитанія службою, торгами и промыслами, такъ что въ сущности имѣлась въ виду не прямая цѣль, указанная въ мотивахъ: „слава и честь дворянскихъ родовъ“, а косвенная—усиленіе служилаго и промышленнаго сословія по примѣру Англіи. Путаница понятій еще обнаруживается въ томъ, что единонаслѣдіе устанавливалось не только для крупныхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, но и для всѣхъ классовъ частныхъ владѣльцевъ, мелкопомѣстныхъ и даже купцовъ. Знатное шляхетство приняло эту реформу съ благодарностью; но, какъ мы выше видѣли, оно было при Петрѣ очень малочисленно—133 фамиліи. Напротивъ, родовое шляхетство и купечество увидѣло въ этомъ законѣ нарушеніе всѣхъ завѣтныхъ своихъ семейныхъ связей. Современники этого переворота повѣствуютъ, „что неравенство между дѣтьми тронуло нѣжныя родительскія сердца и казалась великая невозможность какимъ бы порядкомъ дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе, кромѣ оставшагося послѣ отца недвижимаго имѣнія“ (записки маіора Данилова). Шляхетство стало просить, дабы позволено было дѣлить имѣнія поровну; но, и не дожидаясь разрѣшенія, владѣльцы находили средство обходить законъ и, несмотря на запрещеніе, продавали деревни въ чужой родъ, или укрѣпляли ихъ за кадетами, выдавая ихъ подложно за новопріобрѣтенныя, или же выдавали на себя долговыя обязательства младшимъ сыновьямъ, обязывая старшихъ клятвою уплатить ихъ по востребованію. Въ хозяйственномъ отношеніи послѣдствія были еще худшія; для выдѣла кадетовъ родители присуждали имъ всѣ наличныя деньги, движимость и хозяйственный инвентарь, хлѣбъ, лошадей, скотъ, такъ что маіоратнымъ владѣльцамъ доставались дома безъ хлѣба, поля безъ рабочаго скота, запашки безъ сѣмянъ: „рядовое шляхетство—пишетъ Даниловъ—плакалось на маіоратъ, ввергавшій ихъ въ бѣдность и заставлявшій терять шляхетскіе поступки“.

Послѣ 16-лѣтняго существованія законъ о единонаслѣдіи былъ отмѣненъ по указу сената 9 декабря 1730 года.

---

[7]) Это извѣстіе о числѣ дворовъ принято было нѣкоторыми нашими учеными съ полной вѣрой и въ смыслѣ, что оно, будто-бы, означаетъ весь итогъ русскаго сельскаго населенія въ XVII стол. Но это очевидно ошибочно; если въ это время оставалось бы дѣйствительно только 30 т. дворовъ въ черныхъ волостяхъ (казенныхъ селеніяхъ), то спрашивается, откуда взялись впослѣдствіи казенные крестьяне, число коихъ по ревизіямъ, восьмой, девятой и десятой, всегда было почти равное съ помѣщичьими? Правда, къ нынѣшнимъ государственнымъ крестьянамъ надо причислить 35 т. дворовъ владычьихъ имѣній

и 83 т. монастырскихъ, которые впослѣдствіи были взяты въ казну, что составитъ вмѣстѣ около 148 т. дворовъ; также прибыло большое число крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ государству въ XVIII столѣтіи, но во всемъ этомъ краѣ было несравненно болѣе крѣпостныхъ, чѣмъ казенныхъ крестьянъ и поэтому отъ этого приращенія еще болѣе усилился крѣпостной элементъ. Затѣмъ, также непонятно, изъ какихъ же имѣній жаловались помѣстья и огромныя вотчины, раздаренныя въ XVIII столѣтіи царскимъ любимцамъ и царевниным любовникамъ, если въ половинѣ XVII столѣтія оставалось казенныхъ свободныхъ имѣній только 20,000 дворовъ, т.-е. 60—70 тысячъ ревизскихъ душъ? Церковныя имѣнія поступили въ раздачу только при Екатеринѣ; изъ какихъ же волостей производились щедрыя пожалованія въ продолженіи цѣлаго столѣтія? неужели изъ этихъ 60,000 крестьянъ, которые едва бы насытили алчность двухъ-трехъ придворныхъ фамилій. Принимая во вниманіе, что по ревизіямъ нынѣшняго столѣтія число казенныхъ крестьянъ оказалось почти равнымъ помѣщичьимъ, что въ теченіи XVIII столѣтія производились изъ казенныхъ же имѣній громадныя раздачи помѣстій, что присоединеніе западнаго края еще усилило пропорцію крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, мы должны придти къ заключенію: a) что числа, указанныя Котошихинымъ, относятся только къ подмосковнымъ уѣздамъ, b) что во всѣхъ отдаленныхъ уѣздахъ, напротивъ, число черныхъ вольныхъ крестьянъ много превышало число крѣпостныхъ.

(Чичеринъ, „Ор. Ист. Р. Пр.“, стр. 39, — Градовскій, „Исторія Мѣстнаго Управленія“, стр. 143).

---

8) Бѣломѣстцы. Выраженія: „черно и бѣло“, „черная и бѣлая земля“, „черныя волости“—встрѣчаются въ древнѣйшихъ актахъ, но опредѣлительное, или, по крайней мѣрѣ, ясное значеніе они приняли только въ XVI и XVII столѣтіи и означали вообще податныя и неподатныя земли. Вопросъ въ томъ, составляли ли они, бѣлыя земли и ихъ владѣльцы—бѣломѣстцы, особый разрядъ и особое сословіе, пользовались ли извѣстныя категоріи земель и лицъ изъятіями отъ податей, сами собой по праву и обычаю, по установившимся порядкамъ? Мы полагаемъ, что первобытно всѣ земли, заселенныя и воздѣланныя, считались податными и назывались черными, а такъ какъ для пашни и обработки требовался земледѣлецъ, то всѣ крестьянскія угодья и были черныя; на чьей бы землѣ ни сидѣлъ крестьянинъ, если только земля распахана, или идетъ на сѣнокошеніе, то ее облагали данью и сборами. Бѣлыми считались въ этомъ первобытномъ значеніи дикія земли, пустыя, гдѣ не было жилья; ими вѣроятно тоже пользовались какъ крестьяне, такъ и частные владѣльцы для выгона, сѣнокоса, даже для пашни, и, вѣроятно, съ большими выгодами, чѣмъ на старинныхъ, болѣе или менѣе выпаханныхъ тягловыхъ угодьяхъ; но они въ оборотъ не включались, лежали въ сторонѣ, въ лѣсахъ, или отхожихъ пустошахъ, и были большею частью неизвѣстны и неизмѣрены. Такъ какъ черныя земли запрещалось продавать, то частныя лица пріобрѣтали большею частію такія пустоши, бѣлыя мѣста, потомъ ихъ заселяли, но продолжали пользоваться льготой первоначально присвоенной этимъ угодьямъ; затѣмъ, если окладчики наѣзжали

и открывали такіе новые выселки и запашки, то владѣльцы старались исходатайствовать себѣ грамоту на обѣленіе. Изъ этихъ двухъ источниковъ, изъ неизвѣстнаго завладѣнія и изъ жалованныхъ грамотъ набралось въ XVI и XVII столѣтіяхъ цѣлый многолюдный классъ бѣломѣстцевъ; разумѣется, бояре, окольничіе, стольники, патріархи и митрополиты прежде другихъ воспользовались царскими милостями, и уже при Романовыхъ боярскія земли считались вообще не черными: „а тѣ земли изстарины боярскія не черныя“; но большая часть этихъ бѣлыхъ мѣстъ состояла еще въ XVII столѣтіи изъ черныхъ лѣсовъ, дикихъ островов и рѣчекъ, пустыхъ заволокъ, займищъ, которыя не считались „ни за кѣмъ ни въ какихъ грамотахъ“. Но за частными владѣльцами, за монастырями и владыками были и черныя земли, съ которыхъ они платили подати и мірскіе разсчеты вмѣстѣ съ черными волостными крестьянами. Къ бѣломѣстцамъ причислялся не одинъ какой-либо классъ жителей, а всякаго званія и чина бѣлые люди, то-есть всѣ тѣ, которые не приписаны къ чернымъ волостямъ, какого бы они рода и происхожденія ни были. Многіе изъ нихъ, очевидно, принадлежали по своему состоянію и образу жизни къ низшимъ классамъ, ибо покупали (хотя это и было запрещено) крестьянскіе тяглые дворы, жили посреди деревень, и только, ссылаясь на свое званіе бѣлыхъ людей, не приписанныхъ къ волости, отказывались платить государственные и мірскіе сборы. Поэтому мы думаемъ, что черными назывались всѣ земли, населенныя крестьянами, а бѣлыми земли пустыя, но что, при постепенномъ заселеніи этихъ порожнихъ земель, многія изъ нихъ сохранили свою льготу и уклонялись отъ раскладки. Что крестьяне помѣщичьи не исключались изъ оклада, это видно изъ того, что у нихъ тоже опредѣлялась податная единица—соха; только она была у нихъ легче, чѣмъ въ черныхъ волостяхъ, гдѣ всѣ земли были тяглыя. Это коренное правило русскаго землевладѣнія, что налогу подлежатъ только заселенныя земли и ихъ обитатели, сохранилось до новѣйшихъ временъ, и было главною причиною оскудѣнія крестьянства и обогащенія дворянства. Когда въ XVII и XVIII столѣтіяхъ Россія пріобрѣла необъятныя степи, приволжскія, донскія и новороссійскія, а государи начали раздавать ихъ служилымъ людямъ, все-таки податными считались земли крестьянскія, привольные же черноземы и ковыль, жалуемые боярамъ и вельможамъ, оставались бѣлыми. Помѣщики, имѣя такой запасъ земель, надѣляли ими своихъ крестьянъ; но покуда они не прирѣзались къ крестьянской пашнѣ и считались отхожими угодьями, они не поступали въ окладъ, и отъ этого произошло, что помѣщичьи крестьяне особенно у знатныхъ господъ, пользовались несравненно бо́льшимъ привольемъ, бо́льшими угодьями, чѣмъ въ черныхъ волостяхъ и впослѣдствіи въ казенныхъ селеніяхъ. Когда, въ 1745 году, черносошные крестьяне были переименованы въ государственные, разореніе ихъ было полное, и это неудивительно, если вспомнить, что волости эти обирались въ теченіе столѣтій бѣломѣстцами, скупавшими тяглые участки, и казной, облагавшей ихъ двойнымъ и тройнымъ окладомъ противъ боярскихъ, церковныхъ и княжескихъ селъ.

---

[9]) Въ нѣкоторыхъ актахъ мы даже видимъ, что городскія и сельскія земли клались вмѣстѣ въ одинъ окладъ, въ однѣ сохи. Напримѣръ, въ новгород-

скомъ уѣздѣ велѣно давать оброка съ посадскихъ дворовъ по 18 алтынъ и столько же съ обжи, съ крестьянъ, живущихъ въ станахъ и волостяхъ, и во дворъ посадскій приказано считать ровно съ обжей. Въ посадѣ земли, приписанныя къ городу, считались по четвертямъ и сосѣднія деревни тянули въ одно тягло съ посадскими людьми.

---

[10]) Мы приняли для перевода древней поземельной мѣры на новый разсчетъ, выведенный лучшимъ знатокомъ древне-крестьянскаго быта, Н. Бѣляевымъ. Четверть или четь, пишетъ Бѣляевъ въ своемъ сочиненіи („Крестьяне на Руси“ страница 117), называлась тогда, въ XVII вѣкѣ, половина десятины, посему 4 чети въ полѣ, а въ „дву по тому—значитъ, что на крестьянскую выть полагается по нынѣшней мѣрѣ 2 десятины въ одномъ полѣ, а во всѣхъ трехъ поляхъ 6 десятинъ; въ средней землѣ на выть клалось 14 четвертей или 7 десятинъ, а въ худой 16 четвертей или 8 десятинъ.

Впрочемъ, нѣкоторые другіе изслѣдователи (Карновичъ, „Замѣчательныя богатства въ Россіи“, стр. 30), неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, принимаютъ четверть равною 1,72 десятинамъ въ пашенныхъ поляхъ, а въ дикихъ 2 десятинамъ. Въ дикихъ поляхъ, то-есть въ лугахъ, залежахъ, пустошахъ, едва ли существовала какая-либо поземельная мѣра. Земли эти, сколько намъ удалось изслѣдовать этотъ предметъ, измѣрялись, разумѣется примѣрно, копнами и кучами сѣна и опредѣлительной мѣры не имѣли. Поземельныя мѣры вездѣ соотвѣтствуютъ хлѣбнымъ и четверть поземельная соотвѣтствуетъ посѣву 1 четверти озимаго хлѣба; въ настоящее время на 1 казенную десятину высѣваютъ 8 четвериковъ ржи, но такъ какъ въ крестьянскомъ быту посѣвы всегда дѣлаются гуще, то мы полагаемъ, что разсчетъ Бѣляева вѣренъ и что на древнюю четверть, равную 1/2 хозяйственной десятины (1600 квадратныхъ саженъ), выходило дѣйствительно около 1 четверти ржи. Только здѣсь надо разумѣть не казенную десятину, въ 2400 квадратныхъ саженъ, а хозяйственную—въ 3200.

---

[11]) Этимъ замѣчательнымъ указомъ 1719 г. Петръ Великій самодержавно закрываетъ, можно сказать, періодъ древняго бродяжничества на Руси, прекращаетъ всѣ иски и тяжбы о бѣглыхъ людяхъ, узаконяетъ всѣ самовольные захваты и насильственные вызовы крестьянъ, и приказываетъ: a) переписать всѣ прибылые дворы наравнѣ съ старожилами; b) съ прихожихъ людей взыскать недоимки за всѣ годы, сколько ихъ числится за подлинными хозяевами, если они перешли куда жить; c) съ тѣхъ дворовъ, которые оставались пусты, и за пустошею не платили податей, недоимокъ отнюдь не править. Эта мѣра подтверждаетъ тоже мнѣніе, что Петръ при введеніи ревизіи вовсе не имѣлъ въ виду личной подати и подушнаго оклада, а только хотѣлъ привести въ извѣстность всѣхъ жителей, оставляя при томъ разверстку на прежнемъ положеніи, по дворамъ, если они не пусты, то-есть по „землѣ и водѣ“, если земли населены и воздѣланы, а воды, рыбные и другіе промыслы даютъ доходъ. Въ

этомъ указѣ онъ закрѣпляетъ всѣ подати за землей, въ чьихъ бы рукахъ она ни состояла, и заставляетъ новаго прихожаго хозяина платить всю недоимку, числящуюся на участкѣ, на крестьянскомъ дворѣ. Но еще болѣе замѣчательны мотивы, приведенные въ указѣ: „понеже“, пишетъ государь, „не всѣ еще крестьяне ушли на Донъ и въ Сибирь“; изъ этихъ словъ видно, что тяга крестьянъ на юго-востокъ была такъ сильна, что никакими мѣрами невозможно было остановить; далѣе прибавляется, что „большая часть, ушедъ отъ своихъ помѣщиковъ, живетъ за иными помѣщиками“; о первыхъ указъ и не заботился, государь и помѣщики махнули на нихъ рукой; они вѣроятно уже укрылись отъ преслѣдованій, поселились въ станицахъ и на заимочныхъ земляхъ, справляли подати или несли службу, и хотя и были по происхожденію бѣглые крѣпостные люди, но фактически сдѣлались вольными и притомъ собственниками занятыхъ ими земель. Указъ заботился только о второй категоріи бродягъ, которые ушли отъ однихъ господъ и живутъ за другими, и о нихъ сказано, что это большая часть; значитъ крестьяне находили столь же выгоднымъ переходить къ помѣщикамъ въ крѣпостное состояніе, какъ и уходить на волю въ Сибирь и на Донъ. Это еще разъ доказываетъ, что въ безправномъ и безначальномъ русскомъ обществѣ вольное состояніе очень мало отличалось отъ крѣпостного и что закрѣпленіе крестьянъ даже и въ началѣ XVIII столѣтія имѣло болѣе значенія права, крѣпости на землю, чѣмъ личной зависимости, тѣлесной принадлежности (Leibeigenschaft). На этомъ понятіи и основано распоряженіе Петра о взысканіи недоимокъ съ прибылыхъ людей, но не съ ихъ лица, не съ души, а съ двора, если онъ не пустъ. Принадлежность самого крестьянина, его тѣла и души помѣщику, очевидно, не признавалась Петромъ, если онъ приказываетъ переписать всѣхъ людей, гдѣ, кто и за кѣмъ живетъ.

ГЛАВА VIII.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

ОТДѢЛЪ 3.

Отъ смерти Петра Великаго до положенія о крестьянахъ 1861 г.

Постепенное закрѣпленіе крестьянъ въ XVIII стол. — Шаткое положеніе частнаго землевладѣнія. — Монастырскія и церковныя вотчины. — Увольненіе дворянства отъ службы. — Бѣгство и бродяжничество крестьянъ. — Крестьянскія возстанія въ первой половинѣ XVIII стол. — Запрещеніе подавать жалобы на господъ по указу 1767 г. — Вліяніе временщиковъ и царскихъ любимцевъ на укрѣпленіе крестьянъ. — Пожалованія имѣній при Елисаветѣ, Екатеринѣ, Павлѣ. — Раздача имѣній въ Малороссіи. — Общія заключенія: a) Полное крѣпостное право утвердилось въ Россіи только во второй половинѣ XVIII стол. b) Право полной преемственной собственности тоже установилось не ранѣе XVIII стол. c) Правительство имѣло въ Россіи очень мало вліянія на устройство поземельныхъ отношеній. — Русская аристократія образовалась изъ придворнаго дворянства. — Люди случайные. — Проекты крестьянской реформы въ царствованіе Александра и Николая. — Положеніе крестьянъ передъ ихъ освобожденіемъ. — Число и разряды помѣщиковъ.

Третій и послѣдній періодъ этого историческаго очерка мы проводимъ отъ смерти Петра I до манифеста 19 февраля 1861 года, и называемъ этотъ періодъ временемъ дворянской вольности и крестьянской неволи. Ни то, ни другое, ни вольность, ни неволя, не были формально узаконены, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи ни одно сословіе не пользовалось полными правами и ни одно не лишено ихъ было вовсе; но въ дѣйствительности, въ хозяйственномъ быту высшее знатное дворянство было во все это время всемогуще и воспользовалось этимъ могуществомъ для приведенія крестьянъ въ полное рабство.

Немедленно послѣ смерти Петра открылось уже новое направленіе въ дѣлахъ внутренней политики; она перешла въ руки временщиковъ и знатныхъ дворянъ и въ то же время подчинилась иноземнымъ вліяніямъ и воззрѣніямъ.

Въ 1727 году Екатерина I созвала верховный совѣтъ изъ „шляхетства и знатныхъ особъ и персонъ“, и велѣла пересмотрѣть положеніе о подушной подати, чтобы рѣшить вопросъ, какъ взимать платежи, „съ души ли, или по примѣру другихъ государствъ, особенно какъ обычай въ Швеціи, съ рабочаго“. Всемилостивѣйшая государыня вѣроятно не знала, что шведскій обычай издревле существовалъ въ Россіи, и что слова: тягло, тяглецъ, означали въ ея имперіи то же самое, что рабочій въ Швеціи.

Съ этого же времени начинается послѣдовательное и неуклонное стремленіе къ расширенію помѣщичьей власти и стѣсненію крестьянъ. Цѣлымъ рядомъ указовъ съ 1725 по 1760 г., со смерти Петра до воцаренія Екатерины II, довершено было полное, безусловное порабощеніе русскаго народа.

1729 года (указомъ 26 марта) повелѣно всѣхъ кабальныхъ людей, жившихъ за господами по срочнымъ и уголовнымъ записямъ, записать за помѣщиками въ вѣчное владѣніе.

Того же года (указомъ 16 іюня) приказано государевыхъ вольныхъ людей, если они не годны къ службѣ, отдавать въ крѣпостное владѣніе тѣмъ, которые ихъ запишутъ за собой въ подушный окладъ, а если таковыхъ не найдется, то ссылать ихъ въ Сибирь на поселеніе.

1730 года (указомъ 25 октября), въ отмѣну прежнихъ указовъ, запрещено боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія.

1742 года по указу императрицы Елисаветы послѣдавала вторая ревизія; въ инструкціи къ указу (§ 7) разъяснено, что держать крѣпостныхъ дозволяется и такимъ господамъ, у которыхъ нѣтъ деревень, что они должны приписывать ихъ къ домамъ и дворамъ, и только считать ихъ отъ крестьянъ особо, но подушные велѣно платить и за нихъ, а если за такими приписными дворовыми накопится недоимки болѣе годового оклада, то сдавать ихъ другимъ дворянамъ изъ пла-

тежа подушнаго оклада. 16-мъ § той же инструкціи право приписки людей еще значительно расширено: всѣмъ разночинцамъ (то-есть такъ-называемымъ государевымъ вольнымъ людямъ) приказывается отыскивать городскія общества и цехи, или фабрики и заводы или помѣщиковъ, кто ихъ изъ платежа подушныхъ захочетъ взять, а если никто не возьметъ, то всемилостивѣйше приказывается отсылать такихъ людей въ Сибирь или на казенные заводы.

Но мало было и этихъ притѣсненій; правители этого времени, знатныя особы и персоны, неусыпно слѣдили за погашеніемъ и прекращеніемъ всѣхъ правъ, коими пользовалось еще крестьянство, и вездѣ, гдѣ открывали какое-либо дѣйствіе, еще незапрещенное крѣпостнымъ людямъ, спѣшили дополнить пропускъ и отмѣнять послѣднія вольности, которыя еще были имъ предоставлены по старымъ обычаямъ.

Указами 1731 года лишены крестьяне права вступать въ подряды и держать откупа; 1734 года запрещено имъ заводить суконныя фабрики; 1746 года (указомъ 14 марта) купечеству и всякаго званія людямъ, кромѣ благородныхъ, запрещено покупать крестьянъ съ землей и безъ земли; 1747 года (указомъ 4 декабря) дозволено помѣщикамъ продавать крестьянъ въ рекруты, съ обязательствомъ платить за нихъ подушныя деньги. 1758 года (указомъ 6 февраля) велѣно отобрать имѣнія у всѣхъ служилыхъ людей, которые вступили въ службу не изъ шляхетства; 1760 года (указомъ 1 ноября) дозволено дворянамъ приписывать крѣпостныхъ людей и къ арендной или нанятой землѣ, хотя бы она не составляла ихъ собственности. Наконецъ, указомъ 13 декабря того же 1760 года, даровано было благородному дворянству право ссылать людей въ Сибирь, съ зачетомъ ихъ въ рекруты и съ полученіемъ отъ казны денегъ на провозъ и путевые расходы. Этотъ указъ составляетъ послѣднее звено длинной цѣпи, сковавшей русское крестьянство, или, вѣрнѣе сказать, опутавшей все сельское сословіе сѣтью разнорѣчивыхъ, легкомысленныхъ, случайныхъ узаконеній, которые подписывались самодержцами и государынями въ угоду своимъ любимцамъ и любовникамъ, и часто противорѣчили ихъ собственнымъ видамъ и умысламъ.

Власть, предоставленная помѣщикамъ въ силу этого указа,

была дѣйствительно чрезвычайная: отъ нихъ не требовалось никакихъ уликъ и доказательствъ какой-либо виновности крестьянъ; они прямо заявляли желаніе отдать человѣка на поселеніе съ женой и дѣтьми, и если человѣкъ оказывался годнымъ къ работѣ и не старѣе 45 лѣтъ, то велѣно было его принимать, а помѣщикамъ и ихъ приказчикамъ давать квитанцію для зачета въ будущіе наборы; которые изъ тѣхъ людей женаты, отдавать съ женами, а за малолѣтнихъ дѣтей, если помѣщики пожелаютъ ихъ отправить съ отцами, платить отъ казны до 5 лѣтъ 10 рублей, отъ 5 до 15—20 рублей, а за сыновей старше 15 лѣтъ зачитывать рекрута. Милостивое вниманіе къ интересамъ землевладѣльцевъ простерлось даже на дѣтей женскаго пола, незаписанныхъ въ ревизію, за которыхъ велѣно выплачивать противъ мужского пола въ половину.

Такимъ образомъ, при восшествіи на престолъ императора Петра III и его благовѣрной супруги, черезъ 35 лѣтъ послѣ Петра Великаго, довершено было великое дѣло закрѣпощенія крестьянъ, и самая послѣдовательность приведенныхъ выше запретительныхъ указовъ доказываетъ, что до того времени, до 1725—1760 годовъ, дѣйствія эти не были запрещены и крестьяне, хотя и закрѣпленные къ землѣ, пользовались правами, коихъ лишены были именными указами императрицъ.

Впрочемъ, послѣдовательнаго и обдуманнаго плана не было и въ этихъ мѣропріятіяхъ; они принимались то по внушеніямъ отдѣльныхъ воеводъ и царедворцевъ, жаловавшихся на безпорядки; то по ходатайству царскихъ любимцевъ, ходатайствовавшихъ о расширеніи своей власти. Иногда законодатели смягчались и издавали указы милостивые для крестьянъ. Въ 1748 году (указомъ 13 февраля) дозволено крестьянамъ опять торговать въ селахъ и деревняхъ всякими товарами и записываться въ купечество. Въ 1754 году (указомъ 11 марта) изданы правила о припискѣ крѣпостныхъ людей къ горнымъ заводамъ и приказано употреблять ихъ на работы въ 3 смѣны, оставляя двѣ доли въ домахъ для исправленія своихъ работъ.

Разрѣшая и узаконяя всякія злоупотребленія помѣщичьей власти, правительство въ то же время по другимъ указамъ

какъ будто считало еще крестьянина неразлучнымъ съ землей, и признавало за нимъ право собственности. Указомъ 12 ноября 1760 года повелѣно дворовыхъ людей и крестьянъ, записанныхъ безъ земли, переводить въ ближайшія конфискованныя имѣнія и опредѣлять ихъ на пашню, дабы они, сказано въ указѣ, за неимѣніемъ земли не могли впасть въ худые проступки, а престарѣлые не ходили бы по міру.

И въ томъ же указѣ также установлено, чтобы при продажѣ за долги господскихъ имѣній съ публичнаго торга крестьянское собственное имѣніе оставлять въ ихъ волѣ.

Точно также двусмысленно и неопредѣленно было еще въ началѣ XVIII столѣтія право частнаго землевладѣнія, и здѣсь мы можемъ убѣдиться, что реформы Петра I объ уравненіи вотчиннаго владѣнія съ помѣстнымъ имѣли послѣдствіемъ не консолидацію вотчинныхъ правъ, а напротивъ пріурочеціе ихъ къ помѣстному владѣнію. По указу 1713 года, какъ мы выше видѣли, уничтожено было различіе между вотчиной и помѣстьемъ, но только въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ и другихъ полагалась служба, и въ случаѣ неявки владѣльца тѣ и другія отбирались въ казну.

Анна Іоанновна указомъ 17 марта 1731 года хотѣла, повидимому, измѣнить смыслъ этого закона и „милосердуя о своихъ вѣрныхъ подданныхъ“, пожаловала, повелѣла впредь съ сего указа, именовать, какъ „вотчины, такъ и помѣстья, всѣ безъ различія — вотчинами“, вѣроятно придавая этому названію смыслъ наслѣдственнаго родового имущества.

Но, должно быть, смыслъ этотъ былъ для всѣхъ русскихъ того времени, государей и вѣрноподданныхъ, еще очень теменъ, ибо при той же императрицѣ издано много указовъ, подтверждавшихъ обязательность службы для всѣхъ, какъ вотчинниковъ, такъ и помѣщиковъ, подъ страхомъ конфискаціи имѣній; въ герольдію переданы дѣла прежняго помѣстнаго приказа съ такой инструкціей, чтобы держать списокъ всѣхъ дворянъ взрослыхъ и недорослей, и послѣднихъ отсылать для воспитанія въ гарнизонныя школы, гдѣ они содержались вмѣстѣ съ солдатскими дѣтьми и откуда отсылались въ полки при достиженіи совершеннолѣтія.

Около того же времени (1733—1744 гг.) цѣлымъ рядомъ узаконеній установлены и подтверждены правила поступленія дворянъ съ помѣстій на службу, изъ коихъ видно, что служилое значеніе недвижимой собственности признавалось еще тогда въ полной силѣ. 1) Приказано недорослей, у которыхъ за отцами нѣтъ деревень, не высылать въ Петербургъ, а записывать въ армейскіе полки, также и такихъ, у которыхъ менѣе 20 душъ, а прочихъ, ниже 12 лѣтъ, отпускать въ домы, а 12—15 лѣтъ отсылать въ адмиралтейство. 2) Недорослей съ 7-лѣтняго возраста представлять въ губернію губернаторамъ, для свидѣтельствованія ихъ въ наукахъ, а въ Петербургѣ въ герольдію, и опредѣлять на службу по достиженіи 20 лѣтъ. 3) Тѣхъ шляхтичей, которые за болѣзнями и ранами къ службѣ негодны, отпускать домой, а вмѣсто ихъ брать по рекруту съ каждыхъ 100 душъ, причемъ еще дѣлается разсчетъ: съ помѣщиковъ менѣе 20 душъ не брать ничего; за которыми 30—50 душъ брать деньгами 20 рублей; за которыми 50—70 душъ—30 рублей, а съ 70 душъ и до 100 брать рекрута натурой.

Наконецъ, указами 11 декабря 1742 года и 7 августа 1744 года, еще разъ, и кажется уже въ послѣдній, подтверждено древнее основное правило русскаго землевладѣнія, что за отъѣздъ изъ государевой службы, за неявку и утайку недорослей, за праздное житье въ деревняхъ и домахъ у владѣльцевъ отписываются въ казну ихъ имѣнія или отбираются дѣти насильно.

Въ 1764 году 26 февраля изданъ былъ манифестъ, прекратившій владѣніе монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ и положившій такимъ образомъ конецъ одному изъ главныхъ видовъ землевладѣнія въ Россіи. Мы о немъ не упоминали въ предъидущихъ главахъ, потому что, какъ соціальный элементъ, наши церковь и духовенство не занимаютъ особаго мѣста въ общемъ строѣ нашей земли, и что всѣ слѣды этого рода владѣнія стерлись однимъ почеркомъ пера великой государыни. Но для характера нашей собственности любопытно бросить взглядъ на церковное владѣніе, которое до XVIII столѣтія было въ Россіи единственно крупное, и могло бы

поэтому придать особую силу духовенству, еслибъ аристократическому и клерикальному элементу суждено было освоиться въ нашемъ отечествѣ.

Церковныя имѣнія у насъ, какъ и въ западной Европѣ, произошли отъ отказовъ въ пользу монастырей и церквей княжескихъ и частныхъ имѣній и изъ превращеній прежнихъ натуральныхъ сборовъ (десятины) въ поземельные доходы и имущества. Древнѣйшія грамоты о пожалованіи земель относятся и къ святѣйшимъ, наиболѣе значительнымъ монастырямъ и лаврамъ, Юрьеву монастырю (грамота Мстислава Владиміровича, 1128), Кіевопечерскому (грамота Андрея Боголюбскаго, 1159). Послѣ татарскихъ и литовскихъ разореній, церковныя имѣнія много оскудѣли, и духовенство постоянно обращается къ великимъ князьямъ съ просьбами о помощи. Но уже въ XV столѣтіи прежняя благочестивая ревность князей уступаетъ правительственнымъ ихъ видамъ и разсчетамъ; съ одной стороны, они запрещаютъ дальнѣйшую раздачу черныхъ волостей церквамъ, съ другой — стараются уничтожить льготы, предоставленныя духовенству отъ государевыхъ даней и оброковъ. Іоаннъ III, созвавъ особый соборъ въ 1500 году, прямо запретилъ раздачу земель монастырямъ. Можно сказать, что съ этого времени начинается долговѣчная борьба русскихъ государей съ духовенствомъ о землевладѣніи, окончившаяся въ 1764 году. Митрополиты и владыки протестуютъ; митрополитъ Симеонъ, въ отвѣтъ на соборное постановленіе 1500 года, пишетъ Іоанну III, „что отъ перваго равноапостольнаго великаго князя Константина и матери его Елены, да и понынѣ святители и монастыри имѣли власти, грады, слободы и села, и держали суды и управы, оброки и дани;—а нынѣ, хотя они земли и держатъ, но отдавать ихъ не смѣютъ“. На это князья отвѣчали, „что они во все будутъ вступаться и требовать денегъ, что въ случаѣ отказа настоятеля, ихъ будутъ „кнутомъ бити“, что воленъ государь „въ своихъ монастыряхъ, хочетъ жалуетъ, хочетъ грабитъ“. Приводились также и болѣе мягкіе аргументы: въ 1531 году какой-то старецъ Вассіанъ имѣлъ преніе съ митрополитомъ Даніиломъ и утверждалъ, „что въ евангеліи писано, не велѣно селъ монастырямъ держати“.

Въ 1551 году Іоаннъ IV соборнымъ приговоромъ окон-

чательно прекратилъ ихъ словопренія, постановивъ, чтобы монастыри впредь частныхъ земель не покупали, чтобы неправильно присвоенныя ими помѣстныя и черныя земли были отданы тѣмъ, за коими были изстари, а на содержаніе монастырей назначалъ имъ получать ругу. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Твери, Торжкѣ, Рязани и другихъ), гдѣ уже прежде великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ запрещено было отдавать земли безъ доклада государю, отданныя земли были отобраны въ казну. Наконецъ, въ 1580 году еще разъ былъ созванъ по этому дѣлу соборъ въ Москвѣ, еще разъ подтверждены запрещенія перваго собора и, кромѣ того, приказано отобрать у монастырей „княжескія вотчины" и помѣстья ими пріобрѣтенныя, потому что отъ этого отчужденія помѣстныхъ земель „воинственному чину происходитъ оскудѣніе веліе".

Такимъ образомъ права собственности монастырей были уже по существу отмѣнены въ XVI столѣтіи, но это не помѣшало святымъ обителямъ размножать свои владѣнія другими способами, изъ коихъ главные были — пожалованія и даръ на душу или въ вѣчный поминокъ. Въ то же время, какъ одной рукой великій государь отбиралъ монастырскія вотчины, другой онъ милостиво жаловалъ ихъ тарханными грамотами „на всѣ села и деревни, починки, пустоши и селища, которые записаны въ книгахъ Бѣлозерскаго и Вологодскаго уѣздовъ, какъ прежъ сего владѣли". Отказы на вѣчный поминокъ служили также обильнымъ источникомъ для пріобрѣтенія новыхъ владѣній, тѣмъ болѣе, что, пользуясь тарханными, льготными грамотами, монастыри населяли свои обширныя вотчины бѣглыми людьми со всѣхъ концовъ русской земли. Въ 1585 году царь Ѳедоръ Іоанновичъ запретилъ-было давать новые тарханы и съ 1-го сентября того же года приказалъ брать подати и съ монастырей, прежде бывшихъ свободными; но соблюдались ли эти повелѣнія и запрещенія, равно какъ и прежнія соборныя постановленія 1551 и 1580 года, это сомнительно. Въ половинѣ XVII столѣтія, церковныя земли все еще расширялись, и за монастырями и владыками считалось по свидѣтельству Котошихина 117,000 дворовъ; это соотвѣтствуетъ 400,000 крестьянамъ мужского пола. Въ 1648 году царю Алексѣю Ми-

хайловичу подана была челобитная „отъ всѣхъ выборныхъ людей всея земли“, чтобы государь приказалъ отобрать у властей и монастырей земли, купленныя послѣ и вопреки указа 1580 года, и раздать ихъ дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ; вслѣдствіе того назначено было разобрать дѣло думнымъ дьякамъ и помѣстному приказу, но, кажется, при этомъ разбирательство и осталось, а заключенія не послѣдовало. Въ уложеніи только подтверждается едва ли не въ третій или четвертый разъ—вотчинъ и помѣстій монастырямъ не покупать. Въ то же царствованіе въ 1672 году назначено раздать духовенству изъ дикихъ полей: патріарху 2000 четвертей, митрополитамъ и епископамъ по 1200, архимандриту Троицко-Сергіевскому 900, другимъ духовнымъ лицамъ, поименованнымъ въ указѣ, отъ 500 до 800.

Въ московскомъ уѣздѣ велѣно отмежевать на приходскія церкви изъ селъ и деревень по 20 четвертей, если мірской земли 600 четвертей, по 15—если 100—500 четвертей, по 10—если менѣе 100, причемъ приказано церковныя земли отводить сряду, а не чрезъ полосу.

Такимъ образомъ, до Петра Великаго церковныя имущества раздѣляли общую участь землевладѣнія въ Россіи.

Они существовали, размножались фактически, но формальнымъ правомъ собственности духовенство, ни по закону, ни по народному сознанію не пользовалось. По крайней мѣрѣ право это постоянно оспаривалось и колебалось, то словами евангелія—что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть селами, то просьбами выборныхъ людей всея земли, о раздачѣ имъ, дворянамъ, церковныхъ вотчинъ, то распоряженіями царей и даже духовныхъ соборовъ, отбиравшихъ земли, купленныя владыками и игуменами на наличныя деньги.

Право мірского землевладѣнія и власти духовенства (pouvoir temporel), очевидно, не имѣло основы въ русской землѣ, точно такъ, какъ право родовой, потомственной собственности, и само духовенство это признавало. Митрополитъ Кипріанъ въ 1390 году пишетъ игумену Аѳанасію: „когда чернецъ обяжется селами и мірскими попеченіями, тогда потребно ему къ князямъ ходити и властей и судилищъ

искати, и трудъ великій подымать, оставляя свои правила, а потому", заключаетъ митрополитъ, „пагуба чернецамъ владѣть селами".

Государи, хотя и богобоязливые, выражались еще съ бо́льшею строгостію: „проклято есть", пишетъ Іоаннъ IV къ святѣйшему Гурію, „видѣть монаховъ, строющихъ мірскія богатства, а нынѣ мы видимъ, что всѣ они, и стары, и млады — ищутъ власти отъ царя, имѣній отъ бояръ, чести и поклоненій отъ убогихъ".

Но эти упреки, выговоры, угрозы имѣли также мало дѣйствія на духовенство, какъ и запрещеніе вотчинникамъ перевозить людей, или покупать земли изъ черныхъ волостей. Духовныя власти, какъ и свѣтскія, продолжали вкушать запрещенныхъ плодовъ и прельщаться ими, не внимая гласу народа и повелѣніямъ государя.

Въ 1701 году Петръ Великій опять подтвердилъ запрещеніе продавать земли монастырямъ, назначилъ монахамъ денежное и хлѣбное содержаніе и приказалъ изъ остатковъ дохода съ монастырскихъ земель кормить нищихъ „ради лучшихъ исполненій монастырскихъ обѣтовъ" (указъ 11 марта 1701 года). Былъ ли этотъ указъ соблюдаемъ строже прежнихъ? Удовольствовались ли иноки жалованьемъ въ 10 рублей и 10 четвертями хлѣба? Содержали ли они нищихъ и бѣдныхъ по повелѣнію Петра? Врядъ ли; во всякомъ случаѣ монастырскія владѣнія не оскудѣли, и при Екатеринѣ число крестьянъ этихъ имѣній простиралось до 918,000 ревизскихъ душъ, которыя и были переименованы въ государственныхъ крестьянъ.

Мы выше сказали, что до царствованія Петра III и Екатерины крестьяне еще не были лишены безусловно всѣхъ прежнихъ своихъ вольностей, и, съ другой стороны, дворянство не было формально введено во владѣніе своихъ вотчинъ и помѣстій; между ними были еще нѣкоторыя связи: крестьянство было прикрѣплено къ землѣ, дворянство къ службѣ; оба сословія были податныя: одно платило подати, другое служило въ полкахъ, дворянскія дѣти, смотря по

возрасту, записывались за полнаго рекрута или выкупались деньгами 20 — 30 рублей.

Для того, чтобы основать, по примѣру другихъ странъ, по образцу цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, прочное право собственности въ знатныхъ фамиліяхъ, оставалось еще сдѣлать одинъ шагъ — снять съ благороднаго дворянства обязанность служить своему отечеству, перенести все государственное тягло на низшій классъ народа и поставить право родового и потомственнаго землевладѣнія выше всякихъ условій и обязательствъ.

Къ этому и приступлено было съ восшествія на престолъ Петра III. Манифестомъ 18 февраля 1762 года объявлено, что россійскому благородному дворянству жалуется на вѣчныя времена и въ потомственные роды вольность и свобода; что всѣ находящіеся на службѣ дворяне могутъ продолжать ее сколь долго пожелаютъ, и сколько состояніе ихъ это дозволитъ; что они вольны также принимать службу и въ европейскихъ союзныхъ намъ державахъ, и, наконецъ, что имѣнія у нихъ конфискуются только въ томъ случаѣ, если они по вызову изъ чужихъ краевъ на службу не явятся.

Замѣчательно однако, что эта первая попытка освобожденія дворянства повидимому не имѣла успѣха; вѣроятно служащіе дворяне слишкомъ внезапно воспользовались своими новыми вольностями, не пожелали продолжать службы и разъѣхались изъ полковъ по деревнямъ; какъ бы то ни было, по этимъ ли, или по другимъ соображеніямъ, но уже въ слѣдующемъ 1763 году указомъ 11 февраля вольность дворянства, дарованная ему ровно за годъ передъ тѣмъ на вѣчныя времена, отмѣнена была Екатериной II. Дѣйствіе манифеста Петра пріостановлено и наряжена коммиссія для разсмотрѣнія дѣла; коммиссія разсматривала его повидимому очень долго, и вольность дворянства была пріостановлена едва ли не до самой грамоты 1785 года.

Еще въ 1774 году изданъ былъ указъ 24 февраля, въ коемъ подтверждалось записывать дворянскихъ дѣтей (правда, только неимущихъ) въ гарнизонные баталіоны, отпускать на каждаго въ годъ по 5 рублей 32 копѣйки (не много!) и, по возрастѣ, опредѣлять ихъ въ военную службу.

Такимъ образомъ колебанія правительства продолжались

до самаго конца XVIII столѣтія, до дворянской грамоты 1785 года, но эти колебанія, эти измѣненія и отмѣны, относились только до мелкопомѣстнаго дворянства, до дворянъ неимущихъ, о коихъ и упоминается особо въ указѣ 1774 года. Знатное и придворное дворянство пользовалось уже съ самой смерти Петра I не только полною вольностью, но и неограниченнымъ самовластіемъ; оно обирало казну, крестьянъ и бѣдныхъ дворянъ; оно занимало всѣ высшія должности, служило въ гвардіи и при дворѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ, и въ то же время заставляло мелкихъ помѣщиковъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ гарнизонные баталіоны, и сдавать ихъ въ рекруты со 100 душъ по одному [2]).

Между тѣмъ политика, преслѣдуемая государями и высшимъ дворянствомъ, начинала уже приносить свои горькіе плоды. Народъ, окончательно смущенный колебаніями верховной власти, озлобленный притѣсненіями помѣщиковъ, рѣшительно отказался вѣрить, чтобы претерпѣваемыя имъ угнетенія исходили отъ государя. Онъ поднялся сплошною массою и потянулъ на востокъ; сначала мирно и послушно, занимая, хотя и безъ спроса, кочевники и улусы татарскихъ племенъ и пустыя земли финскихъ инородцевъ, затѣмъ, въ половинѣ XVIII ст., самовольно и буйно отстаивая свое старинное право вольнаго перехода, и бушуя на всемъ необъятномъ пространствѣ, отъ Урала и Камы до Каспійскаго и Чернаго морей. Мы выписываемъ слѣдующее описаніе изъ замѣчательной статьи Ешевскаго, „Русская колонизація“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“.

„Съ незапамятныхъ временъ“, пишетъ Ешевскій, „на обширныхъ степяхъ нашего дальняго Востока, жили, съ одной стороны, на сѣверѣ пріуниженные дикари финской расы, съ другой, на нижнихъ частяхъ Волги и Дона, орды кочевниковъ. Съ первыми, по ихъ слабодушію и беззащитности, легко было справиться; со вторыми не трудно было условиться объ уступкѣ земель, такъ какъ они ими не дорожили и владѣли номинально. Этотъ привольный край уже издавна служилъ главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ недовольныхъ; колонизація Перми и Вятки началась еще въ XII столѣтіи нов-

городскими выходцами. Вѣче и князь не участвовали въ этомъ движеніи; толпы новгородской молодежи шли зачастую „безъ новгородскаго слова“ искать промысловъ и приключеній, сходились артелями, иногда и разбойничали ватагами. Въ 1170 году взяли съ бою устье Каликъ и основали городъ Вятку; въ 1371 году разграбили Кострому и Ярославль; въ 1193 году наложили дань на инородцевъ пермской и югорской областей. Буйство и своеволіе новгородской вольницы надолго оставались въ характерѣ вятчанъ; не признавая зависимости отъ метрополіи, только по имени повинуясь великимъ князьямъ, Вятка управлялась атаманами и выборными, по свидѣтельству Герберштейна, служила постояннымъ притономъ для бѣглецовъ и сдѣлалась для сѣверной Россіи такимъ же центромъ пристанодержательства и бродяжничества, какъ Тмутаракань на югѣ. Вятская вольница отзывалась на призывъ каждаго, кто сулилъ ей добычу и поживу, нанималась у Шемяки въ борьбѣ его съ Василіемъ Темнымъ, высылала молодцовъ все далѣе и далѣе къ Уралу и за Уралъ, для приведенія новыхъ данниковъ „подъ поруку великаго Новгорода“, но, разумѣется, рука Новгорода такъ далеко не хватала, и атаманы были сильнѣе во всемъ краѣ, чѣмъ князья новгородскіе и государи московскіе“.

„Впрочемъ, новыя поселенія имѣли также и нѣкоторое образовательное значеніе: христіанское ученіе шло рука объ руку съ буйными шайками русскаго люда; монастырь или церковь, острогъ или станъ—вотъ два постоянные центра, около которыхъ собирается осѣдлое населеніе: къ благочестивому пустыннику, поселившемуся въ неприступномъ скитѣ, сходится братія, является потребность храма для богослуженія, потребность обезпечить пустынножителей; старцы слали къ великому князю просьбу, просьбу о разрѣшеніи имъ строить монастырь и созывать братію. Монастырь становился центромъ небольшого земледѣльческаго поселенія, вклады по души увеличивали его земельное владѣніе“. (Русская колонизація, Ешевскаго, „Вѣстникѣ Европы“. 1866. Т. I).

Подвижничество смиренныхъ иноковъ имѣло огромное вліяніе на колонизацію Россіи. Все Поморье, вся необъятная Пермія, была уже занята монахами, заселена рус-

скими выходцами задолго до присоединенія къ русскому царству.

Правительство мало участвовало въ этой первобытной заимкѣ. Своевольныя поселенія новгородской вольницы, построеніе христіанскихъ обителей предшествовали заселенію правительства, дѣйствія коего ограничивались признаніемъ правъ поселенцевъ, уступкою имъ пустыхъ земель и дачею нѣкоторыхъ льготъ отъ сборовъ и даней. Уступка эта дѣлалась примѣрно, огульно, по показаніямъ самихъ поселянъ; такъ надѣлено было Строгановымъ по Камѣ рѣкѣ пустого мѣста 146 верстъ, на томъ основаніи, „что они-де сказывали, что къ ихъ вотчинѣ по обѣ стороны Камы, лежащей 88 верстъ ниже великой Перміи, примыкаютъ еще вверхъ по рѣкѣ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки дикія, острова и поволоки пустые, и что всего-де такого пустаго мѣста въ длину 146 верстъ“.

Послѣ покоренія Казани и распространенія предѣловъ русскаго царства на востокъ, колонизаціонное движеніе уклонилось на юго-востокъ. Оно получило въ XVII столѣтіи новую силу отъ двухъ главныхъ причинъ: прикрѣпленія крестьянъ и раскола. Правительство было поставлено между двумя противоположными интересами: съ одной стороны оно запрещало переходы и преслѣдовало раскольниковъ; съ другой— заботилось о заселеніи новыхъ областей и не хотѣло препятствовать переселеніямъ. Отсюда открывается двойственная политика запрещеній и разрѣшеній, строгостей и послабленій, которыя обратили все приволжье въ притонъ бѣглыхъ и бродягъ.

Съ XVII столѣтія принимаются дѣятельныя мѣры въ казанскихъ областяхъ для защиты края отъ финско-татарскихъ племенъ, являются укрѣпленныя черты, военныя поселенія, испомѣщаемыя людьми служилыми: по средней Волгѣ строются города; съ одной стороны, все усиливается приливъ такъ называемыхъ сходцевъ, т.-е. бѣглецовъ, уходящихъ отъ новыхъ порядковъ московскаго царства; съ другой, сами государи московскіе поощряютъ эти самовольные выходы для обезопасенія края. Къ этому присоединились и раскольничьи смуты. Соловецкій монастырь сдѣлался центромъ движенія, и послѣдователи старой вѣры потянули массами на Бѣлое

море. Послѣ усмиренія мятежа въ соловецкихъ монастырскихъ вотчинахъ сходцы стали переходить на среднюю Волгу; въ однихъ лѣсныхъ уѣздахъ нижегородской губерніи, въ Черноременьѣ и на Керженцѣ, считали бѣглыхъ поселянъ до 40,000, которые жили совершенно осѣдло и спокойно; въ саратовской губерніи, на Иргизѣ, былъ другой пунктъ поселенія старовѣровъ и сходцевъ; въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія вся восточная окраина отъ Бѣлаго моря до низовья Камы была укрыта раскольничьими скитами и слободами.

Въ то же время развивался въ другой сторонѣ другой видъ владѣнія и поселенія такихъ же бѣглыхъ — казаковъ. Слово „казакъ“ означало и означаетъ по сіе время непашеннаго, нетяглаго крестьянина, проживающаго въ услуженіи у другого, крестьянина-хозяина; понятно, что покуда переходъ былъ вольный, эти вольные государевы люди жили въ Россіи безбѣдно и разгульно, подвижность была издавна коренная черта ихъ скитальческаго быта; разбрестись розно—такъ называли они дѣйствіе самовольной отлучки, бродяжничества. Когда послѣдовало запрещеніе переходовъ, они толпами скопились въ южныхъ окраинахъ Россіи, и образовали донское, запорожское, уральское казачества.

Такимъ образомъ, изъ двухъ источниковъ, открывшихся въ XVII столѣтіи, крѣпостного права и раскола, потекла живая и бурная струя переселенцевъ, бѣгуновъ, странниковъ, казаковъ, сходцевъ, которые усиливались по мѣрѣ введенія новыхъ лучшихъ порядковъ въ коренной Россіи, и въ царствованіе Петра достигли уже грозныхъ размѣровъ. По показанію военной коммиссіи, изъ податныхъ людей, приписанныхъ къ флоту и арміи, въ теченіи 8 лѣтъ, съ 1719 по 1727 годъ, оказалось въ бѣгахъ 198,876. Движеніе это особенно усилилось послѣ второй ревизіи; въ 1742 году сенатъ доносилъ, что много имѣній совершенно запустѣло; въ одномъ уѣздѣ Переяславско-Залѣсскомъ оказалось опустѣлыхъ помѣщичьихъ деревень 68; бывали деревни, въ которыхъ и сами помѣщики бѣжали вмѣстѣ съ своими крестьянами. Уходъ крестьянъ былъ особенно силенъ изъ подмосковныхъ губерній, и сдѣлался тамъ явленіемъ общимъ; крестьяне уходили не только изъ помѣщичьихъ имѣній, но

также изъ дворцовыхъ, монастырскихъ, архіерейскихъ; одна сѣверная полоса составляла исключеніе, потому что только тамъ сохранились послѣдніе остатки вольной сельской общины и мірского землевладѣнія, въ такъ-называемыхъ черносошныхъ волостяхъ. При второй ревизіи въ 1748 году, въ двухъ губерніяхъ, бѣлгородской и воронежской, однихъ однодворцевъ показано въ бѣгахъ 10,423. Въ половинѣ XVIII столѣтія это движеніе распространилось на всѣ окраины Россіи; наши раскольники и крестьяне бѣгали и въ Швецію, и въ Польшу, и въ остзейскій край; въ 1740 году учреждена была коммиссія для отысканія русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и въ Эстляндіи; дѣйствія ея продолжались 13 лѣтъ, и совершенно безуспѣшно: бѣглецы не отыскивались; лифляндцы говорили, что если имъ выдать всѣхъ, то тамошнимъ мызамъ будетъ разореніе.

Уходили православные и къ ляхамъ; въ 1725 году смоленскій губернаторъ доносилъ, „что крестьяне два раза многолюдствомъ бѣжали за польскій рубежъ съ бердышами и съ рогатками и съ дубьемъ сильнымъ“.

Въ 1742 году въ докладѣ сената сказано, что крестьяне смоленской и сосѣднихъ губерній уходятъ въ Польшу цѣлыми деревнями. Въ черниговскихъ раскольничьихъ слободахъ устроились сборныя мѣста для бѣглецовъ всякаго рода, не только раскольниковъ, но и всякихъ разночинцевъ, которые записывались въ слободы, какъ пишетъ одинъ управитель, для единой вольности укрываясь отъ помѣщиковъ и не будучи раскольниками. Такимъ образомъ, крѣпостное право и помѣщичья власть сдѣлались въ Россіи апостолами раскольничьяго изувѣрства и питательными вѣтвями раскольничьихъ толковъ и сектъ, отпавшихъ отъ православной церкви.

Но стремленіе сходцевъ къ западу, въ Польшу и остзейскій край, имѣло другое значеніе, чѣмъ переселенія на востокъ; это были отчаянные порывы бѣдняковъ, уходившихъ отъ притѣсненій русскихъ властей, порывы безсмысленные, ибо въ этихъ краяхъ они находили еще болѣе горькую участь, чѣмъ та, отъ которой бѣжали, и обращались въ хлопцевъ и батраковъ пановъ и бароновъ.

Главный притонъ сходцевъ былъ на востокѣ, и въ поло-

винѣ XVIII стол. онъ принялъ размѣры народнаго переселенія; здѣсь это движеніе имѣло опредѣленные смыслъ и цѣль; на Дону, въ Астрахани, Оренбургѣ, по Волгѣ и Камѣ, въ Перми и Поморьѣ возникли многолюдные села, слободы, станицы, и всѣ на началахъ вольнаго и мірского землевладѣнія.

Затѣмъ открывается послѣдній эпизодъ введенія въ Россіи крѣпостного права—это крестьянскія возстанія; они принимаютъ мало-по-малу характеръ общаго бѣгства изъ-подъ власти новыхъ помѣщиковъ [3]).

Власть эта была дѣйствительно новая, небывалая, и, въ сравненіи даже съ первой четвертью XVIII столѣтія, положеніе крестьянъ измѣнилось во всѣхъ отношеніяхъ; сознавая свое безсиліе, они не сопротивлялись явно, а только уходили, скрывались, бродяжничали, и, если успѣвали достичь окраинъ имперіи, селились въ казацкихъ станицахъ, поморскихъ волостяхъ и раскольничьихъ слободахъ и селахъ. Со второй четверти XVIII столѣтія начинается это новое смутное время нашей исторіи, время лихихъ приволжскихъ шаекъ, бурлачества, казачества и мужиковъ-самозванцевъ, послѣднее и роковое проявленіе коихъ—пугачевскій бунтъ.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ крестьянскихъ движеніяхъ съ 1725 по 1862 г., но уже въ указахъ Елисаветы Петровны находимъ много указаній о волненіи крестьянъ.

Въ 1758 г. донесено отъ тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, переправляются черезъ Волгу въ Царицынъ, вырываютъ землянки въ степи, и, живя въ нихъ, принимаютъ къ себѣ всякихъ прихожихъ людей; что другіе прямо заявляютъ о побѣгѣ, отправляясь въ Камышинскій уѣздъ на какую-то казенную шелковую фабрику, гдѣ ихъ принимаетъ какой-то маіоръ, къ тому дѣлу приставленный отъ государыни. Въ другомъ указѣ того же года говорится о многихъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ, о посылкѣ военныхъ командъ и кровопролитныхъ усмиреніяхъ бунтовъ. Въ 1760 году посылались военныя команды съ пушкой въ Арзамасскій уѣздъ и въ галицкую провинцію.

Въ 1762 г. движенія эти усилились, вслѣдъ за манифестомъ о вольности дворянства. Въ народѣ разнеслись слухи, что милосердый государь Петръ III готовитъ такой же указъ и о свободѣ крестьянъ; явились, какъ обыкновенно, и подстрекатели, разглашавшіе, что указъ уже вышелъ, но помѣщики скрываютъ его; слухи эти, подавленные въ 1762 году, прожили въ народѣ до временъ Пугачева. Но и въ этомъ году волненія были сильны, судя потому, что 19 іюня 1762 года правительство признало нужнымъ издать манифестъ для успокоенія умовъ и охраненія правъ собственности. Въ манифестѣ объявляется торжественно, что государь намѣренъ „сохранять помѣщиковъ ненарушимо при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ, а крестьянъ содержать въ должномъ имъ повиновеніи“.

Между тѣмъ въ самыхъ центральныхъ губерніяхъ въ это время крестьянскіе бунты приняли очень широкіе размѣры; въ тверскомъ, вяземскомъ уѣздахъ (подъ самой Москвой) крестьяне многихъ помѣщиковъ вышли изъ повиновенія, поступали (какъ сказано въ манифестѣ) на многія своевольства и продерзости, и для ихъ усмиренія посланы были команды изъ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты, кирасирскаго полка и 4 орудій. Командамъ этимъ приказано было по усмиреніи крестьянъ тверскихъ и московскихъ слѣдовать и въ другія мѣста, „гдѣ таковые же противящіеся крестьяне есть“.

Строгія мѣры, повидимому, на нѣсколько лѣтъ укротили своевольство и продерзости, пушечная и ружейная пальба удержали крестьянъ въ должномъ повиновеніи, а помѣщики сохранились ненарушимо при своихъ имѣніяхъ. Но застращенные крѣпостные люди продолжали уходить изъ имѣній и тяга крестьянъ приняла въ первые годы царствованія Екатерины значеніе всенародной эмиграціи на Волгу, Донъ, на Уралъ, гдѣ имъ открыто было гостепріимство раскольниковъ-казаковъ и гдѣ по-немногу втихомолку скопилась грозная туча пугачевскаго возстанія.

Противящіеся крестьяне все еще уповали на высочайшія милости, все еще не вѣрили, чтобы государь отказался отъ верховной власти разбирать ему подсудныя дѣла о притѣсненіи своихъ подданныхъ, и, вспоминая прежніе порядки, подъ коими еще жили ихъ отцы и дѣды, просили одной милости,

чтобы государь приказалъ „отписывать отъ помѣщиковъ за ея императорскимъ величествомъ тѣхъ изъ нихъ, которые за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками платить не въ состояніи“.

Но сенатъ отвѣчалъ на челобитную, поданную 17 марта 1766 г. въ дворцовую канцелярію, что таковаго указа не было, и приказалъ просителей нещадно наказать.

Однако всѣ эти мѣры имѣли мало успѣха; разглашенія о небывалыхъ указахъ не прекращались, и смуты крѣпостныхъ продолжались по прежнему. Крестьяне, какъ видно, имѣли даже очень часто дерзость безпокоить своими жалобами и самую императрицу, и въ 1767 г. производилось большое дѣло въ сенатѣ по жалобѣ цѣлаго скопа крестьянъ и дворовыхъ разныхъ помѣщиковъ на высокіе оброки и другія притѣсненія своихъ господъ. Разсмотрѣвъ эту жалобу, сенатъ приказалъ: челобитчиковъ публично и жестоко наказать и отдать ихъ на волю помѣщикамъ, какъ они пожелаютъ, взять ли ихъ обратно къ себѣ, или отослать на казенные заводы въ Нерчинскъ; при этомъ сенатъ призналъ нужнымъ разобрать по существу самое право жалобы и иска крѣпостныхъ людей на господъ; по справкѣ оказалось, что подача прошеній въ руки самой императрицы была уже запрещена указомъ 19 января 1765 г., но о запрещеніи бить челомъ на помѣщиковъ вообще не было упомянуто ни въ этомъ, ни въ другихъ узаконеніяхъ. Сенатъ поспѣшилъ пополнить этотъ пропускъ и указомъ 22 августа 1767 г. ввелъ въ судебную практику новое важнѣйшее правило, которымъ и руководствовались полиція и суды вплоть до освобожденія крестьянъ въ 1861 г., именно: что самая подача жалобы крѣпостными на своихъ господъ есть само по себѣ преступленіе и что просители во всякомъ случаѣ и безъ разсмотрѣнія существа ихъ жалобъ задерживаются и наказываются. Въ указѣ всенародно объявляется, „что если которые люди и крестьяне

и по обнародованіи сего указа отважутся подавать недозволенныя противъ помѣщиковъ челобитныя; то они будутъ наказаны кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты". Такимъ образомъ верховная власть отказывалась постепенно отъ всѣхъ аттрибутовъ своей власти въ пользу окружающихъ ее дворянъ-помѣщиковъ, отмѣняла древнѣйшее право, коимъ пользовались низшіе классы народа при всѣхъ царяхъ и императорахъ, и пользовались такъ широко, что прежніе приказы, помѣстный и холопій, и новѣйшіе, дворцовые и другіе были преимущественно назначены для разсмотрѣнія челобитныхъ крестьянъ. Отъ нынѣ впредь они безусловно запрещаются; просителей прямо (такъ сказано въ указѣ) ссылаютъ въ вѣчную каторгу; послѣдняя связь между государемъ и народомъ порывается, и чернымъ людямъ не остается болѣе никакого исхода, кромѣ бунта, къ коему онъ и прибѣгаетъ. Мы не будемъ здѣсь описывать страшнаго эпизода пугачевскаго и другихъ возстаній, которые въ концѣ XVIII столѣтія занимаютъ въ нашей исторіи такую же мрачну страницу, какъ Bauernkrieg и Jaquerie въ лѣтописяхъ Германіи и Франціи средихъ вѣковъ; причины были тѣ же, и тѣ же неистовства ознаменовали это послѣднее бореніе нѣкогда вольныхъ людей съ поглотившимъ и подавившимъ ихъ частнымъ землевладѣніемъ. Но здѣсь нельзя не замѣтить, что правительство подъ вліяніемъ временщиковъ и людей случая какъ будто умышленно подготовляло всенародное неудовольствіе, приводя крестьянъ въ полное недоумѣніе разнорѣчивыми мѣропріятіями. Послѣдовательности не было, основаній не полагалось, общихъ распоряженій не дѣлалось, все рѣшалось отдѣльными указами и инструкціями по ходатайству царедворцевъ, которые завладѣли необъятными имѣніями и въ нихъ водворяли новые, безпощадные порядки.

Послѣднія распоряженія должны были неминуемо произвести кругой, роковой переворотъ въ бытѣ крестьянъ, такъ какъ отдача въ рекруты и ссылка въ Сибирь, эти двѣ страшнѣйшія кары, какія только могутъ представляться воображенію простолюдина, были отнынѣ предоставлены безотчетному распоряженію помѣщиковъ. Право жалобы на господъ было въ то же время у нихъ отнято; по этому день изданія указа о запрещеніи челобитныхъ, 22 августа 1767 г., мы считаемъ послѣднимъ моментомъ обращенія крестьянъ въ полную крѣпостную зависимость, въ рабство.

Вскорѣ послѣ изданія означеннаго указа и смерти Петра III, крѣпостное невольничество со всѣми его неумолимыми послѣдствіями водворилось въ Россіи, и въ то же время повѣялъ съ востока на всю Россію вихрь смутъ и крестьянскихъ возстаній. Въ нихъ приняли участіе не только крѣпостные люди, но всего болѣе государственные крестьяне и вольные люди, и дѣйствительно имъ угрожала еще бо́льшая опасность, чѣмъ первымъ; древніе боярскіе роды и среднее сословіе помѣщиковъ управляло своими вотчинами довольно мягко, по стариннымъ обычаямъ; въ имѣніяхъ Шереметевыхъ, Бутурлиныхъ, Щербатовыхъ, Голицыныхъ, Пушкиныхъ и другихъ родовыхъ дворянъ оброки взимались нѣсколько лѣтъ сряду по неизмѣнному окладу, установленному дѣдами и прадѣдами, крестьяне управлялись приказчиками и старостами изъ ихъ среды, господа и крѣпостные люди ихъ освоились, обжились и все шло по порядкамъ изстари установленнымъ и соблюдаемымъ съ обѣихъ сторонъ ненарушимо.

Но въ царствованіе Елисаветы и Екатерины появилась новая гроза, небывалая въ Россіи, по крайней мѣрѣ никогда не свирѣпствовавшая въ такихъ размѣрахъ — это пожалованіе государевыхъ вотчинъ царскимъ любимцамъ, людямъ случайнымъ. Мы видѣли, въ какихъ скромныхъ размѣрахъ верстались помѣстьями прежніе служилые люди—100—200 четвертями, т.-е. такими имѣніями, которыя почти приравнивали ихъ хозяйства, ихъ образъ жизни къ крестьянскому; вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ прежнихъ боярскихъ фамилій, вслѣдствіе постояннаго раздѣла наслѣдства,

утратили свои богатства, жили въ опалѣ, поникли духомъ и крупное аристократическое землевладѣніе почти выводилось въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Тогда-то внезапно надъ обѣднѣвшимъ дворянствомъ и государевыми вольными людьми возвысилось новое сословіе людей случайныхъ и открылся новый способъ закрѣпленія вольныхъ крестьянъ за помѣщиками, посредствомъ высочайшихъ пожалованій казенныхъ земель и крестьянъ, на нихъ водворенныхъ. Это и было настоящее основаніе крупнаго землевладѣнія въ Россіи и того соціальнаго строя, которое съ нѣкоторыми измѣненіями дожило и до настоящаго времени. Оно имѣло роковое вліяніе какъ на дворянство, такъ и на крестьянство; чиновный и придворный классъ землевладѣльцевъ окончательно подавилъ помѣстное сословіе и причинилъ крестьянству такія притѣсненія, какихъ прежде при всемъ крутомъ нравѣ прежнихъ господъ оно не терпѣло. Главный переворотъ произошелъ оттого, что царскимъ любимцамъ достались бо́льшею частью многоземельныя и малонаселенныя казенныя дачи, приволжскія степи, пермскіе промыслы, такъ что первая ихъ забота должна была состоять въ принудительномъ размѣщеніи жителей изъ однихъ мѣстностей въ другія; къ этому приступлено было одновременно и повсемѣстно въ исходѣ XVIII ст., безъ всякаго руководства и законнаго ограниченія, по произволу знатныхъ владѣльцевъ, находившихъ всюду подобострастное повиновеніе со стороны мѣстныхъ властей и тупое, злобное сопротивленіе отъ крестьянъ.

Изъ многосемейныхъ дворовъ отбирали излишекъ рабочихъ и вывозили ихъ на новыя мѣста; равносильнымъ хозяевамъ давали жребіи, и по божьему суду (такъ это называлось) приговаривали старожиловъ къ переселенію; высылались впередъ артели для отысканія воды, копанія колодцевъ, устройства плотинъ, и артельщики гибли въ безводныхъ степяхъ, покуда не находили тощей струи затхлой воды. На заводахъ поселяли крестьянъ въ однихъ мѣстахъ, гдѣ находилось топливо и другія условія, нужныя для производства, и разработывали руду въ другихъ краяхъ, отдаленныхъ отъ селеній на сотни верстъ, куда гоняли рабочихъ по наряду.

Съ года на годъ, со дня на день, приходили все новые

всемилостивѣйшіе указы, обращавшіе этихъ вольныхъ и разгульныхъ людей, споконъ вѣка гуляющихъ по степямъ и лѣсамъ нашихъ восточныхъ окраинъ, въ крѣпостное владѣніе новыхъ господъ, а самые господа не показывались; наѣзжали приказчики, нѣмцы, разночинцы, строили заводы, заводили запашки, вводили новые порядки; народъ прямо и непосредственно переходилъ изъ привольнаго и безначальнаго быта къ полному невольничеству; нельзя же и непристойно было ему объяснять, за какого рода заслуги, за какого рода подвиги такъ щедро награждались эти временщики. Со дня смерти Петра III, прошелъ по всей Руси слухъ, вскорѣ обратившійся въ народное повѣрье, что раздача помѣстій дворянамъ — есть актъ подложный, и самое ихъ владѣніе — насильственный захватъ. Это былъ сигналъ къ всенародному возстанію, извѣстному подъ названіемъ Пугачевщины, эпизоды коего слишкомъ знакомы, чтобы ихъ здѣсь описывать.

Въ то же время, во второй половинѣ XVIII столѣтія крѣпостное владѣніе получило такое развитіе, что можно сказать, что крупная, богатая и знатная собственность была почти вся основана въ это время и имѣла общимъ своимъ источникомъ всемилостивѣйшія пожалованія.

Этотъ предметъ, пожалованія имѣній придворнымъ чинамъ XVIII вѣка, мы и должны теперь подробно изслѣдовать. Чтобы изложить его съ должной послѣдовательностью, мы возвратимся къ прежнимъ временамъ и опишемъ дѣйствія государей до-петровскаго періода, по тому же предмету управленія. Первые примѣры раздачи земель относятся къ царствованію Іоанна III, который, отобравъ помѣстья у новгородскихъ посадскихъ людей и мужей, отдалъ ихъ московскимъ ратнымъ людямъ; онъ же около Москвы пожаловалъ 28 боярамъ до 300,000 десятинъ и надѣлилъ помѣстьями въ разныхъ областяхъ имперіи 7,000 тяглыхъ людей изъ своихъ государевыхъ вотчинъ московскаго уѣзда. Въ царствованіе Іоанна IV раздача земель продолжалась, но больше повидимому на помѣстномъ правѣ, хотя многіе изъ приближенныхъ бояръ уже въ то время начинали выпрашивать себѣ вотчины и въ вѣчное владѣніе.

До царя Алексѣя Михайловича однако не видно, чтобы помѣстное сословіе усилилось и обогатилось въ Россіи; за исключеніемъ Строгановыхъ, замѣчательныхъ богачей не было, и первыя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ крупныхъ вотчинахъ даетъ намъ Котошихинъ, современникъ Алексѣя Михайловича.

Онъ показываетъ, что за патріархомъ считалось 17,000 дворовъ, за 4 митрополитами 22,000; у нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ бояръ, „кто дослужится, есть близко 1700 крестьянъ", а у иныхъ по 1000 и даже 7000 дворовъ. У самихъ царей, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, во всѣхъ вотчинахъ считалось 50,000 крестьянскихъ дворовъ, кромѣ бобылей, и кромѣ того, 10,743 пашенныхъ земель, на коихъ собиралось ржи 3900 четвертей, овса до 4,485 четвертей, пшеницы 1,350 четвертей, меду 237 пудовъ и выкуривалось хлѣбнаго вина 3,697 ведеръ. Все это вмѣстѣ приносило доходу 200,000 рублей — сумма очень скромная, если сравнить ее съ богатствами вельможъ XVIII вѣка.

Въ 1700 году, передъ соединеніемъ помѣстій съ вотчинами, въ нынѣшнихъ великорусскихъ губерніяхъ считалось всего 2981 дворянская фамилія, имѣвшихъ за собой недвижимыя имѣнія съ крестьянскими дворами, и въ этихъ фамиліяхъ было всѣхъ лицъ мужского и женскаго пола 15,041.

При Петрѣ Великомъ землевладѣльческій элементъ началъ замѣтно усиливаться и многимъ своимъ ближайшимъ людямъ государь роздалъ населенныя имѣнія, причемъ размѣръ имѣній опредѣляется уже не по четвертямъ земли, но по дворамъ и душамъ. Но размѣры эти были очень скромные такъ какъ великій государь былъ вообще скупъ и тугъ на денежные подарки; самъ онъ жилъ такъ просто и бережливо, что довольствовался доходами отъ небольшого имѣнія новгородскаго воеводства, въ коемъ считалось всего 800 душъ, которое онъ называлъ своимъ помѣстьемъ, и на свои частные расходы Петръ тратилъ только доходы этого небольшого имѣнія [4]).

Своимъ любимѣйшимъ сподвижникамъ жаловалъ онъ тоже небольшія помѣстья: Лефорту 160 дворовъ, Гордону 100, Шеину 350, Голицыну 517, Зотову 40, другому Голицыну 394, четыремъ боярамъ: Апраксину, Толстому, Долгорукову, Кантемиру по 400; въ концѣ своего царствованія, Петръ жаловалъ уже большія вотчины: Шереметеву 1200 душъ, ду-

ховнику своему Падаржинскому 4000 душъ; одинъ только Меньшиковъ успѣлъ въ это царствованіе накопить уже значительное богатство; онъ имѣлъ въ остзейскихъ губерніяхъ и въ Малороссіи до 100,000 крестьянъ; но неизвѣстно и очень сомнительно, какими способами пріобрѣлъ этотъ отважный сановникъ свои несмѣтныя богатства, царскими ли милостями, или незаконными путями; извѣстно только, что онъ первый подалъ примѣръ укрывательства бѣглыхъ, и что въ его малороссійскихъ вотчинахъ считалось до 35,000 душъ бродягъ и дезертировъ. Такой же примѣръ незаконной поживы подалъ и другой сановникъ, Шафировъ, который пріобрѣлъ въ Малороссіи до 15,000 крестьянъ тѣмъ же путемъ, какъ и Меньшиковъ, пристанодержательствомъ бѣглыхъ; — но этому вельможѣ не посчастливилось, и въ 1723 году всѣ незаконно-нажитыя имъ вотчины были отобраны въ казну по приговору суда.

Со дня смерти Петра открывается въ Россіи новая эра для царскихъ слугъ и придворныхъ чиновъ: государева служба, милость царя и любовь государыней, власть и начальство, командованіе арміей и управленіе провинціями,—все обращается въ средства обогащенія и награды сыплются на временщиковъ и любимцевъ.

Съ этого времени собственно и начинается организація крупнаго землевладѣнія и богатаго дворянства въ Россіи. Въ началѣ XVIII столѣтія, прежніе боярскіе роды были повидимому въ самомъ „худомъ“ положеніи [5]). Многіе знатнѣйшіе изъ нихъ поникли окончательно; князья Бѣлосельскіе, потомки Рюрика, были послуживцами или держальниками у какихъ-то дворянъ Травиныхъ; князья Вяземскіе до того „захудѣли“, что служили дьяками въ имѣніи гг. Вельяминовыхъ; другія знатныя и княжескія фамиліи до того обнищали, что при Петрѣ I затерялись между однодворцами. Заботы Петра „о поддержаніи славныхъ и великихъ домовъ“ посредствомъ введенія маіоратовъ и единонаслѣдія не спасли ихъ отъ разоренія, такъ какъ законъ этотъ не былъ введенъ въ дѣйствіе, и изъ боярскихъ родовъ его времени одни Шереметевы воспользовались аристократическимъ преимуществомъ

единонаслѣдія, не по силѣ закона, а по случайному стеченію обстоятельствъ, потому что со временъ Петра въ старшемъ ихъ родѣ оставалось всякій разъ по одному наслѣднику изъ каждаго поколѣнія.

Но обнищавшее русское дворянство, какъ фениксъ, воскресло изъ пепла посредствомъ высочайшихъ пожалованій, создавшихъ при преемникахъ Петра нѣсколько такихъ колоссальныхъ богатствъ, какихъ нѣтъ ни въ какой другой странѣ, кромѣ развѣ Англіи. При Екатеринѣ I пожаловано было Пашкову въ Каргопольскомъ уѣздѣ 1210 четвертей пашни и 2400 копенъ покоса, Тюфякину въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ 2278 десятинъ, Салтыкову 2800 четвертей. При Петрѣ II Долгорукимъ было пожаловано 40,000 десятинъ и князю Черкасскому тоже 40,000. Въ день коронаціи Анны Іоанновны подарено Капнисту 4000 десятинъ, князю Голицыну 4000, Татищеву 1000 десятинъ.

Вообще принято было за правило при каждомъ политическомъ переворотѣ, при паденіи однихъ временщиковъ и возвышеніи другихъ, не только конфисковать имѣнія павшихъ, но и награждать, и непремѣнно крестьянами, „деревушками", возвысившихся сановниковъ со всѣми ихъ клевретами, пособниками и соумышленниками. Началось это съ восшествія на престолъ Елисаветы Петровны; прежде всего награждена была такъ-называемая лейбъ-компанія, которая провозгласила новую императрицу; имъ раздарено было 14,000 крестьянъ, причемъ на каждаго рядового солдата пришлось 29 душъ крѣпостныхъ. Затѣмъ взысканы были милостями императрицы за тѣ же заслуги два брата Шуваловыхъ. При Елисаветѣ они, сколько извѣстно, не получали большихъ имѣній, но за то эксплуатировали съ успѣхомъ винные откупа, откупъ табака, рыбныя ловли на Бѣломъ морѣ и Олонецкія корабельныя рощи; всѣ эти статьи предоставлены были въ полное и безотчетное ихъ распоряженіе. Въ послѣдующее царствованіе Шуваловымъ пожалованы были и вотчины, одна въ 4000 десятинъ, другая въ 20,000, разные заводы, въ томъ числѣ Гороблагодатскій, который при Екатеринѣ II былъ выкупленъ казной за 686,000

рублей. Третій братъ Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, отличался своимъ безкорыстіемъ и отказался отъ предложенныхъ ему 6000 душъ.

Такія же щедроты посыпались на другихъ любимцевъ изъ простого званія: Шубинъ, простой преображенскій солдатъ изъ сдаточныхъ, получилъ 200 душъ во владимірской губерніи, Бекетовъ большія вотчины съ рыбными ловлями въ астраханской губерніи, наконецъ Разумовскій, сынъ казака Григорья Разума, сдѣлался обладателемъ такихъ обширныхъ имѣній, какими до того времени ни одно частное лицо въ Россіи не пользовалось. Отъ государыни онъ получилъ до 50,000 душъ въ Малороссіи, потомъ взялъ за женой, урожденной Нарышкиной, 44,000 душъ, наконецъ, пріобрѣлъ отчасти на свои деньги, но бо́льшею частію разными оборотами и промѣнами съ казной, цѣлые города съ уѣздами Ямполь, Батуринъ, такъ что во всѣхъ его вотчинахъ считалось 120,000 ревизскихъ душъ.

Въ краткое царствованіе Петра III пожаловано графу Гудовичу 15,000 душъ въ старообрядскихъ слободахъ Малороссіи, камердинеру голштинцу Брессову 1094 души, Карновичу 345 дворовъ въ Малороссіи и въ ярославской губерніи дворцовая Хамецкая волость, состоявшая изъ 3 селъ и 19 деревень.

Вообще съ этого времени главнымъ предметомъ стяжанія царедворцевъ были малороссійскія вотчины, и, прежде чѣмъ перейти къ царствованію Екатерины, которая порѣшила участь этого края, раздаривъ его своимъ любимцамъ, мы хотимъ бросить взглядъ на положеніе Малороссіи въ эту эпоху, въ половинѣ XVIII столѣтія, заимствуя эти свѣдѣнія изъ сочиненія Карновича „Замѣчательныя богатства въ Россіи“.

„При старинномъ военно-республиканскомъ устройствѣ Малороссіи“, пишетъ Карновичъ, „въ ней не могло составляться такого рода значительныхъ богатствъ, такъ какъ они нарушали бы казацкое равенство. Но когда казаки поддались Польшѣ, то короли польскіе стали жаловать польской шляхтѣ помѣстья на Украйнѣ. Поляки, впрочемъ, не охотно селились въ заднѣпровской Украйнѣ, такъ какъ имъ трудно

было ужиться съ казачествомъ, нетерпѣвшимъ среди себя аристократическихъ элементовъ. По изгнаніи, при Богданѣ Хмѣльницкомъ, поляковъ изъ Малороссіи, тамъ установился своего рода помѣстный порядокъ, а именно: состоявшіе на дѣйствительной службѣ чины малороссійскаго или запорожскаго войска пользовались такъ-называемыми ранговыми помѣстьями. Особенно значительны были эти помѣстья у полковниковъ, такъ что даже генеральные войсковые старшины поступали очень охотно въ полковничьи чины, какъ на болѣе доходныя мѣста. Гетманамъ малороссійскимъ были также предназначены наурядъ ранговыя мѣстности, которыя увеличивались все болѣе, такъ что подъ конецъ существованія гетманскаго управленія гетманъ по своей должности былъ всегда самымъ богатымъ человѣкомъ во всей Малороссіи.

„Гетманамъ, по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, было предоставлено право жаловать помѣстья, но размѣры жалуемыхъ помѣстій были чрезвычайно ограничены и давались обыкновенно только для поддержанія хозяйства, такъ что вообще богатыхъ помѣщиковъ въ Малороссіи, въ силу гетманскихъ пожалованій, не было, что́ составляло противоположность съ Великою Россіею, гдѣ почти всѣ значительныя помѣстныя богатства составились вслѣдствіе царскихъ пожалованій. Тѣмъ не менѣе многіе изъ малороссовъ покупали себѣ обширныя земли, заводили стада, табуны и мельницы, такъ что, въ концѣ XVII столѣтія, вслѣдствіе этого явилось нѣсколько богатыхъ людей въ Малороссіи, какъ-то: Апостолы, Кочубеи, Искры, Скоропадскіе, Мазепа, Полуботки, Лизогубы и Капнисты. Одинъ изъ Полуботковъ былъ на столько богатъ, что, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества,“ въ Малороссіи, послѣ его ареста, было захвачено 200,000 ефимокъ — сумма, равняющаяся такому же числу нынѣшнихъ серебряныхъ рублей; а въ Петербургѣ было у него отобрано 4000 червонныхъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ значительныя помѣстья, которыя по пресѣченіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, мужскаго поколѣнія рода Полуботковъ, перешли по женскому колѣну къ Милорадовичамъ и Стороженкамъ.

„Первымъ самымъ богатымъ помѣщикомъ въ Малороссіи

изъ великоруссовъ былъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, которому гетманъ Скоропадскій послѣ полтавской побѣды отдалъ во владѣніе Ноченскій уѣздъ. Князь Меншиковъ сталъ распоряжаться съ своими сосѣдями самовластно, и отнималъ у малороссійскихъ чиновъ пожалованныя имъ прежде деревни и слободы. По жалобамъ малороссіянъ Петръ Великій прекратилъ такую расправу Меншикова, а въ 1723 г. по дѣлу Девьера у него была взята часть малороссійскихъ имѣній; тѣмъ не менѣе владѣнія его въ Малороссіи, отнятыя у него при ссылкѣ, были обширны.

„Примѣръ князя Меншикова проложилъ дорогу и другимъ великорусскимъ вельможамъ къ поземельному владѣнію въ Малороссіи; конфискованныя у Меншикова владѣнія были розданы въ разное время генералу графу Вейсбаху, фельдмаршалу графу Миниху, генералъ-аншефу Бирону, брату временщика, дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву и нѣкоторымъ другимъ. Самымъ богатымъ лицомъ изъ малороссіянъ былъ гетманъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій. Въ это же время, вслѣдствіе необыкновеннаго возвышенія Разумовскихъ, сдѣлались богачами и нѣкоторые ихъ родственники, какъ-то: Будлянскій и Оболонскій, имѣвшіе до 8000 душъ“.

Таково было положеніе Малороссіи, когда взошла на престолъ Великая Екатерина, великая устроительница, но еще бо́льшая расточительница русскихъ земель. Съ самаго перваго дня ея воцаренія роздано было тоже бо́льшею частію изъ малороссійскихъ волостей 17,200 душъ 26 дворянскимъ фамиліямъ. Замѣчательно, что въ спискѣ пожалованныхъ значится бо́льшая часть тѣхъ дворянскихъ родовъ, которые въ послѣдующія царствованія пріобрѣли извѣстность на государственной службѣ. Когда этотъ длинный списокъ пожалованныхъ мѣстечекъ и слободъ дошелъ до фельдмаршала Румянцова, управлявшаго въ то время Малороссіею, то онъ позволилъ себѣ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ упомянуть, что въ гетманскихъ статьяхъ нигдѣ не написано,

чтобы можно было отдавать города или мѣстечки въ частное владѣніе, и что о деревняхъ и мельницахъ также сказано въ тѣхъ же статьяхъ, что онѣ жалуются только за заслуги и войсковыми начальствами. На докладъ Румянцова Екатерина отвѣчала, что города и села эти пусты (?!) и что въ политическихъ и коммерческихъ видахъ лучше заводить новые (sic!)... и продолжала дарить, въ видахъ политики и коммерціи.

Послѣ первой щедрой раздачи, о которой мы выше упомянули, въ рядахъ высшаго дворянства пробудилось такое неодолимое чувство любостяжанія, что за всякую службу и послугу требовалась непремѣнно награда крѣпостными людьми — „деревушками".

Во главѣ просителей шли люди случайные, которымъ жаловались, не въ примѣръ другимъ, цѣлые уѣзды: Орловы съ 1762 по 1783 годъ получили 45,000 крестьянъ отъ императрицы въ даръ; Зубовъ два уѣзда, Россіенскій и Шавельскій, съ 13,000 ревизскихъ душъ; Потемкинъ 37,000; Васильчиковъ 7000 [6]); Завадовскій 9800; Корсаковъ 4000; Ермоловъ 6000; Зоричъ 14,000.

Кромѣ этихъ первостатейныхъ счастливцевъ были и другіе, второстепенные любимцы, которые награждались столь же щедро: генералъ-прокуроръ князь Вяземскій пріобрѣлъ 23,000 душъ; свѣтлѣйшій князь Безбородко въ концѣ царствованія Екатерины имѣлъ 16,000 душъ, соляныя озера въ Крыму, рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ, и при Павлѣ получилъ еще упраздненный городъ Дмитровъ, Орловской губерніи, съ 12,000 душами; Чичагову пожаловано 3800; князю Салтыкову и Остерману по 6000; Румянцову 5000; принцу Нассаускому 3000; Репнину 5000; Маркову 3700; Тутолмину 3000; Трощинскому 1700; доктору Ротерсону 1600; Сакену 200 [7]).

Всего въ царствованіе Екатерины роздано частнымъ лицамъ 800,000 ревизскихъ душъ.

Наконецъ, при Павлѣ Петровичѣ, система пожалованій имѣній удержалась во всей своей силѣ. По запискѣ, составленной княземъ Куракинымъ, роздано при восшествіи на престолъ 105 лицамъ 82,330 крестьянъ; при Павлѣ на-

чали также раздаваться обширныя ненаселенныя степи низовыхъ губерній. Безбородко въ придачу къ своимъ громаднымъ вотчинамъ получилъ 30,000 десятинъ въ Воронежской губерніи и 6000 душъ на выборъ (sic!) изъ казенныхъ селеній Тамбовской губерніи, для переселенія ихъ на пожалованныя земли; камердинеръ государя, графъ Кутайсовъ, получилъ въ Моршанскомъ уѣздѣ 24,606 десятинъ, въ Курляндіи 36,000 десятинъ, въ Тамбовской губерніи 5000 душъ и рыбныя ловли на Волгѣ, приносившія доходу 500,000 рублей; князю Куракину пожалованы въ день коронованія 4300 душъ, потомъ 20,000 десятинъ. Въ 1800 году роздано разнымъ мелкимъ чиновникамъ въ Саратовской губерніи 213,000 десятинъ.

Не забывались при этомъ и второстепенные секретари и письмоводители вельможъ; по протекціи Безбородко, его секретарь Трощинскій получилъ 1700 душъ; Бакунинъ 1474; князь Потемкинъ выпросилъ своему майордому и секретарю Попову 1800 душъ; Безбородко—почтъ-директору Судіенко 597 душъ, Милорадовичу 418 душъ. Гатчинскіе полковники были особенно взысканы щедротами монарха: Текутьеву пожаловано 4292 души въ Тамбовской губерніи и 15,000 десятинъ, Аракчееву Грузинская вотчина, въ 4000 душъ.

Мы заключаемъ царствованіемъ Павла эти скорбные листы расхищенія народнаго богатства и закрѣпощенія русскихъ крестьянъ. Современникъ Екатерины, историкъ князь Щербатовъ, описывая эти безстыдства, между прочимъ, повѣствуетъ, что всѣ эти знатные хищники, выстроивъ дворцы на наворованныя деньги, имѣли обычай звать на новоселья свою державную покровительницу, и надписывали на тріумфальныхъ воротахъ своихъ домовъ библейскія изреченія, въ родѣ: „твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая“, или чувствительныя заявленія: „щедротами Екатерины“, забывая припомнить, пишетъ Щербатовъ, „и разореніемъ Россіи“.

Другой свидѣтель конца екатерининскаго вѣка и начала XIX, Державинъ, описываетъ: „какъ близкіе къ государю люди,

вскорѣ по вступленіи на престолъ Павла Петровича, выпросили себѣ у него великое количество на выборъ лучшихъ казенныхъ земель, и для удовлетворенія ихъ правительство отбирало у казенныхъ крестьянъ всѣ лишнія земли сверхъ 8 десятинъ на душу"; эти новые владѣльцы часто распродавали отобранныя у крестьянъ угодья тѣмъ же крестьянамъ по высокимъ цѣнамъ, отъ 300 до 500 рублей за десятину, и „когда эти хищники,—продолжаетъ Державинъ,—набили свои карманы, то исходатайствовали, будто бы изъ жалости къ крестьянамъ, чтобы всѣхъ надѣлить 15 десятинами на душу;—тогда пошло притѣсненіе владѣльцевъ, у которыхъ начали отнимать не только примѣрныя, но и писцовыя земли".

Ссылаясь на эти отзывы, можно положительно заключить, что всемилостивѣйшее обращеніе вольныхъ казенныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ сдѣлалось во второй половинѣ XVIII столѣтія главнымъ способомъ обогащенія въ Россіи. Замѣчательно, что лучшіе люди изъ дворянства, дѣйствительно служившіе царицѣ и отечеству на полѣ брани и въ совѣтахъ, какъ-то: Репнинъ, Панинъ, Суворовъ, были награждены меньше всѣхъ, и даже отказывались отъ наградъ: Репнинъ отказался отъ 3000 душъ, пожалованныхъ ему Екатериной; Панинъ, получивъ 4000 десятинъ въ Бѣлоруссіи, уступилъ ихъ тремъ своимъ секретарямъ; настоящій русскій герой, Суворовъ, получилъ всего во всю свою жизнь одинъ денежный подарокъ въ 30,000 рублей и 4000 душъ въ Новгородской губерніи.

Но такихъ безкорыстныхъ служителей было немного, казенные крестьяне и казенныя земли разбирались на-расхватъ. По свѣдѣніямъ, которыя мы могли собрать, и которыя, разумѣется, далеко не полны, въ теченіи XVIII вѣка пріобрѣтено было высочайшими пожалованіями, до восшествія на престолъ Екатерины II, 389,195 душъ, при Екатеринѣ около 800,000 душъ и въ царствованіе Павла 114,896 душъ, приблизительно 1.304,000 душъ. Если принять въ соображеніе, что народонаселеніе Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія было въ 19 милл. жителей, а въ 1858 г.—въ 74 милл., то мы можемъ вывести пропорцію, какое число душъ соотвѣтствовало

въ 1858 году этому вышеприведенному числу пожалованныхъ крестьянъ, и выходитъ оно ровно 5.078,000 ревизскихъ душъ, т.-е., что безъ малаго половина крѣпостныхъ людей происходятъ изъ источника всемилостивѣйшаго пожалованія.

Изъ прежнихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ очень немногіе сохранили до XVIII столѣтія свою самостоятельность: Шереметевы, слывшіе богачами, уже со временъ Іоанна Грознаго, Нарышкины, пожалованные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ вотчинами съ 88,000 крестьянъ, Салтыковы, Бутурлины, Щербатовы и др.; къ нимъ примкнули при Петрѣ и послѣ Петра нѣсколько фамилій изъ торговаго сословія, удалые промышленники Строгановы, Демидовы, нажившіе свои состоянія собственными трудами, — и только. Остальное знатное дворянство Россіи по имущественнымъ своимъ правамъ исходитъ бо́льшею частью въ прямой линіи отъ временщиковъ и людей случайныхъ XVIII вѣка, и всѣ замѣчательныя дворянскія богатства нашего времени проистекаютъ изъ пожалованій Елисаветы, Екатерины и Павла.

Позднѣйшая судьба крѣпостного населенія такъ близка отъ насъ и такъ извѣстна, что мы не считаемъ нужнымъ ее описывать, тѣмъ болѣе, что въ этой горькой судьбѣ, въ продолженіи всей первой половины XIX столѣтія, существенныхъ измѣненій не произошло. Либеральное настроеніе Александра I въ первой половинѣ его царствованія было такое же, какъ и Екатерины II-й въ началѣ ея достославнаго правленія, и привело перваго, воспитанника Лагарпа, къ учрежденію аракчеевскихъ военныхъ поселеній, точно такъ, какъ великая его бабка—корреспондентъ Вольтера и Дидро—заключила свое вольнолюбивое царствованіе обращеніемъ въ крѣпостное состояніе вольныхъ малороссіянъ. При Николаѣ I вопросъ объ освобожденіи крестьянъ стоялъ тоже на очереди во все его 25-ти-лѣтнее царствованіе, но очередь до него не дошла.

Долготерпѣніе крестьянъ выдержало полувѣковое испытаніе: съ самаго начала столѣтія указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ разсѣялъ по всей русской землѣ слухъ, и слухъ

достовѣрный, о намѣреніи государя даровать крестьянамъ свободу, но только 57 лѣтъ спустя суждено было этому слуху, этому пожеланію трехъ императоровъ, подтвердиться и исполниться.

Заключая этимъ нашъ очеркъ историческаго развитія помѣстнаго землевладѣнія и крестьянской крѣпости, мы постараемся здѣсь вывести главнѣйшія объ нихъ заключенія и опровергнуть нѣкоторыя ложныя воззрѣнія, которыя вкрались въ общее мнѣніе нашего русскаго общества и даже нѣсколькихъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей русской старины.

Первая и главнѣйшая ошибка состоитъ въ томъ, что закрѣпленіе крестьянъ къ землѣ смѣшивается съ крѣпостнымъ правомъ въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ наше время, передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ, и что поэтому принято считать начало крѣпостного и помѣстнаго владѣнія съ изданія указовъ 1592 и 1602 годовъ.

Между состояніемъ крестьянъ въ XVII и даже началѣ XVIII столѣтія и положеніемъ ихъ въ половинѣ или концѣ XVIII столѣтія оказывается большое различіе.

Запрещеніе вольнаго перехода было единственное ограниченіе, узаконенное первыми указами, и мѣра эта такъ мало стѣсняла хозяйственный бытъ крестьянъ, что и въ настоящее время, когда крестьяне признаются вольными, запрещеніе это остается въ своей силѣ, отказъ отъ земли допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, и закрѣпленіе къ землѣ сохраняется въ первобытномъ своемъ значеніи.

Но закрѣпленіе XVII вѣка было даже не такое всеобщее и безусловное, какъ нынѣшнее. Крѣпкими къ помѣщичьимъ землямъ считались только тѣ домохозяева, которые или по прежнимъ, или по новѣйшимъ сдѣлкамъ сѣли на эти земли, порядились ихъ пахать, и эти обязательства связывали ихъ только лично и пожизненно; сыновья, племянники, братья

выдѣлялись отъ нихъ безпрепятственно и переходили свободно, именуясь государевыми вольными людьми.

Введеніе подушнаго оклада уничтожило по закону этотъ послѣдній разрядъ гулящихъ людей, но другой классъ крестьянъ, осѣдлыхъ домохозяевъ, оставался и при Петрѣ I на прежнихъ своихъ правахъ; подушную подать тянули только люди, устроенные пашней, и крестьяне безъ земли продолжали считаться не помѣщичьими, а государевыми, покуда они добровольно не записались въ городъ, въ черносошную волость или за помѣщика.

Въ этомъ первоначальномъ своемъ видѣ, закрѣпленіе людей къ землѣ было равносильно закрѣпленію земли за людьми; такъ оно и принято было народомъ и правительствомъ; право частной собственности служилаго сословія было срочное и условное, право мірского владѣнія крестьянъ, напротивъ, безсрочное, ненарушимое и неотчуждаемое; черные люди были вполнѣ обезпечены вѣчнымъ пользованіемъ своею пашнею, вотчинники не вполнѣ, потому что имѣнія ихъ отбирались въ казну въ случаѣ неявки на службу; а помѣщики владѣли помѣстьями только въ видѣ временного оклада, замѣняющаго прежнее кормленіе или денежное жалованье.

Измѣнилось это положеніе только послѣ Петра, и тутъ послѣдовало нѣсколько распоряженій, которыя можно назвать вѣроломными нарушеніями крестьянскихъ правъ и вольностей; самыя чувствительныя изъ нихъ были указы 1729 и 1742 годовъ, по коимъ всѣхъ людей, записавшихся за господами, по частнымъ условіямъ (кабаламъ), велѣно записать въ вѣчное ихъ владѣніе, а государевыхъ вольныхъ людей отдавать въ крѣпостное владѣніе тѣмъ, кто пожелаетъ записать ихъ за собой въ подушный окладъ; такъ, въ силу этихъ указовъ, всѣ вольныя и срочныя сдѣлки дворянъ съ крестьянами были однимъ почеркомъ пера превращены въ вѣчныя и обязательныя, а всѣ крестьянскія дѣти, государевы вольные люди, однимъ разомъ приписаны къ тѣмъ помѣщикамъ, которые пожелали ихъ взять и кормить. Съ этого только времени крѣпостное право начало развиваться въ полномъ и суровомъ своемъ значеніи, а къ концу столѣтія дошло до того, что крестьяне по произволу помѣщиковъ сдавались въ рекруты,

ссылались въ Сибирь, продавались съ публичнаго торга (только безъ молотка), отпускались на волю, чтобы избавиться отъ престарѣлыхъ и безсильныхъ работниковъ; и при этомъ помѣщикамъ выплачивались еще какъ будто преміи за злоупотребленіе власти зачетомъ рекрута за каждаго крестьянина, наказаннаго за неповиновеніе кнутомъ и сосланнаго въ каторгу за негодность.

Всѣ эти мѣропріятія относятся не къ древнимъ временамъ варварства и злодѣйства московскихъ царей, а къ тому образованному вѣку, когда европейская цивилизація проникла въ высшія сферы русскаго общества, и когда наши меценаты (Шуваловъ, Румянцовъ) вкусили уже всѣхъ плодовъ науки и искусствъ, а придворное дворянство (Орловы, Разумовскіе, Потемкины) славилось своими образованными вкусами и нравами, къ тому времени, когда наше правительство сроднилось съ Европой, и наше старинное боярство успѣло уже выучиться у польскаго шляхетства, у нѣмецкаго баронства искусству округлять свои владѣнія и расширять свою власть въ качествѣ благороднаго сословія, опоры престола, и для вящшаго упроченія монархической власти и священныхъ правъ собственности.

Пусть же за ними, за правителями и вельможами XVIII вѣка, а не за Годуновымъ или Алексѣемъ Михайловичемъ или Петромъ останется и злая память этого ига, которое для русскаго народа было несравненно тяжелѣе татарскаго; а мы здѣсь должны засвидѣтельствовать, что крѣпостное право произошло не изъ русскаго быта, не изъ указовъ русскихъ царей Рюрикова и Романова родовъ, также не изъ старинныхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, коими пользовалось очень умѣренно и снисходительно старинное русское боярство; нѣтъ, оно вышло изъ смежныхъ земель польскаго и германскаго племенъ, изъ понятій о собственности и помѣщичьей власти, принятыхъ въ этихъ странахъ, пересаженныхъ въ Россію вмѣстѣ съ европейской культурой, и разсаженныхъ по всему пространству имперіи знатнымъ и вліятельнымъ дворянствомъ, окружавшимъ мягкосердечныхъ императрицъ.

Второй нашъ выводъ заключается въ томъ, что право частной и родовой собственности было и осталось чуждо русской землѣ до XVIII вѣка, и получило прочное основаніе только по дворянской грамотѣ 1785 года.

Въ предъидущихъ главахъ мы описали постоянныя превращенія и смѣшенія, которыя происходили споконъ вѣку въ правахъ вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія, какъ въ древнѣйшія времена князья и его дружинники, переѣзжая изъ удѣла въ удѣлъ, мѣняли свои владѣнія вмѣстѣ съ перемѣной службы и княжества; какъ впослѣдствіи вотчины, родовыя имѣнія отбирались и отписывались на государя; какъ помѣстья часто смѣшивались съ вотчинами, потомъ различались, потомъ опять сравнивались.

Указомъ Петра, 1714 года, сравнены были не помѣстья съ вотчинами, но, напротивъ, вотчины обращены въ помѣстное владѣніе и всѣ недвижимыя имущества подведены подъ общее условіе обязательной службы. Право владѣнія боярскихъ и дворянскихъ родовъ было не право собственности, въ смыслѣ patrimonium, феодальной или аллодіальной собственности, а просто право пользованія, то наслѣдственное, то пожизненное, то временное, но непремѣнно обусловленное службой; русское землевладѣніе сохранило это свойство до дворянской грамоты.

Право наслѣдованія было такъ же шатко, какъ и право собственности; имѣнія случайно переходили къ сыновьямъ, племянникамъ, и въ такихъ случаяхъ назывались вотчинами, дядинами, но этими словами означалось только, что такимъ-то имѣніемъ владѣлъ отецъ или дядя, и особеннаго права изъ этого не выводилось. Помѣстья иногда оставались на прожитокъ, иногда къ нимъ припускались дѣти помѣщика, иногда и возвращались въ казну. Наслѣдство вообще допускалось какъ милость царская, какъ изъятіе изъ общаго правила. Только монастырскія вотчины сохранили свое преемственное значеніе, болѣе изъ уваженія къ святынѣ, чѣмъ къ праву собственности, и общая ихъ конфискація при Екатеринѣ доказала, что и въ концѣ XVIII ст. полнаго права собственности за ними не признавалось. — Поэтому надо признать, что дворянство въ Россіи до 1785 года никогда не имѣло значенія ни землевладѣльческаго, ни родови-

таго сословія; что, кромѣ фамиліи и княжескаго титула, оно ничего по наслѣдству не передавало, и владѣло имуществами по такому же условному праву какъ и крестьяне, съ обязанностью служить въ полкахъ и приказахъ, точно такъ, какъ крестьяне служили имъ и государству на тяглѣ,—на пашнѣ.

Краткій промежутокъ съ 1785 по 1861 г. не изгладилъ этого чувства равноправности обоихъ сословій, и когда наступилъ день рокового разсчета вольнаго дворянства и крѣпостныхъ крестьянъ, они помирились на дѣлежѣ земель, сознавая, что право на землю, по буквѣ закона дарованное однимъ, по духу законодательства, по преданію, еще живому въ народѣ, принадлежитъ и другимъ, всѣмъ русскимъ людямъ, тянувшимъ тягло устроенія россійской имперіи.

Третій нашъ выводъ есть слѣдующій: правительство и правительственные классы, великіе князья, цари, императоры и ихъ дружинники, бояре и служилые люди имѣли въ Россіи очень мало вліянія на ходъ и исходъ внутренняго народнаго быта. Грамоты, наказы и указы во всемъ, что̀ касается до хозяйственнаго и поземельнаго устроенія и управленія, соблюдались въ древней и новой Россіи очень слабо; историческіе и юридическіе акты, дошедшіе до насъ отъ прежнихъ временъ, указываютъ намъ только изнанку народной жизни, только тѣ дѣйствія, которыя запрещались верховною властью, но, несмотря на запрещенія, повторялись непрерывно изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, со временъ московскихъ великихъ князей XV стол. до императоровъ XVIII вѣка.

Узаконенія эти писались и издавались или для пресѣченія зла, безпорядка, дошедшаго до крайности, или для огражденія однихъ жителей отъ насильствъ и притѣсненій другихъ, или, наоборотъ, для предоставленія отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ особыхъ правъ въ видѣ царской милости и изъятія изъ общихъ порядковъ—но всегда въ частныхъ случаяхъ, по особому ходатайству, или иску, жалобѣ, челобитной какого-либо монастыря, боярина или черныхъ людей и княжескихъ селъ. Общихъ порядковъ не было узаконено ни относительно землевладѣнія вотчиннаго или помѣстнаго, ни

о порядкѣ наслѣдованія, семейныхъ раздѣловъ, выдѣла, ни о крестьянскомъ владѣніи, общинномъ или участковомъ, ни о правѣ перехода, отказовъ отъ земли, надѣлѣ крестьянъ и отношеніямъ ихъ къ владѣльцамъ, на земляхъ коихъ они водворились.

Со времени судебниковъ и уложенія появляется стремленіе къ кодификаціи правилъ и обычаевъ, болѣе или менѣе освоившихся въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ быту, точно такъ какъ въ „Русской Правдѣ" сведены были нѣкоторыя отрывистыя черты древняго народнаго быта; но, во-первыхъ, всѣ эти черты и обычаи были взяты изъ очень тѣсной среды, окружающей Новгородъ, Кіевъ, Москву, между тѣмъ какъ жизнь народа, проникая въ отдѣльныя окраины, складывалась тамъ совершенно иначе, своеобразно, вольно и дико; во-вторыхъ, сельскія сословія, землевладѣльцы и земледѣльцы, бояре и холопы, помѣщики и крестьяне пользовались одинаково и совмѣстно двумя способами, чтобы избѣгать всякихъ новыхъ порядковъ, вводимыхъ правителями, если только эти порядки имъ казались стѣснительными. Эти способы были для дворянъ—неявка на службу, для крестьянъ—бѣгство и бродяжничество. Проходя всю вѣковую исторію русскаго землевладѣнія, мы должны придти къ тому заключенію, что это пассивное сопротивленіе обоихъ класовъ народа, это постоянное уклоненіе отъ возложенныхъ на нихъ узъ гражданскаго устроенія, имѣли на внутренній строй русской земли гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ правительственныя мѣры московскихъ великихъ князей и царей и петербургскихъ императоровъ. Главнѣйшая основа частнаго землевладѣнія была государева служба—крестьянское государево тягло; но и землевладѣльцы, и крестьяне имѣли всегда возможность уйдти отъ того и другого и пользовались этой возможностью почти безпрепятственно при слабомъ, безтолковомъ и смутномъ управленіи необъятной страны, называемой русскимъ царствомъ.

Интересы обоихъ сословій были въ этомъ отношеніи солидарны: помѣщики желали скрыть пространство своихъ жилыхъ земель, число крестьянскихъ дворовъ, для облегченія своихъ служилыхъ обязанностей; крестьяне — для облегченія тягловыхъ платежей; владѣльцы искали рукъ, жильцовъ для своихъ незаселенныхъ пустошей; земледѣльцы искали земель,

гдѣ платежи были полегче. Такихъ земель было много, особенно у богатыхъ монастырей и бояръ, и именно такихъ, какія можно было легко скрыть отъ московскихъ приказныхъ людей и писцовъ, потому что они лежали или въ неприступныхъ тундрахъ и дебряхъ Поморья, или въ разбойничьихъ краяхъ понизовыхъ и украинскихъ уѣздовъ, куда ходить съ писцовыми книгами было неудобно и страшно. Туда и уходили всѣ люди недовольные, тамъ ихъ скрывали помѣщики, игумены, владыки; тамъ народный бытъ развивался какъ хотѣлъ и какъ попало, не вѣдая про государственныя установленія, и отвѣчая на запросы начальства и властей, изрѣдка до нихъ доѣзжавшихъ, извѣстной поговоркой — „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю“.

Гнѣвно и строго относились государи къ этому систематическому уклоненію своихъ подданныхъ отъ службы и тягла, жаловались на презрѣніе царскихъ указовъ, на огурство и упорство гг. дворянъ, называли ихъ просто ворами, а крестьянамъ угрожали нещадными казнями; но эти брани и угрозы такъ и оставались большею частію угрозами, и внушали, повидимому, мало страха, потому что изъ-за поморскихъ или украинскихъ городовъ до Москвы и царя московскаго было далеко.

Этотъ многовѣковой разладъ между правительственной политикой и дѣйствительнымъ народнымъ бытомъ привелъ насъ къ всеобщему недоумѣнію, когда въ XVIII столѣтіи Россія вдругъ выступила на путь общечеловѣческаго прогресса. Правители, образованные классы и ученые знали только оффиціальную сторону нашей общественной жизни, и только въ томъ районѣ государства, который можно назвать подмосковнымъ краемъ, гдѣ правительственная и помѣщичья власть имѣли наиболѣе органовъ, и гдѣ уклоненія и нарушенія порядковъ могли быть строже преслѣдованы. Тамъ крѣпостное право было уже твердо, помѣщичья власть организована, крестьяне всѣ обращены на издѣльную повинность, воеводы, намѣстники, потомъ губернаторы управляли дѣйствительно страной и народомъ, и указы приводились въ исполненіе.

Трудно опредѣлить ту линію, гдѣ прекращалось это вѣрноподданническое послушаніе; но, безъ сомнѣнія, большая половина Россіи жила внѣ круга дѣйствій правитель-

ства; всѣ казацкія земли, Малороссія, Украйна, Донъ и низовые города Волги на югѣ, за-онежскіе, ладожскіе погосты, Вятка, Пермь, Бѣлозерскій край и все Поморье на сѣверѣ, не говоря уже о заволжскихъ и сибирскихъ губерніяхъ, проживали до новѣйшихъ временъ на полной волѣ во внутреннемъ хозяйственномъ своемъ быту. Помѣщиковъ было не много, но за то они жили привольно, на службу не ѣздили, и когда получали приказы о явкѣ въ полки, то пропускали первый и второй безъ вниманія и ожидали, какъ повѣствуетъ современникъ Петра Посошковъ, третьяго указа, чтобы послушаться его императорскаго величества. Крестьяне черныхъ волостей ничего не знали о правительствѣ, кромѣ податного оклада, и, получая окладной листъ съ обозначеніемъ общей валовой цифры причитающагося съ нихъ налога (какого бы ни было: посошнаго, повытнаго, подворнаго или подушнаго) разрубали и метали его по-своему, по мірскому изстаринному обычаю, а какой былъ этотъ обычай—казна не знала и не спрашивала. Помѣщичьимъ крестьянамъ въ этихъ краяхъ тоже жилось не дурно и, во всякомъ случаѣ, несравненно вольнѣе, чѣмъ подмосковнымъ; господскихъ запашекъ дворяне не заводили, усадебъ не строили, въ помѣстьяхъ жили рѣдко и взимали только оброкъ, и, такъ же какъ казна, облагали село, деревню, вотчину валовой суммой оброка, предоставляя крестьянамъ дѣлить ее, какъ знаютъ.

За то поземельное владѣніе было все въ рукахъ крестьянъ, и оно было неограниченное и самовольное; общинныя пахатныя земли еще были кое-гдѣ измѣрены примѣрно по посѣву, но настоящее приволье крестьянъ состояло въ неизмѣренныхъ и неизмѣримыхъ лѣсныхъ покосахъ, лединахъ и ухожахъ, въ расчисткахъ и распашкахъ, прирѣзанныхъ ими самовластно къ своимъ угодьямъ, въ задворныхъ пожняхъ, поемныхъ лугахъ, и еще болѣе въ самовольныхъ порубкахъ казенныхъ и господскихъ лѣсовъ. Вмѣшательство полицейской и помѣщичьей властей было такъ затруднительно по дальности и трудности сообщеній, цѣнность земли такъ ничтожна, что полиція и помѣщикъ довольствовались уплатой податей и оброка, не спрашивая, изъ какихъ статей дохода выбирались эти суммы; а выбирались они бо́льшею ча-

стію изъ полевыхъ и лѣсныхъ угодій или рыбныхъ и лѣсныхъ промысловъ, вовсе не принадлежащихъ крестьянамъ. Староста или бурмистръ собиралъ оброчную сумму къ Филиппову заговѣнью или Рождеству, отвозилъ ее барину въ городъ или столицу, чѣмъ и прекращались опять на круглый годъ всѣ сношенія сельскихъ обществъ съ помѣщикомъ. Самоуправленіе во всѣхъ этихъ волостяхъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, было полное, и кромѣ мірской сходки и мірского приговора, обыватели не знали никакихъ авторитетовъ и никакихъ постановленій.

Право собственности въ этихъ краяхъ основано было почти исключительно на первомъ занятіи свободныхъ земель; это право называлось заимкой, занятыя земли—займищемъ. Такимъ образомъ населялись отхожія пустоши; на нихъ строились сначала дворы въ одиночку, потомъ, съ приращеніемъ семейства, починки, выселки въ 2—3 двора, наконецъ и цѣлыя деревни, села и слободы, расширяя свои полевыя угодья, по мѣрѣ надобности, распашкой и расчисткой дикихъ полей.

Правительство очень часто подтверждало это право primi occupantis формальными актами; такъ, напримѣръ, въ 1699 г. записаны за украинскими полками обширныя степи, занятыя выходцами, то-есть бѣглыми при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и въ актахъ сказано, что земли эти признаются полковыми старозаимочными.

Итакъ, можно сказать, что съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ одна половина Россіи (центральная) жила подъ властями и законами, но повиновалась имъ слабо; другая половина, сѣверная, южная и восточная оставались внѣ закона, внѣ предѣловъ властей, и изъ благодатныхъ сѣмянъ просвѣщенія и государственнаго устроенія принимала только то, что́ случайно заносило вѣтромъ въ эти пустыя пространства.

Поэтому мы думаемъ, вопреки мнѣнію многихъ ученѣйшихъ авторитетовъ, что народный бытъ, народное хозяйство, какія они есть, сложились въ Россіи сами собой, при очень слабомъ дѣйствіи правительства и администраціи, и не столько подъ вліяніемъ крѣпостного права и помѣщичьей власти, столько въ противодѣйствіе этимъ учрежденіямъ и напере-

коръ стремленію высшихъ классовъ, которые были слишкомъ мало образованы, чтобы провести политику порабощенія народа и обезземеленія высшихъ классовъ съ такою послѣдовательностью, какъ она проведена была въ нѣмецкихъ и другихъ европейскихъ странахъ. Право частной землевладѣльческой собственности не успѣло проникнуть такъ глубоко въ плоть и кровь дворянскаго сословія, потому что оно имѣло основаніе очень шаткое, именно помѣстное и служилое, а не родовое и преемственное значеніе. Древніе боярскіе и княжескіе роды къ концу XVII столѣтія почти всѣ вымерли или такъ обѣднѣли, что старинныхъ вотчинъ за ними оставалось очень мало; мелкіе помѣщики до 100 душъ были совершенно сравнены съ податными сословіями и воспитывали своихъ дѣтей въ гарнизонныхъ баталіонахъ на казенный счетъ. Аристократическій классъ состоялъ только изъ немногихъ фамилій, или выслужившихся въ теченіи XVIII столѣтія, или, какъ Строгановы, Демидовы, Пашковы, вышедшихъ изъ торговаго и промышленнаго сословія. Послѣдніе еще имѣли для своей собственности болѣе прочное основаніе, чѣмъ первые, ибо нажили его своимъ трудомъ и своими оборотами. Первые же, пожалованные несмѣтными богатствами за службу и разныя услуги совершенно интимнаго свойства, нѣсколько разъ въ теченіи XVIII столѣтія подвергались опалѣ и конфискаціи своихъ имуществъ; потомъ, вновь облагодѣтельствованные другими государями и вновь вступившіе во владѣніе имѣніями, утратили въ глазахъ народа единственное значеніе, которое придаетъ нѣкоторый вѣсъ аристократическимъ классамъ—давность и прочность владѣнія. Притомъ же, этотъ высшій классъ русскаго дворянства по образу жизни былъ и остался совершенно чуждъ не только простому народу, но и среднему разряду помѣстныхъ дворянъ; знатныя особы временъ Екатерины и Александра жили при дворѣ, изрѣдка выѣзжали въ подмосковныя свои усадьбы, удалялись въ деревню только въ случаѣ опалы и въ видѣ наказанія; объяснялись по-французски легче, чѣмъ по-русски, переходили цѣлыми фамиліями въ католическую вѣру, воспитывали дѣтей въ іезуитскихъ школахъ, подсмѣивались надъ провинціалами, неправильно выговаривавшими французскій языкъ и щеголяли, можно сказать, полнѣйшимъ своимъ

отчужденіемъ отъ нравовъ и обычаевъ своего отечества. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, этимъ особамъ принадлежала едва ли не цѣлая $^1/_4$ земель европейской Россіи и не менѣе $^1/_2$ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ царствованіе Александра и Николая Павловичей помѣстное и крѣпостное право оставалось неподвижно въ великороссійскихъ губерніяхъ. Въ остзейскомъ краѣ и въ Польшѣ была дарована крестьянамъ личная свобода. По неисповѣдимому Божьему промыслу благодѣяніе это миновало Россію, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ благіе виды либераловъ того времени осуществились въ началѣ столѣтія, то крестьяне русскіе отпущены бы были на волю безъ земли. Имъ предстояло еще выдержать искушеніе полувѣкового гнета, чтобы выгадать, кромѣ личной вольности, право землевладѣнія.

Такъ прошли два царствованія, болѣе 50 лѣтъ. Крестьянская реформа стояла все время на очереди государственныхъ вопросовъ; но рѣшеніе отсрочивалось главнѣйшимъ образомъ по вліянію и противодѣйствію лицъ, приближенныхъ къ государямъ, которые обыкновенно оспаривали своевременность и даже необходимость освобожденія крестьянъ слѣдующими аргументами.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, говорили они, дѣйствительно тягостно въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, бо́льшею частію принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, и чинимыя ими злоупотребленія власти слѣдуетъ прекращать строгимъ надзоромъ полиціи (въ особенности тайной) и предводителей дворянства; но эти злоупотребленія только частные исключительные случаи, и въ общей массѣ, въ средней сложности, помѣщичьи крестьяне находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ казенные, такъ-называемые вольные. Наши вотчины, продолжали эти именитые сановники, совѣтники государя, находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, о чемъ свидѣтельствуютъ и исправные платежи казенныхъ податей, и полнота хлѣбныхъ магазиновъ, и неусыпное наше попеченіе о продовольствіи, хозяйственномъ обзаведеніи и всѣхъ нуждахъ и пользахъ нашихъ крестьянъ.

И все это было на половину правда, на половину обманъ, но обманъ не умышленный, ибо большая часть этихъ знатныхъ и богатыхъ господъ дѣйствительно вѣрили, что все идетъ къ лучшему въ прекрасныхъ ихъ вотчинахъ, управляемыхъ нѣмцами и поляками, или заслуженными крѣпостными и вольноотпущенными. Когда они изрѣдка навѣщали своихъ подданныхъ, то ловкіе управляющіе такъ искусно прибирали крестьянъ наиболѣе преданныхъ и зажиточныхъ, и эти мужички говорили такія сладкія рѣчи пріѣзжему барину, такъ хвалились своимъ благосостояніемъ и довольствомъ, что оставляли въ мягкой душѣ помѣщика неизгладимое впечатлѣніе, что счастіе крѣпостныхъ людей вполнѣ обезпечивается помѣщичьей властью, и что тревожные слухи объ освобожденіи крестьянъ исходятъ только отъ безпокойныхъ и безсмысленныхъ мечтателей, незнакомыхъ съ жизнью народа, съ практикой сельскаго быта.

Правда и то, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, особенно въ крупныхъ, хозяйственное состояніе крестьянъ много улучшилось, въ сравненіи съ казенными селеніями, сдѣлалось ровнѣе въ половинѣ XIX ст. послѣ долгаго распоряженія и управленія дворянъ — и это улучшеніе слѣдуетъ приписать двумъ главнымъ способамъ, посредствомъ коихъ господскія селенія постепенно приводились въ лучшій порядокъ. Способы эти были: сдача въ рекруты и ссылка въ Сибирь, права, всемилостивѣйше дарованныя благородному сословію въ 1747 и 1760 гг., и которыя послужили ему самымъ лучшимъ средствомъ для поднятія уровня благосостоянія въ своихъ имѣніяхъ; въ теченіи цѣлаго столѣтія помѣщики сдавали въ рекруты крестьянъ негодныхъ, неисправныхъ въ хозяйствѣ и, при учащенныхъ наборахъ въ военное время, успѣли дѣйствительно отдѣлаться отъ всѣхъ бѣднѣйшихъ своихъ людей; многіе помѣщики еще въ сороковыхъ годахъ считали даже эту мѣру однимъ изъ лучшихъ культурныхъ средствъ въ своихъ хозяйствахъ и сдавали по 4, 5 рекрутовъ съ 1000 душъ въ зачетъ будущихъ наборовъ; строптивые, противящіеся крестьяне ссылались въ Сибирь, такъ что и въ хозяйственномъ и въ нравственномъ отношеніи (т.-е. дисциплинарномъ) помѣщичьи имѣнія все болѣе и болѣе очищались; худшіе, т.-е. бѣднѣйшія крестьянскія дѣти

умирали въ госпиталяхъ или на поляхъ битвъ; немногія изъ нихъ, которыя возвращались на родину, кормились подаяніями; а лучшія крестьянскія семьи, болѣе исправныя и покорныя, оставались въ имѣніяхъ, охраняемыя своими благодушными господами. Чѣмъ крупнѣе было помѣстье, тѣмъ болѣе было выбора для таковыхъ очищеній, и поэтому понятно, что въ концѣ царствованія Николая, въ особенности послѣ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ 1812, 1828, 1830 и 1848—50 гг., у богатѣйшихъ помѣщиковъ оставались и богатѣйшіе крестьяне; всѣ прочіе были сданы въ солдаты или сосланы въ Сибирь.

Но, кромѣ того, надо замѣтить, что это самоувѣренное мнѣніе о лучшемъ будто бы состояніи крестьянъ въ крупныхъ имѣніяхъ было ошибочно въ томъ отношеніи, что матеріальное благосостояніе часто принималось за несомнѣнный признакъ общаго благоденствія крѣпостныхъ людей, между тѣмъ какъ оно покупалось очень дорогой цѣной и достигалось самыми строгими мѣрами. Въ особенности тяжко для крестьянъ было управленіе нѣмцевъ и поляковъ, которые въ тридцатыхъ годахъ, послѣ усмиренія польскаго возстанія и при общемъ стремленіи къ введенію раціональнаго хозяйства, наѣзжали массами и завладѣли управленіемъ всѣхъ главныхъ имѣній въ черноземной и степной полосѣ; тягостно оно было потому въ особенности, что эти иноземцы, питая глубокое презрѣніе къ грубому быту крестьянъ, исправляли его мѣрами, совершенно противными народному духу, вмѣшивались въ разверстку тяголъ, спускали съ тягла и налагали тягла по произволу; напримѣръ считали въ полтяглѣ и подростковъ, холостыхъ парней и дѣвокъ, между тѣмъ какъ по старинному обычаю тяглецомъ считался только женатый работникъ (по пословицѣ—жениться, чтобы на тягло надѣлиться); семейные раздѣлы, которые прежде производились по отцовскому благословенію, или по мірскому приговору, сдѣлались предметомъ особаго попеченія нѣмцевъ-управляющихъ, и для поддержанія семьянистыхъ крестьянъ, они всѣми способами препятствовали выдѣлу сыновей и зятьевъ, или дѣлили имущества въ господскихъ конторахъ, по своимъ нѣмецкимъ понятіямъ о собственности и наслѣдованіи; во многихъ имѣніяхъ заведена была барщина урочная, вмѣсто трехдневной, чѣмъ особенно

обременялись крестьяне одинокіе, и сгонные дни въ сѣнокосъ и уборку, что́ въ нашу короткую лѣтнюю страду отнимало у крестьянъ нѣсколько такихъ рабочихъ дней, которые были незамѣнимы для полевыхъ работъ.

Мы здѣсь описываемъ все такія дѣйствія, которыя не составляли злоупотребленій власти, и даже отчасти, какъ напримѣръ запрещеніе раздѣловъ, приносили имъ пользу; но все это дѣлалось по произволу, съ большимъ пристрастіемъ, въ пользу однихъ крестьянъ и въ ущербъ другихъ; общинныя, семейныя, родственныя связи поддерживались насильственными мѣрами, тѣлесными наказаніями, сдачей въ рекруты и ссылкой въ Сибирь.

Въ царствованіе Николая Павловича заочное управленіе сдѣлалось всеобщимъ въ высшихъ классахъ нашего дворянства, и приносило такіе же горькіе плоды, какъ абсентеизмъ въ Ирландіи; даже прежній обычай—отъѣзжать въ деревню на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ для лѣтняго отдохновенія или для псовой охоты, постепенно выводился; владѣльцы обширныхъ и привольныхъ степей, или богатѣйшихъ вотчинъ черноземныхъ губерній, или роскошныхъ подмосковныхъ за́мковъ и дворцовъ, строили себѣ дачи изъ барочнаго лѣса на Петергофской дорогѣ, или на Каменномъ-островѣ, чтобы быть ближе къ высочайшему двору.

Такъ-то доживала послѣдніе годы своего сословнаго существованія богатѣйшая и знатнѣйшая часть русскаго дворянства, крупныхъ землевладѣльцевъ; число ихъ было не велико: по таблицамъ, составленнымъ Кеппеномъ, въ 1834 году считалось помѣщичьихъ семействъ, владѣвшихъ 1000 и болѣе душами, 1453; но за ними было 3.556,959 ревизскихъ душъ, около $^1/_3$ всѣхъ крѣпостныхъ, и въ средней сложности приходилось на одного владѣльца 2461 крестьянинъ, что́ равняется доходности по 24,610 рублей. Къ нимъ примыкали 2273 помѣщика, во владѣніи коихъ состояло 1.562,831 крестьянинъ, на одного среднимъ числомъ 687 ревизскихъ душъ (около 6870 рублей дохода). Эти два разряда, всего 3726 дворянскихъ семействъ, составляли собственно крупное землевладѣніе, очень малочисленное въ отношеніи къ простому дворянству, но по своему состоянію очень сильное, ибо половина всего крѣпостного населенія принадлежала ему. Позади

ихъ стоялъ второй рядъ помѣщиковъ, который мы назовемъ среднимъ, отъ 100 и до 500 душъ крестьянъ, среднимъ числомъ 217 душъ, коихъ считалось 16,740 и за ними 3.634,194 крѣпостныхъ [8]). Этотъ разрядъ дворянскихъ фамилій жилъ совершенно въ другой средѣ, чѣмъ первый, ко двору пріѣзда не имѣлъ, хотя между ними были и столбовые боярскіе роды, служилъ въ арміи, а не въ гвардіи, въ провинціи, а не въ столицахъ; нравы ихъ были нѣсколько грубы, и обхожденіе съ крестьянами иногда очень крутое. Но въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ упрекъ этотъ уже относился только къ старому, отживавшему поколѣнію, или къ немногимъ отставнымъ генераламъ и маіорамъ, которые вынесли изъ военной службы преувеличенное пристрастіе къ дисциплинѣ. Молодое поколѣніе этихъ помѣщиковъ средней руки были, въ огромномъ большинствѣ, люди хотя и не глубоко образованные, воспитанники кадетскихъ корпусовъ, но съ нравами мягкими, съ образомъ мыслей добродушнымъ; радушные, гостепріимные и разгульные, они уживались довольно мирно и согласно съ своими крестьянами, потому что раздѣляли большую часть ихъ слабостей и пороковъ. Между ними начинали появляться и люди совершенно другого закала, съ серьёзнымъ образованіемъ, съ душевнымъ желаніемъ улучшить и облагородить сельско-хозяйственный бытъ, и эти немногіе, скромные и бѣдные землевладѣльцы получали въ своихъ околоткахъ большое вліяніе на крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, это среднее и помѣстное дворянство стояло къ народу ближе, чѣмъ всѣ прочія сословія, знало его нужды и пользы лучше, чѣмъ правительство, и управляло крестьянами хотя и хуже, безпорядочнѣе, но несравненно мягче, снисходительнѣе, чѣмъ управители крупныхъ землевладѣльцевъ; они были имъ менѣе ненавистны, чѣмъ иностранные вводители новыхъ порядковъ, спѣсивые, недоступные, остзейскіе агрономы и поляки, всѣ поголовно считавшіеся измѣнниками и врагами въ вотчинахъ, коими управляли. Хуже всего было положеніе крестьянъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, гдѣ они обращены были почти въ батраковъ и годовыхъ рабочихъ; но число этихъ крестьянъ было незначительно: у 42,978 помѣщиковъ было ревизскихъ душъ 339,586.

Такимъ образомъ русское дворянство, послѣ двухвѣкового крѣпостного владычества, распалось на три класса, не-

сходные ни въ политическомъ, ни въ хозяйственномъ значеніи, и отношенія ихъ были слѣдующія: a) крупные и знатные землевладѣльцы составляли въ общей массѣ дворянъ-помѣщиковъ только 3%, b) средніе отъ 100 до 500 душъ 13%, c) мелкіе, менѣе 100 душъ, 84%. Послѣдніе собственно не принадлежали къ помѣстному сословію; изъ всего числа 106 тысячъ мелкихъ помѣстныхъ дворянъ, 17 тысячъ не имѣли вовсе земли и владѣли только людьми, приписанными къ домамъ; 58 тысячъ владѣли среднимъ числомъ по 77 ревизскихъ душъ; на остальныхъ, 31 тысячу, приходилось по 49 душъ. По своему состоянію, по размѣрамъ своихъ владѣній, по образу жизни, они стояли ближе къ крестьянству, чѣмъ къ знатному столичному дворянству; тѣ немногіе изъ нихъ, старики и убогіе, которые жили въ своихъ усадьбахъ и занимались хлѣбопашествомъ, ничѣмъ не отличались въ своемъ хозяйственномъ быту отъ зажиточныхъ крестьянъ. Люди бодрые и молодые искали другихъ занятій и промысловъ, и, получивъ кое-какое воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, въ уѣздныхъ школахъ, поступали на службу въ армію, или въ канцеляріи губернскихъ присутствій, вскорѣ забывали свое дворянское происхожденіе, содержали себя личнымъ трудомъ, службой и скуднымъ жалованьемъ, и составляли такимъ образомъ въ средѣ дворянства огромнѣйшее большинство, 84% родовитыхъ, но бѣдныхъ дворянъ, вовсе чуждыхъ интересамъ прочихъ помѣщиковъ, и питающихъ къ нимъ чувства болѣе враждебныя, чѣмъ сами крестьяне. Въ послѣднее время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, этотъ классъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ образованіи, едва ли не большіе, чѣмъ высшее дворянство. Пользуясь образовательными средствами, сосредоточенными въ столицахъ и городахъ, молодые люди проходили высшіе учебные курсы, и изъ нихъ постепенно набирались ученые, литераторы, художники, армейскіе офицеры и гражданскіе чиновники, дворяне по роду и племени, но составлявшіе главную оппозицію противъ дворянскихъ привилегій, и въ особенности противъ крѣпостного права и аристократическаго преобладанія крупнаго землевладѣнія [9]) [10]).

Такъ доходимъ мы до рокового дня освобожденія крестьянъ....

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Мы воспользовались можетъ быть съ нѣкоторою нескромностью въ этой главѣ тремя сочиненіями, изъ коихъ выписали цѣлыя страницы, и должны повиниться передъ авторами, въ этомъ проступкѣ, называемомъ по-французски plagiat (слово это, кажется, не имѣетъ равнозначущаго на русскомъ языкѣ). Одно изъ этихъ сочиненій—„Дворянство въ Россіи“ Романовича-Славатинскаго, Петербургъ, 1870 г., другое—„Замѣчательныя богатства въ Россіи“ Карновича, 1874 г., третье—отдѣльная статья, напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы“, мартъ 1866 г., подъ названіемъ „Колонизація въ Россіи“ профессора Ешевскаго. Первыя два сочиненія послужили намъ главнымъ руководствомъ при изложеніи хода помѣстнаго и крестьянскаго владѣнія въ Россіи въ XVII и XVIII ст.; книга г. Карновича особенно наглядно излагаетъ систему всемилостивѣйшихъ пожалованій. Что же касается статьи профессора Ешевскаго, то она составляетъ первый опытъ изслѣдованія этого важнѣйшаго предмета колонизаціи внутри Россіи и великорусскаго племени, предмета, оставленнаго по сіе время почти внѣ круга научныхъ изслѣдованій, хотя по значенію своему онъ не менѣе важенъ, чѣмъ исторія нашего государственнаго устроенія. Статья, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Европы“, есть только отрывокъ, къ сожалѣнію, недоконченнаго, замѣчательнаго труда.

---

[2]) Въ какомъ униженномъ состояніи были эти мелкопомѣстные дворяне, видно изъ того, что въ 1843 г. положено было надѣлять бѣдныхъ дворянъ въ Симбирской губерніи по 60 десятинъ на семейство, въ Тамбовской по 80 съ денежнымъ пособіемъ отъ 100 до 140 рублей, и на этотъ вызовъ изъявили согласіе въ томъ же году 290 семействъ Рязанской губерніи и 109 Смоленской.

---

[3]) Исторія крестьянскихъ возстаній въ Россіи изложена превосходно въ сочиненіи „Дворянство въ Россіи“, изъ коего мы выписывали слѣдующія мѣста стр. 358 и послѣд.).

До насъ дошло мало свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ въ началѣ XVIII ст. Единственное извѣстіе о волненіяхъ помѣщичьихъ крестьянъ при Петрѣ Великомъ, заключающееся въ П. С. З., относится къ 1713 г.: крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ Нижегородскаго, Ростовскаго и Верейскаго уѣздовъ „учинились владѣльцамъ своимъ ослушны и отъ нихъ отложились“ (№ 2668). Трудно думать, чтобъ это былъ единственный случай. Мы читали челобитную, поданную крѣпостными Петру, для удовлетворенія которой при немъ не приспѣло еще время. Можно думать, что страстная жажда свободы, жажда вырваться изъ Содома и Гоморры, какъ выражались челобитчики, не утоленная правительствомъ, проводила крѣпостныхъ къ постояннымъ откры-

тымъ возстаніямъ противъ помѣщиковъ — возстаніямъ, которыя непрерывно тянутся чрезъ XVIII и XIX вѣка, оканчиваясь только наканунѣ отмѣны крѣпостной зависимости. Волненія крестьянъ, случавшіяся послѣ реформы, были безконечно слабѣе и рѣже, чѣмъ до нея.

Больше свѣдѣній мы имѣемъ о волненіяхъ, бывшихъ при преемникахъ Петра, особенно съ Елисаветы Петровны. Въ 1741 г. начались волненія крестьянъ, купленныхъ Демидовымъ у Головкина въ Калужскомъ уѣздѣ. Сенатъ строго наказалъ виновныхъ: двое изъ нихъ были повѣшены, двое по наказаніи сосланы на вѣчно въ ссылку, а остальные — десятый по жребію — биты кнутомъ и плетьми. Строгія наказанія не удерживали крестьянъ отъ новыхъ волненій. Волненія повторяются въ 1752 г. Присягнувъ стоять за-одно, по отслуженіи молебна священниками, крестьяне въ числѣ 3 т. человѣкъ съ пушками и ружьями разбили цѣлый рижскій драгунскій полкъ, отправленный для ихъ усмиренія, взявъ въ плѣнъ самого полковника. Послали бригадира Хомякова съ шестью полками съ повелѣніемъ жечь жилища волнующихся крестьянъ и палить въ нихъ изъ пушекъ. Волненіе сообщилось и въ близлежащіе уѣзды: поднялись крестьяне графа Шувалова, вышегородской волости Сергейскаго уѣзда, фабриканта Лучинина, Бѣлевскаго уѣзда, гр. Ягужинскаго въ Московскомъ и Новгородскомъ уѣздахъ, Гончарова въ Брянскѣ („Чтен.", кн. 2, 1863 г.). Въ 1760 г. Воронцовъ продалъ своихъ крестьянъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ надворному совѣтнику Безсонову: въ одномъ изъ проданныхъ имѣній крестьяне, увидѣвъ приближающагося къ нимъ подъячаго арзамаской провинціальной канцеляріи, посланнаго съ военной командой для отказа ихъ, вооружившись, не допустили въ село ни подъячаго, ни команду, угрожая побить ихъ. Сенатъ отрядилъ въ имѣніе Безсонова роту солдатъ съ пушками; а между тѣмъ, получилъ отъ капитана Таракапова жалобу, что въ галицкой его вотчинѣ крестьяне не слушаютъ и доходовъ не платятъ (№ 1054). Едва усмирены были эти волненія, какъ начались новыя,—еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, послѣ манифеста 18 февраля 1762 г., освободившаго дворянъ отъ обязательной службы. Профессоръ Бѣляевъ видитъ связь между этимъ манифестомъ и послѣдовавшими за нимъ волненіями (314). Эта связь весьма возможна; крестьяне могли разсуждать такъ: царь освободилъ дворянъ отъ барщины въ пользу государства, а насъ долженъ освободить отъ барщины въ пользу дворянъ. Между крестьянами дѣйствительно разошлись слухи объ ихъ освобожденіи. Освобожденія не послѣдовало: начались волненія. 19 іюня 1762 г. изданъ манифестъ, но этотъ манифестъ не принесъ крестьянамъ свободы, а, напротивъ, изъяснилъ непоколебимое намѣреніе государя „помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянамъ въ должномъ имъ повиновеніи держать". Для усмиренія же тѣхъ, которые, отложась отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, поступили на многія своевольства и продерзости, въ Клинскій и Тверской уѣзды была послана четырехсотная команда съ 4 пасковыми пушками, при штабъ-офицерѣ, и кирасирскій полкъ Виттена, а самъ Виттенъ посланъ на почтовыхъ въ Тверь, съ повелѣніемъ, по усмиреніи крестьянъ въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, слѣдовать съ командами въ другія мѣста, гдѣ происходили такія же волненія (№ 11,577). Екатерина II застала волненія крестьянъ въ полномъ разгарѣ: для усмиренія ихъ она послала кн. Вяземскаго и Бибикова. Князь Вяземскій усмирилъ большое волненіе крестьянъ кн. Долгоруко-

выхъ въ Вяземскомъ уѣздѣ, побивъ притомъ пушками значительное число душъ. А между тѣмъ 8 октября 1762 г. императрица издала указъ о пребываніи крестьянъ у своихъ помѣщиковъ въ должномъ повиновеніи — указъ, въ которомъ дословно повторяются увѣщанія манифеста 19 іюня (№ 11,678)".

„Въ слѣдующемъ году предписано: если для усмиренія помѣщичьихъ крестьянъ будутъ посланы военныя команды, то, сверхъ наказанія виновныхъ, взыскивать съ нихъ и причиненные казнѣ убытки (№ 11,875). Но это распоряженіе, подкрѣпленное предоставленнымъ помѣщикамъ правомъ ссылать крестьянъ въ каторжную работу, мало содѣйствовало прекращенію волненій. Волненія продолжались: въ Москвѣ и Петербургѣ между простымъ народомъ обращался насквиль на дворянство (№ 12,080). Въ 1766 г. нѣкоторые крестьяне подали въ главную дворцовую канцелярію челобитную, что будто-де за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить крестьяне не въ состояніи, императрица повелѣла отписывать ихъ на Ея Величество. Сенатъ угрожалъ строгими наказаніями разгласителямъ невѣрныхъ слуховъ (№ 12,633)".

„Угрозы сената не дѣйствовали: въ томъ же (1766) году крестьяне гвардіи секундъ-маіора Фролова-Багрѣева, Тамбовскаго уѣзда, дрались съ воинскою командою при помощи волостныхъ мужиковъ и убили поручика, поранивъ довольно много солдатъ (№ 12,669). Неблагонамѣренные люди продолжали разглашать слухи между крестьянами о перемѣнѣ законовъ и собирали съ нихъ поборы, обнадеживая исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды. Крестьяне волновались, сенатъ продолжалъ усовѣщевать ихъ пребывать въ повиновеніи у помѣщиковъ (№ 12,966); предписывалъ губернаторамъ присылать рапорты о возмущеніяхъ противъ помѣщиковъ во 2-й и въ 1 деп. (№ 13,008)".

„Пугачевщина была послѣднимъ взрывомъ крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II. Послѣ такихъ взрывовъ обыкновенно бываетъ затишье. Утомленные борьбой, изнуренные наказаніями, крестьяне притихли на остальные годы царствованія Екатерины II".

„Но едва взошелъ на престолъ Павелъ I, какъ снова начались крестьянскія волненія, болѣе и болѣе увеличивавшіяся въ своихъ размѣрахъ. Между крѣпостными разнеслась опять молва, что не будетъ крѣпости, а все будетъ государщина, что новый царь хочетъ даровать свободу крестьянамъ, но тому противятся помѣщики. На эту молву крестьянство откликнулось возстаніями противъ своихъ помѣщиковъ. Первое движеніе началось въ декабрѣ 1796 г., Олонецкой губерніи Лодейнопольскаго уѣзда. Въ январѣ 1797 г. въ тайной экспедиціи получены отъ мѣстныхъ властей рапорты о возстаніяхъ крестьянъ: Орловской, Московской, Псковской, Новгородской, Новгородъ-сѣверской, Ярославской, Нижегородской, Пензенской, Калужской, Костромской и Вологодской губерній. Въ Вологодской губерніи, крестьяне помѣщика Поздѣева (масона), въ числѣ 3,000 чел., принесли жалобу государю, что у нихъ: „одежи и обутки нѣту, отъ мразу и гладу умираютъ". Поздѣевъ же писалъ къ Лопухину: „въ крестьянахъ видимъ мы явно готовящійся бунтъ, весьма похожій на пугачевскій, ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ временъ Пугачева духа, дабы не было дворянъ". Въ крестьянскихъ движеніяхъ Вологодской губерніи, какъ и въ бо́льшей части другихъ таковыхъ движеній въ XVIII и XIX ст., большое участіе въ пользу крестьянъ принимаетъ сельское духовенство — „тѣ же мужики, только-что грамотные", по выраженію Поздѣева. Еще сильнѣе высказалось это участіе въ волненіяхъ Псковской и Ка-

лужской губерній. Въ первой—волненія прежде всего обнаружились въ уѣздахъ Порховскомъ и Печерскомъ, а отсюда уже перешли въ Холмскій, распространяясь по всѣмъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, почти все крѣпостное населеніе возстаетъ поголовно противъ помѣщиковъ. Одновременно съ нимъ разгорѣлось волненіе въ 5-ти уѣздахъ полоцкаго намѣстничества, а въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губ. возстало болѣе 10,000 крестьянъ („Р. Арх.“ № 3, 1869 г., ст. де-Пуле). Императоръ издаетъ манифестъ о преданіи суду доносителей, распространяющихъ ложные слухи объ отложеніи крестьянъ отъ должнаго помѣщикамъ повиновенія (№ 17,730); приказываетъ епархіальнымъ архіереямъ, дабы они наблюдали, чтобы священно- и церковнослужители, при возмущеніи крестьянъ, всемѣрно старались отвращать ихъ отъ онаго (№ 17,958). Между прочимъ, ген.-фельд. князю Репнину поручается покореніе возставшихъ крестьянъ (де-Пуле)“.

Замѣчательно, что при Александрѣ I не было такихъ значительныхъ волненій крестьянъ, какія бывали не только при его предшественникѣ, но даже потомъ, при его преемникѣ. Конечно, мелкія волненія и неповиновенія крестьянъ, то за „дурное обращеніе“, то за „жестокіе поступки“ то за „развратные и жестокіе поступки“ помѣщиковъ, какъ значится въ бумагахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не переводились во все время этого царствованія. Въ самомъ началѣ его, одна гдовская помѣщица своими притѣсненіями довела крестьянъ до возстанія, и обратилась съ просьбой о военной силѣ для ихъ усмиренія. Императоръ хотѣлъ преслѣдовать виновную, но члены пресловутаго comité du salut public, образованнѣйшіе и либеральнѣйшіе помѣщики своего времени, убѣдили императора оставить дѣло, чтобы не подать повода крестьянамъ къ бо́льшимъ безпорядкамъ (Богдановичъ). Въ 1803 г. случилось неповиновеніе крестьянъ помѣщика барона Унгернъ-Штернберга, Ямбургскаго уѣзда. Императоръ постановилъ: наиболѣе виновныя семейства сослать въ Сибирь на поселеніе, возвративъ помѣщику за каждую ссылаемую душу мужскаго пола по 100 руб. (№ 20,964). Въ иные годы случалось по 13 такихъ волненій. Особенно значительныя были 1818—1820 гг., когда между крестьянами, какъ и дворянами, разнеслась молва объ освобожденіи крѣпостныхъ, и для усмиренія возставшихъ употреблялась иногда военная сила. При приближеніи французской арміи въ 1812 г., помѣщики очень опасались, чтобы подсылаемые тайные агенты не взволновали ихъ крестьянъ. Но бѣдствія родной земли поглощали вниманіе крестьянъ. Особенныхъ волненій между ними не послѣдовало: въ 1812 году было такихъ же 13 случаевъ неповиновенія помѣщикамъ, какъ и въ предшествовавшемъ 1811 и послѣдовавшемъ 1815 г. (Варадиновъ).

Въ бо́льшихъ размѣрахъ происходили волненія помѣщичьихъ крестьянъ при императорѣ Николаѣ.

„Они начались въ 1826 г., когда между ними разнесся слухъ объ освобожденіи отъ помѣщиковъ. Въ Кіевской губ. волненіе было такъ упорно, что продолжалось въ одномъ имѣніи 3 года. Значительныя движенія происходили также въ Костромской и Ярославской губ., а въ Псковской, Владимірской, Смоленской, Курской и Пермской волненіе происходило, какъ свидѣтельствовали самимѣстныя власти, отъ обремененія работами и жестокихъ поступковъ помѣщиковъ. Въ Вологодской и другихъ губерніяхъ взбунтовались крестьяне отъ слуховъ, что они будутъ взяты въ казну. Отъ помѣщичьихъ волненіе сообщи-

лось крестьянамъ казеннымъ, которые прослышали, что ихъ освободятъ отъ платежа податей (Варадиновъ). Манифестъ 12 мая 1826 г., опровергая слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, призываетъ ихъ къ повиновенію владѣльцамъ, а владѣльцевъ къ христіанскому обращенію съ ними".

„Манифестъ велѣно читать въ теченіи 6 мѣсяцевъ, по воскреснымъ днямъ, въ церквахъ, на торгахъ, въ ярмаркахъ (2-е П. С. № 330). Но это не усмиряетъ крестьянъ: государь усматриваетъ изъ доходящихъ до него свѣдѣній, „что и вслѣдъ за манифестомъ 12 мая сего года, нѣкоторые изъ виновныхъ въ непослушаніи, упорствуя въ закоснѣломъ заблужденіи своемъ, не внимая ни словамъ высочайшаго манифеста, ни истолкованіямъ и убѣжденіямъ начальства, и даже пренебрегая самое наказаніе, не перестаютъ оказывать преступное неповиновеніе властямъ". Такіе упорствующіе должны быть на мѣстѣ предаваемы военному суду (№ 515)".

„Военный судъ не усмиряетъ крестьянъ: волненіе продолжается въ 1827 г. Мѣстныя власти докладываютъ: „духъ буйства и своевольства распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались отъ повиновенія, и вразумленія губернскаго начальства не имѣютъ никакого дѣйствія". Въ 1830 г. между крестьянами опять распространяется молва, и опять волненія—опять военный судъ, ссылки въ Сибирь, Военный судъ присуждаетъ къ такимъ строгимъ наказаніямъ, что правительство сдерживаетъ его въ предѣлахъ умѣренности; разрѣшая гражданскимъ губернаторамъ облегчать и отмѣнять наказанія, имъ присуждаемыя, тѣмъ болѣе, собственноручно пишетъ императоръ Николай, „что случаи сіи должны быть рѣдки, ибо военные суды наряжаются тогда, когда уже употреблена была военная сила, стало быть бунтъ". (№ 688)".

„Въ 1843 г. то большія, то меньшія волненія крестьянъ были въ 11 губерніяхъ. Причинами ихъ, по сознанію самихъ властей, были: отяготительныя повинности крестьянъ, жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ и слухи объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Замѣчательны въ этомъ году волненія между казенными крестьянами. Между ними распространился слухъ объ отдачѣ ихъ помѣщикамъ: вспыхнуло волненіе, въ особенности въ Оренбургской и Пермской губерніяхъ. Въ первой волненіе распространилось на пространствѣ 200 верстъ, въ толпѣ 40,000 душъ, противъ которыхъ выслана была воинская команда въ 10,000 человѣкъ, при 10 орудіяхъ. Въ Пермской губ. взбунтовавшіеся крестьяне разбили одну военную команду и были усмирены только другою. Въ 1845 году слухи о свободѣ произвели волненія помѣщичьихъ крестьянъ въ 13 губерніяхъ, а въ нѣкоторыхъ ихъ было нѣсколько случаевъ (С.-Петербургской, Полтавской). Въ 10 изъ этихъ случаевъ употреблена военная сила. Въ слѣдующемъ году обнаружилось неповиновеніе въ 10 губерніяхъ. Замѣчательно, что предъ отмѣною крѣпостной зависимости волненія помѣщичьихъ крестьянъ прогрессивно возрастаютъ: въ 1847 г. они происходили въ 20 губерніяхъ".

Мѣстныя власти указывали на причины ихъ: въ 3-хъ имѣніяхъ отъ угнетенія крестьянъ, въ 1-мъ отъ развратнаго поведенія помѣщика, въ 2-хъ отъ слабаго управленія, въ остальныхъ—отъ стремленія освободиться отъ крѣпостнаго права".

„Въ 1848 г. въ 22-хъ губерніяхъ; въ 1849 г. изъ 15 губерній, особенно сильное происходило въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губ., гдѣ крестьянъ возстало 10,000 человѣкъ".

„Съ особеннымъ ожесточеніемъ, изувѣченіемъ управителя, побоями помѣ-

щиковъ, покушеніемъ на жизнь ихъ и убійствами—происходили волненія крестьянъ въ 8 губ. въ 1850 г.; въ 1851 г.—въ 22 имѣніяхъ; въ 1853—въ 33. Происходили они все-таки отъ жажды свободы, разоренія хозяйствъ, жестокаго обращенія, желанія укрыть одновотчинниковъ отъ наказанія. Тѣ же причины вызываютъ волненія и въ слѣдующихъ годахъ: 26 случаевъ въ 1854; 19—въ 1855" (см. Варадинова).

---

[4]) Въ началѣ царствованія Петра денежные и помѣстные оклады дворянъ были еще очень не велики: боярамъ и окольничимъ 200 рублей, стольнику 100, стряпчему 80, а при верстаньи помѣстьями противъ денежнаго жалованья полагалось за 1 рубль 5 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по столько же; всего 15 четвертей пашни (7½ десятинъ). Боярскій помѣстный окладъ равнялся поэтому 1500 десятинамъ, стольничій — 750 десятинамъ; съ 1682 по 1711 годъ роздано было Петромъ 213 дворянамъ—43,655 дворовъ и 338,960 десятинъ, на одного приходится 205 дворовъ и 1591 десятина.

---

[5]) Юридически многія права крѣпостного владѣнія не были вовсе опредѣлены даже и въ позднѣйшее время, напр. вопросъ о томъ—кто можетъ владѣть крѣпостными людьми? Въ 1615 году запрещено было боярскимъ людямъ брать служилыя кабалы на вольныхъ людей; несмотря на это въ продолженіи XVII и въ началѣ XVIII вѣка крѣпостные часто владѣли таковыми же крѣпостными людьми; въ ссудныхъ дѣлахъ мы находимъ нѣсколько исковъ помѣщичьихъ крестьянъ о крѣпостныхъ своихъ жонкахъ и дѣвкахъ; государственные крестьяне подавали жалобы о побѣгѣ своихъ крѣпостныхъ. Первая ревизія не разрѣшила вопроса: въ 1730 году, московская губернская канцелярія доноситъ сенату, что многіе боярскіе люди накупили и набрали въ закладъ людей и крестьянъ. Изъ одного указа 1737 года видно, что ярославскимъ купцамъ дозволено было владѣть крѣпостными и отдавать ихъ за себя въ рекруты. Инструкція ревизорамъ 1730 года позволяетъ писать крѣпостныхъ за рядовыми солдатами и приказными. Законъ 1746 года дозволяетъ отдавать пріемышей въ крѣпость попамъ, церковникамъ, купцамъ и разночинцамъ. При 2-й ревизіи оказалось въ Нижнемъ-Новгородѣ у посадскихъ людей 127 дворовыхъ. Городу Смоленску разрѣшено было (1746 года) покупать людей безъ земли. Только съ межевой инструкціи 1754 года начинается стремленіе пріурочить право крѣпостного владѣнія къ потомственному дворянству. Но какъ и всѣ прочія стремленія русскаго правительства, оно встрѣчало сильнѣйшее противодѣйствіе: дворяне обходили законъ, выдавая довѣренности на полное и потомственное владѣніе разночинцамъ. Въ западномъ краѣ, въ особенности подъ вліяніемъ польскаго дворянства, владѣніе крѣпостными было распространено на всѣ сословія, даже на иностранцевъ (по конституціи 1775 года). Въ 1820 году въ одной Гродненской губерніи у 46 евреевъ было 19,438 крѣпостныхъ.

---

[6]) Авторъ этого сочиненія считаетъ себя въ правѣ здѣсь замѣтить, что онъ не принадлежитъ къ числу наслѣдниковъ своего счастливаго однофамильца, екатерининскаго Васильчикова, и въ подтвержденіе этого заявленія приводитъ слова автора вышеупомянутой книги: „Замѣчательныя богатства въ Россіи" г. Карновича, стр. 328: „Линія, къ которой принадлежалъ А. С. Васильчиковъ „(фаворитъ) шла особо отъ той, изъ которой происходитъ бывшій при импера-

„торѣ Николаѣ предсѣдатель государственнаго совѣта, князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ". Авторъ этого сочиненія сынъ князя И. В. Васильчикова.

Въ перепискѣ графа Ростопчина съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ мы читаемъ интересныя данныя объ высочайшихъ наградахъ: „князь Безбородко исходатайствовалъ имѣніе въ 850 душъ и орденъ Св. Екатерины своей любовницѣ г-жѣ Л... qui est une prostitue, прибавляетъ графъ" (Архивъ кн. Воронцова, т. VIII, стр. 179).—На сихъ дняхъ г-жа Н... выпросила у государя (Павла I) 2000 душъ для герцога Шуазенъ-Гуфье, за то, что онъ сочинялъ въ ея честь нотные стихи и рисунки (Id., стр. 183).—Въ одинъ день 18 августа 1795 г. пожаловано было 62 особамъ 109,000 душъ крестьянъ (Id., стр. 106).

---

[7]) Гакстгаузенъ замѣчаетъ, что немногія боярскія фамиліи сохранили свои родовыя помѣстья. Шереметевы, Бутурлины, Голицыны, Долгорукіе, а большею частью имѣнія переходятъ не далѣе третьяго поколѣнія. Все настоящее именитое дворянство изъ двухъ источниковъ: изъ царскихъ пожалованій XVIII и XIX вѣка и изъ промышленныхъ доходовъ. Главныя фамиліи современнаго дворянства ведутъ свои родословныя изъ торговаго и промышленнаго сословія—Строгановы, Демидовы, Балашовы, Рюмины; другіе—Пашковы, Бѣлосельскіе, сохранили свое состояніе только по наслѣдству, по женскому колѣну огромныхъ имѣній купеческаго дома—Твердышевыхъ.

---

[8]) Мы выписываемъ изъ сочиненія Тройницкаго слѣдующіе разсчеты о распредѣленіи помѣщиковъ и крѣпостнаго населенія по 10-й народной переписи, раздѣляя губерніи на 2 группы, тѣ, гдѣ число помѣщиковъ и крѣпостныхъ было наиболѣе слабо, и тѣ, гдѣ они были наиболѣе сильны:

ГУБЕРНІИ.	Число крѣпостныхъ въ процентахъ ко всему населенію.	Общее число помѣщиковъ.	Число помѣстій	
			въ 500 и до 1000 душъ.	въ 1000 душъ и болѣе.
I ГРУППА.				
Архангельская.	0,007	3	нѣтъ.	
Бессарабская	1,17	271	нѣтъ.	
Астраханская	2,60	86	2	1
Вятская	2,64	106	2	2
Ставропольская	2,41	130	1	2
Олонецкая	3,99	219	нѣтъ.	
Таврическая	5,97	396	5	3
Оренбургская	11,81	895	15	8
Казанская	13,89	907	22	9
Самарская	15,32	887	28	17
II ГРУППА.				
Смоленская	69,07	5308	56	35
Тульская	68,94	3864	67	25
Могилевская	64,67	2165	70	34
Подольская	59,54	2439	158	109
Владимірская	59,54	1534	71	13

ГУБЕРНІИ.	Число крѣпостныхъ въ процентахъ ко всему населенію.	Общее число помѣщиковъ.	Число помѣстій	
			въ 500 и до 1000 душъ.	въ 1000 душъ и болѣе.
Кіевская	57,91	2659	161	174
Волынская	57,08	1554	111	60
Витебская	56,54	2341	44	26
Московская.	60,74	2439	61	36
Псковская	53,81	1932	54	13

По среднему числу крѣпостныхъ людей и земли, приходившихся на 1 помѣщика, губерніи представляются въ слѣдующей послѣдовательности:

	Десятинъ земли.	Ревизскихъ душъ.		Десятинъ земли.	Ревизскихъ душъ.
Пермская. . . .	174854	5396	Волынская . . .	1595	618
Минская	2356	160	Подольская . .	1543	351
Таврическая . .	3563	67	Кіевская . . .	1553	397
Олонецкая . . .	1826	26			

---

[9]) Въ теченіи 6 лѣтней, моей службы предводителемъ дворянства, я производилъ нѣсколько дѣлъ о распутномъ поведеніи помѣщиковъ, дѣла, сопровождаемыя самыми отвратительными преступленіями, изнасилованіемъ дѣвокъ, совращеніемъ крестьянскихъ женъ, сдачей въ рекруты или ссылкой мужей, и къ стыду нашего времени долженъ признаться, что рѣдко находилъ возможность обвинить преступника. Какъ только дѣло доходило до спроса свидѣтелей или повальнаго обыска, мнѣ возражали, что показанія крестьянъ противъ господъ не принимаются, а дворяне при повальномъ обыскѣ отзывались невѣдѣніемъ или даже одобряли поведеніе того же самаго барина, котораго они гласно осуждали въ частной бесѣдѣ и котораго никто изъ сосѣдей не пускалъ къ себѣ въ домъ, обзывая его мерзавцемъ и подлецомъ. Огромнѣйшее большинство помѣщиковъ средней руки были люди скромные, очень мягкіе и снисходительные къ крестьянамъ, но точно также снисходительные и къ слабостямъ буяновъ и развратниковъ стараго закала, которыхъ они избѣгали, но вмѣстѣ съ тѣмъ и извиняли.

---

[10]) Въ 1851 году я производилъ, въ званіи губернскаго предводителя, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Герштенцвейгомъ (тѣмъ самымъ, который такъ печально кончилъ свой вѣкъ въ Варшавѣ въ 1863 году) слѣдствіе по слѣдующему дѣлу въ Новгородской губерніи. Цѣлая группа деревень, принадлежавшихъ нѣкогда одному помѣщику, около 300 крестьянъ, въ двухъ уѣздахъ, Боровичскомъ и Валдайскомъ, были отпущены на волю по завѣщанію въ 1822 г.; завѣщаніе было явлено и такъ какъ наслѣдниковъ въ первое время не отыскалось и спора не было, то крестьяне жили нѣсколько лѣтъ на полной волѣ. Кажется, въ 30-хъ годахъ открылись дальніе родственники, которые начали искъ о незаконности завѣщанія и потребовали раздѣла имущества; но дѣло тянулось долго и во все это время крестьяне продолжали пользоваться фактически не только свободой, но и владѣніемъ всей землей. Наконецъ въ 1849—50 году

процессъ выигрывается, завѣщаніе признается недѣйствительнымъ; являются четыре новыхъ владѣльца съ другими фамиліями, чѣмъ прежній баринъ, люди вовсе неизвѣстные не только самимъ крестьянамъ, но и мѣстному дворянству; полиція ихъ вводитъ во владѣніе, но при чтеніи вводнаго листа крестьяне объявляютъ, что они повиноваться этимъ господамъ не будутъ, и въ продолженіи 2 годовъ упорно сопротивляются всѣмъ понужденіямъ и увѣщаніямъ.

Случай этотъ тѣмъ замѣчателенъ, что обѣ стороны были по существу правы: наслѣдникамъ нельзя было отрицать ихъ права на владѣніе, но и крестьянъ нельзя было обвинить въ томъ, что послѣ 20 или 30-лѣтняго вольнаго состоянія они усомнились въ правѣ этихъ пріѣзжихъ господъ, выгонявшихъ ихъ на барщину, на тѣ же самыя запашки, которыми они пользовались въ продолженіи четверти столѣтія. Виноватъ былъ законъ и медленность нашего судопроизводства. Я предложилъ представить этотъ исключительный случай на милостивое воззрѣніе государя императора, такъ какъ дѣло производилось по высочайшему повелѣнію; я убѣжденъ и понынѣ, что Николай Павловичъ, который подъ суровой своей наружностью таилъ глубокое и непреклонное чувство справедливости и равенства всѣхъ сословій передъ царскимъ судомъ, что Николай I помиловалъ бы крестьянъ и откупилъ бы имѣнія отъ помѣщиковъ въ казну. Но государевы слуги были въ это время строже государя, plus royalistes que le Roi; реакція 1849 года внушала имъ такой подобострастный страхъ, что мнѣніе мое было принято какъ потворство бунту. Губернское и полицейское начальство требовало примѣрнаго жестокаго наказанія бунтовщиковъ, опасаясь въ противномъ случаѣ возстанія сосѣднихъ крестьянъ. Наказаніе было дѣйствительно примѣрное. Такъ какъ деревни эти лежали на рѣкѣ Мстѣ у пороговъ, то большая часть крестьянъ были судопромышленники, а главные зачинщики принадлежали къ особому разряду лоцмановъ, который пользуется въ этой мѣстности особымъ уваженіемъ; люди эти рослые, отважные, бойкіе и смышленые внушали даже намъ, слѣдователямъ, глубокое сердечное сожалѣніе, а крестьяне всего околотка смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ выборныхъ предводителей, подъ командой коихъ они неустрашимо спускали барки по порогамъ и не разъ видали смерть въ глаза. Дней 10 усмиряли этихъ молодцовъ всякими средствами, добиваясь отъ нихъ повинной, что они будутъ жить за помѣщиками, но повинной не добились, почему, заковавъ 15 человѣкъ, увели ихъ подъ прикрытіемъ цѣлой роты прямо въ Сибирь.

Тѣмъ дѣло и кончилось, а я вынесъ изъ него впечатлѣніе, что крѣпостное право внушаетъ, само по себѣ и безъ всякаго злоупотребленія власти, такое ожесточеніе въ крестьянскомъ сословіи, такое общее сочувствіе всего народа къ жертвамъ самовластія, что дальнѣйшее удержаніе его угрожаетъ большою опасностью всему нашему общественному строю.

Въ данномъ случаѣ власть помѣщиковъ еще вовсе не проявлялась, такъ какъ они не успѣли еще вступить въ управленіе своими имѣніями, тѣмъ не менѣе волненіе умовъ во всей мѣстности было крайнее.

ГЛАВА IX.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

Настоящее положеніе землевладѣнія въ Россіи.

Число землевладѣльцевъ, разряды ихъ. — Общее число крупныхъ владѣльцевъ. — Городскія поселенія; число землевладѣльцевъ; пространство городскихъ общественныхъ земель.— Крестьянскія земли; надѣлъ крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ.— Земли казацкія и колонистовъ. — Отношеніе числа частныхъ владѣльцевъ къ крестьянскимъ дворамъ. — Пропорція ихъ владѣній. — Распродажа помѣщичьихъ земель. — Значительныя покупки господскихъ земель крестьянами. — Продажа отрѣзныхъ земель въ сѣверной полосѣ. — Стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію собственности. — Упадокъ крупнаго землевладѣнія. — Возвышеніе цѣнности земель. — Арендованіе земель въ сѣверной полосѣ, — въ восточной, — въ черноземной, — въ Литвѣ, — въ остзейскомъ краѣ. — Отношеніе помѣщичьяго владѣнія къ крестьянскому въ разныхъ полосахъ имперіи. — Слабость помѣщичьяго элемента въ велико-россійскихъ губерніяхъ. — Зарожденіе сельскаго пролетаріата. — Вліяніе податной системы на хозяйственный бытъ. — Переходъ поземельной собственности отъ частныхъ владѣльцевъ, дворянъ, къ крестьянамъ и разночинцамъ.

Чтобы представить общую картину землевладѣнія въ Россіи, мы раздѣлимъ всѣ земли на три главныя категоріи: a) частныя владѣнія, къ коимъ причисленъ и удѣлъ; b) городскія поселенія; c) крестьянскія земли. Для полноты описанія нужно бы еще дополнить эти изслѣдованія свѣдѣніями о казенныхъ земляхъ, казачьихъ и разныхъ инородческихъ, башкирскихъ, киргизскихъ и другихъ. Но эти послѣднія мы разсмотримъ особо, въ послѣдней главѣ этого сочиненія, какъ запасныя, свободныя земли, бо́льшею частію незанятыя или по крайней мѣрѣ не поступившія подъ поселенія и составляющія колоніальную территорію Россіи.

Относительно же первыхъ трехъ разрядовъ мы постараемся опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, преимущественно про-

порцію помѣстнаго владѣнія къ крестьянскому, такъ какъ этой пропорціей опредѣляется всего вѣрнѣе характеръ аграрнаго и соціальнаго строя въ данной мѣстности или странѣ. Мы должны здѣсь напомнить и повторить, ка́къ мы разумѣемъ различіе между помѣстнымъ владѣніемъ и крестьянскимъ: первое означаетъ такое хозяйство, гдѣ самъ владѣлецъ непосредственно не работаетъ и эксплуатируетъ землю посредствомъ наемныхъ служителей и чернорабочихъ; второе, напротивъ, такое, гдѣ обработка производится домохозяиномъ и членами его семейства, хотя бы и съ помощью нѣкоторыхъ наемныхъ батраковъ и поденщиковъ. Поэтому различіе это обусловливается не правами состоянія, не политическими преимуществами, но исключительно размѣрами владѣнія, и, какъ мы видѣли въ Германіи, этотъ размѣръ имѣлъ даже опредѣленную норму, называемую гуфой или гуфомъ. Въ Россіи крестьянскій дворъ не имѣлъ и не имѣетъ нормальной величины, и потому многіе участки, принадлежащіе лицамъ, приписаннымъ къ крестьянскому сословію, должны быть отнесены къ помѣстнымъ землямъ по своимъ размѣрамъ и по способу веденія хозяйства, и, наоборотъ, нѣкоторыя помѣстья крайне-мелкія, какъ-то: однодворческія и хуторныя въ Малороссіи, могутъ быть разсмотрѣны какъ крестьянскія.

Предоставляя себѣ сдѣлать эти выводы въ заключеніи настоящей главы, мы представимъ сначала общій перечень владѣльцевъ и земель къ вышеупомянутымъ трехъ категоріямъ.

Въ послѣднее время, передъ крестьянской реформой, число дворянъ-помѣщиковъ простиралось до 109,340 семействъ по ревизіи 1836 года. Въ самый моментъ изданія положенія число это уменьшилось и составляло въ 1858—1860 годахъ 100,247. Уменьшеніе это распредѣляется различно между разными группами помѣщиковъ; число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (до 100 д.) уменьшилось на 12,360, число среднепомѣстныхъ (100—500 д.) увеличилось на 3190, а крупнопомѣстныхъ на 77. Поэтому почти все приращеніе относится только къ средней группѣ помѣщиковъ, отъ 100 до 500 душъ; относительно высшаго разряда крупныхъ владѣльцевъ нужно замѣтить, что хотя число ихъ возрасло на 77, но общій итогъ

ихъ имущества, если судить по числу душъ, уменьшился въ теченіи 22 лѣтъ на значительную сумму (599,461 д.), что́ составляетъ около 11%. Такимъ образомъ крупное землевладѣніе, искусственно созданное въ Россіи всемилостивѣйшими пожалованіями, уже въ то время, при крѣпостномъ правѣ быстро клонилось къ упадку, несмотря на то, что поддерживалось еще таковыми же пожалованіями заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣній въ западномъ краѣ. Разрядъ мелкихъ помѣщиковъ рѣдѣлъ еще быстрѣе; усиливались только ряды средняго помѣстнаго сословія, провинціальнаго дворянства, которому и предстояло играть первенствующую роль въ ожидаемыхъ реформахъ; число этихъ среднихъ владѣльцевъ прибыло, какъ мы выше сказали, на 3190, а состояніе ихъ увеличилось на 291,008 душъ крестьянъ.

Немедленно послѣ освобожденія крестьянъ оказалась большая разница между прежними исчисленіями и новѣйшими, разница, происходящая преимущественно отъ того, что въ предъидущія свѣдѣнія включались только дворяне-помѣщики, и что состояніе ихъ опредѣлялось по числу душъ, между тѣмъ какъ послѣдующія вычисленія основаны на общемъ числѣ владѣльцевъ всѣхъ сословій и на пространствѣ ихъ владѣній по числу десятинъ [1]).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ редакціонными коммиссіями и министерствами государственныхъ имуществъ и удѣловъ, число дворянъ-помѣщиковъ въ 1861 году нѣсколько возрасло противъ ревизіи 1858 года и простиралось на 103,158, коимъ принадлежало, за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, 82.466,000 десятинъ. Число другихъ частныхъ владѣльцевъ не-дворянъ не было еще приведено въ извѣстность. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ губернаторовъ для податной коммиссіи, число всѣхъ владѣльцевъ внезапно возрасло втрое и показывается въ 41 губерніи въ 313,529 (по 8 губерніямъ свѣдѣній не получено); вычитая изъ этого числа вышепоказанные 103,158 дворянъ, мы получимъ 210,351 землевладѣльцевъ, непринадлежащихъ дворянству.

Нельзя предположить, чтобы такое быстрое приращеніе послѣдовало въ 10 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ; вѣроятно владѣльцевъ-разночинцевъ было много и до крестьянской реформы, но число ихъ и размѣры ихъ владѣній вовсе

не показывались. Между тѣмъ эта пропорція владѣльцевъ дворянъ и не-дворянъ очень измѣняетъ характеръ землевладѣнія въ Россіи. Такъ какъ при крѣпостномъ владѣніи мы старались различить три группы: мелкаго, средняго и крупнаго владѣнія по числу душъ, то теперь должны перевести этотъ разсчетъ на земли по числу десятинъ.

По свѣдѣніямъ губернаторовъ оказывается:

мелкихъ владѣльцевъ менѣе 100 десятинъ	242,397	и у нихъ	4.546,461	десятинъ.
среднихъ владѣльцевъ отъ 100 — 1000 десятинъ	56,320	„ „ „	16.995,409	„
крупныхъ владѣльцевъ болѣе 1000 десятинъ	14,822	„ „ „	48.174,727	„

Среднимъ числомъ приходится на 1 владѣльца:

мелкопомѣстнаго	19,16	десятинъ
средняго . . .	298	„
крупнаго . . .	3297	„

Распредѣленіе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ прежнему дѣленію: крупные собственники при 1000 десятинахъ бѣднѣе, чѣмъ помѣщики при 500 душахъ; но такъ какъ въ средней сложности (раздѣливъ 48 милліоновъ десятинъ на 14,722 владѣльца) приходится на одного владѣльца 3,200 десятинъ, то размѣръ этотъ и долженъ быть безспорно признанъ крупною собственностью.

При этомъ новомъ разсчетѣ пропорція между тремя классами землевладѣльцевъ нѣсколько измѣнится:

мелкихъ владѣльцевъ, которыхъ при крѣпостномъ правѣ мы считали	48%	теперь будетъ	77%
среднихъ вмѣсто.	13%	„ „	17%
крупныхъ „	3%	„ „	6%

Низшій разрядъ мелкихъ владѣльцевъ выходитъ до крайности мелкій, среднимъ числомъ на одного приходится около 19 десятинъ. Поэтому этотъ классъ не можетъ быть пріуроченъ къ помѣстному сословію и скорѣе подходитъ къ крестьянскому, изъ коего вѣроятно и вышла большая часть этихъ собственниковъ.

Землевладѣльческій или помѣстный элементъ образуется поэтому въ Россіи изъ 71,112 семействъ не одного дворянскаго, но разнаго званія, или около 284,448 жителей обоего

пола. Если причислить къ этому итогу 8 губерній, изъ коихъ свѣдѣній не получено, также удѣлы (5.517,232 десят.), то мы получимъ круглымъ числомъ около 80,000 крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ-домохозяевъ, владѣющихъ около 90 милліоновъ десятинъ удобной земли [2]).

О городскихъ поселеніяхъ вообще составилось у насъ нѣсколько ошибочное понятіе въ томъ отношеніи, что имъ приписываютъ нѣкоторую отдѣльность отъ сельскаго быта, которая въ сущности не существуетъ. Во-первыхъ, городское населеніе въ Россіи почти сливается съ сельскимъ, изъ числа 8 мил. городскихъ жителей только 54% принадлежитъ къ кореннымъ жителямъ, купеческому и мѣщанскому сословіямъ, 20% составляютъ крестьяне, прочая часть состоитъ изъ дворянъ и военныхъ классовъ. Во-вторыхъ, по роду владѣнія наши города очень близко подходятъ къ общинному, крестьянскому: какъ въ селеніяхъ дома и усадьбы состоятъ въ частномъ и потомственномъ владѣніи, такъ и въ городахъ строенія и незастроенные плацы признаются частной собственностью; но затѣмъ въ общественномъ пользованіи состоятъ обширныя пространства подгородныхъ угодій, которыя всѣ вмѣстѣ, подъ названіемъ городскихъ земель, составляютъ въ европейской Россіи 1.710,000 десятинъ. Эти городскія земли распредѣлены очень неуравнительно; въ западныхъ губерніяхъ ихъ мало, но въ великороссійскихъ и особенно въ юго-восточной полосѣ онѣ занимаютъ большія пространства, состоящія въ общемъ пользованіи городскихъ обществъ. Во многихъ городахъ частное землевладѣніе составляетъ очень незначительный процентъ и большая часть земель считаются общественными.

Изъ общаго числа 8,157,162 жителей обоего пола принадлежитъ къ городскимъ сословіямъ 4,794,175. Изъ нихъ лицъ, владѣющихъ домами и другими недвижимыми имуществами, считалось 477,000. Мы насчитали 207 городскихъ поселеній, гдѣ общественныхъ земель приходится болѣе 1 десятины на ревизскую душу. Въ нѣкоторыхъ городахъ (см. примѣчаніе) городскія земли составляютъ огромныя площади, простирающіяся до 80,000 десятинъ.

Промыслы и занятія бо́льшей части городскихъ жителей также скорѣе подходятъ къ сельскому, чѣмъ къ торгово-промышленному быту: въ сѣверныхъ нехлѣбородныхъ губерніяхъ городскія земли обыкновенно отводятся подъ выгонъ скота; болѣе цѣнныя угодья, поемные луга, рыбныя ловли отдаются въ оброчное содержаніе; въ низовыхъ и черноземныхъ губерніяхъ, также и въ бо́льшей части мѣстечекъ, посадовъ, и заштатныхъ городовъ эти угодья разверстываются между обывателями городскими, точно такъ, какъ между сельскими, пополосно, въ трехпольномъ сѣвооборотѣ, и засѣваются они поперемѣнно озимыми и яровыми полями.

Изъ этого видно, что частное землевладѣніе занимаетъ въ городскихъ поселеніяхъ второстепенное мѣсто, что изъ 8 милл. жителей принадлежатъ къ разряду частныхъ собственниковъ только 477,009 домохозяевъ или около 3 мил. душъ обоего пола; что общественныя земли составляютъ главный предметъ эксплуатаціи всѣхъ прочихъ обывателей, и хлѣбопашество, и огородничество на общинномъ правѣ главный ихъ промыселъ. Такимъ образомъ, городскія поселенія въ Россіи не составляютъ никакой исключительной формы землевладѣнія и общественности; по составу этихъ населеній, по формѣ владѣнія и по промысламъ они сливаются съ сельскимъ бытомъ, и особые порядки, введенные для административнаго и хозяйственнаго управленія городовъ въ Россіи, ничѣмъ не оправдываются [3]).

Самый крупный элементъ землевладѣнія въ Россіи составляютъ крестьянскія земли, которыхъ считается по 48 губерніямъ на 22,544,583 ревиз. душъ—116,103,720 десятинъ, среднимъ числомъ по 5,1 дес. на ревизскую душу.

Извѣстно, что земельное положеніе крестьянъ было устроено по различнымъ основаніямъ въ разныхъ вѣдомствахъ, а потому и мы должны разсмотрѣть его отдѣльно по тремъ главнымъ разрядамъ — помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ.

Помѣщичьи крестьяне въ числѣ 9,795,163 ревиз. душъ (по другимъ свѣдѣніямъ 10,682,400), при изданіи положенія о крестьянахъ въ 1861 году, владѣли землей въ коли-

чествѣ 35,779,014 десятинъ, что́ составляетъ на душу 3,6 десятинъ.

Такъ какъ при утвержденіи уставныхъ грамотъ произведена была въ значительныхъ размѣрахъ отрѣзка земель, то надо бы было думать, что пропорція эта въ настоящее время уменьшилась. Но по послѣднимъ свѣдѣніямъ (до 1 января 1872 года) оказывается, что по совершеніи выкупныхъ сдѣлокъ общій итогъ крестьянскихъ земель очень мало измѣнился; хотя выкупная операція еще далеко не кончена, но число крестьянъ, приступившихъ къ выкупу, составляетъ уже болѣе $^2/_3$ всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ, а потому и позволяетъ судить объ общемъ ходѣ операціи: къ 1 января 1872 года число крестьянъ, выкупившихъ земли, было 6,600,206, число десятинъ выкупленной земли 23,078,545, на душу 3,5.

Такимъ образомъ оказывается, что, несмотря на право отрѣзки, предоставленное помѣщикамъ, коимъ они и воспользовались въ многоземельныхъ губерніяхъ очень широко несмотря на право такъ-называемаго дарового надѣла, которое было примѣнено въ обширныхъ размѣрахъ въ Саратовской и другихъ степныхъ губерніяхъ и уменьшило пространство крестьянскихъ угодій на $^3/_4$, несмотря на это,—въ общемъ итогѣ выкупленныя земли (3,5 десятинъ на душу) почти равняются среднему числу десятинъ, бывшихъ въ пользованіи крѣпостныхъ (3,5 десятинъ на душу). Самое замѣчательное пониженіе средняго душевого надѣла оказывается въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне поддались соблазну дарового надѣла; въ Саратовской губерніи средній надѣлъ на душу уменьшился на 0,65 десятинъ, въ Воронежской на 0,65, въ Екатеринославской на 0,54. Увеличеніе надѣловъ послѣдовало преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земли имѣютъ мало цѣнности: въ Астраханской на 2,31 десятинъ на душу, въ Оренбургской на 1,68.

Поэто́му надо предположить, что при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ крестьяне старались возвратить въ свое владѣніе отрѣзныя земли, бывшія въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ и отобранныя у нихъ по уставнымъ грамотамъ, и что, такимъ образомъ, общее пространство крестьянскихъ земель, показанное въ 1861 году около 35 мил-

ліоновъ десятинъ, не много измѣнится по окончаніи выкупной операціи.

Удѣльные крестьяне удержали за собой все количество угодій, состоявшихъ въ ихъ пользованіи безъ отрѣзки; какъ тягловыя, такъ и запасныя земли включены въ составъ надѣла, подлежащаго выкупу, поэтому земельное ихъ положеніе не измѣнилось. Въ числѣ 861,740 душъ они владѣютъ 4,336,454 дес. или по $5^3/_4$ десятины на душу.

Государственные крестьяне, такъ же какъ и удѣльные, сохранили по владѣннымъ записямъ всѣ угодья, состоящія въ ихъ пользованіи. По числу почти равные помѣщичьимъ, они владѣютъ землей въ количествѣ почти вдвое большемъ: на 9,246,891 душъ земли выходитъ 64,985,011 дес., или на 1 ревизскую душу по 7,2 десятины.

Наконецъ къ крестьянскому землевладѣнію слѣдуетъ еще причислить колонистовъ, которымъ принадлежитъ около 2,000,000 десятинъ и собственныя земли крестьянъ невключенныя въ мірской надѣлъ, коихъ числится у государственныхъ крестьянъ 2,003,465 десятинъ. По прочимъ вѣдомствамъ еще не исчислены.

По другимъ исчисленіямъ, заимствованнымъ изъ новѣйшихъ оффиціальныхъ (1872 года) источниковъ, общее распредѣленіе землевладѣнія въ Россіи будетъ слѣдующее:

земель сельскаго податного сословія, т.-е. крестьянъ всѣхъ наименованій было	146.103,720	дес.
земель помѣщичьихъ за надѣломъ крестьянъ. . . .	63,734,697	„
„ удѣльныхъ „ „ „	5,517,232	„
прочихъ владѣльцевъ и городовъ	24,654,991	„

Свѣдѣнія эти относятся только къ землямъ, обложеннымъ государственнымъ земскимъ сборомъ, т.-е. собственно къ угодьямъ или удобнымъ землямъ; кромѣ того, въ нихъ не включены земли, состоящія на льготномъ положеніи, казацкія, около 40 мил. дес., и колонистскія, около 2 мил. Если пріурочить ихъ къ первому итогу крестьянскихъ земель, то мы получимъ сумму крестьянскаго землевладѣнія въ европейской Россіи = около 158 мил. десятинъ [4]).

Впрочемъ, для болѣе точнаго опредѣленія отношенія этихъ двухъ видовъ владѣнія, нужно еще принять въ соображеніе слѣдующее: если считать, какъ мы приняли въ другихъ стра-

нахъ, крестьянскимъ владѣніемъ такое, которое болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ собственнымъ рабочимъ силамъ одной крестьянской семьи, то изъ 93 мил. дес. земель частнаго владѣнія нужно исключить около 4 мил. десятинъ мелкихъ частныхъ участковъ, которые, какъ мы выше видѣли, составляютъ въ средней сложности не болѣе 19 дес. на 1 владѣльца и также 1,710,000 дес. городскихъ земель, состоящихъ въ пользованіи всѣхъ городскихъ обывателей.

Въ такомъ случаѣ общіе итоги будутъ:

мелкаго (крестьянскаго и городскаго) владѣнія	164 милл. десятинъ.
средняго и крупнаго, частныхъ лицъ и удѣловъ	88 „ „

Затѣмъ третью группу земель, которую мы не причисляемъ ни къ той, ни къ другой и которая составляетъ общій запасъ государства и народа, составляютъ казенныя земли и лѣса, коихъ считается изъ общаго числа 205,319,525 дес., удобныхъ—125 мил. десятинъ [5]).

Опредѣливъ приблизительно отношеніе частнаго владѣнія къ крестьянскому по пространству земель, мы теперь изслѣдуемъ и отношеніе числа лицъ, т.-е. частныхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ-домохозяевамъ. Мы спѣшимъ оговорить, что эти числовыя отношенія не могутъ и не должны быть приняты безусловно для опредѣленія соціальныхъ и гражданскихъ отношеній и что поголовное число собственниковъ еще вовсе не рѣшаетъ вопроса объ ихъ преобладаніи. Такъ, напримѣръ, во Франціи число мелкихъ крестьянъ-собственниковъ очень велико, почти въ 10 разъ больше, чѣмъ число среднихъ и крупныхъ владѣльцевъ, но по пространству и доходности владѣнія послѣдніе имѣютъ перевѣсъ надъ первыми, и богатая французская буржуазія въ соціальномъ отношеніи имѣетъ несравненно болѣе вѣса и вліянія, чѣмъ французское крестьянство.

Въ Россіи представляется другой фактъ, именно, что и по числу домохозяевъ, и по пространству и цѣнности владѣній крестьянскій элементъ является преобладающимъ во всѣхъ коренныхъ русскихъ земляхъ.

Крестьянъ всѣхъ наименованій считается въ Россіи, по

послѣднимъ свѣдѣніямъ, около 23 мил. ревизскихъ душъ и между ними 7.220,788 крестьянскихъ дворовъ, составляющихъ каждый отдѣльное хозяйство. Частныхъ владѣльцевъ по 41 губерніи насчитано, какъ мы выше сказали, 313,509; но такъ какъ свѣдѣнія эти неполны и что по 8 губ. число владѣльцевъ не показано, то можно принять ихъ общее число въ 350,000. Но эта пропорція, выведенная по всей Россіи, очень измѣнится, если мы исключимъ изъ разсчета западныя губерніи и нѣкоторыя восточныя: Оренбургскую, Уфимскую, Ставропольскую, гдѣ вообще поземельный бытъ находится еще въ періодѣ формаціи, и имѣетъ болѣе характеръ колонизаціи, чѣмъ осѣдлаго и прочнаго поселенія. Въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія (числомъ 30), по свѣдѣніямъ, доставленнымъ земскими управами, земли, принадлежащей крестьянамъ, считалось 70.285,923 десятины, а земли, принадлежащей землевладѣльцамъ вмѣстѣ съ казной и удѣломъ, 73.157,127 десятинъ. Въ этомъ количествѣ показаны только удобныя, производительныя земли, обложенныя земскими сборами, а таковыхъ выходитъ у крестьянъ почти равное число, какъ у помѣщиковъ, удѣла и казны вмѣстѣ взятыхъ.

Здѣсь нужно прежде всего разъяснить кажущееся противорѣчіе, которое представляется между этими показанными исчисленіями и тѣми, которыя были собраны при освобожденіи крестьянъ и опубликованы редакціонными коммиссіями и другими авторами (Тройницкій, „Военно-Статистическій Сборникъ“).

При прежнихъ исчисленіяхъ помѣщичьихъ удобныхъ земель показывалось въ пользованіи крестьянъ (въ 49 губерніяхъ, въ томъ числѣ и 8 западныхъ) около 36 мил. десятинъ и въ распоряженіи помѣщиковъ 69 мил., т.-е. почти вдвое. За казной и удѣлами считалось, кромѣ того, до 30% всѣхъ удобныхъ земель, а крестьянскихъ всѣхъ вмѣстѣ только 20%.

Но когда, по введеніи земскихъ учрежденій, потребовалось обложить земли сборомъ, то количество удобныхъ земель внезапно сократилось. Сокращеніемъ этимъ воспользовались всѣ вѣдомства, кромѣ крестьянъ, которымъ дѣйствительно надѣлены были лучшія земли, пашенныя и луговыя угодья; част-

ные владѣльцы въ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ и въ особенности казна старались скинуть съ числа окладныхъ земель большія пространства непроизводительныхъ пустошей и лѣсныхъ дачъ, которыя дѣйствительно не имѣли никакой цѣнности, хотя номинально и считались удобными. Отъ этого произошелъ такой поворотъ, что крестьянскія земли, которыхъ считалось по прежнимъ валовымъ исчисленіямъ только 20%, при раскладкѣ поземельныхъ сборовъ составили около 50%, между тѣмъ какъ помѣщичьи земли, коихъ прежде показывалось 40%, и казенныя 30% всѣ вмѣстѣ съ удѣльными, составили только половину, равную крестьянскимъ землямъ.

Итакъ, принимая въ разсчетъ однѣ коренныя русскія губерніи и собственно производительныя земли, мы приходимъ къ заключенію, что въ нихъ крестьянское землевладѣніе составляетъ преобладающій элементъ и что другая половина всей территоріи подраздѣляется между тремя вѣдомствами: казной, удѣломъ и частными землевладѣніями.

Далѣе нужно также принять въ разсчетъ цѣнность и доходность угодій въ разныхъ полосахъ имперіи; изъ приложенной таблицы процентнаго отношенія крестьянскихъ земель къ владѣльческимъ оказывается, что первыя преобладаютъ въ промышленныхъ и хлѣбородныхъ губерніяхъ, и наоборотъ, владѣльческія земли—въ лѣсной и степной полосахъ; исключеніе изъ этого составляютъ только въ первой категоріи олонецкая губ., а во второй — тульская; впрочемъ, въ этой послѣдней владѣльческія земли превышаютъ крестьянскія только на 0,4%. Если затѣмъ принять въ соображеніе, что въ черноземной полосѣ пашни и луга должны быть оцѣнены по крайней мѣрѣ втрое противъ земель лѣсной полосы, и что именно въ этихъ губерніяхъ и преобладаетъ крестьянское владѣніе, то мы придемъ къ заключенію, что по цѣнности угодій крестьянскія земли превышаютъ на значительную сумму цѣнность всѣхъ прочихъ владѣній, не только помѣщичьихъ, но и казенныхъ. Такимъ образомъ выходитъ, что и по числу хозяйствъ и домохозяевъ, и по количеству земли, по ея цѣнности и валовой доходности, крестьянскія

владѣнія составляютъ въ Россіи бо́льшую часть поземельной собственности.

Въ настоящее время было бы преждевременно подводить общіе и окончательные итоги по разнымъ статьямъ народнаго хозяйства, потому что положеніе и отношеніе разныхъ классовъ жителей и имуществъ безпрестанно измѣняются, и мы должны обратить преимущественно вниманіе на эти видоизмѣненія, чтобы дать вѣрное понятіе о ходѣ и будущемъ устройствѣ аграрныхъ отношеній въ Россіи.

Первая и главная черта, которую мы должны подмѣтить, есть переходъ, совершающійся на нашихъ глазахъ, недвижимыхъ имуществъ изъ владѣнія прежнихъ дворянскихъ и помѣщичьихъ родовъ къ другимъ собственникамъ. Мы уже выше видѣли, что въ 1861 году, когда сведены были первые, очень неполные счеты о помѣстномъ владѣніи, то оказалось, что въ промежутокъ съ 8 ревизіи до 10-й число помѣщиковъ уменьшилось на 9039, и число крѣпостныхъ ихъ людей на 165,241 ревизскихъ душъ.

Изъ этого видно, что упадокъ помѣстнаго сословія и распродажа имѣній началась уже въ крѣпостной періодъ. Затѣмъ, по свѣдѣніямъ за 1871 — 72 годы, число землевладѣльцевъ показывается уже втрое больше, чѣмъ въ 1861. Явленіе это вполнѣ разъяснилось изъ отзывовъ разныхъ мѣстныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, поданныхъ въ коммиссію для изслѣдованія сельскаго хозяйства. Въ бо́льшей части губерній, со времени освобожденія крестьянъ, ходъ землевладѣнія былъ слѣдующій: немедленно послѣ крестьянской реформы помѣщики, болѣе или менѣе стѣсненные въ своемъ хозяйственномъ состояніи, поспѣшили ликвидировать свое поземельное владѣніе; покупщиками явились сначала немногіе капиталисты, отважившіеся на пріобрѣтеніе земель въ то время, какъ земли считались очень рискованнымъ помѣщеніемъ фондовъ. Цѣны, разумѣется, при этомъ упали до крайней дешевизны, покупателей было меньше, чѣмъ продавцовъ, и въ губерніяхъ нехлѣбородныхъ цѣнность имѣній сдѣлалась почти номинальной, такъ какъ реализировать ее было почти невозможно.

Но этотъ кризисъ продолжался не долго: по вышеупомянутымъ отзывамъ земскихъ управъ и мѣстныхъ жителей, въ настоящее время положеніе это уже значительно измѣнилось и представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

а) Продажа имѣній въ цѣломъ составѣ сдѣлалась или осталась, какъ и прежде, очень рѣдкимъ случаемъ, по двумъ причинамъ, совершенно противоположнымъ: въ сѣверной и восточной полосѣ по недостатку покупщиковъ, въ центральной и южной—по неимѣнію продавцовъ. Въ первой, за надѣломъ крестьянъ, остались въ распоряженіи владѣльцевъ бо́льшею частью запольныя пашни, горные луга и лѣсныя дачи, и такъ какъ послѣднія, составлявшія всю цѣнность имѣнія, были распроданы на срубъ въ теченіи перваго десятилѣтія (1861—1870), то общая стоимость помѣстій и должна была неминуемо упасть до нуля, какъ отзываются нѣкоторые владѣльцы валдайскаго, крестецкаго и другихъ уѣздовъ. Впрочемъ, эта оцѣнка, какъ мы ниже объяснимъ, нѣсколько преуменьшена, и выражаетъ только цѣнность тѣхъ имѣній, которыя разорены были самими ихъ владѣльцами. Въ другой полосѣ, черноземной и степной, также въ подмосковныхъ центральныхъ губерніяхъ, замѣчено, наоборотъ, другое явленіе: продажа цѣлыхъ имѣній прекратилась, потому что при постепенномъ возвышеніи цѣнъ на земли, какъ продажныхъ, такъ и арендныхъ, владѣльцы придерживаются, прибѣгаютъ въ крайности къ залогу имѣній въ поземельныхъ банкахъ и запрашиваютъ цѣны непомѣрно высокія.

б) Съ другой стороны и повсемѣстно по всей Россіи открылась въ послѣднее время въ значительныхъ размѣрахъ раздробительная продажа помѣстныхъ земель крестьянамъ по мелкимъ участкамъ; операція эта происходитъ одинаково и въ черноземной и въ промышленной полосѣ имперіи. Изъ ярославской губерніи пишутъ (губернская управа и статистическій комитетъ), „что продажъ мелкими участками такъ много, что между прочимъ въ одномъ Любимскомъ уѣздѣ, гдѣ до освобожденія крестьянъ было владѣльцевъ недворянъ только 20, теперь 650; покупаютъ эти участки исключительно крестьяне, между коими замѣтно сильное стремленіе къ пріобрѣтенію земель одинаково во всѣхъ уѣздахъ“.

Въ Костромской губерніи „цѣны на землю изъ-подъ вы-

рубленнаго лѣса значительно поднялись, вслѣдствіе того, что крестьяне Вятской губерніи стали переселяться въ Ветлужскій и другіе уѣзды и покупать земли“ (отзывы земской управы и разныхъ частныхъ лицъ).

Въ Нижегородской губерніи „покупаютъ имѣнія преимущественно купцы въ Лукояновскомъ уѣздѣ и лѣса на Волгѣ, гораздо болѣе покупаются мелкіе участки крестьянами, особенно изъ отрѣзанныхъ отъ ихъ надѣловъ земель; цѣны при этихъ покупкахъ доходятъ до 80—90 р. за десятину пашни, а въ лучшихъ частяхъ Арзамазскаго, Княгининскаго, Васильсурскаго уѣздовъ до 100 рублей“ (губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и губернская управа).

Въ Орловской губерніи „крестьяне покупаютъ въ значительномъ количествѣ отдѣльные мелкіе участки“ (землевладѣльцы Малоархангельскаго и Карачевскаго уѣздовъ).

Въ Курской губерніи „много земель раскупается крестьянами: такъ, въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ въ одномъ Курскомъ уѣздѣ ими куплено было на сумму 2 милл. рублей. Мелкопомѣстные дворяне пораспродали свои имѣнія въ большинствѣ случаевъ“ (предводитель дворянства и землевладѣльцы Курскаго и Фатежскаго уѣздовъ). „Одинъ помѣщикъ продалъ 400 десятинъ товариществу крестьянъ по 90 руб. за десятину, причемъ разсрочка платежей была самая краткосрочная“ (землевладѣльцы Щигровскаго уѣзда).

Въ Харьковской губерніи „покупка крестьянами участковъ земель производится только великоруссами; бо́льшею частью соединяются нѣсколько семействъ для покупки 300—400 десятинъ, которую потомъ дѣлятъ между собой“ (землевладѣльцы Зміевскаго, Волчанскаго и Лебедянскаго уѣздовъ).

Причины, вліяющія на этотъ ходъ дѣлъ, очень различны въ разныхъ полосахъ имперіи.

Въ сѣверной, какъ извѣстно, большая часть крестьянъ до ихъ освобожденія была на оброчномъ положеніи и пользовалась de facto, если не de jure, всѣмъ пространствомъ помѣщичьихъ земель; самые ихъ надѣлы были очень обширные, бо́льшею частью превышающіе высшій размѣръ, установленный положеніемъ 1861 г.; при введеніи уставныхъ гра-

мотъ почти во всѣхъ имѣніяхъ произведена была въ значительныхъ размѣрахъ отрѣзка земель и притомъ отдѣльными, мелкими и черезполосными участками и изъ худшихъ земель, такъ какъ ближайшія навозныя пашни поступали въ надѣлъ крестьянамъ. Эта система отрѣзокъ возбудила сначала въ помѣстномъ сословіи сильнѣйшій ропотъ и неудовольствіе, въ особенности между крупными владѣльцами, коихъ земли были такимъ образомъ разбиты на мелкіе участки, лежавшіе посреди мірскихъ полей и луговъ; придерживаясь классическихъ правилъ, что для общей пользы землевладѣнія необходимо округленіе дачъ, уничтоженіе черезполосности, отмежеваніе къ однимъ мѣстамъ (Consolidation, Verkopelung), они требовали, чтобы отрѣзныя земли были имъ отведены къ ихъ смежнымъ дачамъ, и когда требованія эти не были уважены, потеряли всякую надежду на извлеченіе какой-либо доходности изъ своихъ имѣній. Но, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обнаружился въ этомъ отношеніи неожиданный переворотъ: земли отрѣзанныя оказались крайне нужными для крестьянъ и переходъ ихъ въ распоряженіе помѣщиковъ очень стѣснительнымъ для сельскихъ обществъ; самая повидимому безплодная и безцѣнная полоса запольной пашни, тощаго покоса или дикаго выгона пріобрѣтала въ глазахъ крестьянъ большую цѣнность, если мѣшала проѣзду, прогону скота; они складывали послѣдніе свои гроши для покупки ихъ въ вѣчное владѣніе или въ году (т.-е. въ аренду). Землевладѣльцы, отсутствующіе и не занимающіеся хозяйствомъ, поспѣшили продать ихъ по цѣнамъ очень выгоднымъ сравнительно съ прежними; люди разсчетливые и предусмотрительные сдавали ихъ въ срочное содержаніе и выручали изъ этихъ неудобныхъ земель неожиданные доходы.

Такимъ образомъ въ безплодныхъ мѣстностяхъ и на худшія земли явились многочисленные покупщики, вятскіе переселенцы въ Костромской губерніи, чухны и латыши въ Псковской и Новгородской губерніяхъ, промышленные крестьяне Ярославской губерніи. Въ теченіи 10 послѣднихъ лѣтъ обнаружился такой знаменательный фактъ, что въ одномъ уѣздѣ число владѣльцевъ не-дворянъ увеличилось отъ 20 до 650 — въ $32^1/_2$ раза, а въ другомъ въ одинъ годъ распродано было земли крестьянамъ на 2 милл. рублей.

Въ южной черноземной полосѣ произошло то же явленіе, но отъ другихъ причинъ: арендныя цѣны начали безпрерывно повышаться и, дойдя въ средней сложности до 6—7 руб. за десятину, вовсе не соотвѣтствовали продажной цѣнѣ, которая въ 60-хъ годахъ еще держалась въ 40—50 рублей; крестьяне, снимающіе помѣщичьи земли, и мѣстные капиталисты изъ купцовъ поспѣшили воспользоваться этой несообразностью между продажными и арендными цѣнами, и раскупали первыя мелкими участками, вторыя крупными — все что́ могли скупить. Недостатокъ денежныхъ средствъ и правильнаго кредита безъ сомнѣнія много задерживаетъ это стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію собственности; но тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ такіе факты, что сельскія общества или товарищества крестьянъ покупаютъ участки въ 300—400 десятинъ (Харьковская губернія) и платятъ за пашню до 90 рублей (Нижегородская губернія); наконецъ, въ одной курской губерніи въ одинъ годъ совершено купчихъ крѣпостей крестьянамъ на сумму 2 милл. рублей.

Фактъ этотъ подтверждается отзывами изъ всѣхъ губерній, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ землевладѣльцы и стараются его скрыть, утверждая, что цѣны на земли упали, и что продажной цѣнности они не имѣютъ никакой. Такъ, напримѣръ, въ Ковенской губерніи въ то время, какъ землевладѣльцы показываютъ, будто бы цѣны на земли, вслѣдствіе ограниченія правъ землевладѣнія, понизились и упали въ теченіи 10 лѣтъ съ 100—40 на 40—12 р., губернаторъ свидѣтельствуетъ, что въ послѣднее время замѣтно стремленіе крестьянъ къ покупкѣ земель, и что въ 1871 году продано отъ помѣщиковъ крестьянамъ 3,871 десятина по цѣнамъ очень высокимъ. Изъ всѣхъ губерній, почти безъ исключенія, поступаютъ свѣдѣнія, что продажъ имѣній въ цѣломъ ихъ составѣ очень мало; но что, напротивъ, очень много продается земель мелкими участками, и что между продажными цѣнами въ томъ и въ другомъ случаѣ представляется разница очень значительная; даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Нижегородская, гдѣ средняя цѣна на земли при крупныхъ продажахъ не выше 30—40 рублей, крестьяне по мелкимъ участкамъ платятъ 80—90 и до 100 рублей за десятину.

Всѣ эти факты указываютъ, что крупное землевладѣніе

отживаетъ въ Россіи свой краткосрочный вѣкъ, начавшійся при Екатеринѣ II съ пожалованія громадныхъ вотчинъ царскимъ любимцамъ и окончившійся съ освобожденіемъ крестьянъ. Для разумной эксплуатаціи такихъ необъятныхъ имѣній денежныхъ средствъ и сбереженій, познаній и культуры было въ высшемъ кругу нашего общества слишкомъ мало, и только запрещеніе продажи населенныхъ имѣній недворянамъ могло удержать въ теченіи одного неполнаго столѣтія это искусственное преобладаніе крупныхъ собственниковъ; какъ только запрещеніе было снято, поземельный бытъ сталъ быстро измѣнять свой характеръ; продавцами явились крупные собственники, покупателями мелкіе, и хозяйственная эксплуатація, дѣйствительное владѣніе начало быстро переходить въ руки черныхъ людей, пашенныхъ крестьянъ.

Одновременно съ этимъ экономическимъ переворотомъ происходилъ и другой, находящійся въ тѣсной съ нимъ связи: общая средняя стоимость удобныхъ земель быстро возвышалась, но это возвышеніе имѣло различныя значенія и послѣдствія въ разныхъ полосахъ имперіи. На сѣверѣ, гдѣ пашенныхъ и луговыхъ угодій сравнительно съ общимъ пространствомъ территоріи мало, первыя поднялись мгновенно въ цѣнѣ: въ Новгородской губерніи десятина заливного луга стоитъ 50—100 рублей, пахатной земли 30—45 руб.; въ Тверской — заливные луга и пашни 150—200 рублей; въ Смоленской — удобная пашня цѣнится въ 50 руб., средніе покосы 30—50 руб.; во Владимірской поемные луга въ 150 руб., непоемные 50—60 р., пашни хорошаго качества 40—50 р. Въ тѣхъ же губерніяхъ пустошныя угодья (мелкій лѣсъ, поросль, ненавозныя пашни) продаются по 5—6 рублей, такъ-называемые боры, вырубки, по 1—3 руб., лѣсныя заросли, выгоны по 2—4 рубля. Отъ этой громадной разницы въ стоимости разныхъ земель происходитъ и совершенное разногласіе въ отзывахъ объ ихъ цѣнности. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ за надѣломъ крестьянъ остались одни пустошныя мѣста, гдѣ изстари никакого хозяйства не велось, ничего не затрачивалось на удобреніе и улучшеніе помѣстій, гдѣ, однимъ словомъ, оброчная повинность крестьянъ была

единственнымъ источникомъ доходовъ беззаботныхъ владѣльцевъ, тамъ они и сохранили изъ своихъ имуществъ ровно столько, сколько посѣяли, т.-е. ничего. Они-то именно и оглашаютъ Россію воплями о своемъ разореніи, жалуются на упадокъ цѣнъ своихъ имѣній и, подводя общій итогъ цѣнности земель, заявляютъ, что она не только равна нулю, но даже представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отрицательную величину!?

Нужно принять, что всѣ тѣ земли, которыя не были запущены, всѣ тѣ даже дикія пустошныя земли, которыя не истощены хищнической культурой прежнихъ лѣтъ, всѣ тѣ лѣсныя дачи, которыя не вырублены или даже послѣ вырубки нѣсколько расчищены и убраны, получили въ послѣдніе годы огромную цѣнность, двойную, тройную противъ прежней. Поэтому мы думаемъ, что отзывы о безцѣнности помѣщичьихъ земель даже и въ сѣверныхъ губерніяхъ очень преувеличены; безцѣнными можно признать только тѣ имѣнія, которыхъ капитальная стоимость растрачена была въ прежнія времена усиленными посѣвами безъ удобренія, вырубками безъ уборки сучьевъ и валежника, сдачей на рѣзы подъ ленъ и всякими другими пріемами хищнической культуры. Всѣ прочія угодья, къ коимъ приложены были какія-либо старанія и труды, со времени освобожденія крестьянъ возвысились и постоянно возвышаются въ цѣнности и доходности; за исключеніемъ такихъ опустошенныхъ имѣній, смѣло можно принять, что средняя стоимость земель въ полосѣ между Новгородомъ и Казанью въ настоящее время равна 25—30 рублямъ за десятину.

Въ южныхъ губерніяхъ, начиная на востокѣ отъ Волги и доходя на западѣ до Днѣпра, первоначальныя опасенія объ упадкѣ цѣнъ на земли и разстройствѣ помѣщичьихъ имѣній уже нынѣ, повидимому, утихаютъ. Почти единогласные отзывы земскихъ управъ, губернскихъ присутствій, статистическихъ комитетовъ подтверждаютъ, что въ послѣднее время десятилѣтія цѣны на земли возвысились не менѣе, какъ вдвое. Исключенія составляютъ только крайнія заволжскія мѣстности Самарской губерніи, гдѣ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ рѣкъ и пристаней цѣны держатся еще очень низко, по 9—15 руб. за десятину. Изъ всѣхъ прочихъ губерній черноземъ-

ныхъ и степныхъ, великороссійскихъ, новороссійскихъ, малороссійскихъ, новѣйшія свѣдѣнія показываютъ, что цѣны за десятину поднялись въ теченіи 10 лѣтъ почти вдвое (въ Курской и Тульской втрое) и стоятъ нынѣ въ 40—50 руб. въ многоземельныхъ уѣздахъ, и около 100 рублей — въ малоземельныхъ.

Соотвѣтственно продажнымъ цѣнамъ возвышаются и арендныя цѣны на земли. Явленіе это почти всеобщее, но оно проявляется въ разныхъ видахъ, въ разныхъ полосахъ Россіи.

Въ сѣверной полосѣ (примѣрно между Костромой и Калугой, Псковомъ и Казанью) долгосрочныхъ арендъ почти вовсе нѣтъ; всѣ попытки землевладѣльцевъ найти благонадежныхъ арендаторовъ изъ средняго сословія или законтрактовать земли крестьянамъ на долгіе сроки оказались безнадежными; цѣны на таковыя аренды даже упали, и только поддерживаются въ немногихъ мѣстностяхъ Смоленской и Владимірской губерній по 1—3 руб. за десятину, изрѣдка достигая 5—7 р. въ наилучшихъ устроенныхъ имѣніяхъ.

Краткосрочныя, погодныя аренды, напротивъ, очень умножились и составляютъ почти повсемѣстный порядокъ эксплуатаціи помѣщичьихъ земель, и здѣсь представляются нѣкоторыя отдѣльныя черты, которыя нужно подмѣтить каждую особо: съемщиками, оброчными содержателями опять являются, какъ и покупщиками, почти исключительно крестьяне; письменныхъ формальныхъ контрактовъ они избѣгаютъ, а покупаютъ земли въ годы на 1, 2, 3 слѣтья по словеснымъ сдѣлкамъ или по условіямъ, засвидѣтельствованнымъ (если этого потребуютъ владѣльцы) въ волостномъ правленіи; плата за земли обыкновенно полагается денежная, съ отсрочкой до осени или зимы, иногда и за разныя послуги и работы, рѣдко и неохотно изъ части урожая. Испольная повинность, столь распространенная въ западной Европѣ (во Франціи и Италіи), повидимому, не принимается въ Россіи.

Изъ свѣдѣній, представленныхъ отъ 11 губерній сѣверной полосы, мы только въ одной Новгородской встрѣчаемъ указанія на таковыя сдѣлки, но и тамъ исполу сдаются только покосы, между тѣмъ какъ съ земель подъ пашню владѣлецъ беретъ только 4-й—5-й снопъ, отдавая такимъ образомъ земле-

дѣльцу 3/4 или 4/5 урожая; сдѣлка очевидно крайне убыточная для хозяина. Сильнѣйшій запросъ относится къ двумъ категоріямъ земель, цѣлинѣ и къ лучшимъ луговымъ угодьямъ, поемнымъ; между тѣмъ какъ въ общей сложности среднія цѣны упадали или возвышались очень мало, по этимъ двумъ разрядамъ земель возвышеніе цѣнъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ было громадное и повсемѣстное: въ Псковской губерніи рѣзы подъ ленъ сдаются по 20—30 рублей, и доходятъ до 70; за такъ-называемые дербаки, старыя залежи, платится до 50—80 рублей; въ Тверской губерніи и Новгородской цѣны еще умѣренныя, но возвышаются ежегодно. Но особенно замѣтно постепенное вздорожаніе луговыхъ угодій во многихъ губерніяхъ (Тверской, Смоленской, Ярославской); хорошіе луга, даже нагорные, цѣнятся дороже пашни: отъ 5 до 10 рублей; поемные же покосы вездѣ достигаютъ очень высокихъ цѣнъ, втрое, вчетверо противъ пашни, отъ 10—30 руб. въ Тверской губерніи, 20—25 во Владимірской и 10—40 въ Московской.

Вообще, арендная плата въ общей средней сложности всѣхъ земель возвысилась въ этомъ краѣ немного; она даже положительно упала по всѣмъ запольнымъ ненавознымъ пашнямъ, выгонамъ и другимъ угодьямъ, которыя въ первые годы по освобожденіи были сданы и выпаханы крестьянами, и въ настоящее время уже потеряли всю свою цѣнность. Таковыя пустошныя земли, ляды, сдаются нынѣ по цѣнамъ почти номинальнымъ, по 25 коп. въ Смоленской губерніи и по 50 коп. въ Тверской. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно положительное возвышеніе цѣнъ: во-первыхъ, по всѣмъ землямъ хорошаго качества, во-вторыхъ, по имѣніямъ, лежащимъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, рыбинско-бологовской—въ Мологскомъ уѣздѣ, орловско-витебской—въ Смоленской губерніи, и вообще во всѣхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ судоходнымъ рѣкамъ; такъ и въ бо́льшей части уѣздовъ Казанской и Нижегородской губерній, лежащихъ на Волгѣ и Камѣ.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что въ сѣверной полосѣ Россіи, гдѣ плодородіе почвы безусловно зависитъ отъ правильной культуры, цѣны упали отъ прежняго, многолѣтняго дикаго обращенія съ землей; онѣ продолжаютъ упадать и понынѣ отъ таковой же безсмысленной эксплуатаціи—сдачи

земель подъ рѣзы, ляды, подъ 3—4-лѣтніе посѣвы безъ навоза и продажи лѣсныхъ дачъ промышленникамъ на срубъ безъ малѣйшей заботы объ очисткѣ и уборкѣ вырубленныхъ лѣсосѣковъ. Можно сказать, что большая часть владѣльцевъ этихъ губерній дисконтировали еще до освобожденія крестьянъ, или въ первые годы послѣ реформы всю цѣнность своихъ имѣній. Намъ лично извѣстны цѣлые уѣзды, гдѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ пространныя лѣсныя дачи были, можно сказать, пропиты ихъ распутными владѣльцами, промѣнены на ящики шампанскаго, проиграны въ карты, гдѣ цѣлыя имѣнія запродавались лѣсоторговцамъ на срубъ, и на такіе долгіе сроки (6—12 лѣтъ), что въ продолженіи этого времени лучшіе строевые лѣса превращались въ непроходимыя трущобы, заваленныя буреломомъ, сучьями и валежникомъ.

Но съ другой стороны можно положительно заключить, что всѣ тѣ владѣльческія земли, которыя не были окончательно разорены до 1861 г., повысились съ того времени въ цѣнѣ, и что на поросшіе луга, навозныя пашни открылся такой запросъ, какого прежде не было и какого не ожидали дворяне-землевладѣльцы. Въ настоящее время многіе изъ нихъ довершаютъ разореніе, начатое при крѣпостномъ правѣ; послѣднія цѣлины или старыя залежи сдаются подъ ленъ, луга распахиваются, лѣса вырубаются, и громадныя цѣны, установившіяся на новыя земли и поемные луга (20—30—40 рублей арендной платы), суть печальные предвѣстники близкаго истощенія этой послѣдней статьи доходности владѣльческихъ имѣній.

Въ южной полосѣ Россіи арендованіе земель имѣетъ совершенно другой характеръ и приняло въ послѣднее время другое направленіе. Мы разумѣемъ здѣсь всю группу хлѣбородныхъ губерній, лежащихъ на югъ отъ Москвы, начиная на востокъ съ Симбирска и юго-восточныхъ черноземныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, и кончая на западъ Волынской и Подольской губ. Здѣсь арендованіе земель ввелось очень быстро, составляетъ главный промыселъ сельскихъ сословій и, повидимому, доставляетъ землевладѣльцамъ выгоды.

Само собой разумѣется, что на такомъ широкомъ пространствѣ представляются многочисленныя исключенія и рѣзкія различія.

Всѣхъ болѣе отдѣляется по своимъ особенностямъ крайняя восточная группа, состоящая изъ губерній Симбирской, Самарской и части Нижегородской; особенности эти, проявляясь всего болѣе въ дальнѣйшихъ уѣздахъ Самарской губерніи, постепенно смягчаются и сглаживаются, идя на западъ.

Въ Самарской губерніи все земледѣліе находится въ рукахъ крестьянъ. Владѣя по уставнымъ грамотамъ очень широкимъ надѣломъ (помѣщичьи крестьяне по 12 десятинъ, удѣльные $7^1/_2$ десятинъ), они снимаютъ, кромѣ того, и всѣ владѣльческія земли. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ (донесенія губернской и уѣздной земскихъ управъ) крестьяне арендуютъ ежегодно до 900,000 десятинъ, и чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ сдача земель крестьянамъ дѣлается болѣе и болѣе. Въ Николаевскомъ, Новоузенскомъ уѣздахъ почти нѣтъ селенія, которое не арендовало бы значительнаго количества государственныхъ или помѣщичьихъ земель; въ нѣкоторыхъ деревняхъ наемныхъ земель въ 2—3 раза болѣе, чѣмъ надѣльныхъ. Николаевская земская управа приводитъ примѣръ одного сельскаго общества, состоящаго изъ 25,000 ревизскихъ душъ, при надѣлѣ въ 14 десятинъ удобной и 11 дес. неудобной земли, которое арендуетъ, кромѣ того, 180,000 дес. чужой земли и эксплуатируетъ такимъ образомъ до 240,000 дес. или около 100 на душу. Крестьяне юго-восточныхъ уѣздовъ арендуютъ также земли у киргизовъ сосѣднихъ ордъ и распространяютъ свои культуры до крайнихъ предѣловъ безводныхъ степей и песковъ каспійскаго поморья.

Условія аренды здѣсь также совершенно противоположны тѣмъ, которыя мы замѣтили на сѣверѣ; между тѣмъ какъ тамъ крестьяне избѣгаютъ долгосрочныхъ сдѣлокъ и крупныхъ оброчныхъ статей, здѣсь, наоборотъ, они ищутъ большихъ участковъ и предпочитаютъ многолѣтніе сроки; отдѣльные хозяева арендуютъ участки отъ 10—30 десятинъ, болѣе зажиточные до 100 дес., но бо́льшею частію они складываются товариществами или цѣлыми мірскими обществами и снимаютъ пространныя степи, старыя залежи и цѣлины участками отъ 2 до 5 тысячъ десятинъ.

Понятно, что при такомъ непомѣрномъ запросѣ на земли, очевидно превышающемъ даже рабочія силы мѣстнаго населенія, цѣны должны были подняться; онѣ стояли еще въ 1858 году очень низко, по 20—50 копѣекъ за десятину, потомъ возвысились въ 1862 году до 1 рубля, а въ 1868 году до 2—3 рублей. Понятно, что такое быстрое вздорожаніе должно было привлечь промышленниковъ и спекулянтовъ; и дѣйствительно, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что между владѣльцами и крестьянами стали повсемѣстно посредники, оптовые съемщики изъ купцовъ, которые арендуютъ отъ удѣловъ и помѣщиковъ обширныя дачи въ нѣсколько тысячъ десятинъ, часто 100,000 и болѣе, и переоброчиваютъ ихъ крестьянамъ отдѣльными участками. Изрѣдка являются на торги и крестьяне въ составѣ обществъ и товариществъ, но бо́льшею частью не выдерживаютъ конкурренціи капиталистовъ и, уступая имъ непосредственное заключеніе контракта, тутъ же вступаютъ съ ними въ сдѣлки для съемки земель изъ вторыхъ рукъ.

Мы описали въ главѣ объ Англіи, какое пагубное дѣйствіе на народное хозяйство имѣли таковые же посредники (midlemans) въ Ирландіи. На нашихъ восточныхъ окраинахъ возникаютъ порядки, нѣсколько похожіе на ирландскіе и которые во всякомъ случаѣ внушаютъ нѣкоторыя опасенія. Купцы-съемщики берутъ обыкновенно земли на 5—7 лѣтъ, большими количествами по средней цѣнѣ, отъ 1 до $2^1/_2$ руб.; цѣны эти разбиваются по разнымъ сортамъ земли: за цѣлину, залежи и вообще крѣпкія земли платятъ отъ 3 до 7 рублей, за мягкія отъ 2 до 5, за выгоны и пустыя степи цѣна упадаетъ до 1 рубля и даже до 35 копѣекъ. Средняя годовая плата колеблется между 12 и 50 коп. въ Новоузенскомъ уѣздѣ и $2^1/_2$—3 рубля въ Ставропольскомъ. Между тѣмъ, при передачѣ земель крестьянамъ плата возвышается до 5—8 руб. и за переуступку отдѣльныхъ участковъ крестьяне платятъ купцамъ-съемщикамъ отступного отъ 10 до 30%; въ отдѣльныхъ случаяхъ барыши арендаторовъ бываютъ гораздо значительнѣе и составляютъ до 75% арендной платы.

Другая черта, которая также представляетъ нѣкоторое сходство съ Ирландіей, есть та, что здѣсь, какъ и тамъ, крупное землевладѣніе сосредоточено въ рукахъ отсутствую-

щихъ собственниковъ, изъ коихъ главные: удѣльное вѣдомство и дворяне, получившіе въ послѣднее время, по высочайшему пожалованію, обширныя ненаселенныя степи и проживающіе, почти всѣ безъ исключенія, на службѣ, вдали отъ своихъ имѣній. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ причинъ— абсентеизма крупныхъ владѣльцевъ и посредничества крупныхъ съемщиковъ—въ Самарѣ уже начинаютъ проявляться тѣ же признаки истощенія почвы и оскудѣнія сельскихъ сословій, которые мы описали въ Ирландіи. Въ теченіи первыхъ 8 или 10 лѣтъ, до 1868—70 гг., цѣны возвышались и возвысились вчетверо, затѣмъ стали упадать, и въ 1872 г. понизились съ 2 рублей до $1^1/_2$. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ; старыя залежи и цѣлины поубирались, посѣвы бѣлотурки на мягкихъ земляхъ не удавались, вслѣдствіе быстраго перерода этого хлѣба; въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ много свѣжихъ земель, арендная плата все еще дорожала, но въ сѣверныхъ падали арендныя цѣны, сокращались урожаи, бѣднѣли земледѣльцы, покуда, наконецъ, не разразилось надъ этой плодороднѣйшей полосой Россіи небывалое бѣдствіе голода 1873 года, вызвавшее во всей имперіи столько же сочувствія, сколько и пререканій.

Смѣемъ думать, что независимо отъ неурожаевъ, которые по общему закону природы поражаютъ попеременно всѣ страны и мѣстности нашей русской земли, самарскій голодъ долженъ быть отчасти приписанъ и хищнической культурѣ, которая введена была въ этомъ краѣ немедленно по упраздненіи крѣпостного труда. Вездѣ, гдѣ проявляется та же пагубная система хозяйства, гдѣ собственники, живя въ отдаленіи отъ своихъ имуществъ, извлекаютъ изъ нихъ наивысшую ренту, посредствомъ оптовыхъ съемщиковъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, переоброчиваютъ земли мелкимъ арендаторамъ, гдѣ, такимъ образомъ, кромѣ владѣльческой поземельной ренты, появляется еще другая, спекулятивная, торговая, тамъ неминуемо всѣ прибыли земледѣлія поглощаются этими посредниками, а самимъ хлѣбопашцамъ остается только тяжкій и безплодный трудъ. Мы видѣли, что въ Ирландіи midlemans обогащались на счетъ обѣихъ сторонъ— землевладѣльцевъ и крестьянъ; въ Самарѣ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, купцы-съемщики берутъ отступного отъ крестьянъ

до 30%, выгадываютъ на таковомъ посредничествѣ до 75% арендной платы, и этихъ указаній уже достаточно, чтобы заключить, что всѣ прибыли земледѣлія остаются въ ихъ рукахъ. Временно и мгновенно рента землевладѣльцевъ могла и возвыситься отъ искусственнаго возвышенія цѣнъ при торгахъ, также и крестьяне могли выручать въ первые годы нѣкоторые барыши отъ посѣва цѣнныхъ хлѣбовъ (бѣлотурки) на крѣпкихъ, дѣвственныхъ почвахъ, но вскорѣ почва отказалась производить, а люди платить, и 2—3 лѣтъ, 1870—73 гг., неурожая достаточно было въ Самарѣ, какъ одного года въ Ирландіи (1847), чтобы разорить сельскія сословія, помѣщиковъ и крестьянъ; въ барышахъ остались только купцы-съемщики, которые успѣли извлечь изъ земли всѣ ея производительныя силы, изъ народа—всѣ его платежныя средства.

Въ смежную Симбирскую губернію, Саратовскую и въ южные уѣзды Нижегородской, эта наемная эксплуатація еще, повидимому, не проникла: долгосрочныя аренды большими участками встрѣчаются рѣдко, крестьяне арендуютъ помѣщичьи и удѣльныя земли непосредственно; но здѣсь проявляется другое обстоятельство, это—быстрое возвышеніе арендныхъ цѣнъ вслѣдствіе малоземелья крестьянъ, такъ какъ въ этой полосѣ было наиболѣе примѣнено распоряженіе объ уступкѣ крестьянамъ въ даръ 1/4 надѣла (по ст. 123 положенія о крестьянахъ), распоряженіе, которое было проведено, вопреки мнѣнію редакціонной коммиссіи, по настоянію нѣкоторыхъ крупныхъ и знатныхъ собственниковъ, владѣвшихъ большими имѣніями въ этихъ краяхъ. Дѣйствія этой мѣры не замедлили обнаружиться; въ окрестностяхъ имѣній, перешедшихъ на такъ-называемый даровой или нищенскій надѣлъ, наемная плата за земли установляется почти произвольно немногими богатѣйшими собственниками-землевладѣльцами и крестьяне нанимаютъ свои прежнія пашни по цѣнѣ, возрастающей съ каждымъ годомъ. Свѣдѣнія (симбирская управа, сызранскій городской голова) показываютъ, что цѣны растутъ значительно и съ каждымъ годомъ: имѣнія, гдѣ въ 1864 году земли сдавались по 3 р., въ 1872—уже по 7 руб. Итакъ, во всей этой крайне восточной полосѣ Россіи, приволжской, низовой, земледѣліе находится почти исключительно въ рукахъ крестьянъ. Неодолимое стрем-

леніе сельскихъ обывателей къ распространенію своихъ эксплуатацій, къ захвату наибольшаго количества угодій вытѣсняетъ изъ этого края вольнонаемное, издѣльное хозяйство; господскихъ запашекъ мало, сдаточная система преобладаетъ, въ батраки и поденьщики крестьяне не нанимаются и вмѣстѣ съ тѣмъ, по безпечности владѣльцевъ, съ помощью спекулянтовъ, купцовъ-съемщиковъ, все болѣе и болѣе распространяется безпощадная культура, такъ-называемая система залежей, выгодная для съемщиковъ, убыточная для владѣльцевъ и безусловно пагубная для народнаго хозяйства.

Переходя отъ Волги на западъ, мы входимъ въ другую полосу—собственно черноземную, гдѣ условія и положеніе землевладѣнія очень измѣняются. Это полоса, состоящая изъ группы великороссійскихъ и новороссійскихъ губерній отъ Рязани и Тулы до Курска и Харькова, наиболѣе выиграла отъ освобожденія крестьянъ; но выгоды эти едва ли не бо́льшія для дворянъ-помѣщиковъ, чѣмъ для отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ. Мы выше видѣли, что среднія продажныя цѣны въ этихъ губерніяхъ почти удвоились въ 10 лѣтъ, что̀ составляетъ полное и неопровержимое доказательство возрастающей доходности этихъ земель, хотя относительно арендныхъ платъ показанія очень разнорѣчивы. Въ виду предполагаемыхъ податныхъ реформъ, мѣстные обыватели и ихъ представители, земскія управы, очевидно, не находятъ выгоднымъ преувеличивать свои рессурсы, соотвѣтственно коимъ могутъ быть возвышены и оклады, и поэтому приводимыя ими числа доходности скорѣе уменьшены, чѣмъ преувеличены. Несмотря на это, быстрое возвышеніе цѣнъ обнаруживается почти во всемъ этомъ краѣ, по отзывамъ самихъ землевладѣльцевъ, и, можно безошибочно принять, что это повышеніе съ 1861 по 1872 года составляетъ не менѣе 100%, а скорѣе болѣе.

Всего болѣе поднялись арендныя цѣны въ новороссійскихъ губерніяхъ. Въ Екатеринославской, по списку, представленному управленіемъ государственныхъ имуществъ, по 31 оброчнымъ статьямъ, заключающимъ въ себѣ 36,440 десятинъ, оказывается слѣдующее громадное повышеніе:

въ 1860 г. они сданы были за сумму—18,882 руб.
» 1866 » » » » » » —27,916 »
» 1872 » » » » » » —54,180 »

Въ 12 лѣтъ цѣны казенныхъ оброчныхъ статей возвысились втрое, а такъ какъ частные владѣльцы всегда сдаютъ свои земли нѣсколько дороже, чѣмъ казна, то можно безошибочно принять, что такое же повышеніе произошло и по всѣмъ владѣльческимъ землямъ. Въ Таврической губерніи земскія управы показываютъ, что цѣны поднимаются ежегодно на 10%, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ онѣ утроились въ теченіи послѣднихъ 12—15 лѣтъ, а въ Ѳеодоссійскомъ возвысились въ 4 раза.

Въ прочихъ губерніяхъ черноземной полосы повышеніе было нѣсколько слабѣе; но изъ всѣхъ отзывовъ можно вывести общее заключеніе, что съ 1861 года повсемѣстно начали подниматься оброчныя цѣны, что это повышеніе шло постепенно и правильно по 10—15% въ годъ, что оно достигло высшаго предѣла въ 1872 г., что затѣмъ, вслѣдствіе неурожаевъ въ 1872—74 годахъ, движеніе это нѣсколько пріостановилось, но слѣдуетъ ожидать и дальнѣйшаго вздорожанія арендъ, если урожаи будутъ обильные [6]).

Между тѣмъ и въ этой полосѣ повторяется то же явленіе, которое мы замѣтили въ сѣверной, что долгосрочныхъ арендъ нѣтъ, или очень мало; крупные съемщики, которые, какъ мы выше сказали, появились на восточныхъ окраинахъ, здѣсь не находятъ себѣ мѣста; съемщиками являются опять одни крестьяне или крестьянскія общества, и входятъ непосредственно въ сдѣлки, бо́льшею частію погодныя и словесныя, съ землевладѣльцами на отдѣльные участки. Здѣсь представляется и другой фактъ: въ Орловской, Курской и другихъ центральныхъ губерніяхъ главными съемщиками являются не отдѣльные хозяева, но цѣлыя сельскія общества; они иногда заключаютъ условія на долгіе сроки, отъ 6 до 9 лѣтъ, и на участки болѣе или менѣе обширные, въ 300—600 десятинъ; цѣны даютъ довольно высокія, въ средней сложности трехлѣтняго сѣвооборота, съ паромъ включительно, отъ 5 до 6 рублей. Предводители дворянства и мѣстные землевладѣльцы свидѣтельствуютъ, „что по неимѣнію благонадежныхъ арендаторовъ владѣльцы предпочитаютъ

отдавать свои земли сельскимъ обществамъ, какъ болѣе другихъ исправнымъ плательщикамъ". Наконецъ, и въ этомъ краѣ надо подмѣтить то же самое явленіе, которое проявляется на сѣверѣ — непомѣрное вздорожаніе луговыхъ угодій съ сравненіи съ пашней.

Среднія арендныя цѣны стоятъ:

	За пашню.	За луга.
въ Саранскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи.	5— 7½	10 руб.
„ Тамбовскомъ „ „ „	6—15	8—20 „
„ Скопинскомъ „ Рязанской „	8	10 „
„ Ряжскомъ „ „ „	10—12	20—35 „
„ Алексинскомъ „ Тульской „	1— 5	3--10 „
„ Одоевскомъ „ „ „	2— 6	10—15 „
„ Кромскомъ „ Орловской „	6—15	10—25 „

Въ западной группѣ той же полосы, въ малороссійскихъ губерніяхъ и въ такъ-называемомъ юго-западномъ краѣ (Кіевской, Волынской, Подольской губ.) представляются опять нѣкоторыя особыя черты: во-первыхъ, долгосрочныя аренды, которыя въ великороссійскихъ губерніяхъ очень рѣдки, а гдѣ и встрѣчаются, то преимущественно заключаются съ крестьянскими обществами (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ Самарской губерніи), здѣсь довольно распространены и притомъ принимаютъ уже характеръ настоящихъ арендныхъ условій, фермерства, формальныхъ контрактовъ; во-вторыхъ, съемщиками здѣсь уже являются не одни крестьяне и сельскія общества, но бо́льшею частію лица другихъ сословій, польскіе мелкіе дворяне, шляхтичи и евреи. Всѣ показанія мѣстныхъ жителей и учрежденій, земскихъ управъ губерній Черниговской и Полтавской, предводителей дворянства и землевладѣльцевъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній подтверждаютъ эти два факта: а) что долгосрочныя аренды здѣсь очень распространены, и б) что онѣ находятся отчасти въ рукахъ поляковъ, бо́льшею частью въ рукахъ евреевъ. Въ Черниговской губерніи еще конкуррируютъ съ ними кое-гдѣ зажиточные домохозяева изъ хуторянъ-казаковъ; но чѣмъ далѣе мы подвигаемся на юго-западъ, тѣмъ болѣе вытѣсняется туземное сельское сословіе изъ арендованія земель, уступая мѣсто

инородцамъ разночинцамъ. Въ Кіевской и Подольской губ. большая часть имѣній арендуется евреями; несмотря на запрещеніе о томъ, установленное закономъ, они заключаютъ контракты на долгіе сроки, на выгодныхъ условіяхъ, на чужое имя, и, имѣя мало наклонности къ сельскому хозяйству, эксплуатируютъ имѣнія въ болѣе промышленномъ и торговомъ отношеніи, извлекая и выжимая изъ почвы и землевладѣльцевъ послѣдніе ихъ соки и силы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь замѣтно явленіе прямо противоположное тому, которое замѣчается въ великороссійскихъ губерніяхъ; тамъ преобладаетъ погодная однолѣтняя съемка земель мелкими оброчниками изъ крестьянъ, здѣсь, наоборотъ, долгосрочныя аренды вытѣсняютъ мелкихъ съемщиковъ или ставятъ ихъ въ невыгодныя условія сравнительно съ крупными съемщиками. Такъ, въ Подольской губерніи помѣщичьи земли сдаются крестьянамъ не иначе, какъ за часть урожая, за снопъ, причемъ часть, идущая въ пользу владѣльца, годъ отъ году увеличивается; между тѣмъ какъ въ великороссійскомъ краѣ крестьяне избѣгаютъ вообще такихъ платъ натурой, а когда и принимаютъ эти условія по безденежью, то выговариваютъ себѣ бо́льшую часть, напримѣръ въ Харьковской губерніи отдаютъ владѣльцу $^1/_3$ урожая, въ Самарской 1 мѣшокъ бѣлотурки въ 8 мѣръ, въ Волынской, по отзывамъ самихъ землевладѣльцевъ, они берутъ въ свою пользу часто $^2/_3$, а иногда $^3/_4$ всего урожая зерна и соломы; въ послѣднее время владѣльцы даже перестали давать съемщикамъ сѣмена для посѣва, заставляя ихъ отбывать пашни своими сѣменами. Цѣны аренды и здѣсь повышаются, какъ и во всей хлѣбородной полосѣ, и если показанія мѣстныхъ жителей достовѣрны, то повышеніе это идетъ здѣсь не такъ быстро, какъ въ восточныхъ и центральныхъ губерніяхъ, несмотря на то, что юго-западный край по хлѣбородію и по удобству сбыта поставленъ въ несравненно лучшія условія, чѣмъ прочія мѣстности. При долгосрочныхъ арендахъ среднія цѣны стоятъ въ Волынской и Подольской губ. въ 4 — 6 руб., въ Кіевской въ 4 и $4^1/_2$. Тому лѣтъ 6 или 10 онѣ считались въ 3 рубля по средней сложности. Въ погодный наемъ земли отдавались казной (Овручскій уѣздъ Волынской губерніи) въ 1871 году по неимовѣрно-низкой цѣнѣ:

32 копѣйки за десятину, а нынѣ по 80. Если сравнить эти цѣны съ смежными губерніями, напримѣръ съ Екатеринославскою, гдѣ казенныя же земли сдаются по средней цѣнѣ 1,49 (въ 1872 г.), или съ таврическою, гдѣ арендныя цѣны поднялись втрое и вчетверо, то надо удивляться, что въ этомъ плодороднѣйшемъ краѣ, житницѣ сѣверо-западной полосы Европы и Россіи, поставляющемъ высшіе сорты пшеницы въ балтійскіе и черноморскіе порты, арендныя цѣны ниже, чѣмъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ сообщеній. Но это объясняется само собой вліяніемъ долгосрочнаго арендованія и крупныхъ съемщиковъ, которые настолько же понижаютъ цѣны оптовыхъ арендъ, насколько мелкіе оброчники ихъ возвышаютъ; въ юго-западномъ краѣ, вслѣдствіе спекулятивныхъ оборотовъ ловкихъ евреевъ, замѣчается даже, что возвышеніе арендныхъ цѣнъ гораздо слабѣе, чѣмъ возвышеніе продажныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ здѣсь подтверждается общая сельско-хозяйственная аксіома, что крупные съемщики фермеры, являясь посредниками между землевладѣльцами и земледѣльцами, отбираютъ въ свою пользу отъ собственниковъ и рабочихъ бо́льшую часть чистой ренты первыхъ и заработковъ вторыхъ.

Намъ остается теперь разсмотрѣть двѣ отдѣльныя группы губерній, гдѣ положеніе сельскихъ сословій иное, гдѣ весь аграрный строй развивался изъ другихъ началъ, чѣмъ въ великороссійскомъ краѣ, а именно изъ тѣхъ воззрѣній на землевладѣніе и сельское хозяйство, которыя преобладали въ цивилизованныхъ странахъ Европы, откуда и перенесены помѣстными сословіями, польской шляхтой и ливонскимъ рыцарствомъ, въ Литву и остзейскій край.

Въ обѣихъ этихъ полосахъ крестьянскій бытъ отличается отъ великороссійскаго существенно тѣмъ, что земли состоятъ въ подворномъ и участковомъ владѣніи крестьянскихъ семей, наслѣдуются сыновьями отъ отцовъ преемственно, и бо́льшею частію по пе́рвенству, и что дворы составляютъ цѣльныя нераздѣльныя имущества, имѣющія опредѣленную норму, уволоку или гуфу.

Всѣ эти условія составляютъ прямую противоположность

великороссійскаго мірского владѣнія, и поэтому для сравненія этихъ двухъ порядковъ владѣнія необходимо прослѣдить настоящее положеніе этихъ двухъ краевъ, всего болѣе приближающихся къ европейскому аграрному строю.

Въ трудахъ коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, и въ докладахъ другой коммиссіи, податной, представлены свѣдѣнія, хотя нѣсколько сбивчивыя и неполныя, но очень любопытныя—о состояніи землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ этихъ двухъ группахъ губерній. Свѣдѣніями этихъ коммиссій мы и воспользуемся, какъ новѣйшими.

О литовскихъ губерніяхъ мы имѣемъ извѣстія нѣсколько одностороннія: въ отзывахъ губернскихъ присутствій и землевладѣльцевъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, положеніе землевладѣнія описывается только съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ; заявляются, впрочемъ, справедливыя жалобы о разстройствѣ сельскаго хозяйства вслѣдствіе политическихъ смутъ 1863 года, контрибуціоннаго сбора, наложеннаго на имѣнія поляковъ, также сервитутовъ и черезполосности помѣщичьихъ дачъ съ крестьянами. Но собственно о положеніи крестьянъ упоминается только вскользь, и только въ отношеніи одной мѣры, которая возбуждаетъ нѣкоторыя опасенія: извѣстно, что по распоряженію правительства всѣмъ прежнимъ батракамъ, неимѣвшимъ земли, отведено было по 3 десятины на семейство; эта пропорція повсюду признается недостаточной, и бытъ означенныхъ крестьянъ очень стѣсненнымъ. Землевладѣльцы Виленской губерніи отзываются: что „положеніе крестьянъ, надѣленныхъ 3-десятинными участками, не представляетъ имъ выгодъ; что они на своихъ участкахъ содержатъ 1 корову и нѣсколько овецъ, рабочій скотъ нанимаютъ у крестьянъ-хозяевъ изъ-за дней, отработываемыхъ лѣтомъ; что, такимъ образомъ, половина рабочей лѣтней поры проходитъ на этихъ заработкахъ, другая половина на работахъ по собственному хозяйству, и что только поздней осенью освобождаются они для отысканія вольно-наемныхъ работъ, необходимыхъ для ихъ существованія“. (Доклады ком. для изсл. сельск. хоз., отд. IV, о землевлад., стр. 7). Также жалуются ковенскіе и виленскіе помѣщики на допущеніе раздѣловъ между сыновьями, заявляютъ: что „правительство не должно поощрять образованія мелкихъ хозяйствъ, которыя

только доставляютъ средства существованія ихъ обладателямъ (sic!); напротивъ, необходимо разрѣшить покупку участковъ между крестьянами, чтобы образовать большія и прочныя фермы". (Idem, стр. 8). Наконецъ, описываются также съ невыгодной стороны и новыя правила наслѣдованія, введенныя русскимъ правительствомъ. Предводители дворянства вмѣстѣ съ землевладѣльцами Ковенской губерніи пишутъ: что „для усиленія крестьянскихъ хозяйскихъ единицъ и противодѣйствія раздѣламъ желательно законоположеніе, опредѣляющее переходъ по наслѣдству крестьянскаго двора, сообразно съ прежнимъ обычаемъ, по которому дворъ и весь хозяйственный инвентарь переходитъ къ старшему или младшему изъ дѣтей безъ различія пола". (Idem, стр. 8).

Но совершенно полную и яркую картину аграрнаго положенія этого края мы находимъ въ другомъ документѣ, въ журнальномъ постановленіи соединенныхъ присутствій Ковенской губерніи, представленномъ въ податную коммиссію (Сводъ отзывовъ о податной реформѣ. Часть 3. Отд. 1, стр. 527). „Крестьянское населеніе Ковенской губерніи,—пишетъ присутствіе,—занимается исключительно земледѣліемъ; торговля и всевозможные при мѣстныхъ условіяхъ промыслы, безъ всякихъ изъятій, находятся въ рукахъ евреевъ, такъ что крестьяне не имѣютъ постороннихъ заработковъ ни въ чертѣ губерніи, ни за предѣлами ея. Такимъ образомъ земля представляется здѣсь единственнымъ источникомъ, изъ котораго крестьянское населеніе почерпаетъ средства къ жизни и къ уплатѣ всѣхъ денежныхъ сборовъ. Поэтому мѣриломъ рабочей силы въ Ковенской губерніи служитъ не крестьянскій дворъ, а размѣръ поземельнаго при этомъ дворѣ участка. Вслѣдствіе издавна существующаго въ краѣ подворнаго землевладѣнія, мѣстное положеніе 19 февраля укрѣпило за крестьянами всѣ усадебныя и полевыя земли и угодья, коими крестьяне до того времени пользовались; крестьяне же, не владѣвшіе земельными участками во время обнародованія положеній, оставлены безъ надѣловъ. Хотя впослѣдствіи и были приняты мѣры къ уменьшенію числа безземельныхъ крестьянъ, предоставленіемъ права на 3-десятинные участки тѣмъ крестьянскимъ семействамъ, которыя были обезземелены помѣщиками до 1857 года, а обезземеленнымъ

послѣ этого срока—права возврата отобранныхъ у нихъ участковъ; но число это и въ настоящее время столь значительно, что обращаетъ на себя вниманіе при обсужденіи вопроса объ измѣненіи податной системы. Изъ общаго числа 318,800 душъ крестьянскаго населенія, крестьянъ, владѣющихъ землею, числится 208,000 душъ, слѣдовательно, число безземельныхъ крестьянъ достигаетъ до 110,800 душъ или 34%. Средняя величина подворнаго участка простирается до $17^1/_2$ дес., а душевого надѣла $6^1/_2$ дес. Нормальная величина подворнаго участка составляетъ въ Ковенской губерніи 20 десятинъ, т.-е. уволоку; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне проживаютъ не деревнями, а односельями, крестьянскіе участки значительно превышаютъ нормальную величину и достигаютъ до 100, а иногда и болѣе десятинъ. Въ деревняхъ же вмѣстѣ съ уволочными участками иногда усматриваются полуволочные (10 дес.) и огородные; сверхъ того, вслѣдствіе указанныхъ выше распоряженій правительства, въ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ появилось значительное число 3-десятинныхъ участковъ. Такимъ образомъ подворные крестьянскіе участки видоизмѣняются отъ $^1/_2$ десятины до 100 и болѣе. Изъ вышеизложеннаго видно, что $^2/_3$ крестьянскаго населенія Ковенской губерніи находятся въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, сравнительно съ крестьянами великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерній, гдѣ высшій душевой надѣлъ въ 6 десятинъ распространенъ лишь на мѣстности съ весьма неблагопріятными хозяйственными условіями, между тѣмъ какъ Ковенская губернія отличается доброкачественностью почвы, высокою цѣнностью земли и весьма удобнымъ сбытомъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Остальная треть крестьянскаго населенія губерніи представляетъ, напротивъ, массу батраковъ, кутниковъ и бобылей, неимѣющихъ никакой собственности, и изыскивающихъ средства къ существованію единственно личнымъ трудомъ въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствахъ; кутники имѣютъ, правда, собственныя усадьбы, но воздвигнутыя на клочкахъ чужой земли за извѣстную, бо́льшею частію весьма тяжкую повинность въ пользу хозяевъ; одинъ видъ этихъ дворовъ вызываетъ, по словамъ соединенныхъ присутствій, величайшее состраданіе. Вслѣд-

ствіе подворнаго землевладѣнія и значительнаго числа безземельныхъ крестьянъ заработная плата до такой степени ничтожна, что батраки не всегда имѣютъ возможность одѣться и прокормиться. Батраки 1-го разряда, или такъ-называемые полные батраки, получаютъ по 25—30 руб. въ годъ жалованья (и облагаются сельскими сходами окладами отъ 5 до 8 р., а иногда и болѣе, на пополненіе однихъ подушныхъ податей); батраки же послѣдняго разряда (число разрядовъ не вездѣ одинаково), т.-е. полупастухи, мальчики 10—12 лѣтъ, получаютъ въ годъ 5 и рѣдко до 10 рублей (облагаются окладомъ до 2 руб.). При всякомъ нарушеніи правильнаго хода сельскаго хозяйства губерніи, и при всякомъ неурожаѣ безземельные крестьяне лишаются и этихъ скромныхъ заработковъ, и иногда положеніе ихъ становится безвыходнымъ, какъ это доказали смутное время 1862—1863 гг., и голодные 1867—1868 гг.".

Такимъ образомъ, въ литовскихъ губерніяхъ обнаруживаются уже въ полномъ видѣ тѣ же послѣдствія участковаго владѣнія, какъ и въ западной Европѣ, послѣдствія неотвратимыя: одна часть сельскаго населенія богатѣетъ, другая бѣднѣетъ; покуда населеніе рѣдко, первая часть больше второй; въ Литвѣ она относится въ настоящее время какъ $^2/_3$ къ $^1/_3$; но по естественному ходу вещей, по мѣрѣ того, какъ страна насыщается населеніемъ, измѣняется и эта пропорція, и сельскій пролетаріатъ, наростая постепенно и незамѣтно, становится силой равной, а потомъ и бо́льшей, чѣмъ матеріальныя силы имущественныхъ классовъ.

Надѣлъ батраковъ 3-десятинными участками, точно такъ какъ и четвертной (такъ-называемой — даровой) въ великороссійскихъ губерніяхъ, оказывается полу-мѣрой, невыручающей крестьянъ изъ рабочей кабалы. Какъ въ Германіи крестьянское сословіе распалось на два класса, полныхъ хозяевъ и мелкихъ, такъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, подъ вліяніемъ нѣмецкой культуры, образуется расколъ въ крестьянствѣ, разбитомъ на двѣ категоріи, одна съ надѣломъ отъ $^1/_2$ десят. до 3 десятинъ на дворъ, другая съ участками въ 20 и до 100 десятинъ.

Итакъ, первымъ послѣдствіемъ подворнаго владѣнія здѣсь, какъ и въ Европѣ, оказалось: а) относительное благосостоя-

ніе одной части крестьянъ, b) совершенное обнищаніе другой и c) упадокъ рабочихъ цѣнъ, въ особенности цѣнъ на содержаніе годовыхъ рабочихъ батраковъ.

То же самое представляется и въ остзейскихъ губерніяхъ, но съ тою разницею, что здѣсь нѣмецкое дворянство, слѣдуя примѣру своихъ единородцевъ, провело съ бо́льшею ловкостью аграрную систему, принятую въ Германіи, и, не подражая легкомысленнымъ польскимъ панамъ, затѣявшимъ политическія смуты, чтобы отстоять свои владѣльческія права, умѣло, напротивъ, преданностью престолу и ревностью къ службѣ, снискать милость высшаго правительства и благополучно довершить дѣло, начатое ихъ благородными предками—завладѣніе бо́льшею частію крестьянскихъ земель. Мы уже выше описали правильный систематическій ходъ этой аграрной революціи, и намъ остается только подвести итогъ ея къ настоящему времени по послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ правительствомъ.

Извѣстно, что главное отличіе крестьянской реформы въ этомъ привилегированномъ краѣ состояло въ томъ, что обязательный выкупъ былъ отвергнутъ дворянствомъ прибалтійскихъ губерній, и уступка подворныхъ участковъ крестьянамъ совершилась не иначе, какъ по добровольному соглашенію, причемъ арендныя земли могли быть запроданы и другимъ лицамъ не-крестьянскаго сословія. Въ сущности, это былъ не выкупъ, а вольная продажа, которая не нуждалась ни въ какой регламентаціи и могла бы обойтись безъ всякихъ законодательныхъ мѣръ, такъ какъ вся операція зависѣла отъ благоусмотрѣнія помѣщика.

Результаты ея слѣдующіе:

Въ Курляндской губерніи, немедленно по обнародованіи положенія 1863 г. о пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность арендныхъ участковъ, продажныя и арендныя цѣны внезапно возвысились; по оцѣнкѣ курляндскаго кредитнаго общества средняя арендная цѣна въ 1869 году была уже 8 р. за десятину, и продолжаетъ возвышаться по приблизительному разсчету на 10—30% въ 12 лѣтъ; за десятину подъ ленъ платятъ 40—60 р. аренды. Продажная цѣна поднялась также быстро и при этомъ оказывается, что цѣна крестьянскихъ земель всегда стоитъ гораздо выше

вольныхъ цѣнъ на прочія земли. Послѣднія обыкновенно колеблются между 60—70 руб., крестьянскіе подворные участки продаются средней цѣной 30—35% дороже, по 80—90 рублей. Въ крестьянскомъ дворѣ среднимъ числомъ содержится 42 дес., по другимъ свѣдѣніямъ 56 дес.; помножая это число на среднюю цѣну десятины, мы получимъ стоимость одного крестьянскаго участка, равную 3360—5040 руб. Очевидно, что такая высокая цѣнность доступна только наиболѣе зажиточнымъ отборнымъ домохозяевамъ и что подобная операція должна остановиться на высшемъ разрядѣ крестьянъ.

Въ Лифляндской губерніи тѣ же самыя явленія; въ послѣднія 6—10 лѣтъ арендныя цѣны повысились на 25%, среднія продажныя цѣны стоятъ въ 66 руб., но такъ же, какъ и въ Курляндіи, гораздо выше при продажѣ крестьянскихъ дворовъ, чѣмъ по прочимъ землямъ. Стоимость подворнаго участка колеблется между 2564 руб. въ Верроскомъ уѣздѣ и 4925 р. въ Вольмарскомъ, средняя цѣна 2818 руб.

Наконецъ, въ Эстляндской губерніи размѣры участковъ нѣсколько меньше (36 дес.) и продажная цѣна ниже (48 руб. за десятину), что составляетъ по средней стоимости около 1728 руб. за подворный участокъ. Эти цифры убѣдительнѣе, чѣмъ всякія разсужденія; онѣ доказываютъ, что пріобрѣтеніе поземельной собственности обставлено такими условіями, что она дѣлается съ каждымъ годомъ болѣе недоступною для массы крестьянъ. Крестьянскій дворъ по размѣрамъ своимъ превышаетъ средній размѣръ рабочей силы одной семьи; въ продажу онъ всегда идетъ въ цѣломъ составѣ, безъ раздѣленія, арендныя цѣны растутъ ежегодно на 1—3% и соразмѣрно имъ по капитализаціи возвышаются и продажныя цѣны. Онѣ уже нынѣ дошли въ этомъ краѣ песковъ и болотъ до суммы, превышающей среднюю цѣнность земель въ плодороднѣйшей и притомъ болѣе густонаселенной полосѣ Россіи: до 66 руб. въ Лифляндіи и 91 руб. въ Курляндіи. Но эта средняя стоимость выведена изъ общей сложности всѣхъ запроданныхъ земель, изъ коихъ около половины состоитъ изъ дикихъ непроизводительныхъ земель; въ частности за лучшія угодья, пашни и покосы цѣны несравненно дороже; въ Курляндіи они колеблются

между 80 и 130 руб.; въ Лифляндіи пахатныя земли продаются крестьянамъ—въ Дерптскомъ округѣ по 136 р., въ Перновскомъ—по 90—240 р., въ Рижскомъ по 246—420 р., луга стоютъ отъ 36 до 180 руб. Такимъ образомъ, цѣнность одного подворнаго участка можетъ быть поднята по произволу владѣльца до суммы, совершенно недоступной бо́льшей части крестьянъ, чего и требовалось достигнуть для удержанія поземельной собственности за дворянствомъ. Эта цѣль повидимому и достигнута; продажа крестьянскихъ дворовъ идетъ очень медленно и туго, всего съ 1865 по 1872 г. продано:

Изъ общаго числа дворовъ помѣщичьихъ и крестьянъ:

Въ Курляндіи	11,906	продано	2,556	т.-е.	21,47%
„ Лифляндіи	36,956	„	7,080	„	19,10%
„ Эстляндіи	26,300	„	904	„	3,43%
Итого. . . .	75,162	„	10,530		

Итакъ, въ то время, какъ въ Россіи перешло уже въ разрядъ собственниковъ около $^2/_3$ крестьянъ, въ прибалтійскомъ краѣ ихъ оказывается только $^1/_7$. На 10,530 дворовъ крестьянъ-собственниковъ приходится по средней сложности (9,44 души на одинъ дворъ) всего около 100,000 душъ, а такъ какъ крестьянскаго населенія считается въ трехъ губерніяхъ 685,160 рев. душъ, то вся остальная часть 585000 состоитъ еще понынѣ на оброчномъ положеніи и изъ нихъ значительная часть не имѣетъ вовсе земли.

Изъ этого видно, какое глубокое, коренное различіе отдѣляетъ поземельный строй остзейскихъ губерній отъ великороссійскаго: тамъ дворянство удержало за собой полное право собственности, уступая его немногимъ зажиточнѣйшимъ домохозяевамъ по вольной продажѣ; у насъ оно надѣлило поровну и обязательно всѣхъ крестьянъ лучшими угодьями и должно было держаться выкупной цѣны, установленной правительствомъ. Въ Россіи собственностью воспользовались всѣ, бѣдные и богатые, въ прибалтійскихъ губерніяхъ только богатѣйшіе изъ крестьянъ; такимъ образомъ, въ этомъ закоулкѣ Германіи совершается на нашихъ глазахъ значительный переворотъ, который мы уже выше описали: раздѣленіе крестьянскаго сословія на два класса: одинъ состоящій изъ

самостоятельныхъ, домовитыхъ и зажиточныхъ хозяевъ, которые одни и остаются на мѣстахъ, вступаютъ постепенно во всѣ права землевладѣнія, пріурочиваются къ помѣстному сословію и въ отношеніи культуры и всѣхъ своихъ интересовъ примыкаютъ къ среднимъ классамъ, рѣзко отдѣляясь отъ низшихъ; другой—образующійся изъ бобылей, кутниковъ, (Kleine ländliche Stellen въ Пруссіи, Lostreiberstellen въ Лифляндіи и Эстляндіи) и изъ батраковъ, мызныхъ работниковъ, безземельнаго люда, служащаго у помѣщиковъ и у крестьянъ-домохозяевъ". Сословная организація проникаетъ такимъ образомъ и въ бытъ землевладѣльцевъ, имущественные классы благородной крови подкрѣпляются новыми союзниками изъ черныхъ людей и все далѣе и глубже отдѣляются рабочіе отъ хозяевъ, собственники отъ пролетаріевъ.

Хотя такія заключенія, разумѣется, не заявляются мѣстными учрежденіями и землевладѣльцами въ такой откровенной формѣ, но изъ разныхъ отзывовъ видно, что сельскій пролетаріатъ растетъ быстро въ остзейскомъ краѣ.

Изъ Эстляндской губерніи пишутъ, что переходъ земель къ крестьянамъ посредствомъ продажи идетъ медленно, потому что крестьяне этой губерніи менѣе зажиточны, чѣмъ въ другихъ остзейскихъ; что крестьянскіе дворы состоятъ бо́льшею частію изъ черезполосныхъ несплошныхъ земель, а что продажа совершается только тогда, когда крестьянское хозяйство размежевано и округлено (докладъ коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, отдѣлъ IV, о землевладѣніи, стран. 5).

Курляндскій губернаторъ доноситъ, что хотя по закону 26 февраля 1870 г. и предположено надѣлить безземельныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель полными участками въ 12—20 десятинъ, и мелкими отъ 3 до 8, послѣднимъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, кромѣ хлѣбопашества, имѣются и другіе промыслы, но въ дѣйствительности и вопреки этому постановленію (это пишетъ губернаторъ) отводятся бо́льшею частію участки въ 3 десятины и менѣе, число мелкихъ хозяйствъ размножается выше мѣры, и взиманіе платежей годъ отъ году болѣе затрудняется (Idem).

Губернскій предводитель той же губерніи заявляетъ о неудобствахъ издавна существующаго порядка наслѣдства, по коему крестьянскія хозяйства преимущественно переходятъ по первородству въ нераздѣльномъ составѣ, причемъ наслѣдникъ, принимающій хозяйство, по оцѣнкѣ обязанъ выплатить капиталъ прочимъ членамъ семейства, и часто, когда оцѣнка высока, обременяется неоплатными долгами (Idem, страница 8).

Отзывы изъ Лифляндіи (сельско-хозяйственныхъ обществъ, арендаторовъ и землевладѣльцевъ) имѣютъ особое значеніе: всѣ эти мѣстныя учрежденія и жители называютъ крестьянскій дворъ не просто крестьянскимъ дворомъ, а условленнымъ терминомъ „созданный капиталъ", выводя изъ этого названія священныя и неотъемлемыя права собственника на свое созданіе, какъ будто земля и почва въ самомъ дѣлѣ создаются человѣческимъ трудомъ. Между тѣмъ крестьяне горько жалуются на лихвенные платежи, взимаемые этими создателями съ своего капитала, и сельскія общества Перновскаго уѣзда заявляютъ, что аренда съ хуторовъ доходитъ до непомѣрной цѣны—отъ 10 до 100% „созданнаго капитала"; за земли подъ лепъ платили аренды 40—60 р. въ Верроскомъ уѣзд. и 75—80 р. въ Дерптскомъ. Они жалуются на § 12 положенія 13 ноября 1860 г., по коему требуется согласіе собственника на установленіе арендной платы, тогда какъ они желали бы „нормированія аренды и сроковъ закономъ", точно такъ, какъ оно установлено въ Россіи для временно-обязанныхъ крестьянъ. Далѣе они отзываются, „что собственники пользуются своей монополіей во вредъ крестьянамъ, которые для своего пропитанія должны брать аренды за всякую цѣну"; они разсчитываютъ и приводятъ примѣры, что по 4 хуторамъ въ 20, 11, 16 талеровъ (талеръ по оцѣнкѣ равняется 60—100 рублямъ) арендаторы терпятъ убытка отъ 294 до 638 рублей, что арендная плата равна 14 — 34% цѣнности; наконецъ, что покупная цѣна крестьянскихъ дворовъ, соразмѣряясь съ высокой арендой, крайне обременительна, такъ что пріобрѣтеніе хуторовъ крестьянами отъ помѣщиковъ дѣлается съ каждымъ годомъ менѣе доступнымъ и что тѣ земли, которыя тому 10 лѣтъ

продавались по 90 рублей за талеръ, теперь цѣнятся въ 300 рублей (около 75—100 рублей за десятину).

Особенно любопытно и поучительно сравненіе, выведенное перновскимъ и эстскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ о положеніи крестьянъ-арендаторовъ и крестьянъ-собственниковъ; выходитъ, что хуторъ (примѣрно въ 30 — 40 дес.), съ коего аренды положено 100 рублей, продается не менѣе 2500 р., причемъ крестьянинъ долженъ уплатить 500 р. задатка, а съ остальныхъ 2000 руб. выплачивать процентовъ 120—140 руб.; если же прибавить къ этому расходы за объявленія, планы и контрактъ, то выходитъ, что платежи собственника на 50% выше арендаторскихъ.

Лифляндскіе обыватели также жалуются на законъ, которымъ наименьшій размѣръ крестьянскаго двора опредѣленъ въ 30 десятинъ и предлагаютъ, чтобы размѣръ этотъ былъ уменьшенъ наполовину, до 15—20 десятинъ. Они приписываютъ излишне высокой нормѣ и цѣнности этихъ участковъ стѣсненіе крестьянъ не особенно зажиточныхъ, которые, не имѣя средствъ для покупки своихъ дворовъ, бросаютъ ихъ, переходятъ на житье и постой къ другимъ хозяевамъ или же переселяются во внутреннія русскія губерніи. Переселенія эти составляютъ, повидимому, докучную заботу лифляндскихъ землевладѣльцевъ, и они приводятъ слѣдующія причины этого, какъ они выражаются, ненормальнаго явленія, а именно: a) недостатокъ мелкихъ участковъ для арендованія и продажи крестьянамъ; b) вызовъ агентами изъ сосѣднихъ губерній работниковъ и арендаторовъ; c) подстрекательство недовольныхъ людей, преимущественно отставныхъ солдатъ; d) льгота отъ рекрутской повинности, даруемая тѣмъ домохозяевамъ, которые приписываются къ купленнымъ участкамъ. На усиленіе переселенія также жалуются и эстляндцы, приписывая ихъ тѣмъ же причинамъ и предлагая также образовать мелкіе участки для продажи крестьянамъ (Idem, стр. 5, 6, 8, 9).

Мы думаемъ, что эти отзывы вполнѣ подтверждаютъ наши выводы, и что благосостояніе крестьянъ западныхъ нашихъ окраинъ есть явленіе одностороннее, затемняющее нищету и злополучіе одной части населенія богатствомъ другой; причины, приводимыя мѣстными землевладѣльцами,

отчасти вѣрны, но неполны, ибо очевидно, что не одни размѣры крестьянскихъ участковъ препятствуютъ ихъ покупкѣ крестьянами, но высокія цѣны, установляемыя владѣльцами по ихъ произвольной оцѣнкѣ, и уменьшеніе размѣровъ продажныхъ хуторовъ не только не облегчитъ ихъ покупку, но вѣроятно, какъ это было въ Ирландіи, возвыситъ продажныя цѣны земель еще выше, такъ какъ покупателей явится больше.

Вѣрнѣе и правильнѣе объясняютъ свое положеніе сами крестьяне (Перновскаго уѣзда), ходатайствуя о нормированіи закономъ арендныхъ и продажныхъ цѣнъ. Но землевладѣльцы германской расы этого именно никогда и нигдѣ не допускаютъ, защищая свой принципъ свободныхъ сдѣлокъ, вольной аренды и продажи, и продолжая изъ рода въ родъ свой культурный бой (Kulturkampf) за обезземеленіе крестьянъ [7]).

Мы обошли такимъ образомъ кругомъ разныя полосы Русской Имперіи, начавъ съ коренныхъ русскихъ земель древнѣйшаго населенія, Новгорода и Пскова, идя оттуда на сѣверо-востокъ, куда шли и первые русскіе переселенцы; затѣмъ повернули къ юго-востоку, прошли на западъ и, подвигаясь на сѣверъ, окончили наши изслѣдованія Литвой и Балтійскимъ поморьемъ, гдѣ кругъ, нами описанный, замыкается, подходя къ тому же Новгороду, колыбели русской гражданственности.

Картина, нами очерченная, выходитъ такая пестрая, что для бо́льшей наглядности нужно выбрать изъ нея главныя черты и описать ихъ отдѣльно.

Первый фактъ, который выдѣляется особенно ярко изъ этихъ изслѣдованій, есть слѣдующій: крестьянское землевладѣніе особенно сильно на восточныхъ окраинахъ Россійской Имперіи, помѣстное — на западныхъ, а вся центральная Россія составляетъ промежуточную полосу между этими двумя крайностями, гдѣ, если идти по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, примѣрно изъ Перми къ Кіеву, помѣщичій и дворянскій элементъ постепенно усиливается, а крестьянскій, напротивъ, слабѣетъ. Всего слабѣе оказывается помѣстное владѣніе на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ Россіи. Считая средними землевладѣльцами собственниковъ, имѣющихъ 100—1,000 десятинъ,

и крупными тѣхъ, коимъ принадлежатъ болѣе 1,000 десятинъ, мы находимъ въ губерніяхъ:

	владѣльцевъ.	среднихъ.	крупныхъ.
Архангельской. .	5		1
Вологодской. . .	353		34
Олонецкой . . .	171		94
Вятской	127		63
Пермской. . . .	18		9
Оренбургской . .	81		101
Астраханской . .	18		23

По всѣмъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ правительственными коммиссіями въ этой обширной полосѣ, опоясывающей русскую имперію, все хозяйственное, дѣйствительное владѣніе находится въ рукахъ крестьянъ; право собственности помѣстнаго сословія только номинальное, эксплуатація вся производится землевладѣльцами, арендованіе земель, пользованіе угодьями принадлежитъ имъ, и хищническая культура продолжаетъ извлекать послѣдніе соки изъ немногихъ удобныхъ земель помѣщичьяго владѣнія. Покупщиками господскихъ земель являются почти исключительно тѣ же вольноотпущенные крестьяне. Число новыхъ владѣльцевъ мелкаго разряда прибываетъ въ громадныхъ размѣрахъ; господскія запашки упраздняются и весь ходъ аграрныхъ отношеній указываетъ, что эта обширная территорія постепенно переходитъ въ исключительное владѣніе мелкихъ собственниковъ, хлѣбопашцевъ. Нѣсколько болѣе сильнымъ оказывается помѣщичій элементъ въ промышленныхъ губерніяхъ, окружающихъ Москву: здѣсь число владѣльцевъ довольно значительно, но за то размѣръ ихъ владѣнія очень малъ, и въ средней сложности составляетъ на 1 владѣльца въ Рязанской губерніи 171 десятину, въ Курской 171, въ Калужской 360, во Владимірской 347, въ Ярославской 340. Здѣсь, какъ и въ сѣверо-восточной полосѣ, хлѣбопашество и сельское хозяйство находятся въ прямой зависимости отъ запроса на земли крестьянъ, и поземельная рента — отъ арендныхъ цѣнъ ими предлагаемыхъ.

Это обстоятельство значительно измѣняется, когда мы переходимъ съ востока чрезъ Волгу, съ сѣвера чрезъ Оку, и вступаемъ въ черноземную и степную полосу Россіи. Круп-

ное — помѣстное и мелкое — крестьянское хозяйство находятся въ правильномъ соотношеніи, въ нормальной пропорціи: число помѣщиковъ средняго разряда довольно велико, чтобы составить на мѣстахъ плотную среду образованныхъ людей, непричастныхъ ни аристократическимъ тенденціямъ высшаго дворянства, ни грубымъ предразсудкамъ крестьянскаго сословія; цѣнность ихъ имуществъ возрастаетъ такъ быстро, что всѣ жалобы на невозможность вести хозяйство сами собой опровергаются; арендныя и продажныя цѣны не обусловливаются исключительно, какъ на сѣверѣ, запросомъ крестьянъ, но растутъ правильно, постепенно возвышаясь по капитализаціи средняго годового дохода. Съ другой стороны, крестьяне бо́льшею частію обезпечены земельнымъ надѣломъ на хлѣбородныхъ почвахъ этой привольной страны отъ крайней нищеты, и временно, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, стѣсненные малоземельемъ, находятъ однако и выгодные заработки въ свободное время и сдаточныя земли, для пополненія своихъ коренныхъ надѣловъ; исключеніе, къ сожалѣнію слишкомъ многочисленное, составляютъ помѣщичьи крестьяне, отпущенные на такъ-называемый даровой надѣлъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проведена была эта мѣра, помѣстное сословіе получило уже нынѣ, по отзыву мѣстныхъ управъ, рѣшительное преобладаніе, пользуясь высшими арендными цѣнами и дешевой работой отъ малоземельныхъ поселянъ. Въ общей сложности, частные владѣльцы въ этомъ краѣ выгадали отъ освобожденія крестьянъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, и едва ли не болѣе, чѣмъ сами крестьяне, и если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и слышатся еще упорныя жалобы на невозможность вести правильное хозяйство, то это должно быть приписано не столько недостатку средствъ, сколько неумѣнію и неразсчетливости нашихъ сельскихъ хозяевъ, предпочитающихъ легкій трудъ сдачи земель въ оброчное содержаніе тяжкимъ заботамъ и усидчивому труду собственной эксплуатаціи.

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ благодатномъ краѣ, житницѣ Россіи, гдѣ цѣнность имуществъ въ послѣднее десятилѣтіе удвоилась и утроилась, землевладѣніе неуклонно стремится къ раздробленію на мелкіе участки, переходитъ съ неимовѣрной быстротой въ руки крестьянъ, т.-е. самихъ хлѣбопашцевъ; господскія запашки сокращаются, а крестьянскія

расширяются, и этотъ переворотъ, приписываемый на сѣверѣ, и съ нѣкоторой справедливостью, дурному качеству земель, оставшихся во владѣніи помѣщиковъ за надѣломъ крестьянъ, здѣсь, въ черноземно-степной полосѣ, гдѣ обѣимъ сторонамъ достались земли одинаково плодородныя, приписывается преимущественно недобросовѣстности рабочихъ, неисправности ихъ при полевыхъ работахъ и необезпеченности договоровъ о наймѣ.

Но эти причины объясняютъ только одну сторону вопроса, и объясняютъ ее не вполнѣ удовлетворительно; то, что̀ обыкновенно называется неисправностью рабочихъ, можетъ быть, съ другой стороны, признано ихъ независимостью; чѣмъ болѣе нуждается наемникъ въ посторонней работѣ для своего пропитанія, тѣмъ онъ старательнѣе ее исполняетъ, и, наоборотъ, когда наемный трудъ служитъ только подспорьемъ хозяйственнаго, то онъ предлагается только случайно, временно, въ извѣстныя времена года, для пополненія истощенныхъ продовольственныхъ запасовъ, или для занятія излишнихъ рабочихъ рукъ въ данной мѣстности и въ свободное время; поэтому вольнонаемное хозяйство, съ постоянными годовыми работниками, такъ-называемое батрацкое (Knechtwirthschaft), можетъ усвоиться только въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочіе не имѣютъ земли, или надѣлены ею недостаточно, и, напротивъ, въ мѣстностяхъ многоземельныхъ хлѣбопашество можетъ производиться только самими земледѣльцами, работающими на себя, или въ качествѣ собственниковъ, полныхъ хозяевъ, или въ видѣ съемщиковъ, арендаторовъ чужихъ земель. Изъ этого слѣдуетъ, что помѣщичьи хозяйства стѣсняются не столько недостаткомъ рукъ и неисправностью рабочихъ, сколько аграрнымъ положеніемъ нашихъ крестьянъ-собственниковъ, дающимъ имъ болѣе самостоятельности, чѣмъ сельскимъ пролетаріямъ другихъ странъ.

Но чѣмъ далѣе мы переходимъ къ западу, чѣмъ болѣе приближаемся къ европейской цивилизаціи и къ ея представителямъ на окраинахъ Россіи, Польшѣ и Остзейскому Краю, тѣмъ болѣе сглаживаются эти отношенія, и получаетъ перевѣсъ помѣстный элементъ надъ крестьянскимъ. Уже въ Малороссіи и югозападномъ краѣ появляются противъ крестьянъ сильные соперники въ арендованіи земель, польскіе дворяне и евреи; съ ними еще конкуррируютъ немногіе, наи-

болѣе зажиточные поселяне — казаки; но раздробительная съемка земель мелкими участками, составляющая главный промыселъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, здѣсь уже вытѣсняется фермерствомъ, долгосрочными арендами. Далѣе, поднимаясь на сѣверъ, мы находимъ еще другое явленіе — расколъ земледѣльческаго сословія на два класса: крестьянъ-домохозяевъ и крестьянъ-бобылей, и, наконецъ, на оконечности этого круга, который мы прошли съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, видимъ уже полное безспорное преобладаніе помѣстнаго элемента надъ крестьянскимъ, всего около 10,500 домохозяевъ-собственниковъ, (изъ общаго числа 685,610 ревизскихъ душъ сельскихъ сословій) противъ 1826 помѣщиковъ, владѣющихъ 72% всѣхъ удобныхъ земель.

Итакъ, мы можемъ заключить этотъ обзоръ общимъ выводомъ, что крестьянскій элементъ, мелкое землевладѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ предѣловъ Европы; и наоборотъ, помѣстный тѣмъ вліятельнѣе, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нимъ, и это вполнѣ объясняется наличнымъ составомъ дворянства на этихъ двухъ окраинахъ Россіи. Дворянъ потомственныхъ мужскаго пола считается въ губерніяхъ:

Западныхъ.		Сѣверо-восточныхъ.	
Виленской.	30,285	Архангельской . . .	442
Витебской.	10,465	Астраханской. . . .	665
Волынской	17,636	Вологодской	980
Кіевской	9973	Вятской.	552
Ковенской	48,073	Олонецкой	644
Минской	38,863	Пермской	909
Могилевской. . . .	19,393	Самарской.	902
Подольской	11,225	—	—

Въ центральныхъ коренныхъ русскихъ губерніяхъ мы замѣчаемъ такой же переходъ: наличность дворянъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ мы склоняемся съ запада на востокъ.

Дворянъ считается:

Въ Владимірской губерніи.	. . .	1333
„ Симбирской „	. . . . .	1337
„ Ярославской „	. . . . .	1388
„ Нижегородской „	. . . . .	1510
„ Саратовской „	. . . . .	1649

„ Казанской губерніи	. . . .	1665
„ Пензенской „	. . . .	1775
„ Харьковской „	. . . .	4872
„ Черниговской „	. . . .	5751
„ Курской „	. . . .	6079
„ Полтавской „	. . . .	6752
„ Херсонской „	. . . .	7243
„ Смоленской „	. . . .	7944

[8]).

Изъ этихъ чиселъ и фактическихъ данныхъ можно положительно заключить, что въ бо́льшей части Россіи преобладанію и вліянію крупнаго землевладѣнія и развитію усовершенствованной культуры раціональнаго хозяйства препятствуетъ одна высшая причина, подлѣ коей всѣ другія теряютъ свою силу, а именно малочисленность образованнаго класса въ средѣ многолюднаго сельскаго сословія и на необъятной площади обширной территоріи. Какую бы чарующую силу ни приписывать интеллигенціи и богатству, какими бы искусственными мѣрами, привилегіями и льготами ни поддерживать это желанное преобладаніе образованности надъ невѣжествомъ, очевидно, что для поддержанія и усиленія такого элемента нужно, чтобы онъ существовалъ и имѣлъ свои корни въ странѣ, чтобы его присутствіе было не номинальное и матеріальное, въ видѣ права собственности надъ дикими и пустыми землями, но дѣйствительное и нравственное, выражающееся въ наличномъ составѣ образованнаго класса, въ его дѣйствіяхъ и примѣрахъ для культуры страны, въ его сельско-хозяйственной иниціативѣ. Тамъ, гдѣ этихъ живыхъ силъ нѣтъ на лицо, онѣ теряютъ свое значеніе. Обширность владѣній, богатство немногихъ отдѣльныхъ собственниковъ не замѣняютъ этого благотворнаго дѣйствія, ибо обладаніе большими имѣніями есть тоже грубая, матеріальная сила, недающая никакого перевѣса образованности. Самый поразительный примѣръ такого ненормальнаго отношенія крупнаго и мелкаго владѣнія представляетъ Пермская губернія; тамъ всѣхъ потомственныхъ дворянъ считается 909, и изъ нихъ только 33 землевладѣльца. При крѣпостномъ правѣ они распредѣлялись по числу крѣпостныхъ людей такъ:

владѣльцевъ менѣе 21 души было 6 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей	49

владѣльцевъ отъ 21 до 100 душъ было 11 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей . . .	557
владѣльцевъ отъ 100 до 500 душъ было 5 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей . . .	1319
владѣльцевъ отъ 500 до 1000 душъ было 2 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей . . .	1478
владѣльцевъ болѣе 1000 душъ было 9 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей	174,694

У этихъ 33 помѣщиковъ считалось 5.770,195 десятинъ. Въ той же губерніи считается крестьянъ рев. душъ 881,379 домохозяевъ 329,994 и у нихъ 5.872,370 десятинъ. Такимъ образомъ, если признавать, что всѣ интересы данной мѣстности и отдѣльныхъ классовъ жителей уравниваются по размѣрамъ владѣнія, то 33 помѣщика должны быть признаны равнозначущими 329,994 домохозяевамъ изъ крестьянъ; но понятно, что эта небольшая группа богатѣйшихъ землевладѣльцевъ вовсе поглощается массой крестьянскаго населенія, что ихъ вліяніе парализуется наличными живыми силами земледѣльческаго сословія, и что поэтому, несмотря на распредѣленіе поземельной собственности, почти равное между помѣстнымъ и крестьянскимъ классами, пермскій край сохраняетъ понынѣ старинный свой характеръ черносошнаго землевладѣнія, простонароднаго крестьянскаго быта, мужицкой страны.

Представивъ общую характеристику поземельнаго владѣнія, мы должны теперь обратить вниманіе на нѣкоторыя частныя явленія: мы выше упомянули мимоходомъ о томъ, что крестьянскія владѣнія преобладаютъ въ хлѣбородной полосѣ Россіи, а помѣщичьи, напротивъ, въ малопроизводительной сѣверной и средней нечерноземной полосѣ. Такъ какъ это обстоятельство сильно вліяло на пропорціональную цѣнность этихъ двухъ видовъ землевладѣнія, то мы, возвращаясь къ этому предмету, выписываемъ здѣсь таблицу, показывающую процентъ крестьянскихъ земель въ двухъ полосахъ великороссійскихъ губерній.

Крестьянскихъ земель считается:

Въ губерніяхъ:

черноземныхъ:		нечерноземныхъ:	
Въ Воронежской. . .	69 проц.	Въ Костромской. . .	28 проц.
„ Курской	63 „	„ Петербургской . .	31 „

„	Самарской . . .	57 проц.	„	Новгородской. . .	31 проц.
„	Тамбовской . . .	57 „	„	Псковской . . .	39 „
„	Орловской. . . .	56 „	„	Смоленской . . .	40 „
„	Полтавской . . .	56 „	„	Нижегородской . .	48 „
„	Пензенской . . .	54 „	„	Вятской.	49 „
„	Рязанской . . .	54 „	„	Тульской	49 „
„	Саратовской. . .	53 „	„	Московской. . . .	52 „

Такимъ образомъ, чѣмъ далѣе мы переходимъ въ полосу дикихъ земель суроваго сѣвера, къ Новгороду, Петербургу, Костромѣ, тѣмъ менѣе крестьянскихъ земель въ сравненіи съ помѣщичьими, и наоборотъ, вступая въ полосу хлѣбородныхъ, мы находимъ все больше преобладаніе крестьянской собственности, начиная съ Рязани, гдѣ она составляетъ немного болѣе половины, и кончая Воронежемъ, гдѣ она равняется слишкомъ двумъ третямъ. Но вышеозначенная пропорція выведена только по губерніямъ, гдѣ введены земскія учрежденія; въ юговосточномъ краѣ пропорція эта еще сильнѣе въ пользу крестьянъ.

Такъ, изъ общаго числа удобныхъ земель причитается:

		на крестьянъ.	на владѣльцевъ.
въ Астраханской губерніи. . .		1.675,019 дес.	74,732 дес.
„ Ставропольской	„	1.894,101 „	116,420 „

Въ казацкихъ земляхъ Донскаго, Кубанскаго, Уральскаго, Оренбургскаго войскъ, почти вся площадь въ 40 мил. десятинъ находится во владѣніи казаковъ-хлѣбопашцевъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ явленіемъ представляется другое, внутри черноземной полосы, а именно, что по мѣрѣ того какъ мы переходимъ съ востока на западъ, пропорція крестьянскихъ владѣній въ частныхъ и казенныхъ земляхъ становится все слабѣе. Эти соображенія особенно важны въ отношеніи отхожихъ промысловъ и крестьянскихъ переселеній, такъ какъ эта полоса Россіи составляетъ главный центръ, откуда выходятъ насельники всѣхъ прочихъ краевъ. Здѣсь представляется очень много разныхъ обстоятельствъ, которыя вліяютъ на сельскій бытъ: во-первыхъ, отношеніе между разными разрядами крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ и казенныхъ; во-вторыхъ, отношеніе между общей массой

крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель, и въ-третьихъ, количество свободныхъ казенныхъ земель. Для бо́льшей наглядности мы возьмемъ три группы губерній изъ черноземной и притомъ хлѣбороднѣйшей полосы: a) великороссійскія губерніи: Тамбовскую, Воронежскую и Курскую; b) малороссійскія: Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую, и c) юго-западныя: Кіевскую, Волынскую и Подольскую. Каждая изъ этихъ 3 группъ имѣетъ, въ отношеніи распредѣленія земель, очень рѣзкія отличія, коими обусловливаются соціальныя отношенія, но общая черта состоитъ въ томъ, что въ первой группѣ, восточной, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ было несравненно (почти вдвое) меньше, чѣмъ казенныхъ. Помѣщичьихъ земель тоже почти вдвое меньше, чѣмъ крестьянскихъ, а свободныхъ казенныхъ земель больше, чѣмъ въ обѣихъ остальныхъ группахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Всѣ эти пропорціи представляются обратно въ другихъ двухъ группахъ: въ Малороссіи число душъ помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ почти равное, общая масса земель частнаго владѣнія немного меньше крестьянскаго владѣнія; — въ юго-западномъ краѣ: бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ $3^1/_2$ раза больше казенныхъ, а земель, оставшихся въ распоряженіи помѣщиковъ, болѣе, чѣмъ у крестьянъ всѣхъ вмѣстѣ—казенныхъ и бывшихъ крѣпостныхъ.

Каждое изъ этихъ обстоятельствъ имѣетъ свое вліяніе на сельско-аграрный бытъ. Первое изъ нихъ есть преобладаніе казенныхъ крестьянъ въ восточной группѣ и помѣщичьихъ въ западной. Мы выше сказали, что въ общей сложности по всей имперіи средній надѣлъ казенныхъ крестьянъ вдвое больше, чѣмъ крестьянъ помѣщичьихъ; въ великороссійскихъ губерніяхъ этой полосы пропорція та же: у помѣщичьихъ крестьянъ выходитъ на душу 2,2, 2,4, 2,6 десятинъ, а у государственныхъ 4,6, 4,7 и даже 5,7 десятинъ. Если при этомъ сообразить, что число послѣднихъ вдвое больше первыхъ, то въ общей сложности выходитъ, что крестьянскія владѣнія составляютъ первообладающій элементъ поземельной собственности. Въ другихъ двухъ группахъ эти отношенія, какъ сказано, измѣняются и переходятъ постепенно къ обратной пропорціи; хотя разница между надѣлами крестьянъ помѣщичьихъ и казенныхъ та же, но такъ какъ первыхъ боль-

ше, то общій итогъ крестьянскихъ земель меньше, и помѣстная собственность имѣетъ въ Малороссіи почти равное, а въ юго-западномъ краѣ и бо́льшее значеніе, чѣмъ крестьянская. Второе обстоятельство, это—количество, т.-е. общее пространство помѣщичьихъ и казенныхъ земель. Очевидно, что для крестьянина-земледѣльца, независимо отъ собственной его земли, весьма важно имѣть въ сосѣдствѣ свободныя, незаселенныя земли, господскія запашки, луга и выгоны, которые служатъ подспорьемъ его хозяйству, въ видѣ оброчныхъ статей, или на коихъ онъ находитъ заработки, наемныя работы. Въ этомъ отношеніи мы опять видимъ такой же постепенный переходъ съ востока на западъ; въ 3 великороссійскихъ губерніяхъ такихъ чужихъ земель меньше, 1,9 десятинъ на душу въ Воронежской и Курской губерніяхъ, и 2,8 въ Тамбовской; въ малороссійскихъ больше—отъ 2,3 до 2,8 десятинъ; въ юго-западныхъ еще больше—отъ 2,4 до 4,4 десятинъ на душу, считая всѣхъ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ.

Этими разносторонними соображеніями опредѣляется и главный характеръ крестьянскаго быта, независимо отъ густоты населенія и отъ абсолютнаго пространства угодій. Большой разницы въ густотѣ населенія между этими губерніями нѣтъ; Курская губернія также населена, какъ Кіевская и Подольская; Тамбовская, какъ Харьковская и Черниговская. Но пропорція собственныхъ крестьянскихъ земель къ чужимъ проводитъ между ними рѣзкую черту различія: у великороссійскихъ крестьянъ болѣе своихъ земель, у крестьянъ Малороссіи пропорція тѣхъ и другихъ почти равная; въ юго-западномъ краѣ болѣе чужихъ земель, и на самомъ краѣ этой полосы, на Волыни, приходится на душу слишкомъ 4 десятины помѣщичьей земли. Отъ этого измѣняется существенно и характеръ крестьянскаго быта: въ великороссійскихъ губерніяхъ крестьянское сословіе въ общемъ составѣ имѣетъ болѣе самостоятельности, такъ какъ государственныхъ крестьянъ больше и надѣлы ихъ можно признать достаточными (отъ 4,6 до 5,7 десятинъ на душу). На противоположномъ концѣ этой полосы, въ Волынской и Подольской губерніяхъ, преобладаютъ, напротивъ, арендованіе чужихъ земель и заработки на господскихъ запашкахъ и заводахъ, т.-е. наемный трудъ [9]).

Другое явленіе, очень знаменательное и крайне прискорбное, есть зарожденіе въ Россіи въ послѣдніе годы сельскаго пролетаріата. Несмотря на мѣры, принятыя для обезпеченія крестьянъ поземельною собственностію, для закрѣпленія за ними ихъ надѣловъ, число безземельныхъ крестьянъ начало въ послѣднее время сильно прибывать. По свѣдѣніямъ, собраннымъ правительственными коммиссіями, къ сожалѣнію далеко неполными, число постороннихъ лицъ, поселяющихся въ селеніяхъ безъ земли, и крестьянъ, отказывающихся отъ земли, было въ 1871 году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ слѣдующее:

	Крестьянъ всѣхъ наименованій.		
	Имѣющихъ надѣлъ.	Безземельныхъ.	Разночинцевъ.
Уѣзды: Вологодскій, Вологодской губ.	19793	816	451
„ Тотемскій „ „	17086	479	241
„ Вельскій „ „	11146	499	—
„ Бирюченскій, Воронежск. губ.	25455	830	1133
Въ 11 уѣздахъ Вятской губерніи.	324729	2458	
„ 12 „ Казанской „	245682	5021	9502
„ 10 „ Костромской „	134406	21626	800
„ 14 „ Курской „	195654	13801	17719 *)
„ 13 „ Московской „	170313	—	5288
„ 13 „ Смоленской „	126482	6624	—
„ 8 „ Симбирской „	167032	—	8098
„ 1 „ Мелитопольскомъ, Таврической губ.	25504	335	929
„ 12 „ Тамбовской „	248481	12500	—
„ 6 „ Херсонской „	146985	—	7475
„ 4 „ Черниговской „	73130	—	5669
„ 1 „ Юрьевскомъ, Владим. г.	12248	1061	—
„ 3 „ Гродненской „	26511	3591	1744

*) Изъ 17719 разночинцевъ было 6793 имѣвшихъ одну усадьбу—и 7008 не имѣвшихъ вовсе земли.

Свѣдѣнія эти далеко не полны и сбивчивы до крайности; во многихъ уѣздахъ безземельные крестьяне, отказавшіеся отъ надѣла, смѣшаны съ разночинцами, купцами, мѣщанами, отставными солдатами, поселившимися въ селеніяхъ; въ другихъ—смѣшаны домохозяева, владѣющіе одной усадьбой, съ такими, которые не имѣютъ вовсе земли. Тѣмъ не менѣе фактъ этотъ имѣетъ громадное значеніе: большая часть лицъ, показанныхъ въ обѣихъ графахъ (безземельные и разночинцы), составляютъ уже сословіе отдѣльное отъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, не имѣющихъ постоянной осѣдлости, за исключеніемъ немногихъ сельскихъ торговцевъ, проживающихъ на положеніи бобылей или наемниковъ. Они нанимаются у зажиточныхъ крестьянъ или у сельскихъ обществъ въ пастухи, сторожа, казаки, и составляютъ первый зародышъ сельскаго пролетаріата въ Россіи. Число ихъ уже нынѣ довольно значительно: въ Тамбовской губерніи, безземельныя крестьянскія семьи или дворы составляютъ около 5% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, и, считая на 1 дворъ душъ обоего пола 6,34 (по средней сложности, выведенной въ губерніи), будетъ всего сельскихъ жителей безъ земли — 79,250.

Въ Курской губерніи безземельные сельскіе обыватели составляютъ 3%, имѣющіе однѣ усадьбы 2,9%, разночинцы, записавшіеся въ волостяхъ, 8,7%; всѣхъ таковыхъ жителей, не имѣющихъ надѣла (считая въ 1 дворѣ 6,6 душъ обоего пола), будетъ — 208,032, что́ составляетъ около 10% всего населенія губерніи (1.827,068 жителей) и 12,8% сельскаго населенія (1.617,397). Въ Гродненской губ. процентъ безземельныхъ 13,5. Въ Костромской губ. пропорція эта еще сильнѣе и составляетъ слишкомъ 15 проц. всѣхъ крестьянскихъ дворовъ.

Такимъ образомъ, по прошествіи 10 лѣтъ (свѣдѣнія эти идутъ до 1871 года) со дня освобожденія крестьянъ и изданія положенія, надѣлившаго всѣхъ домохозяевъ землей, обнаруживается знаменательный фактъ, — что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число безземельныхъ обывателей простирается уже до 5, 12, 15 проц. всѣхъ крестьянскихъ дворовъ; явленіе это, повидимому, независимо отъ качества почвы и вообще отъ мѣстныхъ условій, ибо проявляется равно и въ

хлѣбородныхъ губерніяхъ (Тамбовской, Курской), и въ бѣднѣйшихъ (Смоленской, Костромской); всего болѣе показывается безземельныхъ семействъ въ двухъ губерніяхъ, составляющихъ во всѣхъ отношеніяхъ крайнюю противоположность:

въ Курской, гдѣ приходится на квадратную милю 2,228 жителей
и въ Костромской, гдѣ ихъ считается . . . . . 741 »

— въ самомъ центрѣ черноземной, хлѣбороднѣйшей и промышленной полосы имперіи, и на самомъ краю земледѣльческой территоріи, гдѣ хлѣбопашество уже почти прекращается.

Третій фактъ, который мы должны изслѣдовать, есть отношеніе прямыхъ налоговъ къ поземельной собственности и къ платежнымъ средствамъ землевладѣльцевъ и земледѣлицъ. Всякое заключеніе о положеніи землевладѣнія въ данной странѣ находится въ прямой зависимости отъ этого отношенія, и какая бы ни была форма владѣнія и культура, доходность имуществъ и успѣхъ земледѣлія обусловливаются этой пропорціей чистой ренты земель къ обязательнымъ платежамъ землевладѣльцевъ.

Въ Россіи, какъ извѣстно, вся податная система была изстари основана на принципѣ, что прямымъ налогамъ подлежатъ только земли заселенныя и воздѣланныя, которыя и назывались тяглыми, въ отличіе отъ пустыхъ. Но такъ какъ понятіе о населеніи не имѣетъ никакого опредѣленнаго признака, то эта система обратилась въ обремененіе однихъ сословій и въ льготу другихъ. Въ дѣйствительности, наше законодательство никогда не могло опредѣлить, что́ слѣдуетъ разумѣть подъ словами населенныя земли, и какъ ихъ различить отъ ненаселенныхъ, и еще менѣе могло отличить удобныя земли отъ неудобныхъ. Когда по уставу о земскихъ повинностяхъ 1851 года правительство задумало ввести поземельный сборъ, то оно признало удобными тѣ угодья, которыя таковыми названы въ межевыхъ актахъ и планахъ, или въ купчихъ крѣпостяхъ, и въ случаѣ неимѣнія актовъ, въ частныхъ свѣдѣніяхъ, представленныхъ самими владѣльцами; а незаселенными тѣ земли, которыя

не принадлежатъ къ селеніямъ (уставъ о зем. повин. 1851 года къ ст. 55 п. 4 и 9).

Изъ этого сбивчиваго опредѣленія можно было вывести только одно заключеніе, что всякія земли, въ томъ числѣ и лѣса, и отхожія пустоши и пустые выгоны, если только они приписаны къ селеніямъ, признаются населенными, окладными, и наоборотъ, что такія же земли, состоящія во владѣніи частныхъ лицъ, считаются ненаселенными.

Это распоряженіе, совмѣстно съ правомъ, предоставленнымъ частнымъ владѣльцамъ показывать число неудобныхъ земель по собственному усмотрѣнію, составило настоящее льготное положеніе для нихъ и перенесло всю тяжесть поземельныхъ окладовъ на крестьянскія поселенія. Правомъ этимъ воспользовались широко всѣ классы жителей и всѣ вѣдомства, кромѣ крестьянъ. Удобныя земли постепенно исчезали изъ межевыхъ актовъ и плановъ и большія пространства поемныхъ луговъ (наиболѣе цѣнныхъ угодій), лѣсныхъ покосовъ и ухожей, также всѣ площади рѣкъ и озеръ, часто составлявшихъ очень крупную статью дохода, относились по точному смыслу закона къ неудобнымъ землямъ. Количество незаселенной земли также показывалось совершенно произвольно; такъ, въ одной статистической таблицѣ, изданной правительствомъ въ 10 губерніяхъ европейской Россіи, показано:

населенной земли по разсчету 15 и 20 десятинъ на жителя	85.298,000	десятинъ
и ненаселенной сверхъ этой пропорціи . . .	153.023,000	»
всей же ненаселенной земли въ имперіи съ азіатскими владѣніями показано. . . .	1.447.465,000	»

Но очевидно, что такое опредѣленіе не имѣетъ никакихъ твердыхъ основаній. Пятнадцати-десятинная пропорція на жителя явно превышаетъ тотъ размѣръ, который можетъ быть воздѣланъ и употребленъ съ пользою для населенія; поэтому мы полагаемъ, что населенныхъ земель въ дѣйствительности окажется менѣе, а ненаселенныхъ (не-культурныхъ) болѣе, чѣмъ показано въ этихъ свѣдѣніяхъ.

Чтобы вывести отыскиваемую нами пропорцію поземельной доходности къ поземельнымъ платежамъ, мы должны ограничить нашъ кругъ изслѣдованій тѣми губерніями, гдѣ

введены земскія учрежденія, ибо только въ нихъ находимъ мы нѣкоторыя приблизительно точныя свѣдѣнія объ этомъ отношеніи. Во всѣхъ прочихъ таинственный мракъ покрываетъ землевладѣніе частное и дворянское, охраняя его отъ податного обложенія.

Въ 30 губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, оказывается, что земли, принадлежащей крестьянамъ, 70.285,923 десятины,—почти столько же, сколько принадлежащей всѣмъ другимъ вѣдомствамъ и сословіямъ (т.-е. казнѣ, удѣламъ и помѣщикамъ) 75.187,129 десятинъ. Но въ эти итоги вошли только земли удобныя и населенныя, и онѣ только и обложены земскими сборами. Окладъ ихъ тоже почти равный по земскимъ сборамъ, а именно:

первыя платятъ всего 4.811,781 руб.
вторыя » » 4.824,623 »

А такъ какъ большая часть земскихъ повинностей взимается съ цѣнности и доходности земель, то слѣдуетъ, что эти двѣ категоріи плательщиковъ (крестьяне общинники съ одной стороны, а частные владѣльцы и казна съ другой) въ этихъ 30 коренныхъ русскихъ губерніяхъ имѣютъ почти равныя имущества и платежныя средства. Но это равенство обложенія относится только къ земскимъ сборамъ, и только къ той части Россіи, гдѣ введены земскія учрежденія; если же взять всю массу прямыхъ налоговъ и разныхъ обязательныхъ платежей (выкупныхъ и земскихъ), и общій итогъ жителей по всей имперіи, то мы вдругъ переходимъ отъ равенства къ страшной несоразмѣрности обложенія. Изъ общей суммы прямыхъ налоговъ и платежей, всего 177 милліоновъ, взимается:

a) безъ различія сословій (разныхъ пошлинъ и сборовъ, торговыхъ и промышленныхъ, падающихъ на крестьянъ, купцовъ и дворянъ)	18.234,810	или 10 проц.
b) съ землевладѣльцевъ	11.798,127	» 7 »
c) съ крестьянъ	147.102,251	» 83 »

Итакъ, между тѣмъ какъ по земскимъ раскладкамъ, въ 30 губерніяхъ предметы обложенія, земельныя имущества были признаны равноцѣнными между частными владѣльцами и крестьянами и обложены почти равными сборами, въ об-

щей массѣ прямыхъ налоговъ по всей имперіи неравномѣрность оказывается громадная: 7 проц. противъ 83 проц.; если же раздѣлить первую сумму, то-есть сборы, взимаемые безъ различія сословій поровну, т.-е. по $3^1/_3$ проц., на разночинцевъ (торговые и промышленные классы), на землевладѣльцевъ и на крестьянъ, то приходится:

на первыхъ . .	$3^1/_3$	проц.
на вторыхъ . .	$10^1/_3$	»
на третьихъ . .	$86^1/_3$	»

Кромѣ такой неравномѣрности между различными классами плательщиковъ, оказывается также большая неравномѣрность между податными окладами и доходностью земель. Правда, можно предположить, что нѣкоторая доля прямыхъ налоговъ взимается не съ земли, а съ промысловъ и личнаго труда, но доля эта во всякомъ случаѣ незначительна, по запросамъ, сдѣланнымъ правительствомъ объ относительномъ значеніи земледѣлія къ прочимъ промысламъ, изъ 228 уѣздовъ, приславшихъ отвѣты, только 29 признали въ своихъ мѣстностяхъ преобладающее значеніе промысловъ. Не нужно впрочемъ и запросовъ, чтобы знать, что заработки и отхожіе промыслы составляютъ въ нашемъ крестьянскомъ быту только подспорье земледѣлія, и что всякіе налоги, взимаемые съ крестьянъ, все-таки въ окончательномъ ихъ результатѣ ложатся на земли и сельское хозяйство. Поэтому, чтобы опредѣлить степень благосостоянія сельскаго хозяйства и землевладѣнія вообще, нужно прежде всего вывести отношеніе между доходностью земель и платежами, коими обложены владѣльцы этихъ земель. Если эти платежи обязательны и плательщики извлекаютъ главныя платежныя средства изъ земли, то какъ бы они ни назывались и куда бы ни шли — въ казну, земство, или помѣщику—экономическое ихъ значеніе одинаково: сколько они ниже доходности, столько и остается хозяину прибыли отъ земледѣлія, и наоборотъ.

По этому важнѣйшему экономическому вопросу собраны были въ послѣднее время самыя разностороннія свѣдѣнія, которыя не оставляютъ болѣе сомнѣнія въ знаменательномъ и плачевномъ фактѣ—что платежи сельскихъ податныхъ

сословій въ Россіи, въ большей части губерній, почти равняются доходности ихъ хозяйствъ, въ нѣкоторыхъ— ихъ превышаютъ и въ общемъ среднемъ итогѣ не оставляютъ ни одной копѣйки съ валового дохода десятины въ сбереженіе домохозяина. Изъ всѣхъ губерній, за исключеніемъ одной Астраханской, двухъ уѣздовъ Воронежской губерніи и Бессарабской области, поступили формальные отзывы управъ и губернскихъ присутствій, формулированные такъ: что доходъ съ земель, находящихся во владѣніи сельскаго податного сословія, недостаточенъ для уплаты требуемыхъ съ нихъ сборовъ, или что существующіе сборы несоразмѣрны съ средствами крестьянъ.

Въ Астраханской губерніи, доноситъ управа, крестьянское населеніе весьма обезпечено, какъ широкимъ надѣломъ (въ средней сложности по 17,47 десятинъ на душу), такъ и разными промыслами, перевозкой соли и рыбными ловлями. Въ Бендерскомъ уѣздѣ доходы и заработки отъ садоводства, винодѣлія и рыбной ловли даютъ большія прибыли и поселяне, по мнѣнію управы, безбѣдные и частью зажиточные. Изъ Павловскаго уѣзда управа доноситъ нѣсколько лаконически, что средства крестьянъ удовлетворительны. Наконецъ, кіевское соединенное присутствіе замѣчаетъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всѣ разсчеты за землю по выкупу ея окончены, бытъ крестьянъ видимо улучшается и недоимокъ ни по какимъ сборамъ нѣтъ.

Этими 4-мя отзывами и исчерпывается картина благосостоянія сельскихъ сословій. Далѣе слѣдуютъ и повторяются съ прискорбнымъ однообразіемъ изъ 228 уѣздовъ сѣтованія о непомѣрномъ ихъ обремененіи, малой доходности земель, недостаткѣ промысловъ и заработковъ и общія единогласныя заключенія, что доходность земель, едва покрывая платежи, не оставляетъ крестьянамъ никакихъ сбереженій для улучшенія своего быта и сельско-хозяйственной производительности. Заявленія эти не голословныя: по общему своду отзывовъ управъ и другихъ мѣстныхъ учрежденій, сборы съ крестьянъ среднимъ числомъ составляютъ по раскладкѣ ихъ на десятину:

Государственные — подушные (по 48 губерніямъ) . . .	52,3 коп.
Поземельные платежи (по 46 губерніямъ)	84,7 »

Земскіе сборы (по 28 губерніямъ)	10,4 »
Мірскіе сборы (по 9 губерніямъ)	16,7 »
Итого. . .	164,1 коп.

Между тѣмъ по свѣдѣніямъ, представленнымъ изъ 32 губерній, средняя доходность 1 десятины выходитъ равная . . - . . . 163 коп.
Платежи превышаютъ доходность на . . . . . 1,1 »

По отдѣльнымъ губерніямъ пропорція еще гораздо сильнѣе:

Въ Московской губерніи платежи по раскладкѣ на десятины составляютъ . .	205	проц.	доходности	земли.
» Архангельской	137	»	»	»
» Петербургской	134	»	»	»
» Пензенской	128	»	»	»
» Новгородской	122	»	»	»

Мы останавливаемся на этомъ послѣднемъ выводѣ, какъ на общемъ и окончательномъ заключеніи экономическаго положенія русскаго землевладѣнія и постараемся свести разные факты, заимствованные изъ отзывовъ и мнѣній мѣстныхъ жителей и учрежденій въ одну общую картину. Картину эту мы представимъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ.

Помѣстное сословіе, которое при освобожденіи крестьянъ понесло значительные убытки и должно было, по мнѣнію многихъ мнительныхъ дворянъ-помѣщиковъ, погибнуть среди общаго хозяйственнаго разстройства, въ дѣйствительности потерпѣло менѣе, чѣмъ прочія сельскія сословія; правда, отдѣльныя личности, владѣльцы, обремененные долгами и запашками, а равно и тѣ помѣщики, которые своими хозяйствами не занимались и эксплуатировали ихъ заочно чрезъ управляющихъ и приказчиковъ, пришли вскорѣ послѣ крестьянской реформы въ полную несостоятельность. Но общая масса землевладѣльцевъ скорѣе выгадала, чѣмъ проиграла; хозяйства ихъ приняли болѣе интензивный характеръ; господскія запашки сократились, но большая часть помѣщиковъ сохранила за собой для посѣва лучшія угодья, ближайшія навозныя поля, а запольныя пашни и отхожія пустоши сдали крестьянамъ по цѣнамъ довольно выгоднымъ и возвышающимся изъ года въ годъ въ непрерывной прогрессіи. Это обстоятельство, постоянное возвышеніе цѣнъ какъ

арендныхъ, такъ и продажныхъ, на всѣ удобныя земли, во всѣхъ краяхъ Россіи, составляетъ, по нашему мнѣнію, полнѣйшее доказательство, что доходность землевладѣнія возрастаетъ, и что жалобы на упадокъ сельскаго хозяйства не имѣютъ основанія.

Переходя затѣмъ къ другой категоріи землевладѣльцевъ, къ крестьянскимъ сельскимъ обществамъ, мы встрѣчаемъ явленія, отчасти другъ другу противорѣчащія: съ одной стороны, крестьяне являются повсемѣстно то въ составѣ цѣлыхъ обществъ, то отдѣльными товариществами и домохозяевами, арендаторами и покупателями помѣщичьихъ земель, что́ несомнѣнно доказываетъ, что они расширяютъ свои хозяйства, и имѣютъ, если не денежныя, то рабочія излишнія силы, для которыхъ ищутъ примѣненія и занятія. Но, съ другой стороны, поражаетъ тотъ фактъ, что число безземельныхъ крестьянъ быстро умножается, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оно уже достигло 10—15% всего сельскаго населенія, что́ также несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ общаго уровня благосостоянія земледѣльцевъ. Отзывы мѣстныхъ учрежденій и жителей изъ всѣхъ губерній, кромѣ двухъ-трехъ уѣздовъ, подтверждаютъ это печальное положеніе, приписывая стѣсненіе крестьянъ тягости ихъ подушныхъ и поземельныхъ платежей. Это кажущееся противорѣчіе соглашается тѣмъ, что изъ общей массы крестьянъ постепенно выдѣляются слабѣйшіе хозяева и одинокіе работники, приходящіе въ разореніе отъ кризиса, постигшаго всѣ отрасли сельскаго хозяйства, отъ вздорожанія оброчныхъ статей, топлива, выгоновъ, коими они пользовались въ прежнія времена за безцѣнокъ или даже безплатно, между тѣмъ какъ другая часть сельскихъ сословій болѣе состоятельная, нѣсколько зажиточная, еще выдерживаетъ этотъ критическій переворотъ и, предвидя дальнѣйшее возвышеніе земельныхъ цѣнъ, старается пріобрѣсти въ собственность смежныя угодья, чтобы избавиться отъ зависимости ихъ владѣльцевъ.

Но это распаденіе крестьянскаго сословія и быстрый приростъ сельскаго пролетаріата въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — явленіе почти неизбѣжное во всякомъ гражданскомъ обществѣ, было въ Россіи ускорено фискальными мѣрами и вообще всей податной системой, принятой въ прежнія времена

и, къ сожалѣнію, пережившей крестьянскую реформу. Эта причина парализовала отчасти всѣ дѣйствія реформы. Выкупные платежи, совпадая съ возвышеніемъ прямыхъ налоговъ почти вдвое, питейнаго сбора на 50% и мірскихъ расходовъ рубль на рубль, пали невыносимой тягостью на бытъ этого сословія, который предполагалось улучшить. Когда мы читаемъ въ отзывахъ 46 губерній, что платежи сельскихъ податныхъ сословій почти равняются доходности ихъ земель, когда эти выводы подтверждаются отзывами правительственныхъ властей и оффиціальныхъ коммиссій, то мы спрашиваемъ, какія еще требуются и пріискиваются другія причины разстройства крестьянскаго быта, какія еще собираются свѣдѣнія, производятся изслѣдованія о разныхъ неурядицахъ сельскаго нашего строя, когда главнѣйшая изъ нихъ, существенная, признана и заявлена гласно и единодушно всѣми мѣстными учрежденіями и властями, земскими и административными: губернаторами, губернскими присутствіями, статистическими комитетами, земскими управами, мировыми посредниками изъ 32 коренныхъ великороссійскихъ губерній [10]).

Заключаемъ этимъ наши изслѣдованія о поземельномъ бытѣ въ Россіи.

Помѣстное и частное землевладѣніе, очень шаткое на Руси до Петра Великаго, поддержанное крѣпостнымъ правомъ въ теченіи XVII столѣтія, потомъ временно и случайно усиленное всемилостивѣйшими пожалованіями императрицъ XVIII ст.; съ другой стороны, подрываемое порядкомъ наслѣдованія и самовластными конфискаціями тѣхъ же имуществъ, и наконецъ разстроенное отлученіемъ (абсентеизмомъ) крупныхъ землевладѣльцевъ въ царствованія Александра и Николая, помѣстное владѣніе, говоримъ, со времени освобожденія крестьянъ, видимо склоняется къ ликвидаціи, къ распродажѣ недвижимыхъ имуществъ, къ упраздненію господскихъ хозяйствъ и запашекъ. Непроизводительность хлѣбопашества въ сѣверо-западной навозной полосѣ, недостатокъ рабочихъ силъ въ юго-восточной, но всего болѣе недостатокъ энергіи и сельско-хозяйственныхъ познаній въ

высшихъ и среднихъ классахъ жителей — суть главныя причины этого переворота, изъ коего исключается только черноземная и центральная полоса, изобилующая и хлѣбородной почвой, и рабочимъ населеніемъ.

Землевладѣніе, разумѣя подъ этимъ словомъ и право собственности, и право пользованія, т.-е. арендованіе, эксплуатацію земель, переходитъ отъ прежнихъ помѣщиковъ дворянскаго происхожденія къ двумъ разрядамъ новыхъ владѣльцевъ: промышленникамъ, торговцамъ, спекулянтамъ, скупающимъ или арендующимъ оптомъ большія имѣнія, и къ крестьянамъ, раскупающимъ или снимающимъ тѣ же земли по мелкимъ участкамъ. Объ этомъ ходѣ поземельнаго нашего быта заявляется со всѣхъ краевъ Россіи такъ единогласно и настойчиво, что мы признаемъ эту черту главною характеристикою современнаго нашего соціально-аграрнаго положенія. Далѣе представляются слѣдующія соображенія, истекающія изъ этого главнаго факта.

Торгово-промышленный людъ, въ настоящее время раскупающій на расхватъ упраздненныя господскія хозяйства, имѣетъ очень мало шансовъ удержать за собою эти новыя владѣнія и упрочить ихъ въ своихъ родахъ; этотъ классъ собственниковъ, хотя и располагаетъ капиталами болѣе обильными, чѣмъ прежніе помѣщики, но за то имѣетъ еще менѣе познаній о сельскомъ хозяйствѣ, еще менѣе склонности къ сельскимъ промысламъ и мирнымъ занятіямъ хлѣбопашествомъ. Привыкнувъ въ спекулятивныхъ своихъ предпріятіяхъ къ быстрымъ, краткосрочнымъ оборотамъ, преслѣдуя и въ хозяйственномъ своемъ управленіи торговую систему извлеченія наибольшей, непосредственной прибыли изъ затраченнаго капитала, наши русскіе торговцы, купцы, съемщики въ степныхъ губерніяхъ, евреи въ западномъ краѣ, концессіонеры и строители желѣзныхъ дорогъ, разночинцы, нажившіе громадные капиталы въ спекуляціяхъ нашего времени, отличаются всѣми достоинствами отважныхъ предпринимателей, но и всѣми недостатками дурныхъ хозяевъ. Точно такъ, какъ винные откупщики, реализировавшіе при ликвидаціи своихъ дѣлъ громадные капиталы и раскупившіе въ послѣдующіе годы дома и имѣнія, не умѣли справиться съ своими новыми хозяйствами и нынѣ, послѣ 15 лѣтъ, пришли въ полную не-

состоятельность, такъ и эти скупщики и съемщики дворянскихъ имѣній, чрезъ нѣсколько лѣтъ, неизбѣжно разстроятъ свои хозяйства хищнической и невѣжественной культурой, и исчезнутъ безслѣдно, какъ блестящіе, но мгновенные метеоры, похитивъ только изъ цѣнности и доходности русской земли много милліоновъ, которые такимъ образомъ будутъ переведены изъ недвижимаго имущества въ движимое, изъ сельскихъ сословій въ городскіе, и отчасти изъ Россіи въ другія страны.

Изъ этого слѣдуетъ, что коренное, дѣйствительное землевладѣніе все-таки остается и усиливается въ рукахъ крестьянства; что, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, въ какія они поставлены, земледѣльцы являются вездѣ въ Россіи главными покупателями и кортомщиками земель, и хотя они располагаютъ очень скудными денежными средствами, но находятъ еще возможность, посредствомъ разныхъ хозяйственныхъ изворотовъ, увеличивать свои распашки и округлять свои надѣльныя владѣнія.

Мы не ставили здѣсь вопроса о пользѣ или вредѣ такого хода поземельнаго нашего устроенія. Мы свидѣтельствуемъ только о самомъ явленіи, о фактѣ, подтверждаемомъ единогласными отзывами изъ разныхъ краевъ Россіи, и считаемъ себя въ правѣ изъ него заключить, что будущность Россіи принадлежитъ крестьянской поземельной собственности. Еслибъ мы вѣрили, что правительственными мѣропріятіями можно измѣнить этотъ ходъ и отклонить въ другое русло теченіе экономическаго развитія страны, и еслибъ мы желали этого, то предложили бы единственное средство, которое на нашему разумѣнію можетъ предотвратить измельченіе и демократизацію поземельной собственности: мы бы предложили возстановить петровскій законъ единонаслѣдія, отмѣнить общинное владѣніе, и закрѣпить всѣ имущества въ преемственной и родовой собственности дворянскихъ фамилій и крестьянскихъ семействъ. Но мы, напротивъ, убѣждаемся исторіей помѣстнаго права въ Россіи, что нѣтъ закона, который бы былъ болѣе противенъ народному духу и чувству, какъ наслѣдованіе по старшинству или меньшинству, и если попытка геніальнаго преобразователя, переломавшаго весь нашъ общественный строй, въ этомъ единственномъ случаѣ

не удалась, то мы не видимъ никакой возможности возобновить эти опыты введенія или укрѣпленія аристократическаго и помѣстнаго элемента въ наше время. Затѣмъ не остается ничего болѣе, какъ помириться съ дѣйствительностью и признать непреложность бытовыхъ началъ, подъ коими жила древняя Русь и живетъ новая Россія. Эти начала — равное наслѣдованіе, семейные раздѣлы и мірское владѣніе даютъ, очевидно, значительный перевѣсъ сельскимъ обществамъ, крестьянскому владѣнію передъ помѣщичьимъ, частнымъ, потому что послѣднее изъ рода въ родъ все мельчаетъ и дробится, подраздѣляясь между наслѣдниками, а первое остается въ цѣломъ своемъ составѣ, подраздѣляемомъ между членами общества, но нераздѣльномъ въ общемъ своемъ объемѣ. Сохранятся ли или измѣнятся эти начала при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, распадется ли мірское наше общество, перейдетъ ли оно въ другую форму вольной ассоціаціи, товарищества или рабочей артели — это вопросы праздные, которые могутъ служить предметомъ остроумныхъ гаданій, но не серьёзнаго обсужденія, и мы можемъ ихъ предоставить рѣшенію грядущихъ поколѣній.

Въ настоящее время мы только усматриваемъ слѣдующій фактъ, о коемъ и свидѣтельствуемъ: право частнаго владѣнія, помѣстное и вотчинное, и право наслѣдованія никогда не имѣли на Руси прочной, легальной основы; они были поддержаны искусственными и отчасти насильственными мѣрами, верстаньемъ помѣстій служилыхъ людей, пожалованьемъ имѣній высшимъ придворнымъ чинамъ, запрещеніемъ владѣть населенными имѣніями лицамъ, не принадлежащимъ къ потомственному дворянству и главное — крѣпостнымъ правомъ. Какъ только пошатнулись эти искуственныя сооруженія, такъ и возстановилось прежнее теченіе нашего экономическаго быта: земли начали переходить изъ частнаго владѣнія въ мірское, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ и къ сельскимъ обществамъ; и такъ какъ этотъ переходъ, по нашему разумѣнію, есть неизбѣжное и естественное послѣдствіе нашего общественнаго и земскаго строя, то и слѣдуетъ не пріостанавливать его, а регулировать, не препятствовать ему,

а содѣйствовать, лишь бы онъ совершился мирнымъ путемъ, безъ насилій и нарушеній правъ частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Исчисленіе помѣщиковъ и крестьянъ по разрядамъ сдѣлано было въ первый разъ академикомъ Кеппеномъ, по 8-й ревизіи 1836 года, второй разъ Тройницкимъ, по 10-й ревизіи 1858 года. Въ сочиненіи этого послѣдняго (Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й ревизіи, С.-Петербургъ. 1861 года) выведена разность между этими двумя ревизіями, которая и служила намъ руководствомъ при нашихъ исчисленіяхъ.

Въ Европейской Россіи, безъ земли войска донского, было:

	По 8-й ревизіи.		По 10-й ревизіи.	
	Владѣльцевъ.	У нихъ крѣпостныхъ мужскаго пола.	Владѣльцевъ.	У нихъ крѣпостныхъ мужскаго пола.
а) безпомѣстныхъ владѣльцевъ .	17,763	62,183	3,633	12,045
б) помѣщиковъ, имѣющихъ:				
до 21 души крестьянъ	58,457	450,037	41,016	327,534
отъ 21 до 100 душъ	30,417	1,500,357	35,498	1,666,073
„ 101 „ 500 „	16,740	3,634,194	19,930	3,925,102
„ 501 „ 1,000 „	2,273	1,562,831	2,421	1,569,888
болѣе 1,000 душъ	1,453	3,556,959	1,382	3,050,540
Итого. . . .	109,340	10,704,378	100,247	10,539,137
Всего. . . .	127,103	10,766,561	103,880	10,551,182.

Сравненіе между собою приведенныхъ здѣсь чиселъ представляетъ слѣдующіе выводы:

а) Въ теченіи 22-хъ лѣтъ, прошедшихъ отъ 8-й до 10-й переписи, общее число владѣльцевъ уменьшилось на 18¼ процентовъ, а число крестьянъ только на 2 процента, что обозначаетъ сосредоточеніе крѣпостного владѣнія крестьянами въ меньшемъ числѣ рукъ, или уменьшеніе раздробленности населенныхъ крѣпостными людьми имѣній;

б) число безпомѣстныхъ дворянъ и число принадлежащихъ имъ крестьянъ уменьшилось, то и другое, почти въ пять разъ. Этотъ разрядъ владѣльцевъ не могъ увеличиться со времени 8-й ревизіи, вслѣдствіе запрещенія съ 1841 года безпомѣстнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ; а такъ какъ

они, съ того же времени, не могли и продавать своихъ крестьянъ безъ земли, то и слѣдуетъ предположить, что значительная часть изъ числа 50,000 душъ, принадлежавшихъ имъ крестьянъ, составляющая разность между двумя ревизіями, была отпущена владѣльцами на волю;

в) число помѣщиковъ уменьшилось на 8⅓ (8,31%), а принадлежащихъ имъ крестьянъ на 1½ (1,53%) процента.

Но по разнымъ разрядамъ помѣщиковъ произошли слѣдующія замѣчательныя измѣненія:

въ группѣ малопомѣстныхъ владѣльцевъ, значительно уменьшилось число мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ, число же владѣльцевъ отъ 21 до 100 душъ ощутительно увеличилось, равно какъ и число ихъ крестьянъ; вообще, по этой группѣ, число малопомѣстныхъ владѣльцевъ ощутительно уменьшилось, число же принадлежащихъ имъ крестьянъ осталось почти то же, съ весьма незначительнымъ прибавленіемъ.

Число среднепомѣстныхъ владѣльцевъ (отъ 101 до 500 душъ) значительно возрасло, число ихъ крестьянъ также увеличилось, но не въ столь ощутительномъ размѣрѣ.

Наконецъ, въ группѣ великопомѣстныхъ владѣльцевъ нѣсколько увеличилось число владѣльцевъ отъ 501 до 1,000 душъ, число же крестьянъ ихъ осталось прежнее; а число владѣльцевъ болѣе 1,000 душъ, равно какъ и число ихъ крестьянъ, ощутительно уменьшилось; вообще, по этой группѣ, число великопомѣстныхъ владѣльцевъ увеличилось почти неощутительно, а число принадлежащихъ имъ крестьянъ уменьшилось очень значительно.

Общій выводъ относительно помѣщиковъ представляется, слѣдовательно, въ такомъ видѣ, что въ послѣднюю четверть столѣтія, значительное число крестьянъ перешло изъ владѣнія мелкопомѣстныхъ и самыхъ большихъ помѣщиковъ во владѣніе среднихъ помѣщиковъ, и особенно тѣхъ, которымъ мы придаемъ названіе среднепомѣстныхъ, т.-е. имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ. Уменьшеніе числа крестьянъ во владѣніи мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ совершилось, вѣроятно наиболѣе по продажамъ, вслѣдствіе невыгодности вообще владѣнія крестьянами въ небольшомъ числѣ; у большихъ же помѣщиковъ болѣе по раздробленію имѣній, по наслѣдствамъ. Во всякомъ случаѣ этотъ выводъ обнаруживаетъ, по нашему мнѣнію, улучшеніе состоянія среднепомѣстныхъ собственниковъ, — результатъ удовлетворительный въ общемъ государственно-экономическомъ значеніи.

Относительно земли войска донского, не вошедшей въ эти соображенія, ограничимся замѣчаніемъ, что по 8-й ревизіи считалось тамъ крестьянъ 103,550 душъ мужскаго пола, число же владѣльцевъ не было показано; по 9-й—3,090 владѣльцевъ и 127,154 души крестьянъ; по 10-й—2,911 владѣльцевъ и 143,263 души крестьянъ; слѣдовательно, тамъ число крестьянъ ощутительно увеличилось, вѣроятно переселеніемъ изъ другихъ губерній; число же владѣльцевъ въ послѣднее время уменьшилось, какъ и въ большей части Европейской Россіи.

---

²) Число и значительность долей землевладѣнія.

(По свѣдѣніямъ

№№	ГУБЕРНІИ.	ЧИСЛО ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬ			
		Отъ 1 до 100 дес.		Отъ 100 до 500 дес.	
		Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.	Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.
1	Архангельская	36	955	5	951
2	Астраханская.	6	271	14	4,030
3	Бессарабская	с в	ѣ д ѣ	н і	й
4	Виленская	4,686	141,025	1,400	311,112
5	Витебская	2,252	58,621	808	193,551
6	Владимірская	3,376	92,971	1,295	312,751
7	Вологодская	3,919	67,463	301	67,032
8	Волынская	2,425	55,250	700	229,283
9	Воронежская	2,691	121,033	930	192,346
10	Вятская.	1,962	22,737	103	23,204
11	Гродненская	с в	ѣ д ѣ	н і	й
12	Екатеринославская . . .	629	с в ѣ д ѣ	1,196	н і й
13	Казанская	128	5,572	289	75,175
14	Калужская	3,873	89,263	1,079	253,691
15	Кіевская.	1,033	с в ѣ д ѣ	444	н і й
16	Ковенская . . . . . : .	5,049	170,845	1,405	324,190
17	Костромская	5,439	171,412	2,014	359,276
18	Курляндская	с в	ѣ д ѣ	н і	й
19	Курская.	9,851	216,533	1,662	372,322
20	Лифляндская	с в	ѣ д ѣ	н і	й
21	Минская.	4,809	112,397	822	195,855
22	Могилевская	6,867	130,967	823	192,116
23	Московская	1,517	42,472	941	228,311
24	Нижегородская	5,670	226,818	1,092	276,000
25	Новгородская	8,682	293,739	2,208	574,500

губернаторовъ).

ЦЕВЪ И ПРОСТРАНСТВО ВЛАДѢЕМОЙ ИМИ ЗЕМЛИ.					
Отъ 500 до 1000 дес.		Свыше 1000 дес.		Всего.	
Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.	Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.	Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.
—	—	1	18,955	42	20,861
4	2,714	23	67,717	47	74,732
не	пол	уче	но.		
362	234,007	354	1.068,160	6,802	1.754,304
229	166,675	431	1.666,643	3,720	2.085,490
295	207,763	345	705,355	5,311	1.318,840
52	35,968	34	67,355	4,306	237,818
470	279,548	550	2.258,871	4,145	2.822,952
238	145,691	266	908,471	4,125	1,367,541
24	13,785	63	801,138	2,152	860,864
не	пол	уче	но.		
582	не	762	получено.	3,169	2.946,352
121	119,134	149	411,705	687	611,586
241	165,432	189	543,759	5,382	1.052,145
345	не	507	получено.	2,329	2.201,872
323	227,025	293	819,739	7,070	1.541,799
480	327,568	482	2.159,373	8,415	3.017,629
не	пол	уче	но.		
350	233,618	196	521,697	12,059	1.344,170
не	пол	уче	но.		
279	196,574	601	4.293,562	6,511	4.798,388
301	210,670	530	1.627,726	8,521	2.161,479
236	166,338	146	345,611	2,840	782,732
320	215,528	337	1.483,112	7,419	2.201,458
141	531,638	1,002	3,537,434	12,033	4.937,311

№№	ГУБЕРНІИ.	ЧИСЛО ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬ			
		Отъ 1 до 100 дес.		Отъ 100 до 500 дес.	
		Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.	Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.
26	Олонецкая	328	7,536	122	31,665
27	Оренбургская	17	862	42	11,392
28	Орловская	4,623	105,766	1,128	283,656
29	Пензенская.	1,816	46,379	678	160,294
30	Пермская	с в	ѣ д ѣ	н і	й
31	Подольская.	1,482	27,955	607	164,226
32	Полтавская.	83,223	1.026,223	2,513	521,556
33	Псковская	7,681	220,998	1,885	386,441
34	Рязанская	10,752	свѣд	1,698	ѣній
35	Самарская	1,620	62,573	582	146,047
36	С.-Петербургская. . . .	с в	ѣ д ѣ	н і	й
37	Саратовская	1,452	39,875	966	247,190
38	Симбирская	1,795	42,469	617	154,623
39	Смоленская.	6,046	173,569	2,074	495,220
40	Таврическая	2,891	24,555	398	101,753
41	Тамбовская.	4,698	117,634	1,490	397,911
42	Тверская	20,056	247,620	4,735	543,449
43	Тульская	5,168	110,445	1,862	443,135
44	Уфимская	477	18,156	341	85,302
45	Харьковская	с в	ѣ д ѣ	н і	й
46	Херсонская	1,894	84,513	1,802	423,092
47	Черниговская	с в	ѣ д ѣ	н і	й
48	Эстляндская	849	38,000	30	9,700
49	Ярославская	10,629	230,944	1,609	364,205
	Итого . . .	242,397	4.546,416	44,720	9.156,553

Всѣхъ владѣльцевъ 3 высшихъ разрядовъ, имѣющихъ
болѣе 100 десятинъ . . . . . 71,112 лицъ.
У нихъ земли десятинъ 65.177,227

Свѣдѣнія эти неполны, потому что изъ восьми губерній недостаетъ губернаторскихъ показаній. Но въ трудахъ податной коммиссіи они пополнены и показаны въ 49 губерніяхъ слѣдующія числа десятинъ:

ЦЕВЪ И ПРОСТРАНСТВО ВЛАДѢЕМОЙ ИМИ ЗЕМЛИ.

От 500 до 1000 дес.		Свыше 1000 дес.		Всего.	
Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.	Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.	Число владѣльцевъ.	Количество владѣемой земли.
49	35,671	94	503,104	593	577,976
39	26,961	101	1.191,920	199	1.231,135
264	199,928	179	517,379	6,194	1.106.729
215	151,670	260	888,568	2,969	1.246,911
не	получено.				
414	296,002	550	1.231,166	3,053	1.719,349
501	247,828	419	1.015,584	86,656	2.811,191
443	293,010	416	1.038,276	10,425	1.938,725
349	не	289	получено.	13,088	
242	183,364	695	3.047,456	3,139	3.439,440
не	получено.				
347	250,551	519	2.207,679	3,284	2.745,295
212	154,558	271	769,802	2,895	1.121,452
533	369,716	603	1.560,542	9,256	2.599,047
256	173,135	634	2.431,186	4,179	2.730,629
413	294,654	391	1.064,062	6,992	1.874,261
454	335,982	384	1.005,275	25,629	2.132,326
411	278,229	190	421,050	7,631	1.252,859
128	101,953	231	1.572,587	1,177	1.777,998
не	получено.				
659	433,949	824	2,424,838	5,179	3.366,392
не	получено.				
48	47,100	340	1.506,700	1,267	1.601,500
230	184,919	171	471,170	12,639	1.251,238
11,600	7.538,856	14,822	48.174,727	313,529	74.664,777

Земель сельскаго податного населенія	146.103,720 дес.
„ оставшихся въ распоряженіи помѣщиковъ.	63.734,697 „
„ оставшихся въ завѣдываніи удѣловъ	5.517,232 „
„ непринадлежащихъ къ населеннымъ имѣніямъ дворянъ, купцовъ и другихъ, а также принадлежащихъ городамъ.	24.654,990 „
Итого	240.010,639 дес.

3) Городскія земли.

Названіе городовъ, имѣющихъ болѣе 10,000 дес. общественной земли.

	Число всѣхъ жителей мужскаго пола.	Число домовладѣльцевъ.	Число десятинъ городскихъ земель.
Кемь	811	263	27,458
Меленки	2,382	527	14,037
Новочеркаскъ	9,638	3,167	45,741
Казань	35,837	4,298	13,118
Васильковъ	6,112	1,459	10,871
Оренбургъ	15,930	1,821	15,960
Холмъ	2,095	818	12,760
Николаевскъ	3,388	639	15,007
Новоузенскъ	3,545	1,056	76,546
Саратовъ	45,449	6,021	81,098
Вольскъ	13,623	3,409	40,597
Камышинъ	5,288	583	42,970
Петровскъ	5,162	1,200	14,935
Хвалынскъ	6,698	2,167	16,020
Царицынъ	4,658	995	15,165
Дубовка	5,888	1,106	12,884
Сызрань	10,120	2,336	13,356
Ѳеодосія	5,446	1,068	11,045
Херсонъ	22,796	3,845	22,465
Ананьевъ	4,097	1,385	11,805
Николаевъ (Херсонской губерн.)	33,435	5,151	17,379
Симбирскъ	13,826	1,525	19,943

Изъ прочихъ городскихъ поселеній, коихъ общее число 599, около ²/₃, а именно 374 имѣютъ городскихъ общественныхъ земель болѣе 10,000 десятинъ.

Всѣхъ городовъ считается	599
Мѣстечекъ, посадовъ и заштатныхъ город.	1,608
Въ нихъ дворовъ	534,872
„ „ домовладѣльцевъ	477,009

---

4) Земель разныхъ казачьихъ войскъ состоитъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ:

	Десятинъ.	на 1 душу м. п. десят.	всѣхъ ж. мужск. п.	въ томъ числѣ офиц.
Войска Донского	14.524,870	30	485,857	1,955
„ Кубанскаго	9.508,000	39	244,101	1,047
„ Терскаго	1.971,000	32	60,899	282
„ Астраханскаго	681,415	66	10,273	98

» Оренбургскаго . .	7.678,204	64	118,901	333
„ Уральскаго . . .	6.544,738	111	59,244	256
Итого	40.908,227	—	979,275	—

---

[5]) По „Военно-статистическому Сборнику“ (стр. 203) всѣхъ удобныхъ земель считается въ Россіи:

	тысячъ десятинъ.		въ проц.	
свободныхъ казенныхъ	125,787		30	
крестьянъ государственныхъ . .	62,667	89,403	14,7	21
„ удѣльныхъ.	4,336		1,0	
„ помѣщичьихъ.	22,400		5,2	
разныхъ владѣльцевъ.	90,364		20,9	
помѣстнаго дворянства	82,446		19,3	
горнозаводскихъ	16,950		4,0	
разной	11,902		2,8	
свободныхъ удѣльныхъ	7,055		1,6	
городскихъ	1,710		0,4	
Всего	425,617		—	

Исчисленіе это не соглашается съ свѣдѣніями, представленными губернаторами о пространствѣ частныхъ владѣній, которыя мы выше выписали, и по которымъ всѣхъ земель частнаго владѣнія считается въ 41 губерніи 74 милліона десятинъ, между тѣмъ какъ въ этой таблицѣ выходитъ земель помѣщичьихъ 82 милл. и разныхъ владѣльческихъ 90 милл., итого 172 милл. Эта значительная разница происходитъ отъ того, что въ таблицѣ „Военнаго Сборника“ включены въ число владѣльческихъ дачъ земли казачьи, инородческія и сибирскія. Въ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ мы исключаемъ ихъ изъ общаго разсчета и разсматриваемъ ихъ, какъ колоніальную территорію. Кромѣ того, число десятинъ владѣнія помѣщичьихъ крестьянъ показано ошибочно 22 милл. вмѣсто 35 милл.

---

[6]) Въ „Трудахъ Ком. объ изсл. сельск. хоз.“ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ арендныхъ цѣнахъ въ этой полосѣ:

	За десятину. озимую	яровую	Въ 3-лѣтней сложности.
Курской губерніи:			
въ Щигровскомъ уѣздѣ.	14—20	10—12	8 —10⅔
„ Тимскомъ уѣздѣ	11—16	8—12	6⅓— 9⅓
„ Курскомъ уѣздѣ	8—20	6—15	4⅔—11⅔
Тамбовской губерніи:			
въ Липецкомъ уѣздѣ.	10—13	9—10	6⅓— 7⅔
„ Тамбовскомъ уѣздѣ	8—15	6—13	4⅔—9⅓
„ Козловскомъ уѣздѣ	10—17	6—15	⅓—10⅔

[7]) Чтобы насъ не заподозрили въ пристрастномъ отзывѣ объ этихъ остзейскихъ порядкахъ, мы должны объяснить, что всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ доклада коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, а въ докладъ они вошли по заявленіямъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, статистическихъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, канцелярій дворянства, окружныхъ инспекторовъ, т.-е. мѣстныхъ жителей и учрежденій, имѣющихъ, какъ извѣстно, въ этомъ привилегированномъ краѣ преимущественно сословно-дворянскій характеръ. Главныя черты, которыя выясняются изъ этихъ свѣдѣній, слѣдующія: a) земли, продаваемыя крестьянамъ по добровольному (?!) соглашенію съ помѣщиками, на 30 и до 50%, дороже средней продажной цѣны; b) арендная плата, полагаемая на крестьянъ, на 25% выше обыкновенной арендной цѣны; въ Курляндіи аренда за цѣлыя имѣнія 6—7 рублей съ десятины, а за крестьянскіе участки 8 рублей; c) такъ какъ въ той же Курляндіи, по тѣмъ же показаніямъ, средняя продажная цѣна земель по частнымъ имѣніямъ 60—70 рублей, то аренда въ 8 рублей составляетъ чистой ренты 12—13%. Какъ же при такихъ условіяхъ не процвѣтать помѣщичьимъ хозяйствамъ! Чтобы нѣсколько изгладить впечатлѣніе этой эксплуатаціи земледѣльцевъ землевладѣльцами остзейскіе жители заявляютъ, что въ оцѣнку крестьянскихъ участковъ входятъ жилыя и хозяйственныя строенія и что отъ этого они продаются дороже чѣмъ цѣлыя имѣнія. Но, спрашивается, неужели въ благоустроенной Курляндіи или Лифляндіи есть еще такія имѣнія, не отдѣльныя пустоши, а цѣлыя имѣнія, гдѣ бы не было такихъ же строеній жилыхъ и хозяйственныхъ, какъ и при крестьянскихъ участкахъ, и все-таки эти имѣнія продаются рублей на 20—30 дешевле. Наконецъ, замѣтимъ опять, на основаніи тѣхъ же отзывовъ что въ Курляндіи, по истеченіи 12-лѣтняго арендпаго срока, плата возвышается обыкновенно на 10—30%, а въ Лифляндіи въ послѣдніе 6—10 лѣтъ арендныя цѣны возвысились на 25%, и мы уразумѣемъ, какъ благоразумно и разсчетливо поступили остзейскіе дворяне, отсрочивъ именно на это время, 6, 10 и 12 лѣтъ, заключеніе своихъ добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами.

(Докл. ком. для изслѣдованія сельскаго хозяйства, отд. IV, землевладѣніе, стр. 36 и послѣдн., 89—93).

---

[8]) Распредѣленіе земель помѣщичьихъ и крестьянскихъ.

А) Губерніи, въ которыхъ преобладаютъ крестьянскія владѣнія:

	Изъ общаго количества причитается:	
	крестьянскихъ земель.	владѣльческихъ земель.
1. Олонецкая	81%	19%
2. Воронежская	69%	31%
3. Курская	63%	37%
4. Казанская	61%	39%
5. Самарская	57%	43%

6. Тамбовская.	57%	43%
7. Полтавская.	56%	44%
8. Орловская	55%	45%
9. Пензенская.	54%	46%
10. Рязанская	54%	46%
11. Калужская	54%	46%
12. Ярославская	54%	46%
13. Саратовская	53%	47%
14. Владимірская	52%	48%
15. Московская	52%	48%
16. Харьковская	51%	49%

Б) Губерніи, въ которыхъ преобладаютъ владѣльческія земли:

	Изъ общаго количества причитается: крестьянскихъ земель.	владѣльческихъ земель.
17. Тульская	49,8%	50,2%
18. Вятская	49,0%	51,0%
19. Черниговская	48,5%	51,5%
20. Нижегородская . . .	48,0%	52,0%
21. Екатеринославская. .	47,0%	53,0%
22. Симбирская	46,0%	54,0%
23. Тверская	45,0%	55,0%
24. Смоленская	40,0%	60,0%
25. Псковская	39,0%	61,0%
26. Новгородская	31,0%	69,0%
27. С.-Петербургская . .	31,0%	69,0%
28. Херсонская	31,0%	69,0%
29. Костромская	28,0%	72,0%
30. Таврическая	28,0%	72,0%
Вообще	48,0%	52,0%

---

[9]) Мы выписываемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія изъ статьи, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ (январь 1876 г.) „Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ“, Воронова; причемъ должны оговорить, со словъ автора, что по Волынской губерніи хотя всей земли и приходится у помѣщичьихъ крестьянъ 2,9, а у казенныхъ 4,7, но такъ какъ большая ихъ часть лежитъ въ совершенно безплодномъ полѣсьѣ, то за исключеніемъ таковыхъ принято въ средней сложности 2,7 десятинъ для первыхъ и 3½ для вторыхъ:

	У помѣщичьихъ крестьянъ.			У казенныхъ крестьянъ.			Чужой земли.			На всѣхъ крестьянъ приходится земли на одну душу.			Народонаселенія.	
	Число душъ.	Число десятинъ.	На 1 душу десят.	Число душъ.	Число десятинъ.	На 1 душу десят.	Помѣщичьей.	Казенной.	На 1 душу десят.	Своей.	Чужой.	Итого.	На кв. милю.	На кв. версту.
1. Великороссійскихъ губерній.														
Курской	295,738	864,436	2,2	413,263	1,908,561	4,6	1,347,384	3,560	1,9	3,6	1,9	5,5	2,228	46
Тамбовской	355,241	634,600	2,4	429,173	2,017,828	4,7	1,638,589	535,916	2,8	3,6	2,8	6,4	1,643	33
Воронежской	136,620	526,093	2,6	526,043	3,014,011	5,7	1,540,298	39,197	1,9	4,6	1,9	6,5	1,600	33
2. Малороссійскихъ губерній.														
Харьковской	163,493	404,907	2,4	420,913	1,984,032	4,6	1,366,235	89,750	2,3	3,9	2,3	6,2	1,611	33
Черниговской	194,411	653,460	2,5	100,149	455,179	3,5	1,612,577	5,129	2,8	3,2	2,8	6,0	2,567	32
Полтавской	200,778	398,268	2,0	72,862	324,479	4,0	1,942,137	10,603	2,6	2,5	2,6	5,1	2,117	43
3. Юго-западныхъ губерній.														
Кіевской	546,174	1,363,786	2,5	150,062	454,585	3,0	1,808,424	144,776	2,7	2,5	2,7	5,2	2,177	45
Подольской	506,979	1,194,360	2,3	141,968	445,182	3,1	1,601,590	42,456	2,4	3,2	2,4	4,8	2,424	50
Волынской	409,959	1,614,014	2,7	110,194	521,691	3,5	2,256,338	135,199	4,4	3,8	4,4	8,2	1,238	22

[10]) Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи (les origines de la France contemporaine p. Taine. Tome I. p. 451) мы находимъ описаніе экономическаго положенія крестьянъ во Франціи передъ самой революціей 1789 г., съ эпиграфомъ: „quand l'homme est misérable, il s'aigrit; mais quand il est à la fois propriétaire et misérable, il s'aigrit encore davantage". Описаніе этого положенія крестьянъ поражаетъ сходствомъ съ нашимъ сельскимъ бытомъ въ настоящее время. Во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія представился тотъ же, повидимому, необъяснимый фактъ, какъ въ Россіи, что въ теченіи всего XVIII вѣка и по отмѣнѣ феодальныхъ правъ крестьяне скупали большими массами дворянскія земли, и въ то же время разстроивались въ своихъ хозяйствахъ и приходили въ полнѣйшее разореніе. Уже въ 1750 году французскій писатель Форбоне замѣчаетъ, что многіе дворяне, совершенно обѣднѣвшіе, несмотря на огромное пространство своихъ имѣній, распродаютъ крестьянамъ свои земли по самой дешевой цѣнѣ, соотвѣтствующей податному ихъ окладу (pour le montant de la taille). Въ 1760 г. уже считали, что 1/4 всей почвы Франціи находилась во владѣніи крестьянъ-хлѣбопашцевъ; въ 1772 г. интендантъ г. Канъ разсчитывалъ, что изъ 150 т. податныхъ окладныхъ (cotes) 50,000 относятся къ такимъ имуществамъ, цѣнность коихъ не выше 5 су. Артуръ Юнгъ полагаетъ, что 1/3 всѣхъ земель принадлежала уже передъ революціей крестьянамъ. Но въ то же время поземельные налоги (la taille et la capitation), которые лежали исключительно на крестьянствѣ, росли въ безпрерывной прогрессіи. Они составляли въ 1715 году—66 милл. франковъ, въ 1759—93 м., въ 1789—110 милліоновъ. Всѣхъ прямыхъ податей было въ 1757—283 м., въ 1789—476. Этими двумя противодѣйствующими причинами характеризуется положеніе французскихъ крестьянъ въ концѣ XVIII столѣтія: пользуясь личной свободой и разстройствомъ дворянскаго сословія, промотавшагося на придворной службѣ, крестьяне всѣми силами стараются пріобрѣсть отъ нихъ мелкіе участки, углы и полосы смежныхъ имѣній, откладываютъ на это послѣднія свои сбереженія, занимаютъ деньги по лихвеннымъ процентамъ, такимъ образомъ понемногу осуществляютъ свои завѣтныя желанія сдѣлаться собственниками и нѣсколько округлить свои владѣнія. Но съ этой же минуты, какъ они пріобрѣтаютъ имущества, казна налагаетъ на нихъ свою нещадную руку; государственный бюджетъ, возрастая прогрессивно, обрушивается весь сполна на эти крестьянскія земли, такъ какъ дворянскія и церковныя пользуются льготами; вольный хлѣбопашецъ, дѣлаясь собственникомъ, въ сущности ничего не пріобрѣтаетъ, подати и повинности поглощаютъ доходность земель и эта страсть къ прикупкѣ бездоходныхъ угодій объясняется только тѣмъ, что они ему нужны для нѣкоторыхъ удобствъ его домашняго быта, и что, съ другой стороны, деньги, если они у него были сбережены, лежали и прежде тоже безъ дохода, безъ процента въ кладахъ, кубышкахъ и ларяхъ, отложенныя на черный день.

Такъ описывается всѣми современными писателями это странное состояніе сельскихъ обывателей, повидимому богатѣющихъ и бѣднѣющихъ въ одно и то же время, покупающихъ чужія земли и разстраивающихъ собственныя свои хозяйства, и Тэнъ справедливо восклицаетъ: „la chose est à peine croyable quoique certaine".

Положеніе русскихъ крестьянъ въ настоящее время совершенно подобное и картина нарисованная, Тэномъ, можетъ служить для насъ подобнымъ предостереженіемъ; податная система можетъ подавить безусловно все благое дѣйствіе вольности и равноправности и довести мелкихъ владѣльцевъ противъ крупныхъ до такого же изувѣрства, какое проявилось во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
XXXVII	6 св.	подвигаться	подвизаться.
41	16 сн.	Besictzgung	Beseitigung.
„	17 „	1873	1872.
49	19 св.	l'aranger	Etranger.
53	11 „	manoeuvriers	manouvriers.
58	8 сн.	lainières	lanières
66	12 св.	raine pature	vaine pature.
74	10 сн.	manoeuvriers	manouvriers,
88	3 „	Rerufs	Berufs,
116	22 св.	Settlemnets	settlements,
174	6 „	1816 г.	1861 г.
204	17 „	Wildfangsrechet	Wildfangsrecht
207	7 „	развитя	развитія
214	10 „	скрывалось	срывалось
220	11 „	Позенѣ	Познани
277	14 „	1815 году	1851 году
280	17 „	порядковъ	порядокъ
314	12 „	Арговиста	Аріовиста
352	1 сн.	платитъ	платить
380	14 „	жилую	жилою
503	15 „	году	годы
511	19 „	midlemans	midlemen
512	3 „	„	„
541	14 св.	земледѣлицъ	земледѣльцевъ

Нумерація съ 469-й страницы ошибочна, продолжаясь прямо съ цифры 480, что составятъ разницу въ 11 страницъ.

ج.ل.